

III Социологические
чтения
памяти
Валерия
Борисовича
ГОЛОФАСТА

СОЦИОЛОГИЯ

вчера
сегодня
завтра

Новые ракурсы

16–18 апреля 2009 года
Санкт-Петербург

УДК 316
ББК 60.5

Сборник подготовлен [О. Б. Божковым](#), [Б. О. Божковым](#).

Социология вчера, сегодня, завтра. Новые ракурсы. III Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства / Под редакцией О. Б. Божкова — СПб.: Эйдос, 2011. — 634 с. Илл.

ISBN 978-5-904745-07-3

Сборник включает тексты докладов, представленных на третьи социологические чтения памяти **Валерия Борисовича Голофаства** (1941–2004), которые состоялись 16–18 апреля 2009 г. в Санкт-Петербурге.

Название чтений «Социология вчера, сегодня, завтра» обусловлено тем обстоятельством, что судьбы (прежде всего отечественной) социологии составляли предмет пристального внимания В. Б. Голофаства. Конкретная тематика чтений представляет круг его интересов и интересов руководимого им сектора социально-культурных изменений СИ РАН.

Книга адресована обществоведам, в первую очередь социологам, культурологам, историкам. Рекомендуется также студентам и аспирантам, обучающимся по этим специальностям.

© Коллектив авторов, 2010
© Издательство «Эйдос», 2010

Санкт-Петербург

2011

Российская академия наук
Социологический институт
Леонтьевский центр
Европейский университет в СПб
Санкт-Петербургская ассоциация социологов (СПАС)

III Социологические чтения
Памяти **Валерия Борисовича Голофа**ста

Социология вчера, сегодня, завтра

Новые ракурсы

16–18 апреля 2009 г.
Санкт-Петербург

Валерий ГОЛОФАСТ

Содержание

Предисловие составителя.....	9
Явление простого человека (в работах Валерия Голофаства и не только).....	11
<i>С. С. Рапопорт</i>	
О творческом наследии В. Б. Голофаства. «Размышления о культуре».....	16
<i>О. Б. Божков</i>	
Социолого-обывательские заметки об американской жизни	26
<i>Б. З. Докторов</i>	

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Социологическая мысль сегодня или «новый конвенционализм»: между суверенной действительностью и виртуальной реальностью	41
<i>А. Г. Шелкин</i>	
Теоретико-методологическая ситуация в российской социологии. Мнения экспертов.....	68
<i>Л. А. Козлова</i>	
Глобализация и инноватизация: пересечения и параллели.....	86
<i>Б. И. Максимов</i>	
Культуральный подход в социологическом анализе инновационной научной деятельности.....	96
<i>Б. Г. Тукумцев</i>	
Социальная этиология поведения в сфере здоровья: актуальные направления концептуализации.....	110
<i>О. В. Озерова</i>	
Сравнительный анализ культуры научной деятельности в современной России и за рубежом (по оценкам российских учёных, работавших за рубежом)	122
<i>А. С. Мищенко</i>	
Профессиональные жизнеописания и этические нормы американских социологов через призму некрологов.....	131
<i>Н. В. Демина</i>	
К археологии и критике понятия «молодежной субкультуры»	150
<i>Т. Б. Щепанская</i>	

МЕТОДЫ КАЧЕСТВЕННЫХ И КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Биографические интервью: что мы хотим получить?	181
<i>Т. З. Протасенко</i>	

Власть, метод, социолог: диалог оппонентов	186
<i>Т. З. Протасенко, А. Н. Алексеев</i>	
Феномен воображаемой жизни в биографическом повествовании	197
<i>К. Дивисенко</i>	
Автобиографические нарративы: о способах бегства от «тирании общества»	212
<i>Н. Н. Цветаева</i>	
Школа-студия глубинного интервью как эксполлярная форма подготовки социолога-исследователя	223
<i>И. Е. Штейнберг</i>	
Проблемы формирования российского экспертного сообщества в области стволово-клеточных биотехнологий	227
<i>О. Оберемко, В. Полякова</i>	
Разработка моделей социальных явлений с помощью Data MINING	234
<i>В. С. Аbruков, Е. В. Карлович</i>	
Новые ресурсы поддержки социологических исследований	247
<i>Е. А. Каневский, К. К. Боярский, Г. И. Саганенко</i>	

НОВЫЕ РЕАЛИИ — МОЛОДЕЖЬ И ОБРАЗОВАНИЕ

Исследование образовательных и профессиональных траекторий молодежи. Опыт разработки методики	266
<i>Д. Л. Константиновский, Г. А. Чердниченко</i>	
Жизненные ценности в сознании учащейся молодежи	287
<i>А. Э. Гегер</i>	
Работающий студент как социальный феномен	304
<i>А. В. Родионова</i>	
Гендерные идеалы: новые тенденции во взглядах молодежи	315
<i>Н. А. Нечаева</i>	
«Пытливый ум»: гуманистическое развитие школьников при поддержке ресурсов социологии	326
<i>Г. И. Саганенко</i>	

НОВЫЕ РЕАЛИИ — ПРОБЛЕМЫ ГОРОДОВ

Социокультурные аспекты трансформационных процессов монопрофильного города	338
<i>Е. В. Микляева</i>	
Автомобилизация на марше. Куда движется наша автоколонна?	354
<i>И. И. Травин</i>	

Мнимая и реальная политика жилищного комитета по передаче домов в управление объединениям собственников жилья. (Опыт включенного наблюдения).	359
<i>А. Н. Снисаренко</i>	
Экологический кодекс РФ. Предпосылки и актуальность создания в контексте современной экологической ситуации.....	368
<i>С. А. Гегер</i>	
Экологические проблемы в российской блогосфере. «Живой Журнал» как публичное пространство для экологического активизма	379
<i>В. Б. Гольбрайх</i>	
Социальная основа расхождения электоральных предпочтений двух частей Украины на выборах 2004–2007 годов	398
<i>В. Е. Хмелько</i>	

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Социальное неравенство: ситуация в России и Белоруссии.....	410
<i>С. Н. Игнатова</i>	
Социальное неравенство и справедливое общество глазами россиян и белорусов.....	428
<i>Е. М. Порецкина</i>	
Люди в электронной паутине. Сходство и различие «живых» и виртуальных социальных сетей	439
<i>И. Е. Штейнберг</i>	
Библиотечные барьеры	460
<i>Н. В. Дадали</i>	
Новые «знающие»: личность, мировоззрение, функции.	467
<i>Н. Е. Мазалова</i>	
Религиозное сознание и повседневные практики верующих студентов.....	488
<i>Г. В. Еремичева</i>	
Трансформация сферы занятости: глобальные и локальные аспекты	493
<i>Е. П. Евдокимова</i>	
От колхозов к крестьянско-фермерским хозяйствам: малый бизнес на селе ...	503
<i>С. Н. Игнатова</i>	
Поколения современных сельских руководителей и их отношение к религии. (По материалам интервью).....	512
<i>Ч. Э. Сымонович</i>	

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИИ

Демографические теории: социологические корни и эпистемологические подходы	532
<i>Ю. А. Француз</i>	
Ценность прародительства для российских семей.....	538
<i>И. И. Елисеева</i>	
Замещение поколений населения Санкт-Петербурга	548
<i>Н. Е. Чистякова</i>	
Трансформации межпоколенческих взаимодействий в семье	555
<i>О. Н. Бурмыкина</i>	
О социальной обусловленности уровня межпоколенческого альтруизма	564
<i>А. В. Загребина</i>	
Социология прав человека	572
<i>М. П. Белоусова</i>	
Повысились ли миграционная привлекательность России?	
Анализ взаимодействия сотрудников милиции и ФМС с мигрантами после изменений миграционного законодательства в 2007 году	584
<i>Б. Гладарев</i>	
Авторы сборника	630
<i>Участники 3-х социологических чтений</i>	

Предисловие составителя

Чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства в марте 2007 года планировались как важное мероприятие. Вторые чтения, которые состоялись в начале апреля 2008 года, обозначили некоторую перспективу. Третьи чтения, материалы которых составляют содержание настоящего сборника, свидетельствуют о том, что эти чтения становятся ежегодными и, стало быть, — традиционными.

Сегодня перспектива стала более определенной. Вот как видит эту перспективу Б. Докторов: «Голофастовские чтения имеют короткую историю, и потому здесь еще нет предпосылок для динамического анализа содержания этих форумов. Но изучение программ трех Голофастовских чтений позволяет, прежде всего, говорить о них, как о месте «встречи» для обсуждения ряда проблем методологии, культурологических подходов в биографических исследованиях, а также различных аспектов изучения семьи. Представляется, что и значительное сужение этой совокупной предметной области и её заметное расширение было бы нежелательным, так как это будет вести к снижению интеллектуального уровня дискуссий и к выходу за пределы круга тем, целенаправленно разрабатывавшихся Голофастом»¹.

Структура сборника не повторяет ни запланированную заранее, ни фактически реализованную программу чтений. Дело в том, что чтения — дело живое, подверженное влиянию быстротекущих обстоятельств. Кто-то не смог выступить в отведенное ему программой время, и его сообщение, хотя и состоялось, но в другой секции, среди докладов иной тематической направленности. Кто-то, опять же в силу непреодолимых обстоятельств, вообще не смог приехать на чтения, но прислал текст доклада². И, напротив, кто-то, сделав доклад на чтениях, в срок не представил полный текст или опубликовал его в другом издании. В частности, к нашему сожалению, в этом сборнике читатель не найдет текстов очень интересных и глубоких докладов О. Хархордина, В. Волкова, К. Титаева. Формируя сборник, мы

¹ Б. Докторов. Заметки виртуального участника чтений памяти В. Голофаства // Телескоп. Журнал социологических и маркетинговых исследований, 2009, № 3. С. 50–51.

² Оргкомитет чтений придерживается такого принципа: за каждым, кто подал заявку на участие в чтениях вне зависимости от фактического участия в мероприятии, сохраняется право публикации.

стремились к тому, чтобы сгруппировать материалы по принципу тематической близости.

Третьи чтения строились в соответствии с уже сложившейся тематической ориентацией и включали три основных секции: проблемы теории и методологии, проблемы методов исследования (как количественных, так и качественных) и, наконец, актуальные проблемы общества. Но на этот раз чтения имели подзаголовок «Новые ракурсы», тем самым внимание участников привлекалось к новым веяниям в этих сферах. Насколько мы были услышаны, насколько это удалось — судить читателям.

Явление простого человека

(в работах Валерия Голофаства и не только)

С. С. Рапопорт

Сам я занимаюсь автобиографиями, письменными, главным образом, простых людей.

В. Б. Голофаств¹

На первый взгляд, появление *простых людей* в текстах Валерия Голофаства связано с частной социологической проблемой интерпретации биографий.

Вот как характеризуются биографии *простых людей* (эти последние в тексте цитируемой выше статьи именуются синонимически как *обычные люди*): «биографии обычных людей просты, слишком просты, очень бедны, там почти нечего читать, там нет горизонтов. Там присутствуют довольно унылые штампы, банальные элементы, создаётся впечатление, что обычному автору автобиографии не нужна глубокая и детальная память, в этих текстах трудно найти рефлексию, сомнения и колебания, вариативность, воображение и другие характеристики, которые характеризуют пространство памяти»². Тут же этим примитивным биографиям противопоставляются биографии «людей особых», которые «могут быть очень сложны, они могут быть сконструированы из многообразных культурных элементов»³. К обсуждаемой работе Валерия Голофаства примыкает стенограмма его выступления на ту же тему в научном собрании; стенограмма отличается от статьи тем, что в ней зафиксированы ответы Голофаства на вопросы слушателей, в частности, на вопросы о том, что докладчик имеет в виду под простыми людьми.

Можно однако предположить, что перечисленные характеристики относятся не столько к особенностям автобиографического самоописания простых людей, но и к ним самим, к их менталитету. В таком случае перед нами разновидность некоей классификации человечества, которое

¹ Голофаств В. Б. Концепции индивида и пространство биографий. — Голофаств В. Б. Социология семьи. Статьи разных лет. — СПб.: Алетейя, 2006. С. 356.

² Там же. С. 363.

³ Там же.

состоит в данном случае из простых и, соответственно, непростых людей. В отличие от известных формальных и формализованных классификаций «статистического населения», таких, например, как социально-демографические и социально-групповые, упорядочение по критерию «простоты» представляет собой своеобразную оценочную (качественную) дифференциацию населения. Можно считать, что признаками небанальности отличаются: во-первых, та часть интеллигентского сословия, которая изучает особенности биографий (будем условно называть ее «авторским сословием») и, во-вторых, часть населения, которая названа выше «особыми людьми» (это герои культуры, политики и т. п.). Приведённые выше характеристики простых людей и биографий отражают «модель мира» авторского сословия — в применении к другим, непохожим на них людям.

Противопоставление простых и непростых людей очень часто встречается в текстах (устных и письменных) интеллигентских авторов по самым разным поводам, тем самым значительно расширяя семантику этих понятий, которая в каждом случае зависит от контекста. Уместно привести здесь мнение О. Кучкиной, высказанное в передаче Радио Свобода «Личные дневники»: «Вот еще один интересный вопрос — о простых людях, которые пишут дневники... Вы знаете, какое счастье прочесть вдруг найденные записки так называемого «простого человека»! Я читала записки ... обыкновенные записки блокадника, и я читала их просто взахлёб. Простая женщина с простыми чувствами, с сильными чувствами»⁴. В этом высказывании семантика авторской модели мира принципиально преобразуется: простота вместо ожидаемой убогости оказывается средоточием неожиданной глубины; признаки клишированности как бы присваиваются именно интеллигентскому мировосприятию, в то время как простое оказывается аутентичным, иначе говоря, выявление в текстах *простых людей* ценностных подобию текстам авторов становится неинтересным, в то время как непохожесть обнаруживает привлекательную содержательность.

Вторым существенным расширением описываемого семантического поля являются синонимические категории, такие как люди «рядовые», «обыкновенные», «нормальные», «заурядные» и т. п., и сопутствующие — как «повседневность», «рутина», «обыденность» и т. п. Анализ всей семантики этого поля завёл бы нас слишком далеко, поэтому в качестве исходной будем пользоваться самой общей характеристикой, полагая, что *простые люди* — это жители нерелексивные, анонимные, социально-культурно не

⁴ Радио Свобода. Личное дело. 24.09.2004.

отмеченные, для которых вообще нерелевантно самоопределение. Важно подчеркнуть, что «простота» и ее уровень зависят от актуальной социокультурной дистанции между представителем авторского сословия и воспринимаемым населением, так что изменение дистанции меняет внешние и содержательные признаки последнего (так сказать, меру его простоты).

Попробуем перечислить некоторые «материализации» нашей заглавной категории: во-первых, простыми, рядовыми будут люди, скрытые от наблюдения в нишах своей приватности, во-вторых, коль скоро они уже вышли наружу, они составляют толпу (к примеру, на улице, в магазине, короче, в любой будничной ситуации), причём важно, чтобы в этой массе мы — наблюдатели — не узнавали ни наших личных знакомых, ни публично известных, узнаваемых «героев культуры». Такие скопления фиксируются на коллективных *фотографиях*, в документалистике и т. п. Это восприятие представляет собой *внешнюю*, лишённую каких-либо содержательных характеристик фиксацию социокультурной дистанции между наблюдателем и простым населением. В таких случаях это последнее часто удостоивается символических названий, типа — народ, нация и т. п., и соответственно — торжественных характеристик, зачастую — абстрактно-демагогических. Таковы *стихийные* проявления существования простых людей.

Следующей формой явления простого населения будем считать *организованные* скопления, такие, как демонстрации, митинги, собрания фанатов на поп-концертах, сюда же отнесём электорат — организованно голосующую на выборах массу. Ясно, что ряды организаторов состоят из представителей непростого, т. е. социокультурно отмеченного населения (хотя, конечно, эти ряды тоже иерархично не одинаковы — в обсуждаемом смысле). Входящие в эту категорию простые люди удостоиваются других, столь же поверхностных характеристик. (например, организаторы-идеологи втягивают их в политическую конфронтацию и принуждают пользоваться местоимением «мы»).

Своеобразная социо-онтологическая дифференциация людей по критериям *простоты/непростоты* оказывается *содержательным* противопоставлением авторского сословия и остального населения, причём это противопоставление не связано с различием социальных статусов, уровней образования и доходов. Тут речь идёт о сравнении ментальностей или образов мысли, жизни. Авторы с исходной дистанции опознают определённую часть населения как простых людей, фиксируя при этом определённый интерес к ним — как непохожим и загадочным. Иначе говоря, вначале перед нами такая дистанция между этими двумя частями населения,

при которой изучающее сословие отмечает непохожесть, закрытость простых, но при этом ничего содержательного с этой дистанции не в состоянии сказать (как бы ничего больше неизвестно). И именно по правилам этого контакта авторы могут что-либо *понять*, только начав преодолевать дистанцию, иными словами, переводя элементы, объекты, обозначенные как простые, в *непростоту* — т. е. в интеллигентские категории. Социологические методы изучения биографий и автобиографий являются формой содержательного раскрытия этих межсословных различий.

Затем — в ходе изучения — дистанция сокращается, общий план изображения переходит в средний и, наконец, в крупный, так что фрагмент простого населения индивидуализируется и, естественно, становится непростым. Результатом таких изменений ракурса коммуникации может оказаться разочарование, когда простые оказываются не отвечающими «престижным» критериям или уровням сложности, свойственным авторскому сословию. Однако этот путь нередко приводит авторов ко второму разочарованию: когда собственные интеллигентские свойства воспринимаются как стереотипные, штампы и т. п., а выявленные специфические черты простых признаются качественными, превосходящими интеллигентность по подлинности, «глубине».

Другая содержательная характеристика простоты обычных людей связана с *повседневностью*, обыденной жизнью, которая зиждется на стихийной модели мира, именуемой *здоровым смыслом* («когда начинаешь читать биографии обычных людей для целей социологии (в отличие от героев культуры, политики и т. п.), непременно погружаешься в море повседневности»)⁵. Мир повседневной рутины, в котором как бы ничего не случается, по мнению В. Голофаства, очень далёк от «основных сил, формирующих наш мир, — технологии, науки, экономики и политики»⁶. Однако, на наш взгляд, здравосмысловой базис повседневности защищает рядовых людей от агрессии этих основных сил (у нас была возможность эмпирически удостовериться в этом на материале анализа «агоралов»⁷).

Обобщая обсуждаемые нами, вслед за Валерием Борисовичем, противоречивые признаки так называемых простых людей, по крайней мере,

⁵ Голофаст В. Б. Повседневность в социокультурных изменениях (размышления читателя автобиографий и биографических интервью. — Голофаст В. Б. Социология семьи. Статьи разных лет. — СПб.: Алетейя, 2006. С. 386.

⁶ Там же. С. 387.

⁷ Рапопорт С. С. «Агоралы»: здравый смысл и массовый праздник гражданственности. // Социологический журнал. 2002. № 3.

воспринимаемых авторами в качестве таковых, скажем, что они обладают неким устойчивым *синдромом заурядности*, или обычности, который заключается в отсутствии мотива к заметности, выделению себя из себе подобных. Другая важная характеристика — отсутствие осознанного чувства ответственности за любой выбор, за исключением поступков, связанных с необходимостью выжить. Им свойственна неподчёркнутая идентификация с ближним кругом и средой, а также — сопротивляемость попыткам идеологов заразить их стремлением выделиться, стать публичным человеком. Совсем иначе выглядят современные характеристики массовой «клиповой» молодёжи, стремящейся коллективно преодолеть синдром заурядности, который они застали у родителей.

Занимаясь до сих пор характеристиками простых людей с точки зрения авторского слоя, можно в заключение попытаться смоделировать восприятие простыми — людей непростых: разумеется, это восприятие строится на противопоставлении «мы»/ «они», причём эти «они» часто пользуются неким правом навязывать «нам» некое поведение и этикетки, их отличает особая пугающе-формальная речь и т. д.

Возвращаясь к начальным соображениям, связывавшим простоту с биографиями, процитируем ответ Валерия Голофаства на вопрос о том, что такое «простой человек»: «Когда я говорю «простые люди» и «простая биография», я очень-очень огрубляю проблему, учитывая, что здесь совершенно разные люди. Я почти убеждён, что интересные для целей социологии биографии можно получить в любом социальном слое, но только нужно понимать, что же можно изъять из этой биографии. Она будет всё равно непростой для интерпретации» (цитата из стенограммы).

О творческом наследии В. Б. Голофаства.

«Размышления о культуре»

О. Б. Божков

Не было бы счастья, да несчастье помогло. Если бы не сломался наш новый шкаф, где хранятся материалы Биографического Фонда и архив сектора, да не пришлось бы нам выгружать все его содержимое, может быть не скоро руки дошли бы до архивных залежей. Идея разобрать секторальный архив зрела давно, а тут случай подошел. Среди прочих бумаг обнаружился и машинописный текст, где рукой Валерия Голофаства были сделаны правки и приписано название «Размышления о культуре»¹.

Сравнивая этот текст с более ранними рукописными заметками и текстами В. Голофаства, можно сделать вывод, что некоторые из ключевых понятий впервые появились именно здесь. Упоминаемые в эссе тексты Сергея Рапопорта также относятся к началу или к середине 1990-х годов. И, наконец, понятия «обиход», «событие», «рутина», «повседневность» прочно вошли в секторальный дискурс также лишь во второй половине 1990-х. Короткие заметки, посвященные обсуждаемым в нем вопросам, встречаются в записных книжках Валерия, а также в его переписке с Сергеем Рапопортом никак не ранее 1993 года.

Некоторые тексты Валерий писал быстро, другие вынашивал довольно долго. Этот относится ко вторым. Трудно сказать, почему он так и остался незаконченным и не опубликованным. Однако даже в незавершенном виде он представляется интересным и насыщенным.

Но, прежде чем представить это эссе, несколько слов о творческом наследии Валерия Борисовича Голофаства. Это, во-первых, — публикации². Во-вторых, большое количество материалов, которые с полным основанием могут быть отнесены к разряду «творческое наследие», хранятся в архиве сектора. Прежде всего, это стенографические протоколы сектораль-

¹ Публикацию этого эссе мы приурочили к третьим чтениям памяти Валерия: См. В. Голофаств Размышления о культуре //Телескоп, 2009, № 2. С. 20–31.

² Кстати, далеко не все публикации В. Б. Голофаства сегодня общедоступны, некоторые еще при жизни Валерия приобрели статус раритетов. В частности, к ним относится одна из первых его вполне социологических статей о табаке, опубликованная в рижском журнале «Техника молодежи».

ного семинара конца 1980-х — начала 1990-х годов³. В архиве находятся и некоторые по разным причинам неопубликованные тексты В. Голофаства. И, наконец, это дневники, блокноты и записные книжки Валерия, которые были переданы в сектор его женой и дочерью. Валерий всегда имел под рукой блокнот или тетрадку. Таким образом, в архиве сектора сегодня находится около трех десятков таких блокнотов. Самые «ранние» из них относятся к середине 1970-х, а самые «свежие» — к 2003–2004 годам.

К сожалению, у Валерия не было манеры Андрея Алексеева ставить точные даты написания того или иного текста. Поэтому восстановить более или менее точную хронологию «траектории» его творческих (теоретических, методологических и методических) поисков можно лишь приблизительно⁴.

Конечно, наибольший интерес (и наибольшую сложность для анализа) представляют записные книжки. В них Валерий фиксировал соображения по поводу прочитанных книг, выступлений коллег на различных публичных мероприятиях (семинарах, заседаниях, конференциях); планы своих выступлений на аналогичных мероприятиях, выписки из книг и статей, заметки и наброски к своим исследованиям, а также наброски и тезисы теоретический и методологический идей и соображений. Кроме того, что особенно интересно, в этих блокнотах встречаются и зарисовки наблюдавшихся Валерием конкретных социальных ситуаций и случаев.

Однако, есть несколько «сквозных» сюжетов: это проблемы научной теории и социологической теории, в частности; проблемы методологии познания, проблемы деятельности и поведения людей и образ жизни. Круг тем, затронутых в блокнотах, чрезвычайно широк. Но, похоже, что мы располагаем не всеми блокнотами, ибо проблемы культуры здесь встречаются довольно редко. К этим темам Валерий активно обращается лишь в начале 90-х⁵. Таким образом, можно полагать, что рассматриваемый текст

³ Т. Протасенко вела в то время стенограммы этих семинаров, а затем расшифровала их и перевела в машинописный текст. В наши планы входит сканирование этих протоколов и подготовка их к публикации.

⁴ Даже приблизительное датирование, в частности, этого документа потребовало специального расследования. Валерий обычно долго «расскачивался», так что с компьютером от «подружился» довольно поздно: году в 1997–1998. Свои тексты он писал от руки, а потом перепечатывал на машинке. Судя по тому, что оригинал этого текста имеет машинописный вид, а также потому, что бумага успела изрядно пожелтеть, он был написан между 1993 и 1997 годами. Во всяком случае, в электронном виде его обнаружить не удалось.

⁵ См. статьи В. Голофаства в книге В. Голофаств Социология семьи. Статьи разных лет. СПб, Алетейя, 2006.

представляет собой попытку глубокого теоретического осмысления проблем культуры. И уже в силу этого значение этого, относительно давно написанного, текста сегодня представляется чрезвычайно актуальным.

Нет нужды пересказывать содержание теперь уже опубликованного текста. Обратим внимание лишь некоторые принципиальные моменты.

Во-первых, это взгляд на динамику трансформации самого понятия «культуры», начиная с XVIII века, и разделение продуктивных и репродуктивных процессов в культуре. При этом автор настойчиво обращает внимание на первостепенную важность именно репродуктивных процессов, на воспроизведение культурных образцов. И хотя в этом тексте нет прямых ссылок на других авторов, но мысли В. Голофаства очень созвучны с идеями ведущих современных социологов (П. Бергер, Н. Лукман, И. Гофман). Голофаств не повторяет и не пересказывает эти идеи, он развивает их и уточняет ряд теоретических положений западных коллег.

Хотелось бы отметить отчетливо выраженную неудовлетворенность автора современным состоянием социологического теоретизирования. Эта неудовлетворенность касается и теорий деятельности, и теорий сознания, и теоретических подходов к культуре. Приведу несколько весьма характерных высказываний Голофаства по этому поводу. «... инерция культуры была долгое время тем процессом, который менее всего захватывал воображение теоретика. В центре внимания находился лишь процесс *порождения новшеств* (где, когда возникло) или в лучшем случае их *диффузии* (откуда, когда пришло, как было принято)»⁶.

«Обычные же так называемые социологические методы (оценки) скользят по поверхности, не образуют структуры, характеризуют часто лишь *стереотипные рационализации* отношений и мотивов, а не их скрытую внутреннюю, устойчивую природу»⁷.

«В целом идеи взаимности любой социальной связи, *социального обмена* — сравнительно простые вещи в теории, но из них не сделаны выводы, которые могли бы помочь увидеть зримо несовершенство, неполноту, а то и принципиальную ошибочность односторонних схем рассуждений, о которых упоминалось выше»⁸. (Курсив в этих цитатах — В. Голофаства)

«Схематизация социальных взаимодействий и функционально-статусных схем социальных отношений сегодня слишком формальна. По тра-

⁶ Там же. С. 20.

⁷ Там же. С. 25.

⁸ Там же.

диции она разворачивается в теоретическом плане односторонне: либо эгоцентрически, либо социоцентрически⁹.

«Итак, традиционные теории субъективной регуляции поведения действительно крайне нереалистичны, они распространяют на весь континуум форм поведения, механизмы самой сильной, особо маркированной и, возможно, наиболее редкой формы деятельности, они вольно или невольно обходят обиход своим вниманием. Представляя всякое сознание по модели собственной культуры, традиционные теории мотивации, рефлексии и регуляции поведения искаженно интерпретируют и сами по себе логически сходные для них формы событийной культуры»¹⁰.

Одними из центральных в этом эссе стали понятия «обиход» и «событие», как важнейшие элементы процесса культурного воспроизводства и трансляции культуры. Именно с помощью этих понятий автор описывает и раскрывает понятие повседневности.

Принципиальна для понимания феномена культуры также идея двух типов разрыва между культурой и обществом. «Культура как устойчивая, непрерывная и всеобъемлющая сторона общественной жизни противостоит обществу, как «здесь и сейчас» совершающемуся процессу, обладающему собственной преемственностью, ритмом и динамикой. В теории культуры этот разрыв между культурой и обществом можно обозначить как *разрыв первого рода*, как дистанцию между ними, обусловленную сохранностью материальной культуры как части природы и инерцией прочих явлений культуры постольку, поскольку они входят во всю систему культуры, являются составной частью ее инерции как целого, так или иначе участвуют в *воспроизводстве культуры* как стихийном эволюционном процессе ...

*...Разрыв второго рода возникает и поддерживается вследствие социальной дифференциации и социальной гетерогенности по отношению к культурному процессу, прежде всего к процессу культурного **воспроизводства** (выделено мной — О. Б.)»¹¹.*

Валерий не раз в этом тексте подчеркивает первостепенную значимость именно механизмов трансляции и воспроизводства культуры. «Что бы там ни было, описанные выше движения в культуре проясняют прежде всего продуктивные аспекты культурного процесса, имеющие явно отно-

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 31.

¹¹ Там же. С. 21.

шение к изменениям в структуре культуры, к инновациям, к культурной гетерогенности и стратификации. Они важны, но не исключено, что они имеют *второстепенное значение* (курсив мой — О. Б.). Основу культурного процесса составляют репродуктивные, воспроизводственные процессы. Именно они делают культурный процесс объективным, они характеризуют рутинную, инвариантную, сохраняющуюся, обиходную его часть. Прежде всего, в трансляции культуры проявляется ее связь с социальной организацией, с общественной структурой. Именно эта часть и должна быть предметом пристального теоретического внимания и эмпирического изучения»¹².

Кроме того, здесь четко обозначена перспектива социологического (а не культурологического или этнографического) подхода к понятию «повседневность» и к его (понятия) анализу. Так как именно в повседневности и реализуются воспроизводство, трансляция и функционирование культуры. Эта мысль проходит рефреном через весь текст.

Другая важная идея, также внятно прописанная в этом эссе, — идея двух потоков в культуре (или направлений движения, изменения): потока текущей культуры и потока популяризации. «...сегодня в культурном развитии устанавливаются две оси движения: первая ось — *от события к обиходу*, где события составляют поток, формируемый в соответствии с господствующей системой социальной стратификации культуры (структурой власти, контроля над основными культурными ценностями, а также силами рынка — экономическим проявлением социальной власти); вторая ось — *от профессиональной деятельности, почти целиком сосредоточенной в недрах специализированных институтов, к бытовой культуре различных слоев общества, от экспертов к профанам*»¹³.

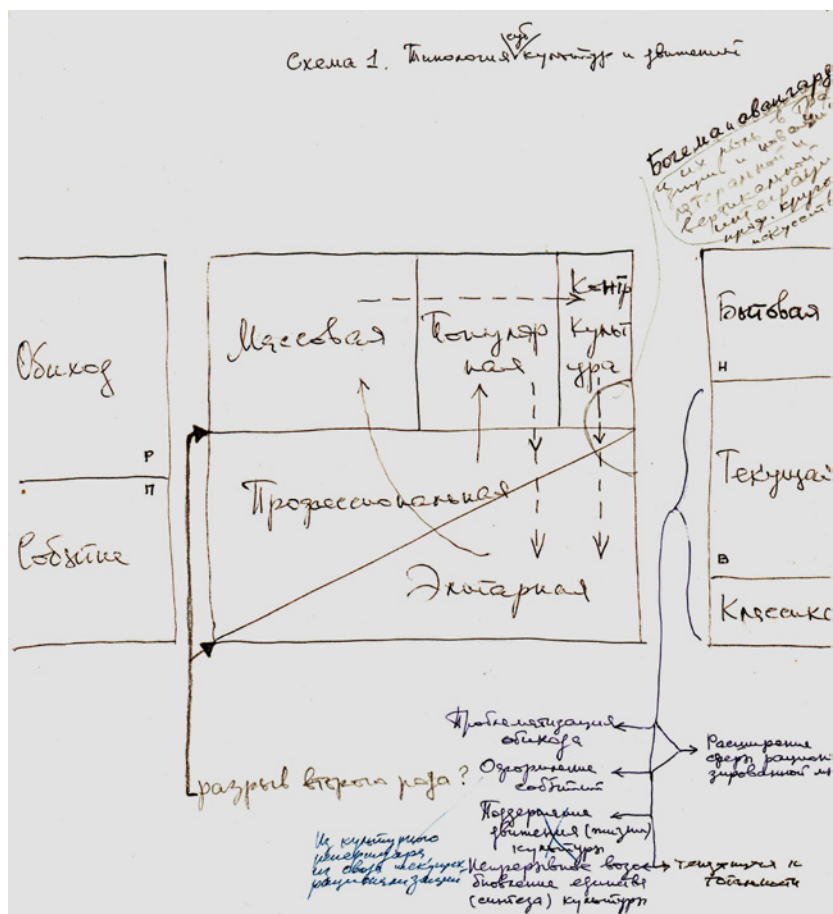
Схема (стр. 21) требует отдельного комментария¹⁴. Она была нарисована от руки и вложена между машинописными страницами. Причем, в тексте Валерий не сделал прямой ссылки на неё. Так что пришлось определять её место в тексте по обстоятельствам верстки и по общему смыслу. Но самое главное (и трудное) — пришлось реконструировать логику её построения.

Блок слева: «обиход», «события» вроде бы не связан с другими элементами схемы. Как, впрочем, и блок, расположенный справа: «Бытовая»,

¹² Там же. С. 24

¹³ Там же. С. 22

¹⁴ См. В. Голофаств Размышления о культуре // Телескоп, 2009, № 2. С. 24.

«Текущая», «Классика». Последний сопровождается развернутым и структурированным пояснением (а как еще можно назвать спускающийся текст «нанизанный» на стрелку?). Это пояснение относится не ко всему блоку, но лишь к двум его составляющим: к текущей культуре и классике, и описывает основные функции этих разновидностей (или фрагментов) культуры.

То, что оба блока «обрамляют» основную часть схемы, не связанные с этой частью никаким явным образом, кажется логичным. Ибо, по мнению автора, это самые общие характеристики и классификации поля (тела) культуры. Обиход и событие — характеристики инвариантные для любой

социальной группы и различаются исключительно по внутреннему содержанию. Также инвариантным для любых социальных групп является и второй блок, и здесь социальные различия влекут за собой различия в содержательном наполнении каждого элемента данной классификации.

Мне кажется, что относительно автономное содержание этих блоков символизирует специфику разрыва «первого рода», т. е. относительную автономность культуры, её дистанцирования от общества.

«Разрыв второго рода» прямо обозначен на схеме и относится к центральному блоку схемы. Структура этого блока, в отличие от «внешних», собственно и представляет социально детерминированное культурное пространство и включает в себя основные субкультуры. Культурные «движения» здесь обозначены стрелками (сплошными или пунктирными) и фиксируют их теоретически возможные направления и взаимодействия (переходы) между разными структурными элементами культуры, и обеспечивают её (культуры) единство.

Завершают первую часть эссе рекомендации исследователям, которые занимаются эмпирическим изучением культуры. «Эмпирически нужно бы определить состав обихода и событий, доминирование одного или другого в процессе жизнедеятельности, эффект того или иного типа доминирования, степень подключенности к классике и текущей культуре. <...> Нужно эмпирически установить размеры и масштабы контркультурной активности, прежде всего в смысле латеральном. <...>

Вообще эмпирически двигаться нужно не по категориям вещей, занятий, классам событий, а по культурным комплексам, рассматривая их в сетке категорий, обозначенных в этом тексте в целом.

Эмпирически важно взять группы не столько по жизненному циклу, сколько по профессиям (включая статус, место в культурной дифференциации) и по связи с локальностью. Колоссально было бы обнаружить группы, изолированные от классики или средств МК, или больших магазинов, а с другой стороны людей особо привилегированных в этом: телевизионщиков, газетчиков, работников туристских гостиниц, моряков заграничавания или работавших зарубежом, горцев и степняков или лесных обитателей, геологов и т. п., оседлых и кочевников, сорванных с родных мест и устойчиво держащихся за них»¹⁵. И далее: «Поскольку процесс размывания локальности шел и идет очень быстро, возможны значительные межпоколенные различия. Полезны были бы пространные интервью с лицами существенно разных воз-

¹⁵ Там же. С. 23

растов (скажем, от 15 до 75 лет). Или их биографии по особому списку вопросов, но это сложнее. Можно просто взять литературные примеры из самой примитивной какой только найдем периодики (какой журнал из тех, что для «народа» издается дольше всех: Работница, Крестьянка, Огонек — еще?)»¹⁶.

«Конечно, подобный анализ пока не очень ясно как нужно проводить, он кажется неопределенным, ускользающим от простой логики, чрезмерно произвольным и интуитивным. Но это лишь демонстрирует необходимость пространных описательных исследований. Обычные же так называемые социологические методы (оценки) скользят по поверхности, не образуют структуры, характеризуют часто лишь *стереотипные рационализации* отношений и мотивов, а не их скрытую внутреннюю, устойчивую природу»¹⁷.

Следует заметить, что идеи, изложенные в этом эссе во многом перекликаются с принципиальными установками Ирвинга Гофмана. «Вклад Гофмана в социологическую теорию заключается в описании надындивидуальных «социальных порядков» или ритуалов повседневного взаимодействия, которые традиционно соотносились с личностным выбором и, соответственно, рассматривались как феномен психологического порядка, — пишет Г. С. Батыгин во вступительной статье к эссе И. Гофмана «Анализ фреймов», — Гофман продолжил чикагскую традицию и открыл повседневность как форму социальной организации, «фабрику» социальностей, где человеческая субъективность, казалось бы, не укладывается в рамки логических объяснений, принимает устойчивые рутинные формы. Гофман сделал повседневность предметом абстрактной теории и предложил систему категорий, описывающих логику повседневного общения»¹⁸.

По моему мнению, мысль В. Голофаства двигалась именно в таком же направлении.

Вторая часть эссе: «Культура и образ жизни» показывает, что при сходной с Гофманом начальной теоретической установке, В. Голофаств приходит к другим результатам. Проблематика образа жизни — была очень популярной и чрезмерно идеологизированной в советской социологии категория. Одна из задач, которую Валерий, похоже, решает в этой части — деидеологизация проблематики образа жизни, наполнение её теоретиче-

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 25.

¹⁸ Батыгин Г. С. Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана (вступительная статья) // Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2002. С. 7.

ским содержанием. В частности, он заново пересматривает и анализирует центральную категорию этой проблематики — категорию деятельности. Схемы и концепции, с помощью которых анализировалась эта категория, он считает односторонними и принципиально ошибочными.

Вот некоторые моменты, которые он вводит в рассуждение и анализирует: двойная функциональность деятельности, деятельность и сознание. Позволю себе привести еще несколько цитат. «Согласимся с тем, что большую часть своих действий человек не осознает. Но означает ли это, что данные аспекты действий следует относить к области бессознательного? Обратим внимание в этой фразе на словечко — относить. Обычное словоупотребление как бы не принимает здесь слова *определяется*. То, что *определяется* бессознательным, таковым и остается. Мы не выходим за пределы точки зрения субъекта. А что если стать на внешнюю точку зрения, на точку зрения объективного наблюдателя? Человек отдает себе отчет о некоторой части или некоторых аспектах своих действий. Человек ставит себе цели и некоторых из них ему удастся достичь. Но более важно, что человек действует как часть группы, общины, общества, выполняет свои обязанности перед другими и лишь в этом процессе заботится и о своих нуждах. В обществе с развитым разделением труда о его нуждах, правда, заботятся чаще другие люди, организации или вообще довольно далекие и анонимные силы, о которых человеку даже и нет нужды вспоминать, — настолько отлажен процесс обмена деятельностью и ее результатами, настолько прочна социальная организация жизни, ее культурная форма, рутинна»¹⁹.

И далее: «Могут возразить, что подобные условия и составные части нашей деятельности настолько устойчивы, что их можно считать постоянными и гарантированными как воздух, которым мы дышим. И что, в силу этого, от всех этих обстоятельств можно с успехом отвлечься при анализе наших действий. По принципу: константы не определяют изменений, они входят в детерминацию пассивно, инертно. О них нет нужды даже размышлять. Но тем самым единство той реальности, которую мы стараемся понять, разрушается, и на передний план выдвигаются штампы привычного описания реальности с точки зрения разных субъектов — штампы идеологии, культуры или ограниченной исследовательской традиции (нашей или заимствованной).

Если же обратиться к точке зрения наблюдателя, то вся область неосознаваемого превращается просто в совокупность привычных, рутинных

¹⁹ В. Голофаств Размышления о культуре // Телескоп, 2009, № 2. С. 27

действий устойчивого выполнения социальных обязательств, удовлетворения сложившегося круга потребностей. Сфера осознаваемого в образе жизни тогда становится не источником всякой деятельности (как это искаженно представляется во всех вариантах теории), но одним из ее специфических регуляторов»²⁰.

Эссе Валерия Голофаства представляется актуальным и потому, что здесь очень точно обозначен предметный ракурс рассмотрения такого феномена, как культура. Заметьте, автор полностью исключил из рассмотрения экономические аспекты культуры. Точно также практически не затрагиваются здесь психологические аспекты. Думаю, что культурологи с энтузиазмом причислили бы автора этого эссе к своему цеху. И ошиблись бы — Валерий здесь строго придерживается предметных рамок именно социологии. Более того, это эссе — нечасто встречающийся образец корректного социологического теоретизирования.

²⁰ Там же.

Социолого-обывательские заметки об американской жизни

Б. З. Докторов

С учетом моего понимания исследований В. Б. Голофаства¹ и направленности голофастовских чтений² содержание и жанр этой статьи представляются мне естественными для сборника работ, отражающих тематику и дух многих дискуссий, состоявшихся на этом форуме. Моя переписка с Голофастом включала не только обсуждение научных вопросов, интересовавших нас, но и зарисовки фрагментов моей повседневной жизни в Америке. Иногда мы называли это «антропологией». Я писал о моем небольшом калифорнийском городе *Foster City*, о магазинах и рынке, о библиотеках и медицинском обслуживании, о том, что моя внучка, ходившая еще в детский сад, наконец научилась произносить русское «р», неподвластное американцам. Ни он, ни я не противопоставляли в наших электронных беседах интересы к методологии биографического метода описанию наблюдений нашей повседневности. Скорее наоборот, была установка на синтез социологических построений и обывательского опыта восприятия жизни. Мгновенная смерть Голофаства не позволила мне подойти раньше к систематическому изложению моей американской обыденности.

Однако в последние несколько месяцев такое желание появилось вновь. Во-первых, многократно увеличился объем впечатлений и размышлений о происходящем в американском обществе, в моем городе и во мне самом. Во-вторых, уже почти десятилетняя работа над биографиями американских и российских социологов постоянно заставляет всматриваться в прошлое и настоящее собственной жизни. Третий стимул коренится в стремлении глубже понять³ и — по возможности — использовать теорети-

¹ Докторов Б. Валерий Голофаст. Независимый ум // Социальная реальность. 2008. № 3. С.67 — 82. <http://socreal.fom.ru/files/sr0803-067-082.pdf>.

² Докторов Б. Заметки виртуального участника чтений памяти В. Голофаства // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 3. С. 50–51.

³ Докторов Б. Пессимист по наблюдениям и оптимист по убеждениям. Научные и нравственные основы «драматической социологии» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 4. С. 1–14.

ческие подходы и методические схемы, составляющие основу драматической социологии А. Н. Алексева⁴.

Заключая это введение, я хочу поблагодарить О. Б. Божкова, согласившегося опубликовать в научном сборнике материалы еще не устоявшейся природы. Во всяком случае, пока мало отвечающие нашим представлениям о том, как проводятся социологические исследования и как излагаются их результаты.

Две Новогодние истории

Ниже — две подлинные истории, случившиеся со мною в Новогодние ночи. Первая — давняя. Но в силу непонятных для нас механизмов памяти — какие-то неожиданные ассоциации — она вдруг напомнила о себе «третьего дня»... Вторая, относительно недавняя — после ее прочтения будет ясно, почему я вспоминаю ее часто, когда еду в гости, и почти всегда, когда покидаю гостеприимный дом. Мне ничего не пришлось вспоминать, тем более — придумывать... обе истории в свое время были описаны в электронных письмах моим друзьям...

1.

Кончался 2000 год, я постепенно углублялся в изучение биографии Джорджа Гэллапа и того, как — мне казалось тогда — из «ничего» возникла современная технология изучения общественного мнения. И Гэллап, и исследователи его поколения пришли к измерению политических установок из маркетинговых исследований, в частности — изучения радиоаудитории. Делали они это с помощью разных приемов, в том числе — дневникового метода. Респондентам высылались или вручались специально подготовленные бланки, в которых они фиксировали (были разные схемы) время, когда они слушали радиопередечи, и на каких каналах (в США никогда не было проводного радио).

Я тогда лишь на ночь покидал электронную сеть, самозабвенно искал все, что хоть краешком касалось творчества Гэллапа. И вдруг, 31 декабря 2000 года мой поиск привел меня к электронному варианту книги «Рейтинг анализ. Теория и практика изучения аудитории» (*Rating Analysis. The*

⁴ Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия: В 4-х тт. СПб.: Норма, 2003–2005 <http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/book.html>.

Theory and Practice of Audience Research). В ней я прочел, что первым, кто систематически изучал дневниковый метод, был Гарнет Гаррисон (*Garnet Garrison*), который начал свои исследования в 1937 году. Я прикинул, с тех пор прошло 63 года, можно попытаться найти этого исследователя, написать ему, узнать, как все было. Может быть, он встречался с Гэллапом?

Но... уже через несколько минут я нашел в Сети краткий некролог, сообщалось, что 10 июня 2000 года скончался 88-летний исследователь и практик телевидения Гарнет Гаррисон, и отмечалось: «он разработал систему измерения аудитории с использованием дневников, техники, которая сейчас широко применяется в радио и телевизионной индустриях». Все ясно — Гаррисон в книге и Гаррисон, умерший полгода, назад — один и тот же человек. Поздно я нашел эту информацию, ничего не узнаю о нем...

...Я торопился, надо было готовиться к встрече Нового года, но все же я перечитал некролог еще раз и, буквально, застыл на одной из заключительных фраз: Гаррисон умер в городе Foster City, и там живет его дочь.

Но это же мой город, я живу в нем. Открыл телефонный справочник, нашел фамилию его дочери и ее адрес. *Foster City* — невелик, но улица, на которой она жила — просто рядом: я мог встретиться Гарнетом Гаррисоном, поговорить с ним, все узнать из «первых уст». Хотел сразу же позвонить его дочери, но было поздно — американцы не отмечают Новый год, для них главный праздник — Рождество..

Утром следующего дня я написал ей письмо. Текст начинался со слов: «Уважаемая Патриша Арамендия, вероятно, это письмо покажется Вам Рождественской сказкой, но все в нем — реальная история». Написал немного о себе, о том, что интересуюсь работами ее отца, что через пару дней ей позвоню...

Когда я позвонил, она прежде всего сказала, что все это действительно выглядит неправдоподобно, но теперь она верит. Через пару дней я прогулялся до ее дома, мы с ней долго говорили, она дала мне почитать книгу ее отца и его фото. Я обещал написать про работу ее отца, и сделал это. В марте 2001 года в московском журнале «*Broadcasting*» была опубликована моя статья «Аудиометрия: истоки, они же уроки», в которой был и краткий рассказ о Гаррисоне, и его фотография.

Статью я занес Патрише...

2.

Встретили мы 2007 год в доме моей невестки Яны, немного выпили и около трех ночи поехали домой. Почти у дома я увидел в зеркале заднего об-

зора вдруг возникшую за мною полицейскую машину, она сигналила огнями: остановись. Остановился. Подходит коп и просит выйти. Вышел. Здесь подъехала вторая машина. И началось: Что пили? Сколько? Когда? Что ели? Пройдите по этой линии восемь шагов вперед, повернитесь и восемь шагов назад, закройте глаза, голову — наверх и считайте от 40 до 20, расскажите алфавит, напишите на листке над чертой буквы от А до L, а под чертой от N и до конца... закройте глаза, ноги вместе, разведите руки, коснитесь носа правой рукой, левой... левой... правой.. Пока один коп тестировал мое состояние, другой — попросил ключи от машины, достал из багажника сумку и вынул из кошелька мои водительские права... и вот здесь — самое главное, дуйте в трубку... подул, а мысли в голове самые черные. Но оказалось, что за два часа после выпивки, игры с внучкой Лизушей в «морской бой» и чашки чая все нормализовалось. Я сказал им, что в полночь выпил лишь бокал шампанского, про «кактусовку», уважаемую мною текилу, промолчал. Отпустили, отдали права, поздравили с Новым Годом..

...Приехал домой, хотел здесь же напиться, но не сделал этого, хотя от проверки, да и холодно было ночью, меня трясло...

...Все окончилось хорошо, однако осадок остался.

Америка — не скучная страна...

Приехал я сегодня часа в три в одно присутственное место, удалось быстро справиться, и я планировал заехать в еще пару мест и вернуться в своему любимому компьютеру. Однако, впервые за лет семь-восемь моя машина не завелась. Вообще-то положено регулярно в нее что-то заливать, где-то подмазывать, что-то еще, но я ничего этого не делаю, просто время от времени заезжаю на станцию обслуживания...

...Но морально и документально я оказался готов к ЧП. Морально — надо всегда, документально — если это касается машины, тоже. Звоню в страховую фирму. Почему-то я думал, что она где-то в наших местах, но нет — меня спрашивают не только улицу, на которой я припаркован, но город и штат. Все сообщил. Мне говорят, через несколько минут вам позвонит автоматическая служба контроля выполнения заказа. Точно, звонят и начинается чисто американское: если вам надо это, нажмите «1», если другое, нажмите «2»... нажимаю. Наконец: «Хотите ли вы узнать, когда к вам придет машина, которая вас отвезет на ремонт?», если «да», нажмите «1». Нажал, слышу «Через час и 15 минут». Если хотите прослушать наше сообщение еще раз, нажмите «1»... Начал ждать..

Но мне сказали, через полчаса позвоним, подтвердим.. Позвонили, подтвердили, сказали, машина будет через 45 минут. Действительно, минут через 40 звонят, уже не автомат, женский голос: «Подъезжаем». Точно, вижу машину — подъезжают — мужчина совсем американского типа (белый, высокий, уверенный в себе) и женщина — симпатичная филиппинка, лет тридцати, на десять лет моложе его, в черных очках и совсем коротких шортах — его жена, она работает с ним. Подцепили мою машину и спрашивают, поеду ли я с ними... отвечаю, что поеду.

У меня есть контракт с «Тойотой» на ремонт. Я объяснил, куда ехать, поехали. Сажу с ними в кабине, втроем, значит..

Женщина с заметным акцентом (с акцентом говорит большинство калифорнийцев) спрашивает меня, откуда я. Отвечаю: «Из России», едем дальше (а нам ехать минут 25), о чем-то говорим. Мужчина спрашивает: «Ты — еврей?». Говорю, да, мои родители были евреями, и я — по национальности — еврей, но в синагогу не хожу. Он говорит, что он протестант, но в церковь не ходит, и вдруг филиппинка говорит: «Я — тоже еврейка». Мама родная, думаю, верно поется: «евреи, кругом одни евреи...». Оказывается, она жила и кончала школу в Израиле. Она, действительно, филиппинка. Потом показала паспорт — израильский. Я говорю, никогда не видел филиппинских евреев. Она сказала, что их действительно мало. Тем временем мы приехали, это было уже около шести вечера..

Быстро поставили машину на парковку, завтра утром мне будет звонить мастер. У меня многое оплачено страховкой, но я готов к тому, что он запросит тоже немало. Шофер (муж) спрашивает, где я живу, я объясняю, он говорит, мы тебя довезем до дому. При этом даже не намекает на оплату. Едем... я — доволен, скоро буду дома. Обратно едем уже по фривею, быстро. И вдруг он говорит: «Я — японец». У меня челюсть отъехала. Я говорю, никогда бы не сказал. Оказалось, что он просто родился в Японии, где его отец служил. Когда он показывает свой паспорт в аэропортах, все удивляются, ведь в Америке нет национальности: где кто родился, такая у него и национальность.

Да, говорю, такое бывает только в Америке — в одной кабине едут люди с такими интересными судьбами.

Довезли они меня до дому, попросил я их подождать меня пару минут, принес ей коробку конфет, ему бутылку коньяка. Они ничего подобного не ожидали. Я сказал, что тоже не ждал такого доброго отношения. Дали мне «визитку», если что — могу звонить, у них мастерская по ремонту автомобилей.

Вот так, а у вас говорят, что Америка — скучная страна..
Как сказать... кому как...

Парадокс Зои Цукерман

Так произошло, что сегодня я приехал в Стэнфордский медицинский центр на час раньше, чем надо было. День был прекрасный, жарко. Запарковался и пошел в центральное здание. Купил в кафе стакан кофе и сел в небольшом саду. Все хорошо, но все столики были под тентами, а я люблю пожарче. Со мною рядом сидела американка, явно старше 70 лет, и из большого стакана пила ледяную воду. Она удивилась тому, что я в такую жару пил горячий кофе, а я — не менее тому, что она — пила холодную воду и жевала кусочки льда. Потом она ушла, я посидел немного один, и в моей памяти слиплись две истории. Одна — старая. Другая — недавняя. Начну со второй.

Пару месяцев назад я решил проконсультироваться с глазным врачом, работаю-то я много. Позвонил в Стэнфордскую глазную клинику, мне назначили день, когда я должен был встретиться с доктором Фишером. Хорошо, думаю, и представил его как постаревшего Роберта Фишера: высокий мужчина, рыжеватый, с бородой. Настал мой день... приехал.. сначала всякая бумажная работа, потом сестра проверила мое зрение и отвела в кабинет. А у нас так: у врача есть два-три кабинета, пациенты его ждут в них, а он — переходит из одного кабинета в другой... день был жаркий, я был лишь в рубашке. Посидел минут двадцать, кондиционер нагнал холод, пошел я к сестре и попросил одеяло. Она и глазом не моргнула, достала из шкафа с подогревом свежее одеяло из холста. Вернулся в кабинет, я рано встаю, а здесь было уже часа 2–3 — пригрелся и слегка отключился.. очнулся, когда доктор уже заходил в кабинет. Представился, мы поговорили минут десять. Все завершалось, а я думал, к кому же я попал? Передо мною-то была молодая китаянка. Она представилась еще раз: «Доктор Сьюзен Фишер», я сказал, что представлял, что будет мужчина и описал его. Она: «Похож на моего мужа».. я говорю: «Ну значит, в моих представлениях я был не очень далек от действительности».

И вот сегодня — пока я пил кофе в Стэнфорде — я вспомнил другую историю... имена в ней реальные, люди — реальные... ситуация — немного модельная. Было это, скажем, в конце 90-х, когда в Петербурге электронная почта еще не стала обыденностью. Звоню я моему племяннику в субботу вечером и прошу его утром в понедельник встретить в Пулково

мою знакомую Зою Цукерман с сыном Мишей. Сказал про рейс, назвал время, хотел немного описать Зою, но здесь телефон отключился, и до утра понедельника я так и не мог перезвонить племяншу. Он — человек обязательный, явно отправится в аэропорт... Как он представляет людей, которых должен встретить? Верно представить их он не мог...

Зоя Цукерман — невысокая, ладненькая китайянка, тогда ей было лет 35, Мише — лет 12–13, тощий подросток.

Зоя родилась в Китае, в семье настоящих коммунистов. Отлично училась в школе, изучала русский язык.. потом наступили времена, когда коммунистам надо было убираться из Китая. Так с родителями она оказалась в Сан-Франциско. Изучала в университете финансы, но и русский язык не забывала. И вот в библиотеке встретила с недавно приехавшим из Черновиц отличником-переотличником Сашей Цукерманом, недавно закончившим очень сильный математический факультет Харьковского университета. Впали они в любовь, поженились. Так китайская девушка стала Зоей Цукерман.

Обычная американская история. Миша в то время переживал драму самоидентификации. С китайскими дедушкой и бабушкой он говорил на их языке. С Сашиним родителями — на русском. Со своими родителями и в школе — на английском. Через год-два он решил: «Я — американец». Языки он немного помнит, но его образ жизни — типично-американский.

Мишу я знал, когда он был подростком. Зою и Сашу — знаю и сейчас. Об их встрече мне рассказал Сашин отец, умный и добрый человек. Лет пять назад его не стало...

Летние кэмпы

Американские летние кэмпы — это не совсем летние лагеря или совсем не летние лагеря, которые мы помним по нашему пионерскому детству. Скорее, это — краткосрочные летние школы, которые по своему выбору и в силу финансовых возможностей родителей посещают летом школьники в течение недели-двух. Иногда — дольше. Это недешевое удовольствие, но сидеть дома с детьми родителям еще дороже. К тому же с детьми надо чем-то заниматься, а так, утром родители привозят детей, а во второй половине дня забирают.

Я расскажу немного о летних кэмпх для детей, живущих в северной части Калифорнии. Это достаточно большая территория к югу от Сан-Франциско, в сторону Силиконовой долины. Здесь расположено множест-

во небольших городов (10–30 тысяч человек), в которых фактически отсутствует общественный транспорт. Да если бы он и был, дети не могли бы на нем добраться до кэмпов сами, как правило, до 14 лет они не могут появляться в общественных местах без взрослых. Потому их надо возить. Решений этой проблемы множество. Во многих семьях, особенно если в них два-три и более ребенка, что далеко не редкость, матери не работают. Есть дедушки, особенно в русских и китайских семьях, бабушки в этих семьях нечасто водят машину. Многие — особенно в компьютерном бизнесе — работают дома или по свободному графику, так что могут планировать свое время так, чтобы развозить детей. Еще один вариант — выбирать кэмпы поблизости от работы родителей. Иногда нанимают человека, в обязанность которого входит отвозить и привозить детей в определенные часы. Для многих родителей это удобнее, чем прерывать свой трудовой день, да и обходится дешевле. Иногда, если кэмп предлагает уникальную программу, родители на время меняются домами с друзьями, живущими недалеко от кэмпа, или переезжают ненадолго к ним. Американцы ориентированы на решение подобных житейских проблем, руками по поводу таких трудностей долго не разводят. Наконец, если вообще не получается с такими недельными кэмпам, ищут нечто иное. Есть, например, более продолжительные кэмп, которые организуют фермерские семьи. Берут двух-трех школьников 12–15 лет, любящих животных; особенно много желающих отправить детей туда, где они могут ухаживать за лошадьми. Задно научиться держаться в седле.

Скорее всего мои наблюдения будут интересны тем, у кого есть дети-внуки. Но не только. Летние кэмп — это часть американской системы воспитания и обучения. Программы кэмп, в которых как правило преподают студенты колледжей и университетов, нацелены не на то, чтобы учить, а чтобы научить. Кроме того: фокус — на конечный результат, на достижение цели, на создание готового «продукта», на повышение самооценки. Все это важно для последующей жизни.

К началу августа моя внучка — ее зовут Лиза — побывала в пяти недельных кэмп. Один из них был в Сан-Франциско, и она ездила туда и обратно с мамой, так как это было недалеко от ее работы. В четыре других — мама утром отвозила Лизу, а часа в 3–4 дня я ее оттуда забираю и привожу домой. Как обычно в американских школах, дети приносят свою еду, есть часовой перерыв, когда они едят (или не едят, это их дело) и играют на улице. Все остальное время — расписано по часам. Работают много и целеустремленно.

Перечень кэмпов, в которых этим летом Лиза училась, указывает и на разнообразие предложений, и на широту спектра (на сочетание) интересов обычной американской девочки, окончившей начальную школу (5 классов). Первый кэмп был «цирковой», второй — «уход за домашними животными», третий — «компьютерное создание мультиков и игровых фильмов», четвертый — «бадминтон» и пятый — «музыкальный». Возможно, в двух-трех кэмпх она хотела бы быть более недели, но не получается. Желающих много, потому — неделя и не больше. В прошлые летние каникулы она посещала: джаз, теннис, основы поварского дела, катание на роликовой доске и что-то связанное с компьютерами.

Сейчас она думает либо быть ветеринаром, либо работать на компьютере. Ясно, что второе — у нас всеобщее «помешательство». Время такое, да и место жительства такое. Сказанным объясняется выбор двух кэмпов. Цирковой — было желание научиться показывать фокусы, попрыгать на батуте, походить на ходулях и понять, можно ли дрессировать кошек, которых у нее две. Бадминтон — так как не было удобного кэмпх с теннисом, которым она занимается в году, а джаз ей понравился в прошлом году. И в этом почти весь учебный год раз в неделю приезжала домой учительница по электрогитаре.

Кэмп по животным проходил в приюте, где живут бездомные коты и собаки, и специально разводимые в небольших количествах зайцы, мыши, черепахи, морские свинки, птицы... Туда приезжает множество людей, чтобы купить за очень небольшую плату котят, щенят и другую живность. Чистота и порядок удивительные, две Лизины кошки — именно оттуда. Основную и очень большую по объему работу по присмотру за животными выполняют волонтеры, и таких предостаточно. Разного возраста и разного социального положения. Моя внучка ждет (еще долго ждать), когда ей исполнится 14 лет, и она сможет поволонтерить там. Итогом посещения этой школы было написание отчета с картинками.

За неделю во втором кэмпх каждая группа детей в возрасте от 9 до 13 лет, создала один мультик и один игровой фильм. Под руководством преподавателя они сами придумали (проговаривали) сценарий, сами создавали декорацию и двигали кукол при съемках мультифильма, сами распределяли роли, скорее — писали их для себя, и снимали фильмы. В последний день — показ родителям и обсуждение. Все записано на дискеты, так что потом можно будет показывать сделанное друзьям.

Бадминтон — игра. Бегали и играли. Больше сказать нечего. Да, заметно уставали. Большинство детей и инструкторов — китайцы.

Затем — недельный музыкальный кэмп, он проходил в пустующем ледовом помещении одной из школ. Дети — их было довольно много — были объединены в 11 бэндов, они сами писали слова песен, музыку, все оркестровали под руководством учителей и в последний день занятий давали концерт. В огромном спортивном зале набралось много родителей и друзей детей. Приподнятое настроение у выступающих и у зрителей. Некоторые дети 10–14 лет занимаются музыкой давно, потому все это было на достаточно серьезном уровне. В этот раз Лиза «специализировалась» по вокалу: азы распевки и пение под оркестр. В бэнде была девочка-итальянка, менее года живущая в Америке, она написала куплет по итальянски, Лиза — по-русски и на иврите (она пять лет учила этот язык в школе), один мальчик — по-испански. Существует представление о том, что американцы не знают языков. Многие из жителей Калифорнии с детства знают один-два языка, помимо английского, и обмен культурами происходит постоянно в игре и в практике общения.

Многокультурным был и зрительный зал, это видно по лицам, по элементам одежды, по тому, на каких языках говорили родители с детьми перед концертом. День был жарким, потому большинство все же было в майках и шортах (правда, в Калифорнии так можно ходить практически весь год), но я заметил двух молодых женщин в длинных платьях с открытыми плечами и спинами при этом муж или бойфренд одной из них был в спортивной одежде. На большой парковке не хватило мест для всех машины, они стояли в два ряда. Рядом были запаркованы дешевые машины и очень дорогие. Конечно, все снимали видео, а во время концерта приплясывали и свистели... а почему нет?

Первый день в необычной школе. «Одиссея-1»

В США нет единого дня начала занятий в школах, у Лизы учебный год начался сегодня. Это — ее новая школа, ее название «*Odyssey*». Почему именно это имя дал ей ее основатель и директор, я пока не знаю. Возможно, потому что Одиссей был многосторонне развитой личностью, возможно, в силу иных причин (узнаю), но теперь ясна природа названия этих заметок — я поставил «Одиссея». Номер «1», так как хотел бы в течение тех лет, что Лиза будет учиться в этой школе, записывать мои наблюдения. Чем вызвано это желание? Необычностью школы. Думаю, что постепенно все станет на свои места; необычность не будет казаться такой уж необычностью, будет понятно: по делу эта необычность или она ничего не дает для развития ребенка.

Но это все впереди... пока я не могу и не хочу как-то структурировать текст, пусть он будет живым.. как сегодняшние впечатления...

Школа — это отдельно стоящее небольшое здание сельского типа, одноэтажное, стоящее внизу склона довольно крутой горы почти в лесу. Территория вокруг школы небольшая, но разумно устроенная. Это так называемая middle school, в ней только три класса: один — шестой, один — седьмой и один — восьмой. Школа — частная, недешевая, но среди частных школ в радиусе часа езды от нас и не самая дорогая...

Лиза пошла в шестой класс, в него в этом году было принято 9 (да, девять человек), пять девочек и четыре мальчика. Думаю, что в каждом из «старших» классов учится не большее число учеников, или, как говорят в Америке, students. Это уже необычно, но это элемент системы. Следующий элемент — я не знаю пока, как это все реализуется — все обучаются вместе: младшие и старшие. Не знаю, как это организовано, но это так.

Рабочий день начинается в 8: 15 утра, кончается — в 15: 30. Программа каким-то образом соотнесена со стандартами обучения в Америке и в Калифорнии, в частности, но она и по предметам, и по содержанию, конечно же весьма отлична от того, что условно можно назвать стандартом. В школу был большой конкурс, длительное собеседование с детьми и родителями. Что это даст? Пока не знаю. Никакой формы здесь нет, но через пару дней детям дадут майки и куртки с эмблемой школы.

Сегодня я специально приехал в школу не в 15: 30, а минут на 20 раньше.. мне все интересно, и я хотел увидеть как можно больше и поговорить с преподавателями так — неформально. Приехал, вышел из машины. Запах хвои и сухой травы, тишина. Оказывается сегодня (и завтра) в школе только «малыши» — шестиклашки: им — все внимание. Мне и в школу заходить не надо было, вся эта «орава» — 9 человек, сидели в глубине участка под деревом на врытых в землю «пеньках», обрезках бревен, с ними были две учительницы. Издали они мне показались совсем молодыми, но вблизи — были еще моложе. Это явно был разговор «за жизнь»..

Пока я сидел на скамейке около дома ко мне подошел молодой среднего роста, худощавый японец (вообще, такие ребята в случае чего могут вмиг вырубить нескольких бугаев). Сразу, по-американски протянул руку и назвал свое имя — Хироши. Я тоже представился и сказал, что видел его фото на сайте школы (на сайте <http://www.odysseymy.org/bios.html> фотографии всех преподавателей и краткая информация о них). Это был учитель японского языка и компьютера. В школе дети изучают японский, он, по мнению директора, наиболее отличен от английского: оттачивает

логику. Хироши говорит по английски с сильнейшим японским акцентом. Преподает он не только язык, но и японскую культуру. Он родился в Японии, окончил там школу и колледж, а в Сан-Франциско получил степень магистра по преподаванию японского как иностранного. В Америке говорят — «как второго языка». Он мне сказал, что в школе есть традиция, пару раз в неделю в конце дня встречаться с учениками для общего разговора. По пятницам все ездят в ближайшие национальные рестораны. Чем там будут кормить, я не знаю, скорее всего, у директора есть договоренность о заметной скидке для большой компании, так как стоимость такого ланча — 10 долларов..

Во время моего разговора с Хироши подошла высокая и очень стройная девушка с короткой спортивной стрижкой, протянула руку, назвалась Клаудией и сказала, что преподает математику. Я сразу ей сказал, что хочу быть ее другом. В ее произношении чувствовался легкий немецкий акцент, Дома на сайте я прочел, что она — немка, из Баварии, училась в Германии и во Франции, имеет магистерские степени по математике и физике, преподавала в Швейцарии (на немецком и французском языках) всегда мечтала стать учителем, пару лет живет в США, так как ее муж работает в Институте теоретической физики в Стэнфордском университете (замечу, одним из известнейших в мире научных коллективов в этой области исследований).

...Пока я был с Хироши и Клаудией, рядом спокойно прогуливался *Spiritual Advisor* Юки — пятилетний желтый лабрадор директора (фото — на том же сайте, где и все учителя). Собака ходит по классам, дети с ней играют, прекрасная психологическая разрядка...

О директоре Стивене Смуине, думаю, что ему за 60 (естественно, дети обращаются к нему — Стив) расскажу позже. Сегодня он разбирал с детьми несколько произведений Шекспира, которые они должны были прочесть летом. Лиза сказала, что все скучали. Я ее успокоил, сказал, что это действительно очень сложная тема, и многим было бы скучно.

Запахи утра

Я встаю рано и в половине восьмого утра после часа-полтора работы стараюсь немного побыть на улице. Иногда быстро пройтись, иногда немного пробежать. Ежедневно не получается, но четыре-пять раз в неделю все же случается. Утром природа заряжает человека энергией, но, пропускающий это чудесное время, не способен понять этого явления.

Доминирующий запах утра — особая свежесть и, если есть ветер, а он почти всегда есть, легкий запах Океана. Мне он напоминает чем-то запах Финского Залива, весной-летом к нему добавляются запахи цветов и цветущих деревьев, но бывают совсем безветренные дни, и тогда ничего этого нет...

Сегодня я вышел из дома и сразу повернул направо. Если бы повернул налево, прошел бы тот же путь, но, скорее всего, этих записок не писал бы... повернув направо и обогнув наш дом, я сразу оказался в облаке мощного ванилинового запаха. Так пахнет пудра, которой посыпают булочки, пончики, всякую сладкую выпечку. Я проходил мимо небольшого кафе, оно было еще закрыто, но рядом с ним на столике стояли два-три ящика свежей выпечки, укутанной в бумагу. Скорее всего, их недавно подвезли и оставили, чуть позже придет владелец кафе и занесет в него эти ящики...

Через три минуты, миновав центральный офис всемирно известной компании *Visa International*, той самой, что выпускает электронные карточки, я оказался на моей любимой плазе, на которой одно за другим расположены три кафе, одно из них входит в крупнейшую в мире сеть кафе «Старбак» (*Starbucks Corporation*); лишь в США их свыше 11 тысяч. Храня в себе еще запах свежих булочек, посыпанных ванилином, трудно не обратить внимание на густой запах свежего, горячего кофе. Запах идет не только из постоянно открывающихся дверей, но и от столиков, за которыми так рано уже сидят любители кофе..

Напротив «Старбака» расположен магазин «Ош» (*Orchard Supply Hardware*), входящий в калифорнийскую сеть магазинов для фермеров, которая начала складываться в 1931 году; 30 фермеров скинулись по «тридцатке». Это товары для дома и сада: инструменты, электротовары, материалы для строительства дома, и есть оранжерея, в ней можно купить цветы в горшках, рассаду, удобрения, двухметровые пальмы, перед Рождеством — елки. 45000 наименований. Когда я прохожу мимо этого магазина, я часто вижу около него невысокую молодую женщину, блондинку с распущенными волосами, под «Колдунью». У нас принято, проходя мимо человека, особенно утром, когда людей на улицах совсем мало, здороваться. Я говорю: *Morning*, она отвечает: *How are you* — вот и весь разговор. Сегодня она колдовала на улице над тремя стеллажами рассады. Ящики стояли на поддонах с колесиками, и она закатывала их в магазин. никакого ярко выраженного запаха рассада не имела, но какая-то особая свежесть чувствовалась, когда я проходил рядом..

Через три-четыре минуты я пересек главную улицу нашего города и оказался у невысокого нового здания городской администрации. Перед

ним — большая клумба и памятник основателю города Джеку Фостеру. Сразу за этим зданием простирается огромное поле, со временем там будет устроен парк. Сейчас — это почти дикая земля, по краям поля растет что-то типа полыни и медицинской ромашки, очень приятный запах, горьковато-сладкий. Весной я там часто вижу каких-то странных зайцев на очень длинных ногах..

Обогнув поле (вся моя прогулка уложилась минут в 12–15), я оказался в географическом и рекреационном центре города, это очень большое озеро, по его берегу утром, днем и вечером гуляют люди. Запах воды сам по себе сильный и свежий. Сегодня приводили в порядок газоны, расположенные недалеко от воды, так что чувствовался терпкий запах свежесрезанной травы...

Завершая мой путь вдоль озера, я нагнал женщину, с которой мы одновременно подошли к светофору. Она была одета в элегантный черный деловой костюм и легко надушена какими-то современными духами. Во мне они не вызвали никаких ассоциаций, но запах был приятным...

И вот, уже подходя к дому, я почувствовал нечто вроде запаха хлорки — это только что закончили мыть тротуар около магазинов. Он был еще мокрым, в том месте, где я проходил, все было чисто, но чуть подальше молодые мексиканцы терли щетками тротуар и смывали мыльную пену из шланга.

Масса утренних запахов и впечатлений. Сейчас я подумал, а можно было бы написать про утренние звуки. Трудно. Слишком тихо.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Социологическая мысль сегодня

или «новый конвенционализм»: между суверенной действительностью и виртуальной реальностью

[А. Г. Щелкин](#)

На недавней довольно представительной конференций по социологии один из участников предложил: «Давайте, все-таки, договоримся: что такое «общество»?». Речь как будто бы шла о терминах, но автор, кажется, не догадывался, насколько он оказался прав онтологически. «Как вы шхуну назовёте, так она и поплывёт». Социальный мир имеет *n*-ое количество вариантов своего «инобытия». «Всё может быть по-другому», — говорит Никлас Луман, объясняя принцип «контингентности-случайности». Выбор же из всех «возможных миров» в пользу той или иной социальной реальности происходит совсем «не случайно», а вполне детерминировано. Последняя легитимизация выбора осуществляется, так сказать, на ментальном уровне. П. Бурдьё в этой связи говорит о «культурном капитале», который формирует физиономию социума с не меньшей убедительностью, чем «капитал экономический».

И всё было бы ничего, если бы с этим «культурным капиталом» в последние годы не происходили странные вещи. Будем говорить о социальной ментальности, еще конкретнее — о социологии. Медицинский факт — имеем масштабный казус постмодернизма в социологии.

Однако «постмодернистская» победа над «классикой» досталась дорогой ценой. Более странной социология никогда не выглядела. Не обремененная импульсом больших социальных проектов/движений и общественного критицизма, свободная от пафоса «гранд-теорий», агрессивно-презирающая «суверенитет» социальной материи сегодняшняя социология страдает от плюрализма изолированных друг от друга различных «версий» и понижения уровня своих претензий до «социологии повседневности».

С таким социологическим багажом трудно отвечать на вызовы «альтернатируемого будущего», макетно определиться, «что такое (доброкачественное) общество — вопрос, с которого собственно и начался наш разговор.

Что делать?

Многое, что можно делать. Главное — делать. Например, почему бы не помыслить сегодняшнюю ситуацию в терминах, скажем, такого вот под-

хода — в терминах концепта «конвенциональной онтологии социума». А если учесть, что онтология есть учение не просто о бытии как таковом, но о подлинном бытии, то фактически речь идет о социальной онтологии «нормального» или, как сейчас говорят, «хорошего общества».

Таков сценарий предстоящего разговора. И, если, читатель, этот туман предисловия не отбил у тебя охоту к интеллектуальным приключениям, то тогда вперед! Ты ничем не рискуешь. Скорости самые щадящие. Пристёгиваться не надо. Можно сойти в любое время.

Классическая и «современная» социология: сравнительный портрет с назиданием

Поневоле модная тема — классика и современность/модерн. Почему сегодня предпочитают, однако, другую классификацию: модерн — постмодерн? Потому что в этом случае «исчезает» классика, точнее, она теряется в модерне. Дело в том, что постмодернисты определяют «модерн» как период от Возрождения до середины XX столетия. Но постмодернистское отпевание классики в модерне непродуктивно, т. к. классика имела место еще в Античности. И, кроме того, Модерн в собственном смысле — это период только XX столетия. Хабермас, хотя и говорит о модерне, но называет его «неоконченным проектом», т. е. фактически имеет в виду классическую социальную мысль, которая еще не реализовалась. Отсюда самое время задать вопрос:

«Что есть социологическая классика?» В самом общем виде: это те теоретические парадигмы, в которых сформулированы условия и константы «нормального» социума. Как теоретическая мысль социологическая классика, действительно, начинается с Античности. Затем возрождается в эпоху Ренессанса, дерзко «штурмует небо» в век Просвещения, становится законодателем мод в XIX веке (марксизм и буржуазно-либеральный «дискурс») и даже продолжает присутствовать в сегодняшнем ландшафте социологической мысли (скажем, например, скромно — в традиции структурно-функционального анализа и более экзотично в моделях «кибернетики второго порядка», Н. Луман). Казалось бы, солнце никогда не зайдет над «классической социологией». Но ситуацию взорвали постмодернисты. Почему?

Почему постмодернисты (Фуко, Лиотар, Бодрийар, Делёз, Деррида и др.) взбунтовались против классической парадигмы, почему они объявили «войну целому» (Ф. Лиотар). Условно — две причины. Первая, так сказать,

социальная — разочарование в Модерне (по их классификации). Всё началось с разочарования в Просвещении (Адорно) и в Коммунизме (западная интеллигенция). Классическая ставка на Разум и Самосознание (Гегель-Маркс) якобы привела не к эмансипации человека, а к тоталитаризму и Освенциму. Рационализм же позитивизма (от Конта до Парсонса) вообще не мог подняться над уровнем «нормальной ненормальности» капитализма. Вторая причина — эпистемологическая. Здесь всё началось с «триумфа» феноменологии (в социологии это А. Шюц), а закончилось «эпистемологическим хулиганством» П. Фейерабенда — *Anything goes*, «всё работает». В том смысле, что «общество» и «культура» слишком раскомандовались, стали «тоталитарно ориентированными» и исповедуют дух власти и дисциплины. А на самом деле де «работает всё» — любые схемы отношения и объяснения мира. Так что — вперед, на свободу! В результате получили «постмодернистскую социологию». Осталось только получить ответ на вопрос: что это такое.- «Что есть постмодернистская социология?»

Видный и заинтересованный специалист по этому сюжету З. Бауман лаконичен: «это постмодернистский комментарий к повседневности». Действительно, отказ от «общества» как мега-структуры в пользу повседневности продиктован постмодернистским умыслом найти в этой повседневности «социальное» средство от диктата и административности «больших структур». Кроме этого ради хрестоматийной верности здесь надо было бы упомянуть не все что-то про постмодернистские «нарративы», «децентрирование» субъекта, метафизический порок принципа «присутствия» сознания, который, мол, загубил классику/модерн и про прочие «эпистемологические ужасы». Наберемся, впрочем, терпения — об этом чуть позже. Нас, неисправимых социологов, конечно, заинтриговал дерзкий сюжет о смерти «большой социологии», о закате «гранд-теорий», в общем — известие о похоронах социологической классики, которая, ничего не подозревая, как мольеровский г-н Журден, непринужденно оперировала такими понятиями, которые сегодня мы бы назвали «мега-структурами» и «большими трендами».

Похоже, что своей философской, лучше сказать, эпистемологической заносчивостью постмодернизм обязан феноменологии. Причем той феноменологии, которая как бы остановилась на пол пути своего бескомпромиссного исследовательского энтузиазма. Да, стало общим местом считать, что субъект — социолог или само действующее лицо (пресловутый актер) — имеют дело не с (социальной) реальностью, а с восприятием этой реальности. Непосредственный контакт с реальностью ещё никому

не удавался, разве что ясновидцам, визионерам, спиритуалистам и прочим представителям пернатых — *rara avis*. В общем, прав старик Гегель: все непосредственное, в сущности, опосредовано, хотя мы можем этого и не знать. Поэтому сам-то основатель феноменологии Гуссерль стремился через редукцию непрозрачности субъекта найти технику возвращения к вещам. Бескомпромиссным девизом Гуссерля был призыв «Назад к самим вещам!». Последователи Гуссерля оказались не так последовательны, как учитель. Остановились как на главном, на том, что должно быть преодолено — на субъективном восприятии и конструировании действительности. Для реального субъекта «феномен» — это, действительно, единственная реальность, это единственный «образ», на который он опирается в своем поведении. И мы, действительно, ничего не поймем в этом поведении индивида, если не реконструируем в качестве социологов этот «образ». Но если для объективной социологии с этого момента только и начинается профессиональная работа по выявлению «контекста» наиндивидуальных и надгрупповых структур, то для постмодернистской социологии мир пребывания и действия субъекта результируется во «фрагментах» и «плюрализме» человеческих опытов. Такое ощущение, что корпус социологической науки то ли сводится к реконструкции индивидуальных практик, то ли с этой реконструкции как с фундамента начинается возведение социологической теории. Как бы там ни было, архитектура этой теории начинается с артикуляции ментального опыта субъекта, его «повседневного знания» (А. Шютц). Надо отдать должное и отметить, что у А. Шютца нет и тени «солипсизма» и «имманентности». С его точки зрения, «повседневное знание» пребывает в социальном контексте в том смысле, что оно несет на себе печать «социально значимого знания». Более того, Бергман и Лукман, развивая тот же подход, кажется, попытались уравновесить исходную точку субъектного видения мира («Общество в человеке») прямо противоположным феноменом — социальной детерминацией («Человек в обществе»). Но если вы попытаетесь найти в этом детерминизме следы «реифицированных» (овеществленных, материализованных) структур, то это означало бы требовать от феноменологии невозможного — по принципу: «даже самая красивая французская девушка не может дать больше, чем она может дать». У Бергмана и Лукмана наиндивидуальность выступает в форме готового и «социально распределенного» ... знания.

Но если первых феноменологов в социологии — прежде всего Шютца, Лукмана — отличало простое достоинство учёных как авторов одного из направлений (аспектов) науки социологии, то о постмодернистских энту-

зиастах «социальной повседневности» этого не скажешь. «Новая» социология пришла с намерением заменить «диктаторский» авторитет позитивистских, структуралистских, марксистских и прочих «классических» социологий. Масштабы этого настроения впечатляют. Россия не исключение. «Ныне в России ни страшная борода Карла Маркса, ни указующий перст Талкотта Парсонса никого не пугают»¹. Действительно, на отечественных просторах стихийная волна «социологии повседневности» особенно примечательна и, понятное дело, поучительна.

Прежде всего, впечатляет самоаттестация этого направления. Часто можно услышать, что это «качественная социология». Вот один из примеров: «Кажется, в лице качественной методологии воплотилась давняя мечта А. Шютца о возврате «забытого человека» в лоно социальной науки ... Реальный человек, «маленький человек», взятый в контексте его повседневной жизни, его поведения и сознания — вот главный объект интереса [качественной] социологии»². Другой автор пишет: «Я назвала свою социологию «гуманистической» потому что в ней существуют «гуманные и партнёрские» отношения с социальной реальностью, с людьми»³. Ирония нас всегда наказывает за нетерпеливость.

Здесь же поучительная ирония состоит в том, что хотя подобный стиль и жанр «социологического гуманизма» по-человечески понятен и объясним, более того, имеет свою ценность, но к «гуманизму» всё это не имеет никакого отношения. Если вы как ученый клянетесь в любви к «рядовому человеку» и на этом основании объявляете свое направление «гуманистическим», то тут даже формальной логики не больше, чем в уверенности одного чудака, который считал, что врача-специалиста по сифилису надо называть «сифилитиком». Но дело даже не в этом. Гуманизм — хоть в социологии, хоть в жизни — как говорится, обязывает. Опыт подсказывает: «Не держи посулом, одолжи отказом». Многие спотыкаются на этом. Гуманизм — это не прекраснодушная любовь к человеку. Это, прежде всего, понимание не человека, а условий человека, по принципу — будут условия, будет и человек. Быть гуманистом — это значит бороться не за человека, а

¹ Ю. Качанов. Начало социологии. — СПб.: «Алетейя». 2000. С. 220

² А. Готлиб. Новая функция социологии или какая социология нам нужна — В кн: Социология: вчера, сегодня, завтра. Социологические чтения памяти В. Б. Голофаства — СПб.: Бильбо. 2008. С. 38

³ Г. Саганенко. Гуманистическая перспектива социологии. — В кн: Социология: вчера, сегодня, завтра. Вторые социологические чтения памяти В. Б. Голофаства — СПб.: Бильбо. 2008. С. 38

за условия его существования. Точь-в-точь, как в вечном крике души: «Не учи меня жить, помоги лучше материально!» Строить социологию на «прямом» обращении к человеку — это род утопического подхода. Известно, что, например, русская духовная философия на этом сильно обожглась. П. Струве подобное прекраснодушие назвал «ошибкой короткого замыкания». В этом смысле в серьезной ученой среде не строят иллюзий. Альтюссер, например, пишет работу «Против гуманизма», имея в виду всё тот же грех «гуманизма» — игнорирование структур и базисных условий, на фундаменте которых человек сам себя реконструирует. Почти как в забытом кино: «Если обстоятельства формируют человека, то задача состоит в том, чтобы сделать эти обстоятельства человеческими»

Вот мы и вернулись к тому от чего нельзя увернуться — к структурам. Здесь самое время продолжить исследование вопроса, почему постмодернисты так ополчились на структуры, которые по факту работают как «инварианты», «формы», «предпосылки» и которые по причине их безусловной необходимости воспроизводятся в том самом процессе, в той самой деятельности, том самом поведении, условиями которого они являются. Сами постмодернисты себя называют «постструктуралистами», хотя это невинное «пост» честнее переводить как «анти». Очень похоже, что для того чтобы избежать неприятной диалектики структуры и действия, объективного и субъективного, условий (социального) бытия и самого бытия, одним словом, той диалектики, которая сохраняет и предполагает не только континуальность, но и дискретность, квантифицированность, опять же структурность действительности. Одним словом, постмодернисты предпочитают спрятаться в «синергетику» как единственную онтологию подлунного мира.

В этом мире синергетики всё так пластично, стихийно и непредопределенно. Реальное и «виртуальное» — неотлично друг от друга. «Искусственное» имплантировано в первую и вторую «природу» человека — гаджеты, киборги и тамогочи составляют сплошной ряд с естественной и традиционно-культурной средой обитания когда-то бодрствующего разума. Похоже на то, что «аналоговое захолустье» пытается взять реванш у «цифрового моделирования». В то время как освобожденная от пифагорийского мистицизма «цифра» триумфально пробует и открывает мир как всякая дискретность методом итерации — методом постепенно-многократного приближения — постмодернистские упования связаны с «синоптикой», с искусством «размытых алгоритмов», — одним словом, всё с той же синергетикой, возведенной в непоколебимый «метафизический» принцип.

Дело принимает почти необратимый поворот после того, как постмодернистская мысль выставляет свой *ultima ratio*, свой аргумент от гносеологии. Рациональной идее познания, вершина которого концентрировалась в том, что Гегель называл «усилием понятия», постмодернисты противопоставили резому — загадочный образ древа познания, грибнице, которая растет корнями, скорее, вверх, чем вниз и в «кроне» которой классическому разуму, который де дискредитировал себя, нет достойного места.

Всё это чем-то напоминает избитый сюжет «романтического восстания» против классики, которым периодически болеет цивилизация. «Бегство от рацио» почти хрестоматийно. В постсоветской России это произошло с неизбежной закономерностью. Слишком догматизирован и извращен был здесь европейский дух марковского проекта эмансипации. Вместе с водой выплеснули и ребёнка. Отечественная философская мысль бросилась в реставрацию духоподъемного религиозного наследия, а социально-гуманитарная — в объятия постмодернизма. Примета времени. Работа Д. Лукача «Разрушение разума» в советское время не была переведена по причине неисправимого «ревизионизма» автора, а в наше время — по причине неактуальности адвокатов разума⁴. От классической рациональности по виду «новой», «неклассической рациональности», «историчности разума» отреклись все наши «властители дум» — Мамардашвили, Соловьев, Давыдов, Швырев, Гулыга, Мотрошилова, Гайденок. Может быть, не стоит дальше перечислять. И так немало. В свою очередь, и наши социологи не избежали искушений. Видно невооруженным глазом: социология в кризисе. Об этом уже кричат заголовки слишком многих статей — отечественных и зарубежных, — авторы которых знают ситуации не понаслышке. В. А. Ядов настаивает на своем — это не *decline of sociology*, это такая «новая» (постмодернистская) социология, которая отражает принципиальный факт — «полипарадигмальность» теперешней социальной мысли⁵.

Справедливости ради надо сказать, что «здравый смысл» российско-го философского и социологического мышления не сдается быстро и прихотливо постмодернистскому императиву «похоронить классику», объявить «войну целому», заменить социальной науки «нарративами» и «деконструкцией текста» социальной реальности. Разумное (от слова

⁴ Мареев С. Из истории советской философии: Лукач — Выготский — Ильенков. М., 2008. С. 49

⁵ Ядов В. А. Современная теоретическая социология. СПб.: Интерсоцис, 2009. С. 11

«разум». — А. Ш.) прочтение симптома по имени «постмодернизм» можно найти у того же А. Гулыги, который заговорил о «важном моменте — поиске в прошлом того, что утеряно в настоящем... Соотнесение достигнутого в прошлом результата с нынешней ситуацией, признанием эталонного, образцового (подчерк. мной. — А. Ш.) характера этого [прошлого] результата»⁶. Аналогичным образом сошлюсь на П. Гайдено, которая вынуждена признать: «Внимание к единичному, к его своеобразию, его несводимости к общему можно понять: здесь заключается непреходящая правда эмпиризма. Сегодня такой подход усилился благодаря критике «тоталитаризма» науки и научной рациональности... И, тем не менее, философское рассмотрение проблемы рациональности всё же не может остановиться на таком морфологическом уровне; описание случаев необходимо в качестве первого этапа исследования, его отправной точки, но оно скорее ставит проблему, чем её решает»⁷.

Отраднее всего отмечать подобное отрезвление от модернизма/постмодернизма, обращение к «классике» и опору на нее не как на «устаревшее» и «давно прошедшее время», а как, действительно НЗ — неприкосновенный запас, дефицит которого может, по тем или иным причинам, чётко обозначиться в Современности. «Не надо изобретать велосипед, — сказал петербургский социолог О. Божков, говоря, если я его правильно понял, о преимуществе соблюдения, скорее, диахронной приемственности в социологии, чем синхронном анархизме конкурирующих социологий»⁸. В научном творчестве Валерия Голофаства, которому посвящены уже третьи социологические чтения, прослеживается та же важная тенденция. Социальность не противопоставляется как отчуждённая реальность индивиду. Как-то вновь поваяло нормальным социологическим мышлением о том, что в социуме человек как бы «у себя дома»: «Основой общежития является давление (использование) («использование» — очень хороший термин. — А. Ш.) социо-культурной формы жизни, её повторяемость, гладкость, непрерывность (преодоление разрывов и пустот), её полнота и значимость, осмысленность, а не субъективные догадки, смутные ощущения и запре-

⁶ Гулыга А. Что такое постсовременность? — «Вопросы философии», 1988, № 12. С. 157

⁷ Гайдено П. Проблема рациональности на исходе XX века. — «Вопросы философии», 1991, № 6. С. 10

⁸ Божков О. Кризис современной социологии: нужна ли новая парадигма? — В кн.: Социология: вчера, сегодня, завтра. Вторые социологические чтения памяти В. Б. Голофаства — СПб.: Бильбо. 2008. С. 9

дельные эпифеномены души другого»⁹. Впервые после долгого отсутствия в сегодняшней российской социологии вновь входит в социальный, а, может быть, и в политический оборот — подчеркну ещё раз — нормальная мысль о том, что «социальное» есть не тяжкий крест индивида, а его шанс справиться с ситуацией, По-медицински здоровая мысль о том, что индивид должен сделать ставку на «социальное» как на средство своего присутствия в мире. «Социальное» — это не бремя человеческого существования в «долине юдоли и плача», а социальная сила человека. И другой силы у человека нет, кроме разве что героического и отчаянного сопротивления «оносороживанию» и спасение репутации как у героя пьесы Ионеску «Носорог» (если только язык поворачивается назвать это «выходом»!), — так вот другой силы, действительно, нет. Валерий Голофаст как-то внятно, вовремя и самостоятельно заговорил о том, что в наше безвременье постмодернистской беспечности и — извините — безответственности считается старомодной и ископаемой «классикой». Валерий Голофаст заговорил о средствах существования — о «социальном»: «Внутренняя основа действий человека — забота о его собственном присутствии в обществе, о его собственных возможностях, способностях, обязательствах, долге и страхах, надеждах и фантазиях, которые всё — суть внутренние проявления внешних социо-культурных средств существования. Все эти средства человек получает от других в обществе, и именно им он обязан своей человечностью, они дисциплинируют его волю и тело, стоят на страже его чувств и мыслей»¹⁰. Одним словом, после объявленной постмодернистами мобилизации социологов на «войну с Целым», призывов «спасать честь имени», «беречь распри» и прочего мрачного, если только не панического, дон-кихотства¹¹ социологическое сообщество, слава Богу, стало самостоятельно реагировать мужественным здравомыслием и конструктивизмом. Причем тема социальных средств, как уже мог почувствовать читатель, в наше идейно кризисное и невнятное время становится, чуть ли, не судьбоносной. Впрочем, у нас будет еще один небольшой повод к ней вернуться.

Наши расчеты с постмодернистской интервенцией по всему фронту *humanitas* были бы неполными, если хотя бы кратко не упомянуть, действительно, всё меню постструктуралистской кухни, после которого как-то даже не возникает вопрос о его (меню) «релевантности» в смысле про-

⁹ Цит. по: Божков О. Ор. cit. С. 36.

¹⁰ Там же.

¹¹ Лиотар Ж-Ф. Постмодерн в изложении для детей. Письма 1982 — 1985. М.: Рос. Гос. Гуманит. ун-т, 2008. С. 32.

граммы действий, если опять же не считать вышеупомянутые «чинить и беречь» такой программой. У российского социологического сообщества, может быть, и атрофировано политическое самолюбие, но вот про его познавательное и научное любопытство этого не скажешь. Оно не без романтического энтузиазма поглощает всё необычайное и нескучное. Я говорю, в том числе, и про постмодернизм. Однако опять же с точки зрения возможностей Истории и Социума, исчерпанность которых (возможностей) можно предположить только при сильном идейном утомлении, — так вот с этой точки зрения результативность постмодерна, при всём к нему сочувствии, очень проблематична. Суди сами.

Тема социального авторства индивида как авторство, запечатленное в артефактах, объявлена закрытой (знаменитый постулат о «смерти автора»). Социальность отождествляется с текстом, коварство которого состоит в том, что за ним по законам интерпретации, легко обнаруживается еще один текст и так до изнеможения. Исключительно различие, а не единство является конституирующим принципом постмодернистской картины мира. Отсюда якобы ошибочность представления о «неразделенном», «центрированном Я» Равно как в «понятийном» и «категориальном» отношении к миру не схватывается якобы неповторимость и контингентность бытия. И, наконец, сам язык науки, с позиций постмодерна, не может быть изоморфен «грамматике» объекта. Судьба языка науки быть языковой игрой.

Если в этом действительно состоит научная программа постмодернизма, то её обреченность на такого рода игровую свободу от неслабой драматургии Жизни действительно неизбежна со всеми вытекающими для постмодернистской моды последствиями. В нашем, социологическом, случае можно сказать, что спровоцированное постмодерном подозрительное и негативное отношение к «работе» (мега-) структур — плохая услуга социологии. Со времен социологической классики известно, что эти структуры онтологически вписаны в воспроизводство и динамику социума. Вышеупоминаемая тема «средства существования и самоё существование» бросает дополнительный яркий свет на проблему (мега-) структур в социологии. Даже при сильном «социологическом воображении» от них нельзя отречься. Они суть возможности/условия сверхбиологического бытия Индивида. Их игнорирование, их беспорядок чреваты уже на этом, индивидуальном уровне. (Ср.: пронизательную реакцию обывденного сознания: «Какая это жизнь?! Это не жизнь, а так — существование») Надиндивидуальные (мега-) структуры, как правила игры, можно и, чаще всего, надо — и это

правда — изменять. Зачем? Сент-Экзюпери: «Мы подчинились (новым) правилам игры, и они изменили нас». По-другому не бывает.

Так что когда в замурованном пространстве каждодневности как пространстве «игры-представления» (Ги Дебор: «Общество спектакля») и «текста» (Деррида: «Вне текста нет ничего») постмодернисты ищут пути эмансипации индивида от власти «эпистем» (Фуко), «интерпретации» (Деррида), — то всё это, может быть, и славно, но «новые эпистемы» и «новые интерпретации» (деконструкции) как бы представляют собой сорт какого-то «избыточного знания» нерелеванного ни для актора, ни для наблюдателя. Этот тип знания, повторимся, неинверсивен, не может быть материализован, для *Praxis*'а он бесплоден. В лучшем случае мы получаем порочный круг: постмодернистские «концепты» реифицируются, овеществляются в практики повседневности, и сами этими практиками вдохновляются и «обогащаются». Одним словом, пришли к тому, от чего хотели избавиться.

Другая неудача постмодернизма — слишком легкомысленное обращение с принципом контингентности, «случайности» — «Всё может быть другим». Это стало даже источником известного упрёка постмодернизма в безбрежном релятивизме — де всякое социальное поведение и его интерпретация «может быть другими». Но, социум, слава Богу, не «таблица случайных чисел». Хотя «социальное» имеет в отличие от «природного» *n*-ое количество степеней свободы, но всё-таки *n*-ое — не бесконечное, а уж реализуется и вообще только одна. Равно как и в плюрализме интерпретаций есть, по природе вещей, и такие, чуть ли не единственные, которые, по удачному выражению Бергмана и Лукмана, сделаны с позиции «эпистемологической привилегии», то есть, выражаясь на языке классики, «не удваивают реальность», «не умножают сущности», а попадают в точку, т. е. адекватны.

Пишущему эти строки, впрочем, не следовало бы принимать позу невинно обиженного защитника основ и традиций социологии. Правду сказать, неудовлетворенность эвристическими возможностями постмодернистской социологии ощущается всё заметней. Скромный до банальности вопрос: возможен ли «ренессанс» классической социологии, и если да, то в каком виде и при каком условии?

В арсенале «классической традиции» есть, действительно, ряд идей, схем и отношений к социальному миру человека, которые, действительно, можно трактовать как «незавершённый проект». Речь идёт о «классической традиции» Аристотеля — Гегеля — Маркса рассматривать (социаль-

ную) онтологию как учение не просто о сущностных структурах и силах (общества), а о сущностях — *Nota bene!* — подлинных, истинных, настоящих, действительных. Это значит, что в реальности, в реальном социуме совсем не обязательно «в данный момент» присутствуют и «просвечиваются» эти структуры. Разумно только действительное, но не обязательно реальное. «Действительное», «истинное», «настоящее (в смысле — стоящее)», «подлинное» — это норма, эмпирически очень редкая. «Реальное», «фактическое», «конкретное», «эмпирическое», скорее, несет на себе печать ненормальности, патологии. Отсюда пафос классики — концептуальный прорыв к «норме», к «природе вещей», к «сущности», к «понятиям». Отсюда и крик души современной социологии — призыв к построению модели «нормального», «хорошего общества».

Нельзя не отметить: любопытная симптоматика сопровождает или мотивирует этот крик души. Например, автор работы «Хорошее общество»¹² Валентина Федотова объясняет: «Я написала эту книгу, противопоставив идею «хорошего», приемлемого для жизни общества стремлению построить «идеальное» общество, которое преследовало Россию как в советский, так и в постсоветский период»¹³. Из этого признания можно видеть, насколько мы непродуктивно удалились от «классики» и потеряли ключи к ее словарю. Понятие «идеал» совсем не означает то, что бытует в современном сознании — идеал, как нечто несбыточное, по причине его нереальности или даже фантасмагоричности. Оказывается, идеал от слова «идея», «эйдос». Этим словом классика обозначает состояние вещи в её норме (в отличие от патологии), обозначает природу вещи, отклонение от которой (природы) чревато. Вот и всё. Не верить в идеал — значит не верить в природу вещей, в возможность нормы, в существование нормальных вещей как реальных.

Так что вечная классика легко мирит два понятия «хорошее общество» и «идеальное (в смысле «нормальное») общество». С. Липсет в работе 1960 года «Человек политики» назвал стабильную демократию «хорошим обществом в действии». Похоже на правду. Но правда и то, что демократия может легко превратить общество в ад и сделать социальную жизнь невыносимой. И, тем не менее, С. Липсет прав. При одном «классическом» дополнении — стабильна зрелая демократия. А до этого есть опасность

¹² М.: Прогресс-Традиция, 2006.

¹³ Интервью с В. Г. Федотовой. — Журнал социологии и социальной антропологии. 2008, № 3. С. 5.

отклониться от цели назначения — демократии как «хорошего общества в действии». Россия в эпоху европейского Просвещения и позже укреплялась как имперское, а не демократическое государство, что и давало повод злему на язык маркизу де Кюстину обратиться к словам Дидро: «Русские сгнили, не созрев». Чтобы этот приговор не стал русской судьбой, Россия с переменным успехом идет к зрелой демократии своим темпом и по своему сценарию. Точка невозврата к иллюзиям и застою — точка пересечения «зрелой», «стабильной демократии» — она же точка начала «хорошего», «идеального» российского общества. В этом несложное в умственном, но трудное в волевом отношении поучение классики. В этом же состоит и сущность самой «классической социологии» — ее можно определить как концепт, в котором рассматриваются опорные точки «нормального», (читай: «непатологического»), «настоящего» (читай: «стоящего»), «действительного» (читай: «действенного»), «целостного» (читай: «целый») в смысле «невредимый» общества, «хорошего» общества. Эти реперные (опорные) точки «классика» рассматривает одновременно как «точки невозврата», «точки необратимости», а значит, эпохи в эволюционном развитии социума, его, извините, исторического прогресса.

Однако это, слава Богу, еще не всё. Разговор об эвристическом потенциале «классики» с этого момента, можно сказать, только начинается. Классический подход видит в идеале как норме еще один (хотя это всё то же самое) аспект: идеал-норма-идея/понятие вещи — означает вещь в её расцвете, зрелости, полноте, плероме — на языке всё той же классики. Знаменитый афоризм Гегеля — «Вещи нет, когда она начинается». Может быть, в этом и вся квинт-эссенция «классической эпистемы» — школы Аристотеля — Гегеля — Маркса — современных её представителей, в меру сконцентрировавших и в меру рассыпавших это наследство (Д. Лукач, Мих. Лифшиц, франкфуртская школа критической теории, включая Ю. Хабермаса)

Дело в том, что в этом смысле Социум (Культура, История) — и без социальной (человеческой) мысли как профессионального усилия, — сам стремится к норме и здравости, состояния которые достигаются всё в той же зрелости. (Вспомните как спасали репутацию и судьбу своего детства советские коммунисты, когда теоретизировали о зрелом социализме. Грамотные были ребята. Приходится говорить об этом без иронии. Знали классику, во всяком случае, терминологически).

Социальная мысль (социология) должна только «схватить» эти зрелые тенденции, черты, состояния. Законный вопрос: где критерий «зрелости»?

В ответ так и хочется сказать по-современному: «Не вопрос!» Надо только сделать шаг назад в нашем алгоритме. Там зафиксировано: «зрелый» значит «нормальный», значит *mesotis* — по середине, «золотая середина», то есть и не недозревшее и не перезревшее состояние, и не *climb*, и не *decline*. Состояние благополучия, «хорошее» состояние. В этом случае внешний наблюдатель находится в положении, которое, как уже говорилось, авторы работы «Социальная конструкция реальности» Бергер и Лукман, удачно назвали «эпистемологической привилегией». Всё видно невооруженным взглядом. Впрочем, в «классике» это известно давно под названием «практические истины» — сама реальность (социум) сложился не просто в «значимую» конфигурацию, *frame*, как бы сейчас сказали, но фактически несет полноценное знание о самом себе. Не надо прибегать даже к метафорам. «Зрелый» социум сам становится метафорой самого себя. Другое обозначение этой же ситуации, (situации-удачи, ситуации мечты для социолога) — социум моделирует самого себя: всё в нем, скажем так функционально и сущностно прозрачно) — чуть не сказал, «как в машине». Почему сова Минервы, сова мудрости вылетает ночью? Да, потому что — опять же «классика» — вылетает, когда все свершилось, или, выражаясь «по-современному», случилось. Конечно, плохо, что мудрость не участвовала в свершениях, в делах человеческих. Но таков уж наш удел. Но всё-таки сова потому и мудра, что летит как бы на готовое, на готовый «фрейм», в конечном счете, на готовое знание, на то, что языке обыденного сознания, обозначается как «это самоочевидно...»

Постмодернисты нетерпеливы и вылетают раньше сумерек. В ярком солнце бодрствующий Социум и прекрасен, и страшен одновременно. История и в правду не прямолинейна, как Невский проспект. Картина действительно драматическая, а местами и вызывающая отчаяние. То грандиозные проекты социальной эмансипации, хрустальные дворцы первых Всемирных выставок и прочие триумфы Разума, то идейно обоснованный Освенцим и геноцид за геноцидом. Похоронив Разум истории, постмодернисты, похоронили собственно и потребность человека в рациональности. Раз уж «подобное познаётся подобным», а исходное подобное неразумно, то и нужда в «рациональной эпистеме» отпадает по определению.

Поэтому постмодерн вдохновляет социологию на нарратив о повседневности. А это уже и не Теория, и не Онтология. Постмодернизм, отказываясь от «Науки», отказывается от «Онтологии» в пользу пресловутой «Реальности» и поневоле становится легимимизацией статус-кво. Это оппортунизм чистой воды. «Реальность» тем отличается от «Действительнос-

ти», что последняя в «классической аксиоматике» — разумна, а реальность не обязательно. Поэтому не всякой реальности доверяйте, а «виртуальной» — тем более. Как результат: в «постмодернистской» повседневности мы не обретаем безопасности от диктата того, от чего они спасают человечество — от диктата «общего» и «тотального». При такой стратагеме мы, скорее всего, как раз и попадаем в «постмодернистскую ловушку» — ловушку Власти. У социума нет концептуального, понятийного, социологического инструмента Эмансипации от этой Власти или, скромнее выражаясь Контроля всё за той же Властью.

А вместе с тем, мир не только «реален» и оппортунистичен, он еще местами «действителен» и «подлинен», т. е. раскрывается-конструируется в соответствии со своей сущностью, в соответствии со своим «понятием». И это обнадеживает. Более того. Как выясняется, «хитрость мирового разума» хотя и даёт нам повод назвать его сценарии коварными, но злонамеренными — никогда. Как выразился один классик в том духе, что давайте будем в нашем терпимом отношении к миру не менее щедрыми и не менее снисходительными, чем сам мир. И то правда. В эпоху «классического мышления» корифеи были не менее прозорливы, чем мы. А значит и спокойнее, чем мы: «Как разум вошел в мир? — Конечно, неразумным образом!» В классике много «реализма» и трезвости, но нет даже признаков слабохарактерного и оппортунистического отречения от рациональности вообще или в пользу «новой» рациональности в частности. Террор якобинской демократии 1793 г., *Die Endlosung* Освенцима и Треблинки, самое масштабное в мире государственное преступление Иосифа Сталина, каннибализм красных кхмеров в Камбодже, этнический геноцид в Руанде — это бесконечный позор коллективного разума человечества. Но это не повод к капитуляции и отречению. К голому «отрицанию». Это повод к стыду, а стыд — это гнев, обращенный вовнутрь. Значит, речь идет об «отрицании отрицания». Постмодернисты скажут, речь-то идет, а вот идут ли в этом направлении дела человеческие — вчера, сегодня, завтра?

В перечисленном мартирологе есть один социологический факт, который мог бы послужить основой для ответа на этот неизбежный вопрос. Речь идёт даже не политической, а просто о географии преступных злоупотреблений общественным Разумом, социальной Рациональностью. Эпицентр безумия за два столетия сместился из Европы за её пределы, на периферию континента европейской демократии, в область, как сказал бы А. Тойнби, «внешнего пролетариата». Теоретическая нетерпеливость постмодернистов, заставляющая их в отличие от совы Минервы вылетать

до срока, как раз и оставляет за пределами постмодернистской оптики не столько сам этот «социологический факт», сколько его смысл и значение — остается без адекватной интерпретации суть — процесс «превращения Истории в Систему», исторической диахронии в социальную синхронию. Именуемая иногда как «конец истории» эта трансформация означает, что в структуре современного общества происходят такие качественно-необратимые процессы, которые не позволяют уже ему «соскользнуть» в тот или иной тип катастрофы, которой так часто усеян исторический путь всякого общества к своей зрелости, а точнее, полноте и рациональности.

Собственно «классическая» социология и фиксирует эти условия, необходимые и достаточные для такого необратимого состояния, для такого «необратимого», «хорошего общества». В самом общем виде можно сказать, поиски и отбор совершаются по всем «трем этажам» человеческого социума — экономике, политике и культуре. Каждый из этих секторов имеет свою автономию и управляется своим собственным «осевым принципом»¹⁴.

В области экономики такие «необратимости» долго искали на путях либеральной экономики и её совместимости с присутствием государства в экономической жизни. Похоже, что некий оптимум здесь найден, и экономику развитых стран едва ли ждут революционные и качественные изменения. Наиболее радикальные изменения могут происходить в экономике на том её ещё не пройденном «историческом» пути, который сегодня привычно называется «глобализацией». События тут только начинают разворачиваться.

В сфере же политических институтов, похоже «правила игры» утвердились, ставки на главные принципы сделаны. И теперь собственно речь идет не столько о выработке модели демократии, сколько о пользовании этой демократией в банальном «рабочем режиме». Культура как социальный феномен тоже прошла свой «исторический» путь к собственной функциональной и структурной зрелости. В этом отношении показательны уроки «культурной революции» на рубеже 1960–1970 годов и «неоконсервативной революции» 1980-х годов. Культурный модернизм тех лет был политически очень активен и претенциозен. Удар по буржуазному образу жизни был нанесен очень серьёзный, но не разрушительный. Общество отреагировало консервативной защитной реакцией. Результатом этих «культурологических» баталий стал тот же примерно, что и в политике — социально более устойчивый способ присутствия культуры в современном

¹⁴ D. Bell. The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y., 1996

социуме. Зарекаться нельзя, но в современном обществе культура в большей степени опирается на устойчивый эффект традиционных ценностей, чем раньше. Интересно отметить, что постмодернизм, выбравший культуру как естественную площадку своих интеллектуальных экспериментов, не всегда одерживает свои «сокрушительные» победы. Более того. Мы наблюдаем интересное «идейное» явление. Как раз культурный феномен развел многих постмодернистов в разные лагеря. Так, немецкие авторы, размышляющие о культуре и жизни в терминах постмодернизма (в отличие от французских законодателей на скандальную постмодернистскую моду) пытаются говорить о постмодернизме с точки зрения именно «зрелого» состояния человечества и способах решения проблем в этом «зрелом состоянии» — в итоге получается вполне конструктивный разговор о характере труда, политики, культуры в «постсовременную» эпоху¹⁵.

Говоря о нашей эпохе как эпохе «превращения Истории в Систему», мы фактически говорим даже не о «конце истории», а скорее о таком устроении «социума», в котором соблюдены «все/почти все его условия». Сравнивая различные культуры, социальные организации, человеческие хозяйственные практики, легко отметить эти различия. Постмодернисты, они же постструктуралисты, трактуют эти различия на свой релятивистский лад. Абсолютного критерия де нет, «всё хорошо в своём роде», «всё равнозначно», каждая вещь несравнима и самобытна, каждая вещь должна быть оценена *sui generis*. Человеческие опыты уникальны, а сама культура плюралистична. Такова позиция постмодернизма. Всё остальное де от лукавого. «Лукавым» сегодня постмодернисты называют «евроцентризм», «логоцентризм» и проч. Даже уважаемый мэтр российской социологии В. А. Ядов сдался и согласился: «как утверждает диалектика, истина всегда относительна»¹⁶. Однако диалектика тут, конечно, не при чем. Потому что диалектика — хоть в гегелевском, хоть в материалистическом вариантах — говорит: истина отвечает своему названию, когда она абсолютна и полна, собственно другой она и не может быть. Предмет достигает своего истинного состояния в полноте, зрелости, системности. Говорить, что всякое состояние истинно — значит потерять чувство меры, утратить ориентир вот на эту самую полноту, системность, нормальность и проч. Как есть «библия для нищих», так есть и «релятивизм — диалектика дураков». Авторство последнего выражения принадлежит одному из последних

¹⁵ Козловски П. Культура постмодерна. — М.: «Республика», 1997.

¹⁶ Ядов В. Цит. соч.. С. 21.

резидентов «классической философии» Мих. Лифшицу — человеку «ренесансной» масштабности и такой же ментальности.¹⁷ *Carpe diem!*

Если «История превращается в Систему», то это значит, что современное общество нащупывает и реализует набор принципиальных условий и универсальных реквизитов, анализом которых социология никогда не гнушалась, — условий и реквизитов своего собственного существования как современного общества. Собственно говоря, если внимательно приглядеться, то социология до своего постмодернистского грехопадения не только действительно не гнушалась этих «универсалий», но вплотную и в основном, кажется, только этим в свой «классический период» и занималась. Перечитайте историю социологии не как хрестоматийный памятник или музей социальной мысли — всё об этом: и солидарность у Э. Дюркгейма, и формы общения у К. Маркса, и легитимность у М. Вебера, и социальные институты как «союзы» людей, а не анонимные организации у Б. Чичерина и проч., проч.

Дефицит одного или нескольких из набора этих «императивных» компонентов не обязательно означает «летальные» последствия для того или иного типа социального сообщества. Просто в таком случае мы имеем дело с историческим, а не современным типом общества. Классическая социология в своей совокупности в этом смысле как бы дает моментальную фотографию этих условий и предпосылок общества *per se*, как такового.

Интересно отметить, что эта тема «Общество как общество», определяемое через таксономию этих императивных условий не прошла мимо внимания сегодняшних крупных и системно мыслящих социологов. В послевоенный мировой социологический словарь стали входить такие понятия как «функциональные предпосылки» (*functional prerequisites*), «функциональные императивы» (*functional imperatives*), понимаемые как условия выживания, развития и функционирования социума¹⁸. В этом отношении примечателен вклад Т. Парсонса (1953), который сначала выделил 4 «функциональных условия» 4 способности общества справляться с задачами:

- 1) адаптироваться к условиям внешней среды;
- 2) достигать поставленные цели;
- 3) самоинтегрироваться;
- 4) поддерживать ценностный порядок.

¹⁷ См.: Лифшиц Мих. Что такое классика? М., 2004.

¹⁸ См. Большой социологический словарь (Collins). В 2-х томах.: Пер. с англ. — М.: Вече, АСТ, 1999.

А в дальнейшем (1964) предложил перечень из 11 «эволюционных универсалий» (evolutionary universals) как «необходимых и достаточных» условий развитой социальности. «Как только символ заменяет ген — основу человеческого развития, — приобретают важность четыре базисные области социального положения: (а) религия, (б) коммуникации, (в) родство, (г) технология... Следующими преимуществами, важными у Парсонса при переходе от «примитивной стадии», являются: (д) социальная стратификация, (е) механизм политической и культурной легитимации... К пяти следующим эволюционным универсалиям относятся: (ж) бюрократия, (з) деньги и рынки, (и) универсальная правовая система, (й) изобретение «демократической ассоциации», (к) наука»¹⁹. Понятно, что дело не в количестве этих «императивных условий», а как бы в принципиально новой постановке вопроса, а лучше сказать, принципиально новой философии подхода к обществу со стороны науки социологии.

Собственно с этого момента можно резко развернуть маршрут нашего затянувшегося экскурса к цели, к той цели, которая вынесена в заголовок предложенного материала — о возможности «нового конвенционализма». А сейчас только добавим, что «классическая» установка социологов не столько на эмпирическое содержание, сколько на «априорную форму» (она же императивное условие) является атрибутом любого социологического направления, претендующего на серьезный вклад в социальную науку. В частности, следовало бы упомянуть «теорию формы» Ф. фон Фёрстера и Г. Спенсера Брауна — «формы», работающей как «матрица на самовоспроизводство содержания» системы, социума. На этот подход, по собственному признанию, опирался в своей концепции один из самых продуктивных авторов Никлас Луман. Собственно говоря, можно выразиться даже и более обобщенно. Признаки этой ориентации никогда не исчезали из пространства современной социологии. Речь идет о так называемой «формальной социологии». Научное наследие родоначальника этой «формальной социологии» Г. Зиммеля (1858–1918) стало предметом тщательного анализа и теоретического реконструирования со стороны сегодняшнего социологического сообщества. В Америке идеи «формальной социологии» развивала на свой лад чикагская школа и ее яркий современный представитель И. Гофман (1922–1982). Любопытно, что последний начинал с материала «повседневных взаимодействий» и вышел в зрелых работах («Структурный анализ», 1974) на «выяв-

¹⁹ Большой социологический словарь..., т. 2. С. 465–467.

ление социальных форм, тех общих повторяющихся особенностей социальной жизни, которые лежат в основе содержания социальной жизни»²⁰. Правда, назвав эти «формы» самым неудачным слово «ритуал», И. Гофман, похоже, сильно помешал восприятию его вклада в то направление социальной мысли, о котором здесь идёт речь. В этом плане — в плане терминологической значимости и понятийной верности классике — достойна внимания опытность самого Г. Зиммеля. Свою социологию он обозначал как «чистую социологию» — в полном соответствии с духом классики. И это имеет сегодня самое актуальное значение. Дело в том, что так называемые «чистые» категории — это своеобразный синоним и чистоты знания, в том смысле, что оно, это знание, не замутнено ни субъективными предубеждениями, ни коллективными «идеологизмами» и — самое главное — оно свободно от «миражей», в которую «объективно» складывается современность, от того, что Ю. Хабермас назвал «новой непрозрачностью»²¹. В этом плане «чистая социология» представляет собой не только памятник вершинам «классического» знания, но и программу, ориентирующую нас в современном мире.

Тема обращения к классике была бы не полной без экспликаций теоретических возможностей для социологии из наследия И. Канта. Немецкий мыслитель всегда говорил в терминах «условий». Это, действительно, очень глубокая мысль. Для социологии это без преувеличения и в самом деле имеет программное значение. В контексте же «методологического анархизма», релятивизма, «полипарадигмальности», «эпистемологического разрыва» с классикой кантовский принцип разделения «условия» и «содержания» ставит социологию в более адекватное положение по отношению к своему объекту (обществу и индивиду), чем это делают как постмодернистская, так и позитивистская, натуральная социология. В заостренном виде речь идёт об ответе на вопрос, где находится «территория социологии» — на полюсе «условий» человека или на полюсе самого человека, на полюсе «средств существования» или «самого существования» и т. д. Классическая школа в лице И. Канта интересовалась всегда первым и никогда — вторым. Для работы с «внутренним», с «содержанием», «качеством», считалось в этой традиции, есть другие профессии: естественные науки — для природных явлений, гуманитарные науки и гуманитарные практики (поэзия, искусства, вера и проч.) — для человеческого мира. Если

²⁰ Большой социологический словарь (Collins).... С. 142.

²¹ Habermas J. Die Neue Unübersichtlichkeit. Frankfurt: Suhrkampverlag. 1985

же социология — род инструментального знания, то стоит вспомнить, что инструментальное внедрение на территорию собственно человеческой экзистенции было для классики невозможно и неприемлемо, как оксюморон. Инструментальность такого, в данном случае социологического знания, небезопасна. Зона гуманитарной ответственности рационального знания обозначена классикой знаменитым девизом Шеллинга: «Тут человеческое! Перед ним я должен остановиться». Фактически это парафраз медицинской деонтологии — «Не навреди!» С той лишь разницей, что для социолога ответственность и трудность «реконструкции» того, что можно было бы назвать «социальной интимностью» или «социальной окрестностью» человека, во сто крат больше. И, может быть, самое главное: социологический гомункулус имеет такое же отношение к человеку, какое искусственно взращенный ограничениями компрачикос («*Determinatio est negatio*») к человеку, познавшему свободу мышечной радости.

Кантовское понимание природы человека как автономии личности сегодня настолько непривычно, что может легко шокировать нашу дисциплинированность и слабохарактерность, обязанную слишком искусственным условиям теперешнего существования. Кантовское понимание Просвещения как свободы и мужества распоряжаться собственным разумом даёт «классический» ориентир для социологии, предстоящей самоопределяться в «неклассическую эпоху».

Не знаю, несет ли в себе всё это смысл, кроме конвенционального, но в духе классики можно было бы сказать: наука (в данном случае социология) воспроизводит/реконструирует не «человека», «социум», «культуру», «цивилизацию», а условия того, другого, третьего. Повторюсь по закону человеческой игры — суфлер подаёт реплику пока его не услышат: реконструкция (теоретическая и практическая) социальной реальности должна доходить до реконструкции условий существования, а не самого существования. Пафос Канта, точнее, кантовский пафос — обустройте «условия» и «возможности» человека и не вмешивайтесь в его суверенность, самостоятельность, личность, потому что природа человека в его свободе как опоре на собственные силы — индивидуально и коллективно.

Предисловие к разговору о «новом конвенционализме» в социологии

Обмолвка насчёт утешения от хотя бы конвенциональности того, о чем автор рассуждал до сих пор, не случайна. Да будет на то читательская воля,

поговорим о конвенциональности — нет, не представлений о действительности. Возьмём выше — о конвенциональности самой действительности, поговорим о возможности и уместности конвенциональной онтологии!

Не исключено, что автору этих строк нужно будет хотя бы прелеминарно объяснить, откуда он набрался подобных несуразностей — якобы условности самой действительности. Ответ честный и короткий — уж, конечно, не от наших оппортунистов постмодерна. Хотя у них там только об этом и речь — «виртуальная реальность», «возможные миры», «квази-объекты», симулякры и прочая «как бы действительность». Ответ короткий и честный: из классики!

Когда корифей идеализма Гегель говорит, а матёрый материалист Маркс повторяет слово в слово: «Не только мысль должна стремиться к действительности, но и действительность должна стремиться к мысли», — то первая легкомысленная реакция наших современников вполне предсказуема. «Ну, сказали — и сказали. Красивая фигура речи. Не более того». Стоп! Так не пойдёт. Оба настаивают, чтобы их понимали буквально. Буквально. И баста!

Над нашим современником, может быть, издеваться и не надо. Он не виноват. *Non vitia hominis* — Вина не человека. Разгадка здесь простая — оба (и Гегель, и Маркс) жили и мыслили в ту интеллектуальную эпоху, семантический ключ к которой мы безнадежно потеряли. Впрочем, может быть, и не совсем уж безнадежно. Никогда не говори «никогда».

Представлять дело так, что человеческое поведение детерминировано анонимными, то есть к человеку не имеющими касательство факторами, давно вышло из моды. В социуме человека провоцирует и причиняет то, что он сам же и создает. Представить себе это «создает» без человеческой мысли, это значит перепутать человека с автоматизмами и реакциями животного. Это тоже давно не в моде. Так что как архитектура — это застывшая в камне музыка, так и социальная действительность (она же онтология) — застывшая в институтах и формах поведения человеческая мысль и воля. Вроде бы не ахти, какое соображение. Но, слава Богу, это еще не всё. Дело в том, что не всякая человеческая мысль и воля материализуется и объектно воплощается, а если и «воплощается», то не долго «задерживается» на этом свете. Особенно это верно в случае, если субъект не может предложить ничего кроме буйной, совсем уж неадекватной фантазии и капризных желаний. Логика и материал социума сопротивляются и отторгают подобные «идейные» инвестиции. Можно, конечно, изнасиловать

социальную реальность — такое бывает, но не надолго. В общем вот что случается, когда нарушается вполне понятное правило: «Мысль должна стремиться к действительности» — в смысле быть адекватным образом и строительным материалом этой действительности. Жизнь берет своё и отторгает лже-вариации. Еще раз: это вроде бы понятно. Но почему «действительность должна стремиться к мысли»?

Всё по той же причине! Предоставленная сама себе социальная жизнь как бы соскальзывает в Историю, превращается в Историю со всей её, как говорили классики, «старой мерзостью» — борьбой за дефицит. Обществу нужен длинный мартиролог жертвоприношений, нужна длинная летопись социальных несовершенств и несправедливостей, чтобы придти к мысли об условиях освобождения от этого проклятия Истории. А где была мысль (общественное сознание — в привычных терминах социологии)? А она не куда и не уходила. «Ненормальное», «нехорошее» общество легитимизируется «ложными», «превратными» формами сознания, скрывается от самого себя в идеологии. «Идеологию» как самообман отличают от подлинного сознания о самом себе, от самосознания. Социуму нужно было исчерпаться в Истории, стать достаточно зрелым и полным, чтобы достичь в этой картине «зрелости», «полноты» и «постисторичности», — этого самосознания, этой мысли о самом себе. Эта зрелость, эта полнота, эта постисторичность и это самосознание общества и называется «классическим состоянием», или «классикой». Вот что стоит за такими философскими обобщениями как: «Действительность должна стремиться к мысли».

Следует сказать и ещё кое-что. «Мысль», о которой здесь идет речь, отличается от «Идеологии», от «Сопутствующего сознания» так же как истинное отличается от ложного, нормальное — от ненормального, красивое — от уродливого, доброе — от злого и т. д. В этом смысле Мысль — это прибежище подлинности, истинных сущностей, это правда вещей. Эта и только эта область истинных сущностей, «схваченных в мысли» и называется в «классике» онтологией. О ложном, ненормальном, нехорошем бытии «позаботится» другая стихия, или субстанция — Жизнь. Но это, надо сразу сказать, не бросает тень мрака и безнадёжности на Жизнь. Дело в том, что, перефразируя Сен-Экзюпери, получается, что «жизнь может породить неподлинное и ложное, а вот неподлинное и ложное никогда не породит жизнь».

Если есть необходимость, то можно попытаться сформулировать нашу тему еще раз следующим образом. Социальная действительность не есть неведомо откуда возникшая реальность. Она опосредована идеями, а поз-

тому она и по природе своей идеальна, разумна, нормальна и истинна (это всё синонимы). В этом её спасение, призвание, судьба и далее проч. высокие слова, в которых описывается социальная онтология. Конечно, социум никогда одномоментно не выглядит в духе перечисленных высоких синонимов, но если взять всю цепочку диахронии или по максимуму панораму синхронии, то всегда можно найти образцы эталонного приближения к тому, что стоит всё за этими же синонимами. Главное не растеряться перед множеством эмпирических девиаций и патологий и оценить по достоинству редкие, но убедительные прорывы к подлинности, абсолютности, а значит, «человечности» социальной реальности.

Собственно так себе и представляли дело классики, заботясь, прежде всего, о «доброкачественности» (в смысле незамутненности и чистоты) самой мысли, самого «духа» как соавтора и коспонсора социума, в котором, как говорить, (приходится) жить. Недоброкачественная мысль материализуется в такую же недоброкачественную, превратную жизнь. Социологически выражаясь, превратные формы сознания обслуживают «ассиметричные», «недискурсивные», «несправедливые» социальные отношения и формы общения, которые, в свою очередь, как инфраструктура обслуживают и питают ненормальный опыт материальной практики. Забота о доброкачественности социальной мысли кажется должна быть обречена на полную неудачу по той простой и понятной вульгарным материалистам причине, что источником «ложного сознания» является ложная структура самой практической жизни. «Это» бытие определяет сознание и замыкает круг. Змея кусает свой хвост. Становится от этого еще злее. И еще злее и крепче вцепляется в свой хвост...

Начиная с эпохи Сен-Симона классическая социальная мысль не заблуждалась в характере и природе этой заикленной на себя ненормальности. И искала «слабое звено» разрыва этой цепи. Ясно, что этим звеном могло быть только сознание. Мысль начала с самой себя. Собственно сама эта классическая социальная мысль и есть пример этого прорыва, получившего название проекта Эмансипации. Проект, по теперь уж хрестоматийному признанию Ю. Хабермаса, «не завешен». Более того, Современность очень своеобразно распорядилась мыслью в эпоху «постматериализма» и «свободы творчества».

Мы живем в иные времена. Живём в эру постмодернистского «милосердия». Причем, живем, как мыслим — то есть реально в постмодерновой среде обитания. Ещё раз: живем так, потому что мыслим так — «дискурсивно», «виртуально», «контекстуально», «символично», «гиперреально»,

«фрагментарно», «оппортунистично», «между текстами», т. е. «интертекстуально», в «киберпространстве», с «децентрированной самоидентификацией», в «зашифрованной пустоте», в «эклектике китча», в дразнящих лучах «конвенциональной красоты, религии и морали» и так до головокружительной бесконечности. Скажите по глупости: «Так жить нельзя?» Почему? Живем же. «Эра пустоты?» — Да, но такой пустоты, которая вмещает в себя свободу, индивидуализм и полное отсутствие жизненного трагизма²². Да, что там обыватель — вон, даже серьезные люди, капиталисты, переселились и живут в «гламурном капитализме».

Говорят, начавшийся в 2008 году глобальный финансовый кризис отрезвляюще подействовал на постмодернистский образ жизни и, что самое главное, образ мыслей. Однако наш вопрос вне контекста: если можно жить в этом «самопотерявшемся мире», в мире «антропологической катастрофы» (М. Мамардашвили), то почему, спрашивается, нельзя жить в аксиоматике другого «конвенционализма», «нового» конвенциализма. Новизна его является не на путях дурной бесконечности, а на маршрутах «Вечного возвращения», навигации к Классике социального жанра. Особенно после того, как можно признаться: как много пройдено дорог, как много сделано ошибок... Как жить в «новой аксиоматике» — вопрос почти праздный. Потому что имеется в виду не моральная возможность, которая фактически означала бы долженствование, а возможность физическая. Ответ вроде бы под рукой. Живет же, вот, сегодняшний постмодернистский мир в режиме свалившегося ему на голову «плюрализма возможностей», в «полипарадигмальном анархизме», когда *Anything goes*, «Всё работает!»

Тема конвенциализма у людей серьезных всегда вызывает, однако, к себе настороженное отношение. В том смысле, что условное, оно и есть условное — нереальное. Пределы его компетенции — человеческие договоренности и соглашения и т. д. Одним словом, вроде бы удобный, но ненадежный ориентир в этом мире. Но при более тщательном взгляде на вещи, начинаешь соображать: некоторые условности стоят реальности. Более того, и опять же, не без помощи «классиков» выясняется, что «разговор» — наш с миром или мира с нами — идет всегда на языке условности. Гегель как будто бы в объяснение этого говорит: «все опосредовано», в том числе и в первую очередь, пространство между субъектом и объектом, которое (пространство) по этой причине традиционно называют «вредным». А Кант определяет как самый надёжный принцип отношения к миру —

²² Жан Липовецки. «Эра пустоты», 1986 г.

принцип *Als ob*, «как если бы...». И то правда. Принцип *Als ob* — это не иначе как именуемый теперь метод итерации, универсальность которого определяется универсальностью нашей неполноты знания. Одним словом, не всякая условность отторгается миром, не всякая конвенция кончается фиаско. Так что ориентироваться, а тем более задавать проект любого из возможных (социальных) миров без неконвенционального «схватывания сущностей» и вообще, кажется, не возможно.

Возвращаемся к поставленному вопросу о «новом конвенционализме» — всё по тому же принципу *Why not?* Почему бы нашей социальной Логикой (a la Гегель), нашим социальным Категорическим императивом и «априорными формами» (a la Кант) и нашим социальным *Praxis*'ом (a la «11-ый тезис о Фейербахе») не может быть концепт «конвенциональной онтологии»? Почему нам не договориться в онтологическом смысле, «что такое общество»? Это и есть знаменитая формула классики — «Действительность должна стремиться к мысли». Даже не надо обсуждать и доказывать: если станете в атмосфере свободной мысли, в атмосфере демократического дискурса договариваться о социуме в онтологических терминах, то с неизбежностью, которая управляет превращениями и диалектикой социума, на выходе получите даже не модель, а самое «хорошее общество».

Наша социология работает в какой-то странной системе координат. Работает как если бы классическая идея о социальной реальности, ждущей встречи со своим самосознанием, не была высказана до сих пор. Напоминание, которое оставил нам Н. Лукман о том, что социум есть «самореферентная организация», где социология и есть чаемая рефлексия социума, так и осталось неподкреплённым гражданским пафосом нашей науки. Отсюда и радостное самозабвение нашей социологии в теме «повседневности», «новой качественности» и даже «гуманизма».

* * *

Рабочая миссия человеческой мысли (социальная теория, социология — не исключение) не в рефлексии, а в интенции — обращении не к себе, а к миру. Проза социальной мысли в инструментальности. Постмодернистское мышление реализуется в «постмодернистских практиках» и конструкциях постмодернистского социума. Правда, до тех пор, пока на горизонте не появляются признаки возмездия «антропологической катастрофы». Практика — критерий истины, как ни как. Но чтобы не разгребать завалы постмодернистской разрухи, не легче ли опереться на опережение подобных «культурных» катастроф — опереться на онтологию

классики: не только практика — критерий истины, но и истина (природа вещей) — критерий практики.

Так что после такой классической пропедевтики только и остается, что вернуться к тому, с чего начали: «Действительно, давайте, договоримся, что такое общество!»

Теоретико-методологическая ситуация в российской социологии

Мнения экспертов¹

Л. А. Козлова

Сегодняшнее состояние российской теоретической социологии вызывает много вопросов у социологов, занимающихся этой проблематикой. Чаще всего высказываются весьма критические точки зрения об отсутствии универсальных теоретических средств для эффективного исследования современного российского общества, социологического языка, на котором российские социологи могли бы вступать в профессиональную коммуникацию, о некритическом использовании теорий, заимствуемых у западной социологии, и т. д. и т. п.

Некоторые известные социологи в последние годы посвятили свои работы анализу проблем этого круга (например, Л. Д. Гудков, А. Г. Здравомыслов, Н. Е. Покровский, А. Ф. Филиппов, В. А. Ядов). Тем не менее, такие публикации не создают активного климата и не заменяют исследований, посвященных теоретико-методологическому состоянию российской социологии. В них, как правило, не содержится эмпирического материала, полученного в «поле». Да и сами критерии для оценки теоретико-методологического уровня нашей социологии вряд ли можно считать определившимися.

Большинство социологов принимают проблемное состояние теории «по умолчанию», не внося свою лепту в теоретическую коммуникацию, или вовсе им не интересуются. При этом проблема теоретического самоосмысления остается — как для российской социологии, так, следовательно, и для нашего общества.

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект «Наукоевческий анализ теоретико-методологических ориентаций российских социологов в постсоветский период», № 07-03-00188а, и проект «Социология российской социологии: исследование теоретических ориентаций и профессионального уровня научного сообщества», № 09-03-00129а.

Статья написана по результатам экспертного опроса российских социологов, проведенного в конце 2008 — начале 2009 гг.² Общая задача исследования — выявить коллективное мнение экспертов об особенностях и проблемах сегодняшней теоретико-методологической ситуации в российской социологии, возможностях ее улучшения. В данной статье мы рассматриваем только некоторые вопросы из предложенных экспертам³, в частности связанные с описанием теоретико-методологических предпочтений российских социологов и мнениями об эффективности применяемых подходов.

Это исследование — по своей фрагментарности — можно считать разведывательным, позволяющим дать некое первичное описание позиций экспертов и не претендующим на полноту⁴. Вопросы были составлены та-

² В качестве экспертов в области теории и методологии социологических исследований для нас выступили известные социологи, имеющие значительные научные работы в рассматриваемой дисциплинарной сфере, помимо теоретических и методологических исследований, как правило, занимающиеся преподаванием, издающие научные журналы, а потому глубоко включенные в профессиональное сообщество и зарубежные коммуникации. В интервьюировании приняли участие 15 специалистов из разных возрастных когорт (от 30–40 до 70–80 лет), проживающие в различных регионах России (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Саратов), представляющие разные теоретические направления и институциональные сегменты социологии — академический, вузовский, опросный. Выражаем искреннюю благодарность всем экспертам, которые нашли время принять участие в нашем опросе.

³ Экспертам было предложено высказать свое мнение о предполагаемом кризисе мировой социологии, особенностях теоретической социологии в России; оценить плодотворность и обоснованность теоретико-методологических направлений, существующих в западной социологии, их применимость к российским реалиям; описать российское социологическое сообщество с точки зрения его структуры, профессионализма, особенностей коммуникации; назвать наиболее значительные теоретические разработки российских социологов; высказать свое мнение о месте марксистской парадигмы в современных российских исследованиях; о социологических проблемах, предметных областях, темах, которые следует считать наиболее актуальными с точки зрения исследования современного российского общества и развития социологии в России.

⁴ Интервью проводилось через электронную почту. Информантам было предложено ответить на все сформулированные вопросы (всего 11). Однако если, по мнению эксперта, какой-либо вопрос находится вне сферы его интереса или компетенции, если по какому-либо вопросу у него отсутствует точка зрения, предлагалось не отвечать на него, но кратко мотивировать отказ. Как правило, эксперты отвечали на все вопросы — с разной степенью развернутости. Отказов было мало. Либо они не мотивировались, либо в качестве мотива называлось то, что вопрос трудоемкий, требует много времени. Иногда указывалось, что автор не

ким образом, что каждый из них фактически представляет собой довольно объемную тему. Наш опрос, видимо, был первой, а потому далеко не оптимальной попыткой поговорить в рамках заданной проблематики и в предложенном формате. Было намерение в идеале вызвать у эксперта достаточно развернутый нарратив по каждому вопросу, провоцирующий отвечающего на постановку дополнительных вопросов, которые бы расширяли и уточняли обсуждаемую проблематику. В результате получен некий контекст описания и анализа, в котором акцентированы особенности и болевые точки российской социологии⁵.

Составляя вопросник и определяя задачи исследования, мы исходили из следующих предпосылок:

Во-первых, понимание того, что такое теоретическая социология, или теория социологии, неоднозначно. А потому мы не стали заранее ограничивать экспертов каким-либо ее определением и надеялись на дополнительные рассуждения на эту тему.

Во-вторых, характер теоретизирования в социологии напрямую зависит от того, на какое общество оно направлено. Иными словами, понятия теории есть отражение социальных реалий и находятся от них в прямой зависимости. Отсюда важным было узнать от экспертов, как, по их мнению, сегодняшнее состояние российского общества сказывается на особенностях социологического теоретизирования, возникает ли интеллектуальный потенциал, направленный на осмысление новых общественных реалий?

В-третьих, то, как социолог представляет себе теоретическую ситуацию, как осуществляет свою деятельность в области теории и методологии, зависит не только от объективных процессов в социологии и обществе, но и от его личного интереса и личного выбора в науке. По этой причине предполагалось, выяснить, каковы, в оценке экспертов, индивидуальные интересы и ориентации российских социологов в современных условиях? Насколько пестрая теоретико-методологическая картина рос-

может считать себя достаточно компетентным в данном вопросе. Предлагалось также высказать любые комментарии к вопроснику, а также поставить вопросы, которых нет в списке, но которые эксперт считает важными для темы нашего исследования, и дать на них ответы. Если дополнительные вопросы — в контексте ответов — ставились довольно часто, то каких-либо комментариев к вопроснику не последовало.

⁵ Ответы некоторых коллег имели настолько развернутый и аргументированный характер, что будут опубликованы полностью.

сийской социологии определяется личными мотивами и насколько институциональными условиями?

В-четвертых, социология, основанная на советской версии марксизма, продолжает занимать заметное место в теоретическом арсенале российских социологов (особенно среднего и старшего поколений), влияет на их картину мира, на избираемую методологию и способы теоретизирования. Однако этот момент не всегда рефлексивируется или декларируется, но часто проявляется в силу психологической привычки, ментальных особенностей социологов. Предполагалось, что оценки экспертов помогут подтвердить или опровергнуть эту предпосылку.

В-пятых, в России сейчас нет и по ряду причин не может быть какой-либо универсальной социологической теории (или парадигмы в куновском смысле, то есть единого взгляда на российское общество («картина мира»), принятых всеми принципов и методов его исследования; убеждений и ценностей, объединяющих всех членов социологического сообщества). Более того, говорить сейчас об этом как об абсолютном недостатке — совершенно неоправданно. Тем более что такой теории нет сейчас ни в одной стране. Напротив, наличие разных теоретических подходов, поиски ценностных оснований социологического познания в России свидетельствуют о некоем процессе, содержащем потенциал развития. Этот процесс связан с глубокими трансформациями российского общества и российской социологии последних десятилетий. Среди внутри научных трансформаций мы, прежде всего, выделяем исчезновение советского марксизма как официальной основы социологии, радикальное изменение институционального устройства, развитие коммуникаций с западной социальной мыслью и естественную смену поколений российских социологов.

В рассматриваемой проблематике нас интересовали три ключевые составляющие, свидетельствующие об уровне развития теоретической социологии: как эксперты оценивают:

- 1) следование нашей теоретической деятельности мировым стандартам в социологии;
- 2) наличие (отсутствие) российских теоретических традиций, свидетельствующих об опыте исследований;
- 3) личный теоретический опыт российских социологов и научные коммуникации.

Переходя к описанию мнений экспертов и кратким комментариям, прежде всего, рассмотрим вопрос, насколько реализовалась сама возмож-

ность теоретической социологии в России, констатированная более десяти лет назад? Наблюдается ли здесь какая-либо динамика?

Есть ли в современной России теоретическая социология?

Вопрос: *Существует мнение, что в России нет теоретической социологии. Как Вы его оцениваете, в том числе применительно к сегодняшней ситуации в социологии?*⁶

Тему об отсутствии в России теоретической социологии и возможностях ее появления, как известно, поднял А. Ф. Филиппов в конце 1990-х годов⁷. Хотя она была призвана стимулировать теоретическую коммуникацию в научном сообществе, это вряд ли произошло. По-видимому, наиболее серьезный анализ позиции Филиппова представлен в статье А. Г. Здравомыслова «Теории социальной реальности в российской социологии»⁸. По преимуществу социологи воспользовались радикальной формулировкой Филиппова как поводом для самобичевания, с готовностью повторяя ее вместо того, чтобы искать взвешенные решения. Наиболее развернутая и радикально отрицательная позиция по рассматриваемому вопросу принадлежит Л. Д. Гудкову [в частности, см. его последнюю публикацию⁹].

В нашем опросе для многих экспертов ключевой стала интенция вначале рассказать о своем понимании того, что такое теоретическая социология, и в частности «российская теоретическая социология», так как в зависимости от него они ставили свои дальнейшие рассуждения. Л. Г. Ионин считает таковой новые способы видения социальной реальности или обнаружение новых феноменов, новых аспектов социального, которые не подменяются применением «чужих понятий к своим реалиям»; А. А. Давыдов определил теоретическую социологию как «разработку принципиально новых теорий (объяснительных гипотез)»; В. С. Вахштайн привел точку зрения А. Ф. Филиппова: теоретическая социология — это особый тип социальной коммуникации, вписанный в си-

⁶ Здесь и далее для наглядности воспроизводятся вопросы, предложенные экспертам.

⁷ Филиппов А. Ф. О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. 1997. № 1/2. Филиппов А. Ф. Теоретическая социология // Теория общества. Фундаментальные проблемы: Сборник / Пер. с нем., англ.; Вступ. статья, сост. и общая ред. А. Ф. Филиппова. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 1999.

⁸ Здравомыслов А. Г. Теории социальной реальности в российской социологии // Мир России. 1999. № 1/2.

⁹ Гудков Л. Д. Есть ли основания у теоретической социологии в России? // Вестник общественного мнения. 2009. № 1(99).

стему других социальных коммуникаций. О. Н. Яницкий предположил, что ею может быть «системная социология». В. Г. Николаев к социологической теории относит несколько ее толкований: «логически согласованная система общих аналитических понятий и положений в духе Парсонса; «теории среднего уровня» в духе Мертон» и «то, что обозначается с помощью термина *grounded theory*».

Выделим следующие группы ответов: отрицательные, положительные и промежуточные, в которых отмечается слабая реализация теоретических разработок. Вторая группа ответов наиболее малочисленная.

Отрицательный ответ о наличии теоретической социологии в России (или указание на ее незначительное развитие) иногда подкрепляется ссылкой на то, что мы сейчас не видим серьезных теоретических проектов и публикаций (В. С. Вахштайн, Л. Г. Ионин, В. Г. Николаев). Причины этой ситуации почти не рассматриваются. Исключение составили два интервью, в которых отсутствие в России теоретической социологии связывается со следующими обстоятельствами: это ориентированность большей части социологов на обслуживание власти и отсюда отсутствие целей и задач исследований, которые ставились бы самими учеными, а не внешними инстанциями, что полностью лишает социологию ее интеллектуального потенциала (Л. Д. Гудков); невостребованность теоретической социологии в России (Д. Г. Подвойский).

Небольшая часть экспертов выразила позитивную точку зрения по этому вопросу. На их взгляд, теоретическая социология в России есть, поскольку ее не может не быть там, где проводятся эмпирические исследования (Б. З. Докторов, М. Ф. Черныш). Однако ее наличие не связывается с российскими традициями, а исключительно с западным опытом; отсюда делается вывод, что она «весьма отдалена от реальных процессов, происходящих в российском обществе» (С. Б. Кожевников).

Отмечается потребность в теоретических разработках, которая реализуется слабо из-за отсутствия условий (В. П. Култыгин), из-за «инерционности социальных исследований в СССР и в постсоветской России, а также низкого статуса теоретико-методологических проблем» (Б. М. Фирсов; автор этой точки зрения дает развернутую ее аргументацию, основанную на работах российских социологов, которую в рамках данной статьи нет возможности привести полностью)¹⁰.

¹⁰ Интервью с Б. М. Фирсовым будет опубликовано в полном объеме в рамках описываемого проекта сектора социологии науки Института социологии РАН.

Какими средствами изучается современное российское общество и как это делать эффективнее?

Вопросы: *Какие теоретические подходы в настоящее время чаще всего используются российскими социологами в научной работе (имеются в виду как фундаментальные теории, так и теории среднего уровня)? Какие теоретические подходы современной социологии наиболее эффективны для изучения российского общества?*

Целесообразно сравнить ответы на эти вопросы. Сначала опишем оба блока ответов.

1. Ответы о наличных теоретических ориентациях не стали неожиданностью. Их резюме сводится к следующему: остается интерес к структурному функционализму, но все большую популярность приобретают теоретические направления, основанные на качественной методологии — социальная антропология, этнометодология, феноменология, постмодернизм¹¹. Часто наблюдается эклектическое сложение элементов разных теорий, свидетельствующее об отсутствии теоретической самоидентификации социологов. Так называемые «теории среднего уровня» используются спорадически — во время исследования соответствующей проблематики, что не имеет никаких продолжений за пределами конкретного исследования. Отвечая на этот вопрос, эксперты остановились и на том, насколько распространены те или иные теории, как их использование распределено по различным сегментам социологии и предметным областям исследований, кто по преимуществу является субъектом выбора теорий (научная группа, отдельные социологи) и т. д.

Два эксперта не ответили на рассматриваемый вопрос, сославшись на недостаток информированности. По мнению Л. Д. Гудкова, все используемые концептуальные схемы («декларативные приверженности») можно найти «в любом номере СОЦИСа на первых 30 страницах».

По мнению В. Г. Николаева, вопрос об «использовании теоретических подходов» поставлен некорректно, так как он «предполагает следование определенным правилам и включение в определенную теоретическую традицию». Но ни того, ни другого у нас почти нет, есть «самопрезентации заявительного характера» и «локальные и точечные» усилия, связанные с

¹¹ Этот вывод в целом соответствует результатам опроса российских социологов, проведенного нами в 2001–2002 гг., которые опубликованы в книге «Социальные науки в постсоветской России» (С. 212–214, 219).

теоретической работой. Эксперт также не согласен, что какие-либо подходы используются «чаще всего», потому что это определение не применимо к сегодняшней ситуации. Существуют только «отдельные, разрозненные попытки подсоединения к существующим традициям», заимствуемым с запада. Среди них В.Г. Николаев называет деятельность «узкого круга бурдьевистов», локальные попытки (например в Казани и Саратове) строить исследования «в русле чикагской этнографической традиции (но это скорее эмпирические начинания, пока не оформившиеся в виде теорий)»; тексты о глобализации, «но в них нет теоретической определенности, как, впрочем, и на Западе»; «многочисленные потуги на сочинение текстов в русле так называемого «постмодернизма»», которые ни в коей мере нельзя считать теоретическим подходом. Похожие перечни представили и другие эксперты (Л. Г. Ионин, В. П. Култыгин, И. Е. Штейнберг, В. А. Ядов).

Подробную характеристику существующих теоретических предпочтений дал Д.Г. Подвойский. Он считает, что различные западные направления получили заметную популярность в «некоторых небольших группах российских ученых». «Особенно популярны, прежде всего у франкофонов (но не только), Бурдьё, а также Бодрийяр и иные постмодернисты, в последнее время еще Латур, у германофонов (но не только) Луман, — пишет Д. Г. Подвойский. — Также среди интересующихся микросоциологическими проблемами, повседневностью и качественными методами — феноменология, этнометодология и И. Гофман. Есть группа, увлеченная теориями циклов, флуктуаций и «длинных волн», разрабатывающая традицию Сорокина - Кондратьева. Некоторые увлечены цивилизационными теориями, в том числе стародавними (теорией культурно-исторических типов, например). Другие, напротив, — универсалистскими теориями социального уровня (постиндустриального, информационного, сетевого общества, глобализации и т. п.). Делаются попытки построения социологии на фундаменте всевозможных общенаучных, паранаучных и инодисциплинарных концепций (разные версии системного анализа, синергетика, идеи И. Пригожина, методологии анализа нелинейных процессов)».

С. Б. Кожевников также указывает на большое разнообразие теоретических подходов в российской социологии, но их использование связывает не с группами, а с личными «убеждениями и мировоззрением самого исследователя». Другой показатель — зависимость теорий от предметных областей. С. Б. Кожевников отмечает следующие теоретические направления: «Из наиболее востребованных на сегодняшний день следует назвать (в зависимости от предмета исследования) подходы, разработанные в эт-

нологическом направлении социологии науки, связанные с изучением процесса получения знаний, повседневной деятельности научного сообщества; герменевтические стратегии, направленные на изучение гендерной, этнической, культурной идентичности; теории элиты, задействованные в обнаружении трансформаций в механизмах социальной стратификации и мобилизации, модернизационных процессов, происходящих в современном российском обществе; методологические подходы и принципы социологии знания по-прежнему актуальны при изучении массового сознания, настроений, ожиданий потребительского общества, социальных мифологий, функционирования масс-медиа».

Участники опроса отмечали, что теоретические разработки локализируются в академических институтах и «некоммерческих» центрах; их практически не наблюдается при проведении «заказных» исследований, т. к. заказчиков, как правило, не интересуют интерпретации данных. Подробнее всех на проблеме локализации теоретических исследований остановился Б. М. Фирсов. Со ссылкой на М. Соколова и его коллег он отметил, что негосударственный университетский сегмент социологии «ориентируется на веберианские, феноменологические, интеракционистские и феминистские подходы». Академический сектор «демонстрирует предпочтение структуралистским, функционалистским и позитивистским взглядам. Ориентации государственного университетского сегмента «менее определены и связаны с «социальным заказом», с политической конъюнктурой, с тем, что именно государственные органы, финансирующие высшую школу, полагают актуальным и необходимым (проблемы государственного управления, глобализация, история русской общественной мысли и социологии)». Б. М. Фирсов подчеркнул, что «среди представителей этого сегмента оказалось более всего социологов, считающих, что следует прилагать усилия для сохранения и возрождения национальной школы в социологии».

И. Е. Штейнберг комментирует, как применяются интерпретативные теории в полевых качественных исследованиях. По сути, речь идет о суррогате такого применения: если даже исследователь часто ссылается на авторов теорий и утверждает, что применил их в своем исследовании, то это, как правило, ничего не означает, поскольку заявляемые теоретические подходы вряд ли можно обнаружить «в гипотезах исследования или аналитических схемах автора». Одна из причин, по мнению эксперта, заключается в распространенном представлении, что в поле надо идти без гипотез. «Это приводит к необходимости, — поясняет И. Е. Штейнберг, — «после поля» заниматься поиском «теории» для объяснения своего опи-

сания и обоснования выводов, что часто выглядит, как «притягивание за уши». Для подтверждения своих слов автор ссылается на опыт работы в школе-студии, занимающейся подготовкой исследователей, которых чаще всего ставит в тупик вопрос, «какой теоретический подход они использовали, выдвигая свою гипотезу или создавая аналитическую модель для объяснения результатов?».

Как отмечалось, большинство экспертов назвали два существующие в российской социологии теоретические направления — структурный функционализм и интерпретативные теории. А. А. Кожанов отметил, что «расхождение в этих теориях изоморфно основному «расколу» в современной теории». Если оценивать соотношение этих направлений «количественно», то следует говорить о еще сильных позициях структурного функционализма и тенденции к росту интерпретационного подхода. Отметим особую точку зрения М. Ф. Черныша, который считает, что российские социологи в своей работе чаще всего опираются на теории К. Маркса и М. Вебера: «Вебер и Маркс были и будут вдохновителями многих научных работ. На пересечении этих двух парадигм рождаются различные теоретические гибриды, используемые для анализа процессов и институтов».

По-видимому, расстановка теоретических сил в российской социологии — существование большого количества разрозненных теоретических подходов, их эклектическое и ситуационное применение, не несущее в себе заметного накопительного потенциала, — еще долго будет оставаться такой, какую отметили эксперты. Об этом свидетельствует инерционность развития социологии вообще и ее теоретического уровня в частности. Такие перспективы подчеркнул в своем ответе и В. А. Ядов: «С большой уверенностью предвижу, что ни единомыслия, ни господства общепризнанного теоретико-методологического подхода в предстоящие годы не будет».

2. Интересно ответы на предыдущий вопрос о теоретических подходах, существующих сейчас в российской социологии, сравнить с ответами о том, какие из них наиболее эффективны для изучения российского общества?

Трое экспертов не дали ответа на этот вопрос; столько же отметили, что таковыми можно считать все теоретические подходы, ныне (или ранее) применяемые в социологии. Остановимся на других мнениях. Они распределились по трем группам: первая объединяет некоторые теории из тех, что имеют сейчас отражение в российской социологии; во второй к имеющимся добавляются те теории, которым не уделяется достаточного внимания, но следовало бы это делать; и, наконец, к третьей группе мы относим мнения, что эффективных теорий для изучения российского обще-

ства на сегодняшний момент не существует. Количественно преобладает первая группа, с которой мы и начнем.

Итак, эксперты с большой долей определенности назвали следующие теории как наиболее эффективные: «...разного рода феноменологии, культурологи, постмодернисты, а также бурдьеисты» (Л. Г. Ионин); марксизм (М.Ф. Черныш); деятельностный подход Э. Гидденса, П. Штомпки и др., методология П. Бурдье, идеи конструктивистов (В. А. Ядов); системная социология (А. А. Давыдов). Далее перечислим теоретические направления, которые, по мнению экспертов, недостаточно применяются в российской социологии, но в них есть необходимость. Так, Л. Д. Гудков пишет: «В качестве базовой схемы, от которой можно отталкиваться при социологическом анализе российского общества, я бы принял различные поздние теории тоталитаризма и его разложения». По мнению Д. Г. Подвойского, «наиболее тонкий инструментарий для анализа черт своеобразия российского общества в прошлом и настоящем» предлагает сравнительная историческая социология. Б. М. Фирсов в своем развернутом ответе указал, что теории, наиболее эффективные для изучения современного российского общества, описаны В. А. Ядовым в книге «Современная теоретическая социология как концептуальная база исследований российских трансформаций»¹². Однако Б. М. Фирсов считает, что российскую современность невозможно понять без исследования «типов человека». По его мнению, должны получить развитие два направления — «изучение качества населения», связываемое «с теми свойствами людей, которые позволяют данной общности (населению) пережить переломные периоды истории», и социолого-антропологическое направление, рассматривающее человека в качестве основы общественного устройства. Здесь для разъяснения автор ссылается на точку зрения Ю. А. Левады о том, что «человека необходимо рассматривать как краеугольный камень сооружений, именуемых социальными устройствами». Материалом для этого направления является «набор многообразных типов», возникающих под влиянием общества («несмотря на гневное отрицание нашего прошлого и даже начавшееся, было, расставание с ним, социальные типы бывшей советской системы не исчезают и даже не изменяются быстро»). Исследовать многообразие человеческих типов, значит понять само современное общество.

¹² Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследований российских трансформаций. Курс лекций. СПб.: Интерсоцис, 2006. глава 6: Макротeorии социальных изменений; глава 7: Теоретико-методологические объяснения «посткоммунистических» трансформаций

Итак, мы рассмотрели два массива ответов — о том, какие теории сегодня используются в российской социологии и какие следует считать наиболее эффективными для изучения российского общества. Насколько совпадают полученные перечни «сущих» и «должных» теорий? Прежде всего, отметим, что опрошенные эксперты нарисовали довольно детальную совокупную картину того, какие теории так или иначе бытуют в российской социологии. Практически все «должные» теоретические подходы названы в числе существующих. В качестве «должных», но дефицитных упоминаются социолого-антропологические теории — в духе Ю. А. Левады (Б. М. Фирсов), поздние теории тоталитаризма и его разложения (Л. Д. Гудков), сравнительная историческая социология (Д. Г. Подвойский).

Экспертами затронут и важный вопрос об общих принципах и целесообразности применения тех или иных существующих теорий. Очевидное заключается в том, что они должны помогать раскрыть действительные и значимые свойства российского общества. Однако опознать эти свойства и подобрать к ним ключи можно только на основе профессионализма, владения образцами научной работы, без чего любая, даже «самая лучшая», теория как инструмент бессильна. Отсюда механическое перенесение той или иной теории на неподготовленную почву не достигнет эффекта. (В. Г. Николаев пишет в этой связи: «...было бы очень полезно привить в российской социологии образцы научной деятельности, разработанные в чикагской социологической традиции (в том числе в ранних и поздних версиях символического интеракционизма), этнометодологии, подходах Бурдьё и Элиаса, социальном анализе Маркса (только не в догматических истматовских версиях). Объясняя «незначительный уровень эмпирической эффективности социального теоретизирования в российской науке». С. Б. Кожевников, в частности, говорит о непроясненности многих заимствованных понятий и в качестве иллюстрации рассматривает широко применяемые в российской социологии понятия «средний класс»¹³ и «бюджетники»¹⁴.

¹³ С. Б. Кожевников поясняет: «В функционалистской теории стратификации, в частности в стратификационной системе Уолтера, понятие «среднего класса» базируется на некоторых имплицитных допущениях, которые исключают эффективное использование этого понятия вне соответствующих социокультурных и теоретических контекстов».

¹⁴ Приведем следующий отрывок, проясняющий позицию С.Б. Кожевникова: «С начала 1990-х годов понятие «бюджетники» быстро обросло целым рядом коннотативных значений, среди которых наиболее распространёнными стали: «беспомощные», «ленивые», «слабые», «неэффективные», «инертные», «безыни-

Анализируя ответы экспертов, мы заметили некую (закономерную) особенность, о которой следует сказать. Они называли наиболее эффективные теории в зависимости от того, как они видят современное российское общество, какие его свойства считают основополагающими и требующими исследования¹⁵. Как правило, эксперты в своей научной практике занимаются именно той проблематикой, для освоения которой пригодны или необходимы именно те теории, которые названы ими в качестве наиболее эффективных в применении к нашему обществу. Проиллюстрируем этот вывод некоторыми характерными высказываниями: «...сначала надо бы сформулировать задачу: что мы хотим узнать и понять? Для меня проблема глокальности является одной из главных. А это тянет за собой эпистемологические вопросы, скажем, соотношения экономической и культурной рациональности» (О. Н. Яницкий); Л. Г. Ионин называет феноменологию, культурологию и постмодернизм в качестве эффективных потому, что они «позволяют увидеть и почувствовать, и даже, может быть, объяснить своеобразную, не объяснимую «натуралистически», культурно-индуцированную природу нынешнего российского общества»; подчеркивая эффективность марксизма, М. Ф. Черныш объясняет свою позицию следующим представлением о российском обществе: «Иногда возникает ощущение, что российские элиты решили «реабилитировать» Маркса, скрупулезно отстраивая общество по его рецептам. Уж казалось, насколько неубедительны спекуляции Маркса о детерминации надстройки бази-

циативные», «бесполезные». В результате использование понятия «бюджетники» официальными представителями власти всякий раз косвенно напоминает аудитории о неэффективных вложениях и обязательствах государства, а также представляет государство в роли добросердечного благотворителя (изменения в риторике последних лет мало что изменили в реальном положении вещей). Таким образом, понятие «бюджетники», которое в действительности означает «квалифицированные специалисты государственного сектора экономики», приобрело негативный оценочный оттенок, и его употребление актуализирует целый ряд «политнекорректных» контекстов, способствующих дискредитации традиционно социально престижных профессий учёного, инженера, медика, преподавателя, социального работника и т. д. С логической точки зрения (соответствующей фактическому положению вещей) представители государственной власти в России также входят в объём понятия «бюджетники», однако по указанным выше основаниям к «бюджетникам» себя не относят».

¹⁵ В этой связи показательное объяснение В. С. Вахштайна, не давшего ответа на вопрос о теоретических подходах, эффективных для изучения современного российского общества: «Я не знаю, что такое «современное российское общество». Это такой же загадочный концепт, как и «современное российское социологическое сообщество»».

сом, но и они в полной мере воплощены в российском социуме. Надстрой-ка здесь столь явно определяется базисом, что даже Грамши не нашел бы слов, чтобы опровергнуть этот печальный факт». Примеры можно было бы продолжить. Они могут говорить не только о многообразии пониманий российского общества и его значимых свойств, о естественной погруженности экспертов в сферы своих научных интересов, но и об оторванности исследователей друг от друга, «размеченности» поля теоретической работы на изолированные друг от друга «делянки». Ведь в вопросах речь шла не о личных предпочтениях экспертов, связанных с собственной деятельностью, а о наиболее эффективных теоретико-методологических подходах, которые могли бы применяться российскими социологами для исследования нашего общества.

Каковы сегодняшние судьбы советского и других форм марксизма?

Вопрос: *Какое место, на Ваш взгляд, занимает марксистская парадигма в исследованиях российских социологов?*

Этот вопрос мы выделили по той причине, что с марксизмом российскую социологию связывает особая судьба. Мнения о его роли в нынешней социологии расходятся: кто-то считает, что он окончательно ушел с арены, кто-то — что, напротив, марксизм в большой мере определяет методологический инструментарий социологов, являясь атавизмом советских времен. И т. д. Вопрос об особенностях советской версии марксизма — официальной теоретической основы социологии в нашей стране, мы специально не ставили и использовали недифференцированное понятие «марксистская парадигма». Предполагалось прояснить, по крайней мере, два вопроса:

- 1) существует ли на нашей почве какая-либо марксистская традиция, преемственность между советской и постсоветской социологией в виде марксистских идей;
- 2) видят ли эксперты в различных формах марксизма эвристический потенциал для изучения современного российского общества?

подавляющее большинство экспертов, отвечая на этот вопрос, подчеркнули роль идей Маркса для развития мировой социологии. Б. М. Фирсов отметил, что если экономические концепции Маркса устарели для понимания современного мира, то это ни в коей мере нельзя сказать о его социологических идеях. Эксперты напомнили о ренессансе, который марксизм переживал на Западе во второй половине XX века (Л. Г. Ионин), об идейной связи многих современных европейских теорий с идеями марксизма

(например: «...виднейшие теоретики вроде Гидденса и Штомпки вышли из Маркса, о чем писали в своих ранних публикациях. Франкфуртская школа неомарксистов дала миру Хабермаса и многих других выдающихся теоретиков...», В. А. Ядов) и о росте интереса к нему в последнее время (А. А. Кожанов: «...в прошлом году в Кембриджском университете курс про Карла Маркса имел фантастическую запись как результат растущей популярности»; О.Н. Яницкий: «Если вы посмотрите последние номера *Current Sociology*, то увидите, что в социологию возвращается вполне марксистская терминология: капитализм, рабочий класс, униженные, виктимизация и т. д.»). Вместе с тем, в России идеи Маркса не нашли адекватного применения ни в советское время, ни в наши дни. Разграничив марксизм как социальную теорию и как политическое мировоззрение, некоторые эксперты показали, что причиной дискредитации марксовых социальных идей в советское время стало их использование в качестве «идеологии пролетариата» и «руководства к действию». Приняв форму ленинизма, марксизм в нашей стране был вульгаризирован и потерял свою эвристическую силу и значимость для социологии.

Говоря о нынешнем месте марксистской парадигмы в исследованиях российских социологов, эксперты использовали целый спектр оценок — от отрицания какой-либо ее роли до отведения ей огромного значения: место марксистской парадигмы — «никакое» (А. А. Давыдов); «почти никакое, как это ни удивительно. Вообще, это наше несчастье, что столь мощное познавательное средство... потенциально очень для нас полезное, было здесь практически парализовано советским опытом его извращения» (В. Г. Николаев); многими «она [марксистская парадигма] незаслуженно отвергается» (Б. З. Докторов); «марксизм более или менее растворился в эклектизме концептуальных увлечений современных российских социологов. Это относится и к встречающимся «анахронизмам» официального советского марксизма, и к неомарксизму западного типа, и более широко — ко всей «критической» перспективе в социологической теории» (Д. Г. Подвойский); «латентно присутствует в большинстве исследований, претендующих на функционалистскую перспективу» (А. А. Кожанов); «недостаточное»: «Мы же этого ренессанса и развития не пережили, но поспешили, освободившись от СССР, марксизм сразу заклеить и запретить. Ну, как поэтому у нас может использоваться марксизм?! Мы же не знаем, что он может и обещает» (Л. Г. Ионин); «незаслуженно малое» (В. А. Ядов); «ныне — весьма скромное... На место, которое должен был бы занимать Маркс в нашем сознании, мы поместили куда менее обремененных науч-

ными заслугами ныне здравствующих современных западных исследователей» (Б. М. Фирсов); используется «соответствующе современным потребностям» (В. П. Култыгин); «огромное значение... Многие социологи Марксом пользуются, но при этом опасаются на него ссылаться. Маркс по-прежнему не вполне политкорректен, хотя стал гораздо политкорректней, чем в 90-ые годы» (М. Ф. Черныш).

Каковы возможности (реальные или потенциальные) использования марксистских идей в российских социологических исследованиях и социальной теории? Фрагментарный ответ на этот вопрос можно вычлениить из контекста, представленного экспертами:

- «некоторые ходы мысли, характерные для марксизма... вполне продуктивны и в наше время» (Л. Д. Гудков);
- «марксизм дает огромные возможности для изучения общества, тем более — современного российского» (Б. З. Докторов);
- «в современной России после некоторого перерыва марксизм постепенно возвращается в социальные науки... в качестве интеллектуального подспорья при обсуждении ряда проблемных ситуаций в социальной теории» (С. Б. Кожевников);
- «марксистской парадигме (в первую очередь, в функционалистских исследованиях) в России способствуют три события: распространение приверженности дискурсу «публичной социологии», обновление повестки дня, тема общественных функций социальной науки; процесс сближения с политической наукой и политическими процессами; «огосударствление» повестки дня; «возвращение» многих марксистов в социологию, их ресоциализация; объективный рост интереса к фигуре Маркса» (А. А. Кожанов);
- «по числу концепций, которые «работают» в социологии, ему [Марксу] нет равных, даже если мы сравним его со всеми иконами современной социологии — Дюркгеймом, Вебером, Парсонсом» (Б. М. Фирсов).

Какие именно социальные концепции К. Маркса можно считать эффективными (продуктивными) для исследования современного российского общества? Эксперты называют следующие концепции:

- «теории активизма и современное понимание социальных изменений» (Б. М. Фирсов);
- «теория отчуждения и концепция «параллелограмма сил» высоко эвристичны» (В. А. Ядов);
- концепции, касающиеся «взаимозависимости идей и интересов, роли конфликтов вполне продуктивны и в наше время» (Л. Д. Гудков);

- «например, конфликтологическая парадигма в социологии рассматривает общество в той системе координат, которая была задана марксистской теорией классов, конечно, с учётом поправок, сделанных Р. Дарендорфом, и др. Ещё одна актуальная тема, напрямую обязанная своим происхождением марксизму — соотношение науки и идеологии — была поднята в России ещё А. А. Богдановым» (С. Б. Кожевников);
- «на пересечении этих двух парадигм (М. Вебера и К. Маркса) рождаются различные теоретические гибриды, используемые для анализа процессов и институтов» (М. Ф. Черныш).

Таким образом, идеи марксизма в разных его модификациях (включая советскую) сейчас явно или латентно присутствуют в российской социологии. По мнению большинства экспертов (особенно из старших возрастных когорт), потенциал социальных идей Маркса применительно к изучению российского общества — очень большой. Однако используется он незаслуженно слабо. Отчасти по причине конкуренции с современными западными теориями. Но основная причина этого — опыт извращения марксистских социальных идей в советское время.

Опрос экспертов показал, что их представления о том, что считать теоретической социологией, отличаются разнообразием. Большинство из них полагает, что в России теоретическая социология как дисциплина пока не сложилась. Эксперты, которые выразили противоположное мнение, в полной мере связывают ее наличие с западной социальной мыслью. Теоретические исследования локализуются в академических институтах и «некоммерческих» центрах.

Однако реального следования мировым стандартам, по мнению опрошенных, не наблюдается. Имеются точечные попытки использовать западные наработки в теоретической деятельности, которые чаще всего признаются неадекватными или неэффективными. Вместе с тем экспертами отмечается большая связь современной российской социологии с западной, которая, прежде всего, выражается в освоении и заимствовании ее теоретических наработок. В наибольшей степени это относится к интерпретативным теориям разного толка.

Традиционным для российской социологии является использование идей структурного функционализма. Это направление локализуется в академическом секторе социологии, в то время как интерпретативные теории

большей популярностью пользуются в негосударственных вузах и некоммерческих исследовательских центрах. Марксизм в различных его модификациях (включая советский марксизм как идеологию) проявляет себя достаточно активно. Но все же большинство экспертов признали недооцененность его эвристического потенциала для исследования современного российского общества. В целом же в качестве наиболее эффективных для этой цели эксперты называли те теории, которые связаны с их собственным профессиональным интересом.

Опрос показал, что при выборе теоретических предпочтений российские социологи сейчас руководствуются личными мотивами и интересами в большей мере, чем какими-либо коллективными или институциональными обстоятельствами. Об этом же, на наш взгляд, свидетельствует и многообразие мнений экспертов по поводу того, что считать теоретической социологией и российской теоретической социологией, в частности; какие теории сейчас следует признать эффективными для изучения специфики российского общества. Причины теоретической атомизации — в отсутствии активно действующих школ, научной коммуникации, сложившихся новых направлений и институциональных норм научной деятельности. Такая ситуация сохранится надолго.

Глобализация и инноватизация: пересечения и параллели

Б. И. Максимов

Традиционно старался строить выступление в перекличке с работами В. Б. Голофаства, при этом — чтобы можно было порефлексировать, не просто сообщать какие-то результаты. Считаю, что стиль Голофаства — это именно рефлексии (обсуждение). Голофастовские чтения — это особый вид научного общения, и стоило бы эту специфику развивать, усиливать, не подгонять чтения под общий стандарт, не превращать имя лишь в вывеску, за которой нет специфического содержания. Недаром некоторые публикации В. Голофаства в «Телескопе» шли под колонтитулом «Размышления» (не знаю, правда, кто давал такой титул, сам Голофаств или редактор журнала).

На этот раз привязаться к Голофаству оказалось непросто. Он много и охотно пишет про глобализацию, делая неординарные наблюдения и выводы, но практически не употребляет слово «инновации». Видимо, тогда понятие не было столь модным, как сейчас, хотя явление существовало (а социология падка на моду, даже в лице таких представителей как Голофаств). Наиболее, пожалуй, позволительно связать с темой данного выступления статью В. Б. Голофаства «Глобальное и локальное как контексты и как контрасты»¹. В основном к этому тексту и буду обращаться.

В чем состоит проблема и в чем ее актуальность, как исследовательская (научная), так и практическая?

Перед нами два мощных течения (движения, тенденции, потока, как я выражаюсь), охвативших весь мир, в т. ч. и Россию (что ни говорили бы по этому поводу), идущих одновременно, вероятно, во многом — параллельно, с пересечениями — но как они соотносятся? Согласуются ли друг с другом, содействуют одно другому или, наоборот, находятся в противоречивых отношениях, подчинены различным, даже противоположным целям? О проблемности соотношения процессов свидетельствует, в частности, весьма разное отношение к глобализации и инноватизации.

Как известно, инновации сейчас подняли на щит, в инновационном развитии видят спасение России (а в отсутствии — гибель, отбрасывание

¹ Телескоп, 2002, № 1.

на обочину общественного прогресса), дискурс ведется огромный, президент и премьер призывают к формированию инновационного климата в стране, экономики стимулов к инновациям². Выходят специальные журналы, ведется и практическая деятельность, создаются программы, системы, технопарки, инновационные бизнес-инкубаторы, центры трансферта технологий, венчурные инновационные фонды; целые наукограды нацеливают на инновации; в частности, Петербург должен стать инновационной столицей. Последними проявлениями инновационного бума (шума) можно считать Международный инновационный форум в Петербурге, который открывали Губернатор и Министр науки и образования, и заседание Президиума Госсовета РФ под руководством Президента (стенограмма которого напечатана в журнале «Инновации»). Д. Медведев призвал рассмотреть перспективы развития национальной инновационной системы, не менее того. «Успех на этом направлении для нас имеет ключевое значение. По сути, это решающее условие для долгосрочного роста нашей экономики, но с ростом экономики связан и ощутимый рост качества жизни всех наших людей»³. Основные элементы системы есть и уже работают, нужно только соединить их именно в систему. (Для социологов можно отметить очень меткое высказывание В.В. Гольберта, что глобализация, страсти по которой улеглись, оставила место для другой подобной темы, к которой все могли бы привязывать анализ собственных предметных областей; такой темой, очевидно, может стать инновационное развитие⁴, и можно, к примеру, писать о проблемах труда в условиях инновационного перехода России», как ранее — «в условиях глобализации»).

К глобализации отношение весьма иное, если не сказать — противоположное. Никто не ставит задачу внедрять глобализацию. Отмечается масса отрицательных последствий глобализации, в ней видят даже угрозу для независимости национальных государств, по крайней мере, экономик. Одно из проявлений и одного из агентов глобализации — ТНК нередко изображают в виде спрута, выпивающего кровь из тела национальной экономики. Упомя-

² Выступление Владимира Путина на заседании Госсовета // Известия, 10.02.2008 г. С. 3. Выступление Дмитрия Медведева на Красноярском экономическом форуме // Российская газета, 16.02.2008 г. С. 3–4.

³ Заседание Президиума Государственного совета Российской Федерации, 18 апреля 2008 года, Дубна // Инновации, 2008, № 05 (115). С. 4–22.

⁴ Гольберт В. В. Глобализация: продукт и/или предмет дискурсивного процесса // Глобализация в российском обществе: сб. научных трудов. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 507–508.

нутый В. В. Гольберт, констатируя множественность публикаций о глобализации, отмечает, что в социальных науках однозначно преобладают тексты критического характера⁵. В этом можно убедиться, открыв какой-нибудь из многочисленных сборников по глобализации. Голофаст и в названной статье и в других прямо-таки весьма красочно описывает «прелести» глобализации, о чем я говорил в прошлый раз. Сам я на прошлогодних чтениях писал о «девятом вале глобализации», сметающем российское производство. Наконец, существует известное движение антиглобализма, проявившее себя в последний раз совсем недавно (в России, при проведении встречи «восьмерки», обошлись без выступления антиглобалистов таким способом — не пустив иностранных и поселив отечественных антиглобалистов на Кировском стадионе и в решающий день закрыв входные/выходные железные ворота; плюс к этому сняв некоторых активистов еще в поездах, до въезда в Петербург).

Выходит, процессы противоположны? Инноватизация несет потенциал прорыва, глобализация — потенциал опасности? И, развивая инновации, надо одновременно бороться с глобализацией? И чем же обусловлена эта разнозначность? Для нас, занимающихся инновациями, вопрос о роли глобализации в инновационных процессах — совсем не праздный. Ясно, что процессы связаны, но как? Дело в том, что многие инновации в России приходят из-за рубежа, как бы на крыльях глобализации, связаны с ней, не говоря уже о том, что сами по себе глобализационные процессы не всегда имеют отрицательный знак (например, Россия упорно стремится попасть в ВТО, несмотря на глобалистскую природу этой организации и предсказываемые многими (и многие) отрицательные последствия вступления). Глобализация — слишком большой фактор с инновационной точки зрения, чтобы им можно было пренебречь. Как ни странно, по этому поводу, по соотношению процессов почти не встречается литература, вопрос не служит предметом того самого дискурса (возможно, я недостаточно изучал; или проблема имеет чисто академический интерес? хотя представляется, что из ее рассмотрения можно сделать и практические выводы). Имеется постановка вопроса о значении глобализации как таковой с точки зрения экономики, культуры, здравоохранения, образования, политической сферы (например, в формулировке: «Глобализация — угроза или шанс для России?»⁶), но не относительно инноваций. Актуален,

⁵ Там же. С. 508–512.

⁶ Уральская М. В. Глобализация — угроза или шанс для России? // Альтернативы глобализации: человеческий и научно-технический потенциал России.

в частности, анализ соотношения социальной глобализации и процессов социального инновационного развития. Заимствованные в ходе «российского транзита» западные образцы организации общественной жизни представляли как социальные инновации, нередко социетального масштаба, особенно в политической сфере. Насколько они были, действительно, сознательными, целенаправленными, обоснованными и эффективными (пригодными, адекватными) в конце концов, в какой мере это был глобализационный поток, захлестывавший социальное пространство практически стихийно, с неоднозначными последствиями? Т. И. Заславская, анализируя этот поток как процессы социетальных трансформаций, движимых социальными механизмами, акторами, отмечает, что многие из них действовали в высокой степени сознательно, целенаправленно, но в итоге получали «совершенно иные, чем ожидалось, а иногда и противоположные» результаты. Как дифференцировать социальные инновации и глобализационные новшества (трансформации) с тем, чтобы в большей степени управлять социальной инноватизацией?

При сопоставлении процессов глобализации и инноватизации, во многих из них обнаруживается в первую очередь общность (общие черты) в различных отношениях, вплоть до совпадения, притом прежде всего — по самому своему содержанию. Так, Интернет, ВТО, ТНК (транснациональные компании), ЕГЭ, Болонский процесс, саммиты глав 8-ми государств, интервидение, международная торговля спортсменами и т. п. являются, с одной стороны, проявлениями глобализации, с другой, одновременно — несомненно, инновациями в сфере коммуникаций, политики, торговли, экономики, образования, дипломатии, спорта, и сказать, чего больше в этих проявлениях — глобализации или инноватизации — затруднительно. Выдающимся примером совмещения глобализации и инноватизации является создание объединенной Европы. С одной стороны — процесс глобализации, с другой — сколько инноваций он содержит и какой инновацией в целом является! Такие общепризнанные агенты глобализации как ТНК (Голофаст всю глобализацию подводит под интересы ТНК) одновременно приносят в российские предприятия мировой опыт, потенциал нововведений, обновления, начиная с санитарно-бытовых помещений, включая технику, технологию, продукцию, заканчивая трудовыми отношениями, в т. ч. формами патернализма (например, отмечание праздников всем тру-

Том 2. М.: Слово, 2002. С. 174–175. Баранов А. В. Политическая глобализация в цивилизационном измерении: последствия для России. Там же. С. 122.

довым коллективом в лучших ресторанах). Вот на упомянутом Госсовете говорилось о национальной инновационной системе, форсировании выпуска конкурентоспособной продукции, в т. ч. о глубокой переработке нефти. Но это же не что иное, как движение глобализации, только с нашей, Российской стороны.

Процессы практически совпадают по времени, пространству, масштабности, направленности относительно России. Глобализация и инноватизация идут одновременно, параллельно, охватывают фактически все сферы общественной жизни; в Россию глобализация и инноватизация приходят в основном из-за рубежа, прежде всего — с Запада (по данным И. Б. Гуркова, В. С. Тубалова, доля заимствований («имитаций») инноваций в области производства новых товаров и форм сбыта доходит до 50–60% по разным отраслям, при этом источниками служат информация с выставок, ярмарок, контакты с зарубежными партнерами, вложения иностранных компаний в роли крупных собственников)⁷.

Процессы одинаково обладают качеством императивности, унификации — вытеснения старого (устаревшего), нередко — уникального национального, замены новым, иногда из приоритета новизны как таковой.

Во многом явления глобализации и инноватизации сходны по знаку (положительности/отрицательности). Так, преобразование мирового хозяйства в единую систему, усиление взаимозависимости национальных экономик дает усиление международного разделения труда, выгоды от специализации, усиление обмена новшествами, достижениями, беспрепятственное перемещение капиталов, товаров, услуг, рабочей силы; введение единой валюты упрощает системы расчетов; вхождение в ВТО дает преимущества в торговле некоторыми национальными товарами, стимулы для развития отечественного производства. Введение единых форм образования в принципе способствует проявлению способностей людей, равенству в получении высшего образования, обеспечивает свободу выбора формы, места обучения. Международные транспортные сети, системы коммуникаций расширяют возможности перемещения из одних стран в другие, профессионального, культурного, человеческого общения. Неформальные встречи глав государств ускоряют решение международных вопросов. Обмен культурными образцами (например, практикой прове-

⁷ Гурков И. Б., Тубалов В. С. Инновации в российской промышленности: создание, диффузия и реализация новых технологий и социальных практик. Мир России, 2004, №3. С. 37–43.

дения карнавалов), увеличение культурных контактов, международного туризма обогащают национальные культуры, способствуют их развитию, выходу на широкую (мировую) арену. Международный суд, в принципе, способен привлечь к ответственности военных преступников, неподвластных национальному судоустройству, Гаагский суд — разрешать гражданские дела, неразрешимые в рамках национального судопроизводства, и т. п. Достоинства объединенной Европы, очевидно, многочисленны, если такое образование признано национальными государствами и продолжает развиваться.

Даже такой акт глобализации как оккупация Ирака Америкой содержит элементы обновления для страны — свержение диктатуры, введение элементов демократии, приобщение к цивилизованным странам, формирование гражданского общества, преодоление национальной замкнутости.

Разумеется, имеются и различия между процессами, и они, очевидно, обуславливают разное отношение к глобализации и инноватизации, проблемность их соотношения. Существенно, прежде всего, то, что за разными процессами стоят разные субъекты (акторы) со своими интересами, целями. Так, владельцы ТНК (как правило — иностранцы) преследуют совершенно определенные цели внедрения в национальное производство, завоевание национального рынка сбыта, использование относительно дешевой рабочей силы, электроэнергии, материалов, инфраструктуры. Привносимые ими новшества также подчинены в первую очередь целям компании (ТНК), хотя они нередко и прокламируют широкие гуманитарные задачи (так, американская компания «Джон Дир», при подготовке огромного контракта на поставку тракторов, комбайнов, сеялок и т. п., провозглашала заботу о «реанимации российского сельхозмашиностроения», а ТНК Юнилевер в составе фирменной идеологии заявляла, что «ставит своими целями удовлетворять каждодневные потребности людей во всем мире», «следовать высочайшим стандартам поведения по отношению к клиентам, своим сотрудникам, обществу и всему миру, способствовать развитию личной инициативы», тому, «чтобы сотрудники получали удовлетворение от своей работы и гордились достижениями компании, служили примером во всем» и т. д.⁸

⁸ Максимов Б. И. Рабочее и профсоюзное движение. Очерки социолога. М.: Институт проблем и перспектив страны. С. 21. Максимов Б. И. Трудовые отношения и положение рабочих на предприятиях ТНК // Трудовые отношения на предприятиях с иностранным участием. СПб., 2000. С. 119.

Наличие иностранных субъектов глобализации, при этом нередко в лице международных монополий, преимущественно избранных стран, прежде всего — США, создает эффект присвоения, эксплуатации национальных богатств, что и вызывает мощный протест. И так же нередко он имеет под собой основания. Так, упомянутый Юнилевер, проведший модернизацию российского предприятия, через некоторое время, вопреки обещаниям, свернул производство отечественной продукции, провел сокращение численности работников и вообще превратил фабрику скорее в перевалочную базу для своих товаров (иногда посредством переклеивания ярлыков).

Инновации в России реализуют преимущественно отечественные субъекты, преследуя, в принципе, национальные интересы, приспособляя к ним новшества и в случае их заимствования. Отсюда, понятно, и отношение к ним положительное, тем более что они рассматриваются в качестве средства не только развития, но и выживания экономики (страны) в условиях жесткой международной конкуренции.

Таким образом, наличие разных субъектов, а также разного характера глобализационно-инноватизационных процессов порождает и различные знаки (эффекты) процессов. При этом отрицательное или противоречивое значение могут иметь не только глобализационные, но инноватизационные процессы, когда они подчинены сугубо частным, эгоистическим интересам, не считаются с национальной спецификой, небезопасны с экологической точки зрения и т. п. Как известно, отмечается противоречивость нововведений в образовании, противоречивое значение имеют новый Трудовой кодекс, создание автомобилестроительного кластера иностранных фирм в Петербурге, доминирование сетевой торговли, монетизация социальных услуг (льгот), свертывание социальной деятельности на предприятиях, замена трамвайных маршрутов автобусным транспортом и др.

Как выглядят процессы глобализации по Голофасту, если рассматривать их с точки зрения инноваций? По сути дела, они все несут изменения в глобализируемые пространства и сферы, представляют собой поток новшеств, только вводимых в основном не российскими субъектами. В целом, это вторжение «мирового рынка, индустриальных и постиндустриальных технологий и коммерческих стратегий в незатронутые прежде этими явлениями территории, сектора и уровни общественной... жизни»⁹. Этот поток

⁹ Голофаст В. Б. Глобальное и локальное как контексты и как контрасты // Телескоп, 2002, № 1. С. 2.

имеет ряд особенностей (эффектов). Прежде всего — «движущие силы глобализации — интересы ТНК в сохранении своих прибылей»; «ТНК пытаются использовать дешевые ресурсы и рабочую силу в остальном мире для удержания своей гегемонии на рынках»¹⁰. Глобализация оставляет процесс производства (и нововведений) внутрифирменным, хотя и размещенным по всему миру. Устанавливается монопольный контроль над специализированными сегментами мирового рынка, устраняется конкуренция на местных уровнях и действует принцип «победитель забирает все»¹¹. Глобализация создает стимулы для усиленного потребления в местах проникновения мирового рынка, а вслед за спросом движется и экономическая инфраструктура (и, очевидно, изменения, новшества). Поток глобализации выглядит односторонним монопроцессом. На деле это множественный, многослойный процесс, включающий экономическую, культурную, информационную и т. д. глобализации, дислокацию производства, товарные сети, финансовые инфраструктуры, отбор и обучение кадров, создание сегрегированных рынков труда — и все это встречает ответные действия территорий, правительств, других ТНК. Процесс производства оказывается сложно организованным потоком, упорядочить который помогают и инновации. «Поток глобализации не растекается равномерно по вновь осваиваемому пространству. Его опорными пунктами становятся, прежде всего, так называемые глобальные города», уже располагающие составляющими частями для обновления технологий, позволяющие создать развитую инфраструктуру как базу для развития высоких технологий, подготовки высококвалифицированных, готовых к перемене труда кадров¹². Весь этот поток можно назвать глобализационно-инновационным, как мы уже и делали. Из этого потока черпают идеи, подходы, конкретные инновационные разработки и российские предприниматели, управленцы, когда они сами становятся субъектами нововведений. При этом нередко методом заимствования становится «срисовывание» иностранного продукта.

Взгляды Голофаста на соотношение, различия глобализации и инноватизации видны из отдельных его высказываний. Уже отмечалось, что за процессами глобализации стоят интересы ТНК. При этом штаб-квартиры ТНК концентрируются в странах триады — США, Европы, Японии; в силу развитости их внутренних рынков эти богатые страны получают большие

¹⁰ Там же. С. 2.

¹¹ Там же. С. 2.

¹² Там же. С. 3.

преимущества в инвестиционном влиянии в зонах своих интересов. Экономическая эксплуатация новых территорий продолжается до тех пор, пока ТНК не найдут новое пространство для вторжения¹³.

На примере культурной глобализации Голофаст показывает формы соединения глобализационных изменений и новшеств в их составе с местными особенностями или встречными действиями по нововведениям. Это многочисленные явления гибридизации. Гибридизация, однако, не превращается в интеграцию, органическое соединение, представляет собой параллельное, многослойное, переплетающееся движение «в разных струях потока». В целом, по Голофасту, глобальное враждебно локальному, пренебрегает им или, натолкнувшись на сопротивление, пытается использовать его как ресурс¹⁴. Если говорить об инновационных изменениях, глобальные из них доминируют, подавляют локальные (местные), или приспособливают их к себе. На практике приходилось наблюдать такое взаимодействие на примере трудовых отношений, в т. ч. внедрения новых форм оплаты труда, деловой этики. Правилom является вытеснение отечественных форм.

Выводы из всего этого достаточно неоднозначны. Процессы глобализации и инноватизации не только параллельны, но и взаимосвязаны, нередко пересекаются, сталкиваются, совмещаются, дополняют друг друга, в то же время могут быть противоречивыми. Соотношение процессов оказывается весьма сложным; их невозможно развести по признаку содержания. Об их качестве невозможно судить только по отнесенности к той или другой группе (глобализационным или инновационным изменениям). Критериями различения служат различия по знаку и субъектам, их интересам. Процессы глобализации и инноватизации, как правило, амбивалентны, требуют конкретной оценки их значения в каждом отдельном случае, с использованием соответствующих критериев. Настороженная общая позиция к глобализации и сплошь положительная относительно инноваций — шаблонны, не позволяют правильно использовать достоинства тех и других. При этом оценка должна делаться не только по экономическим, но и социальным показателям. В последнем случае незаменима роль социологии, способной раскрыть социальные последствия нововведений, показать сомнительность некоторых из них с точки зрения социально-

¹³ Там же. С. 2.

¹⁴ Голофаст В. Б. Глобальное и локальное как контексты и как контрасты // Телескоп, 2002, № 1. С. 4–5.

го развития, при всей видимой (номинальной) большой эффективности (примером проблемности, неоднозначности в этом плане может служить политика вытеснения крепких алкогольных напитков расширенным потреблением слабоалкогольного пива, ввоз, равно как и ограничение ввоза миграционной рабочей силы и т. п.). Оценки, предусматривание последствий нужны, может быть, в первую очередь именно для инноваций ввиду неразвитости такого подхода; не только способствование инновациям, но и предусматривание их последствий (для социологов — с социальной точки зрения).

Культуральный подход

в социологическом анализе инновационной научной деятельности

Б. Г. Тукумцев

Исследование, которое завершается нами в настоящее время, посвящено социальным аспектам инновационной деятельности в Российских академических научных учреждениях и, прежде всего, проблемам культуры этой деятельности. Анализ инновационных аспектов такого рода деятельности достаточно актуален. В качестве генерального направления развития России на долгие годы вперед определено инновационное обновление производства, систем управления, социальной сферы. То есть развитие на основе использования самых современных научно-технических достижений. Это однозначно определяет место отечественной науки в осуществлении поставленной цели, как генератора новых идей, открытий и изобретений. Только действительно революционные научные открытия способны повлечь за собой существенные, радикальные нововведения. Уровень производства именно такого нового знания, и созданных на его основе наукоемкой продукции и современных технологий определяет в современном мире конкурентоспособность экономики и благополучие государства в целом.

Между тем, в наши дни ни у кого не возникает иллюзий по поводу сложной ситуации, которая сложилась в Российской науке в области инновационной деятельности. Академические учреждения страны переживают нелегкие времена, начало которым положили еще политические и экономические реформы 90-х годов. Особенно наглядно это неблагополучие просматривается при оценке ситуации на мировых рынках наукоемкой продукции.

Данные об объемах продаж такой продукции, обнародованные помощником руководителя Администрации Президента Поповой Е. В., выглядят следующим образом: « Экспорт технологий из России в 2004 году составил \$384 млн. Для сравнения: из США — \$52,6 млрд, из Великобритании — \$28,2 млрд¹. Нетрудно представить себе, чем может обернуться для наше-

¹ Попова В. Е. Будущее России — технологическая держава или сырьевой «придаток». //Инновации №1 (99) 2007. С. 4–5

го отечества дальнейшая стагнация уровня этого важнейшего показателя цивилизационного развития, если не добиться изменения ситуации.

Поэтому, не случайно, столь большое внимание и государства, и Академического сообщества уделяется сегодня поиску путей преодоления допущенного отставания, созданию условий для активизации фундаментальной и инновационной деятельности, возвращению страны в технологические лидеры мировой экономики.

В то же время, при знакомстве с опубликованными по этому поводу правительственными и академическими документами, бросается в глаза весьма характерная для российской действительности деталь. В решении столь грандиозной общегосударственной проблемы, как восстановление дореформенных объемов исследовательской деятельности и дальнейший рост этих объемов, практически, не принимаются в расчет ее социальные аспекты. Внимание к социальному фактору ограничилось лишь повышением уровня оплаты труда научных сотрудников. Он повышен в три этапа до величины, которую Правительство сочло на сегодняшний день достаточной. Повышение оплаты труда, безусловно, важный шаг для улучшения условий работы академических ученых. Но это только шаг. Многих, очень важных проблем он, к сожалению, пока решить не смог. Как шутят некоторые ученые, их зарплата лишь «приблизилась к оплате труда водителя автобуса». Они, как и раньше, вынуждены заниматься «совместительством». Как и раньше, низкая оплата труда является тормозом для появления молодежи в академических институтах. На зарплату младшего научного сотрудника прожить молодому интеллектуалу просто невозможно.

Но дело не только в этом. Сведение всех проблем активизации исследовательской и инновационной деятельности лишь к повышению материального вознаграждения, представляется большим упрощением сложившейся ситуации. Нам представляется, что находясь в состоянии конкурентной борьбы с научными организациями развитых стран, нельзя не обращать внимание на то отличие в состоянии культуры исследовательской и инновационной деятельности, которое имеет там место. Культуру деятельности нельзя не рассматривать, как важнейший социальный механизм, регулирующий поведение людей. Она нуждается в постоянном внимании и совершенствовании. Так, например, если рабочее время ученого, предназначенное для творчества не рассматривается как ценность и используется для выполнения вспомогательных операций (для ремонта приборов, для переговоров об аренде исследовательского оборудования, для покупки в торговой сети необходимых для исследования реагентов),

как это имеет место в наших институтах, то это лишь свидетельствует о том, что до высокой культуры научно-исследовательской деятельности еще далеко. Если отечественных биологи отстают в области генетики и не радуют отечество успехами в этой области, то есть ли тут их вина? А если вспомнить, что им не на чем работать, если они не располагают необходимым количеством и качеством современных электронных микроскопов, То есть, лишены экспериментальной базы для исследований на мировом уровне. Можно ли в этих условиях говорить о высокой культуре их научной деятельности? Совершенно очевидно, что только путем повышения оплаты труда эти проблемы решить нельзя.

Несовершенство и отставание по времени исследовательской и инновационной культуры отечественных научных учреждений особенно заметно, когда ее сравнивают с культурой в Европейских лабораториях, побывавшие там отечественные ученые. За последние годы для работы на современном оборудовании и в порядке стажировок за рубежом побывало несколько тысяч научных сотрудников России. Сегодня они хорошо представляют себе состояние культуры научной деятельности в научных центрах зарубежных стран, почувствовали эффективности действующих там культурных правил и социальных институтов. Об этом они говорят в своих интервью.. Но в наших научных учреждениях этот опыт пока что не востребован. Он не рассматривается как пример для подражания.

Более того, обращаясь к термину культура исследовательской или инновационной деятельности, ряд отечественных специалистов в области управления наукой сужают содержание этого понятия и сводят его к уровню профессионализма, образования, эрудиции, включая степень осведомленности об особенностях инновационной деятельности научных учреждений и т. п.² Столь ограниченное толкование понятия «культура», применительно к исследовательской и инновационной деятельности научных учреждений свидетельствует, очевидно, лишь о том, что время глубоких исследований культуры в этой сфере у нас еще только начинается..

Приступая к анализу культуры инновационной деятельности в научных учреждениях мы столкнулись с тем, до начала нового XXI столетия в отечественной практике проблемы инновационной деятельности в научных учреждениях социологами не рассматривались. Все подобного рода

² См. Николаев А. Инновационное развитие и инновационная культура // Международный журнал — Теория и практика управления 2001 №5; Зинов В. Г. Основная проблема развития инновационной деятельности // Инновации 2004, № 2. С. 25–26.

исследования во второй половине XX века, о которых сегодня известно, осуществлялись в диффузионной сфере инновационного цикла, то есть на этапе тиражирования новшества и его внедрения. И хотя социальные проблемы науки в целом не оставлены вниманием, но в и содержании выполняемых исследований превалирует оценка условий и ориентации работы, миграционные процессы и некоторые другие аспекты. Нам не известны попытки комплексного анализа инновационной деятельности на основе одного из социологических подходов..

Формируя методологическую базу своего исследования, мы пришли к выводу о необходимости использовать в нашем социологическом исследовании так называемый культуральный подход. В отечественной практике его обычно называют социокультурным и даже культурным. Тем не менее, авторы современных культуральных исследований предпочитают свое, не очень благозвучное наименование, чтобы отграничить предлагаемый подход от социологии культуры. К числу этих авторов относится, прежде всего, известный американский социолог Джеффри Александер, который, как раз и выдвинул идею о создании «культуральной социологии»³.

Д. Александер обосновал различие в понимании термина «культура» используемого в культуральной социологии и в социологии культуры. Если описать это различие, — пишет он — «можно сказать, что более традиционная социология культуры рассматривает культуру как зависимую переменную, тогда как в культуральной социологии она является «независимой переменной», обладающей относительной автономией в организации действий и институтов, внося всякий раз столь же существенный вклад, как и более материальные или инструментальные силы».⁴

Если быть последовательным, то следует признать, что «культурный (культуральный) подход» в социологии известен, практически, со времени ее возникновения. Изначально мы обязаны обоснованию этого подхода великим социологам XIX столетия — Э. Дюркгейму и М. Веберу.

В частности, еще М.Вебером «культура» рассматривалась как неотъемлемая часть жизни группы, сообщества и общества в целом. Как та социальная среда, которая будучи творением разума, сопровождает членов сообщества всю жизнь,. На протяжении всей своей жизни человек участвует в трансформации этой социальной среды, создавая новые правила по-

³ Alexander J. C. The Meanings of social Life. A Cultural Sociology — Oxford, University Press, 2003.

⁴ Alexander J. C. Указ соч. С. 12.

ведения, новые идеи и материальные предметы. Под влиянием общепризнанных культурных норм поведение человека становилось осознанным и предсказуемым. Культурные нормы для каждого вступающего в общество объективны. В то же время всей своей деятельностью ее актор изменяет их и они, таким образом, становятся результатом (следствием) субъективного. В этом единстве объективного и субъективного проявляется важнейшее качество культуры, как основного социального механизма, регулирующего поведение и жизнь людей, их идеологию и сознание. В отличие от социологии культуры, где изменения культуры рассматриваются в качестве следствия структурно-функциональных изменений, а сама культура их эпифоменом, культуральная социология относит культуру к числу основных источников изменений в общественной деятельности, как и более материальные и инструментальные силы.

В качестве предмета нашего исследования была определена культура инновационной деятельности. Обращение к культуральной социологии и к такому предмету социологического анализа, как культура (способ жизни, образ жизни), имеет бесспорные преимущества. Оно позволяет выделить те нормы, правила и ценности, т. е. те социальные механизмы конкретной общности, которые изначально определяют социальное поведение ее членов. Под влиянием общепризнанных культурных норм поведение человека становилось осознанным и предсказуемым. Культурные нормы для него выступают первоначально как нечто объективное. В то же время всей своей деятельностью он изменяет их и они становятся результатом субъективного. В этом единстве объективного и субъективного проявляется важнейшее качество культуры, как многоаспектного социального механизма, регулирующего поведение и жизнь людей, их идеологию и сознание.

Все иные факторы общественного поведения — экономические, организационные, физиологические вторичны относительно культурных норм. Высокую степень их влияния на поведение человека отрицать невозможно. Но при этом нельзя не учитывать того, что их влияние и следование им постоянно находится под контролем культурных норм.

Завершая представление избранного нами подхода, необходимо заметить, что использование термина «культура» в исследовательской практике существенно осложняется многообразием его толкования и использование в научных работах не только социологии культуры, но и немало числа других дисциплин. С середины XIX столетия он постепенно обретал все большую популярность среди ученых самых разных областей знания. «По всему миру культура упрямо пробивала себе дорогу, чтобы оказать-

ся в центре дебатов не только по теории социологии, но и во всех гуманитарных науках».⁵ Поэтому, прежде чем приступить к исследованию на основе культурального анализа, необходимо определиться с толкованием его основного понятия и с какими определениями того же понятия, но в рамках иных дисциплин и подходов исследователь неизбежно будет сталкиваться.

Л. Г. Ионин считает, что в мировой научной литературе отстаивают свое право на жизнь более 150 толкований этого термина. Максимально обобщив известные толкования, он свел имеющее место многообразие к минимуму.

Так, например, в одной из групп интерпретаций «Культура» трактуется как обозначение состояния общества, основанного на праве, порядке, мягкости нравов. В этом смысле культура совпадает с одним из значений слова «цивилизация». Используя такое толкование, некоторые авторы противопоставляют страны высокой и низкой культуры. Хотя многие критерии такого сопоставления представляются большей части научной общественности весьма спорными.

В другом толковании слово «культура» является абстрактным указанием на особенности способа существования или образа жизни, свойственных какому-то историческому периоду, какому-то обществу, группе людей. Такой подход используется историками, социальными антропологами, этнографами (греческая культура, культура народов севера и т. д.)

Наконец, термин «культура» используется для обозначения форм и продуктов интеллектуальной и, прежде всего, художественной деятельности, всего того, чем занимается Министерство культуры. Такая трактовка понятия «Культура» имеет широкое распространение и в быденном сознании.⁶

Опираясь на небольшой экскурс в область истории использования этого, ставшего в известном смысле многоликим понятия, мы предприняли попытку дать его определение с позиций культуральной социологии.

Культура представляет собой систему ценностей, культурных правил, идеалов и мифов, языка и обычаев, а также социальных институтов. В осуществлении своих функций по регуляции социального поведения элементы этой системы действуют совместно, взаимодополняя друг друга и представляя собой сложную систему регуляции самых различных видов человеческого поведения в обществе и жизни общества в целом.

⁵ Alexander J. C. См. указ. Соч. p. 11

⁶ Ионин Л. Г. Социология культуры. — М.: «Логос», 1998. С. 11–12.

Предложив на начальном этапе провозглашения социологии в качестве научной дисциплины в качестве предмета этой науки использовать понятие «культура», «отцы основатели» этой науки и их последователи вложили в содержание этого феномена весьма широкий диапазон социальных механизмов. Даже элементарное перечисление функций культуры дает представление о сложности ее содержания. Вот как выглядит ее структура по мнению П. Штомпка.

Первый сегмент — это нормативная культура. Она тесно связана с понятиями долженствования или напротив — запрета. Это нормы, образцы, а также ценности поведения, ради которых оно совершается. Все вместе это, как отмечалось выше, носит название — «культурных правил», которые должны соблюдаться людьми, считающими себя членами данного общества, группы.

Второй сегмент — это идейная (духовная) культура. Она определяет стандартные способы мышления, устанавливает смыслы событий и явлений, разделение которых становится в данной группе обязательным.

И, третий сегмент — материальная культура. Под это понимается своеобразный комплекс материальных предметов, используемых в данном обществе, конструктивных идей, реализованных в эти предметах, а также умение правильно пользоваться этими предметами и технологиями.⁷

В каждом сегменте приведенной выше структуры функционирует ценностно-нормативная система. Ее основу составляют простейшие элементы — культурные правила с их двумя составляющими — нормами и ценностями. Если набор культурных правил, связанный с выполнением значимых социальных функций признается членами сообщества, а невыполнение этих правил влечет за собой социальные санкции, такой набор правил получает название «социальный институт». Набор норм и ценностей, связанный с конкретной социальной позицией носит название — социальная роль. Культурные правила, будучи продуктами социальных институтов, наряду с мифами, идеями, новыми знаниями, становятся содержанием культуры.⁸ Изучая содержание и изменение этих культурных правил, поддерживающих и изменяющих социальные институты и роли можно получить представление о содержании и изменении культуры того

⁷ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. — М.: Логос. 2005. С. 252

⁸ Ядов В. А. Современная теоретическая социология. — Санкт-Петербург. «Социополис» 2009. С. 60.

или иного сообщества и о их влиянии на интересующую исследователя сферу деятельности.

Основываясь именно на этих методологических предпосылках, была сформирована теоретическая концепция исследования. Применительно к целям этого исследования, определение понятия инновационной культуры, которую исследователям предстояло анализировать на объектах нашего исследования, выглядело так:

«Инновационная культура — это система ценностей, социальных норм, обычаев, правил и поведенческих практик в сфере инновационной деятельности, которая сложилась (естественно-исторически или /и под воздействием управленческих мер и неформальных практик) в организациях, учреждениях или в аппарате органов власти и в значительной степени определяет инновационное поведение акторов инновационной деятельности».

Инновационная культура, как и культура в целом имеет три сегмента, которые в той или иной степени оказывают влияние на поведение общности, группы или общества в целом. Но анализ ценностно-нормативных систем всех трех сегментов был бы непосильным для участников первого «поискового» исследования в этой области знаний. Поэтому мы, на первом этапе, решили ограничиться одним, поведенческим сегментом, культурного влияния. Принимая такое решение, мы учитывали также мнение одного из основных теоретиков в этой области — П. Штомпки, который пишет, что: «..главным предметом социального регулирования являются действия. И правила, которые касаются того, «что делается» («что мы делаем»), гораздо в большей мере, чем то, «что мы думаем» и «чем мы обладаем», мы рассматриваем как особый, центральный сегмент культуры, отделяя его от общественного сознания и стилей материальной культуры».⁹ Поэтому, как и некоторые европейские исследователи мы ограничились лишь наиболее интересным для нас с точки зрения задач исследования, первым сектором культуры — нормативной культурой. На этапе получения социальных данных нас интересовали главным образом культурные правила поведения, установленные для научных сотрудников и их руководства, степень их выполнения, их дифференциация по источнику формирования. Мы рассматривали их как комплекс индикаторов культуры исследовательской, инновационной деятельности. В процессе анализа нам было необходимо оценить с помощью респондентов их состояние и влияние на ход, качество и успешность исследовательской работы.

⁹ Штомпка П. Указ. соч. С. 272.

При осуществлении этого анализа мы исходили из того, что культурные правила, оказывающие влияние на поведение акторов представлены в двух видах. Это, прежде всего, правила, определяющие цели (ценности) деятельности. А также правила, определяющие средства достижения этих целей, нормы деятельности, которые соответствуют принятым целям. Первые носят название культурных ценностей, а вторые — культурных норм. Приступая к выявлению и оценке состояния этих норм, учитывалось, что они формируются не на каком то одном уровне. Работая в научно-исследовательском институте, сотрудник испытывает на себе влияние культурных норм, сформированных на разных уровнях структуры управления научной деятельностью.

Это, прежде всего культурные правила инновационной деятельности на низовом уровне, на уровне групп сотрудников НИИ. Их появление и контроль за соблюдением носит, как правило, неформальный характер. Тем не менее, здесь можно обнаружить и институционализацию этих норм, ибо санкции, хоть и неформальные могут быть здесь использованы. Причем, даже более жестко, чем в формальном варианте.

Затем следуют культурные правила, которые, устанавливаются администрацией института для координации исследовательской деятельности, и контроля за ее состоянием. Это уровень организационной культуры.

Следующий уровень территориальный и ведомственный, к которому относятся культурные правила, устанавливаемые общим собранием Академии наук, его президиумом, Президентом Академии наук. Они закрепляются в уставных документах, специальных управленческих документах, относящихся к инновационной деятельности.

И, наконец, государственный, общенациональный уровень, где формируются самые общие и наиболее значимые для общества культурные нормы и цели-ценности работы академических учреждений. Эти культурные правила закрепляются законодательно, в виде правительственных постановлений и указов Президента.

На всех уровнях культурные нормы могут быть институционализированы. Они дополняются санкциями за их несоблюдение. Но это правило соблюдается далеко не везде и не всегда. И такая необязательность соблюдения этих норм создает определенные проблемы в осуществлении инновационной деятельности. Общее число действующих культурных норм достаточно велико. Все вместе они создают ту культурную сферу, которая регулирует и направляет исследовательскую и инновационную деятельность ученых, работающих в научных учреждениях. Анализировать весь

объем этих норм навряд ли имеет смысл. Это стало бы достаточно трудоемким мероприятием, требующим к тому же формулирования дополнительных задач исследования. Между тем исследователей, интересовали, прежде всего, те культурные правила, которые должны способствовать инновационной деятельности, но по какой-то причине они не соблюдаются. Либо они не эффективны, либо вообще отсутствуют. Анализ и оценка необходимости и соблюдения таких культурных норм и культурных ценностей осуществлялся с помощью полуструктурированных интервью. В качестве респондентов выступали руководители научных учреждений РАН, руководители научных подразделений, научные сотрудники. Всего в четырех НИИ было проведено более 40 интервью. То, что работа велась на нескольких объектах, позволило обнаружить проблемы, имеющие общий характер для всех объектов нашего исследования. Для выявления культурных правил, которые относятся к высшим уровням управления научной деятельностью (государственному и ведомственному) исследователи использовали официальные документы: протоколы совещаний правительственных организаций, Устав РАН, Постановления Президиума РАН и т. п.

Используя официальные источники, у исследователей появилась возможность выделить, те наиболее значимые культурные правила, устанавливаемые на высших уровнях управления научными учреждениями, которые определяют наиболее значимые цели и средства их достижения в инновационной деятельности ученых.

В итоге на высшем, государственном уровне было выделено две наиболее общих культурных нормы деятельности академических научных учреждений.

- «Научные учреждения должны обеспечить отечественную экономику и социальную сферу России принципиально новыми технологиями, материалами, методами управления и знаниями, необходимыми для ее становления на путь инновационного развития.»
- «Отечественная наука должна вернуться в мировые технологические лидеры»

Разумеется в правительственных документах и документах законодательного собрания можно найти и ряд других культурных норм — целей, отражающих государственную потребность в решении актуальных социальных, экономических и социальных проблем, где решающую роль должна сыграть наука. Но нам представляется, что уже эти первые две перечисление здесь нормы-цели-ценности дают возможность представить себе ориентацию государственной политики в отношении к деятельности РАН

в инновационной сфере.. Культурные нормы-цели поставленные на государственном уровне, уточняются и конкретизируются на втором, ведомственном уровне, дополняя их культурными нормами, определяющими механизм реализации поставленных целей. То есть на уровне Академии наук и ее управляющих структур. В разработанных Президиумом Академии наук «Принципах инновационной деятельности» (24 марта 2009 года. Постановление Президиума РАН №85) мы находим такие культурные правила деятельности академических научных учреждений..

1. «содействовать формированию экономического базиса, правовых и административных предпосылок для развития инновационной деятельности РАН и ее организаций как особых субъектов государственной инновационной политики»;
2. «содействовать созданию организаций РАН, предусмотренных ее Уставом, встроенных в национальную инновационную инфраструктуру, включающую инновационные и инновационно-технологические центры, технопарки, научно-образовательные центры, бизнес-инкубаторы и иные организации и подразделения, необходимые для инновационного использования результатов исследовательских работ и для повышения эффективности деятельности этих элементов инновационной инфраструктуры РФ»;
3. «содействовать эффективной правовой охране и использованию результатов научно-технической деятельности»;
4. «усилить поддержку ведущих ученых-изобретателей, научных и научно-педагогических школ, которые сформировались в научных организациях РАН и ВУЗах и способны обеспечить высокий мировой уровень образования, научных исследований и технологических разработок».

Таким образом, на ведомственном уровне культура инновационной деятельности Академии наук определяется правилами и нормами, определяющими требование к этому управляющему органу в части финансирования инновационных разработок, создания специальных инновационных подразделений в составе научных учреждений, создания условий для правовой охраны инновационных продуктов и поддержки наиболее активных акторов инновационной деятельности. Наряду с этими общими организационными культурными правилами управляющие органы Академии наук в своем постановлении указывают на необходимость соблюдения ряда культурных норм-средств, которые должны способствовать реализации инновационной деятельности научных учреждений РАН. К ним относятся:

- а) техническое перевооружение РАН;
- б) создание центров коллективного пользования;
- в) содействие разработке и производству приборов, оборудования, компонентов для них в высокотехнологичных компаниях, связанных с научными организациями РАН;
- г) поддержка инноваций и разработок РАН; д) интеграция науки и образования;
- е) заключение двусторонних и многосторонних соглашений с государственными корпорациями, фондами, фондами венчурного финансирования и проведение конкурсов проектов в рамках этих соглашений;
- ж) Особо следует выделить такое культурное правило, как определение критериев оценки деятельности научных сотрудников в академических научных учреждениях.

Соблюдение этих культурных норм на ведомственном уровне призваны содействовать развитию инновационных процессов на уровне академических научных организаций. Они становятся частью культуры инновационной деятельности на организационном уровне, где непосредственно совершаются инновационные процессы,

Но академические научные учреждения помимо тех норм, что предписываются им свыше, имеют и свои, адаптированные к уровню организации культурные правила инновационной деятельности. Значительная часть таких норм и правил традиционны, Они устраивают всех и не вызывают негативной реакции. Сюда относятся правила утверждения исследовательских тем, комплектования рабочих групп, нормы профессионального роста, право теоретика продолжить работу над инновационным выходом своих исследований в качестве разработчика новшества и многое другое. Поэтому они и не упоминаются ниже. В число норм, соблюдение которых анализировалось в исследовании, вошли те, которые в процессе проводимых интервью были выделены как проблемные. То есть именно их несоблюдение рассматривалось как причина существенного ухудшения уровня инновационной культуры. Разумеется, нет гарантии, что исследователям с первой попытки удалось выделить все проблемные нормы. Тем не менее, подробный анализ того, что удалось выявить, представляет собой и научный, и практический интерес. Вот их перечень:

- а) инновационная (внедренческая) практика рассматривается в институте как важнейшее направление научной деятельности;
- б) научные сотрудники должны быть обеспечены необходимой для работы научной и научно-технической информацией;

- в) Исследователи и разработчики не должны тратить время на выполнение несвойственной им функций по обеспечению своей работы необходимыми приборами, материалами, по подготовке к работе экспериментальных установок. А также на переговоры о предоставлении оборудования в центрах коллективного пользования;
- г) Сотрудники вспомогательных подразделений обязаны выполнять заказы разработчиков инновационных продуктов в установленный срок;
- д) поиск потребителей созданных и создаваемых в институте инновационных продуктов осуществляет специально созданное подразделение института;
- е) В переговорах с заказчиком (или покупателем) инновационного продукта должны участвовать помимо создателей новшества, специалисты в области права и маркетинга. Юридически грамотно оформленная продажа научной разработки гарантирует сохранение авторства и обоснованный размер цены продаваемого продукта;
- ж) Началу работ над каждым инновационным проектом предшествует тщательный анализ степени конкурентоспособности и востребованности на рынке;
- з) существенным источником дохода исследователя являются его патенты.

Состояние выполнения этих культурных правил подробно рассматривается в настоящем исследовании с учетом оценок, полученных в ходе интервью от его респондентов. Каждая норма потребовала подробного самостоятельного анализа и оценки. Такой же была процедура анализа культурных правил на низшем, групповом уровне. Здесь были выделены культурные правила, которые действуют или должны действовать в процессе инновационной деятельности, являясь при этом продуктом творчества сотрудников и их руководителей на групповом уровне, в лабораториях, отделах, секторах и т. п.

- а) Основной культурной целью-ценностью работы научного сотрудника института является научный интерес, стремление к созданию или открытию чего-то нового;
- б) Каждое подразделение института и каждый руководитель группы сами ведут поиск заказчиков на свои разработки, обеспечивая более высокий уровень оплаты труда своим сотрудникам;
- в) каждый сотрудник института должен постоянно проявлять инициативу в поиске грантов или возможности участия в исследовательских проектах за рамками института;

- г) с формальными нормами, которые не устраивают научных сотрудников и не способствуют продуктивной работе, следует не бороться, а учиться сосуществовать;
- д) инновационный продукт сотрудника или группы сотрудников может быть продан по договору, оформляемому институтом, а в отдельных случаях по договору оформляемому заказчиком без участия института, без оформления патентной защиты и без учета права собственности института, где выполнялась работа.
- е) каждое новое знание, полученное в результате фундаментальных исследований должно рассматриваться коллегиально с позиций его использования в инновационном плане.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что приведенный выше перечень культурных правил инновационной деятельности в академических научных учреждениях не претендует на завершенность. Это результат первого, в какой-то степени экспериментального поиска в этой сфере. Тем не менее, нам представляется, что перечисленные выше культурные цели-ценности и культурные нормы создают достаточно полную картину той инновационной культуры, оценку которой исследователи стремились получить с помощью респондентов, опрошенных в ходе интервью. Результаты этого анализа представляют содержание следующей нашей статьи.

Социальная этиология поведения

в сфере здоровья: актуальные направления концептуализации

О. В. Озерова

Процессы трансформации российского общества сопровождались, как известно, катастрофическим усугублением негативных тенденций в изменении общественного здоровья. Среди причин сложившейся ситуации исследователи выделяют существенное понижение уровня жизни большинства населения, процессы резкого социального расслоения, особенно характерные для первого кризисного десятилетия реформ, мощные социально-психологические стрессовые воздействия на людей, вызванные высокими темпами трансформаций, ухудшение положения дел в социальной сфере, — прежде всего, в системе здравоохранения. Важная роль в формировании кризиса здоровья, и в частности, высочайших уровней преждевременной смертности, отводится и получившим широкое распространение среди российского населения деструктивным для здоровья поведенческим практикам, среди которых особое место — в силу масштабности и губительности своих последствий для здоровья и долголетия — безусловно, занимает алкоголь.

Одним из наиболее драматичных проявлений кризиса здоровья в современной России является, как известно, сверхвысокая смертность среди населения трудоспособных возрастов, — преимущественно мужчин в возрасте 40–59 лет¹.

Следует отметить, что взлет смертности мужчин от сердечно-сосудистых заболеваний, в этиологии которых значимое место занимают нездоровые типы поведения; а также травм, связанных с употреблением алкоголя; и алкогольных отравлений наблюдался еще, начиная с середины 1960-х годов². Однако в ситуации резкого падения уровня жизни значительной

¹ Abbott P. Living Conditions, Lifestyles and Health in America, Belarus, Georgia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Moldova, Russia and Ukraine: Social Trends 1990–2002. 2002. Vienna Institute for Social Research; Shkolnikov V., McKee, M., Leon, D. Changes in Life Expectancy in Russia in the Mid-1990s // The Lancet. 2001. Vol. 357. Issue 9260 Walberg, McKee, Shkolnikov, Chenet, Leon 1998.

² Mesle F. Mortality in Eastern Europe and the Former Soviet Union: Long Term Trends and Recent Upturns. 2002. Paper presented at IUSSP/MPIDR Workshop, June

части населения России, интенсивных рыночных преобразований, сделавших платными или труднодоступными ранее бесплатные услуги, возросшей социальной напряженности, потери контроля над собственной жизнью и неуверенностью в будущем, — т. е., явлений, сопутствовавших процессам трансформации российского общества, и прежде достаточно распространенные среди россиян деструктивные поведенческие практики сыграли свою роковую роль, в значительной мере предопределив небывалый рост смертности мужчин трудоспособных возрастов³.

Тогда как вклад нездоровых типов поведения в сокращение продолжительности жизни россиян сегодня не вызывает сомнений и подкрепляется данными целого ряда исследований, работ, направленных на изучение глубинных причин их формирования, пока крайне недостаточно. А в тех немногочисленных попытках, которые все же предпринимаются, внимание исследователей скорее фокусируется на высоком уровне социально-культурной гомогенности поведенческих стратегий, объясняемой последствиями советской системы, стимулировавшей пассивность граждан в отношении собственного здоровья⁴, и/или недостаточной сознательностью самих индивидов, выбирающих деструктивные в отношении здоровья поведенческие практики⁵.

Выбор того или иного типа поведения, зачастую, детерминирован экономическими, социальными и культурными факторами, создающими социальный фон жизни человека. Степень влияния этих факторов на индивида определяется его социально-экономическим статусом. Именно в рамках своего социально-экономического статуса человек делает доступный выбор того или иного стиля жизни.

Исследователи, изучающие поведение в здоровье и меру ответственности человека за свое здоровье из множества объяснений выделяют две основные версии: материалистско — структурную и культурно- поведенческую. Материалистско — структурная версия подчеркивает роль экономических и социально-структурных факторов в распределении здоровья.

19–21, 2002.

³ Chenet L., M McKee, D. Leon, V. Shkolnikov, and S. Vassin. Alcohol and Cardiovascular Mortality in Moscow: New Evidence of a Causal Association // Journal of Epidemiology and Community Health. 1998. Vol. 52. № 12.

⁴ Dmitrieva E. The Russian health care experiment. Transition of the health care system and rethinking the sociology of medicine. 2005. In Cockerham, W. C. (eds) The Blackwell Companion to Medical Sociology. Oxford: Blackwell.

⁵ William C. Cockerham, Snead, M. De Waal, D. Health lifestyles in Russia and the socialist heritage. 2002. Journal of Health and Social Behavior. Vol. 38. Pp. 131–148.

Суть этой версии в том, что материальные, физические условия жизни, связанные с классовой структурой детерминируют поведение человека в сфере здоровья. На здоровье влияют также социально-психологические факторы и социальный капитал, берущий истоки в социальной позиции индивида.

Культурно-поведенческая версия сводится к тому, что поведение, вредящее здоровью, является выражением свободной воли индивидов в разных социальных классах. Согласно этой версии, неответственное или опасное для здоровья поведение является решающей детерминантой плохого здоровья.

Говоря о социальной модели общества в целом (не только на индивидуальном уровне), исследователи отмечают, что поведение, приводящее как к отрицательным, так и положительным для здоровья результатам, укоренено в социальной структуре. Социальный класс создает социально различаемые и разнообразные стили жизни, деструктивное поведение в этом случае имеет социально-классовый градиент, влияющий на заболеваемость и преждевременную смертность. Учитывая то, что риски укоренены в социально-экономических обстоятельствах жизни человека, бороться с ними, или пытаться минимизировать, можно только строго учитывая данный контекст⁶.

Существует две основные научные традиции в изучении поведения в сфере здоровья: социально-эпидемиологический и социологический подходы. В основе социально-эпидемиологического подхода лежит биомедицинская модель заболеваний и выявление факторов риска. В эпидемиологических исследованиях считается, что человек абсолютно свободен в выборе поведения, что он сам может уменьшить риск для своего здоровья, благодаря принятию правильных решений в области питания, потребления алкоголя, табака и др. Исследователи, изучающие проблему в контексте теории социальной эпидемиологии, склонны рассматривать поведение, как одну из непосредственных причин смерти, в том числе и ранней смертности.

В рамках социально-эпидемиологического подхода, основанного на биомедицинской модели заболеваний и изучении изолированных друг от друга факторов риска для здоровья, сложный характер взаимосвязи социальной позиции индивида и его поведения вообще не является предметом анализа. Социальная позиция перечисляется наравне с такими показателями, как раса, пол и возраст, являясь в этом ряду как бы одним из факторов риска. Структурная обусловленность поведения мало изучена, боль-

⁶ Sally Macintyre. The Black Report and Beyond. What are the Issues? Social Science and Medicine. 1997. Vol. 44, No. 6. Pp. 723–745.

шинство исследователей ограничиваются лишь констатацией фактов, что разница в смертности и состоянии здоровья существует.

Именно потому, что эпидемиология отталкивается от биологической концепции заболевания, эмпирические (эпидемиологические) исследования этиологических факторов заставляет ее иметь дело только с внешними видимыми явлениями, в то время как этиологическая роль социальной структуры остается вне поля зрения. Более того, фокусируясь на заболевании как продукте ряда механически связанных с ним факторов риска, эпидемиология отрицает тот факт, что структура социальных отношений также играет определяющую роль.

В эпидемиологических исследованиях индикаторы позиции в социальной иерархии (доход, образование) — если и включаются в анализ, то превращаются в атрибуты индивида, наравне с другими его характеристиками, такими, например, как пол, возраст, или семейное положение, — давая представление о возможном наличии факторов риска (того же деструктивного для здоровья поведения), однако теряя при этом свои структурные и контекстуальные качества.

В рамках же социологического подхода, индивидуальное поведение априори обусловлено социальным контекстом, и индивидуальный выбор определяется как социально продиктованный и режиссированный. Различие в статусе, приписываемом индивиду, является фундаментальной основой всего анализа. В социологической модели, индивидуальные перцепции и действия являются иллюстрацией общего порядка, показывая, как структурные детерминанты отражаются на конкретном индивиде ⁷. Между тем, несмотря на многие явные преимущества в возможностях социологического подхода преодолеть характерную для социальной эпидемиологии ограниченность, социологический анализ связанных со здоровьем типов поведения, также подвергается достаточно жесткой критике. Так, в частности, обращается внимание на то, что зачастую, и социологические исследования, так же как и эпидемиологические, остаются вопиюще несоциальными — в том смысле, что они не изучают комплексные взаимосвязи между индивидуальным опытом, социальным действием, и способом организации обществ на макро уровне.

Отмечается также и тот факт, что имеющее место противопоставление двух доминирующих подходов к концептуализации стилей жизни в

⁷ Eva Lindbladh, Carl Hampus Lyttkens, Bertil S. Hanson, Perolof Ostergren, Sven- Olof Isaacson and Bjorn Lindgren. An Economic and Sociological Interpretation of Social Differences in Health-Related Behaviour: An Encounter as a Guide to Social Epidemiology. Social Science and Medicine. 1996. Vol. 43, No 12, Pp. 1817–1827.

рамках социологической науки — либо жестко детерминированных обстоятельствами жизни, либо являющихся следствием определенных культурных норм и ценностей, не связанных со структурой; нельзя признать оправданным, ибо сложившаяся ситуация в этом исследовательском дискурсе не способствует разработке современной социальной теории, способной помочь в решении некоторых сложностей в примирении свободы воли и детерминизма. Именно в этом направлении, по мнению целого ряда ведущих исследователей, только и можно найти способы мышления, позволяющие углубить представления о взаимосвязи между опытом и действием индивидов, и структурами власти и контроля, в которых они заключены.

Если в рамках социальной эпидемиологии возможно изучение конкретного типа поведения (например, курения), автономно, без принятия во внимание других поведенческих практик, то в рамках социологического подхода возникает потребность активации такого понятия, как стиль жизни.

Стиль жизни в здоровье — паттерны добровольного поведения, основанного на выборе из доступного, согласно условиям жизни человека. Это определение дает известный британский исследователь Уильям Кокрем. Стиль жизни, как нечто общее, характерное для совокупности людей, занимающих определенную социально-экономическую позицию в обществе, в свою очередь, дифференцирован и по другим структурным основаниям, например, полу, возрасту, этничности.

В англо-американской традиции термин «стиль жизни» возникает в научной дискуссии с 1970-х годов. Обычно, понятие «стиль жизни» означает особую форму поведения (курение и т. д.). В германском варианте, *Lebensweise* имеет социологическую традицию, восходящую к Максу Веберу. В современной литературе этот термин встречается редко, а *Lebensstil* чаще употребляется в литературе, посвященной молодежным субкультурам. Во Франции, термин *style de vie* имеет строгую привязку к миру моды и рекламы, предлагая стильный образ жизни- т. е. модный, статусный. Перевод *mode de vie* более подходящий по сути, но, все же, не отражает весь смысл «стиля жизни»⁸.

В XX веке стили жизни, с учетом произошедших масштабных изменений в социальной, культурной и экономической сферах, приобрели осо-

⁸ World Health Organization, Regional Office for Europe. *Lifestyles and Living Conditions and Their Impact on Health/Report on a WHO meeting*, by Eberhard Wenzel. 18–21 October, 1982.

бенное значение как индивидуальные и коллективные выражения разнообразия и схожести.

Под понятием «стиль жизни» понимаются не только четыре наиболее известных выбора в здоровье, которые касаются алкоголя, курения, питания, и физической активности, но и разнообразные аспекты повседневной жизнедеятельности, способные оказать влияние на здоровье человека: социально-психологический климат в семье, на работе, стратегии избегания стресса, поведение в период болезни, взаимоотношения с профессионалом-медиком.

Различают индивидуальный стиль жизни, и стиль жизни группы. Стиль жизни социальной группы — это общность паттернов значений и форм выражения, которые группы производит, стремясь справиться с ежедневными ситуациями, порождаемыми социальной структурой и внешними условиями — социальными, культурными, политическими, экономическими.

Наблюдаемые тенденции поведения группы — в форме общих социальных ценностей, норм, языка, ритуалов и т. д. обеспечивают необходимый ресурс для индивидов или субъектов групп.

Стиль жизни индивида характеризует общность нормативных поведенческих структур, которые развиваются в ходе его жизни, как непрерывные интеракции с его социальной и окружающей средой. Субъективные мотивации и потенциальные действия выражаются через стиль жизни, и используются индивидом, согласно социальной ситуации.

Стиль жизни индивида вариативен — он допускает как пропуски, так и добавления к стилю жизни группы. Индивид связан со своей конкретной социальной группой — любое изменение в его стиле жизни связано с коллективно разработанными рамками, до того момента, пока не начнет меняться сама социальная группа. Это приводит нас к заключению, что концепт «стиль жизни» формирует связь между индивидуальным и коллективным поведением и его социально-структурным контекстом.

Таким образом, изучение глубинных причин широкого распространения стереотипов поведения, наносящих вред здоровью, (или по выражению Школьниковой, «причины причин» высокой смертности среди российского населения), так же, впрочем, как и поведенческих стратегий, направленных на поддержание и совершенствование здоровья, предполагает выяснение того, что лежит в основе связи социально-экономического статуса человека и его поведения. Почему люди, занимающие более высокие позиции в социальной иерархии, в большей мере склонны заботиться о своем здоровье

и стремятся избегать негативных на него воздействий, в том числе и вызываемых собственным поведением? Что определяет гораздо более широкую распространенность деструктивных для здоровья поведенческих практик среди тех, чье социально-структурное положение менее предпочтительно?

Анализ достаточно обширного круга литературы, посвященной изучению типов поведения в сфере здоровья, свидетельствует о том, что, несмотря на крайнюю актуальность поиска объяснений поведения индивидов и групп в более широком контексте социальных структур, накопленные знания в этой области исследования довольно ограничены, и не вполне адекватны решению сформулированной проблемы.

С целью продвижения в понимании сложного характера взаимосвязи между социальными структурами, опытом и действием индивидов, мы обращаемся к анализу отдельных классических направлений современной социальной теории — в частности, теории стиля жизни Вебера, теории структуризации Гидденса и понятия габитуса Бурдьё.

Вебер заложил основу для современной теоретической школы стилей жизни в 1922 году в разделе «Класс, статус, партия» книги «Экономика и Общество». Среди классиков теории, Вебер выделяется своим особым взглядом на проблему, позволяющим проникнуть в самую суть концепции стиля жизни и его основы.

Вебер считает, что стили жизни не только выражают определенные различия между статусными группами, и их принятие — необходимая черта восходящей социальной мобильности. Эта страта-переносчик является независимой силой, распространяя групповые и специфические классовые нормы, ценности и этику между поколениями. Они были незаменимы в привнесении социологически значимых паттернов поведения⁹.

В понимании Вебера- стиль жизни — это коллективные паттерны поведения, основанные на выборе из доступных возможностей, согласно имеющимся жизненным шансов. Он не рассматривал паттерн социального действия как нескоординированные практики разрозненных индивидов, оставляя в центре внимания действия группы.

По Веберу, стили жизни — персональные ежедневные практики, которые объединяются в репрезентативную форму для каждого класса¹⁰. В случае, когда стиль жизни одной страты выходит за рамки классовых ограни-

⁹ William C. Cockerham. Health Lifestyles and the Absence of the Russian middle class. *Sociology of Health and Illness*. 2007. Vol. 29, No 3. Pp. 457–473.

¹⁰ William C. Cockerham. Health Lifestyle Theory and the Convergence of Agency and Structure. *Journal of Health and Social Behavior*. 2005. Vol. 46 (March). Pp. 51–67.

чений, можно говорить о том, что такой стиль может стать нормативным для культуры нации. В современном западном обществе позитивные стили жизни порождаются, в основном, верхним средним классом¹¹. Эта стра-та является катализатором для экспансии таких стилей и их внедрения для всего населения¹².

Вебер считал, что стиль жизни реализуется посредством выбора внутри социального контекста и связывает стиль жизни и статус, указывая, что отличительной характеристикой статуса является необходимость следовать особому образу жизни, ожидаемому внутри этой статус группы. По Веберу, статусная группа- собрание людей с одинаковым статусом, происхождением и политическим влиянием. Они образуются путем ведения одинакового стиля жизни, или как средство сохранения определенного стиля жизни.

Вебер рассматривал стили жизни как коллективный паттерн, а местом слияния структуры и действия назвал «идеальный тип». Реальное поведение чрезвычайно редко, и только приближенно соответствует конструкту идеального типа.

Вебер полагал, что выбор является важнейшим фактором для управления стилем жизни. На актуальность же выбора влияют жизненные возможности, т.н. «шансы». Жизненные шансы являются очень мощным показателем социальной позиции — это возможности, которые у человека есть в жизни, чтобы удовлетворить свои нужды и потребности. Чем выше социальная позиция, тем более широкий спектр выборов и возможностей их осуществления, и наоборот. Вебер считает, что шанс социально детерминирован, и социальная структура упорядочивает шансы.

Таким образом, согласно взглядам Вебера, жизненные шансы и выборы составляют тандем, необходимый для определения стиля жизни. Люди согласуют свои желания, потребности и планы с возможностями, и выбирают стиль жизни в зависимости от ресурсов. Таким образом, выбор стиля жизни основан на том, что структурно возможно.

Можно сказать, что индивиды имеют варианты свобод, хотя их свободу в выборе стиля жизни нельзя назвать полной. Люди не полностью свободны в определении своего выбора жизни, но они вольны выбирать внутри социальных ограничителей. Ограничители стиля жизни имеют, в первую очередь, социально-экономические корни. Те, у кого есть желание и воз-

¹¹ П. Бурдьё. Структура, габитус, практика. Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. т 1, вып.2

¹² William C. Cockerham. Health Lifestyles and the Absence of the Russian middle class. *Sociology of Health and Illness*. 2007. Vol. 29, No 3. Pp. 457–473.

можность, могут выбирать. Те, у кого не хватает какого-либо необходимого ресурса, не могут выбирать с такой легкостью.

В веберианском контексте, жизненные шансы — это форма структуры, жизненный выбор — форма действия. Жизненные выборы в сфере здоровья добровольны, жизненные шансы же, представляющие социальную позицию, либо расширяют, либо ограничивают жизненный выбор, формируя конечный вид поведенческой стратегии¹³.

Так понимает дуальность структуры и Энтони Гидденс, считая, что структура — как ограничитель, так и ресурс для новых возможностей. По Гидденсу, структура невозможна без действия, а действие — без структуры. Структура — это и средство для действия, и его результат. Поведение человека укоренено в структуре общества.

Модерн в понимании Гидденса, расширяет границы выбора стиля жизни. Он отличается от всех предыдущих форм социального уклада, благодаря своей динамичности, глобальному влиянию, и степени, в которой она редуцирует традиции, обычаи и привычки. Теперь, даже менее обеспеченные слои могут выбирать, точнее, у них есть некоторая степень свободы выбора. Это касается различных ежедневных бытовых выборов, а также социально обусловленных стилей жизни, присущих этому классу.

Люди испытывают на себе давление складывающихся социальных условий, которые форсируют выбор индивидом конкретного стиля жизни. Гидденс говорит: «У нас нет другого выбора, как выбирать». Выбор становится доминантой гиденсовской концепции стиля жизни. Если индивид стремится продвигаться внутри социальной группы, он должен вести надлежащий стиль жизни, присущий членам данной группы.

Стиль жизни становится формой самоидентификации человека. Гидденс определяет самоидентификацию как «я», это то, что человек понимает под собственным самосознанием. Самоидентификация постоянна, создается постоянно, выражается через действия индивида и не зависит от ее оценки окружающими и обществом.

Чтобы поддержать свою самоидентификацию, человек вынужден принимать репрезентативный стиль жизни. Рефлексивность стиля жизни обусловлена постоянными изменениями в обществе, свойственными эпохе постмодерна.

¹³ William C. Cockerham, Alfred Rutten, Thomas Abel. Conceptualizing Contemporary Health Lifestyles: Moving Beyond Weber. The Sociological Quarterly. 1997. Vol. 38, No 2, Pp. 321–342.

Гидденс определяет стиль жизни как кластер привычек и ориентаций, соединяющих элементы в однородный паттерн. Гидденс утверждает первичность социальных практик относительно общественных систем: социальная жизнь должна концептуализироваться по своему существу, как сплетение повседневных практик.

Стили жизни обладают двойственным характером. Это структурированные паттерны поведения со своими нормами, ценностями и ограничениями. Стили жизни репродуцируются или трансформируются с течением времени. Гидденс признает значимость давления со стороны групп, и важность социально-экономических факторов при выборе того или иного стиля жизни.

Известно, что большинство ежедневных поведенческих практик в здоровье, в итоге, оказывают влияние на само здоровье. В предыдущие исторические эпохи люди воспринимали здоровье как нечто само собой разумеющееся. В период позднего модерна здоровье стало рассматриваться как достижение, как то, над чем люди должны работать, чтобы улучшить качество жизни. В противном случае они подвергаются риску хронических заболеваний и ранней смертности.

Согласно Гидденсу, выбор стиля жизни в период позднего модерна стал интегрирован в телесные рамки, люди стали более ответственны, как за свое здоровье, так и за вид своего тела. Во второй половине XX века изменился первичный локус социальной идентичности — основным источником социальной идентификации индивида стали приоритеты и паттерны потребления¹⁴.

Восприятие пристрастий и вкусов в качестве объектов и практик характерно также для работ Пьера Бурдьё. Его труд «Отличие» («Distinction»), включает в себя наиболее пространственные дискуссии о стиле жизни, основанные на данных исследования, проведенного во Франции в 1960-х годах. Бурдьё обнаруживает, что различные классы имеют свои особые пристрастия и вкусы, выражающие отличные предпочтения, материально и символически адекватные определенному классу.

Наибольший интерес у Пьера Бурдьё вызывает то, как внешняя структура социального мира влияет на повседневные привычки и ритуалы индивидов, и как эти привычки и ритуалы, в свою очередь, поддерживают существование внешней структуры.

¹⁴ William C. Cockerham. Health Lifestyle Theory and the Convergence of Agency and Structure. *Journal of Health and Social Behavior*. 2005. Vol. 46 (March). Pp. 51–67.

Такой теоретический подход закладывает основу для концепции «габитуса». Теория габитуса имеет высокую ценность для понимания того, почему определенные социальные группы больше настроены на заботу о своем здоровье. Работы Бурдьё также послужили основой для объяснения взаимодействия действия и структуры в диспозициях стиля жизни.

Габитус рассматривается как система устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, т. е. как принципы, порождающие и организующие практики и представления. Прочно усвоенные диспозиции в отношении возможного и невозможного, свобод и необходимостей, попущений и запретов, вписанных в объективные условия, порождающие диспозиции, объективным образом совместимые с данными условиями и заранее адаптированные к ним. Наименее вероятные практики исключаются еще до какого-либо рассмотрения как немыслимые.

Габитус показывает социальный мир индивида, и набор необходимых процедур, которые надлежит выполнять в определенных ситуациях. Человек способен осознать свои обстоятельства жизни, но его восприятие обусловлено социальными и экономическими условиями, формирующимися на уровне общества.

Стили жизни — систематические производные габитуса, которые становятся социально-квалифицированными знаковыми системами. Стили жизни функционируют как формы культурного капитала с символизированными ценностями, они не только отражают, но и воспроизводят социальные неравенства в манере жизни. Стили жизни, основанные на классовой системе, классифицируются и поддерживаются не только внутри класса, но и представителями других классов¹⁵.

Ключ к пониманию классовых различий в стилях жизни лежит в диалектическом споре между выбором и шансом. Вебер и Гидденс в этом споре на стороне выбора, а Бурдьё скорее интересуется влиянием структуры.

Проведенный теоретический анализ показывает, что на сегодняшний день единой теории стиля жизни не существует. Актуальность ее разработки обусловлена необходимостью дальнейшего развития научных представлений о фундаментальных причинах поведения в сфере здоровья.

Анализ основных социологических теорий, в рамках которых рассматриваются проблемы поведения в сфере здоровья, стили жизни, представ-

¹⁵ William C. Cockerham, Alfred Rutten, Thomas Abel. Conceptualizing Contemporary Health Lifestyles: Moving Beyond Weber. The Sociological Quarterly. 1997. Vol. 38, No 2, Pp. 321–342.

ляется необходимым этапом исследования, направленного на дальнейшую разработку теоретических подходов к изучению социально-структурных различий в поведенческих практиках, механизмов, объясняющих социальное неравенство в стилях жизни в сфере здоровья.

Изучение социально-экономических паттернов в распределении типов поведения, имеющих значимые последствия для здоровья, также как и осмысление тех социальных процессов, которые лежат в основе связанности социальной структуры и реализуемых индивидуальных поведенческих практик — представляет собой важное направление дальнейших исследований, позволяющих углубить знание механизмов формирования поведенческих стратегий. Такой анализ представляется необходимым этапом подготовки и проведения эмпирического исследования, посвященного данной проблематике.

Сравнительный анализ культуры научной деятельности в современной России и за рубежом (по оценкам российских учёных, работавших за рубежом)

А. С. Мищенко

В последнее время активно обсуждается вопрос о переходе мировой науки в следующую стадию своего развития. В предпосылках этого сдвига лежат импульсы, идущие из практической сферы. Это — нужда в развитии проблемно ориентированных исследований, направленных на поиск решения злободневных практических задач, таких, как экологическая, энергетическая, информационная, демографическая, проблема здоровья, и т. п. Как результат происходит формирование нового типа научной деятельности. В социологии и философии науки этот феномен исследуется под названием «постнеклассическая наука» (В. С. Степин)¹, «наука тип 2» (М. Gibbons, Н. Nowotny)², постакадемическая наука (J. Ziman)³, наука «другого модерна» (У. Бек)⁴ и др.

Основной проблемой для российской науки в этих условиях является встраивание в мировую науку, что предусматривает принятие правил, норм, и ценностей, в соответствии с которыми функционирует наука в странах, перешедших на инновационный путь развития.

В 2007–2008 гг. в рамках работы по гранту РГНФ06-03-00390-а «Формирование инновационной культуры как условие перехода России к инновационному развитию» (руководитель Тукумцев Б.Г.) было проведено исследование различных аспектов научной деятельности в 4-х институтах РАН физического профиля Санкт-Петербурга. В ходе его было опрошено

¹ Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2000.

² Gibbons, M., Nowotny, H., Scott, P. «Re-Thinking Science: Mode 2 in Societal Context». In: Technology, Innovation and Knowledge. Management Book Series, Vol. 2.: Knowledge Creation, Diffusion and Use in Innovation Networks & Clusters: A Comparative Systems Approach Across the U.S., Europe and Asia. Greenwood Publishing Group Praeger Books, USA, 2004.

³ Ziman J. Real science: What it is, and What it means. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

⁴ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-традиция, 2000.

в общей сложности 44 сотрудника 4-х институтов физического профиля, от директоров и их заместителей до непосредственных исполнителей тем.

В процессе исследования как одна из задач ставилась оценка восприятия учёными, имеющими опыт работы в заграничных коллективах, правил, норм и ценностей, которыми руководствуются их заграничные коллеги, что, по определению Р.Мертон, является этосом науки⁵.

В ходе глубинного интервью респондентам задавались три критерийных вопроса:

1. Об отличиях правил и норм в научных коллективах за рубежом от аналогичных в российских научных учреждениях. Какие из этих норм показались более удобными для научной работы.
2. О целях и ценностях, которые, по мнению респондентов, преобладают у зарубежных коллег, мотивируя их к научной деятельности.
3. Об изменениях в правилах, нормах и ценностях, произошедших в их институтах с момента перехода к рыночной экономике (для тех респондентов, кто начинал работу до 1992 г.).

Из выборки было выделено 18 респондентов, которые имели опыт продолжительной работы в зарубежных научных центрах. Именно их ответы были подвергнуты анализу.

Анализ оценки действующих за рубежом правил, норм и ценностей проводился с позиций концепции Джона Зимана о нео-системе этоса науки, характеризующей постакадемический период развития современной науки⁶.

Дж.Зиман считает, что современный этап развития науки характеризуется тесным слиянием и взаимодействием фундаментальной науки и технологии, которые образуют «амальгаму» — технонауку, в которой мертоновские нормы либо перестают действовать, либо действуют по-другому⁷.

По Дж. Зиману отличия норм этоса современной науки от мертоновских норм заключаются в следующем:

- «распространение права собственности на конкретные результаты научной деятельности (вместо коммунизма — всеобщего права владеть результатами научного труда);

⁵ Merton R. K. The sociology of science: Theoretical and empirical investigations / Ed. and with an intro. by N.W. Storer. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1973.

⁶ Зиман Дж. Реальная наука // Социология науки. Статьи и рефераты / под ред. С. А. Кугеля. СПб, 2000.

⁷ Ziman. J. Non-Instrumental Roles of Science // Science and Engineering Ethics, 2003, Vol. 9, Issue 1, pp. 17–27.

- решение локальных научных задач, приносящих адекватное вознаграждение (вместо оценки научного результата, основанной на внеперсональном критерии, без каких-либо предрассудков в отношении этнической или расовой принадлежности исследователя, его пола, научной репутации, отнесенности к научной школе и т. д.);
- зависимость научных продуктов от заданий «начальства» и заказчика (вместо автономности, свободы научного труда, внезаинтересованности);
- признание экспертного характера научной деятельности (вместо организованного скептицизма, то есть критического отношения не только к чужой, но и собственной работе)».

Дж. Зиман также говорил о «бюрократизации научной работы», большей её регламентации⁸.

Сравнение концепции норм Р. Мертон с концепцией норм Дж. Зимана приводится в Таблице 1.

Т а б л и ц а 1. Концепция норм Мертон в сравнении с концепцией норм Дж. Зимана⁹

Нормы по Р. Мертону	Нормы по Дж. Зиману
Коммунализм (результаты работы принадлежат всем)	Proprietary work — работа, на результаты которой распространяется конкретное право собственности
Универсализм	Local work — работа, осуществляемая для решения локальных задач и приносящая адекватное вознаграждение
Автономия, свобода	Authoritarian work — работа, определяемая начальством
Внезаинтересованность	Commissioned work — заказная работа
Оригинальность и Организованный скептицизм	Expert work — экспертная работа

В соответствии с изменениями в нормах научной деятельности, по мнению Дж. Зимана, возникают и другие типологии научной карьеры. Если система норм Мертон ассоциируется с индивидуальной карьерой, с поиском научного признания и престижа, то Зиман считает, что в сов-

⁸ Там же.

⁹ Демина Н. В. Концепция этоса науки: Мертон и другие в поисках социальной геометрии норм. // Социологический журнал, №4, 2005. С. 24.

ременной науке карьера скорее связана с карьерой организационной, со стремлением добиться как можно более высокого места в научной иерархии. Он это связывает с бюрократизацией научной работы, с тем, что научный труд становится одной из форм индустриального труда, и руководство такой деятельностью, приобретающей промышленные масштабы, становится иерархическим и отличается большей регламентацией.

Ещё одна особенность постакадемической науки по Дж. Зиману — альтернативные источники её финансирования. Если академическая наука финансировалась за счёт государственного бюджета и благотворительных пожертвований, то в финансировании постакадемической науки возрастает роль коммерческого финансирования, в частности грантов как общественных, так и частных фондов. При этом Дж. Зиман предупреждал, что цели исследовательских проектов, вплоть до относительно высокого уровня сложности, должны определяться самими исследователями или их лидерами (экспертная функция)¹⁰.

В результате анализа проведённых интервью нами были получены результаты, в большой степени совпадающие с концепцией Дж. Зимана. Результаты сравнения респондентами норм и правил работы учёных за рубежом и в современной России представлены в таблице 2.

Т а б л и ц а 2. *Сравнение респондентами правил и норм работы учёных за рубежом и в России (всего 18 респондентов)*

Правила и нормы работы учёных за рубежом	Кол-во высказываний
Хорошая организация научного труда. Обслуживающий персонал делает всё для подготовки исследования, освобождая время учёных для творческой деятельности	9
Приборы и оборудование заказываются в специализированных фирмах и поступают в точно согласованное время. Чёткая система финансирования заказа оборудования и материалов.	9
Чёткое планирование и рационализация процесса исследования. Регламентация рабочего времени учёного: «Работают от звонка до звонка».	9

¹⁰ Ziman. J. Non-Instrumental Roles of Science // Science and Engineering Ethics, 2003, Vol. 9, Issue 1, pp. 17–27.

Правила и нормы работы учёных за рубежом	Кол-во высказываний
Субординация и строгая иерархия в коллективе, нельзя обращаться к руководителю проекта через голову непосредственного руководителя. Демократичные отношения только на каждом уровне иерархии.	6
Индивидуализация научного труда — идеями не принято делиться. Конкуренция между работниками на каждом уровне иерархии. Наиболее жёсткая конкуренция не внутри научного коллектива, а между различными научными коллективами.	5
Преобладание временных научных коллективов. Профессор — руководитель научного проекта. позиции. Научные сотрудники по контракту и аспиранты. Обслуживающий персонал.	4
Обязательное совмещение научной работы с преподаванием для руководителя научного коллектива, требование иметь аспирантов.	2
Заведующие лабораториями не являются научными руководителями, а являются менеджерами, руководителями вспомогательного персонала. Главное лицо — профессор, руководитель научного проекта. Их может быть в лаборатории несколько.	2
Правила и нормы работы учёных в России	
Учёные выполняют многие подготовительные и обслуживающие исследования работы. Дефицит обслуживающего исследования персонала.	7
Неформальные отношения в научных коллективах, без жёсткой субординации.	6
Спонтанно организуемый процесс исследования. Время работы строго не регламентировано: «Работаем столько, сколько надо, можем работать и сутками». Преимущества: «Есть время подумать о результатах исследования и его дальнейшем ходе».	5
В основном — постоянные научные коллективы, что обеспечивает преемственность научного знания, наличие научных школ.	4
Коллективный характер научного труда. Принято обсуждать полученные результаты с коллегами и «делиться идеями».	4
Заведующие лабораториями являются и руководителями научных коллективов, совмещая административные и научные функции.	2
Цели и ценности учёных за рубежом	
Основной мотив — познавательный, научное творчество: «Открыть что-то новое»	9
Сильная мотивация — стремление к высокому социальному статусу, к формальной научной карьере.	6

Правила и нормы работы учёных за рубежом	Кол-во высказываний
Сильное материальное стимулирование инновационных исследований, материальное стимулирование перехода в корпоративную науку.	6
Материальные стимулы в академической науке имеют не основное значение, связаны с повышением статуса в научной иерархии.	4
Сильный стимул — переход с контракта на постоянную позицию. Высокая конкуренция за постоянную позицию.	3
Цели и ценности учёных в России	
Основной мотив — познавательный, научное творчество. Научный энтузиазм — сильное преобладание научного интереса над материальными стимулами	10
Возрастание в последнее время мотива материального вознаграждения, связанного с результатами работы. Поиск грантов и других источников финансирования работ.	8
Усиливается стремление к высокому социальному статусу, к формальной научной карьере	2
Как изменились нормы и правила в России. Что не устраивает.	
Ухудшилось финансирование исследований, в т. ч. недостаточное финансирование приобретения оборудования и материалов.	11
Усложнилась процедура заказа оборудования и материалов и оформления финансовых документов.	7
Усилилась конкуренция внутри научных коллективов, перестали делиться научными идеями. Усилилась конкуренция за финансирование научных проектов.	4
Усилилась формализация оценки труда сотрудников и научных подразделений	3

Всё, что поражает наших учёных, работавших за рубежом, в организации там науки, вызвано тем, что они привыкли работать в классической «академической» научной парадигме. Оказывается, многие нормы мертоновского этоса работали в российской науке и продолжают работать и наши учёные, воспитанные на этих нормах, попадая в науку, работающую по другим нормам, испытывают своеобразный «культурный шок» поражаются этому.

Что же поражало их в наибольшей мере?

Прежде всего, то, что наука организована в передовых странах действительно индустриально: чёткое планирование исследований, чёткое обеспечение оборудованием и материалами, чёткая работа обслуживаю-

щего персонала. Характерно такое высказывание одного из респондентов: «Я попадаю туда, как в рай. Вокруг меня ангелы, которые исполняют любое моё желание».

В то же время при такой совершенной организации научного труда российские учёные сталкиваются за рубежом с жёсткой иерархией в организации взаимодействия исследователей. В российских научных коллективах часто принято, что любой из членов коллектива может обратиться к руководителю исследований. В зарубежных коллективах, по рассказам респондентов, аспирант не может прямо обратиться к руководителю исследования, а может обращаться только к своему непосредственному руководителю.

Нашими исследователями отмечалась также довольно сильная конкуренция внутри научных коллективов. Это стремление к административной карьере и получению в научной иерархии как можно более высокого статуса. В то же время, для российских научных коллективов основными мотивами является стремление к высоким научным достижениям. Анализируя эти особенности, респонденты связывали такую мотивацию с тем, что при формализации межличностных отношений, в зарубежных коллективах высокий статус в иерархии обеспечивает большую степень научной свободы.

Таким образом, при общности главной цели — свободе научного творчества — и в России, и за рубежом, средства её достижения отличаются. Это во многом совпадает с выводами Д.Зимана¹¹, который считает, что в современной науке усиливается коллективность научного труда, но при этом результаты этого коллективного научного труда часто присваиваются руководителями научных проектов. В то же время усиливается конкуренция между сотрудниками, работающими в рамках одного исследовательского проекта. Конкуренция на уровне идей идёт между различными научными коллективами, а внутри коллективов идёт конкуренция за более высокий социальный статус в их иерархии.

Вызывал также удивление у российских исследователей принцип формирования за рубежом научных коллективов, большинство из которых являлось временными, существовавшими только в рамках определённого научного проекта. Отмечались при этом, положительные стороны такого формирования коллективов, к которым относили высокую степень обновления коллективов, привлечение в них талантливой научной молодёжи. В

¹¹ Ziman. J. Non-Instrumental Roles of Science // Science and Engineering Ethics, 2003, Vol. 9, Issue 1, pp. 17–27.

то же время, отмечалось отсутствие преемственности исследований, сохранения коллективов единомышленников. Носителями знаний и опыта являлись не коллективы, а отдельные учёные с высоким статусом.

Относительно мотивов и стимулов к занятию наукой респондентами отмечалось, что они мало отличаются в России и в развитых странах. Превагируют ценности научного творчества и самого процесса познания. В то же время, наши исследователи отмечали большую значимость для зарубежных учёных материальных стимулов, которые в большей мере концентрируются с познавательными мотивами, чем в России. Очень высокое материальное поощрение инновационной деятельности, коммерциализации научных разработок является одним из стимулов занятия прикладными исследованиями академическими учёными. Кроме того, корпоративная наука предоставляет очень хорошие условия исследований тем учёным, в которых она заинтересована. Это способствует переходу части академических учёных в корпоративную науку.

Отмечалось респондентами, что подобные тенденции начинают проникать и в российские научные коллективы. Начинает усиливаться конкуренция внутри научных коллективов. Учёные перестают коллективно обсуждать полученные результаты, чаще перестают делиться своими идеями, что было характерно для российской науки, понимая, что за ними может стоять коммерческий интерес.

Основные выводы

1. Основные изменения в современной российской науке в основном определяются двумя факторами (процессами):
 - первый процесс — это изменения, которые осуществляются в академической науке «сверху». Дело в том, что за модель, по-видимому, взята постакадемическая наука, — наука инновационного общества, общества знаний. И её нормы и ценности заложены в те требования, которые руководство российской наукой предъявляет к учёным и научным коллективам;
 - вторым источником появления этих норм и ценностей являются российские учёные, имеющие опыт работы в зарубежных научных коллективах. Эти учёные освоили зарубежные нормы и ценности и в определенной степени стремятся вносить их в свою работу в России.

2. Эти процессы, безусловно, будут проходить с учётом нашей национальной специфики. Например, если за рубежом бюрократизация науки имеет во многом позитивные последствия для её производительности, то в России тоже происходит процесс бюрократизации науки. Это происходит, прежде всего, за счёт увеличения документооборота, различных отчётов, справок, усложнения финансовой отчётности, на что постоянно жаловались респонденты. Конечным итогом такой «бюрократизации» является замедление научной работы, падение производительности науки.
3. Традиционные нормы и ценности в российской науке были во многом близки академическим, мертоновским нормам и ценностям. За исключением того, что наша наука всегда отличалась коллективизмом научного творчества и свободным обменом идей.
4. Внедрение постакадемических норм и ценностей в российскую науку будет вызывать определённое сопротивление российских учёных, причём, независимо от возраста. В использовавшейся нами выборке были в основном молодые учёные. Среди них не было лиц старше 50-ти лет. Но при этом они отторгали многие нормы, с которыми столкнулись за рубежом. В частности, — норму жёсткой иерархии в науке, отсутствие обмена идей. Это связано, скорее всего, с тем, что они выросли в иной системе ценностей. Здесь, в России, они вряд ли будут с энтузиазмом внедрять такие нормы научной деятельности.

Есть и иная интерпретация этого явления. В нашу выборку попали те из российских учёных, которые достаточно длительное время работая в зарубежных научных коллективах, не остались там на постоянную работу, несмотря на поступавшие многим из них предложения. Возможно, одной из причин этого было неприятие ими правил, норм и ценностей постакадемической науки, которые преобладают в странах, перешедших на инновационный путь развития. К сожалению, возможность проверки этой гипотезы связана с опросом бывших российских учёных, постоянно работающих в зарубежных научных организациях, что на сегодняшний день не представляется возможным.

Профессиональные жизнеописания и этические нормы американских социологов через призму некрологов¹

Н. В. Демина

Данная статья посвящена изучению некрологов американских социологов в рамках нашего исследования этических практик современных академических ученых. Прощальные тексты об ушедших ученых интересны, прежде всего, тем, что на одном холсте «кистями» различных авторов яркими красками изображены те качества и ценности, которые наиболее ценятся исследователями в своих коллегах, приводится рассказ о типичных жизненных траекториях ученых наших дней.

Сравнение таких идеальных образов различных научных сообществ позволяет делать выводы о сходстве и различиях в этосах науки этих сообществ, и более того — о междисциплинарных, межинституциональных и межстрановых совпадениях и отличиях.

Изучение некрологов американских ученых и проведенное ранее исследование некрологов и юбилейных статей в российских социологических научных журналах² дало возможность говорить о том, насколько различия в системах организации науки помимо других последствий порождают отличия в репертуаре этических норм.

Методология исследования

Одним из основных методов этого исследования является анализ текстов некрологов, позволяющий получить идеальный обобщенный образ,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 07-03-00187а).

² Демина Н. В. Трансформация этоса российского социолога: контент-анализ некрологов и юбилейных статей в научных социологических журналах 1977–2007 гг. // Современное состояние и перспективы развития социологии в Украине и Европе. Под ред. Е. И. Головахи и А. Г. Стегния. Киев: Ин-т социологии НАНУ, 2008. С. 74–93. Демина Н. В. Трансформация этоса российских социологов: контент-анализ некрологов и юбилейных статей в научных социологических журналах 1977–2007 гг. / Тезисы докладов // III Всероссийский социологический конгресс. М.: ИС РАН, РОС, 2008 (CD).

своего рода автопортрет изучаемого научного сообщества. Материалом для проведения анализа текстов стал Бюллетень Американской социологической ассоциации *Footnotes* (*Newsletter of ASA*), располагающийся в Интернете на странице <http://www.asanet.org/footnotes/>.

Данный бюллетень выходит ежемесячно³, за исключением объединенных выпусков за май-июнь, июль-август и сентябрь-октябрь, т. е. 9 раз в году. В Интернете размещен полнотекстовый архив *Footnotes* — все выпуски, начиная с 1998 г. Поиск по заголовкам номеров производится по номерам, выпущенным с 1972 г.

Некрологи членов ASA публикуются в отдельном разделе *Obituaries*. Ранее он являлся подразделом в разделе *Departmental Listing*. В обращении к авторам некрологов редакция просит предоставлять тексты максимум в 700 слов.

Всего нами было изучено 168 некрологов.

Т а б л и ц а 1. Количество некрологов в «Footnotes» за 2004–2009 гг.

	2004	20 05	2006	2007	2008	2009	Всего
Jan	5	2	4	2	3	4	
Feb	4	0	5	2	1	1	
Mar	2	7	6	0	4	3	
Apr	5	4	0	2	8		
May/June	3	1	3	3	7		
Jul/Aug	1	4	3	5	4		
Sep/Oct	5	7	7	6	5		
Nov	1	3	3	3	5		
Dec	3	2	3	3	4		
Итого	29	30	34	26	41	8	168

Продолжительность жизни

Изучение биографических данных в некрологах за 2004–2009 гг. показало, что американские социологи живут достаточно долго. Средняя продолжительность жизни героев прощальных текстов — 75 лет. Из них 76% тех, кто родился в период с 1920 по 1949 гг., а общий диапазон годов рождений таков: 1906–1974. Фраза из некролога «Он ушел в возрасте 60 лет. Любую

³ Подписка на год стоит 40 долларов США. Отдельный номер — 3 доллара США.

смерть, наступившую так рано, трудно осознать» (*Any death that early is hard to fathom*) (выпуск Sep, 2007⁴) служит показателем того, что смерть в таком возрасте считается в кругу читателей *Footnotes* слишком ранней.

Максимальное время жизни героя некролога — 100 лет. Этот рекорд принадлежит польско-американскому социологу Феликсу Гроссу (*Feliks Gross*, 1906 Краков — 2006 Нью-Йорк), в его некрологе отмечается:

«Ему было 100 лет, но он всегда был таким молодым. Во время моего последнего визита к нему, он, лежа на кровати, рассказал, что просматривает свои прошлые публикации и работает над новой книгой. Он улыбнулся, когда я пожелал ему «Сто лет!» (Jan, 2007).

Минимальное время жизни героя прощального текста — 31 год. Молодой социолог — афроамериканец Кианда Белл (*Kianda Bell*) по неизвестным причинам попал на огороженную территорию электроподстанции и был убит электрическим током (Jan 2006).

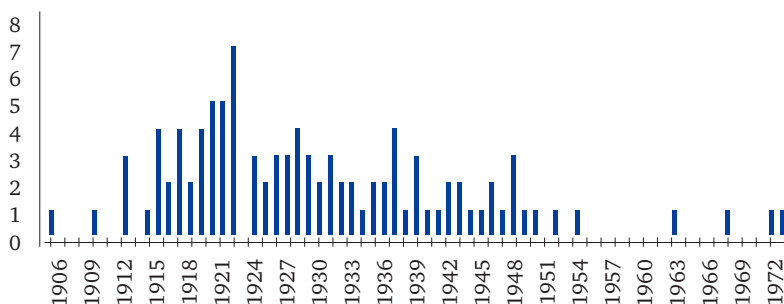

Рис. 1. Годы рождения героев некрологов

Ученые — как иммигранты и дети иммигрантов

Нет ничего удивительного в том, что около 10% героев изученных некрологов — иммигранты в 1 и 2 поколении, покинувшие свою родину из-за социально-экономических или политических потрясений. Список стран, упомянутых как родина самих социологов или их родителей, таков: Австралия, Великобритания, Венгрия, Германия, Индия, Ирландия, Италия, Канада, Китай, Палестина (Хайфа, до образования Израиля), Польша, Тайвань, Швеция.

⁴ Здесь и далее обозначение (месяц, год), например, (Sep, 2007) указывает на выпуск *Footnotes* за сентябрь 2007 г.

В некрологах не раз подчеркивается интерес людей к своим национальным корням. Судя по прощальным текстам, за этим интересом нередко следовало проведение сравнительных исследований, изучение жизненных траекторий иммигрантов-представителей той или другой этнической группы. В изученных некрологах отмечалось умение интегрироваться в американское общество с сохранением лучших качеств своей первой родины.

Лексическими репрезентантами вышеуказанных тезисов служат, например, такие фразы:

«Ему нравилось шутить, что все годы жизни в США ему приходилось носить с собой бутылочку с соусом карри, т. к. ему, человеку, выросшему на острых индийских блюдах, американская еда казалась слишком пресной» (Jan 2008);

«Его отец был иммигрантом из Швеции, а мама имела немецко-ирландские корни» (Sep 2008);

«Человек скромного происхождения из семьи иммигрантов, Чарли ценили за его большую доброту, умение находить с людьми общий язык, отсутствие высокомерия, хотя он вращался в Вашингтонской столичной элите и регулярно публиковался в Нью-Йорк Таймс ... Чарли также посвящал много времени изучению греко-американцев, теме, которая была дорога его сердцу... «Для меня Чарли — это щедрость, доброе сердце и много вкусной греческой еды»... Он гордился своими греческими корнями» (Sep 2008);

«С собой он привез богатство европейской мысли, которое преобразовывалось в течение его жизни в американском обществе» (Feliks Gross, Jan 2007);

«Она родилась в Ньюкастле, Новый Южный Уэльс, в Австралии в 1929 г. Она поддерживала связь со своими родственниками и друзьями в Австралии до самого конца жизни, путешествуя на родину по крайней мере раз в год и проводя там значительную часть каждого года, особенно после выхода на пенсию. Всегда активная в исследованиях, она была *visiting fellow* нескольких австралийских университетов, давая лекции и участвуя в конференциях» (Feb 2007);

«Гандер Фрэнк родился в Берлине в 1929 г. Его отец, немецкий писатель, сбежал от нацистского режима и, в конце концов, перевез свою семью в Америку» (Jul 2005);

«Доктор Майер родился в Швейцарии и вырос в Венгрии. Он переехал вместе со своей семьей в США в 1956 во время венгерской революции» (Apr 2004).

Путь в социологию

Биографическая информация в изученных некрологах позволяет сделать выводы и о том, почему исследователи решили посвятить себя социологии.

Война и мир. Социология как миротворчество

Для некоторых из них путь в социологию проходил через войну. Участие в войне, гибель людей, образы разрушенных городов, сел, несправедливости и насилия породили горячее желание посвятить себя работе, которая бы способствовала росту взаимопонимания между людьми, повседневной работе на благо мира. «Социология — как миротворчество» — тезис, отмеченный не в одном некрологе.

Ярким примером такой жизненной траектории может служить биография социолога Франка Уэсти (*Frank Robert Westie*, 1921–2004):

«Он решил стать социологом после тех переживаний, которые он испытывал, находясь на посту пилота бомбардировщика Б-17 «Летающая крепость», делая боевые вылеты из Великобритании в Германию во время Второй мировой войны. ...Фрэнк добровольцем пошел на фронт, чтобы противостоять преступлениям нацистов против человечности, но узнал, что он сам непреднамеренно участвовал в одном из самых варварских актов мести в американской военной истории: 48-часовой непрерывной бомбардировке Дрездена в Германии, невоенной цели, численность гражданских потерь в которой была сравнима с количеством жертв в Хиросиме. Это событие до сих пор продолжает покрываться военными, облагораживаясь и рационализуясь «историками» войны. ...Сами американские пилоты были обмануты утром в день этого злодеяния, начавшемся в Пепельную среду⁵ 1945 г. Им сказали, что они бомбят железнодорожную сортировочную станцию.

Эти события были описаны в получившем большую известность антивоенном романе Фрэнка «Пепельная среда 45-го», выходящем сейчас в свет уже в третьем издании. Дрезден был наполнен десятками тысяч беженцев, спасавшихся от советской армии. Тысячи американских и британских тяжелых бомбардировщиков в течение 24 часов сбрасывали бесчисленное число зажигательных бомб на Дрезден и продолжали это делать

⁵ День начала Великого поста в католической традиции, в ходе церковной службы этого дня проводится специальный обряд посыпания голов верующих освященным пеплом, который, по традиции, получается от сожжения ветвей с Вербного воскресенья. http://en.wikipedia.org/wiki/Ash_Wednesday.

даже после того, как город превратился в пепел. Фрэнк поклялся, что знает он о том, что Черчилль и маршал авиации сэр Артур Хэррис запланировали для Дрездена, он бы отказался поднимать свой Б-17 в то утро и предстал бы перед расстрельной командой за отказ подчиниться прямой команде «посмотреть в глаза врагу».

Фрэнк стал социологом потому, что он верил, что, проводя социологические исследования и преподавая социологию, человек сможет сделать более значительный вклад в дело мира во всем мире, чем работая в какой-то другой профессии» (May 2004).

Еще одним примером такой траектории может являться жизнь Гарольда Гецкова (*Harold Guetzkow*), родившегося в штате Висконсин, в г. Милуоки, в 1915 г.:

«В возрасте 15 лет, Гарольд сопровождал своего болеющего отца в Австрию. Во время этой поездки семья проехала через всю Европу, фиксируя все происходящее на черно-белую кинокамеру. После посещения мест боев и могил, покрывающих поля под Верденом во Франции, Гарольд стал противником того, как люди разных национальностей убивают друг друга, и заинтересовался тем, как принимаются решения, приведшие к войне. Он продал свой семейный строительный бизнес в Милуоки и направился в колледж» (Jan 2009).

В некрологе Дейзи Тальякоццо (*Daisy Tagliacozzo*), также прошедшей через тяготы военной поры, отмечается, что она

«...была на половину еврейкой, родилась в Берлине и к моменту ее совершеннолетия Германия стала нацистской страной. Ей было 16, когда Гитлер захватил Польшу. Она жила со своей матерью ... и нацистские власти приказали ей работать в поместье юнкера, а затем на фабрике по производству военной униформы. К концу войны она попала в списки и должна была быть послана в один из концентрационных лагерей, но неожиданно освобождена. В конце своей научной карьеры, у нее появился интерес (и это сподвигло ее на подготовку еще одного курса по социологии) к изучению автобиографии, это же стимулировало ее написанию мемуаров, в которых содержатся яркие воспоминания о ее жизни в Германии» (Nov 2006).

Из религии в науку

Судя по изученным некрологам, еще одним важным источником кадров для американской социологии является религия — путь, пожалуй, не слишком привычный ни для советской, ни для современной российской

социологии. Более того, из 168 некрологов 2 женщины-социолога являлись монахинями.

В одном из некрологов отмечается, что путь из священников в социологи — типичная карьера для социологов того времени (по-видимому, имеется в виду тех, кто поступил учиться в колледжи и университеты в 1930–1940-е гг.):

«Он имел краткий опыт служения в качестве священника в Церкви Христа, но вскоре понял, что его будущее — в чем-то другом. Он обратился к социологии и окончил Пибоди университет в Нэшвилле, штат Теннесси. В Пибоди он встретил Т. Кеннеди, другого беглеца со стези священника (типичная карьера среди социологов того времени» (из некролога *Wallis Beasley*, 1915–2008, July 2008).

Интересным кейсом по изучению карьеры исследователя в области изучения религии могла быть статья жизнь известного социолога религии, пресвитерианца Дина Хоуга (*Dean Hoge*, 1937–2008), всю жизнь изучавшего католиков в США. В его некрологе, в частности, отмечалось, что:

«Хоуг начал свою академическую карьеру в 1969 г. в теологической семинарии Принстона. В 1974 г. он стал преподавателем социологического факультета Католического университета, вышел на пенсию в 2006 г. как профессор *emeritus*.... Джим Йонисс, проработавший с ним в течение 30 лет, оценил способности Дина наблюдать за жизнью других и учиться у них. Йонисс вспоминает: «Дин и я работали над проектом по изучению того, почему молодые люди избегают религиозной жизни... Одной из последних фраз, которые он сказал нашей команде, была такой: «Не проводите опрос. Попытайтесь увидеть, как они живут, и что они могут сказать нам о своих религиозных взглядах. Используйте кейс-стади, фокус-группы и глубокие интервью» (Dec, 2008).

В еще одном некрологе⁶ о Д. Хоуге приводятся такие слова:

«Я думаю, что Дин верил, что его исследования шли на пользу Богу. Дин не видел никакого разрыва между религией и социальными науками. Он проводил свои исследования так, чтобы члены католической церкви, епископы, духовенство и миряне имели правильные данные для принятия информированных решений».

⁶ Sister Mary Johnson. In Memoriam: Dean Hoge. A reflection on the life of a deeply respected professor of sociology at The Catholic University of America // Он-лайн журнал *Busted Halo*, October 16th, 2008. <http://www.bustedhalo.com/features/in-memoriam-dean-hoge/>.

В этом же некрологе содержится еще одна важная деталь — упоминание о давлении церкви на ученых, задающих «неправильные» вопросы», говорящая о различиях в этосе науки и этосе религии. Если для ученых важнейшей ценностью выступает стремление к истине, какой бы горькой она ни казалась, то для священнослужителей важно сохранение святости церкви, и, следовательно, при необходимости стремление скрыть неприятную информацию, избежать болезненных для репутации церкви тем. Так, монахиня Мери Джонсон пишет:

«Дин не боялся рассказывать о результатах своих исследований и выводах. Он делал это, несмотря на сильное противостояние такому подходу. Хотя Второй Ватиканский собор одобрил роль социальных наук как инструмента церкви для получения более полного понимания самой себя, между католицизмом и социальными науками продолжает сохраняться напряжение. Как сказал нам один из профессоров в магистратуре: «Не задавайте вопросы, если вы не хотите услышать ответы». Сегодня порой говорят: «Даже не думай сначала задавать вопросы». Дин критиковал такую позицию. Он был убежден, что церковь лучше служит Богу, когда вопросы задаются, на них получаются ответы, анализируются и принимаются соответствующие решения. Он верил, что социальные науки могут помочь церкви лучше понять себя саму и проблемы нашего мира. Дин глубоко уважал роль католической церкви в мире. Он любил нас так сильно, что всегда говорил нам правду».

Обращает на себя внимание такая отличительная черта институционализации как религии, так и науки в США — существование совместных центров религии и науки (что для России является пока вещью экзотической). В применении к социологии — деятельность специализированных социологических ассоциаций, факультетов социологии в религиозных учебных заведениях, фокусировке исследователей на темах, связанных с деятельностью той или иной конфессии.

Социолог — сторонник социального равенства, борец за равенство возможностей

В некрологах в Footnotes не раз подчеркивается стремление социологов к социальной справедливости, рассказывается об эпизодах, в которых исследователи противостояли разного рода дискриминации в отношении коллег или студентов, прежде всего расовой нетерпимости.

Примерами вышесказанного могут служить следующие фрагменты из некрологов:

«У него было глубокое и прочное стремление к справедливости», — сказал Чарльз Уилли, представитель магистратуры факультета образования Гарварда и назначенный судом представитель по контролю за дегрегацией в школах Бостона. — «Он не стал бы иметь ничего общего с проектами, в которых не было стремления к справедливости. Под справедливостью он понимал обеспечение равных прав как для цветных, так и белых людей, как для людей с ограниченным доходом, так и обеспеченных людей. Он всегда придерживался этого принципа» (May 2008);

«Задолго до введения мер позитивной дискриминации, Сасмэна беспокоила проблема существования барьеров в академическом сообществе, он яростно отстаивал права женщин, меньшинств и взрослых людей, возвращающихся доучиваться после некоторого перерыва (*older returning students*). Он принимал их на магистерские программы, инициировал исследовательские и публикационные проекты, писал для них бесчисленное число писем поддержки» (Nov 2007).

В некрологе Бернарду Мелцеру (*Bernard Nathan Meltzer*, 1916–2008), профессору *emeritus* в Центральном Мичиганском университете (CMU), описывается его поддержка черных студентов, составлявших в 1950-е гг. лишь малый процент всего кампуса. Авторами прощального текста выступили те афроамериканцы, кому профессор помог с успехом завершить обучение:

«В 1950-х гг., когда оба автора [некролога] были студентами бакалавриата в CMU, черные студенты часто сталкивались с открытой враждебностью и нетерпимостью со стороны некоторых студентов и преподавателей. В 1953 г. Скотт был одним из семи черных студентов в кампусе. Некоторые профессора говорили черным студентам, что они не должны быть в CMU и не будут в нем учиться уже на следующий год. Мелцер собрал этих студентов и поощрил их сопротивлению. Он нашел для них учебники и проводил с ними занятия как на работе, так и дома. Некоторые из семи студентов были избраны в студсоветы, где смогли успешно выступить против ограничительных правил некоторых студенческих организаций. Большинство из семерых окончило университет с отличием, а трое впоследствии получили *PhD*» (Apr 2008).

Подтверждением важности борьбы социологов с расовой дискриминацией являются и следующие фрагменты некрологов:

«Свершением, которым он больше всего гордился, была его роль в наборе и последующей работе с цветными студентами магистратуры» (Aug 2008);

«Сестра Мэри совмещала строгие количественные исследования с ясными ценностными убеждениями. Например, в 1970 г., когда епископы

из ЮАР пригласили ее провести исследование в своих школах, а она обнаружила, что они планировали проведение исследования только в школах для белых, она отказалась его проводить, пока в проект не были включены также и школы для черных детей. Епископы приняли ее возражение и начали менять свое отношение к апартеиду» (Apr 2004).

Нормы исследовательской работы

Авторы большинства некрологов уделяют значительное внимание подчеркиванию исследовательских качеств своих коллег, их эрудиции, знаниям, оригинальности идей, интересу к методологическим вопросам, аккуратности работы с данными. Примерами этого могут быть такие лексические фрагменты:

«Ее вклад в социологию был как теоретическим, так и эмпирическим. Она всегда считала социологию наукой; а ее бывшие студенты вспоминают, как она стремилась к тщательному тестированию гипотез, делая это аккуратно, внимательно, с открытым, восприимчивым умом» (Feb 2008);

«Будет лишь малым преувеличением сказать, что Мюррей был одним из наиболее интересных исследователей в нашей дисциплине за последние десятилетия. Как наследник Зиммеля, Гофмана и Шютца Мюррей обладал завидным сочетанием больших аналитических способностей, глубокой эрудиции, наблюдательности и писательского таланта» (Sep 2008);

«Многим его друзьям, включая студентов, будет недоставать энтузиазма Бернарда Карша к проведению дискуссий, его страсти к игре идеями. Он любил быть частью столкновения мнений» (Sep 2007);

«Одна из ассистенток Ридли по проекту доктор Дебора Даусон была поражена ее «невероятному вниманию к деталям» во время всего хода проекта. Так что не стоит удивляться, что когда ICPSR⁷ получил файл с данными, то они его нашли в «почти превосходном состоянии». Другая ее коллега по Джорджтауну доктор Максин Вайнштайн сказала, что «свидетельством ее дальновидности и умению предвидеть является то, что данные, которые были собраны 20 лет назад, все еще являются важным ресурсом для исследователей»» (Nov 2007).

Коллеги также выделяют такие аспекты повседневной деятельности ученого как работа над собственными публикациями, редактирование и со-редактирование многочисленных статей в научных журналах, подготовка

⁷ По-видимому, имеется ввиду межуниверситетский консорциум по политологическим и социологическим исследованиям — *the Interuniversity Consortium for Political and Social Research (ICPSR)*. <http://www.icpsr.umich.edu/>.

монографий и книг. При этом герои некрологов могут быть как очень «писучими» авторами, так и теми, которые тратят годы на подготовку новой книги:

«Достижения Гандера в вопросах публикации были феноменальными. Он опубликовал 40 книг, был автором и соавтором более 1000 статей и глав, а его работы появились на 25 языках мира. Как-то шутя, он заметил, что если сложить все эти публикации в стопку, то она была бы выше 5 метров (17 линейных футов)!» (July 2005);

«С 1973 г. Мюррей каждые 10 лет публиковал новую книгу; превосходно написанный текст, разнообразие источников и оригинальность идей делала каждую из них достойной такого ожидания» (Sep 2008).

Изучение прощальных текстов в *Footnotes*⁸ также показало, как ценится в социологическом сообществе наличие у социальных исследователей интереса к людям, умение слушать людей и заслужить их доверие. В некрологах подчеркивается, что главная цель — не получение информации, а установление хорошего контакта с людьми, создание таких взаимоотношений «социолог — респондент», которые дают возможность доверительного обмена информацией.

Лексическими репрезентантами этого тезиса могут служить следующие фрагменты некрологов:

«Его первая статья была посвящена серии интервью с сотрудниками симфонического оркестра Миннеаполиса, проведенных в конце 1950-х гг. Дейв описал все за и против, узкий выбор возможностей, беспокойство о статусе и трудностях, встречающихся в жизни профессиональных музыкантов. Было очевидно, что музыканты доверяли Дейву, свободно рассказывая ему о довольно болезненных и личных аспектах своей работы. В своей статье он показал, как всем нам повезло, что некоторые люди решаются идти по этому трудному артистическому пути. Его исследование было первым в области изучения профессиональных практик исполнителей классической музыки» (May 2007);

«Маркузен был великим учителем. Он также был великим интервьюером. Он считал, что его задачей было скорее установить контакт с человеком, чем получить от него информацию, и именно это способствовало тому, что данные при этом обмене текли рекой. Интервью, которые он проводил в Югославии, транскрибировались в моем офисе. Сотрудница, проводившая расшифровку, была так поражена его гуманностью и красотой звучания его голоса,

⁸ Некрологи из бюллетеня Американской социологической ассоциации *Footnotes* за 2004–2009 гг. <http://www.asanet.org/footnotes/>

богатством информации, который этот голос извлекал, что она обняла его, незнакомца, когда он впервые появился в нашем офисе» (July 2007).

Как и в некрологах российских коллег, в прощальных текстах об американцах подчеркивается их членство и работа в различных научных академиях и ассоциациях, перечисляются различные академические награды. Однако эти ассоциации и награды более разнообразны и многочисленны, отражают все широту подотраслей социологии и соседних дисциплин в социогуманитарной науке в США.

Нормы преподавательской работы

Пожалуй, наибольшее внимание авторы некрологов уделили преподавательской и наставнической работе своих ушедших коллег. В большинстве прощальных текстов подчеркивается педагогическое мастерство, динамика и энергичность лекций и семинаров, требовательность, соседствующая с интересом к личности студента, умение зажечь интерес к исследовательской работе и другие качества.

Наиболее яркими высказываниями, иллюстрирующими работу социолога на педагогической ниве, являются следующие фрагменты:

«Тилли хорошо известен своим щедрым вниманием к студентам. Многие вспоминают, как высказывая слова благодарности Тилли за его научное руководство, они получали такой ответ: «Не благодарите меня, а сделайте тоже самое для своих студентов» (May 2008);

«Билл, прежде всего, был страстным учителем. Известный как «Кюви» среди студентов-магистров, он читал много разных курсов, но его любимым была социологическая теория. Биллу нравилось заставлять студентов логически осмыслить, проанализировать теорию социологии, научить их умению отстаивать свои аргументы. Им нужно было научиться защищать свои выводы, потому что он был безжалостным в своей критике. В первый раз, когда студенты сталкивались с его критикой, все их аргументы сводились к невнятному бормотанию. Но во второй (третий, четвертый и n-й раз) благодаря его критике они становились более сильными мыслителями и социологами. Социологическое общество по сельской социологии поощрило Билла и его преподавательские заслуги, вручив ему в 1994 г. награду за преподавательское мастерство» (Sep-Oct 2008);

«Стив всегда говорил, что он, во-первых, и, во-вторых, исследователь, но глубоко в сердце он очень любил преподавательскую работу. В 1991–1992 гг. ему была вручена университетская награда за преподавательские

заслуги. Секрет его успеха заключался в том, что он с большим энтузиазмом относился к своему предмету и к тому, что студенты изучают этот предмет. Студенты всегда знали, что он был на их стороне. Он мог увлечь студентов, боящихся математики, изучением статистики и наслаждался этим преподавательским вызовом. А потом хвастался тем, что смог их «обратить» к статистике» (Apr 2008);

«Москос был преподавателем, не раз отмеченным наградами. Его «Введение в социологию» в течение десятилетий было курсом «нельзя пропустить» для студентов-бакалавров университета Northwestern, и он читался в самой большой аудитории кампуса. Ходила легенда, что экзаменационные вопросы и конспекты его лекций стали частью интеллектуального наследства, передававшегося от одного поколения бакалавров другому (Чарли как-то пошутил, что некоторые шпаргалки по его лекциям (*fraternity crib-sheets*) были даже лучше его собственных лекционных записей... Получение положительной оценки за его курс по Введению... было равнозначно коллективному обряду перехода для студентов-магистров университета: экзамен проходил так — вокруг стола сидели 15–20 человек, атмосфера вечеринки с непочтительными шутками и закусками сочеталась с серьезной проверкой знаний и понимания предмета» (Sep 2008).

Из приведенных выше фрагментов видно наличие в университетской системе США разнообразных инструментов гратификации: премий, наград и прочее, для поощрения успехов в преподавательской работе.

Гендерная проблематика

Гендерная проблематика занимает немалое место в изученных некрологах. Прежде всего, это связано с тем, что среди 168 героев некрологов число женщин достаточно велико (по сравнению с ранее изученными нами некрологами в советских и российских социологических журналах). Во всем изученном массиве — это 36 женщин (21%). Женщины-ученые в этих прощальных текстах нередко описываются как пионеры, первопроходцы в своей дисциплине или же академической карьере.

Так, о Доррис Слезингер (*Doris P. Slesinger*), профессоре *emerita*⁹ сельской социологии в университете Мэдисон штата Висконсин сообщается,

⁹ Professor Emerita — эквивалент «мужскому» званию professor Emeritus по отношению к женщинам-профессорам, вышедшим на пенсию. Критики этого термина отмечают, что грамматически он не верен. Подробнее см. <http://en.wikipedia.org/wiki/Emeritus>.

что она «...принадлежала тому поколению женщин-профессоров, которые всю жизнь являлись покорителями новых земель. Женщинам-исследовательницам последующих поколений было несколько проще, потому, что такие пионеры как Дорис проложили путь, выиграли ранние битвы и установили прецеденты. Дорис активно и настойчиво старалась сделать их путь более легким, являясь советником и наставником для женщин-студенток бакалавриата и магистратуры. Она была той, кого так искали женщины-профессионалы: советчиком, коллегой, ролевой моделью, защитником, в нужный момент готовой подставить твердое и надежное плечо» (Jan 2007).

В некрологе памяти монахини-социолога Хелен Ральстон (1929–2006), профессора *emerita* в университете Святой Марии и «гранд-дамы» канадской социологии, отмечалось, что она, помимо религии, «посвятила свою работу и жизнь феминизму — получилось шокирующее, но не невозможное сочетание. Она не стеснялась рассказывать о том, какие битвы ей пришлось пройти, прежде чем получить *tenure*. Было не ясно, был ли этот путь таким сложным, потому что она была женщиной или потому что она была монахиней. В социологической вселенной, где религиозная идентичность варьируется от атеистов через агностиков до «религиозно немзыкальных» людей, верующая социолог-феминистка возможно казалась противоречием устоявшимся взглядам. Тем не менее, Хелен чувствовала поддержку свою друзей-феминисток и движения женщин» (Feb 2007).

В прощальном тексте об этой необычной исследовательнице, монахине-феминистке говорится, что её исследования были посвящены женской тематике: «Ее работа фокусировалась на различных вопросах женщин-мигранток, их религиозных убеждений, идентичности и проблеме усиления влияния женщин на принятие властных решений (*empowerment*). Опубликованные ею работы по сравнительным исследованиям концентрировались на проблемах иммиграции и мультикультурализме; взаимосвязанности гендера, этничности, классовых и религиозных убеждений в конструировании идентичности, рассказах о жизни и «усиления женщин» среди первого и второго поколения женщин-иммигранток из Южной Азии» (Feb 2007).

Социолог — хороший семьянин

Нет ничего удивительного в том, что одной из важных ценностей для американских исследователей уже вне рамок работы является счастливая семей-

ная жизнь. Умению сочетать успехи в исследованиях и преподавании с семейным досугом посвящается немалое место в изученных нами некрологах:

«Семья Мириам была очень важна для нее. Картина ее любимой «Бенни», истинная любовь ее жизни, всегда стояла на ее столе. Ее дети находились в центре ее мыслей; и она всегда гордилась их интеллектуальными и творческими свершениями» (Feb 2008);

«Его также вспоминают как преданного и любящего отца» (July 2008);

«Она посвятила много лет воспитанию своих детей, активно участвуя в их жизни, и помимо других вещей, обучая их футболу и возглавляя групп герлскаутов» (May 2008);

«В той же степени, в какой социология была ядром его работы, не было сомнений, кому принадлежало сердце Отто Ларсена. Ядром его жизни с Гретой была семья — их дети, родители, тети, дяди, двоюродные братья и сестры, а затем внуки» (Sep 2007);

«Кроме работы в качестве увлеченного педагога, неутомимого активиста и отмеченного наградами ученого, Хитер была доброй и щедрой коллегой, преданной матерью и женой, вдохновляющим гуманистом, сильно беспокоившимся о страданиях других людей» (Dec 2008).

Некрологи об американских социологах отличает не только публичность рассказа о причинах их ухода в мир иной (об этом ниже), но и относительная прозрачность их семейной жизни. Нередко в прощальных текстах о социологах приводятся имена и количество их жен или мужей, детей, внуков, братьев и сестер, дата свадеб.

Порой в некрологах об американских исследователях дается информация о разводах и прочих подробностях личной жизни, о которых отечественные прощальные тексты предпочитают умалчивать:

«Он был также консультантом по браку — довольно ироничным, принимая во внимание то, что он сам 4 раза женился и разводился. Однажды он заметил, что он мог бы преподавать социологию семьи, просто рассказывая анекдоты» (Jan 2008);

«Он был женат дважды. Обе женитьбы закончились разводом. После него осталось четверо детей: Джейн Бергер из Аусбурга в Германии, Нора Митчелл из г. Мендосино, Стефания Бергер из Лонг Бич и Кеннет Бергер из Сан-Франциско (последние трое в Калифорнии), и одна внучка Сара Эйт из Аусбурга» (Jan 2006);

«Живя в Миллсе, Одри встретила и вышла замуж за Йеля Мейера, с которым она, по ее собственным словам, чувствовала себя «свободной и счастливой». (Ее первый брак закончился дружеским разводом)» (July-Aug 2001).

Социолог на досуге

Стоит отметить, что героев изученных некрологов отличала крайне разнообразная и красочная картина нерабочих хобби и увлечений. То, чему прощальные тексты о российских ученых почти не уделяют внимания, напротив, занимает не мало места в их американских аналогах. Приведем только несколько примеров:

«Если бы о жизни Гвинни, любившему экстрим и джаз, был бы сделан фильм, то его роль нужно было бы сыграть Кери Гранту или, возможно, Клинту Иствуду, Неттлер обожал музыку от оперы до Эллингтона и вся его жизнь была яркой и стремительной: от спортивных машин, которые он водил и особенно дам, которых он любил» (Jan 2008);

«Ее страстью было разведение и тренировка ретриверов, лауреатов всяких соревнований. Она также вела занятия по тренировке собак» (May 2008);

«Несмотря на свои успехи в науке, интересы Кея далеко выходили за рамки университета. Однажды я его спросил о редком садовом растении, совершенно незнакомом мне. К моему удивлению, он не только мне рассказал об этом растении, но и процитировал факты из журналов по агрономии о том, как его стоит выращивать» (May 2008);

«В то время когда он делал значительную профессиональную карьеру, его жизнь вне профессии была крайне интересной и даже непонятно, где он находил время на все свои интересы. Он был одаренным музыкантом, состоявшимся пианистом, классическим и театральным органистом. Он был опытным создателем органов и аудиоинженером, разрабатывавшим и создававшим экспериментальные звуковые системы. Как опытный пилот он часто сам вел самолет, приезжая на различные встречи по всей стране. Как яхтсмен он плавал по синей воде открытого океана. Пожалуй, не было машины, которую он бы не мог починить» (Jul 2008).

Изучение некрологов продемонстрировало и хороший уровень дохода у американских исследователей, во много раз превосходящий доходы отечественных ученых, позволяющий им иметь довольно экзотичные для россиян хобби и увлечения, с интересом проводить свою старость, после выхода на пенсию:

«Гей также очень любила читать на досуге, и последнее, но не менее важное было то, что она имела вкус к хорошим ресторанам. На ее советы — куда пойти поесть — всегда можно было рассчитывать, зная, что она

провела все необходимые исследования, чтобы узнать самые лучшие рестораны в ближайших окрестностях» (Nov 2008);

«Джон был заядлым коллекционером монет и марок. Он проявлял особый интерес к мексиканским монетам, который он удовлетворял во время поездок в Мексику в отпуск или на каникулы. Уже на пенсии он и его жена Дороти побывали в нескольких круизах по всему миру. Меткий стрелок, еще со времен своей молодости в Техасе, в свои 80 он занимал во время круизов первые места по стрельбе по тарелкам» (Sep 2007);

«В течение своей жизни, у него был главный интерес к пилотированию. Одно время он владел и летал на старых самолетах, на некоторых из которых были открытые кабины. В течение 12 лет летом он работал инструктором-добровольцем по пилотированию в штате Иллинойс. До 82 лет он был заядлым лыжником» (Sep 2007).

Публичность болезни

Исследование материалов в «Footnotes» показало, что в отличие от российских некрологов, где причина болезни называется редко и порой о ней можно только догадываться, у американцев является публичным фактом. В большинстве некрологов причина болезни указывалась явно, с большим числом деталей.

Подтверждением этого могут служить такие фразы:

«Несмотря на очень хорошее здоровье, которым он обладал большую часть жизни, его сразила агрессивная форма рака, которая всего лишь за несколько месяцев лишила его жизни» (July 2008);

«...после четырехлетнего сражения с множественной миеломой» (Nov 2008);

«...тихо скончался от злокачественной опухоли головного мозга» (Dec 2008);

«...умер после четырехмесячной борьбы с раком желудка» (Dec 2008);

«...несколько лет он страдал от болезни Альцгеймера» (July 2007);

«Он умер после короткой, но мужественной борьбы с раком желчных протоков» (Apr 2005).

В меньшем числе случаев в некроlogах *Footnotes* отмечалось, что человек умер «от болезни» или же причина болезни не упоминалась.

Изучение некрологов также показало, что в сообществе читателей *Footnotes* ценится мужество и желание человека работать, не взирая на болезнь и даже на самом краю смерти:

«Стив был одним из самых лучших и благородных людей на Земле. Его страстная преданность науке, своим студентам и университету может служить моделью жизни ученого. В свои последние недели, когда он, должно быть, знал о приближающемся конце, Стив работал над большой заявкой по гранту, включающей лонгитюдную компоненту» (Apr 2008);

«Ему поставили диагноз рака легких в апреле, и он сохранял оптимистичный бодрый настрой, несмотря на малый прогресс после сеансов лечения» (May 2008);

«Его преданность семье и профессии в течение долгой битвы с раком принесла ему глубокое уважение в университетском сообществе» (July 2007);

«Несмотря на страдания от рака гортани, потребовавшего прохождения множества лечебных процедур, профессор Уэлли оставался активным исследователем» (Dec 2007).

Благотворительность как норма

Еще одной характеристикой, выделяющей американские некрологи от российских, является отношение научного сообщества к благотворительности. Стоит отметить, что изученные нами прощальные тексты в Footnotes нередко завершаются призывом о благотворительных пожертвованиях, создании стипендиальных фондов, эндаументов на проведение ежегодных лекций памяти ушедшего ученого.

Родственники, коллеги, друзья просят вместо цветов внести денежный вклад в ту или иную ассоциацию (по борьбе с диабетом, СПИДом, кардиологическую и др.), федерацию или фонд. В России благотворительность делает лишь первые шаги, появились первые частные фонды поддержки науки, но индивидуальная благотворительность в силу многих причин является пока лишь делом одиночек и не приобрела массовый характер.

Заключение

«Все мы вышли из гоголевской шинели», — эти слова французского критика Эжена Вогюэ¹⁰ (1885) приходят на ум, когда сравниваешь некро-

¹⁰ Подробнее см. подробное пояснение, почему автором этих слов является Э. Вогюэ, а не Ф. М. Достоевский: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/3/182.htm>.

логи американских и российских социологов. С одной стороны, отечественные прощальные тексты, где дается лишь официальный, как бы затянутый научный мундир, образ ученого, а сами некрологи часто не имеют авторства или подписываются как «Коллектив редакции». С другой — яркие, красочные, очень индивидуальные, подписанные 1–2 людьми, отражающие как официальную, так и неофициальную жизнь исследователей, где многие аспекты жизни (причины смерти, семейная жизнь, хобби) достаточно публичны — у американцев.

Изучение некрологов в бюллетене Американской социологической ассоциации Footnotes показало, что особенностью этоса науки американских социологов является его вплетенность в ценности гражданского общества в США. Об этом свидетельствуют пункты о борьбе исследователей за равный доступ к образованию, за права национальных меньшинств, за права женщин, благотворительная деятельность социологов и т. п.

Прощальные тексты, естественно, отражают и разницу в системах организации науки и образования. С одной стороны, построенная на грантах, на мобильности исследователей, на сильных независимых исследовательских университетах, на разветвленной системе научных обществ, ассоциаций, наград за отличия в исследованиях и преподавании наука и образование в США. С другой — только находящаяся на этапе своей институционализации, с малым числом частных и небольшим числом государственных грантодающих фондов, с разрозненностью научной среды, малым числом сильных социологических факультетов и сильных гуманитарных вузов социологическая наука в России.

Обращает на себя внимание и то, что в США социология воспринимается как миротворчество, как деятельность, противостоящая войне и способствующая большему пониманию между людьми, лучшей работе организаций и больших институций. Еще экзотикой для России кажутся мирное сосуществование религии и науки, совместные центры науки и религии, в то время как у нас ученые и родители протестуют против клерикализации науки и образования, и обе стороны (церковная и внецерковная общественность) пока воспринимают друг друга скорее как противники, чем потенциальные партнеры.

К археологии и критике понятия «молодежной субкультуры»

Т. Б. Щепанская

Цель этой статьи — критический исторический анализ понятия «субкультура» (в первую очередь по материалам исследований молодежных субкультур, как наиболее массовых). Я исследую это понятие — его использование в социальных науках и культурных исследованиях и его социальные контексты, сами претерпевавшие трансформацию. Термин «субкультура» достаточно популярен в российской социологии, сложилась уже определенная традиция исследований¹. Однако, ряд обстоятельств побуждает меня вновь обратиться к этой теме. Во-первых, тенденция отождествлять (явно, в определениях, или имплицитно, содержательно) субкультуру и сообщество, тем самым игнорируя ее (культуры, пусть и с префиксом суб-) знаковую природу. Аналогичная тенденция отмечалась и в англоязычной литературе, и подверглась аргументированной критике еще в конце 1970-х гг. Во-вторых, трансформация самого социального контекста использования этого термина, изменение самих описываемых им явлений — так что все более очевидной становится недостаточность этого термина как инструмента исследования и поиск альтернативных средств моделирования. Все это заставляет предпринять попытку археологии понятия «субкультура», анализ его истории и его критики. Назрела и задача преодолеть параллелизм социологических и семиотических (характерных для этнографов и фольклористов) подходов в интерпретации понятия «субкультура» и описываемых им явлений. Тем более, что сейчас все более выраженной становится тенденция поисков альтернативных способов

¹ Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. Серия «Специализированные курсы в социологическом образовании». Москва: Институт социологии РАН, 2000; Фадин А. В. Неформалы и власть // Вестник Академии наук СССР. М., 1989. № 10. С. 87–96; Болотова А. А. Формирование новых культурных кодов в современной России. Экологические поселения: между городом и деревней // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т.V. №1 (17). С. 43–69. in the Era of Mass Communication. Cambridge: Polity, 1990. P. 123.

описания именно в сфере семиотики: обращение к таким понятиям, как «культурные коды»².

Предлагаемая статья — не историографический обзор, а анализ изменений значения понятия в контексте трансформаций социальной системы и функционирования культуры. Рассматриваются также ряд других понятий, описывающих сходные явления и используемых как смежные или синонимичные, частично перекрывающиеся или конкурирующие за те же смыслы: понятия контркультуры, жизненного стиля, фрагментированной культуры, субкультурного капитала, племенных (или трайбалистских, неотрайбалистских) сообществ и др. История этого понятийного ряда и понятийного поиска есть история поиска способов моделирования процессов дифференциации в культуре и обществе — средств для описания различий и практик различения. Эта история дает пример все большего сближения области социальных и культурных исследований, на отечественной почве — социологии и этнографии, и даже фольклористики, — и сопутствующей конкуренции между ними за право определения.

Этот поиск наиболее систематически можно проследить в связи с исследованиями молодежи — как области пересечения интересов ряда социальных и политических наук. Внимание к проблемам молодежи со стороны социальных наук обусловлено не только теоретическим интересом, но и политическими факторами. «Политически нагруженная как из-за характерной для нее склонности вносить инновации и отделяться, так и из-за той общественной обеспокоенности, которую это провоцирует, категория молодежи также ассоциируется с проблемой (маркирует область) социальных изменений вообще», — пишет Джоан Готлиб (Принстонский Университет) в рецензии на две вышедших в 1994 году книги о популярной культуре (термин используется как почти синоним термину «народная культура» или «культура повседневности», привившимся в российском социологическом дискурсе), затрагивавшим проблемы молодежи³. Оформление тематики молодежной культуры (вначале «контр»

² Болотова А. А. Формирование новых культурных кодов в современной России. Экологические поселения: между городом и деревней // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т.V. №1 (17). С. 43–69. in *the Era of Mass Communication. Cambridge: Polity*, 1990. P. 123.

³ Gotlieb, Joanne. Postmodern and Popular Culture: A Cultural History, by John Docker. New York: Cambridge University Press, 1994; Postmodern and Popular Culture, by Angela McRobbie. New York: Routledge, 1994//Contemporary Sociology. Vol. 25. No. 1. (Jan.1996). P. 16–18.

или «субкультуры») в американской и европейской социологической литературе принято связывать с подъемом протестной активности молодежи в 1950–1960-х гг. когда обнаружилось, что самоопределение молодежных движений происходило в терминах протеста не столько против структурного или статусного неравноправия/угнетения, сколько против доминирующей культуры. На смену открыто политизированному движению «новых левых» приходит «культурный бунт»: в молодежной среде формируются новые религиозные движения, порой шокирующие художественные и музыкальные стили, возникают формы общежития (коммуны, общины) и повседневные практики, противостоящие общепринятым формам образа жизни поколения «отцов». Именно эти проявления активности молодежи вызывают «моральную панику» — беспокойство со стороны общественного мнения.

Первоначально эти процессы находили объяснение в рамках структурно-функциональной парадигмы, в частности, теорий социализации как процесса освоения заданных позиций в социальной структуре. Т. Парсонс рассматривал молодежные движения как проявление «нетерпения» нового поколения занять места «отцов». Новые возрастные когорты, выплеснувшиеся на рынок труда, сталкиваются с тем, что наиболее привлекательные места заняты; молодежь как социо-возрастная группа в целом может претендовать, в основном, на не самые высокие места в социальной структуре, что становится одним из оснований для формирования протестной позиции. Подобные процессы усугубляются демографическими диспропорциями, когда новая возрастная когорта более многочисленна, и существующая система социальных позиций не может быстро вобрать всех ее представителей; часть вынуждена некоторое время оставаться в маргинальном положении. Основной же фактор — быстрые перемены в структуре самого общества, обгоняющие инерционную систему социализации, так что молодежь обнаруживает, что те социальные позиции, которые она готовилась занять (на которые ориентировала семья и другие институты социализации), больше не существуют, недоступны, либо утратили престиж. Отсюда — кризис социализации, различные концепции которого были популярны в 50 — начале 70-х гг. XX в. Среди факторов кризиса социализации и развития молодежного движения фигурировали сужение рынка труда в результате индустриализации и автоматизации производства, ведущее к вытеснению части молодежи за его пределы (К. Д. Келли)⁴; формирование общества изобилия,

⁴ Kelly K.D. Youth, humanism and technology. London, N.Y., 1972.

с чем связано сужение сферы действия трудовой этики — традиционной для того периода основы семейного воспитания; расширение сферы досуга и вместе с тем возможностей экспериментировать с собственным образом жизни и т. д.⁵

Изменения в структуре общества и вместе с тем в семейной социализации повлекли переход ряда социализирующих функций к группам (общинам) сверстников⁶. В антропологии теорию, соотносившую формы социализации с темпами общественных изменений, сформулировала Маргарет Мид. По этой теории, в так называемых «традиционных» обществах, где изменения очень медленны, доминирует префигуративная модель социализации, в основе которой передача знаний и навыков от старшего поколения к младшему, из прошлого в будущее. В современных динамичных обществах опыт старшего поколения отражает реалии уже ушедшей социальной системы и не обеспечивает эффективной адаптации; на первый план выходят другие формы социализации. Кофигуративная социализация — форма трансляции информации, при которой доминируют синхронные информационные потоки: основным средством социализации является усвоение информации через группы сверстников. В этом случае представители вступающего в жизнь поколения вынуждены приспосабливаться к происходящим изменениям: осваивать новые сферы деятельности, формы занятости и т. п. Адаптация поколения происходит за счет копирования опыта наиболее успешных сверстников. Когда изменения носят стремительный характер, наблюдается постфигуративная социализация: наиболее важными становятся потоки информации от молодого поколения к старшему, еще не ушедшему от активной жизни. Старшие, чтобы сохранить свои позиции в обществе, вынуждены перенимать опыт молодых, первыми адаптировавшихся к изменениям⁷. В рамках этой теории молодежь перестает быть лишь объектом социализации. Чем динамичнее развивается общество, тем более значимой становится ее творческая, инновационная роль.

⁵ См. об этом: Давыдов Ю. Н., Роднянская И. Б. Социология контркультуры: Критический анализ (Инфантилизм как тип поведения и социальная болезнь). М.: Наука, 1980. С. 89–169.

⁶ Parsons T. Youth in the context of American Society// The challenge of Youth. N.Y., 1965; Parsons T., Platt G. Higher education and changing socialization// Aging and society: A sociology of age stratification/Ed. M. Riley, M. Johnson, A. Foner. N.Y., 1972.

⁷ Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения. М.: Изд-во Восточной литературы, 1988. С. 322–361.

Контркультура

Уже в конце 1950-х — начале 1960-х гг. становится очевидно, что структурных объяснений развития молодежных движений в развитых странах Запада недостаточно. В фокусе молодежного протеста все в большей степени оказывалась культура — буржуазная, «западная» — т. е. ее доминирующие формы.

Одной из первых форм концептуализации культурной составляющей молодежных движений стало понятие «контркультуры». В дискурсе самих участников оно означало протест против культуры как средство радикального освобождения, понимаемого как уход из бесчеловечного, погрязшего в грехах и лжи «Вавилона», возвращение к себе, к истинной человеческой природе. Лозунги контркультуры — протест против всего, что составляло основу «буржуазной культуры»: технократизма и лежавшего в его основе рационально-научного типа мышления (через практики расширения сознания при помощи наркотиков, психоделической музыки, религиозных медитаций); материальных ценностей и рыночных отношений (жизнь в коммунах, общинах, основанных на взаимопомощи); пуританской морали (практики «свободной любви» и сексуальная революция). Контркультура, таким образом, означала трансформацию всего образа жизни, системы поведения, представлений и ценностей, — как средство освобождения, альтернативное политическим действиям. Такое понимание нашло отражение в книгах, написанных идеологами контркультуры, а затем и в социологическом дискурсе⁸.

Следует заметить, что понятие контркультуры было связано с характерным для того времени представлением о культуре — когда она фактически отождествлялась с доминирующей культурной моделью (в западных обществах — с традицией белых представителей среднего класса). Тогда вызов, который новое поколение бросало этой модели, воспринимался, в особенности ее носителями, как попытка разрушения или отказ от культуры вообще. Понятие контркультуры основано на понимании культуры как интегрированной целостности, охватывающей все общество. Оно сформиро-

⁸ Подробный обзор концепций контркультуры см.: Давыдов Ю. Н., Роднянская И. Б. Указ. соч.; Roszak T. The Making (of a) Counter Culture: reflections of the technocratic society and its youthful opposition. N.Y.: Faber & Faber, 1969; Leech K. Youthquake. The growth of counter-culture throw two decades. London, Sheldon press, 1973.

ровалось в контексте системы представлений, не учитывавшей внутренней дифференциации культуры.

Субкультура: история и определения

Для выражения этой дифференциации более подходящим оказалось понятие «субкультуры», т. е. подсистемы культуры, как более широкой целостности; границы же последней по умолчанию идентифицировались, как правило, с национальными. Исследуя происхождение понятия «субкультура», Гэри Алан Файн и Шерил Клейнман (Университет Миннесота) писали, что «понятие субкультуры, хотя и не собственно термин, может быть возведено к исследованию Фредерика Трэшера о чикагских бандах (1927)», где он рассматривал гангстерские традиции, их истоки и выполняемую ими функцию отделения от тех, кто не принадлежал к гангстерской среде⁹.

Понятие субкультуры вошло в терминологический инструментарий социальных наук в начале XX века, став, как пишут А. Беннетт и К. Кэн-Хэррис, одним из ключевых понятий Чикагской школы, использовавшееся первоначально для социологического объяснения девиаций, в противоположность доминировавшему тогда пониманию девиации как психологического отклонения, свойственного особой «криминальной личности» (Ч. Ломброзо). Учеными Чикагской школы девиантное поведение рассматривалось как нормальное поведение, детерминированное культурными нормами — но это иные нормы, отличающиеся от доминирующих или общепринятых. Такие отличные от общепринятых нормативные комплексы в сочетании со средствами их репрезентации и рассматривались как субкультуры¹⁰. Делинквентность, таким образом, рассматривалась как часть субкультурной традиции, как правило, непривилегированных социальных групп.

В англоязычной литературе термин начинает активно использоваться в конце 1940–1950-х гг., преимущественно для описания традиций отдельных сообществ (например, хиппи), и продолжает быть популярным на протяжении 1970-х гг.¹¹

⁹ Fine, G. A., Kleinman, Sh. Rethinking Subculture: An Interactional Analysis//The American Journal of Sociology. Univ. of Chicago, 1979. Vol.85, No.1. P. 1–20. P. 1.

¹⁰ Там же. С. 3.

¹¹ Davis F. On youth subcultures: The hippie variant. New York, 1971; Partridge W.L. The hippie ghetto. The natural history of a subculture. New York: Holt, Rinehart

На первых порах понятие субкультура использовалось наряду и параллельно с термином контркультура и отчасти воспроизводило заключенное в нем значение противостояния официальной системе ценностей. «Суб-» прочитывалось не только как указание на подсистемный характер образования по отношению к культуре, как более широкой целостности, но и в прямом значении — как знак принадлежности к «низшему» слою культуры по отношению к доминирующей как «высшей». Термин субкультура перекликался с такими, как *subterranean values*¹², т. е. «подземные» ценности (ср.: другой синоним: *underground*), которые существуют в обществе скрытно, по контрасту с видимыми общепринятыми ценностями.

Четкое определение понятия субкультура затруднено из-за многозначности лежащего в его основе понятия культуры. Фактически, каждый исследователь вынужден формулировать собственное определение, исходя из того, какие аспекты или темы были в центре его внимания¹³. Суммируя определения субкультуры в 1979 г., Г. А. Файн и Ш. Клейнман подразделяют их на два класса: одни из них подчеркивают идеационные составляющие (базовые ценностные ориентации, нормы, «разделяемое понимание», мировоззрение, темы или «фольклорные идеи»); другие определения акцентируют материальные, «видимые» признаки субкультуры (разделяемое поведение, артефакты), т. е. в краткой формулировке субкультура описывается как разделяемые (в определенном кругу людей — сегменте общества или сообществе, группе) информация и поведение¹⁴ или «любая система норм и ценностей, которая выделяет группу из большого сообщества» (Смелзер)¹⁵.

В целом различные определения субкультуры включают в область анализа следующие ее признаки:

and Winston, 1973; Resistance through rituals: Youth subcultures in post-war Britain/ Eds. S. Hall and T. Jefferson. N.Y.: Holmes & Meier, 1976; Clark J., Hall S., Jefferson T., Roberts B. Subcultures, cultures and class (1975)//The Subculture Reader/ Eds. K. Gelder and S. Thornton. London, New York: Routledge, 1997.

¹² Matza D., Sykes G. Juvenile delinquency and subterranean values. // Amer. Sociol. Rev., 1961, vol. 26. P. 712–719.

¹³ См. подробный обзор в работах: Соколов К., Осокин Ю. Художественная жизнь и социокультурная стратификация общества // Художественная жизнь современного общества. Т.1. Субкультуры и этносы в художественной жизни. Отв. ред. К. Б. Соколов. СПб., 1996. С. 16–36; Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. Серия «Специализированные курсы в социологическом образовании». Москва: Институт социологии РАН, 2000.

¹⁴ Fine, G. A., Kleinman, Sh. Op.cit. P. 5.

¹⁵ Смелзер Н. Дж. Социология // СоцИс. 1990. № 12. С. 131.

- поведенческие (разделяемые стереотипы, модели, нормы поведения);
- вещественные (производимые и/или значимые в рамках этой субкультуры вещи, артефакты);
- идеационные (представления, верования, способы интерпретации, базовые ценности);
- средства обозначения — знаки, символы, тексты, стиль.

Многие определения субкультуры отмечают еще два ее свойства: холизм, т. е. целостность (знаковая система, образ жизни в целом)

В начале 1990-х как общепринятое (характерное для европейской традиции) используется определение субкультур как «способов жизни, выстроенных вокруг выразительных традиций и стилей» (Дороти Холланд, 1991)¹⁶.

Эту целостность определяет связь субкультуры (множества норм, идей, тем, атрибутов и ценностей) с конкретным социальным образованием: сообществом, средой или сегментом общества, выделенным по структурным признакам (возраст, класс, раса и т. п.). Все эти поведенческие нормы, идеи и артефакты образуют субкультуру — единый устойчивый комплекс — только в том случае, если разделяются некоторым множеством людей: служат основанием и символом их общности, основой самоидентификации. Эта общность может быть описана как сообщество или совокупность сообществ, социальная среда.

Таким образом, в сферу исследований проблем молодежи вовлекаются разные стороны образа жизни — элементы повседневности, причем сама повседневность проблематизируется как нечто, уже не данное, а конструируемое в процессе повторяющихся взаимодействий. Это требует этнографического подхода, внимания к деталям: конкретным взаимодействиям, повторяющимся ситуациям, атрибутике, текстам, — проявляющимся на микросоциальном уровне. Складывается этнографическая традиция изучения субкультур через описание повседневной жизни конкретных сообществ.

Отдельно следует рассмотреть семиотический подход, в рамках которого субкультуры описываются как знаковые системы. Перечисленные выше характеристики субкультуры: поведение, артефакты, верования, тексты — можно рассматривать как знаковые системы, поскольку имеются в виду не

¹⁶ Holland, D., Univ. of North Carolina (rev.). *Feminism and Youth culture: Jackie to Just Seventeen* by Angela McRobbie. Boston: Unwin Hyman, 1991 // *American Journal of Sociology*. P. 180.

сами по себе вещи, идеи или действия, но те, которые значимы (получают значение, интерпретируются) в рамках данной субкультуры. Они прочитываются как символы ее основных ценностей и норм, участвуя, таким образом, в организации повседневных взаимодействий. Следовательно, субкультура предстает и может быть описана, как процесс функционирования нескольких культурных кодов: вербального (сленг, тексты), предметного, телесного (в том числе актуального: значимые действия, жесты; соматического — символика тела, его облика, включая прическу, макияж, пирсинг, гигиенические требования; положений и состояний, функций — боли, сексуальности и т. д.), пространственного и временного. С этой точки зрения субкультуру можно определить как процесс придания/считывания значений: интерпретации определенных фрагментов реальности как «своих» для данной среды символов.

Таким образом, в рамках семиотического подхода субкультуру можно определить как знаковую систему (или совокупность культурных кодов), разделяемую в определенном сегменте общества.

Субкультура и социальная общность

Соотношение между субкультурой и социальной системой следует судить особо. Само понятие появляется именно для определения культурного комплекса, разделяемого не всем обществом, а только его частью, на что указывает и префикс «суб-». Это может быть конкретная группа (например, молодежная банда в Чикаго или Казани) или множество групп; среда (например, среда бездомных, заключенных или профессионалов-медиков); сегмент общества, выделенный по социодемографическим признакам (так, говорят о субкультуре молодежи, молодых матерей или среднего класса). Социальная общность рассматривается как порождающая среда субкультуры, среда ее бытования, обеспечивающая ее воспроизводство и трансляцию. Если рассматривать субкультуру как знаковую систему, то социальная общность обеспечивает каналы коммуникации, по которым циркулируют ее знаки и символы. Они тесно взаимосвязаны, но не могут отождествляться.

В конце 1970-х концепция субкультуры подвергается критике на страницах социологических журналов. Критике подвергается, прежде всего, наблюдавшаяся во многих работах тенденция отождествлять субкультуру и некоторый сегмент общества (*subsociety*), определенный по структурно-демографическим признакам (например, молодежь) или как реально су-

щество (банда). Уже упоминавшиеся выше Г.А. Файн и Ш. Клейнман приводят характерный пример такой путаницы — когда говорят, что человек может «вступить» в субкультуру (подобная путаница, надо отметить, весьма характерна для российской социологической литературы конца 1980 — 1990х гг.). Между тем, авторы подчеркивают, что возможно различие между теми, кто состоит в сообществе, и теми, кто принимает ценности и поведение, характерные для субкультуры. В особенности это относится к общности, определяемой по структурным характеристикам, например, уровню дохода, полу или возрасту: «В случае молодежи, например, кажется неадекватным оперировать с широким кругом систем представлений (и субкультур) в рамках этой возрастной группы посредством концепции одной демографически определенной субкультуры»¹⁷. Таким образом, подчеркивается разграничение между субкультурой (как разделяемыми нормами, ценностями, представлениями) и сообществом ее носителей.

Говоря о субкультуре, важно различать ее содержание — разделяемую информацию (символику, атрибутику, тексты, представления и ценности) — и социальное образование, являющееся ее носителем (сообщество, группу сообществ, некоторый сегмент общества). Речь идет о двух уровнях изучения субкультур: информационном (а поскольку информация в человеческом обществе неизбежно транслируется в знаковой форме, то знаковым) и социальном.

В этих же двух направлениях (изучение знаковых систем и социальных референтов субкультур) развивалась и исследовательская традиция.

В рамках социологических исследований субкультуры рассматриваются с точки зрения их функционирования в обществе. В центре внимания оказывается не столько сама субкультура (т. е. информация, знаковые системы, культурные коды и т. п.), сколько ее прагматика — в основном, социальные функции. Эти функции проявляются на разных уровнях социальной структуры: микроуровне (отдельного сообщества), уровне межгрупповых отношений и макроуровне — с контексте социальных процессов, структур, переменных (возраст, раса, класс, гендер), значимых для общества в целом.

1. Микросоциологические исследования проводятся методом case study (исследования случая), характерным для этнографической традиции. Здесь наиболее очевидная функция субкультуры — маркирование границ. Провокативные черты дискурса, характерные для детской и молодежной

¹⁷ Fine, G. A., Kleinman, Sh. Op.cit. P. 3.

культур, рассматриваются британскими антропологами как средство, позволяющее очертить пространство, населенное только юными; одежда и прически в некоторых женских группах Южного Лондона также являются маркерами их границ¹⁸. Надо заметить, что концепция культурно обозначенных границ наиболее разработана в антропологической традиции; использовавшаяся для описания межэтнических процессов, она теперь переносится в область изучения молодежной и других субкультур.

Еще одна функция субкультуры, заметная на уровне сообщества, — поддержание и выражение групповой идентичности. Например, панки — те, кто слушает/играет/любит панк-рок. Самоназвание «панк» означает самоидентификацию с другими «такими же» (т. е. социальной общностью панков) через определенное направление современной музыки, которое становится общим (разделяемым) символом. Идентифицирующим символом могут служить повседневные практики (захват пустующих помещений у сквоттеров, автостоп и вообще бродяжничество у хиппи), элементы внешнего облика (длинные волосы у хиппи, бритые головы скинхэдов), способы проведения досуга (ролевые игры в российском движении ролеви́ков, интерес к футболу у футбольных фанатов), хобби (реконструкции), иногда переходящее в основу образа жизни (неоязычники, индустриалисты), политические идеи и т. п. Субкультура предоставляет средства самопрезентации, которые служат выражением такого рода идентичности и указывают на принадлежность к соответствующей общности. Средствами самопрезентации могут служить особенности внешнего облика (прическа, стиль одежды и украшений, оформление жилища), появление в определенных местах (в пивных, где собираются бритоголовые, на трассе, в «фанатском» секторе стадиона и т. д.).

Субкультурная символика выполняет в сообществах и стратифицирующую функцию. Сара Торнтон в своей книге о клубных культурах в Британии (танцевальных клубах, где собираются поклонники того или иного музыкального стиля) развивает концепцию «субкультурного капитала» (ссылаясь на П. Бурдьё), рассматривая тексты и стили с точки зрения того, как они используются в социальной жизни подростков, т. е. с точки зрения прагматики. Музыкальные и артистические способности, оппозиционность мейнстриму в субкультурной среде расцениваются как достижения и становятся средствами, с помощью которых можно получить определен-

¹⁸ Stephenson, R.A. Cross-cultural Studies of Contemporary Youth (book review)// Current Anthropology, Vol. 39, No. 1, February 1998. P. 181.

ные преимущества, повысить статус. Вкус и оппозиционные заявления со стороны ди-джеев и завсегдатаев клубов С.Торнтон рассматривает скорее как средства ранжирования и конструирования иерархии, чем политического протеста¹⁹.

Прагматический анализ субкультурной символики на российском материале был предпринят в работе Т. Б. Щепанской (1993). Объектом исследования стала Система — сообщество, испытавшее влияние ряда субкультур (хиппи, панк, металл и др.). Это пример *case study* — исследования конкретного сообщества путем включенного наблюдения в период 1986 — 1989 гг. в аспекте их социальной прагматики — роли в организации социальных отношений: лидерства и следования за лидером, установления влияния и иерархии, сценария и разрешении конфликта²⁰.

2. Уровень межгрупповой коммуникации также может рассматриваться в связи с исследованием субкультур. Г. А. Файн и Ш. Клейнман определяют субкультуры в интеракционистском ключе. Если субкультура предполагает наличие разделяемой информации, закрытой для аутсайдеров, то это должно означать и наличие коммуникаций, конкретных взаимодействий, которые обеспечивают диффузию информации. Социальную базу субкультуры нельзя отождествлять с одной конкретной группой и, соответственно, переносить данные исследования одной группы на другие, схожие с нею по структурным или демографическим признакам. Чтобы утверждать, что несколько групп являются носителями одной и той же субкультуры, следует установить, существует ли в действительности между ними обмен информацией.

Авторы определяют два признака — индикатора существования субкультуры:

- 1) факт существования коммуникации в рамках определенного сегмента общества (между отдельными группами);
- 2) то обстоятельство, что люди, принадлежащие к этому сегменту, разделяют общую идентификацию.

Исходя из замечания Шибутани, что культурные ареалы ограничены коммуникативными каналами, формулируется интеракционистский взгляд на субкультуру, который «локализует культуру во взаимосвязанных группах» (С. 8–9). Отсюда вытекает программа исследования, ориентиро-

¹⁹ Thornton, Sarah. Club Cultures: Music, Media and Subcultural Capital. Hanover, NH: Wesleyan University Press, 1996.

²⁰ Щепанская Т. Б. Символика молодежной субкультуры: Опыт этнографического исследования системы: 1986–1989 гг. СПб: Наука, 1993.

ванная на формы межгрупповых коммуникаций, средства, обеспечивающие диффузию информации между отдельными группами, формирование сферы общего доступа к закрытой для других информации — т. е. то, что и понималось под субкультурой²¹.

Исходя из этой модели, исследователи утверждают, что субкультуры формируются на основе групповых культур. «Культурные формы создаются посредством индивидуальной или коллективной манипуляции символами», преимущественно на уровне внутригруппового общения, а затем распространяются во взаимодействующих группах. Если они распространяются через масс-медиа, то становятся доступны более широкой аудитории; после этого может происходить дополнительная диффузия через каналы межличностного общения. Иллюстрацией этой модели может быть пример движения «Митьков», получившее распространение в среде российской молодежи (в основном, в Санкт-Петербурге) в конце 1980-х — 1990-х гг. Формировалось оно вначале как групповая культура — вокруг знаковой фигуры художника Дм. Шагина и А. Флоренского, которые зафиксировали групповые стереотипы поведения, фольклор и сленг в рукописных книжках, иллюстрированных в характерном стиле. Затем «митьковский» стиль жизни получил распространение в питерском андеграунде, как одна из форм репрезентации анархистских и русской национальной идеологий. Вскоре, впрочем, движение пошло на убыль, сами художники-митьки стали достаточно преуспевающими взрослыми людьми, а их рукописные книжки публикуются в официальных издательствах. Последнее обстоятельство несколько снизило их статус в среде андеграунда, хотя и способствует возникновению время от времени всплесков интереса к теме и творчеству митьков в разных сообществах.

3. На макроуровне субкультуры рассматриваются в контексте процессов распределения власти, раскрытия форм эксплуатации и сопротивления. В особенности это характерно для исследователей левой ориентации, близких к Бирмингемскому Центру Современных Культурных исследований (CCCS — Centre for Contemporary Cultural Studies). Субкультура в трудах этой школы описывается в терминах стиля, идентичности и создания значений.

Широкую известность получила книга Дика Хебдиджа (связанного с этим Центром на протяжении ряда лет) «Субкультура: значение стиля» (1979)²² — исследование стилистических особенностей ряда британских

²¹ Fine, G. A., Kleinman, Sh. Op. cit.

²² Hebdige D. Subculture: the Meaning of Style. L.: Methuen, 1979.

молодежных субкультур (панка, рэгги, тедов, рокегов, скинхэдов и др.). Д. Хебдидж анализирует стили одежды, музыки, речи с точки зрения того, как они обеспечивают идентификацию разделяющих их групп. Отчасти под влиянием марксистской теории идеологии (ее связи с классом) стиль молодежных сообществ интерпретируется как репрезентация образа жизни определенных классов — среды происхождения или среды-ориентира. Например, одежда скинхэдов рассматривается как стилизованная репрезентация их «рабочих-отцов»; стиль растафари — апелляция к утопическому образу Эфиопии. В обоих случаях стиль служит формой демонстрации оппозиции по отношению к доминирующей культурной модели за счет символической идентификации с другими культурами (рабочего класса, иноэтничной и т. д.). Рецензенты (напр., Брайан Тороре) подчеркивали как важнейшее достижение этой книги постановку вопроса об отношениях между стилем и субкультурой и создание теоретической базы для объединения социологического и семиотического подходов²³. Впрочем, эта задача до сих пор до конца не разрешена и актуальна. Спустя почти два десятилетия Сара Торнтон (1996) вновь призывает исследователей субкультур переходить от «чтения» текста и стиля к пониманию того, как они используются в социальной жизни подростков.

Британским молодежным субкультурам посвящена и написанная группой социологов книга «Сопротивление через ритуал: молодежные субкультуры в послевоенной Британии» (1976)²⁴. Рассматривая субкультуры молодежи из рабочего класса (теды, моды, скинхэды, наркоманы, а также коммуны и другие группы), авторы статей описывают их установки, стили и формы активности как символические модели оппозиции доминантной культуре. Опираясь на марксистскую объяснительную модель, исследователи полагают, что движущей силой, определяющей эти культурные формации, служат материальные интересы, а субкультуры рассматриваются, как средство перевести проблематику, обусловленную классовой позицией, в символические формы. Субкультуры позволяют символически противостоять принятию доминирующей культуры, с ее определением норм правильного поведения и вместе с тем — представлений о правильном распределении экономических ресурсов и возможностей. Такое реше-

²³ Torode B. Subculture: The Meaning of Style, by Dick Hebdige (book review)// Contemporary Sociology, Nov. 1981, Vol. 10, No. 6. P. 856–857.

²⁴ Resistance through rituals: Youth subcultures in post-war Britain/Eds. S. Hall and T. Jefferson. N.Y.: Holmes & Meier, 1976.

ние классовых проблем в книге определяется как «магическое», поскольку оно не ведет к эффективным формам политического действия²⁵.

Концепция субкультуры как формы сопротивления базируется на понимании доминирующей культуры как средства осуществления властных отношений. В этой системе представлений молодежь (в первую очередь — выходцы из рабочего класса, которым в работах Бирмингемского центра уделяется основное внимание) предстает как эксплуатируемая группа, причем в процессе социализации она ощущает давление как институциональных (публичных) форм власти, так и родительского контроля. Доминирующая культура рассматривается как средство воспроизводства/легитимации распределения власти (где молодежь удерживается в подвластной позиции). Процесс социализации молодежи означает поглощение ее этой культурой, в результате которого она должна принять идеи доминирующих групп о должном распределении экономических ресурсов. Соответственно, сопротивление власти достигается за счет отказа от принятия доминирующей культуры — формирования альтернативных субкультур. Заметим, что логика этой схемы диктует особое внимание к делинквентным, экзотическим и вызывающим субкультурам, стилю жизни подавляемых этнических, расовых групп, классов и низших слоев общества.

Еще одно направление исследования молодежных субкультур в терминах эксплуатации/сопротивления связано с исследованиями средств массовой коммуникации (масс-медиа). Как в 1970-х, так и в работах 1990–2000-х гг. воспроизводится представление о молодежи как группе, являющейся объектом эксплуатации со стороны культурной индустрии. Предполагается, что через масс-медиа корпорации стремятся сформировать ее досуговую деятельность и потребительские модели²⁶. Соответственно, субкультуры, обеспечивая альтернативное культурное производство и системы потребления, являются средствами ухода от влияния, из сферы действия власти крупных корпораций. Культурное размежевание оборачивается политико-экономическим²⁷. В русле подобных рассуждений вновь

²⁵ Анализ проблематики символического сопротивления в этой книге см.: Schwartz, Gary (book review). Resistance through rituals: Youth subcultures in post-war Britain/Eds. S. Hall and T. Jefferson //American Journal of Sociology: Vol. 84, No. 3. P. 789–790.

²⁶ Willis, P., S. Jons, J. Canaan & G. Hurd. Common Culture: Symbolic Work at Play in the Everyday Cultures of the Young. Boulder: Westview Press, 1991.

²⁷ Ryan B. Making from the culture. The corporate form of capitalist culture production. Berlin, N.Y.: Walter de Gruyter, 1992.

актуализируется понятие контркультуры — именно в смысле альтернативной (по отношению к медиа-индустрии) форме культурного производства²⁸. Пример такого рода сопротивления — культура DIY (*Do It Yourself* — Сделай Это Сам) получившая распространение в среде панков. Принцип DIY означает отказ сотрудничать с крупными корпорациями, прежде всего, в культурном производстве и потреблении, установку на использование самодельной продукции — от одежды и пищи до музыкальных инструментов и звукозаписи. На практике это оборачивается возникновением в панк-среде небольших студий звукозаписи, мини-типографий, выпускающих самодельные журналы — «фэнзины», которые распространяются в среде «фэнов» — по сетям знакомых, слушающих те или иные панк-группы. Все это составляет основу инфраструктуры панка, обеспечивающей проведение выступлений, продвижение панк-групп — производство и потребление их культурной продукции формируется вместе с самой средой потребителей (многие из которых одновременно и производители). Такое производство не дает прибыли и не направлено на ее получение, но обеспечивает функционирование социокультурной среды своих потребителей-производителей²⁹. Анализ панк DIY-культуры³⁰ на отечественном (российском) материале предпринят был Ольгой Аксютиной в ее кандидатской диссертации (2004 г.).

Интерпретация молодежных субкультур как форм сопротивления подвергается некоторому сомнению в работе Сары Торнтон о клубных культурах. Она считает, что теоретики субкультур склонны преувеличивать их оппозиционность, принимая радикальные заявления активистов за чистую монету. С. Торнтон выдвигает альтернативные интерпретации прагматики радикальных заявлений. С одной стороны, они могут быть использованы как символический капитал для повышения авторитета внутри своего сообщества. С другой стороны, Торнтон обращает внимание на роль масс-медиа в конструировании вызывающего образа субкультур³¹.

²⁸ Best B. Over-the-counter-culture: Rethorizing resistance in popular culture// The clubculture reader: Readings in popular cultural studies/Eds. S. Redhead with D. Wynne & J. O'Connor. London: Blackwel, 1998. P. 18–35. Desmond J., McDonagh P., O'Donohoe S. Counter-culture and consumer society//Consumption, markets and culture/Eds. A. Fuat Firat and A. Venkatesh. 2000. Vol. 4. №3. P. 241–273.

²⁹ Duncombe S. Notes from underground: Zines and politics of alternative culture. L.: Verso, 1997.

³⁰ Аксютинина О. Панк-вирус в России (сборник интервью). М.: Леан, 1999.

³¹ Thornton, Sarah. Club Cultures: Music, Media and Subcultural Capital. Hanover, NH: Wesleyan University Press, 1996. P. 129.

После пика в 1970-х популярность понятия снижается, хотя продолжает выходить периодический сборник «The Subculture Reader», где публикуются современные исследования и воспроизводятся тексты 1970-х³². Однако, в заглавии «The post-subcultures reader» (2003)³³ заметно уже несколько дистанцированное восприятие этой концепции.

В отечественной традиции понятие субкультуры стало активно использоваться начиная с середины 1980-х, вначале по отношению к молодежной среде и до сих пор остается популярным инструментом ее исследования³⁴. В терминах субкультур публикуются этнографические описания отдельных молодежных сообществ, повседневных практик³⁵, семиотические исследования знаковых систем³⁶. В 1990-х гг. понятие субкультуры переносится на исследование других сред, например, профессиональных³⁷. Первоначально популярное в большей мере у социологов, меньше — этнографов, оно находит применение и в исследованиях современного городского фольклора, в рамках которого обнаруживаются комплексы текстов, сгруппированные по субкультурному признаку³⁸. Обращение к субкультурной методологии сделало видимыми и позволило обнаружить жанровые комплексы — пласты городского фольклора, обычно остающиеся закрытыми, поскольку имеют хождение только в рамках определенных

³² См., например: Clark J., Hall S., Jefferson T., Roberts B. Subcultures, cultures and class (1975) // The Subculture Reader/ Eds. K. Gelder and S. Thornton. London, New York: Routledge, 1997.

³³ The post-subcultures reader/Eds. D. Muggleton and R. Weinzierl. Oxford: Berg Publishers, 2003.

³⁴ Субкультурные объединения молодежи. М., 1987; Омельченко Е. Указ. соч. (2000).

³⁵ Молодежный Петербург: Движения, организации, субкультуры /РАН, ин-т социологии, Санкт-Петербургский филиал, СПб. Гос. Ун-т, ф-т социологии: (Опыт социологического описания). СПб, 1997; Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга // Отв.ред. В. В. Костюшев. СПб.: Норма, 1999; Щепанская Т. Б. Процессы ритуализации в молодежной субкультуре // СЭ. 1988. № 5. С. 15–25.

³⁶ Щепанская Т. Б. Символика... (1993); Ее же. Имена социального (функциональный анализ поверий об энергии) // Этносы и этнические процессы : Сб. памяти Р. Ф. Итса. СПб, 1993. С. 329–341.

³⁷ Художественная жизнь современного общества. Т. 1. Субкультуры и этносы в художественной жизни. Отв. ред. К. Б. Соколов. СПб., 1996.

³⁸ Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. — около половины объема книги, 320 страниц, посвящено текстам и традициям молодежных сообществ, прихрамовой среды, туристов, парашютистов, программистов, солдат срочной службы, заключенных и др.

социокультурных сред (профессиональных, дружеских, половозрастных, локальных сообществ).

Субкультуры как знаковые системы

Собственно семиотический анализ молодежной культуры получил меньшее распространение, чем социологический. Хотя именно знаковые аспекты субкультур, такие как стиль, символика, тексты, ритуалы — в 1990–2000-е гг. обсуждаются как главные их характеристики, однако их исследование концентрируется в основном в области социального функционирования. Можно назвать немного работ, где объектом изучения стали бы собственно знаковые системы — используемые культурные коды, закономерности их организации и интерпретации.

В. Тэрнер в работе «Ритуальный процесс: структура и антиструктура» (1974)³⁹ рассматривает символику и идеологию хиппи в ряду ритуально-мифологических систем, связанных с манифестацией лиминального (переходного, от лат. *limen* — порог) состояния. В своем определении этого состояния он опирается на описание «лиминальной фазы» обрядов перехода у Арнольда ван Геннепа⁴⁰. Сценарий обрядов перехода делится на три фазы: первая моделирует начальное состояние, третья — конечное, а в промежутке между ними — лиминальное, т. е. промежуточное положение, у которого нет свойств, которое определяется как отсутствие, неопределенность, небытие, нередко символизируется как «смерть». Рассматривая черты, характерные для лиминального состояния, В. Тэрнер обнаруживает их в тех областях социальной жизни, где существует разрыв структуры — маргинальных или периферийных, пограничных, т. е. там, где четко не определена социальная позиция (маргиналы) или сам факт принадлежности к обществу (социальная периферия: низшие слои, этнические и все, кто маркирован как «иные»). В этом ряду он и исследует общины хиппи, видя в них представителей юношеских возрастных групп, не прошедших обычных для их (доминирующей в их обществе) культуры

³⁹ Тэрнер В. Ритуальный процесс. Структура и антиструктура. Перевод В. А. Бейлиса // Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Главная редакция восточной литературы издательства Наука, 1983. С. 104–230.

⁴⁰ Обряды перехода (*rites de passage*) — это обряды, сопровождающие перемену места, состояния, социальной позиции или возраста. См.: В. Тэрнер. Указ. соч. С. 168; Арнольд ван Геннеп. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002.

обрядов перехода и тем самым выпавших из статусной структуры. В образе жизни хиппи В. Тэрнер обнаруживает характерные черты лиминальной символики «сакрального аутсайдерства»: хиппи, как и другие лиминальные существа, «обрели клеймо подонков, одевающихся как бродяги, с привычками скитальцев». Сакральные свойства, приписываемые находящимся в лиминальной фазе обрядов перехода, с избытком демонстрируют и хиппи, с их использованием религиозной терминологии, интересом к религии (дзэн-буддизму в особенности) и активном участии в распространившихся в немалой степени благодаря им новых религиозных движениях. Лиминальность объясняет и частое использование символики смерти, и эксперименты с изменением, расширением сознания, преодолением границ своего «я» посредством наркотиков, психоделической музыки или религиозных медитаций. Практически весь комплекс символов, которые В. Тэрнер описывает как репрезентации лиминального состояния, обнаруживаются у хиппи⁴¹. Таким образом, он объясняет тип символики, используемой хиппи, выбор культурных кодов их промежуточным положением в социальной структуре. Точнее, реконструирует их промежуточное положение, основываясь на особенностях символики.

Другое объяснение «словаря» субкультурной символики — структурно-функциональное и связывает выбор символов субкультуры с их функцией отграничения от аутсайдеров (Т. Б. Щепанская, 1993). В соответствии с этой моделью, символика формирующейся субкультуры первоначально возникает как средство обозначения границ и тем самым их стабилизации (ср. выше определение субкультуры у Смелзера). Соответственно, символами «своих» становятся те вещи, практики или тексты, которые эффективно отличают от (а) доминирующей культуры (поскольку это субкультура, она должна выделиться из окружения) и (б) других субкультур, которые также используют символику отграничения от доминирующей модели. Особенно эффективным должно быть символическое отграничение от субкультур, действующих в близкой социальной среде⁴². Поскольку же доминирующая культура стремится определить — обозначить существующие социальные позиции, то субкультура, чтобы подчеркнуть контраст, вынуждена использовать символику неопределенности. В рамках этой модели символы неопределенности статуса не всегда свидетельствуют о действи-

⁴¹ В. Тэрнер. Указ. соч. С. 170–185.

⁴² Щепанская Т. Б. Символика молодежной субкультуры: Опыт этнографического исследования системы (1986–1989 гг.). СПб.: Наука, 1993. С. 51–76.

тельно маргинальном положении носителей данной субкультуры. Их использование может быть обусловлено закономерностями самих знаковых систем (бинарные оппозиции как свойство знаковых структур).

В интерпретации Дика Хебдиджа атрибутика молодежных движений объясняется, как средство символической идентификации с определенными социальными группами — классовыми (скинхэды — рабочий класс), этническими, расовыми или религиозными (растаманы — мифологизированная Эфиопия как утопия). Однако и он подчеркивает основной смысл этих идентификаций — противопоставление символическому образу доминирующей (в данном случае, Британской) культуры.

Концепция субкультуры основана на нескольких постулатах. Во-первых, на представлении о внутренней дифференциации культуры, в то же время продолжающей существовать как интегрированное целое. Культура как целостная система включает в себя ряд подсистем — субкультур, которые мыслятся как относительно замкнутые, автономные, и в то же время интегрированные в основную культуру. Во-вторых, под культурой, частью которой являются субкультуры, понималась обычно национальная, т. е. культура, существующая в границах национального государства. Это понятие, и так относительное и трудноопределимое, становится совсем зыбким в период глобализации.

Молодежные культуры: матрица описания

В наши дни речь чаще идет уже не о субкультурах, а о культурах молодежи. В основе такого словоупотребления лежит представление не столько о дифференциации одной культуры, сколько о множественности культур, способных сосуществовать как в рамках одного общества (границ государства), так и вне их — как транснациональные или глобальные. Соответственно, понятие субкультуры теряет значение и все более явно замещается в публикациях понятием «молодежной культуры», что характерно для работ, вышедших в 1990–2000-е гг.⁴³

Молодежные культуры остаются излюбленным предметом полевых исследований. Однако, исследователи, собирая уникальный полевой материал, как правило, концентрируются на социальных либо знаковых аспектах,

⁴³ Grossberg L. The political status of youth and youth culture// Adolescent and their music: If it's too loud, you're too old. /Ed. J. S. Epstein. N.Y.; L.: Garland, 1994. P. 25–46; Cool Places. Geographies of Youth Cultures //Ed. By Tracey Skelton and Gill Valentine. London, 1997.

редко соотнося их друг с другом. Это особенно характерно для российской науки, где исследования субкультур резко разделяются на социологические и этнографические/фольклористические. В первом случае в фокусе внимания — отношения (лидерство, конфликты, формы организации сообществ), во втором — символика поведения (ритуалы) и вещей (атрибутика), тексты (фольклор) и сленг. Чтобы сделать возможным сопоставление их результатов в междисциплинарном контексте, имеет смысл организовать полевое исследование так, чтобы охватить и те и другие аспекты, т. е. и знаковые системы, и их функционирование в контексте социальных отношений.

Предлагаемая нами матрица полевого описания (суб)культуры основана на модели культуры как коммуникативной системы (см.: С. А. Арутюнов, 1987)⁴⁴. В ее рамках видимы как социальные аспекты культуры, так и знаковые: знаковые системы рассматриваются как средства коммуникации (символы — как маркированные оболочки, позволяющие опознать «свою» информацию и отделить ее от «чужой»). При описании знаковой системы целесообразно обращать внимание на функционирование вербальных и невербальных систем коммуникаций.

Социальная среда — типы и структуры связей, сценарии взаимодействий — описывается как система, обеспечивающая каналы коммуникации, по которым информация, маркированная как «своя», проходит с большей легкостью, чем другая. Информация, считываемая с символов, реализуется в повседневном поведении, тем самым поддерживая сложившуюся структуру коммуникаций (отношений, связей — т. е. структуру сообществ в среде — носители субкультуры).

Культура моделируется в виде двухуровневой системы, где оба уровня: знаковый и социальный — взаимообусловлены. Отношения между ними рассматриваем как отношения моделирования/реализации (считывания информации с модели). Субкультура как знаковая система рассматривается как моделирующая социальные отношения, а повседневная жизнь в среде ее носителей — как процесс и результат считывания и реализации этой модели. Ясно, что в процессе реализации происходят нарушения, ошибки, поэтому полного соответствия между моделью и повседневной жизнью трудно ожидать. Наблюдая повседневность, мы не просто фиксируем все происходящее, а ищем те практики, тексты, символы, которые

⁴⁴ Арутюнов С. А. Народы и культуры : Развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 17–19. С. А. Арутюнов развивает понимание культуры как коммуникативной системы в применении к этносу.

наиболее точно воспроизводят модель — воспринимаемые как образцы, с которыми носители культуры соотносят повседневную деятельность. С другой стороны, изменения, происходящие на уровне повседневности, если они повторяются, способны оказать обратное действие на моделирующие структуры, изменяя их. Среда отказывается от определенных образцов и формирует новые; забывает старые символы или перекодирует, придавая им новые значения.

В целом матрица, на основе которой можно составлять программу полевого исследования (суб)культур, может быть представлена так:

Знаковая система — культурные коды:

- вербальный (речевые жанры — фольклор, сленг);
- невербальные (пространственный, временной, телесный, предметный...)

Социальная среда — каналы коммуникации:

- типы межличностных отношений (в том числе гендерных)
- структуры сообществ
- система статусов
- нормы и сценарии взаимодействия
- системы коммуникаций (внутри- и межгрупповые, локальные, транслокальные)

Эту модель следует воспринимать как открытую и способную к расширению.

Молодежные культуры в контексте современных культурных исследований

Тематика молодежных культур в наши дни сопрягается с другими актуальными направлениями, от гендерных исследований до изучения проблем глобализации.

В 1991 г. выходит сборник статей Анжелы Мак-Робби «Феминизм и молодежная культура»⁴⁵. Автор, сотрудничавшая с Бирмингемским CCCS, обратила внимание своих коллег на центральную роль гендерных отношений в функционировании молодежных культур — и в то же время на «отсутствие» девушек и молодых женщин в работах о субкультурах. В этнографии и культурной антропологии подобная тема — непредставленности женщин — об-

⁴⁵ McRobbie, Angela. *Feminism & Youth Culture: From Jackie to Just Seventeen*. Boston: Unwin Hyman, 1991.

суждалась в 1970-х гг.⁴⁶ В 1990-е гг. этот пробел восполняет целый ряд работ по гендерной проблематике, в том числе и на материале молодежных культур современной России: отечественные и зарубежные исследователи анализируют гендерные отношения в молодежных бандах, сообществах хиппи, участников движения ролевых игр и этнической реконструкции (индеанистов)⁴⁷.

В рамках культурной антропологии развиваются сравнительные исследования молодежных культур в кросс-культурной перспективе⁴⁸, т. е. они становятся в один ряд с традиционно рассматривавшимися в этом ключе этническими культурами. Любопытно отметить, что, в то время как в социологии изучение молодежи имеет уже длительную традицию, в антропологических изданиях о молодежи (как и о детях) все еще говорят как о «Молчащих других»⁴⁹, имея в виду слабую представленность точки зрения этих возрастных групп.

Актуальной остается проблема взаимоотношений молодежных сообществ (в том числе воображаемых, основанных на символической идентификации) и масс-медиа. Последователи Бирмингемской школы используют для их описания термины: *popular culture* — популярная культура, под которой понимается культура повседневной жизни, создаваемая самим народом, преимущественно рабочими; и медиа- или массовая культура, транслируемая через масс-медиа. При этом «популярная культура» повседневности (не нужно путать с «поп-культурой») является источником сопротивления рыночно-товарному духу продукции культурной индустрии⁵⁰.

⁴⁶ Ardener, E. *Belief and the Problem of Women*// *Perceiving Women*. London: Dent, 1975. P. 1–17.

⁴⁷ Pilkington, H. (ed.) *Gender, Generation and Identity in Contemporary Russia*. London, New York: Routledge, 1996; См. также: Chris Corrin (ed). *Gender and Identity in Central and Eastern Europe*. London: Frank Cass, 1999; Sarah Ashwin (ed). *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. London: Routledge, 2000; Щепанская Т. Б. Женщина, группа, символ (на материалах молодежной субкультуры) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб, 1991. С. 17–28; Мифология и повседневность: Гендерный проект в антропологических дисциплинах. Мат-лы науч.конф. 19–21 февраля 2001 г. СПб., 2001; Эльфы и скво: траектории гендерной социализации в молодежных субкультурах // Язык — гендер — традиция: мат-лы межд. Науч. Конф. 25–27 апреля 2002 г. С. 166–177.

⁴⁸ *Comparative youth culture*. London, New York: Routledge, 1985; *Youth Cultures: A Cross Cultural Perspective*. Ed. By Vered Amit-Talai and Helena Wulff. London & New York: Routledge, 1995.

⁴⁹ *Youth Cultures...*, Chapter 2.

⁵⁰ Willis, P., S. Jons, J. Canaan & G. Hurd. *Common Culture: Symbolic Work at Play in the Everyday Cultures of the Young*. Boulder: Westview Press, 1991.

Влияние масс-медиа не сводится к попыткам сформировать досуг молодежи, а молодежная культура — не только форма сопротивления этим попыткам. С. К. Уоткинс описывает случай поглощения культурой корпораций хип-хоп культуры, когда был осознан ее коммерческий потенциал. Результатом этого превращения из протестной в коммерческую стала инверсия многих тем, характерных для хип-хоп культуры (культурной реконструкции, духовности)⁵¹. Как С. Торнтон, так и А. Мак-Робби обращают внимание на значительную роль масс-медиа в формировании молодежных культур, в том числе их наиболее радикальных символов. Музыка или стиль, положительно воспринятые масс-медиа, транслируются ими — и тем самым утрачивают значимость в рамках молодежной культуры, переставая быть ее отличительными символами; зато моральная паника в популярных журналах или запрет на МТВ может быстро повысить авторитет произведения или автора в своей среде (С. Торнтон).

Глобальные культуры

В рамках социогуманитарных дисциплин все более ясно осознается необходимость переформулирования или, во всяком случае, пересмотра основных понятий в связи с трансформацией, которая происходит в настоящее время в самой социальной структуре. Речь идет о множестве взаимосвязанных процессов, которые получили название глобализации. Суть их может быть определена, во-первых, на уровне трансформации систем коммуникаций: как «сжатие мира», т. е. изменение системы пространственно-временных отношений. Во-вторых — на уровне трансформации сознания — интенсификации сознания мира как целого⁵². Процесс формирования общемирового поля — системы коммуникаций и сознания — реализуется как серия множественных взаимодействий между глобальным и локальным, когда глобальный контекст, как новые вызовы и возможности, вторгается в функционирование локальных систем, от национальных государств до единичных сообществ. Эти взаимодействия на-

⁵¹ Watkins, S.G. Representing: Hip Hop Culture and The Production of Black Cinema. Chicago: University of Chicago Press, 1998.

⁵² M. Albrow, J. Eade, J. Drirschmidt & N. Washbourne. The impact of globalization on sociological concepts: community, culture and milieu//Living the Global City. Globalization as a Local Process. Ed.by John Eade. London and New York: Routledge, 1997. PP. 20–37.

столько тесны, что Роланд Робертсон предлагает характеризовать происходящее словом «глокализация»⁵³.

М. Алброу, Дж.Эди с соавторами обсуждают необходимость пересмотреть понимание важнейших социологических концепций, таких как «сообщество», «среда (миле)» и «культура» в связи с трансформацией самой описываемой ими реальности.

Сообщество постепенно утрачивает свой локальный характер, т. е. связь с определенным локусом больше не является необходимой для функционирования социальной общности. Семейные связи могут поддерживаться через систему коммуникаций, охватывающую всю планету, так что родственники, живущие и работающие в разных ее концах, иногда говорят друг с другом чаще (во телефону, электронной почте или посещая друг друга), чем живущие в одном городе. Все большее значение придается исследованию воображаемых сообществ, основанных на сознании общности, а не физической (территориальной) близости проживания. Общие порядки и образцы могут транслироваться по глобальным сетям, порождая виртуальные сообщества, некоторые из которых охватывают всю планету. Наконец, даже собственно локальные солидарности нередко порождаются глобальными процессами, например, этнические меньшинства (скажем, землячество выходцев из Бангладеш в Лондонском Ист-энде) — процессами трудовой миграции⁵⁴.

Говоря о молодежных культурах, мы должны учитывать этот глобальный контекст, тем более, что он акцентируется в дискурсе многих из них. Например, панк едва ли может быть в наши дни адекватно описан в терминах субкультуры. Панки в разных странах на Европейском и Американском континентах ориентируются на одни и те же культурные образцы — слушают культовые в их среде музыкальные альбомы, ориентируются на знаковые фигуры, воспроизводят определенный музыкальный стиль и узнаваемый внешний облик. Панк-сообщества — музыкальные панк-группы и их поклонники (сцена) — существуют в определенных локальных контекстах (Москве, Берлине и т. д.); однако, наряду с этим, существует и сеть связей между ними, обеспечивающая регулярные взаимодействия, например, гастроли групп в разных странах и городах, запись музыкальных альбомов или участие в общих акциях (как ни парадоксально, зачастую антиглобалистских). Эти связи поддерживаются посредством сети интернет,

⁵³ R. Robertson. Globalization or glocalization? // Journal of International communication. 1994. Vol. 1 No. 1. PP. 33–52.

⁵⁴ M. Albrow, J. Eade, J. Drirschmidt & N. Washbourne. Op. cit. P.24.

практики автостопа, организации гастрольных поездок. Таким образом, социальную базу — среду распространения панк-культуры точнее всего определить как транснациональную сеть, объединяющую систему локальных (но активно странствующих) сообществ и виртуальное сообщество, существующее без прямых связей между собой, а только за счет ориентации на культурные образцы, транслируемые по глобальным сетям (например, через сайты в интернете). Эта структура способна стать глобальной, поскольку невосприимчива к локальным ограничениям. Панк-культура же может быть определена как одна из глобальных культур (или, во всяком случае, транснациональных, потенциально способных стать глобальными), не имеющих локальной привязки к какому-нибудь местоположению.

Надо сказать несколько слов об определении «глобальной культуры». Первоначально предполагалось, что развитие глобальных коммуникаций ведет к гомогенизации культуры, т. е. сложению единой глобальной культуры, постепенно вытесняющей различия, существующие между локальными (региональными, национальными) культурами. Реальность показала, что это упрощенная модель. Действительно формируются глобальные коммуникативные сети; некоторые из них стабилизируются. Однако одновременно развивается и система распределения информации, так что по глобальным сетям транслируется множество, а не один символический комплекс. Иными словами, на глобальном уровне также обнаруживаются различия. Это позволяет говорить не о глобальной культуре, а о глобальных культурах во множественном числе. Различия перестают быть только локальными, т. е. определяемыми территориальной дистанцией. Разные культуры, обретая транснациональную инфраструктуру, стремятся к глобальному распространению, диффузно сосуществуя в рамках одних и тех же местоположений. На примере молодежных культур подобные процессы наиболее заметны.

Действительно, большинство из тех явлений, которые до сих пор фигурируют в качестве «молодежных субкультур», реально становятся транснациональными. Примеры — хиппи и их современные последователи, панки, футбольные фанаты, скинхэды и реконструкторы (движение этноисторической реконструкции, набирающее силу преимущественно в Европе и России). Наблюдателю, остающемуся в рамках государственных границ, они представляются субкультурами, поскольку в поле его зрения оказываются, как правило, локальные сообщества или группы взаимодействующих сообществ, символически отделяющие себя от большинства населения. Однако реально надо учитывать, что свои символы эти сообщества разделяют с другими, находящимися в разных точках мира. Между

ними существуют реальные коммуникации — сетевые связи и синхронизация через общие культурные образцы. Следовательно, то, что местному исследователю представляется субкультурой (например, российские панки или скинхэды) может быть описано зачастую как проекция транснациональных/глобальных культур в локальный контекст. Отсюда необходимость учитывать в ходе полевых исследований конкретных сообществ не только их межгрупповые связи на локальном уровне, но и транснациональный или глобальный контекст, в том числе:

- сетевые связи;
- общие культурные образцы;
- формы самопрезентации, ориентированные на глобальную аудиторию (или выходящую за рамки локальной).

Итак, мы предлагаем модель, в рамках которой молодежные культуры могут быть представлены как в локальном, так и в глобальном (или транснациональном) контексте. При этом проявления глобальной культуры на локальном (региональном, национальном) уровне воспринимаются как субкультуры, т. е. субкультуры зачастую являются проекциями в местном контексте глобальных культур.

Деконструкция «культур»: символы, практики, идентичности

Некоторые исследователи настаивают на переопределении и самого понятия культура. Главным объектом критики становится представление о целостности, интегративной природе культуры, т. е., во-первых, понимание ее как целостного образа жизни, определяющего все его стороны, и, во-вторых, — как интегрированного целого, несмотря на внутреннюю дифференциацию — множество субкультур, — объединяющую все их в единое целое. Дик Хебдидж проводит различие между массовой культурой, транслируемой через масс-медиа, и популярной культурой, создаваемой в результате повседневных практик, в рамках которой функционируют, в частности, и молодежные культуры. Ряд исследователей склонны сводить значение термина «культура» к пустому ярлыку, «поскольку он ничего не добавляет к анализу, который полностью адекватно проводится в терминах идей значения, символизма, символических форм и посредством соотнесения этих концепций с социальными контекстами»⁵⁵; пред-

⁵⁵ Там же. С. 27–28.

метод исследования должны стать культурные феномены, определяемые как «символические формы в структурированных контекстах», соответственно, цель исследования — изучение «конституирования и социальной контекстуализации символических форм»⁵⁶. Заметим, что хотя заявление и кажется революционным, разрушающим привычный объект культурных исследований, суть его вполне традиционна: призыв совмещать исследование знаковых систем и их социальных контекстов. Подобные призывы неоднократно звучали и в работах 1970-х, 1990-х гг. Однако заслуживает обсуждения другой пункт: изучать отдельные символические формы, а не культуры как целостные комплексы таких форм. Так, Джон Томпсон призывает к разложению концепции культуры на отдельные компоненты — поскольку именно отдельные компоненты разных культур (например, этнических), попадая в глобальные сети, могут обособленно друг от друга транслироваться в процессе медиа-производства.

Транслируемые масс-медиа и распространяемые по глобальным компьютерным сетям культурные символы воспринимаются и молодежной средой. Пример — этнические символы: отдельные элементы ирландской, средневековой кельтской, скандинавской культур или культуры североамериканских индейцев — распространяясь по сети Интернет и Фидо, актуализируясь на международных фестивалях, выходят за рамки локального контекста. Они становятся основой, вокруг которой в разных странах формируются движения этнической и исторической реконструкции и неоязыческие объединения, складывающиеся в транснациональные сети.

Распространение определенного рода символов в молодежной среде может восприниматься как появление новой молодежной культуры. Так, среди молодежи в разных странах Европы пользуется популярностью символика (ритуалы, одежда, атрибутика, сюжеты) европейского средневековья, в особенности ассоциируемая с кельтами и викингами. На этой основе сформировалась транснациональная сеть, в которую входят отдельные кружки этнической и исторической реконструкции, группы ирландского танца (степа, кейли), кланы реконструкторов, клубы боевых искусств и т. д. Для некоторых из этих людей участие в практиках реконструкции — форма проведения досуга, для других — мелкий бизнес (например, изготовление сувениров); есть такие, для кого это стало основой идентичности. Но в то же время большое число людей усваивает символы

⁵⁶ Thompson E. P. *Ideology and Modern Culture: Critical Social Theory*; Кнабе Г. С. Феномен рока и контр-культура // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 39–61.

и романтику европейского средневековья просто как стиль, не становясь участниками каких-то групп, а только участвуя в фестивалях в качестве зрителей или потребителей изготовленных реконструкторами аксессуаров. Кого из них считать носителями этой «культуры»? То же относится и к культуре «панк» — кого считать панками: тех, кто играет панк-рок, для кого панк основа мироощущения? Кто просто слушает «панк» у себя дома? Кто покупает фэнзины и ходит в клубы, где играют панковские группы, составляя их постоянную аудиторию — «сцену»? Эти трудности снимаются, если принять точку зрения Томпсона, что следует изучать отдельные символические формы, складывающиеся на основе их сочетания комплексы — и социальные контексты, в которых они функционируют и которые порождают. Тогда не придется искать, а зачастую и конструировать объект — «субкультуру», предполагающую некую общность, с разделяемой в ее рамках символикой и практиками, со сложившейся на их основе идентичностью и т. п. — т. е. делать слишком много допущений и тем самым сужать сферу исследований до одного только типа сообществ, игнорируя другие.

Итак, современный взгляд на исследование молодежных культур предполагает:

- исследование культурных символов и знаковых систем, распространяющихся в молодежной среде;
- внимание к их социальному контексту: от отдельного сообщества — до сетевых структур и воображаемых сообществ, функционирующих в локальном, национальном и транснациональном масштабе, вплоть до глобального.

Мы объединяем знаковые (символика) и социо-регулятивные (нормы) аспекты понятия субкультуры, имея в виду изучить регулирующие поведение нормы в тех проявлениях, в каких они воспринимаются деятелями в реальном контексте повседневных взаимодействий. В реальности нормы являются через знаки и знаковые структуры, с помощью которых транслируются (тексты: правила, табу, культурные образцы и т. п.). На отечественном (русском) материале имеются полевые исследования этнографии и фольклора отдельных сообществ и феноменов молодежной культуры (таких, как рок или конструкции гендера)⁵⁷.

⁵⁷ См., например: Молодежный Петербург: Движения, организации, субкультуры / СПб.: РАН, Ин-т социологии, Санкт-Петербургский филиал; СПб. Гос. Ун-т, ф-т социологии: (Опыт социологического описания). СПб, 1997; Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга (социологический и антропологиче-

Внимание социологов и политологов привлекали культурные факторы молодежных общественных движений, а также роль субкультур в связи с проблемами девиантного поведения (экстремизма, наркомании), подростковой сексуальности, взаимоотношений с властью⁵⁸. Однако собственно семиотический анализ субкультур до сих пор не проводился сколько-нибудь систематически и последовательно. Тем более нет сравнительных исследований символично-нормативных комплексов различных субкультур, да и имеющиеся описания отдельных из них с трудом поддаются сопоставлению, поскольку сосредотачиваются на разных их аспектах и проявлениях.

ский анализ). /Ред. В. В. Костюшев. СПб.: Норма, 1999; Аксютин О. Пункт-вирус в России (сборник интервью). М.: Леан, 1999; Кнабе Г. С. Феномен рока и контркультура // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 39–61.

⁵⁸ Омельченко Е. От секса к гендеру? Анализ дискурсов сексуальности в российских молодежных журналах // Женщина не существует: современные исследования полового различия. Под ред. И. Аристарховой. Сыктывкар. Изд-во Сыктывкарского университета, 1999; Омельченко Е. Социокультурные аспекты подростковой девиантности. К вопросу о конструировании отношения к наркотикам в молодежной прессе). В сб. Преступность как угроза национальной безопасности. Под ред. А. И. Чучаева. Ульяновск, Изд-во УлГУ, 1998; Фадин А. В. Неформалы и власть // Вестник Академии наук СССР. М., 1989. № 10. С. 87–96.

МЕТОДЫ КАЧЕСТВЕННЫХ И КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

[к содержанию](#)

Биографические интервью: что мы хотим получить?

Т. З. Протасенко

Биографические интервью — на первый взгляд достаточно простой метод получения информации социологом в ходе того или иного исследования. Многим, особенно тем, кто впервые входит в подобное исследовательское поле, кажется, что сценарий такого интервью состоит лишь из контакта биографанта (того, кто рассказывает о своей жизни) и интервьюера-исследователя, который записывает повествование.

Однако, уже на второй взгляд, все оказывается гораздо сложнее. И дело не только в том, что интервьюер должен обладать определенным искусством — уметь слушать и уметь направлять разговор в нужное русло. По моим наблюдениям, профессиональные журналисты берут интервью лучше, чем социологи. Поскольку они знают, ЧТО хотят получить, какую информацию и из какой сферы или этапа жизни интервьюируемого. К тому же журналисты, как правило, ограничены временными рамками, и, возможно, видят биографанта в первый и последний раз в жизни, а посему — пытаются «вытянуть» из него как можно больше полезной и «ударной» информации.

Социологи же, контактируя со своим собеседником несколько раз, порой расползаются мыслью по древу. Что, в свою очередь, снижает ценность биографического интервью для дальнейшего анализа — какой-то информации избыток, какая-то информация продублирована, какой-то информации не хватает.

Вообще говоря, полезно задать вопрос — в каком случае появляется потребность в биографических интервью? И у кого возникает такая потребность?

По-видимому, такая потребность возникает тогда, когда человек сам не хочет или не способен изложить факты своей биографии или «у него не доходят руки» до своего жизнеописания в письменном или аудио-виде. Это, во-первых. Во-вторых, биографическое интервью необходимо, когда исследователю нужно получить информацию от конкретного лица или представителя той или иной социальной среды, бывшего свидетелем определенного этапа жизни общества или по какому-то другому вопросу.

По способам получения биографического интервью они различаются уровнем контактности исследователя и биографанта.

1. интервью «лицом к лицу», где есть аудио и визуальный контакт.
2. заочное интервью, когда биографант сам пишет или надиктовывает интервью, но это интервью вписано в определенные рамки, заданные исследователем, когда присылается примерный список вопросов, на которые следует ответить интервьюируемому.

Интервью лицом к лицу может быть абсолютно бессистемным, когда исследователь действует так преднамеренно, ставя перед собой единственную цель — раскрутить информанта на рассказ.

Но есть и другой тип взаимодействия, когда интервьюер жестко направляет биографанта в нужном направлении, не давая ему отвлекаться от магистральной темы, поскольку имеет четкий план исследования и список тем.

Статистических данных о том, какие типы интервью с этой точки зрения преобладают, в моем распоряжении нет. Думаю, такой статистики нет вообще. Однако, обращаю внимание на то, что подобная, достаточно жесткая схема присутствует прежде всего в «заочных» интервью.

Пример таких интервью демонстрирует Борис Докторов в журнале «Телескоп» на протяжении последних нескольких лет. Эти интервью как раз и основаны на четком исследовательском подходе. Во-первых, интервьюируются представители определенной профессиональной группы — социологи; во-вторых, поставленные вопросы направлены на то, чтобы получить информацию об «источниках и составных частях» формирования такого человека и такого профессионального феномена как «социолог в советском и постсоветском пространстве». Внимательное изучение этих интервью позволяет определить подобный подход к сбору информации для последующего анализа как «личностный», с позиции социологии личности. Безусловно, он дает возможность проследить истоки формирования той или иной личности, ее ценностные ориентации и установки, но вольно или невольно «зацикливает» исследователя на семейно-генетических составляющих, оставляя в «зонах умолчания» акторов влияния на формирование личности биографанта и его судьбу, его жизнедеятельность в тот или иной период его жизни и жизни общества. При этом зачастую внимание фиксируется в большей степени на взаимодействии биографанта с общественными и государственными институтами, в то же время оставляя за скобками поведение и влияние на него других людей — родственников, коллег по работе, друзей и т. п. Однако, изучение различных би-

ографических материалов говорит о том, что именно окружающие люди, их поведение, мотивация, особенно в поворотные этапы жизни, оказываются наиболее значимыми, а порой и судьбоносными для того или иного человека, и особенно интересны для исследователя. Предательство, помощь, равнодушие...причины такого поведения — важные составляющие в любом биографическом интервью и последующем анализе. Сравнение силы влияния общества и человека...

В качестве примера можно привести судьбу самого Валерия Голофаства, историю неиздания его книги, о которой мы не раз писали. В данном случае на него в гораздо большей степени произвело впечатление и подкосило то, что в процессе всей этой истории от него отвернулись часть коллег по работе, которых он уважал, с которыми долгое время работал и которых, не побоюсь это сказать, многому научил. А вовсе не действия властей и руководства института. Их позиция и поступки как раз были понятны, вполне предсказуемы и традиционны для того времени. И при анализе «случая Голофаства» «было бы интересно понять мотивы поведения этих людей и сравнить с мотивами и способами поведения в подобных ситуациях представителей других социальных групп, других поколений и т. п. То есть расширение интервью до личностных оценок окружающих может быть чрезвычайно полезно для сравнительного анализа любого уровня. Именно такой метод исследования активно применял Валерий Голофаств, за что в принципе и пострадал, ибо ему в вину как раз и вменялось применение регулярного сравнительного анализа показателей жизнедеятельности населения в СССР, странах социалистического и капиталистического лагеря. Вообще говоря, сравнительный анализ — это достаточно опасный метод в любой ситуации и в любое время, ибо в ходе него всегда выявляются лидеры и аутсайдеры, носители негативных и позитивных тенденций.

Интервью с представителями одного или близких поколений, представителями одной социальной или профессиональной группы, с людьми жившими и работавшими в одних пространственно-временных координатах — а именно такие интервью представлены Борисом Докторовым¹ в «Телескопе» — могли бы в этом плане дать богатейший материал для анализа. Однако, не дают...

Почему? Ответ в общем-то понятен. Потому что это события недавнего времени, многие из действующих лиц живы, сами дают интервью, и если

¹ Докторов Б. Интервью в журнале «Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев», 2005–2009.

бы продолжить расспросы, возникли бы этические проблемы. А подобные проблемы, обиды биографантов и других социологов друг на друга уже возникли, в частности, после интервью Владимира Шляпентоха, когда он попытался выйти на оценки поступков тех или иных коллег в тот или иной период времени. Это, по-моему, и есть основной вопрос, проблема биографических интервью. Вводя ограничения по этическим мотивам (особенно при условии публикации текстов), исследователь теряет возможность сравнительного анализа поступков и мотиваций людей в одну и ту же эпоху, теряет возможность богатого социологического — социально-структурного, социально-группового — подхода во взаимодействии с личностным.

Такие «причесанные» биографические интервью, возможно и полезны, но скорее для официальных версий развития событий, а посему возвращают нас к умению читать между строк.

С другой стороны, обнародование в интервью биографических и личностных деталей, обусловленных особенностями взаимоотношения людей, которые еще живы и узнаваемы, может при публикации полных текстов интервью превратить эти публикации в подобие публикаций «желтой» прессы.

Качественные методы вынуждены опираться на личностно окрашенный материал. Особенно это касается публикаций биографических интервью. А также комментариев к ним. Достаточно редко исследователь переходит на обезличенный уровень анализа, когда ссылки идут на «случай А» или «случай Б», герои интервью, как правило, узнаваемы. И это в полной мере относится к науковедческим и к любым другим интервью, которые концентрируют внимание на жизнеописаниях представителей той или иной группы населения. Данные же, полученные с помощью количественных методов, всегда обезличены. Лишены этической нагрузки. И, с этой точки зрения, с ними работать легче.

Поэтому любой исследователь, вступающий в биографическое поле, должен ответить на вопрос — что он хочет получить? Непричесанную правду, порой граничащую со скандалом, либо структурированную информацию, напоминающую официальную биографию юбиляра.

Возможно, проблема может быть снята, если предположить, что публиковать можно только фрагменты биографического интервью. Но тогда что делать с допуском других исследователей к базе биографических данных...?

Большинство материалов, полученных с помощью метода биографического интервью по сути являются лишь сырьевой описательной базой для последующего анализа. А вот насколько эта база обширна и вообще при-

годна для аналитической работы с желательным применением обобщающих статистических методов (для выявления тенденций) — зависит от структуры интервью.

Как уже упоминалось, интервью может быть бессистемным. И тогда исследователю приходится чрезвычайно трудно, поскольку «единого слова ради приходится перерабатывать «тысячи тонн словесной руды».

Упростить задачу классификации и анализа материала может помочь так называемая «проблематизация» интервью. Если согласиться с тем, что любой научный подход всегда решает какую-то проблему, то биографическое интервью должно быть проблемно структурировано, поэтому какие-то временные этапы и детали могут быть проходными, какие-то должны быть описаны подробнейшим образом. Причем исследователь должен перед интервью иметь набор мини-гипотез. В случае с теми же интервью Бориса Докторова очень хочется понять вес межличностных фоновых профессиональных отношений в разные периоды времени. В конце концов понять решающие мотивы выбора профессии и жизни в ней — что было определяющим — социальный вне профессиональный контекст (особенности эпохи, в котором существовало поколение того или иного социолога) или внутри профессиональные «игры», конфликтная динамика, особенности межличностных отношений, и т. п.² Безусловно, мне могут возразить, что подобный материал хочется получить мне, а Борис Докторов подобных задач перед собой не ставил. Но тогда мы возвращаемся к «основному вопросу» моих тезисов «Что мы хотим получить из текста биографического интервью?» Добавлю, если интервью брал другой человек? И чем в таком случае «чужие» интервью отличаются от мемуаров?

² «Телескоп смотрит в прошлое». Беседа об изучении истории современной российской социологии. Б.Докторов. Лариса Козлова. «Телескоп», 2009, № 1. С. 11.

Власть, метод, социолог: диалог оппонентов

Т. З. Протасенко,
А. Н. Алексеев

(1)

«...» Включенное наблюдение или наблюдающее участие ¹

Тема взаимодействия социологии и власти, социологов и власти достаточно актуальна, Потому, что и для властных структур, и для социологов главный объект, с которым им приходится взаимодействовать — население. И поэтому знание об обществе, о поведении, настроениях, планах людей, населяющих ту или иную территориальную общность, которой управляют те или иные властные организации — всегда были этим организациям интересны. И в советские времена, и во времена перестройки, и в настоящее время. О способах и особенностях взаимодействия социологов с властью уже написано немало и в биографических интервью, и в научных трактатах. Поэтому исторического экскурса я делать не буду, а поделюсь наблюдениями настоящего времени.

Мой доклад будет в какой-то мере продолжением, развитием того, о чем говорил А. Н. Алексеев² — о роли социологии в современном обществе, о том, как социологические данные используются разными общественными структурами, включая власть, про открытую и публичную социологию. Я уже более 15 лет очень тесно сотрудничаю с властью, с разными политическими структурами, с бизнесом, со СМИ и поэтому очень хорошо представляю, как практическим образом используются знания, которые мы получаем в нашей науке, применяя различные методы.³

¹ Фрагмент работы Т. Протасенко «Социология и власть. Новые реалии». Цит. по сборнику: Социология вчера, сегодня, завтра. Вторые социологические чтения памяти В. Б. Голофаства / Под редакцией О. Б. Божкова. СПб.: Бильбо, 2008. С. 23–24. http://www.si.ras.ru/doc/GR_2008.pdf.

² А. Н. Алексеев. За открытую социологию / Социология вчера, сегодня, завтра. Вторые социологические чтения памяти В. Б. Голофаства / Под редакцией О. Б. Божкова. СПб.: Бильбо, 2008. С. 10–15.

³ М. Буравой. За публичную социологию — http://jsps-journal.blogspot.com/2008/01/blog-post_8634.html.

Сразу подчеркну, что с моей точки зрения для социолога в быстро меняющемся мире — а наше общество таковым является — чрезвычайно важен метод включенного наблюдения. Причем я бы настаивала на включенном, но достаточно пассивном отстраненном наблюдении, без вмешательства в социальную среду, которую социолог изучает. И в этом смысле включенное наблюдение серьезно отличается от метода наблюдающего участия, апологетом которого является Андрей Николаевич Алексеев.

По моему глубокому убеждению, при активном использовании метода наблюдающего участия, который, так или иначе предполагает влияние социолога, как участника социальных процессов на окружающую среду, заставляет его фактически менять профессию, принимая другие роли и правила игры — журналиста, управленца, политика, политехнолога, правозащитника и т. д. Более того, наблюдающее участие в какой-то мере может вести к деструктивному поведению, поскольку подталкивает исследователя к тому, чтобы производить действия, ведущие к обострению социальной ситуации, в которой он задействован. Ситуация стагнации, когда ничего не происходит, социологу неинтересна. И он либо вынужден искать проблемные ситуации, возникшие помимо него, либо создавать их сам. Это, кстати, хорошо демонстрируют выборные процессы, когда некоторые социологи и психологи с увлечением конструируют реальность, переходя на позиции манипулирования избирателями, и становясь политехнологами. Вообще говоря, социолог, обладающий большим объемом информации, которую можно использовать в практических целях для моделирования социальной ситуации, социолог, который переходит на позиции социального действия, порой становится чрезвычайно опасен для властных структур. И власти это хорошо понимают и действуют так, как действовали всегда по отношению к интеллигенции — либо их покупают, либо договариваются на взаимовыгодных условиях, либо подвергают остракизму. И нужно отдавать себе отчет в том, что такие последствия активных действий социолога-экспериментатора возможны.

Я совершенно согласна с Карен Клеман и Андреем Алексеевым, что социолог вправе «использовать свой статус и знание для сознательного воздействия на общество», но при этом, повторяю, он должен отдавать себе отчет в том, какие могут быть для него последствия, поскольку в этом случае он переходит в другую сферу и начинает играть по правилам, принятым там. В этом случае возможны манипуляции социолога населением, и новых соратников, коллег по коллективному действию самим социологом.

Кстати, столь распространенный ныне вид телепередачи — реалити-шоу, тоже можно отнести к наблюдающему участию, где наблюдателями-участниками действия становятся и зрители, и ведущие шоу, и сами игроки. Сравнить ситуацию реалити-шоу с особенностями применения метода наблюдающего участия было бы интересно. Как верно заметил Зигмунт Бауман, посвятивший немало времени изучению этого явления, реалити-шоу — «это та лаборатория, где над определенными тенденциями действительности, обычно незаметными, слабо выраженными или подавленными, проводятся эксперименты, ставящие своей целью выявление их истинного потенциала».⁴

(2)

А. Алексеев — Т. Протасенко

Уважаемая Таня!

Мне, как видно, не обойтись без ответа на Ваши методологические замечания и соображения.

Я бы не решился назвать Вас апологетом какого-либо метода, хоть Вы и предпочитаете, например, включенное наблюдение некоторым другим. Думаю, что и Ваше словоупотребление здесь неуместно. Я лично во всяком социологическом методе нахожу свои достоинства и свои недостатки (точнее сказать — ограничения). А что имею «склонность» к наблюдающему участию, так это не апологетика, а разве что приверженность, что не одно и то же.

Соответственно, не стану из Вашего многолетнего сотрудничества с властью, политическими структурами, бизнесом заключать, что Вы являетесь апологетом такого сотрудничества. Думаю также, что это сотрудничество само по себе есть форма вмешательства в социальные процессы.

Существенна однако общая постановка Вами вопроса об акционистской социологии, в которой Вы усматриваете ряд опасностей — как для самого социолога, так и для изучаемой им среды. Для первого есть опасность утраты профессионального качества (превращения в политехнолога, правозащитника и т. п.), далее — опасность «деструктивного поведения» (впрочем, не исключено и «конструктивное», как могу предположить). Для объекта же исследования, каковым Вы полагаете почему-то не социаль-

⁴ Зигмунт Бауман, *Индивидуализированное общество*, Москва, Логос, 2002. С. L.

ные процессы и отношения, а людей как таковых (будь то население, будь то соратники по коллективному действию, очевидно, и властные структуры из людей состоят), есть опасность оказаться «манипулируемым» этим самым социологом.

Что ж, опасности вполне реальные, не говоря уж о перспективе для социолога, «перешедшего на позиции социального действия», оказаться либо прикупленным, либо репрессированным властью (в зависимости от меры его сговорчивости / несговорчивости).

И все же есть в Вашей позиции, уж извините, некая узость, догматичность, что ли. Заметьте, я вовсе не оспариваю ценность, равно как и не акцентирую недостатки Ваших методологических и организационных предпочтений. Вслед за своими Учителями я стою на позиции методологического плюрализма, при котором все хорошо в своем месте и все плохо, что абсолютизируется или универсализируется.

Теперь о разнообразии типов вмешательства социолога в социальную жизнь. Один тип я бы назвал потаенным или — в лучшем случае — не осознаваемым. Так называемая заказная (не путать с экспертной!) социология более других тяготеет к этому варианту. Другой тип — открытое, заявленное вмешательство в жизнь, вроде «социологии действия» А. Турена, или «публичной социологии» М. Буравого. И третий тип — пусть это будет «наблюдающее участие» (которое Вы, похоже, не очень отличаете от второго типа). Здесь социолог ограничивает себя исследовательскими целями или нравственными императивами: «познание через действие», но не «действие посредством знания» (что является прерогативой уже не социолога, а скорее практика соответствующей сферы деятельности).

Впрочем, резко отграничить одно от другого невозможно. И между объяснением и преобразованием мира существует множество тонких переходов и переплетений.

Вот на эти обстоятельства мне хотелось бы обратить Ваше внимание, обсуждая Вашу альтернативу: «включенное наблюдение или наблюдающее участие?». Впрочем, такой альтернативой Вы делаете мне честь, поскольку «включенное наблюдение» куда старше «наблюдающего участия» — не как способ познания социума, разумеется, а как осмысление определенной методологической установки.⁵

⁵ Здесь хочется еще обратить внимание на постановку И. И. Травиним вопроса о практике постоянной профессиональной включенности социального исследователя в наблюдение окружающей среды, своего рода перманентного наблюдения. См. И. И. Травин. Невопрошающая социология или невыключаемое

Что же касается «реалити-шоу» и т. п., то их отношение к наблюдающему участию — самое косвенное, хотя бы там было и «участие» (игроков) и «наблюдение» (зрителей). Сами игроки, я бы сказал, себя никак не наблюдают, уровень их саморефлексии близок к нулю. Позиция же ведущих в этих «экспериментах», как правило, морально крайне сомнительна.

Ваш — Андр. Алексеев.

19.03.2009

(3)

Т. Протасенко — А. Алексееву
(с развернутыми комментариями адресата)

Дорогой Андрей!

Должна поздравить Вас с внедрением в нашу социологическую жизнь еще одного метода — переписки специалистов с последующей публикацией, теперь его можно назвать интернет-конференцией специалистов. Я это вполне серьезно, поскольку наблюдаю, как подобным способом общаются многие мои коллеги. Активно его использует Борис Докторов... Он и меня вовлек в интернет общение, хотя для меня это нехарактерно — я предпочитаю общение либо личное, либо по телефону в силу более быстрой реакции. Однако, для пользы науке, возможно, переписка лучше.

...Ну, «метод переписки специалистов» внедрил в социологическую жизнь не я. В европейской науке он вошел в обиход с XVII века, если не раньше. «Специалисты» именно в письмах сообщали друг другу о своих открытиях. Жанр научной переписки, едва ли не в качестве ведущего возродил у нас А. А. Любичев (являющийся для меня великим Учителем). А в отечественной социологии мастерами такой переписки, существенно облегченной Интернетом, на мой взгляд, являются В. Шляпентох, С. Рапопорт, Б. Докторов. Был ее приверженцем и мастером также Валерий Голофаст.

Не могу не ответить Вам. По поводу «апологета метода наблюдающего участия». Если вас это обидело, приношу свои извинения, поскольку, зная

наблюдение / Социология вчера, сегодня, завтра. Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаста. СПб.: Бильбо, 2008.

Вас многие годы, естественно, наблюдала, как Вы используете разные методы. И моя вина в небрежности употребления терминов. Это, к сожалению, тоже свойство моего характера и стиля общения. Для меня не слишком много различий в понятиях «приверженец», «сторонник», «апологет», «человек, отдающий предпочтение, имеющий склонность».... В своей статье определение «апологет» я употребила лишь потому, что хотела подчеркнуть, что Вы этот метод активно используете и продвигаете — Вы ведь на это не будете возражать, поскольку все Ваши самые интересные публикации и результаты, как мне кажется, получены при помощи этого метода. А в отношении моих предпочтений — то, метод включенного наблюдения я предпочитаю в качестве первичной стадии исследования. Его я предпочитаю всем другим качественным методам. А вообще-то я приверженец и именно что апологет репрезентативных опросов (желательно в режиме мониторинга), как конечной стадии эмпирического этапа исследования, поскольку именно они могут отследить тенденции (тренды)...

...Дорогая Таня! Конечно, Вы не хотели меня обидеть, но даже если бы захотели, Вам это не удалось бы, поскольку будучи «апологетом» точного словоупотребления и даже пуристом в этом плане, я весьма терпим к чужим неловкостям, тем более если собеседник на них не настаивает. А Вы — не настаиваете. И хорошо.

Что касается «наблюдающего участия» (надо же, прижилось словечко!), то я его, если угодно, энтузиаст, и не столько даже как исследовательского метода, сколько как «способа жизни», отношения к миру, И в качестве такого «метода» — рекомендую его даже для «любительского употребления». Там, где люди «страдают» от несправедливости, бюрократического идиотизма, да просто от плохого устройства мира или собственной глупости, там наблюдающий участник может соединить «остраненный» критический взгляд, с инициативным, отвечающим его интересам, а главное — ценностям, причем познавательно эффективным действием.

В отличие от «включенного наблюдателя», который вынужден «загнивать» вместе со средой, коль скоро хочет ее изучать. Впрочем, я уже говорил, что у всякого метода (и даже у мироотношения) свои позитивные и негативные стороны. Лишь бы не доводить их до максимума, т. е. до абсурда.

По поводу разных форм сотрудничества социологов с разными структурами и группами населения. Дело в том, что «каждый выбирает по себе», что ему более интересно — заниматься в кабинете чисто теоре-

тическими изысканиями, либо делиться полученными данными с другими. С кем — вопрос сложный. Социолог не может быть абсолютно нейтральным, и как бы объективным, стоять «над» схваткой. Ибо, как учил нас на философском факультете Моисей Самойлович Каган, «познание слито с оценкой», а, во-вторых, в социологии очень много субъективного — исследовательская парадигма, мировоззрение исследователя, формулировки вопросов, наконец, ответы респондентов... Распространение любого знания может быть оценено как форма вмешательства в социальные процессы. Это сродни терзаниями физиков в связи с созданием атомной бомбы и других продуктов, наносящих вред человечеству вообще и человеку отдельному в частности. Будет ли действовать человек и структуры, которым ты отдал свое знание, во благо или во зло — заранее определить трудно... Для меня это предмет постоянного терзания. О чем я откровенно написала в той же статье, цитату из которой Вы приводите. (См. стр. 26–27, 33, 34, 35, 38)⁶. Да собственно говоря, вся моя статья об этом — могут ли социологические знания менять мир, как их распространять... Или главное в том, чтобы они не попали негодяям? И несем ли мы ответственность за то, кому их даем? А как быть тогда с широкой публикацией данных в СМИ?

...Что «познание слито с оценкой» — против этого сейчас станут возражать разве что оголтелые сайентисты. Важно: а) не камуфлировать эту связь (соединение)...; б) по возможности, учитывать это «слияние», делать поправку на «издержки» (в кавычках!) исследовательской ангажированности. Объективная истина всегда лежит на пересечении разных методов, исследовательских подходов и ценностных ориентаций разных исследователей. Из противоречивых или взаимодополняющих результатов («триангуляция»!) эта истина выводится. И даже сам способ вывода не лишен ценностной обусловленности. Так что сама эта истина скорее «далекий желаний край».

Распространение социального знания, конечно, есть вмешательство в социальные процессы. Но, признаться, не худшая из форм такого вмешательства. Скажем, не вмешательством ли является всякое просвещение (не только социологическое)?

⁶ См. Социология вчера, сегодня, завтра. Вторые социологические чтения памяти В. Б. Голофаства./ СПб.: Бильбо, 2008. Электронная версия — http://www.si.ras.ru/doc/GR_2008.pdf.

Насчет благих или злостных последствий социологических действий — совершенно с Вами согласен. Есть такая дилемма. Но минимизировать злоупотребление можно адекватным (включая и моральные критерии) выбором предмета, партнеров и все тех же «заказчиков» исследования.

В связи с этим хотела бы остановиться на «заказной социологии», то есть на исследованиях, которые проводятся по заказу отдельных людей, политических и бизнес-структур, власти, СМИ... Большинство этих исследований проводятся для понимания и решения какой-то проблемы, в том числе для изменения имиджа, продвижения на рынок тех или иных продуктов с помощью методов социологии. И главная отличительная черта их — запрет на публикацию данных. (В этой связи хотелось бы отметить отличие исследований по заказу от работы по формированию общественного мнения, когда во главу угла опросных методов ставятся формирующие вопросы — вот это уж действительно «заказуха», ничего общего с социологией не имеющая). И социолог, который подрядился на подобную работу, вполне осознает, что он делает, в том смысле, что его знания могут быть использованы для разных целей. Заниматься такой работой — ни хорошо, ни плохо, но это другие сферы жизни, живущие по другим законам, но судить социологов, работающих там, могут и по этим законам, и по законам нашей профессиональной среды. В этом смысле все формы поведения социолога, предполагающие вмешательство в социальную жизнь, могут поставить его в сложную ситуацию, и он даже может быть подвергнут остракизму. Поэтому мне ближе пассивное наблюдение с последующей постановкой диагноза. А наблюдающее участие, на мой взгляд, увеличивает объем ответственности, который и так у социологов сейчас велик.

... Возможно, это и циничное заявление...

Отвечая на Ваш риторический вопрос: да, мы за все несем ответственность. Однако у разных людей разное понимание ответственности. Так, все большее распространение получают «закрытые» социологические исследования, где результаты опроса оказываются коммерческой тайной. (Так, кстати, было и в советские времена, только тайна была не «коммерческой», а «политической»). Зона ответственности сужается до служения работодателю. Между тем, здесь не двухстороннее, а, как минимум — трех, а вообще-то — четырехстороннее отношение: заказчик — исследователь — общество (репрезентированное хотя бы опрашиваемыми) — коллеги.

Мы же не микробов изучаем, перед которыми не надо отчитываться, а общество, информацию о котором исследователь получает от людей (от каждого человека в меру его согласия, интереса и компетентности). И общество = люди, обеспечивающие социолога первичной информацией, имеют право рассчитывать на встречную «услугу», а именно — знание, добытое социологом не без их участия. Понятно, не каждый в такой «услуге» нуждается, но у любого должна быть возможность ею воспользоваться.

И я бы обязал «заказчиков» мириться с тем неприятным обстоятельством, что заказанная ими социологическая информация оказывается публичной по определению, как социологическая, т.е. информация об обществе и ДЛЯ общества.

Так вот, в мои критерии ответственности входит обнародование (или право на обнародование) любых полученных результатов, удобно это заказчику или нет. А если того это не устраивает, пусть поищет «другого социолога», с иным пониманием своей ответственности.

В заключение. Размышляя о формах поведения социологов и нашем случае. Пришла к выводу, что очень много зависит от характера и стиля поведения, особенностей межличностного общения. Вот все мы — четверо — абсолютно разные, с разными жизненными и профессиональными путями, думаю, во многом с разными мировоззренческими позициями, а результат один — нас уволили. Почему? Мне кажется, роднит нас одно — возникшие сложности во взаимоотношениях с начальством института и отдельными членами коллектива...

(Т. П. 11.06.2009)

...Заклучу и я. Вы возвращаетесь к ситуации «четверых», обсуждавшейся, среди прочего, в 1-й части этой книги. Знаете, что общего у А. А., В. Б., Н. К. и Т. П, при всем их несходстве? Думаю? это можно определить словом «инакость». Притом, что у каждого — своя доля конформизма, что есть не что иное, как различие референтных групп. И тем не менее, определенное «инакодействие» у каждого налицо. Инакодействие может быть нравственно, прагматически, характерологически, заветно и всяко еще обусловлено. Такой человек сплошь и рядом неудобен, а в пределе — неуютен.

Жизнь поставила совершенно замечательный эксперимент «над нами», но также и над такими, как <...>. Их выбор мишеней был точен, хотя

бы они того и не осознавали. И следующие выстрелы думаю, будут тоже прицельные. Пока — граната не разорвется в их собственных руках. (Боюсь — уже взорвалась). Видит Бог, не мы поставили этот эксперимент.

Спасибо Вам за Ваше раздумье, давшее мне повод поделиться и своим.

А. А. 11.06.2009

Приложение

А. Н. Алексеев

Методологические проблемы исследования «случаев» в социологии

Исследование случаев (*case-study*) — один из самых распространенных методов (подходов) в рамках качественной парадигмы социологических исследований. Оно предполагает углубленное изучение некоторого участка (фрагмента) социальной реальности с его контекстом, для вскрытия некоторых общих закономерностей, воплощаемых в данном, избранном для анализа случае. Как замечал Гете, «хорошо увиденное частное может всегда считаться общим». Напомним также афоризм Я. Кавабаты: «Один цветок лучше, чем сто, передает природу цветка».

Случай есть событие, совокупность и/или последовательность событий, ставших предметом исследовательского внимания. Случай есть, с одной стороны, нечто уникальное, а с другой — нечто характерное, типическое, по крайней мере, черты общего, универсального в частном, конкретном составляют особый интерес исследователя. Принципиально важным является также исследование события в контексте, т. е. в совокупности его социальных связей и опосредований. Без контекста нет события, равно как и контекст есть не что иное, как своего рода иерархия событий, обуславливающих совершение всякого данного события.

Одним из методолого-методических вариантов исследования случаев является наблюдающее участие, когда исследователь сам является актором в рамках исследуемой среды и реализует когнитивный принцип «познание действием». В таком случае ставится задача не просто наблюдения и описания «естественного развития ситуации, а также более или менее

целенаправленного, во всяком случае, отрефлексированного ее моделирования. Вообще, описание является лишь средством для понимания реальности, в том числе и описание способов и результатов акционистского вмешательства в исследуемый процесс.

Эти и некоторые другие принципиальные положения методологии исследования случаев, вообще, и наблюдающего участия, в частности, реализовались в серии исследований, отображенных в нашей работе «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия»⁷. Реализуются они и сегодня в комплексном исследовании «случая СИ РАН — 2008», включенного в более широкий профессиональный и общественный, а также историко-научный контекст.

10.04.2009

⁷ «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (тт. 1–4, СПб.: Норма, 2003–2005).

Феномен воображаемой жизни в биографическом повествовании

К. Дивисенко

В основе статьи — результаты исследования биографических сочинений петербургских школьников «Я через N лет». Тексты были собраны в ряде петербургских школ в начале 1990-х годов и 2002 г. по инициативе О. Б. Божкова. Особое внимание в настоящем исследовании уделено анализу представлений о воображаемой семейной жизни, материальном достатке и работе.

В предыдущем исследовании была выявлена общая система ценностей молодежи двух возрастных когорт¹, но наполнение некоторых ценностных отношений осталось не раскрытым, в частности, представления о будущей семье, материальном благополучии и работе.

Практически каждое сочинение окружено «рамками»² — фрагментами текста, где его автор стоит на внешней по отношению к основному повествованию позиции. В «рамки» заключен рассказ о будущей жизни.

Казалось бы, что для социологического анализа они не имеют никакого значения, так как в них автор обозначает свою внешнюю позицию к рассказу: выражает свое отношение к этому заданию, обращается к исследователю и т. п. Отвечая на вопрос «Я через N лет», можно было бы начать непосредственно с повествования о вымышленной жизни, так и делают некоторые, например:

«Я через 6 лет.

Я закончила психологический факультет Университета и теперь живу одна в однокомнатной квартире с кошкой и попугаем. Я рабо-

¹ Дивисенко К. С. Динамика ценностей школьников (по материалам автобиографий и сочинений) // Социологические исследования 2008. № 8. С. 118–122. Дивисенко К. Трансформация ценностей молодежи на рубеже веков (на материалах биографических текстов) // «Социология вчера, сегодня, завтра» Вторые социологические чтения памяти В. Б. Голофа. — СПб, 2008. С. 76–88.

² Понятие «рамки» предложено Б. А. Успенским (См.: Успенский Б. А. Поэтика композиции. — СПб., 2000. С. 224–229).

таю психологом в одной фирме, иногда выполняю мелкую работу с тестами на дому.

Я пока не собираюсь замуж, потому что еще рано»³.

Но в большинстве случаев, все же присутствуют «рамки» — в начале и конце повествования.

«Говорят, что говорить вслух то, что ты загадал, нельзя, чтобы не сглазить. Но я позволю себе немного помечтать, пофантазировать.

Спустя 10 лет...

Теперь мне 27. Я — <имя рек> — замужняя женщина за преуспевающим, удачливым и любящим меня человеком, от которого имею прекрасного ребенка»⁴.

Далее следует в настоящем времени рассказ о работе, доме, друзьях, семье и заканчивается следующим образом:

«Отношения с мужем у нас очень хорошие, нам всегда очень интересно и легко друг с другом, Хотя всякое бывает.

Так мне хотелось бы видеть себя через 10 лет. Надеюсь, так оно и будет. Тьфу-тьфу-тьфу. Через левое плечо»⁵.

В тексте, находящемся внутри «рамки», повествование ведется с точки зрения воображаемой будущей жизни, как правило, авторами используется настоящее время. «Рамки» выделены не только по позиции автора к воображаемому будущему, но и графически — их текст начинается с абзаца.

Основной мотив написания своеобразной прелюдии и послесловия к тексту — это суеверный страх сглазить, изменить, каким-то образом негативно повлиять на свое собственное будущее.

«На данный момент в моей жизни все настолько неопределенно, находится в довольно-таки опасном «подвешенном» состоянии, что

³ БФ БМ 52 (Соч., ког. II, Ж, N = 6, 2002). Здесь и далее в сокращении даны номера биографических текстов, зарегистрированных в электронной базе данных «Биографии молодых» Биографического фонда. В скобках указываются жанр (сочинение или автобиография), когорта, пол, и число N для сочинений, год написания текста.

⁴ БФ БМ 60 (Соч., ког. II, Ж, N = 10, 2002)

⁵ Там же.

я вообще боюсь что-либо прогнозировать. Когда любая мелочь может определить большую часть дальнейшей судьбы, поневоле становишься в некоторой степени суеверным. 10 лет я взяла, т. к. через такой промежуток времени, по моему мнению, в любом случае будут даны ответы на наиболее болезненные сейчас вопросы»⁶.

«Вообще, если задуматься, писать свое воображаемое будущее достаточно тяжело. Дело в том, что у меня существуют (как и у нормального здорового человека) предрассудки — я боюсь сглазить. Конечно, я могу расписать в своем сочинении золотые горы собственного счастья (на которые я надеюсь), а (по закону подлости) они на самом деле разрушатся (или вообще не вырастут). Мне бы не хотелось конкретизировать свои жизненные события или что-либо уточнять»⁷.

Таким образом, для тех, кто все-таки решился посмотреть на себя в будущем, становится необходимым компонентом оговорка о том, что это не планирование (так как планы можно сглазить), а фантазирование, мечты (здесь часто косвенно подразумевается всем известное выражение «мечтать не вредно»). Благодаря этому ритуальному оговариванию становится неопасным мечтание о будущем.

Вот несколько примеров:

«У нас такое время, что не знаешь, как будешь жить через год и совсем трудно сказать, как будешь жить через 10–15 лет. Я не люблю загадывать на будущее, но можно по фантазировать. Итак, я через n лет. <...> Все это, конечно, фантазии и мечта, но хотелось бы, чтобы хоть что-нибудь из этого сбылось»⁸.

«Это сочинение — очень интересное задание. Все люди думают о будущем. Не только думают, но и мечтают. Мое будущее — это моя мечта»⁹.

«Это сочинение — выдумка, а, если точнее, моя фантазия, моя надежда и мечта»¹⁰.

⁶ БФ БМ 74 (Соч., ког. I, Ж, N = 10, 1993)

⁷ БФ БМ 46 (Соч., ког. II, Ж, N = ?, 2002)

⁸ БФ БМ 96 (Соч., ког. I, Ж, N = ?, 1993)

⁹ БФ БМ 104 (Соч., ког. I, Ж, N = 14, 1993)

¹⁰ БФ БМ 116 (Соч., ког. I, Ж, N = 25, 1993)

«А я ничего и не знаю толком о будущем: можно ведь только мечтать. Я попробую изложить на бумаге только самые реальные мечты»¹¹.

Чтобы избежать сглаза «загадывание» меняется на «фантазирование», «мечтание». С рациональной точки зрения — это одно и то же, но в этом задании исследователь вторгается в сферу сокровенного, того, что может быть подвержено утрате при профанации, поэтому, в силу суеверных представлений, становится важным само слово, которым автор старается себя обезопасить.

С другой стороны, повествование может прерываться, и автор снова начинает занимать внешнюю позицию по отношению к рассказу о воображаемой жизни. В примере ниже — рамки, переместившиеся с конца жизнеописания.

«Я через 5 лет.

Сейчас мне 16 лет, через пять лет мне будет уже 21 год. В это время я надеюсь уже быть на пятом курсе института. В 18 лет я рассчитываю сдать на права, поэтому в институт я буду ездить на машине.

<...>

Мои мысли иссякли. У меня не хватает фантазии. Я считаю, что воображать свою жизнь через какое-то определенное количество времени, очень сложно. Ведь никто никогда не знает, что может случиться завтра, а как же можно угадывать через годы. Многие предсказывали конец света, пока этого не было. А вдруг это случится в ближайший десяток лет. Мне бы хотелось быть очевидцем такого события, но с другой стороны, мне будет жалко людей, которые не успели пожить. В конце концов, я буду работать, так что бы не зависеть от родителей или мужа. По необходимости помогать им. Но если у меня возникнут какие-нибудь проблемы, я всегда могу положиться на своих друзей. Сейчас их у меня много, а с годами станет еще больше»¹².

Часто описание будущего не только заставляет менять «планирование» на «фантазирование», но и вызывает раздражение. Ниже приведены окон-

¹¹ БФ БМ 94 (Соч., ког. I, Ж, N = 10, 1993)

¹² БФ БМ 12 (Соч., ког. II, Ж, N = 5, 2002)

чания двух биографических сочинений — момент смены позиции автора (с внутренней на внешнюю), когда растворяется воображаемая жизнь, и появляются рамки.

«Вообще какая разница, где я буду работать и чем заниматься»¹³.

«Меня поглотит рутина и я от усталости забуду все то, о чем я сейчас писала. Свободного времени почти не будет. Даже писать про это не хочу. Но больше всего я боюсь забыть ощущение детства. Я хочу помнить и понимать своих детей. И все, мне надоело»¹⁴.

Боязнь сглазить, суеверный страх перед будущим, вызывающий потребность застраховаться от сглаза — не только психологическое явление, но и социальное, которое встречается у двух разных поколений молодежи.

Можно вспомнить, что Л. Н. Толстой в своих дневниках постоянно добавлял «Е. б. ж.» (если буду жив) к планам на будущее¹⁵. Толстовское «Е. б. ж.» не далеко ушло от христианской позиции — при всем своеобразии взглядов Л. Н. Толстого на христианство — «если угодно будет Господу и живы будем» (Иак. 4: 15). У Л. Н. Толстого — одно условие, в христианстве — два, но именно условия. В магии — не условие, а обряд — смена действия, подмена. Если бы было возможным встретить близкую к новозаветной формулировке оговорку, то тогда можно говорить об имеющемся у школьников религиозном представлении, христианском сознании, оказывающем влияние на социальную жизнь. Но в подавляющем большинстве случаев обнаруживается только суеверное «фантазирование». В какой-то мере это предположение подтверждается у одного автора-католички, она так заканчивает свое сочинение:

«В общем, все будет классно.

... Если доживу...»¹⁶

Основное содержание сочинений разворачивается внутри рамок. При всем многообразии описаний воображаемой жизни, сочинения во многом схожи: описываются одни и те же компоненты будущей жизни.

¹³ БФ БМ 46 (Соч., ког. II, Ж, N = ?, 2002)

¹⁴ БФ БМ 42 (Соч., ког. II, Ж, N = 10, 2002)

¹⁵ См., напр., апрельские дневниковые записи за 1910 г. в издании: Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. Том 58. М-Л, 1934. http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_1050.shtml.

¹⁶ БФ БМ 34 (Соч., ког. II, Ж, N = 10, 2002)

Семья — наиболее часто описываемый компонент воображаемой жизни.

Можно выделить несколько типов представлений о воображаемой будущей семье¹⁷.

Семья как таковая — отличается наиболее смутным представлением о будущей возможной семейной жизни, практически всегда встречается в сочинениях молодых людей. Семья не является ведущей ценностью в аксиосфере воображаемой жизни, а только одной из приоритетных, наряду с другими: работой, друзьями и т. д.

Семья с одним ребенком встречается в сочинениях у девушек. В этих текстах больше уделено внимания созданию портрета мужа. Данный тип семьи встречается в тех сочинениях, где немаловажными сферами жизни у девушек оказываются работа, карьера, общественная деятельность.

«Идеальная семья» — категория *in vivo* — двухдетная семья, в которой сын на год или несколько лет старше собственной сестры. В сочинениях, где описан данный тип, более четко прорисованы персонажи и стратегии взаимодействия (внутри и вовне семьи). Здесь основными стратегиями семейной жизни являются культурная практика (посещение театром, музеев и т. п.), путешествия, совместный отдых, общение с друзьями. Стратегии внутрисемейные (взаимодействие родителей и детей) можно условно разделить на две группы: воспитательные (описание конкретных методов и приемов решения педагогических задач) и взаимодействия (описание основных ценностей во взаимоотношении). Данный тип воображаемой семьи чаще всего является терминальной или внутренней ценностью¹⁸.

Феномен бездетной семьи появляется в тех сочинениях, где наиболее значимыми оказываются карьера и материальный достаток.

Благополучное окончание вуза, по мнению большинства авторов биографических сочинений, — основное условие получения работы. Кстати заметить, что все школьники планируют поступить в вуз и получить высшее

¹⁷ Более подробно о воображаемой семье см. в статье: Дивисенко К. Представления о будущей семейной жизни в биографических текстах школьников // «Телескоп»: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 5. С. 43–48.

¹⁸ «Внутренняя ценность» — понятие моральной философии, особенно активно дискутируемое после работ Дж. Э. Мура (См. Мур Дж. Э. Природа моральной философии. М., 1999). Внутренней ценностью становится тогда, когда отвечает двум требованиям: ее объект рассматривается как необходимый и достаточный для того, чтобы обладание им могло исключить желание обладать иными объектами, и когда любое другое количество объектов не могут заменить данный объект.

образование. Во многом это связано с тем, что авторы на момент написания учились в средней школе — то есть в 10–11 классах.

«Сначала надо получить фундаментальное образование и на этом строить всю свою дальнейшую жизнь»¹⁹.

«Из моих планов может вытекать только одно — работа в каком-нибудь лицее или НИИ. Но для достижения этого мне нужно сначала поступить, а потом еще и закончить университет, но то, что я поступлю туда в этом году маловероятно»²⁰.

«После окончания института (на хороших счетах) меня приняли в развивающуюся дизайн-студию на оформление и создание частных страничек»²¹.

Поступление в вуз является необходимым условием для дальнейшей жизни: в том числе для работы («хорошей», «престижной», «высокооплачиваемой»). В этом авторы придерживаются традиционного взгляда на вещи — материальный достаток и работа являются результатом получения высшего образования, хотя в современном обществе подчас, материальный успех не зависит от культурного капитала.

С другой стороны, работа рассматривается, не только как средство получения материального достатка, но и как определенный институт социализации, который позволяет преодолеть свой нынешний статус, детскость, отождествив себя со взрослыми.

«Затем, чтобы хоть ненамного предрасположиться к своему будущему, осуществить мечту, надо определить свою будущую профессию, свое положение в жизни. Нужно определить свое место в жизни, чтобы стать полноценным членом общества»²².

«После института нужно будет хотя бы год проработать на работе, а потом уже заводить детей. К этому времени я буду уже социально зрелым человеком. У меня будет работа, семья, любящий муж, дети. Я должна построить свое будущее так, чтобы не только мне доставляла удовольствие жизнь, но и моим родным»²³.

¹⁹ БФ БМ 76 (Соч., ког. I, Ж, N = 25, 1993)

²⁰ БФ БМ 96 (Соч., ког. I, Ж, N = ?, 1993)

²¹ БФ БМ 144 (Соч., ког. II, М, N = 7, 2002)

²² БФ БМ 124 (Соч., ког. I, Ж, N = ?, 1993)

²³ БФ БМ 172 (Соч., ког. II, Ж, N = 7, 2002)

Другая инструментальная ценность работы (близкая социализации) — получение независимости, как в материальном плане, так и в социальном.

«Это будет пятый курс, я бы не хотела на 5 курсе создавать семью или выходить замуж. К этому времени хотелось бы иметь собственную квартиру и быть материально ни от кого не зависимой»²⁴.

«Я, вообще человек мечтающий о свободе, так что я надеюсь к этому возрасту я буду сама зарабатывать и не буду зависеть от своих родителей. Я всегда мечтала о хорошей карьере, чтобы у меня было какое-нибудь любимое дело. Оно скорей всего будет связано с языками или, возможно, с дизайном интерьера. Очень хотелось бы к этому времени выучить еще какой-нибудь язык, например испанский»²⁵.

«Прежде всего мне бы хотелось получить высшее образование и устроиться на работу. Я хотела бы стать самостоятельной, но не в том, чтобы жить отдельно от родителей, а наоборот жить вместе с ними, но теперь ни они будут меня обеспечивать, а я родителей»²⁶.

Еще одна инструментальная ценность работы — возможность создать и обеспечивать семью.

«Для меня не очень принципиальна профессия, которую я выберу, не важно место моего жительства, главное осознавать, что есть любимый человек, моё солнышко, моя вторая половинка. Если я буду знать это, чувствовать, значит я счастлив, значит жизнь моя прекрасна!

Лично я, никогда не смогу назвать себя настоящим мужчиной, если не отслужу в армии. По возвращении домой, конечно хотелось бы найти хорошую работу, которая в будущем позволила бы мне достойно содержать свою семью»²⁷.

Свойства работы. Как было отмечено выше — биографические сочинения предлагают оптимистический вариант развертывания событий — и, следовательно, свойства феномена «работа» имеют только позитивную

²⁴ БФ БМ 180 (Соч., ког. II, Ж, N = 6, 2002)

²⁵ БФ БМ 193 (Соч., ког. II, Ж, N = 8, 2002)

²⁶ БФ БМ 197 (Соч., ког. II, Ж, N = 7, 2002)

²⁷ БФ БМ 163 (Соч., ког. II, М, N = 10, 2002)

сторону. «Хорошая» — наиболее частое ее свойство. Причем предикат «хорошая» никак не расшифровывается авторами.

«После окончания ВУЗа мне бы хотелось устроиться на хорошую работу и какое-то время поработать за границей»²⁸.

«Обязательно любимая, интересная профессия (пока не знаю какая) и хорошая работа, на которую приятно ходить»²⁹.

«Для начала, у меня будет хорошая работа, желательна интересная и неплохооплачиваемая. Например, менеджер по персоналу в туристической фирме. (Почему-то мне хочется работать в туристическом бизнесе). Каждый день я буду приходить на работу в 9-00 и уходить домой в 18-00»³⁰.

Вместе с тем работа обладает и другими свойствами. Наиболее часто встречающиеся свойства «интересная», «постоянная», «престижная», «высокооплачиваемая».

«Но, к сожалению, у меня нет четковывраженного представления о профессии, которая была бы мне по душе, была бы интересна лично для меня. Но я надеюсь, что то, что я выбрала будет полностью соответствовать моим требованиям и желаниям. Итак, я хотела бы иметь классную, интересную, увлекательную работу»³¹.

«Я просто хочу иметь постоянную работу, которая мне бы нравилась»³².

«Надеюсь, буду работать на престижной работе. Я — человек с хорошим образованием, с достаточно большим жизненным опытом за плечами, с изменившимися вкусами»³³.

«Через десять лет я закончу обучение в институте, и, надеюсь, к этому времени найду интересную и высокооплачиваемую работу. Трудно сейчас представить себя самостоятельным взрослым человеком, независимым от родителей»³⁴.

²⁸ БФ БМ 170 (Соч., ког. II, Ж, N = 8, 2002)

²⁹ БФ БМ 14 (Соч., ког. II, Ж, N = 19, 2002)

³⁰ БФ БМ 36 (Соч., ког. II, Ж, N = 10, 2002)

³¹ БФ БМ 82 (Соч., ког. I, Ж, N = 15, 1993)

³² БФ БМ 110 (Соч., ког. I, Ж, N = ?, 1993)

³³ БФ БМ 28 (Соч., ког. II, M, N = 12, 2002)

³⁴ БФ БМ 203 (Соч., ког. II, Ж, N = 10, 2002)

Смысл работы — это нечто иное, чем ее инструментальная ценность, направленная на получение материального достатка. Основной смысл, который молодые люди видят в работе — принесение пользы другим (как конкретным людям, так и обществу в целом). Основные профессии, которые отвечают этому требованию, — юрист, психолог, врач.

«Получив это образование, я собираюсь работать в одной из частных юридических контор, Я очень хочу помогать тем людям, которые совершенно не знают своих прав, а ведь в такое время обязательно, необходимо жить зная о своих правах»³⁵.

«Я думаю, что исполнится моя заветная мечта, и я стану прекрасным психологом. Помогать как взрослым так и детям найти себя в обществе, не чувствовать себя потерянным, а нужным. Разрешать конфликты родителей и детей, вообще помогать людям разрешать семейные конфликты, конфликты с начальством, с подчиненными. Помогать людям разобраться в их чувствах и сделать нужный выбор, чтобы потом не пожалеть»³⁶.

«Мне кажется не в этом счастье. Счастье, по-моему, в том, чтобы быть полезной людям. И, наверное поэтому, в 35 лет я буду уже квалифицированным врачом. Я считаю, что это очень благородная и важная профессия. Главное для меня, это чувствовать, что я кому-то нужна, что я приношу пользу, что я не просто так живу на свете. Я считаю, что каждый человек должен оставить след в жизни»³⁷.

«Изначально я хотел бы окончить 1 медицинский университет, стать лицевым врачом. Если получится устроиться в клинику пройти стажировку за границей, а потом вернуться обратно на родину. Продвигать науку и т. д. Если получится открыть фонд по помощи детям, рожденным с лицевыми дефектами: заячья губа, отсутствие глаз»³⁸.

«Мне очень хочется приносить пользу людям, и, наверное, никто не хочет уйти из жизни не оставив своего следа. Я не хочу быть ненужной, а кому нужны такие люди, от которых нет пользы?»³⁹.

³⁵ БФ БМ 70 (Соч., ког. I, Ж, N = ?, 1993)

³⁶ БФ БМ 78 (Соч., ког. I, Ж, N = ?, 1993)

³⁷ БФ БМ 106 (Соч., ког. I, Ж, N = 20, 1993)

³⁸ БФ БМ 157 (Соч., ког. II, М, N = 5, 2002)

³⁹ БФ БМ 122 (Соч., ког. I, Ж, N = 20, 1993)

Смысл работы, заключающийся в оказании помощи людям, рассматривается как экзистенциальная ценность, определяющая смысл жизни: если есть принесение пользы людям, следовательно, жизнь обретает смысл. Это позволяет не чувствовать себя потерянным, а быть нужным членом общества, дает возможность «оставить след».

Как видно из приведенных выше цитат: ожидаемая реакция со стороны конкретных людей и общества в целом — благодарность.

В аксиосфере воображаемой жизни школьников работа может иметь и самоцель: построение карьеры, которое рассматривается как один из компонентов жизни. В этом случае происходит конфликт ценностей: работа (карьера) и семья (дети). Наиболее остро эта дилемма проявляется у девушек, камнем преткновения здесь выступает выбор между семьей и карьерой.

Так, работу и карьеру выбирают как необходимое условие или предшествующий этап для дальнейшей семейной жизни.

«О своей специальности я пока ничего конкретного сказать не могу, но хочу, чтоб это было связано с наукой. Я буду просто работать, потому что свою карьеру я постараюсь сделать еще до создания семьи»⁴⁰.

«Я считаю, что женщина должна сначала сделать карьеру, а потом уже нянчиться с детьми»⁴¹.

«В это время, мне кажется, что можно хорошо преуспеть на работе, то есть построить карьеру. Как раз промежутка времени между университетом и 30-ю годами должно хватить, чтобы найти работу. Вероятнее всего, что пару лет мне придется вкалывать изо всех сил, но потом, я более чем уверена, что мне удастся «отхватить свой кусок» в этой жизни. Я бы не хотела рано заводить детей, потому что для меня важно, чтобы мои дети были обеспеченными. Сначала нужно отучиться, получить хорошее образование и в конце концов пожить для себя, а затем полностью погрузиться в воспитание своих детей»⁴².

Другие же видят в карьере и работе самодовлеющую ценность, и отказываются от построения собственной семьи.

⁴⁰ БФ БМ 38 (Соч., ког. II, Ж, N = 18, 2002)

⁴¹ БФ БМ 54 (Соч., ког. II, Ж, N = 10, 2002)

⁴² БФ БМ 179 (Соч., ког. II, Ж, N = 15, 2002)

«Я работаю в престижной стомат. клинике. Люблю свою работу. Вышла замуж, но детей пока не хочу. Независимая от своих родителей... Я постоянно занимаюсь повышением своей квалификацией»⁴³. «А еще через десять лет, я вижу себя, удачно сделавшей карьеру женщиной, у которой есть любящий ее муж, деньги. Но, как ни странно, тогда, в окружении счастья и удачи, денег, я буду очень одинокой. У меня не будет детей, жить я буду за границей. Довольно обыденное понимание будущего, но я не разу не представляла себя не добившейся успеха»⁴⁴.

«Закончив институт, я хочу остаться работать при институте, проводя различные исследования и занимаясь научными открытиями. Спустя два года я защищу кандидатскую, а потом докторскую затем, чтобы стать доктором наук и посвятить жизнь науке. Свое будущее я вижу в «продвижении» науки, поскольку по натуре я карьеристка»⁴⁵.

Второй вариант решения дилеммы «семья-карьера»: семья ставится на первое место.

«Что касается моей работы, то это самый спорный вопрос. Конечно же, мне бы хотелось иметь интересную и престижную работу, но если она будет мешать семье, то я предпочту расстаться с работой, нежели с семьей»⁴⁶.

«Для меня, конечно, важна карьера, самостоятельность, свобода, но мне не менее важно, чтобы я была хорошей женой, мамой...»⁴⁷.

Когда семья оказывается стоящей выше в иерархии ценностей, то становится возможным появление такого феномена, как «не работаю», который присутствует только в сочинениях девушек.

К основным процессуальным условиям работы можно отнести совмещение ее с учебой, совместная работа супругов.

Феномен совмещения работы с учебой появляется только в сочинениях 2002 года.

⁴³ БФ БМ 68 (Соч., ког. II, Ж, N = 10, 2002)

⁴⁴ БФ БМ 201 (Соч., ког. II, Ж, N = 10, 2002)

⁴⁵ БФ БМ 195 (Соч., ког. II, Ж, N = 5, 2002)

⁴⁶ БФ БМ 20 (Соч., ког. II, Ж, N = 10, 2002)

⁴⁷ БФ БМ 193 (Соч., ког. II, Ж, N = 8, 2002)

«Я уже начну задумываться о будущем. О том, чтобы завести свою собственную семью; о карьере, хотя она для меня не стоит на первом месте в жизни. Возможно я буду где-нибудь работать, но так, чтобы это не наносило ущерба моей учебе»⁴⁸.

«Думаю, что к этому времени с дневного отделения я переведусь на вечернее или заочное, чтобы совмещать учебу с работой. Работать я буду в редакции какой-нибудь газеты, журнала или на радио, телевидении»⁴⁹.

Основными мотивами начала работы во время учебы в вузе являются получение психологической и материальной независимости от родителей, самоутверждение.

Возможность работы с супругом рассматривают только девушки.

«Я работаю вместе со своим мужем в одной деревообрабатывающей фирме менеджером»⁵⁰.

«А если просто, то я стала экономистом по международным отношениям. Звучит, конечно, банально, зато широкий простор для творчества. И пошла работать я не куда-нибудь, а в фирму моего мужа. К тому времени он стал президентом фирмы»⁵¹.

Те девушки, которые хотели бы работать вместе с мужем, видят своего супруга стоящим на карьерной лестнице выше себя. Их роль — оказание помощи в работе мужа, они занимают второстепенное место, никогда не ставя себя выше в карьерной иерархии. Мужа рассматривают не только как опору в семейной жизни, но и в общественной.

Бизнес как альтернатива работы появляется только в сочинениях молодых людей, он отождествляется с получением большого дохода.

«Больше всего мне хотелось бы нормально жить. Я имею в виду — располагать достаточным количеством денег и свободой действий. Я хотел бы путешествовать, читать в свое удовольствие, заниматься каким-нибудь интересным делом, не зависеть от работы. Более того, мне хотелось бы, чтобы я сам себе был хозяином, то

⁴⁸ БФ БМ 182 (Соч., ког. II, Ж, N = 5, 2002)

⁴⁹ БФ БМ 199 (Соч., ког. II, Ж, N = 5, 2002)

⁵⁰ БФ БМ 66 (Соч., ког. II, Ж, N = 8, 2002)

⁵¹ БФ БМ 76 (Соч., ког. I, Ж, N = 25, 1993)

есть работал когда и как мне хотелось (бизнес, например), и главное, чтобы это было интересно (впрочем, это почти нереально)»⁵². «Я займусь бизнесом, открою сеть небольших ресторанов в Америке, т. к. в России будет не спокойно из-за чеченских банд формирований»⁵³.

В целом представление молодых людей о бизнесе еще более смутные и неопределенные, чем о семье.

Материальное благополучие (достаток) рассматривается как следствие будущей работы и носит всегда инструментальную ценность.

«Если работа будет хорошей и прибыльной, то где-то в районе 23–24 лет я куплю машину, но только на собственные деньги, которые я заработаю сама»⁵⁴.

«Скорей всего я буду жить отдельно от родителей, сама буду зарабатывать деньги себе на еду и т. д.»⁵⁵.

Потребности, реализацию которых обеспечивает материальный достаток, можно разделить на две группы — материальные и духовные блага. К первым относятся квартира, дача, коттедж, дом, автомобиль; ко вторым — путешествия, образование для собственных детей.

«Получая хорошую зарплату, я смогу купить себе 1–2 комнатную квартиру. Естественно мое будущее не будет заикливаться на материальном положении»⁵⁶.

«Хотелось бы жить в достатке и обеспечить для своих детей хорошее настоящее и будущее»⁵⁷.

«Имею все, что нужно для полноценной жизни: квартиру, машину, дачу»⁵⁸.

⁵² БФ БМ 80 (Соч., ког. I, М, N = ?, 1993)

⁵³ БФ БМ 154 (Соч., ког. II, М, N = 10, 2002)

⁵⁴ БФ БМ 18 (Соч., ког. II, Ж, N = 8, 2002)

⁵⁵ БФ БМ 18 (Соч., ког. II, Ж, N = 8, 2002)

⁵⁶ БФ БМ 24 (Соч., ког. II, Ж, N = 8, 2002)

⁵⁷ БФ БМ 14 (Соч., ког. II, Ж, N = 19, 2002)

⁵⁸ БФ БМ 116 (Соч., ког. I, Ж, N = 25, 1993)

Материальный достаток носит всегда инструментальную ценность, он позволяет достичь состояния независимости от родителей — жить отдельно и быть материально независимым, способствует самоутверждению, как в собственных глазах, так и в глазах окружающих, является одной из главных основ для собственной будущей семьи.

Анализируя биографические сочинения, исследователь имеет дело с зафиксированными на момент написания определенными социальными представлениями. С одной стороны, данные представления сформированы современным российским социокультурным контекстом, с другой, — социальные стратегии, по которым планируется устройство собственной будущей жизни.

Все без исключения школьники — авторы сочинений — видят свое ближайшее, а некоторые, и отдаленное будущее в светлых тонах, смотрят на мир оптимистично. Здесь можно провести параллель с биографиями, в которых часто можно встретить фразу «ни о чем не жалею» и т. п. Возможно, что это одно из проявлений (феноменов) биографического письма: происходит своеобразный катарсис во время описания собственной жизни.

Работа (карьера), семья, материальный достаток являются основными компонентами воображаемой жизни, описываемой в биографических сочинениях. Разный удельный вес каждого из этих компонентов определяет многообразие типов воображаемой жизни. В биографических сочинениях присутствуют гендерные различия. У молодых людей более смутные представления о семейной жизни, построение семейных отношений не является основной ценностью, главным для них чаще является будущая работа. У девушек более конкретны представления о воображаемой семье, и они склонны к более раннему построению семейных отношений. Наиболее частым типом воображаемой семьи, описываемым в биографических сочинениях, является двухдетная семья, в которой брат несколько старше собственной сестры. Здесь проявляется либо социальное представление об идеальной семье, либо коллективное бессознательное, характерное для современной социокультурной ситуации.

Биографические сочинения обладают большим исследовательским потенциалом для изучения таких феноменов как представления о семье, работе, материальном достатке и их взаимосвязи.

Автобиографические нарративы: о способах бегства от «тирании общества»

Н. Н. Цветаева

Автобиографические нарративы, результаты качественного исследования которых здесь изложены, — это воспоминания, дневники, рассказы о прожитой жизни обычных людей, которые собирает Биографический Фонд Социологического Института РАН (СПб).¹ Для современной социологии эти «документы жизни» являются новым источником социального знания, позволяющим включить в макродискурс об обществе «голоса людей», его составляющих и, тем самым, расширить горизонт исторического понимания и видения культуры общества и происходящих в нем социально-культурных изменений. В отличие от привычных для социологии опросов, задающих матрицу ответов населения на сформулированные исследователями вопросы, автобиографические нарративы предоставляют возможность посмотреть на оценки и суждения людей «изнутри», в контексте реалий их собственной жизни, и увидеть структуру осознаваемого человеком жизненного опыта и основные категории, в которых этот опыт осмысливается. Это позволяет реконструировать процесс кристаллизации культурных и речевых практик, динамику и особенности социальных представлений разных социальных групп и, тем самым, прояснить их основания, сделать видимыми процесс «определятельной работы» общества и симптоматику социально-культурных изменений.

В этой статье представлены результаты исследования автобиографических нарративов, которые присылались в Биографический Фонд в начале 1990-х годов. В этих текстах, написанных людьми, которые большую часть жизни прожили в советскую эпоху, но переживали резкую перестройку ценностных ориентиров общества, вполне очевидно проявлялись слож-

¹ Собрание Фонда постоянно пополняется, и сегодня Фонд насчитывает 650 единиц хранения, в число которых входят автобиографии, биографические интервью, генеалогии, дневники, семейные хроники, а также материалы нескольких тематических биографических конкурсов. — Подробно о собрании Фонда см.: Олег Божков, Константин Дивисенко. Электронная база данных Биографического фонда: краткий анализ материалов // «Телескоп»: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007 — 3 (63).

ные отношения (иногда доходившие до противоречий) между старыми и новыми ценностными ориентирами. Эти отношения говорили о том, как по-разному воспринимается «перестройка» в разных слоях общества и как тяжело люди отказываются от ценностных ориентиров прошлого даже тогда, когда они сами пострадали от их давления.

Конечно, многое в этих сложных отношениях между старыми и новыми ценностными ориентирами было обусловлено жестким давлением советской идеологии, господствовавшей долгое время и пресекавшей любые отклонения от магистрального курса. Тем не менее, это давление не могло быть тотальным, о чем говорили происходившие в стране перемены. И в представленном здесь исследовании автобиографических нарративов была сделана попытка ответить на вопрос, как на фоне происходящих в стране перемен человек, долгое время находившийся под жестким давлением идеологических формул советского времени, проявляет собственное понимание ценности и смысла жизни и освобождается, дистанцируется, от этих формул.

Непосредственным импульсом этого исследования были противоречия в логике изложения, которые читались в автобиографических нарративах, присланных в Фонд в начале 1990-х гг. Это были противоречия между описываемыми в нарративе реалиями жизни человека и тем, как он оценивал эти реалии. Особенно ярко они были видны в нарративах людей крестьянского происхождения 1910-х годов рождения, которые помнили процесс коллективизации их крестьянского хозяйства. Описывая, например, в своих нарративах жестокость этого процесса, они не только не обвиняли порядок, разоривший и искалечивший жизнь их семьи, а напротив, как бы оправдывали произошедшее, используя для этого оценочную риторику советской пропаганды. (Причем, такие противоречия читались в нарративах не только малообразованных людей, но и людей, имеющих высшее образование).

Сама по себе зависимость лексики биографических рассказов от идеологического языка советской эпохи, господствовавшего на протяжении многих десятилетий и понимаемого «всеми», была вполне объяснимым явлением. Трудно было ожидать, что этот язык быстро изменится, несмотря даже на то, что эти рассказы были написаны в годы перестройки, когда в общественном дискурсе присутствовала острая критика советской идеологии. С другой стороны, происходившие в стране изменения говорили о том, что зависимость логики изложения биографического рассказа от идеологических формул советского времени не была тотальной и должны быть «ростки» освобождения от нее.

Эти ростки освобождения, дистанцирования, человека от господствовавшей долгое время советской идеологической схемы, предполагалось найти в автобиографических рассказах тех, кто откликнулся на приглашение биографического конкурса «Гляжу в себя как зеркало эпохи», проведенного нашим Фондом в 1994 г. Участникам конкурса предлагалось рассказать, как в их жизни отразилась такая значимая веха в истории советского общества, как эпоха «оттепели» — 1960-е годы. Тема конкурса возникла на фоне начатых перестройкой либеральных реформ, которые активизировали в обществе интерес к эпохе «оттепели» как времени некоторой либерализации жизни страны после смерти Сталина, уже тогда позволившего человеку критично взглянуть на советскую идеологию и освободиться от некоторых ее мифов и идеологем. И свидетельств такого освобождения вполне можно было ожидать людей, которые ответили на призыв темы конкурса рассказать об этом времени и прислали свои биографические рассказы, тем самым, признав значимость этого времени в своей жизни.

Участниками конкурса оказались 93 человека, 44 женщины и 49 мужчин, чаще всего 1930-х годов рождения, т. е. те, кто встретил свое взросление в 1950-х — начале 1960-х и для кого время «оттепели» было временем их активного становления. При этом среди участников конкурса оказались люди самых разных профессий и разного уровня образования — от медсестры и шофера до инженера, врача и начальника стройки. Это позволяло надеяться, что в биографических рассказах этих людей можно будет увидеть широкий диапазон памяти об этом времени и ответить на вопрос, как «простой советский человек» оценивает происходящие в стране изменения и дистанцируется от идеологической схемы советского времени.

Способы бегства от «тирании общества»

Очевидно, что проблема дистанцирования человека от структурной идеологической схемы, доминирующей в обществе, — это не только проблема советского общественного устройства с его идеологическими пропагандистскими формулами. Иначе говоря, это не только проблема «уходящей натуры» советского общества. Символическое насилие действует всегда и всегда есть некая норма адекватности индивида культурному порядку того или иного сообщества. В этой связи нельзя не вспомнить положения теории дискурса, говорящие о заинтересованности любой власти

в утверждаемых в обществе классификациях и нормах, о политике нормализации индивида².

Анализируя биографические нарративы участников этого конкурса, я попробовала посмотреть на эту проблему по схеме, предложенной известным американским социологом Питером Бергером.³ По его мнению, когда мы изучаем, как происходят социальные изменения, мы обнаруживаем, что непосредственным действиям против старого порядка непременно предшествует внутренний распад идеологии, которая поддерживает этот порядок. Как он образно поясняет, «образ короля рухнет раньше, чем его трон». Иными словами, процесс социальных изменений начинается с формирования новых представлений о социальной реальности, новых ее определений, новых дискурсов.

Бергер называет три способа, которые, по его мнению, способствуют внутреннему распаду господствующей идеологии — три способа сопротивления, с помощью которых человек может, как он говорит, «избежать тирании общества», тирании господствующей в нем идеологии. Первый способ — это мысленное отстранение от нее. Второй — участие в антиобществах — субкультурах, основанных на отстраненных (от господствующей) идеологиях. Третий — манипулирование (или, как он говорит, умение человека «прорубать тропинки сквозь социальные джунгли, исходя из своих личных целей»).

Вот эти три способа дистанцирования человека от формул советской идеологии, которые могли способствовать внутреннему ее распаду и определить последующие социально-культурные изменения в советском обществе, я попыталась найти в биографических нарративах участников конкурса, посвященного воспоминаниям о времени «оттепели».

Первый способ — мысленное отстранение

Кажется очевидным, что самым распространенным способом «избежать тирании общества», тирании господствующей идеологической схемы и ее формул, должно быть мысленное отстранение. И кажется очевидным также, что этот способ дистанцирования должен быть свойственен, прежде всего, людям образованным, которые по определению способны, если

² Ушакин С. А. После модернизма: язык власти или власть языка // Общественные науки и современность. 1996. № 5.

³ Бергер П. Общество как драма // Человек. 1995. № 4.

не к критике, то, по крайней мере, к какой-то рефлексии по поводу происходящих в обществе изменений.

Но уровень образования участников нашего конкурса был, как уже говорилось, разным, и это различие образовало в их нарративах два совершенно разных дискурса воспоминаний об «оттепели», в каждом из которых были свои символы и метафоры. Первый дискурс — это литературный язык образованных людей (так были названы участники конкурса с высшим образованием), которые говорили об «оттепели», как правило, используя многие известные из публицистики характеристики этого времени, и определяли это время как эпоху надежд на освобождение страны и личности. Второй дискурс — язык (условно говоря) малообразованных людей (так были названы участники конкурса без высшего образования), которые фактически не выделяли «оттепель» как особую эпоху и не объясняли с этой точки зрения свое участие в конкурсе. И, естественно, что рассматриваемый здесь способ дистанцирования — мысленное отстранение — выглядел в нарративах этих двух группах участников конкурса по-разному.

Вот, например, как выглядел этот способ дистанцирования в биографическом нарративе образованного человека, полковника в отставке, кандидата технических наук. Он, человек, проживший вполне благополучную по советским меркам жизнь, так говорит о своем отстранении от советских пропагандистских формул, которое началось еще в старших классах школы:

«Я уже тогда не верил нашей пропаганде, не верил ни в братство, ни в равенство, ни в свободу, что мне преподносили на блюде. Понятие порядочности и совести у меня были свои и они остались у меня до сих пор».

Тем не менее, в целом биографические нарративы образованных участников конкурса свидетельствовали, что этот вполне доступный способ дистанцирования от советских идеологических формул был свойственен очень немногим. И рефлексия образованных людей по поводу «оттепели» и, в том числе, направленная на критику сталинского режима, оказалась весьма поверхностной. Описывая эпоху «оттепели», они, как уже говорилось, воспроизводили известные по публицистике того времени образы, когда «все вздохнуло свободно», но не шли дальше этого. Почти никто из них не говорил о таком важном политическом событии начала «оттепели», как разоблачение культа личности в докладе Хрущева. Почти не упоминались и значительные политические события постсталинского периода (такие, как Венгрия 1956 года, Чехословакия 1968 года и т. п.). Репрессии и

жестокость режима также почти не упоминались, а если и упоминались, то, как правило, осторожными фразами. Например: «среди окружающих никто не пострадал при Сталине», «ужасный 1937 год не коснулся нашего семейства». Интересно, однако, оценить эту риторику на фоне социологических данных о том, что почти треть семей была напрямую затронута сталинскими репрессиями⁴.

Конечно, надо отметить, что в условиях тотального государственного контроля над информацией в советском обществе об этих событиях люди знали в основном только из официальных источников. И автобиографические нарративы подтверждали, что узнавал человек об этих событиях, как правило, на партийных производственных собраниях и митингах и вместе со всеми принимал те оценки, которые предлагала официальная идеология. Сожаление же о своей наивности («Я стоял как болван среди всех и верил, верил, верил...») или какая-то критика своей слепоты в отношении этой идеологии участники конкурса высказывали тоже довольно редко.

В качестве одного из объяснений уклонения образованных участников конкурса от серьезного анализа эпохи «оттепели» можно назвать изначальную ангажированность советской интеллигенции в идеологию, ее близость к власти⁵. Как известно, получение диплома о высшем образовании открывало дорогу к привилегированному положению в советском обществе и обретению этой близости. Тем более, когда это подкреплялось успешной служебной карьерой и сопутствующим ей вступлением в партию. (Другой вопрос, что поступление в вузы тоже было идеологически «квотируемо»). Эту ангажированность образованных людей можно было прочесть в нарративах, когда человек, даже критикуя советское прошлое, сохранял «принципиальную верность идее» или считал, что «гнусности зависели не от системы, а от негодяев, действовавших от ее имени» и что «война оправдывает все негативное, что было сделано до 1953 года».

Из биографических нарративов образованных участников конкурса выяснялись и другие характеристики этой ангажированности. Например, в некоторых семьях «все знали об ужасах сталинизма еще до XX съезда» и это не мешало относиться к Сталину как «к вождю, без которого страна

⁴ Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: Мировой океан. 1993. С. 258.

⁵ Левада Ю. А. Проблема интеллигенции в современной России // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. (Международный симпозиум 17–19 декабря 1993 г.). М. 1994.

может пропасть». А общим пафосом лояльности к сталинскому режиму и советской системе в целом в нарративах этого типа были суждения такого типа: «жизнь прожита не напрасно», «нужно взять из разрушенного мировоззрения лучшее», «исправить недостатки социализма».

В свою очередь малообразованные участники конкурса (напомню, так условно были названы участники конкурса без высшего образования) в своих нарративах в принципе, как уже говорилось, не использовали каких-либо известных по публицистике характеристик и образов «оттепели». И это, несмотря на то, что они участвовали в биографическом конкурсе, посвященном воспоминаниям об этом времени. Повторю, дискурсы образованных и малообразованных участников конкурса в описании «оттепели» совершенно различались. Малообразованные участники конкурса говорили об этом времени только на практическом уровне. В основном — как о происходивших тогда реальных событиях, прежде всего обусловленных реформами Хрущева. Так, например, они вспоминали о «перебоях с хлебом», «о посеве кукурузы», затеянной Хрущевым и тому подобных событиях. Но не больше. Иными словами, эпоха 1960-х годов вообще не фиксировалась ими как «оттепель», как смягчение режима и возможность некоторого освобождения страны и личности.

Этот отказ малообразованных участников конкурса обсуждать идеологические проблемы «оттепели» и их практическую установку в восприятии этих проблем можно интерпретировать как результат их низкого положения в обществе, в котором они вынуждены приспосабливаться к своим обстоятельствам, и считают себя исключенными из идеологической борьбы. Однако обратными сторонами их молчаливого приспособления к навязанным обстоятельствам оказываются «скрытая ненависть и скрытое оскорбление хозяев»⁶. И эти обратные стороны можно было прочесть в биографических нарративах этой группы участников конкурса. Они проявлялись как презрительное (иногда даже циничное) отношение ко всему, что связано с идеологическими вопросами и, прежде всего, как презрительное отношение к власти. Например, к тому же Хрущеву, которого они часто называют уничижительно Хрущем и осуждают его действия: «Хрущ что-то там опять натворил...». Возможно, что это презрительное отношение низших социальных слоев и можно назвать способом их мысленного отстранения.

⁶ Руус П. От фермы к офису: уверенность в себе и новый средний класс // Вопросы социологии. М.: Socio-Logos. 1993. № 1/2. С. 141.

Второй способ — субкультуры

Еще один, названный Бергером, способ «избежать тирании общества» — участие в антиобществах — субкультурах, основанных на отстраненных идеологиях. И вполне очевидно, что это самый редкий для советской эпохи, жестко контролировавшей общественное поведение людей, способ дистанцирования человека от господствующих идеологических норм. Понятно, что в условиях жесткого идеологического контроля (существовавшего в советском обществе даже в эпоху «оттепели») появление субкультур было почти невозможно, во всяком случае, сразу пресекалось властью.

Я попыталась найти в биографических нарративах участников конкурса упоминания о таких, казалось бы, естественных, субкультурах как формы молодежного общения. — Ведь молодежь, как известно, уже по своей природе стремится отгородиться от «взрослого», нормативного, идеологического контроля. Однако упоминания о таких формах общения молодежи, которые однозначно можно было бы отнести к субкультурам идеологического дистанцирования, в биографических нарративах участников нашего конкурса я не встретила. Не фигурируют в их нарративах и друзья, оказавшие какое-то влияние в детстве или в молодости. Единичные случаи — это упоминания дружеской компании с песнями «бардов» под гитару или литературного кружка. Чаще всего в их нарративах встречается описание студенческих поездок с сокурсниками на летнюю практику, целину и даже на похороны Сталина, т. е., можно сказать, официально признанные и пропагандируемые формы общения молодежи того времени.

Если говорить о диссидентском движении и его разновидностях как субкультурах, то, как показало знаменитое исследование истории инакомыслия в СССР Людмилы Алексеевой⁷, этот полюс оппозиционности к советской идеологии является настолько редким явлением, что его трудно использовать для характеристики даже образованной части советского общества. Во всяком случае, среди участников биографического конкурса, посвященного «оттепели», не оказалось ни одного человека, участвовавшего в правозащитном движении или как-то активно обнаружившего свое инакомыслие.

⁷ Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Весть. Вильнюс-Москва. 1992.

Третий способ — манипулирование

Наконец о том, как в биографических нарративах участников конкурса выглядит третий, названный Бергером, способ «избежать тирании общества» — манипулирование или умение «прорубать тропинки сквозь социальные джунгли, исходя из своих личных целей».

Известно, что эти умения и практики приспособления человека к официально провозглашаемым нормам советского общества, были не только массовыми, но и виртуозными. Об опыте накопленных советскими людьми практик приспособления можно было судить, например, по размерам «неформальной» экономики. Иными словами, манипулирование, по всей видимости, можно считать самым распространенным способом дистанцирования, ведь его использовали, пытаясь выжить в жестком идеологическом режиме, по мере возможности все — и образованные, и малообразованные люди.

В биографических нарративах участников конкурса этот способ дистанцирования описывается, как умение использовать «лазейки», которые, так или иначе, обнаруживаются в любой (даже очень жестко организованной) общественной системе. А проиллюстрировать это умение можно ироническими словами одного из участников конкурса:

«Народ давно привык к различным кампаниям и умел быстро и грамотно откликаться» или «В игре с государством кое-какие очки я отыграл».

Вместо заключения: еще один способ — выбор, риск, ответственность

Все рассмотренные способы дистанцирования, которые, по мнению Бергера, расшатывают господствующую в обществе идеологическую схему и основанную на ней систему власти, имеют и другую сторону. Своеобразная оппозиция между властью и людьми, которые используют эти способы, эти «лазейки» (причем, в массовом масштабе), в тоже время укрепляет существующий порядок, скрывая истинные отношения в обществе. Бергер также признает, что все эти способы дистанцирования так или иначе оказываются способами «вписывания» в господствующей символический порядок. Но, как он добавляет, общество может, как стать прибежищем от свободы, так и дать шанс для ее достижения. И люди обманывают себя, когда говорят, что у них нет выбора, у каждого человека есть выбор, ка-

ждуемую социальную роль можно играть сознательно или слепо⁸. Это рассуждение Бергера отчасти иллюстрируют и слова известного советского писателя К.Симонова, анализировавшего свое отношение к Сталину: «Было и такое, о чем можно было и следовало думать до XX съезда, и оснований для этого было достаточно. Решимости не хватало куда больше, чем оснований»⁹.

Я попыталась посмотреть на проблему дистанцирования от формул советской идеологии также и с этой стороны. — Со стороны выбора и решимости человека проявить на протяжении жизненного пути собственное (независимое от идеологических стандартов советского времени) понимание ценностей и смысла жизни, причем, проявить это понимание какими-то нестандартными поступками. Другими словами, я попыталась найти в биографических нарративах участников конкурса несвойственные, как считалось, «простому советскому человеку» ценностно-ориентированные действия, свидетельствующие о самостоятельном выборе, индивидуальном риске и ответственности негарантированного повседневного существования¹⁰.

Такого рода ценностно-ориентированными действиями можно было назвать поступки только нескольких участников конкурса. Все они были образованными и профессиональными людьми: главный врач поликлиники, инженер-конструктор и изобретатель. Их поступки: усыновление приемного ребенка вопреки обстоятельствам, осложнившим личную жизнь, поиски творческой работы без боязни потерять хорошо оплачиваемое место, «свободная жизнь странствующего ремесленника». Подчеркну, что этих людей нельзя было назвать оппозиционерами в отношении норм советского общества. Они прожили вполне советскую жизнь, часто даже очень успешную с точки зрения этих норм. Говоря словами одного из них: «Все пробежки и передышки соответствуют шагу и поворотам всей страны». Но среди участников конкурса их выделяло то, что можно назвать культурной интенсивностью жизни (в отличие от известного в советской социологии термина «культурная активность», которая измерялась количеством прочитываемых книг, посещением театров, музеев и т. п.).

Культурная интенсивность их жизни проявлялась, прежде всего, в профессионализме. У всех троих было высшее образование, и все они дости-

⁸ Бергер П. Общество как драма // Человек. 1995. № 4. С. 32.

⁹ Симонов К. Глазами человека моего поколения // Знамя. 1988. №3. С.32.

¹⁰ Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М. 1993. С. 241.

гли определенных высот в той профессии, которой занимались на протяжении жизни. Причем, их профессионализм характеризует не столько сама успешность карьеры, сколько неординарное и творческое отношение к своей профессии. И даже членство в партии, которое в советское время было почти необходимым условием успешной карьеры образованного человека, выглядит в их биографических нарративах не как результат приспособления к формулам и нормам советской системы, а как искренняя попытка использовать собственные возможности быть честным и как-то «исправить» эту систему. И это тоже можно было, на мой взгляд, отнести к характеристикам культурной интенсивности их жизни, тем более, если согласиться с точкой зрения, что в советском обществе чувство сопричастности государству, его делам и идеям, было фактически единственным способом самоутверждения личности, обретения ею субъектности¹¹.

Хотелось бы также подчеркнуть, что речь идет не об умении этих людей придать описанию своей жизни литературную форму, о талантливом мифотворчестве (термин, которым подчеркивается литературоцентризм русской культуры¹²) и не об умении достаточно аргументировано мотивировать свои поступки, присущем образованному человеку. Речь идет о прочитываемой в их нарративах последовательной линии поведения, осуществляемой на протяжении всей жизни, о том, что социологи называют культурой личного достижения. При этом отчетливо прочитывались два фокуса их достижений — общественный и личный, но общественный никогда не заменял и не подавлял личный, между ними существовала дистанция, которая выражалась, в частности, в умении критиковать не только идеологические мифы прошлого, а и свое участие в поддержании этих мифов.

Если теперь вспомнить слова П. Бергера, эти люди не прятались с помощью общества от свободы и играли свои роли в обществе сознательно, а не слепо. Но, к сожалению, такой способ, как выбор, риск, ответственность человека за свою жизнь, оказался в биографических нарративах участников конкурса «шестидесятников» очень редким способом «избегать тирании общества».

¹¹ Романов В. Н. Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. М. 1991. С. 171–177.

¹² П. Вайль, А. Генис: Страна слов // Новый мир. 1991. № 4. С. 250.

Школа-студия глубинного интервью

как эксполлярная форма подготовки социолога-исследователя

И. Е. Штейнберг

Основная «болевая точка» при использовании метода глубинного интервью в социологии — сам исследователь как основной «инструмент» получения соответствующего знания. В отличие от логики анкетного количественного опроса, логика качественного глубинного интервью предполагает, что интервьюер знает, зачем он задает свои вопросы и что собирается делать с ответами на них. Это возможно только при условии, если он сам участвует во всех этапах исследования — разрабатывает программу, проводит интервью, обрабатывает и анализирует полученные данные, делает выводы и пишет отчет. Соответственно достоверность итогового научного продукта в качественном исследовании находится в прямой зависимости от подготовленности исследователя как «инструмента» для получения знания.

Современные способы обучения качественным методам в социологии можно условно представить в виде шкалы, где на одном полюсе находятся штатные лекции и семинары-практикумы, а на другом — «практика и еще раз практика». Однако гипотеза состоит в том, что наиболее эффективные мастера глубинных интервью «шлифовали» себя как исследователей по преимуществу вне этих полюсов. Большинство из них, по крайней мере, среди встретившихся мне за последние десять лет, приобрели умение в исследовательских проектах, имевших следующую особенность: в них уделялось особое внимание методической рефлексии, то есть целью работы было не только получение научного результата, но и рост квалификации самого исследователя. Этот формат обучения более напоминает профессиональную «артель» с элементами обучающих программ.

Например, такие эксполлярные (вне полюсов) формы овладения методом глубинного интервью можно встретить в проектах Левада-Центра (Москва), ФОМа (Москва), ЦНСИ (Санкт-Петербург), ЦНСИ (Иркутск), НИЦ «Регион» (Ульяновск) Центре гендерных исследований (Саратов).

Однако называть эти обучающие практики системой можно лишь условно, так как в них трудно выделить общую методологическую основу

подготовки исследователя, специализированную обучающую программу. Иными словами, есть разнообразные системы подготовки интервьюера, наблюдателя, модератора фокус-групп для качественных исследований, но нет системы «выращивания» социолога-исследователя, владеющего качественной методологией как способом мышления, превращающего себя в «инструмент исследования». В идеале хотелось бы иметь, что-то наподобие «системы Станиславского», где из актерского искусства выделяются элементы ремесла, которым могут обучать все подготовленные для этого специалисты (основной признак метода) и получать устойчивые результаты в виде профессиональных «актеров» с базовой подготовкой, которая потом дает возможность «творить искусство» в меру своего таланта.

Школа-студия глубинного интервью — это попытка создать такую экзотическую систему подготовки социолога-исследователя. Главным свойством исследователя мы считаем, то, что Кант называл «автономностью мышления»¹, что для глубинного интервью является базой методической рефлексии. Методологической основой Школы-студии является концепция двойной рефлексивности, разработанная и апробированная Теодором Шаниным в ходе десятилетнего междисциплинарного изучения российского села (1990–2001 гг.)². В ее основе — неокантианская традиция интерсубъективизма, методика создания научного коллектива исследователей для групповой рефлексии личного исследовательского опыта и проведения аналитической триангуляции результатов исследования (метод «длинного стола»).

Деятельность Школы-студии проходит на базе «реальных», а не учебных исследований, но включает специальные методы подготовки Исследователя на всех циклах полевой работы. Это объясняется, тем, что обучение навыкам владения социологическим инструментарием в вузе происходит чаще всего с помощью «тренажеров» (интервью с учебной целью в паре студентов). Это важно, но недостаточно, особенно при условии, что иссле-

¹ Э. Кант считал главной характеристикой ученого «способность судить автономно, т. е. свободно (сообразно с принципами мышления вообще)», которую он, собственно, и называл разумом (Кант Э. Спор факультетов // Сочинения в шести томах. Т. 6. М.: Мысль, 1996. С. 324).

² Результаты опубликованы в: Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Е. М. Ковалев, И. Е. Штейнберг. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999; Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России / Под. ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2002.

дователь должен почувствовать себя в полной мере рабочим инструментом.

Для этого, на этапе «до поля» происходит поиск и тестирование «ключевого исследовательского вопроса» в конкретном социологическом исследовании участника школы-студии (диссертационном или заказном). Есть, конечно, свои «тренажеры» — это различные упражнения по способности доверять своим чувствам в работе с респондентом, по алгоритмам работы с «трудными» респондентами, по выявлению индивидуального стиля исследователя как интервьюера и т. п.

Как правило, предметом обсуждения за «длинным столом» являются вопросы, которые возникают по ходу проведения исследования, в зависимости от этапа, на котором находится исследователь («до поля, в поле, после поля»). Однако существует определенная последовательность и выбор вопросов для группового обсуждения, которые составляют элементы ремесла исследователя-качественника. Например, «достоверность и валидность в глубинном интервью», «компетенция и компетентность исследователя в поле», «основы доверительности респондента», «гипотеза в глубинном интервью», «понимание и объяснение смысла ответа».

На этапе работы «после поля» работа построена на основе метода аналитической триангуляции, т. е. обсуждение результатов исследования и рабочих схем качественного анализа несколькими исследователями. Конечный этап работы — штатный отчет с соблюдением правил представления выводов исследования, а в полном формате — это статья, принятая редакцией признанного в научном сообществе журнала.

Слушателями Школы являются профессиональные социологи из числа научных работников и аспирантов, готовящих диссертации, полевые исследователи. ШСГИ имеет три формата:

- 1) «один «длинный стол» — одна тема»: группа полевых исследователей работает над одной темой социологического проекта в течение всего срока его проведения;
- 2) «один «длинный стол» — разные темы»: группа научных сотрудников или аспирантов работают в режиме «длинного стола» над исследованиями по теме своих диссертаций в течение учебного года, встречаясь не реже 1–2 раз в месяц;
- 3) «социологический тренинг двойной рефлексивности» (СТДР) — экспресс-метод подготовки социолога-исследователя для проведения качественного исследования методом глубинного интервью (продолжительность занятий — 6 или 12 часов).

В настоящее время занятия в «формате 3» проводятся уже третий год в рамках курса по качественным методам при Центре социологического и политологического образования Института социологии РАН. Занятия в «формате 2» проходят на базе кафедры социологии СГТУ, «формате 1» — в рамках конкретных социологических исследований с участием автора этих строк. Публикуемые статьи подготовлены участниками ШСГИ на базе кафедры социологии СГТУ в формате «один «длинный стол» — разные темы».

Проблемы формирования российского экспертного сообщества в области стволово-клеточных биотехнологий¹

О. Оберемко, В. Полякова

Разработка медицинских технологий, связанных с использованием стволовых клеток (СК), — передовая, инновационная область, в которой, естественно, мало, что завершено и определено. При этом ее социальная и гуманистическая значимость обостряет обычную для разработки и внедрения инноваций проблемную ситуацию. С одной стороны, велика цена человеческих жизней, которые может унести клиническое применение методов, не прошедших тщательную проверку, с другой — велика цена промедления в развитии инновации, которая может не только спасать, но и восстанавливать качество жизнедеятельности. Для развития этой перспективной отрасли очевидна необходимость согласованной и компетентной выработки общих для всех участников взаимодействия правил. Возможности подобного консенсусного предприятия оказались в фокусе внимания пилотного проекта, посвященного исследованию российского биомедицинского сообщества, работающего в области СК-терапии. Было проведено 22 глубинных интервью с экспертами в Москве и Новосибирске, в число которых вошли 10 ученых, чьи работы связаны с определенными методами СК-терапии, 2 представителя негосударственных научных организаций, 7 клиницистов, а также 3 представителя коммерческих организаций (2 клиники и 1 банк стволовых клеток).

Столкновение этосов науки, медицины и бизнеса

И СМИ, и наши информанты подчеркивают, что фантастические перспективы развития принципиально новой медицины соседствуют с сомнительностью и даже криминальностью предлагаемых услуг, предусматри-

¹ Публикация подготовлена по результатам исследования «Инновации в медицине: развитие стволово-клеточных биотехнологий», проведенного в апреле-мае 2008 г. в рамках проекта Фонда «Общественное мнение» «Люди-XXI», при реализации которого использовались средства, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента РФ от 30 июня 2007 г. № 367-рп.

вающих использование СК. Дело не только в том, что кто-то незатейливо ориентируется на психологические особенности несведущих людей, пытается продвигать СК как панацею от всех недугов и неспецифически применяет СК-терапию. Это в первую очередь развито в сфере косметологии. Но также есть те, кто занимает ответственные посты в научных и медицинских иерархиях, но применяет непроверенные новшества, стремясь оказать возможную помощь, и в этой части субъективный смысл поступка вполне соответствует врачебной этике, хотя объективно — это нарушение.

Впрочем, наши информанты не были склонны демонизировать тех, у кого они отмечали не соответствующее строгим профессиональным нормам поведение (за исключением косметологов и подпольных деятелей). Например, пациент, которому сеанс СК стоил порядка 50 тыс. руб. (для него, по его же словам, недешево) и около года неправильного лечения ввиду неверной диагностики, довольно уважительно говорит о неправильно лечившем его враче и упоминает о том, что тот реально помогал людям инновационными методиками: «Я попал к одному профессору, который на тот момент занимался применением различных инновационных медицинских технологий. Рекомендовал хирург, доктор наук, который после операции, как реабилитацию, частенько направлял к этому врачу своих пациентов. А тот был в определенных кругах, в общем-то уважаем, да в принципе он как-то стоил того. Т. е. помогал реально людям, применяя различные новые методики». При этом нужно сказать, что когда этому пациенту предложили поучаствовать в эксперименте (правда, за плату!?), к тому времени его уже в течение двух лет угнетал недуг едва ли не до отчаяния, и никто не мог поставить правильный диагноз. СК терапия была предложена в ряду других инновационных методов. В данном случае этот пациент, по всей видимости, был категоризован как безнадежный больной, в том числе, ввиду безуспешной диагностики.

На лицо столкновение разных ценностно-нормативных систем: науки, медицины и бизнеса. Если для ученого высшая ценность — это достоверное, надежное знание, которое ценно независимо от его практической применимости, то для врача — это знание, которое можно использовать для излечения. Научный этос в сочетании с идеей гуманизма может заставлять использовать до конца не удостоверенное знание, а этос гуманиста-врача может требовать его применения в качестве метода последней надежды в безнадежных случаях. Ибо худший исход от применения непроверенного средства не отличается от достоверно известного исхода его неприменения. Для бизнеса типически высшая ценность — экономическая целесообразность. И хотя это может показаться далеко отстоящим от забо-

ты двух других этосов, надо понимать, что и для производства достоверного знания, и для производства действенной высокотехнологичной заботы о людях требуется материальная база.

Если мы вынесем за скобки преднамеренное мошенничество, то возможность того, что кто-то кого-то ответственно и публично захочет назвать шарлатаном, останется. Возможность появления деклараций о «шарлатанах», «магах» и «мошенниках» коренится не столько в персональных характеристиках «шарлатанов» и др., сколько в социально-структурных характеристиках производства данной инновации. Оказываясь на пересечении трех этосов, актер вынужден делать нелегкий выбор, чтобы найти приемлемую, взвешенную их комбинацию. Стоит новатору только сделать несколько шагов, в результате которых неустойчивое равновесие будет нарушено, он рискует прослыть шарлатаном. Подчеркнем, что о сознательном мошенничестве мы сейчас не говорим.

Слабость российского экспертного сообщества

Конфликт интересов, характерный для любой инновационной среды, сопровождается, мягко говоря, сдержанными оценками общего уровня развития этого медико-биологического направления. Едва ли не каждый эксперт называет свою разбросанную по стране «компанию», куда включаются отдельные специалисты и центры, но нет многочисленного и плотного сообщества с развитой профессиональной культурой, члены которого признают друг друга, интенсивно общаются и играют по общепризнанным правилам. Отсюда и самоощущение, что едва ли не каждому мужественно приходится вести исследование в одиночку, как в чистом поле: «Специалистов в России, сложно сказать, их по пальцам перечесть можно. Тем более еще следящие за зарубежными — это единицы. Так что некому экспертизу проводить. А слов наговорить, тут проблемы нет» (ученый, Новосибирск). Т. о. специалистов в достаточном количестве для квалифицированной экспертизы нет, но зато хватает демагогов, которые за словом в карман не лезут и в принципе готовы поучаствовать в обсуждении. Как и в случае с шарлатанством, прослыть демагогом легче, когда нет ни хотя бы самого общего понимания предмета, ни общих правил. Если ты не видишь ни того, ни другого, убедить себя (и других), что ты дело говоришь (и делаешь) гораздо труднее. Здесь может показаться удобным отгородиться от «враждебного мира», где тебя не понимают. Но для работы в высокотехнологичной сфере это тупиковый путь. Помимо «одинок в чистом поле» назойливо приходит и другая ме-

тафора — феодальной раздробленности, порождаемой неналаженностью внутри России каналов профессиональной коммуникации, без которой профессиональное сообщество не может формироваться: «Есть вещи, которых мы не знаем, мы хорошо знаем Москву, но мы плохо знаем Новосибирск, что творится во Владивостоке в этой области...» (директор клиники, Москва).

Конечно, мало обозначить создание каналов коммуникации, кто-то должен наполнять их содержанием. Но и на слухах сообщества не организуешь: «В нашей стране на крайне низком уровне все это оперирование. Я только по слухам знаю, что в Москве, вроде, в онкоцентре такие операции делают (...) с реимплантацией собственного костного мозга. В основном, все делают это в Германии и в США. В России не делают этих вещей». Социологу, конечно, трудно понять, что отражает данная низкая оценка: низкий уровень работы или слабую заботу об информировании заинтересованных коллег. Между тем речь идет о рутинных методах лечения рака желудка: «За рубежом, индустриальные страны, если это не множественные метастазы, опухоль до 80% <случаев> — это излечимая вещь, даже если она большая, и возраст его там... Дорого, <...>, но им лечится медицина вся страховая в индустриальных странах. И поэтому там резко снижена <смертность>, онкология там давно не на первом месте» (статусный сотрудник ведущего НИИ, Новосибирск).

Отставание в развитии конкретных технологий лечения порождает стремление к неуместно универсальному применению одного недоосвоенного метода: «У нас при крайне низкой еще академической науке стали применять клетки <...> для всего. Цирроз лечат, диабет лечат, все лечат» (ученый, Новосибирск). Таким образом, развитая специализация подменяется слабодифференцированным универсализмом, который оборачивается механической всеядностью, т. е. непрофессионализмом.

Почему у нас мало специалистов и почему мы отстаем в науке и практике? Самое простое объяснение — нет финансирования. Оно и озвучивается информантами прежде всего. Но если задаться практическим вопросом, а кого можно было бы финансировать, есть ли условия для прозрачного и простого механизма отбора для производства в новаторы посредством обильного финансирования?

Организация коммуникативных разрывов

В науке, как и в других институтах, можно различать правила, регулирующие взаимодействие между людьми, и правила, регулирующие предметную деятельность. Во втором случае процесс установления правил имеет мень-

шую политическую природу, чем в первом. А вот отказ подчиняться правилам отчетливо репрезентирует осознанную «политику индивидуализирующей идентичности». При этом создается впечатление, что канонические правила получения научного знания (постановки эксперимента) были выполнены. В интервью были упомянуты следующие коммуникативные разрывы.

1. Отсутствие культуры документирования исследований исключает воспроизводство эксперимента и/или его проверку по лабораторным журналам: «У нас в России нет ни одного клинического, правильно сделанного клинического исследования. Вот мне человек будет говорить, допустим, мы провели клинические исследования. А где у вас контролинг? где у вас группы сравнения? где у вас правильная доказательная база?..» (клиницист, Москва).
2. «Конструирование» доказательной базы в стремлении доказать эффективность негодных методов: «Ведь они же, когда говорят об улучшении, берут онкологического больного, который все равно умрет. Это обычно, либо из бомжей часто бывает, хронический алкоголик, цирроз они лечат. Ну берут последнюю стадию цирроза, уже когда он не жилец, его можно продержать на глюкозе, переливании крови месяца 3-4. Начинают ему заталкивать эти клетки. Может оттого, что он в клинике не пьет, какие-то препараты дают общеукрепляющие, витамины, у него, и так ясно, будет какое-то улучшение. Скажем, у них было 7 больных, вроде двое 2 или 3 месяца дольше жили. Вот и вся доказательная база» (ученый, Новосибирск).
3. Распыление ответственности путем необоснованного ее делегирования: «Еще у них такая манера. Этот вроде как мозг этого всего, академик медицинский (т. е. работает в институте РАМН), а делают-то в клинике (то есть, в не подчиняющемся РАМН учреждении). Те говорят: «А нам дают этот материал. Мы ничего не знаем, мы вводим». А этого спрашиваем: «А что вы даете?» — «Мы даем вот это, а что они там делают, мы не знаем» (ученый, Новосибирск).
4. Стремление узурпировать ответственность за счет исключения неудобных из числа экспертов по принципу «свои — чужие»: «Нас (ученых) он (академик РАМН) игнорирует — мы другая система. Ну и мы вроде как чистоплюи, а он — людей лечит, а мы — мышами и все такое» (ученый, Новосибирск).

«Требования к медицине, к практике другие — они жестче, чем требования к академической науке, <...> и это правильно на самом деле (клиницист, Новосибирск).

«Обычно кого приглашают в эксперты? Именитых людей... т. е. академиков. А это технологии-то совсем новые, они буквально 5-10 лет. <...> Я приведу банальный пример. Приходит солидный человек, который работает в клинической области и читает: «В культуре клеток для того, чтобы они не контаминировались, добавляют стрептомицин и пенициллин». Это антибиотики старые-старые. «Что?! Такие антибиотики в культуры? Да в жизни я такую технологию не пущу!». А для клеточных технологий — это стандарт. Специалист из одной области, пусть даже очень высокого профиля, но в клеточной технологии он совершенно со своими как бы подходами идет, которые не годятся здесь» (клиницист, Новосибирск).

Во всех приведенных случаях речь идет о границе, которую выстраивают клиницисты: именно они видят необходимость защищаться. От чего или кого они защищаются: от ученых со строгими критериями, или от упоминавшегося выше непрофессионального универсализма, от которого не застрахован ни чистый ученый, ни академик с практическим опытом, но в другой области? Чего здесь больше: узурпации ответственности или вынужденной защиты? Социолог в пределах профессиональной компетенции может констатировать: отсутствие самоорганизующихся экспертных сообществ, имеющих возможность работать и в активной дискуссии, устраняя коммуникативные разрывы, вырабатывать собственные правила работы, не оставляет надежд на развитие инноваций в высоко технологичной сфере.

К формированию коллективного субъекта

Что же получается? В условиях затянувшегося кризиса в российской науке происходит неадекватная рецепция инородных для науки ценностей и правил, свойственных экономической деятельности, что приводит к коммуникативным разрывам и отказу следовать собственным институциональным правилам. Это приводит к разобщенности экспертного сообщества, затрудняет формирование и принятие правил, признаваемыми всеми участниками. Без правил и вне сообщества могут реализовываться только простейшие схемы координации взаимодействий между участниками, преследующими примитивные (по своей структуре) цели. Высокотехнологичная наука и медицина как сложные институциональные среды (как, впрочем, и сложный бизнес) для своего развития требуют сложные схемы координации между участниками, обладающими развитой и ориентированной на сообщество субъектностью. В целом эта мысль осознается российским экспертным сообществом, хотя далеко не все готовы принимать активное участие

в формировании новой системы правил и институциональной организации. Так можно добывать не просто знание само по себе и не просто полезное знание, но востребованное знание.

Те, кто действует на передовой, понимают, в современных реалиях без участия разных типов игроков не обойтись. Чтобы изменить ситуацию необходимо, чтобы не один, а все участники изменили свою стратегию поведения. В теории игр такая ситуация называется равновесием Нэша, когда ни один участник не может повысить свой выигрыш, изменив решение в одностороннем порядке, если другие участники не меняют решения. В качестве примера приведем фрагмент интервью, в котором показывается проблема взаимодействия бизнеса и науки не только с позиций злоупотребления: «Я знаю многих директоров институтов лично, многих академиков. Когда с ними начинаешь вести разговор о сотрудничестве в экономическом плане, единственное, что они понимают, они говорят, что если у вас есть деньги, давайте мы их возьмем. Ты говоришь: нет, я не спонсор, я инвестор. Я готов дать вам деньги, чтобы мы получили продукт, распределили его, договорились о том-то, о том-то. Глаза у академиков сводятся в одну точку: они не понимают, как это объединять усилия» (руководитель биотехнологической компании, Москва). Здесь очевидна неготовность ученых к кооперации, когда они должны нести ответственность перед бизнесом. Это позволяет сделать вывод, что инициатива социальных изменений исходит не только от ученых и врачей, но и от инвесторов, которые впрочем, тоже бывают выходцами из научных кругов.

Таким образом, на фоне столкновения различных ценностно-нормативных систем назрел новый этап в развитии биомедицины, связанной с СК, а именно этап формирования коллективной субъектности экспертного сообщества, которое будет способно вырабатывать и институционализировать такие нормы и образцы взаимодействия между участниками, которые позволяют извлекать преимущества от сотрудничества.

Разработка моделей социальных явлений с помощью Data MINING¹

В. С. Аbruков,
Е. В. Карлович

Введение. Постановка задачи. Социальные системы относятся к классу сверхсложных. Они включают в себя разнообразные подсистемы и элементы, характеризуются большим количеством параметров. Их образование и развитие определяются взаимодействием различных внутренних и внешних факторов. Поэтому создание их моделей всегда сопровождается большими трудностями. С этой точки зрения проблема развития методов моделирования социальных систем на основе современных методов анализа данных является актуальной.

Семья — пример сложной социальной системы. Образование и распад семьи являются одними из наиболее распространенных социальных явлений. По данным социологических опросов, семью считают самой значимой сферой жизни и молодые и пожилые, и богатые и бедные. Поэтому задачи исследования семейных отношений являются очень важными. В частности, очень важными являются задачи определения условий образования долговременной («счастливой») семьи, диагностики существующих семейных отношений, определения причин возникновения кризиса брака, разработки мер предотвращения кризиса брака. Но в настоящее время не существуют количественных критериев определения перспектив будущего брака и диагностики существующего брака, отсутствуют многофакторные количественные модели семейных отношений. Главной причиной является сложность семейных отношений, в которых переплетаются психофизиологические, социальные и экономические факторы. С этой точки зрения Data Mining (DM) являются перспективными методами моделирования, так как они позволяют одновременно анализировать как количественные, так и качественные данные, получать многофакторные вычислительные модели, в том числе и на основе неполных данных об исследуемой системе.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, код проекта 07-06-00277.

Ранее методы DM уже использовались на кафедре теплофизики ЧГУ для построения вычислительных моделей при решении прямых и обратных задач оптики на основе неполных данных об изображении, в частности на основе измерения оптического сигнала всего в одной точке плоскости изображения («одноточечное измерение»); для определения профилей температур в волне горения с помощью измерения скорости горения; для предсказания формы волны на свободной поверхности жидкости (задача цунами); для создания модели автоматической системы управления котельным агрегатом во время переходных процессов; для создания модели перехода от медленного горения к детонации при различных условиях эксперимента; для определения закономерностей горения конденсированных систем при различных давлениях и для различных составов.

Цель работы. Целью работы является разработка методологической базы и технологий применения DM при построении количественных моделей социальных явлений на примере анализа семейных отношений. Целью первого этапа работы было решение конкретной задачи построения количественных вычислительных моделей семейных отношений, приводящих к разводу. Методология решения этой задачи может быть полезной для различных социальных явлений и систем, которые можно отнести к классу неполно определенных систем и для которых вследствие сложности системы или трудностей измерения всех необходимых параметров невозможно охарактеризовать систему полностью.

Методы исследования, результаты и их обсуждение. При выполнении работы использовались данные опроса разведенных супругов. Всего было использовано 127 интервью.

Для анализа данных использовались DM, включенные в аналитическую платформу *Deductor*².

Были использованы следующие методы: корреляционный анализ, дерево решений, искусственные нейронные сети, карты Кохонена. Основное внимание было уделено выявлению скрытых закономерностей в данных и построению количественных моделей разводящихся семей. Продолжительность брака (ПБ) была выбрана в качестве целевой функции. Выбор в качестве объекта на первом этапе работы именно разведенных семей был обусловлен тем, что в этом случае можно четко определить целевую функцию.

² Разработчик — ООО «Аналитические технологии» — BaseGroup Lab, г. Рязань, www.basegroup.ru

Примеры некоторых результатов, иллюстрирующих возможности DM, представлены в Приложениях. С помощью метода искусственных нейронных сетей были созданы «вычислительные» модели семейных отношений, приводящих к разводу. На их основе можно не только определять (прогнозировать) продолжительность брака для людей, вступающих в брак, и для людей, живущих в настоящее время в браке, но и вырабатывать рекомендации (управленческие решения) для увеличения продолжительности брака. В настоящее время эти модели представлены в двух видах:

- 1) модели, предназначенные для специалистов в области DM;
- 2) модели, предназначенные для пользователей (неспециалистов).

Первые модели позволяют менять сценарии анализа данных и строить свои версии моделей на основе своих данных. Вторые модели позволяют получать прогноз на основе своих данных без изменения сценария анализа данных и модели. В последнем случае работа пользователя не требует никаких знаний, кроме знания основ работы на компьютере, и данные модели могут использоваться широким кругом населения. Достаточно ввести свои данные о существующем или предполагаемом браке, и модель выдаст прогноз продолжительности брака. Подобрать значения факторов, обеспечивающие наибольшую продолжительность брака, можно определить, из кого надо выбирать будущего супруга или что надо изменить в существующем уже браке (выработать управляющие воздействия). Конечно, надо учесть, что созданные к настоящему времени модели необходимо рассматривать как примеры, так как использованная пока база данных была относительно невелика (127 интервью).

Анализ результатов показывает, что DM позволяет принципиально расширить возможности исследования социальных явлений, строить вычислительные модели социальных явлений.

На основе нашего исследования, анализа литературы по теме работы, а также в процессе обсуждения результатов работы на форумах различных сайтов в Интернет, посвященных семейным отношениям, были разработаны 4 типа анкет-интервью для социологических опросов, которые можно будет использовать при исследовании различных типов семейных отношений. Они предназначены для следующих типов будущих респондентов: разведенные супруги, супружеские пары, находящиеся в браке; женихи и невесты, а также женщины и мужчины, не находящиеся в браке и не имеющие претендентов на роль супруга. Сбор данных в соответствии с этими анкетами-интервью позволит поставить и решить ряд новых принципиально важных для семейных отношений задач, выявить дополнительные

факторы, влияющие не только на продолжительность брака, но и на другие параметры (общая удовлетворенность браком, количество детей, кризисные периоды во время брака). Анкеты, методические материалы, презентации размещены по адресу: <http://www.chuvsu.ru/2008/proekt.html>.

Выводы

1. Разработана методология и технологии применения ДМ при анализе социальных явлений на примере анализа семейных отношений в разведенных семьях. Разработана структура базы данных, сформулирован перечень факторов, влияющих на ПБ.
2. Создана система прогнозирования ПБ для различных случаев (до брака, в процессе брака).
3. Впервые построены многофакторные вычислительные модели брака, способные аппроксимировать влияние комплекса внутренних и внешних факторов на ПБ. Они также обладают возможностями выработки мер, способствующих продлению брака.

Результаты показывают также, что ДМ могут рассматриваться как перспективные методы при решении задач анализа и моделирования других социальных явлений, в частности, при анализе таких проблем, как поиск работы и подбор кадров (предупреждение быстрых «разводов» предприятия и работника), прием абитуриентов в вуз (прогнозирование будущей успеваемости абитуриентов, предотвращение кризисов в обучении). В плане дальнейших работ: сбор новых социологических данных с помощью Web-технологий; использование дополнительных целевых функций моделей: количество детей, удовлетворенность браком, количество и время кризисов брака; разработка мер оказания помощи молодым семьям, мер социальной защиты института семьи в целом; разработка методических указаний по проведению анализа данных для неполно определенных социальных систем с помощью ДМ; разработка готовых платформ анализа и выдачи прогнозов и решений для использования их неспециалистами в области анализа данных; изучение возможностей использования ДМ в кадровых службах, вузах.

Примеры некоторых результатов, иллюстрирующих возможности ДМ, представлены на рис. 1–5: метод корреляционного анализа (рис. 1), метод дерева решений (рис. 2 а,б), метод искусственных нейронных сетей (рис. 3–7), самоорганизующиеся карты Кохонена (рис. 8–10). Комментарии приведены под рисунками.

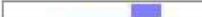
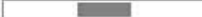
Входные поля		Корреляция с выходными полями	
N°	Поле	продолжительность брака	
1	полных лет ей на момент заключения брака		0,516
2	полных лет ему на момент заключения брака		0,384
3	бер#добр		0,372
4	кол#детей		0,538
5	N°брака		-0,426
6	еетип сем		0,235
7	налич б,с		-0,510
8	отношени		-0,414
9	еготипсем		-0,423
10	наличб,с		0,363
11	отношен		-0,261
12	насилие		-0,425
13	алкоголизм		-0,345

Рис. 1. Экран модели семейных отношений (корреляционный анализ).

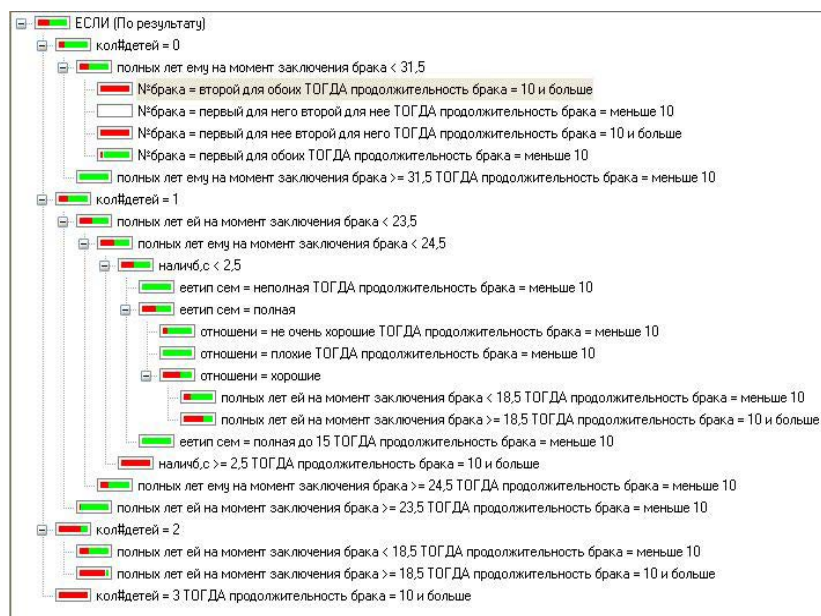

Рис. 2 а. Экран модели семейных отношений (дерево решений).

№	Условие	Следствие (продолжительность брака)	Поддержка		Достоверность	
			%	Кол- во	%	Кол- во
1	кол#детей = 0 И полных лет ему на момент заключения брака < 31,5 И №брака = второй для обоих	10 и больше	0,99	1	100,00	1
2	кол#детей = 0 И полных лет ему на момент заключения брака < 31,5 И №брака = первый для него второй для нее	меньше 10	0,00	0	0,00	0
3	кол#детей = 0 И полных лет ему на момент заключения брака < 31,5 И №брака = первый для нее второй для него	10 и больше	1,98	2	100,00	2
4	кол#детей = 0 И полных лет ему на момент заключения брака < 31,5 И №брака = первый для обоих	меньше 10	9,90	10	90,00	9
5	кол#детей = 0 И полных лет ему на момент заключения брака >= 31,5	меньше 10	6,93	7	100,00	7
6	кол#детей = 1 И полных лет ей на момент заключения брака < 23,5 И полных лет ему на момент заключения брака < 24,5 И налиб.с < 2,5 И ветип сем = неполная	меньше 10	3,96	4	100,00	4
7	кол#детей = 1 И полных лет ей на момент заключения брака < 23,5 И полных лет ему на момент заключения брака < 24,5 И налиб.с < 2,5 И ветип сем = полная И отношени = не очень хорошие	меньше 10	6,93	7	85,71	6
8	кол#детей = 1 И полных лет ей на момент заключения брака < 23,5 И полных лет ему на момент заключения брака < 24,5 И налиб.с < 2,5 И ветип сем = полная И отношени = плохие	меньше 10	0,99	1	100,00	1

Рис. 2 б. Экран модели семейных отношений (дерево решений).

Анализ результатов с учетом того, что корреляция большая, чем 0,6 (по абсолютному значению), означает, что существует высокая связь между выходным полем (в данном случае, ПБ), а корреляция меньшая 0,300 — что нет связи, и промежуточные значения — о наличии некоторой связи, показывает, что: в имеющейся базе данных наибольшую корреляцию с ПБ имеет фактор «количество детей на момент расторжения брака» (0,538), что в общем-то объяснимо — чем дольше брак, тем больше детей. В то же время корреляция не достигает значений больше 0,600, что говорит о значимости и других факторов. Существенную корреляцию имеет фактор «наличие братьев, сестер у нее» (–0,510), причем она отрицательна, то есть большее число братьев, сестер приводит к меньшей продолжительности брака. Незначимым можно считать фактор: «ее тип семьи» (0,235); «отношения в его семье» (–0,261); остальные факторы можно считать значимыми в некоторой степени. Это еще раз подтверждает, что на семейные отношения влияют многие факторы и их надо учитывать при построении моделей семейных отношений.

Деревья решений (*decision trees*) являются одним из наиболее популярных подходов к решению задач DM — «добычи знаний». Они создают иерархическую структуру классифицирующих правил типа «ЕСЛИ... ТО...», имеющую вид дерева. Чтобы принять решение, к какому классу следует отнести некоторый объект или ситуацию, требуется ответить на вопросы, стоящие в узлах этого дерева, начиная с его корня.

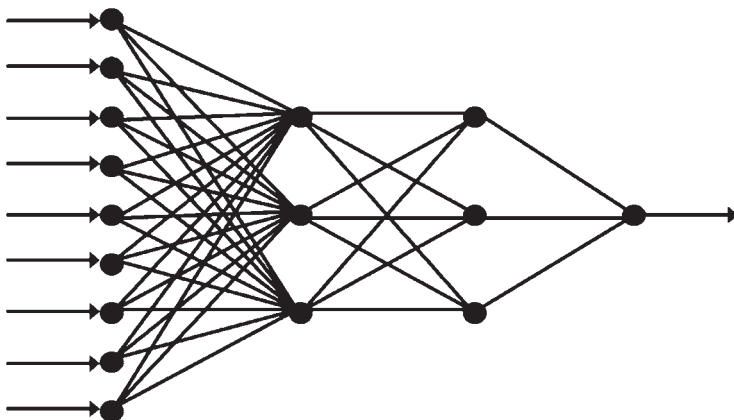

Выходным параметром была ПБ. Показано, как метод дерева решений позволяет выработать «правила», которые определяют, при каких условиях ПБ будет меньше 10 лет, а при каких — больше 10 (число лет — границу «правил» можно задавать до анализа).

В верхней части рис. 2 видны развернутые «ветви» решений. Каждые ветви решений разделены на два «цвета» — красный (темный) и зеленый (более светлый). Красный цвет означает ПБ «больше 10», а зеленый — «меньше 10». Справа от «ветвей» указаны «правила», которые говорят, когда ПБ будет меньше 10 лет, а когда — больше 10.

Эти же правила представлены на рисунке 2а, вместе с указанием достоверности каждого правила. В этой части рисунка указаны: в первом столбце номер правила, во втором сами «правила», в третьем следствие — ПБ (больше или меньше 10). Далее идут количество примеров в базе данных, которые соответствуют данному правилу (в процентах), то есть процент достоверности «правила». Чем больше процент достоверности, тем больше примеров в нашей базе совпадает с «правилом».

Искусственные нейронные сети (ИНС) представляют собой вычислительные структуры, принцип работы которых похож на принцип работы биологических нейронных сетей (например, человеческого мозга). И в том и в другом случае сначала требуется «научить» сеть на примерах. Структурным элементом ИНС является элементарный преобразователь (процессор), называемый искусственным нейроном или просто нейроном. Нейроны сети связаны между собой различным образом. Связи между нейронами характеризуются «весами».

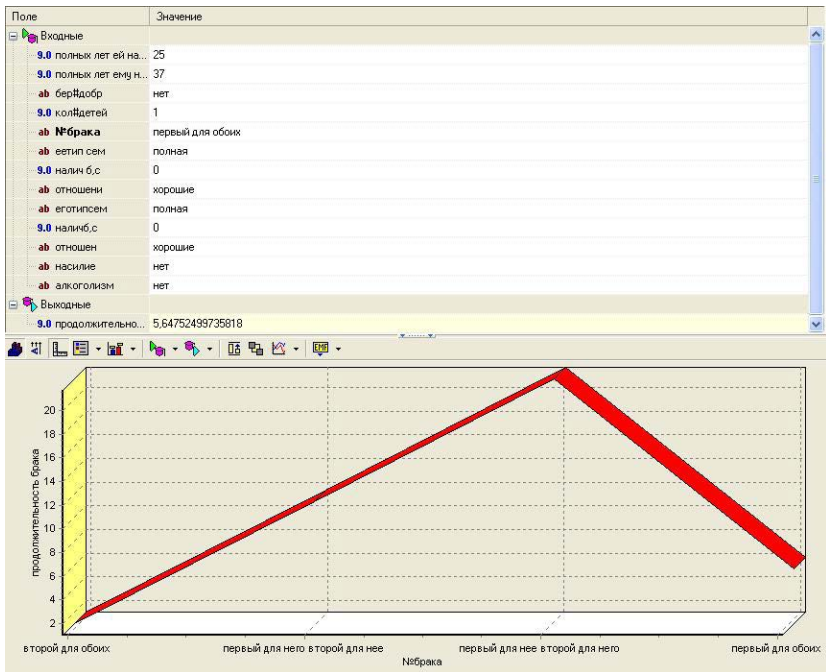

Рис. 3. Экран модели семейных отношений (искусственные нейронные сети). Зависимость ПБ от номера брака у жениха (него) и невесты (нее).

Вычислительная модель показывает, что наиболее продолжительным (среди разведенных браков) являлся брак, который был первым у нее и вторым у него. Интересно отметить, что примерно такое же распределение ПБ в зависимости от номера брака сохраняется при изменении любых других факторов. Приведенные данные подтверждают данные, полученные с помощью «дерева решений».

На рис 4. в левой колонке (поле) указаны названия входных параметров модели, внизу одного выходного параметра (ПБ). В правой колонке — их значения. Приведен результат тестирования модели на данных, не участвовавших в обучении. Внизу рис. 4 указан график зависимости ПБ (для конкретной данной семьи) от наличия насилия в семье. Видно, что наличие или отсутствие насилия заметно влияет на продолжительность данного брака.

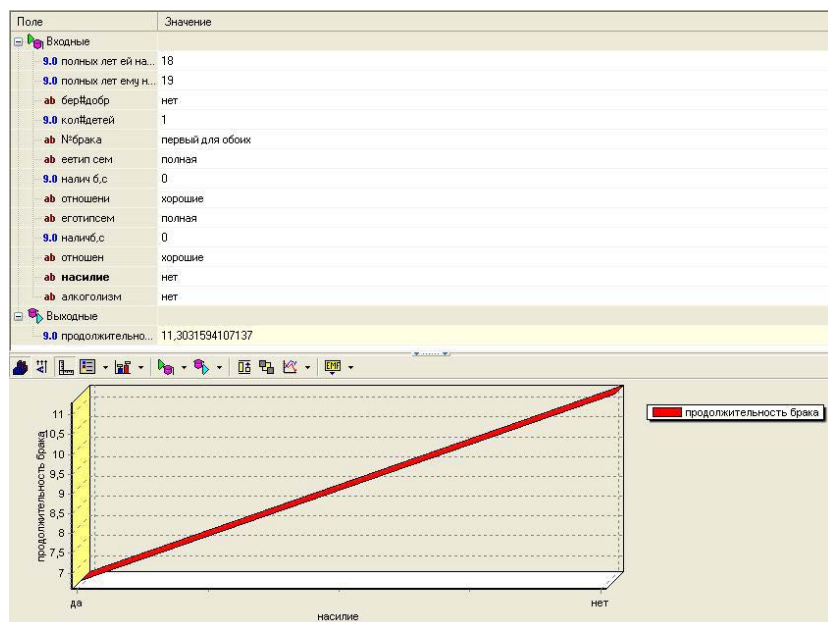

Рис. 4. Экран модели семейных отношений (искусственные нейронные сети). Зависимость ПБ от насилия.

Подобные графики для других параметров, от которых зависит продолжительность брака, приведены ниже.

Особенностью самоорганизующихся карт Кохонена является возможность в общей системе данных найти подсистемы (кластеры), а затем уже выявлять существующие закономерности по отдельным кластерам.

Рис. 10 содержит в себе девять частей (диаграмм). В нижнем ряду первые две диаграммы слева наглядно показывают, что СКК разделили все семьи на два основных кластера: семьи, где у одного из супругов (в нашей базе данных — у мужа) была алкогольная зависимость, и семьи, где ее не было. Эти два кластера семей, соответственно, синий (темный) и красный (более светлый), описываются разными закономерностями.

В частности, на диаграмме «количество детей» (верхний ряд, первая слева диаграмма) мы видим, что в семьях, где не было алкогольной зависимости, в среднем был один ребенок, а в некоторых семьях детей вообще не было. В семьях же, где алкогольная зависимость была, в среднем было от одного до двух детей, и даже были семьи с тремя детьми.

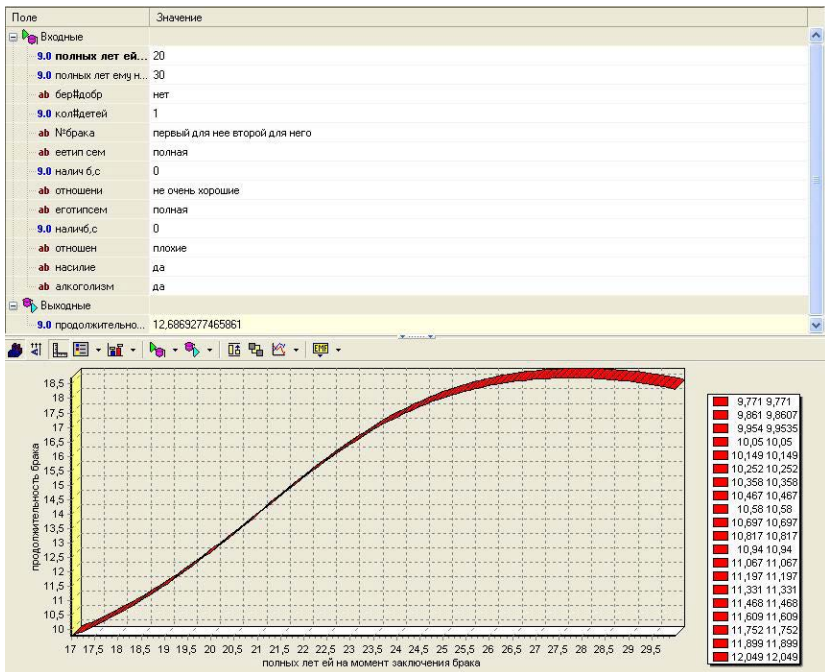

Рис. 5. Экран модели семейных отношений (искусственные нейронные сети). Зависимость ПБ от количества ее полных лет на момент заключения брака.

На второй слева верхней диаграмме можно видеть, что в семьях, где алкогольная зависимость была, номер брака для обоих супругов обычно первый. В семьях же, в которых не было алкогольной зависимости, в 50% семей номер брака для жениха и (или) для невесты был не первый.

На диаграмме «насилие» (вверху, справа) можно видеть, что в семьях «алкоголиков» насилие как психическое, так и физическое является обычным делом. В то время как в здоровых семьях насилие в основном отсутствует.

На рис. 8 и 9 показаны оптимальные условия с точки зрения продолжительности брака.

В семьях, где есть алкогольная зависимость, максимальная продолжительность брака наблюдается, когда в семье один ребенок, брак является первым для обоих супругов и есть физическое насилие. В семьях, где нет алкогольной зависимости, максимальная продолжительность брака на-

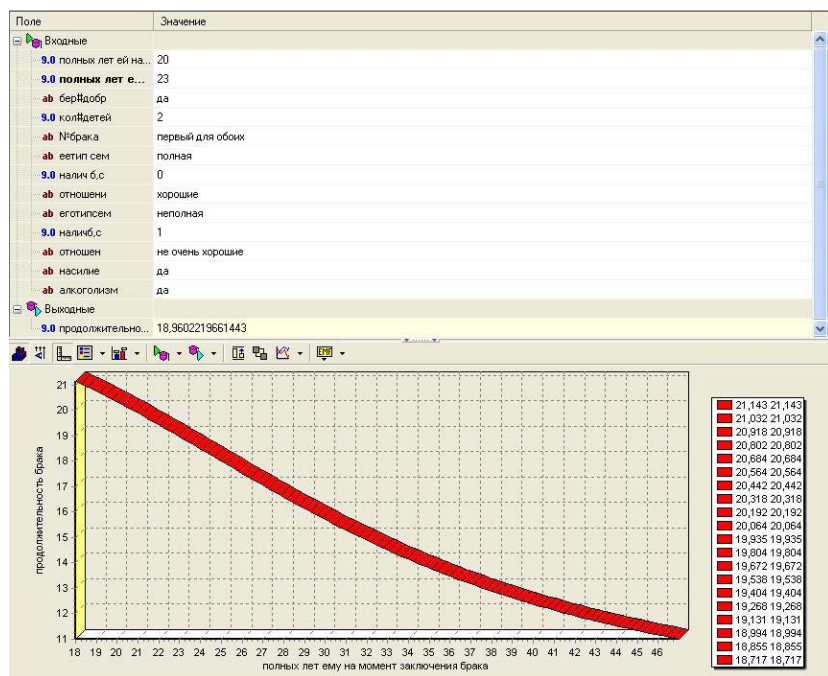

Рис. 6. Экран модели семейных отношений (искусственные нейронные сети).
Зависимость ПБ от количества ее полных лет на момент заключения брака.

блюдается, когда в семье двое детей, брак является первым для обоих супругов, а насилие отсутствует.

Среди других результатов, которые можно отметить, следующие.

Для семей, где была алкогольная зависимость:

- 1) продолжительность брака почти в два раза больше, если есть еще и физическое насилие;
- 2) второй ребенок уменьшает продолжительность брака более чем в два раза.
- 3) если номер брака у обоих первый или он первый хотя бы у одного из супругов, то продолжительность брака увеличивается на 2–3 года.

Для семей, где не было алкогольной зависимости:

- 1) чем больше детей, тем продолжительнее брак;
- 2) если номер брака у обоих первый, то брак продолжительнее;

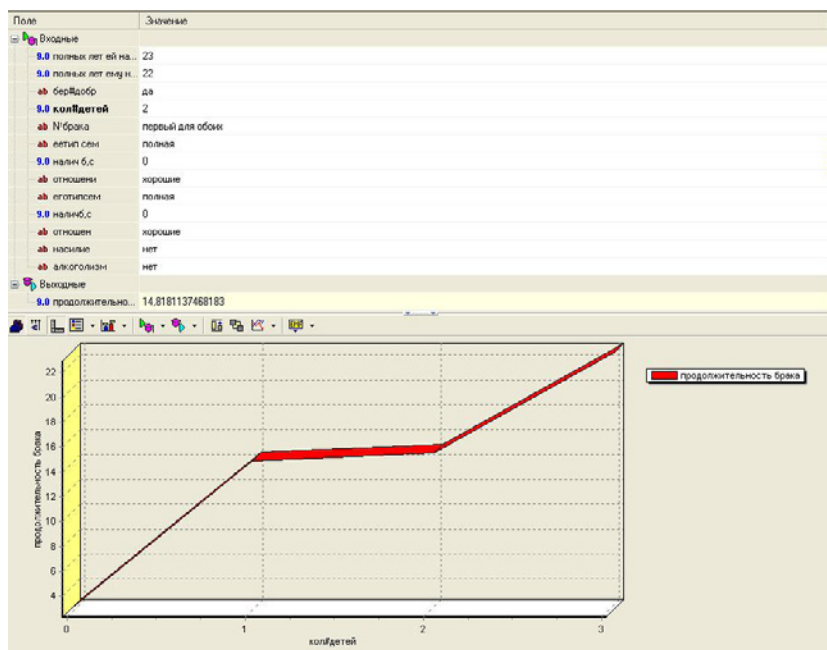

Рис. 7. Экран модели семейных отношений (искусственные нейронные сети). Зависимость ПБ от количества детей на момент расторжения брака.

Входные	
9.0 кол#детей	2
ab №брака	первый для обоих
ab насилие	нет
ab алког	нет
Выходные	
9.0 прод#Бра	14
Расчетные	
12 Номер ячейки	0
9.0 Расстояние до ц...	2,77555756156289E-16
12 Номер кластера	1
9.0 Расстояние до ц...	0,539875712243515

Рис. 8. Оптимальные с точки зрения продолжительности брака характеристики семьи, в которой не было алкогольной зависимости

Входные	
9.0 кол#детей	1
ab №брака	первый для обоих
ab насилие	физ
ab алког	да
Выходные	
9.0 прод#Бра	11
Расчетные	
12 Номер ячейки	123
9.0 Расстояние до ц...	3,33066907387547E-16
12 Номер кластера	0
9.0 Расстояние до ц...	0,271744993560321

Рис. 9. Оптимальные с точки зрения продолжительности брака характеристики семьи, в которой была алкогольная зависимость

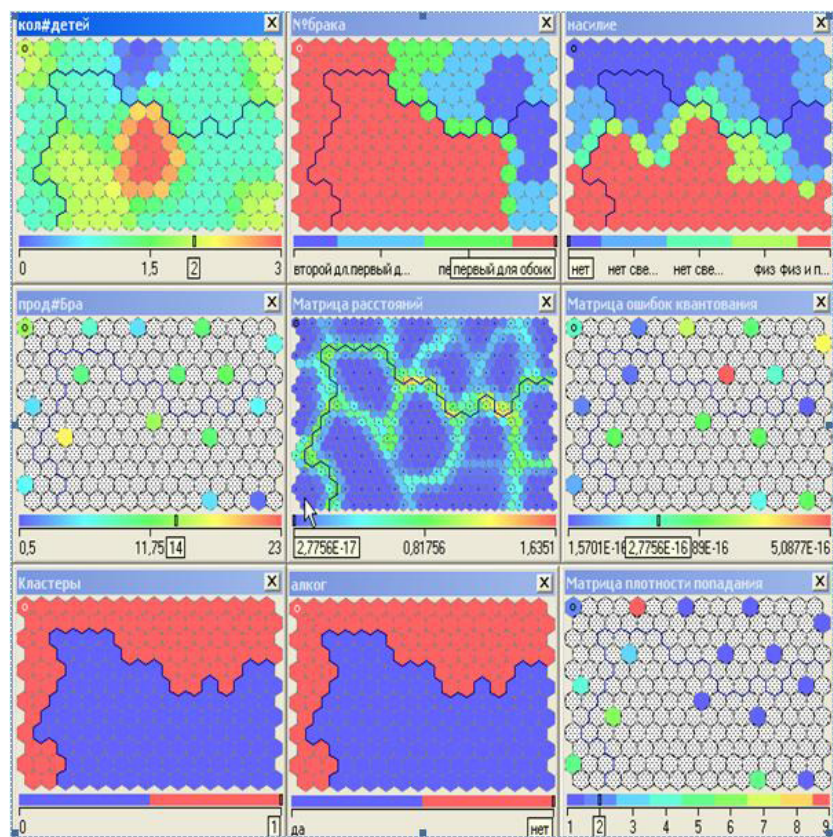

Рис. 10. Экран модели семейных отношений (графическое отображение результатов кластеризации с помощью самоорганизующихся карт Кохонена).

Новые ресурсы поддержки социологических исследований

Е. А. Каневский, К. К. Боярский, Г. И. Саганенко

ВЕГА представляет собой систему для классификации и обработки как текстовой, так и другого рода анкетной информации, которая хранится в базе данных системы. Обсуждаются особенности анализа текстовой информации, основанной на контент-аналитическом сравнении фраз. Рассматриваются возможности системы и некоторые особенности ее функционирования. Показано, что система ВЕГА открывает широкие возможности для анализа текстовых данных в социальных науках.

Наибольшую трудность при анализе данных в социологических исследованиях представляет обработка текстов. Анализом содержания текстов занимаются многие исследователи при изучении влияния средств массовой информации на общественное мнение, при изучении документов истории и культуры, при изучении политического, экономического, юридического и даже экологического сознания общества. Известен ряд компьютерных программ по анализу текстов (PLCA, KWALITAN, CETA, AQUAD, WINMAX, ТЕХТРАСК РС и др.), основанных на широком использовании словарей¹.

Рассмотрим подробнее программу ТАСТ². Программа предполагает осуществление трех последовательных процедур. В ходе первого этапа выявляется ряд терминов, характеризующих тематику исследуемого документа. Формируются смысловые категории, наиболее точно и полно описывающие основные смысловые блоки текста. Итог первого этапа — исследовательские базы данных (БД). На втором этапе происходит подсчет частот встречаемости категорий в тексте, анализ связей, выявление контекстов употребления в документе. Строятся таблицы и графики смысловых взаимосвязей.

Сегодня методы анализа текстов используются, в основном, для тематического рубрицирования входящего потока документов и подсчет ста-

¹ Popping Roel. Computer-Assisted Text Analysis. London: Sage Publications, 2000. 240 p.

² Блинова О. Н. Опыт изучения экономических программ политических партий России 1990-х гг.: методика применения контент-анализа // Круг идей: историческая информатика в информационном обществе. М., 2001. С. 213–214.

тики встречаемых слов и словосочетаний. Рассмотрим две наиболее интересные системы подобного рода³.

Астарта предназначена для сбора, хранения и семантического анализа текстов. Под анализом здесь понимается автоматическое рубрицирование и группировка, а также выборка информации по заданной теме. Отличительной особенностью Астарты является автоматическое обучение рубрикатора, т. е. автоматическое построение списка терминов и понятий, определяющих принадлежность документа к данной рубрике, а также настройка пользователем способа автоматической рубрикации документов.

Технология *TopTree*, разработанная компанией «Гарант-Парк-Интернет», позволяет автоматизировать процесс построения реальных смысловых связей, присутствующих в тексте. Ключевые темы, выделенные автоматически, обрабатываются алгоритмами кластерного анализа, которые позволяют объединить в рубрики документы близкого содержания на основе общности их главных тем, а также построить иерархию рубрик. Получаемые результаты могут служить основой для построения более «строгих» классификаторов после предварительной корректировки.

1. Немного теории

Одним из методов качественно-количественного изучения содержания текстов является контент-анализ (КА). В процессе КА все многообразие текстов по интересующей исследователя тематике сводится к набору определенных элементов, которые затем подвергаются подсчету и анализу.

Единицей выражения мысли обычно является предложение, которое используется в качестве единицы содержания при классическом КА с использованием метода «РЕ-КЛЕ» — режем — клеим. В качестве элемента содержания (единицы анализа) при «машинном» КА используют слово, которому ставят в соответствие определенную категорию. Однако слово характеризуется лишь номинативной, назывной функцией. Мы используем несколько другую единицу анализа — фразу, которая может состоять как из целого предложения, так и из нескольких слов и даже из одного слова. Каждая фраза является выражением одного суждения, одной мысли. При автоматическом сравнении фразы считаются идентичными друг другу при совпадении двух-трех слов или одного-двух ключевых слов, более точную

³ Авторубрикатеры — http://www.rco.ru/technology.asp?ob_no=48

оценку идентичности фраз может дать исследователь при полуавтоматическом анализе⁴.

Любые попытки применения КА к текстовым массивам неизбежно связаны с проблемой классификации и, следовательно, с разработкой классификатора. В большинстве исследований заранее составляется формализованная, полностью закрытая схема классификации еще до начала обработки материалов. В результате этого получается стандартное описание текстовых массивов. При достаточно часто повторяющихся исследованиях, например, в средствах массовой информации, стандартный или, по крайней мере, почти постоянный классификатор даже помогает сравнивать результаты последнего обследования с предыдущими.

При анализе быстро меняющейся ситуации даже опытный исследователь, проводя обследования через 1–2 года, не может заранее, до получения материалов опроса создать полностью готовый классификатор. Причина ясна: сместилась тематика ответов респондентов, их волнует уже не то, что год или два тому назад. Поэтому на один и тот же вопрос (открытого типа) они отвечают совсем не так, как раньше.

Очевидно, что в этом случае классификатор должен уточняться непосредственно в процессе КА, при осмыслении материалов данного опроса. Естественно, что необходимо обеспечить достаточно простой способ коррекции и пополнения классификатора, а также возможность сравнительно простой переориентировки фраз из одной группы в другую, из одного класса — в другой. Иначе все попытки изменения классификатора не дадут результатов. Предлагаемые нами системы как раз и обладают такими свойствами.

2. Система ВЕГА

2.1.

Используя описанные выше методики, в 1991–1997 гг. была создана система ДИСКАНТ для классификации и обработки как текстовой, так и другого рода анкетной информации⁵. Система была разработана под DOS и позволяла классифицировать содержание текстовой информации по

⁴ Каневский Е. А. Методы классификации текста // Труды Международного семинара Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Казань: ООО «Хэтер», 1998. С. 488–497.

⁵ Каневский Е. А., Саганенко Г. И., Гайдукова Л. М., Клименко Е. Н. Система анализа текстов // Социология: 4М, 1997. №9. С. 65–81.

множеству оснований, составлять указатели и частотные словари слов и фраз, осуществлять поиск слов в тексте и в словаре. Были разработаны разнообразные способы визуализации результатов в виде гистограмм, циклограмм, сопряженных двухмерных диаграмм. Основная цель системы — обеспечить компьютерной поддержкой работу различных исследователей и аналитиков, имеющих дело с анализом текстовой информации.

На основе этой системы в настоящее время нами разработана система ВЕГА. Система в основном предназначена для обработки структурированной и, прежде всего, анкетной информации, представляющей собой текстовые ответы респондентов. Кроме того, система позволяет выполнять некоторые элементы анализа текста: составление словарей, подсчет встречаемости слов, поиск слов по словарю и по тексту и т. д. Система обеспечивает статистический анализ ответов на закрытые и полужакрытые вопросы. Система создана под WINDOWS и обладает улучшенным интерфейсом.

В системе вся исходная информация хранится в собственной базе данных. При этом в случае анкетной информации ответы на одну анкету составляют одну запись, ответы на один вопрос помещаются в одно поле. Каждое поле имеет свой номер и свое имя, каждое поле имеет свой определенный тип. Набор всех этих параметров для данной БД образует ее структуру.

2.2.

Типы полей. Выбранный набор типов полей позволяют наиболее адекватно хранить ответы респондентов, учитывая, что в анкетах имеются открытые, закрытые и полужакрытые вопросы. Для удобства пользователей, контроля вводимой информации и для интерпретации данных предусмотрены два основных типа полей:

Символьное содержит любую последовательность текстовых символов и может быть разделено на отдельные фразы. Размер текста в каждом поле не может превышать 32767 символов.

Целое содержит одно или несколько целых положительных десятичных чисел, которые соответствуют номерам вариантов ответов, выбранных респондентом. Каждое из чисел не превышает 32767. Они разделяются друг от друга запятыми.

Кроме того, имеются *составные* поля. В них могут размещаться одно или несколько целых чисел и текстовый ответ респондента. Это позволяет производить обработку разных частей такого поля независимо друг от дру-

га и в то же время полностью сохранить структуру анкеты. К полям составного типа относятся:

Смешанное 1, первая часть которого представляет собой целый тип, а вторая — символьный.

Смешанное 2, первая часть которого представляет собой символьный тип, а вторая — целый.

Имеется также поле типа *Таблица*.

2.3.

Методика классификации текста. Классификация текста предполагает распределение всех текстовых фраз по классификатору. Последующий анализ результатов классификации, сравнение полей или массивов, проверка гипотез уже не представляют технических и содержательных трудностей. В ручном варианте классификация состоит из трех основных процедур⁶:

- 1) Разрабатывается классификатор, представляющий собой древовидную структуру классов и групп, приблизительно соответствующую содержанию текста. Отбираются фразы, наиболее часто встречающиеся в тексте, и помещаются в Сундук — вспомогательную БД, используемую для их последующей классификации.
- 2) Выполняется собственно классификация. При этом в каждый класс (и в каждую группу) помещается некоторое количество отобранных ранее фраз, наиболее адекватных этим классам (и группам). Желательно, чтобы в каждой такой фразе было выделено хотя бы одно ключевое слово. Эти фразы получают статус нормативных фраз.
- 3) Производится идентификация. Каждая фраза основного текстового массива уже не классифицируется, а ставится в соответствие с одной из нормативных фраз, наиболее близкой ей по смыслу. Набор таких фраз, наиболее близких к анализируемой текстовой фразе по своему словарному составу, предлагается исследователю. В соответствии с его выбором этой текстовой фразе приписывается номер указанной им нормативной фразы — своеобразный адрес в классификаторе, по которому в дальнейшем определяется класс и группа текстовой фразы. Поскольку одной такой нормативной фразе может соответствовать несколько

⁶ Каневский Е. А., Лезин Г. В. Анализ текстов // Экономико-математические исследования: математические модели и информационные технологии. СПб. ЗАО «Центр стратегических анализов общественных процессов», 2001. Вып. 2. С. 260–285.

текстовых, то для изменения их класса и группы достаточно изменить класс и группу только у одной нормативной фразы.

В результате выполнения этих процедур фиксируются все три составляющие процесса классификации текста: своего рода «каталожный ящик» — классификатор, приписанные к соответствующим ящичкам (классам и группам) нормативные фразы и система соответствия (идентификаторы) каждой исходной фразы с одной из нормативных фраз. Никаких других сведений по классификации система не хранит.

В принципе полная реализация классификационного процесса осуществляется множественными итерациями всех трех процедур. Такая итерационная схема позволяет выполнять анализ порциями. Например, сначала можно классифицировать массу более легких, типовых фраз, а затем уже переходить к нестандартным фразам, последовательно улучшая результаты. Обычно только после нескольких итераций удается провести адекватную классификацию всего текстового массива и получить классификатор, оптимальный по структуре.

Как правило, вопросы в анкете (здесь речь идет только о текстовых полях БД) группируются в блоки релевантных вопросов, объединенных некоторой содержательной или формальной идеей. Блок может включать один или несколько вопросов (полей). Следует иметь в виду два принципиальных момента:

- 1) Для каждого из таких блоков используется свой классификатор — только в этом случае можно сравнивать друг с другом любые сочетания полей из конкретного блока. Поэтому весь описываемый процесс относится ко всему блоку признаков (классификатор, массив нормативных фраз, идентификаторы), которые должны обеспечить независимую классификацию всех фраз такого блока.
- 2) Поскольку в БД существует не один, а несколько блоков релевантных признаков, то на самом деле речь идет о реализации нескольких автономных процессов классификации. Система позволяет независимо друг от друга анализировать множество отдельных текстовых подмассивов (наборов полей) с созданием для них собственных классификаторов, нормативных фраз и идентификаторов. Заметим, что одно поле может идентифицироваться только по одному классификатору.

Система проверяема относительно всех узловых решений: исходных текстов, классификаторов, результатов классификации. При обнаружении нерелевантности система позволяет сравнительно легко вносить необходимые исправления.

2.4.

Контент-аналитическое сравнение фраз. Процедура сравнения фраз, не совпадающих текстуально, используется в процессе идентификации фраз из текста. Она заключается в том, что каждая текстовая фраза разлагается на отдельные слова, ее составляющие. Для каждого такого слова в нормативном словаре ищется нормативное слово, совпадающее с ним по правилам сравнения слов. Если такое слово в этом словаре имеется, то для него фиксируется номер той нормативной фразы, в которой он встречается (таких фраз может быть несколько). Для каждой из встретившихся нормативных фраз подсчитывается ее вес. Та нормативная фраза, которая получит наибольший вес, и будет считаться наиболее близкой к анализируемой текстовой фразе.

В используемой в системе процедуре сравнения фраз важную роль играют ключевые слова. В обычной (текстовой) фразе ключевое слово не обладает какими-либо особыми свойствами. Однако если в процессе классификации эта фраза превратится в нормативную, то ключевое слово приобретет особое свойство. При совпадении ключевого слова из нормативной фразы со словом из текстовой фразы близость фраз возрастет, если ключевому слову приписать повышенный вес.

Сравнение производится по начальной части слова, причем ее размер для большинства слов определяется по таблице, для некоторых (так называемых «нестандартных») слов используется специальный словарь. С помощью этого словаря удастся, например, различать слова выбор (выбора) и выборы (выборов). В особых случаях, когда пользователь хочет использовать для какой-либо БД индивидуальный, особый список нестандартных слов, словарь может быть модифицирован.

Следует отметить, что при сравнении фраз не учитывается вес служебных слов — таких слов, наличие или отсутствие которых практически не меняет смысла фразы. Таковы, например, слова вблизи, ввиду, вдали, вдруг, ведь, вероятно. В особых случаях, когда пользователь хочет использовать для какой-либо БД индивидуальный, особый список служебных слов, этот список также может быть модифицирован.

3. Основные характеристики системы

Выбор режимов работы системы осуществляется с помощью горизонтального меню, осуществляющих переход на соответствующие формы (табл. 1). Как правило, формы имеют несколько вкладок. Дополни-

ное управление режимами работы осуществляется локальными меню и кнопками на панели инструментов.

Т а б л и ц а 1. Состав системы ВЕГА

База данных	Словари	Классификация	Анализ текста	Стат. анализ	Сервис
Просмотр записи	Вывод словаря	Классификатор	По классам	Простое распределение	Сжатие базы
Просмотр поля	Пермутационный вывод	Классификация	По признакам	Двумерное распределение	Параметры: – Общие – Шрифты – Идентичность
Структура	Новый словарь	Нормативные (фразы)	по сочетаемости классов	Трехмерное распределение	
		Идентификация	по количеству фраз в полях	Таблица	
				Шкала	

3.1.

Основной формой является база данных. При переходе на эту форму всегда выводится закладка Просмотр записей. В этом режиме осуществляется ввод и редактирование информации, вывод ее в файл или на печать и переход во все другие режимы. В текстовые окна выводится содержимое ряда полей выбранной записи. Если текст не размещается в стандартном текстовом окне («длинный» текст), то он выделен другим цветом. При необходимости размеры окна для такого поля могут быть увеличены для работы с остальной частью текста. Обеспечивается возможность ручного разбиения текстовых ответов респондента на фразы и выделения ключевых слов (прописными буквами). Обеспечивается отбор выделенной фразы для последующей классификации (занесение в Сундук) или непосредственный переход к ее классификации.

Закладка Просмотр поля обеспечивает просмотр и редактирование текста по всем записям одного поля. В текстовые окна выводится содержимое того поля, которое выбрано при просмотре записей. Закладка Структура обеспечивает ввод и редактирование структуры БД, вывод ее в файл или на печать. При отсутствии записей допускается любое редактирование вновь введенной структуры, при наличии хотя бы одной записи — только просмотр и редактирование имен полей. БД может содержать до

150 полей, в каждом из которых целесообразно хранить ответ респондента на один вопрос. Имя поля, соответствующее вопросу анкеты, содержит до 64 символов.

3.2.

Форма СЛОВАРИ обеспечивает анализ частоты встречаемости отдельных элементов и различного вида поиска. Как известно, широкое использование словарей характерно для различных методов анализа текста. В системе ВЕГА словари (вместе с пермутационным выводом) служат, прежде всего, для изучения текста и разработки классификатора⁷, хотя могут использоваться и по своему прямому назначению.

Рис. 1. Создание нового словаря

Закладка Новый словарь обеспечивает создание нового словаря, для чего следует задать его имя, выбрать его тип и параметры, а также указать номера полей, по которым этот словарь будет создаваться. Могут быть созданы словари по словам, по ключевым словам, по фразам и частотный словарь. При этом в трех первых типах словарях айтемы (словарные еди-

⁷ Саганенко Г. И., Каневский Е. А. Боярский К. К. Контексты эмпирического познания в социологии и возможности программы ВЕГА // Телескоп, 2008, №6. С. 43–55.

ницы) расположены по алфавиту, а в последнем — по частоте встречаемости. В словаре по ключевым словам и в частотном словаре объединение словоформ (ключей или слов) в айтемы производится по правилам сравнения слов под названием той словоформы, которая встретилась в тексте первой. Поскольку в данном случае не определяется нормальная форма слова (инфинитив для глаголов и им. падеж ед. числа для всех остальных слов), то такой словарь точнее называть квазичастотным. Настоящий частотный словарь получается только в случае использования профессиональной версии системы ВЕГА, в состав которой входит морфолого-лексический анализатор. Следует обратить внимание на стандартную форму задания полей (в левое окно на рис. 1. перенесены 6 полей, для которых составляется словарь) и условий для отбора записей. В частности, условие $F21 = 2 \mid N < 101$ обеспечивает выбор тех записей, у которых значение поля 21 равно 2 (женщины) и номер записи не превышает 100⁸. Разница между двумя версиями частотных словарей, которые получены по этим условиям, хорошо видна из табл. 2.

Т а б л и ц а 2.

Квазичастотный		Частотный	
19	Свобода	19	Свобода
6	Люди	6	Слово
6	Слова	6	Человек
5	Возможности	4	Возможность
3	Войны	4	Начать
3	Духовная	3	Война
3	КПСС	3	Духовный
3	Народе	3	КПСС
3	Полную	3	Народ

Закладка Вывод словаря обеспечивает просмотр содержимого выбранного словаря, вывод его в файл или на печать, удаление словарей, а также различного вида поиска. В окне для вывода словаря для каждого айтема указывается количество слов или фраз, объединенных в нем. Для выбранного айтема в окне Вхождения приводятся все адреса его вхождений в исходный текст — номер записи и номер поля, что позволяет осуществить

⁸ Здесь и далее используются результаты опроса, проведенного Г. И. Саганенко в 1993 г.

непосредственный переход к контексту. Имеется возможность поиска слова в словаре. При изменении регистра слова в словаре тотчас же выбранное слово изменит свой регистр во всех контекстах БД.

Т а б л и ц а 3. Фрагмент пермутационного вывода

14-1. следовательно, большие ВОЗМОЖНОСТИ и выбор во многих о
80-1. Появление ВОЗМОЖНОСТИ каждому попытаться
100-1. Появилось больше ВОЗМОЖНОСТЕЙ к реализации и тво
147-1. товаров реализация ВОЗМОЖНОСТЕЙ
168-1. рыночные отношения новые ВОЗМОЖНОСТИ осознание свободы
12-1. тоталитарного государства ГЛАСНОСТЬ и свобода слова
65-1. Попытки ГЛАСНОСТИ уход со сцены КПСС
68-1. ГЛАСНОСТЬ
77-1. ГЛАСНОСТЬ возможность заработ
230-1. Усиление ГЛАСНОСТИ уменьшение цензуры

Закладка Пермутационный вывод обеспечивает такое представление текста, при котором слова словаря выделены и расположены в центре экрана, а контекст их окружения укорочен (табл. 3). В начале каждой строки указан адрес выводимого текста — номер записи и номер поля. Пермутационный вывод текста является одним из основных инструментов исследователя при первичном анализе текста.

3.3.

Форма КЛАССИФИКАЦИЯ обеспечивает создание классификатора и распределение всех текстовых фраз по нему, а также ввод из файла и вывод в файл или на печать разнообразной информации, которая связана с классификацией (классификатора, нормативных фраз, результатов классификации и т. п.).

Закладка Классификатор обеспечивает выбор одного из уже имеющихся классификаторов, создание и редактирование нового классификатора. Последний может быть представлен в виде таблицы классов (или групп выбранного класса), обеспечивая ввод и редактирования классификатора. Каждый класс (группа) имеет свой номер, свое короткое (до 15 символов) и полное наименование. Классификатор всегда можно изменить: можно отредактировать наименования уже имеющихся в классификаторе классов и групп, можно завести новый класс или новую группу. Можно удалить

из классификатора уже имеющуюся в нем группу или даже целый класс. Нумерация остальных классов и групп при этом автоматически изменяется, а освободившиеся нормативные фразы могут быть помещены в сундук. Если по этим нормативным фразам идентифицирована хотя бы одна текстовая фраза, то ее идентификаторы гасятся.

Классификатор может быть представлен в виде дерева классов и групп, обеспечивая объединение групп и классов. Так, можно объединить две группы в одну, например группы «А» и «Б» в группу «А», путем перетаскивания группы «Б» с помощью специального указателя. При этом все нормативные фразы, относящиеся к группе «Б», будут перенесены в группу «А» с соответствующей переадресацией текстовых фраз, идентифицированных по этим нормативным фразам. Нумерация остальных классов и групп автоматически изменится.

Закладка Классификация обеспечивает собственно классификацию как вновь набранных, так и ранее отобранных фраз, хранящихся в Сундуке, и их превращение в нормативные фразы. При выборке очередной фразы из Сундука производится ее автоматическое сравнение с имеющимися нормативными фразами. Если имеет место полное совпадение, то очередная фраза гасится. Если имеется частичное совпадение (по методу контент-аналитического сравнения фраз), то исследователю предлагаются аналоги — похожие нормативные фразы. После визуального сравнения классифицируемой фразы с имеющимися аналогами — необходимо оценить целесообразность заведения новой нормативной фразы — исследователь присваивает классифицируемой фразе выбранный им класс и группу, после чего она становится нормативной.

Закладка Нормативные (фразы) обеспечивает просмотр и редактирование нормативных фраз. Возможно непосредственное изменение класса и группы у отдельной фразы. Можно удалить нормативную фразу. При этом, если по этой нормативной фразе идентифицирована хотя бы одна текстовая фраза, то такие идентификаторы гасятся, а пользователь предупреждается о необходимости повторения процесса идентификации.

Закладка Идентификация обеспечивает выполнение идентификации текстовых фраз в нескольких режимах. В ручном режиме каждая фраза основного текстового массива уже не классифицируется, а ставится в соответствие с одной из нормативных фраз, наиболее близкой ей по методу контент-аналитического сравнения фраз. Их набор предлагается исследователю. В соответствии с его выбором очередной текстовой фразе приписывается номер указанной им нормативной фразы — своеобразный адрес

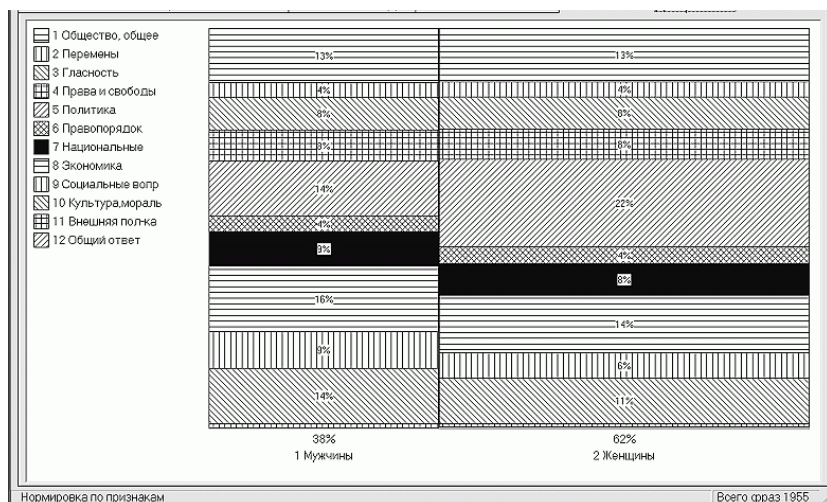

Рис. 2. Двумерная гистограмма распределения ответов по 12 классам для мужчин и женщин

в классификаторе, по которому в дальнейшем определяется класс и группа данной текстовой фразы. Результаты идентификации можно проверить в режиме «Просмотр».

Возможно использование одного из автоматических режимов идентификации. В режиме «Автоидентификация» автоматически выполняется только идентификация текстовых фраз — к этому моменту должны существовать классификатор и набор нормативных фраз. В режиме «Создание классификатора» — не только автоматически выполняется идентификация, но одновременно создаются классификатор и нормативные фразы, т. е. весь процесс классификации выполняется автоматически. Полученный классификатор обычно содержит множество групп, расположенных в одном единственном классе, и требует ручного редактирования с целью объединения этих групп⁹.

3.4.

Форма АНАЛИЗ ТЕКСТА обеспечивает анализ распределения фраз из заданных полей по классам (и группам). Обеспечивается стыковка с

⁹ Боярский К. К., Каневский Е. А. Вега — система для работы с текстами // Экономико-математические исследования: математические модели и информационные технологии. СПб.: Нестор История, 2008. Вып. 6. С. 184–200.

Microsoft Excel и SPSS на уровне передачи в них результатов анализа. Для сопоставления текстовых и числовых ответов следует сформировать вторичные признаки. Для каждого такого признака запоминается его имя, номера используемых им полей и условия его вычисления. После этого система позволяет анализировать распределение фраз по классификатору и вторичным признакам с представлением результатов в виде таблицы и «двухмерных» гистограмм (рис. 2.). Для заданного набора полей можно получить распределение фраз по количеству. Это позволяет выяснить, какие вопросы больше волнуют респондентов, вызывают больше эмоций. Результаты анализа сочетаний классов в каждой анкете для выбранного набора полей представляются в виде двух многомерных таблиц. В первой из них приводится число всех встречающихся сочетаний классов. Все возможные комбинации из них приведены во второй таблице. Этот анализ позволяет понять, сочетания каких тем встречается в ответах чаще всего. Обеспечивается вывод результатов в виде таблицы и в виде диаграмм. Специальная вспомогательная форма обеспечивает задание полей и вторичных признаков, а также формирование этих признаков.

3.5.

Форма СТАТ. АНАЛИЗ обеспечивает возможность статистического анализа ответов респондентов на закрытые или полузакрытые вопросы анкеты. Статистическая обработка данных в рассматриваемой системе производится только для полей целого или смешанного типа, соответствующих закрытым или полузакрытым вопросам. Форма содержит две закладки, которые обеспечивают вывод результатов в виде таблицы и в виде диаграмм. Прежде всего, необходимо определить максимальное количество рангов (градаций) для каждого из этих полей и закрыть полузакрытые вопросы. Затем можно приступить к статистическому анализу ответов на одноальтернативные вопросы:

- при одномерном статистическом анализе результаты выводятся в виде таблицы и диаграмм, кроме того, подсчитываются значения средних величин и энтропии;
- при двухмерном статистическом анализе результаты выводятся в виде таблицы и диаграмм, кроме того, подсчитываются значения ХИ-квадрат, средних градаций обоих полей, коэффициентов сопряженности и корреляции Пирсона;
- при трехмерном статистическом анализе результаты выводятся в виде многомерной таблицы, в которой для каждого имеющегося набора рангов выводятся количество анкет и их процентное содержание.

При анализе таблиц результаты представляются в виде стандартной таблицы, в которой данные представлены или в абсолютных цифрах, или в процентах (рис. 3). Такая таблица может быть выведена также в виде обычной или двухмерной диаграммы.

Файл Вид Данные Закреть						
Таблица		Диаграмма-1				Диагра
Время и эмоции, %%	Семья/дом	Учеба/школа	Я сам по себе	Друзья/тусовки	Другое	Всего
Время: об.расп.семья, шк. сам, друзья, др.	6.75	14.16	2.93	7.85	2.37	34.06
Время: желат.семья, шк. сам, друзья, др.	7.30	5.21	3.38	5.25	2.40	23.53
Положительные эмоции	7.69	3.45	4.10	5.66	2.93	23.82
Отрицательные эмоции	3.10	7.72	3.00	2.73	2.03	18.58
Итого	24.85	30.53	13.41	21.48	9.73	100.00

Рис. 3. Вид таблицы «Время и эмоции»

При многоальтернативном статистическом анализе результаты выводятся в виде двух многомерных таблиц. В первой из них для заданного набора полей приводится количество всех встречающихся сочетаний рангов. Все возможные комбинации из них представлены во второй таблице.

В ряде случаев данные могут иметь значительный разброс, например возраст респондента. В таких случаях можно воспользоваться шкалированием, разделив весь диапазон изменения данных на ограниченное число градаций. Так на рис. 4 диапазон возрастов от 18 лет до 71 года делится на 4 градации с приблизительно одинаковым заполнением каждой. При дальнейшем анализе учитываются только эти 4 градации.

3.6.

Форма СЕРВИС обеспечивает задание целого ряда глобальных управляющих параметров системы, которые сохраняются и после выхода из нее. Можно задать кодировку для импортируемой информации, шрифт для текста, шрифт, размер для пермутационного вывода и его тип, а также цвет «длинного» текста (случай, когда ответ респондента не размещается в стандартном текстовом окне). Закладка Идентичность позволяет задать веса простых и ключевых слов, уровень отсечки и возможность учета отрицания. При использовании морфолого-лексического анализатора можно задать тип классификатора и вес классов.

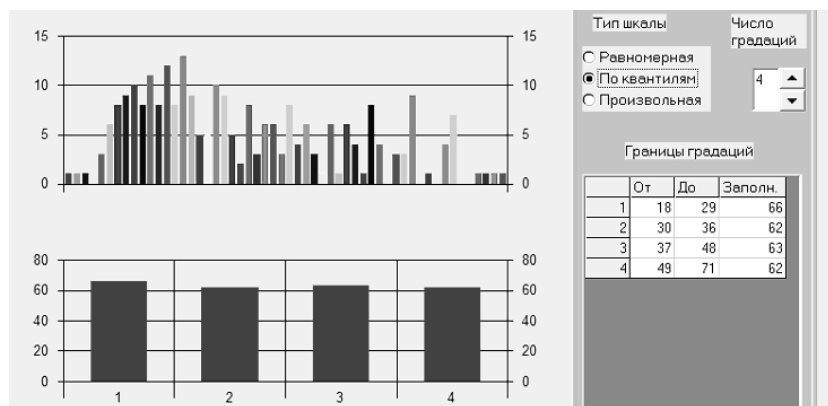

Рис. 4. Шкалирование поля 22

4. Некоторые возможности системы

4.1.

Процесс классификации фраз. После создания структуры БД и ввода информации в систему все исходные тексты разделяются на фразы, каждая из которых сфокусирована на одной теме. Массив анкет в дальнейшем обрабатывается или последовательно анкета за анкетой (продольный разрез), или по одноименному полю всех анкет (поперечный разрез). Выделяются ключевые слова. Путем наложения ряда условий может быть задан подмассив (подмножество) анкет для последующей обработки.

Далее можно выбрать один из двух способов анализа текстовой информации.

При ручной обработке с помощью словарей и пермутационного вывода выполняется предварительный анализ выбранного подмассива текста, в результате чего повторяющиеся фразы отбираются для первичной классификации. Создается первичный вариант классификатора. Производится классификация ранее отобранных фраз. Прodelав эту процедуру со всеми отобранными фразами, которые должны быть помещены в данный классификатор, мы получим массив нормативных фраз. В процессе классификации может происходить уточнение и дополнение самого классификатора. Одновременно с нормативными фразами автоматически создается нормативный словарь, после чего по каждому полю отдельно выполня-

ется процедура идентификации текста. Она осуществляется путем контент-аналитического сравнения всех фраз с нормативными в диалоговом режиме. Если для очередной фразы найден аналог, то его идентификатор фиксируется в БД. Если нет, то фраза может быть отправлена в Сундук или сразу же классифицирована (тем самым она станет нормативной). После окончания процедуры идентификации (а она может быть прервана в любой момент) фразы из Сундука классифицируются дополнительно, затем выполняется идентификация пропущенных фраз. Такой итерационный процесс продолжается до полной идентификации всего текстового подмассива.

Сущность предлагаемой методики сводится к тому, что вместо сто-процентной классификации всех фраз проводится классификация только части фраз, а все остальные фразы отождествляются с ними. Это дает двойное преимущество. Во-первых, сокращается объем работы по классификации фраз. Во-вторых, при любом изменении классификатора, — а это не исключение, а правило при анализе текстов — достаточно изменить класс и группу у ряда базовых фраз, чтобы автоматически произошли соответствующие изменения и у всех остальных фраз, аналогичных им.

При автоматической классификации в режиме «Создание классификатора» исследователь сразу осуществляет идентификацию всего текста по одному полю и получает классификатор. Такой классификатор состоит из множества групп, помещенных в один класс. Однако, как показывают результаты предварительных экспериментов, количество таких групп должно быть достаточно велико для репрезентативного анализа (их количество определяется параметрами, задаваемыми на закладке Идентичность). Это число должно в несколько раз превосходить количество групп, которые должен иметь оптимальный классификатор. Кроме того, возможно, потребуется разместить группы в нескольких классах. Таким образом, потребуются определенные усилия для уточнения конфигурации классификатора: необходимо объединить группы, завести новые классы и распределить полученные группы по классам. Система ВЕГА поддерживает подобную работу при представлении классификатора в виде дерева.

В случае использования профессиональной версии системы ВЕГА, в состав которой входит морфолого-лексический анализатор, такие же результаты при автоматической классификации можно получить, не выделяя ключевые слова.

4.2.

Анализ неструктурированной информации. Система позволяет анализировать и отдельные тексты, вообще не имеющие какой-либо структуры: эссе, биография и т. п. Анализ такого текста может быть осуществлен двумя путями.

Можно создать БД, состоящую из одного поля символьного типа, и перед импортом переформатировать исходный текст, исключив переносы. При этом в одной записи можно разместить до 32 Кбайт текста. В этом случае каждый абзац текста будет соответствовать одной записи.

Для нежестко структурированных текстов (типа автобиографий) можно создать БД, состоящую из нескольких полей символьного типа, сопоставив каждому из них узкую тематическую направленность (отношения в семье, отношение к искусству, события в жизни и т. п.). Импортируемый текст в этом случае может состоять из ряда разделов (параграфов), каждый из которых соответствует одной записи. Параграф состоит из нескольких абзацев, каждый из которых соответствует какому-либо полю записи в БД. Каждый такой абзац начинается с указателя номера поля. Номера полей могут быть расположены в любом порядке и могут даже повторяться в пределах одной записи. В последнем случае все абзацы, имеющие одинаковый номер поля, будут помещены в поле с этим номером.

Даже для текстов такого рода система ВЕГА позволяет строить разнообразные словари и классифицировать информацию с последующей статистической обработкой.

НОВЫЕ РЕАЛИИ — МОЛОДЕЖЬ И ОБРАЗОВАНИЕ

[к содержанию](#)

Исследование образовательных и профессиональных траекторий молодежи

Опыт разработки методики

Д. Л. Константиновский, Г. А. Чередниченко

Постановка проблемы исследования

В условиях ускорения трансформационных процессов и социальных изменений современного общества необходим новый анализ влияния важнейших факторов (экономических, политических, социальных, демографических) на процесс получения молодежью общего и профессионального образования и выход ее на рынок труда: изучение воздействия особенностей функционирования модернизирующейся системы образования, модифицирующейся семьи, других изменяющихся социальных институтов, иным образом обуславливающих сегодня формирование профессиональных и образовательных траекторий молодежи. В этой связи Отделом социологии образования ИС РАН реализуется исследовательский проект «Профессиональные и образовательные траектории молодежи в изменяющейся России»¹. Эта работа является, по существу, продолжением и развитием широкого направления исследований, начатых В. Н. Шубкиным в Сибири в 1960-х годах².

На базе лонгитюдного исследования когорты молодежи с различными начальными ресурсами (образовательными, социальными, культурными) предпринято рассмотрение в условиях сегодняшнего модернизирующегося общества специфики профессиональных и образовательных траекторий молодых представителей разных социальных групп, получивших различный уровень формального образования; осуществляется анализ социальных факторов начального выбора и последующих траекторий; определяются векторы избираемых молодежью жизненных стратегий с точки

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Профессиональные и образовательные траектории молодежи в изменяющейся России», проект № 07 — 03 — 00097а.

² Шубкин В. Н. Социологические опыты. М.: Мысль, 1970.

зрения формирования и накопления человеческого капитала; выявляются малоресурсные в этом отношении группы; исследуются в динамике лет трансформации ценностных ориентаций молодежи. На этой основе проводится изучение актуализирующихся противоречий и конфликтов, а также возможных способов их смягчения или разрешения посредством мер социальной политики. В исследовании используются материалы серии предыдущих работ, осуществленных авторским коллективом³.

В ходе реализации этой серии связанных между собой исследовательских проектов авторский коллектив работал в направлении изучения траекторий современной молодежи и накопления ею человеческого капитала. Результатом этой работы является ряд публикаций.⁴

Проблематика образовательных и профессиональных траекторий рассматривается нами с точки зрения плюрализации возможностей — как объективного, так и субъективного характера — различных социальных групп в получении разных уровней образования. В качестве наиболее значимых факторов, определяющих получение образования и профессиональные старты молодежи, рассматриваются культурный капитал в форме образовательного статуса родителей, экономический капитал родительской семьи в форме ее накоплений, доходов и пр., уровень урбанизации места жительства выпускника среднего учебного заведения, а также институциональные факторы, обусловленные особенностями различных учебных заведений и процессами модернизации российского образования.

В условиях модернизирующегося общества важную роль в формировании образовательных и профессиональных траекторий играет субъективный фактор — предпочтения, мотивации, ценностные ориентации, а также личные усилия, которые предпринимает молодой человек для достижения

³ В том числе использованы результаты проектов, осуществленных при поддержке Российского гуманитарного научного фонда — №№ 97-03-04151, 00-03-00365, 07-03-00097.

⁴ Когда наступает время выбора (Устремления молодежи и первые шаги после окончания учебных заведений). СПб.: Изд-во РХГИ, 2001; Мониторинг индивидуальных (образовательных и карьерно-профессиональных) траекторий выпускников системы высшего профессионального образования. Научный отчет по проекту, выполненному по заказу Федерального агентства по образованию. 2006; Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чердниченко Г. А. Интернационализация образования и российская молодежь: открытия, обретения, результативность. М.: ИС РАН, 2008; Константиновский Д. Л., Вахштайн В. С., Куракин Д. Ю. Социологические аспекты мониторинга: методология, методика, практика / Мониторинг непрерывного образования: инструмент управления и социологические аспекты. М.: МАКС Пресс, 2007.

желаемых результатов. Выстраивание профессиональной — и — шире — жизненной карьеры все более зависит от того, насколько интенсивно и целенаправленно молодой человек накапливает знания, навыки, квалификации — все то, что в совокупности определяется как человеческий капитал. Вот почему одна из задач исследования связана с получением ответа на вопрос: какими реальными возможностями накопления человеческого капитала располагают группы молодежи с различным начальным стартом с точки зрения имеющегося у них человеческого капитала, возможностей его наращивания и конвертирования в другие виды капиталов (социальный, профессиональный, символический).

Термин «человеческий капитал» уводит от социального замера этой категории в область экономических понятий. Между тем, социологический подход к различным аспектам формирования человеческого капитала, способам его накопления и механизмам его конвертирования в другие виды капиталов (экономический, социальный и символический) в современном российском обществе позволяет обнаружить, что и накопление начального человеческого капитала, и возможности его наращивания, и владение механизмами его конвертирования в другие виды капиталов во многом оказываются дифференцированными и социально детерминированными.

Образование является самой важной составляющей человеческого капитала, и первое, за счет чего можно увеличить его объем — формальное образование и уровень квалификации.

Как показывают наши предыдущие исследования, большинство молодежи высоко оценивает получение хорошего образования, также вполне удовлетворительно определяют молодые россияне и свои возможности его приобретения. Однако реально молодое поколение весьма дифференцированно реально вовлечено в повышение уровня своего интеллектуального развития, накопление и обновление необходимых знаний и навыков. В сложившихся реалиях образование продолжает во многом восприниматься в качестве как инструментальной, так и терминальной ценности, но не всеми осознается (таковы объективные условия) как ценный ресурс, реально способный повысить благосостояние, уровень и качество жизни.

На пути к формированию и накоплению человеческого капитала могут оказаться объективные барьеры — территориальная удаленность от крупных культурных и образовательных центров, низкая материальная обеспеченность семьи, отсутствие компьютера и навыков работы на нем, и т. п. Еще более существенную роль играет уровень образования родителей и уровень формального образования, полученного самим респондентом.

Чем ниже все эти «исходные данные», тем труднее человеку мобилизовать имеющиеся у него личные заделы для того, чтобы целеустремленно и мотивированно включиться в непрерывный процесс формирования, увеличения и совершенствования своего человеческого капитала. Это весьма затруднительно в условиях, когда экономическая, социальная и символическая эффективность человеческого капитала в улучшении качества жизни, повышении уровня материальной обеспеченности, обеспечении карьерного роста далеко не очевидна.

Все это становится особенно насущным сегодня для молодых поколений россиян, которые вступают в жизнь в условиях грядущего информационного общества, где образование, знания, владение информацией становятся основными ресурсами, обеспечивающими жизненный успех. В этих условиях социальное неравенство в сфере образования, которое отсекает не обеспеченные ресурсами группы молодежи от возможностей накопления человеческого капитала, отодвигает их на периферию общества. Выявление подобных низкоресурсных групп и социальных факторов, лежащих в основе их формирования, важно для практического использования результатов исследования в разработке мер социальной политики, поскольку преодоление наиболее острых проявлений указанного неравенства невозможно без определения различных путей социального управления.

Исследования образовательных и профессиональных траекторий молодежи базируются на общей концептуальной основе, согласно которой общественное поведение молодого человека является результатом сложного взаимодействия различных факторов, определяющих специфику личности и специфику внешних воздействий на нее. Такой подход позволяет устанавливать взаимосвязи между намерениями, устремлениями молодых и реальными показателями достигнутого; выявлять воздействие социальных факторов, детерминирующих развитие образовательных и профессиональных траекторий групп молодежи с различным социальным и образовательным стартом, среди них — социальное происхождение, территориальный фактор, институциональные барьеры в системе образования, материальные возможности молодого человека, семейные ресурсы и т. п. Предполагается, что эти факторы во многом обуславливают и стратегии накопления (или отсутствия таковых) человеческого капитала в виде повышения уровня формального образования, использования дополнительных форм образования, накопления новых навыков и знаний, самообразования, овладения компьютерной грамотностью, наличия доступа к Интернету и пр.

Комплексное исследование облика молодого поколения начала нового века, изучение социальных проблем вступления этих когорт в самостоятельную жизнь позволяет углубить актуальное для отечественной и мировой социологии понимание существенных аспектов социализации, формирования ценностных ориентаций и социального поведения юношей и девушек. Исследователи получают совершенно новую информацию о поколении, которое еще недостаточно изучено. В целом исследование направлено на участие в реализации, применительно к теме работы, тех функций социологии, которые становятся все более важными: анализ актуальных проблем общества, информирование общества о его состоянии и перспективах, участие в решении насущных задач. Каждая из сторон проблемы вносит свою составляющую в ее значение для формирования общественного мнения и государственной политики, определения потребностей в инвестициях, разработки возможных мер социального управления.

Определение основных понятий

Образовательная и профессиональная траектории

В методологическом плане обращение к концептам образовательная и профессиональная траектории вместо традиционных понятий поведения в сфере образования и труда вызвано трансформациями социальной практики. В пореформенное время в России сформировалась новая модель получения образования и занятости молодежи, ее вступления в самостоятельную трудовую жизнь. Традиционная модель перехода «учеба-работа» все более уходит в прошлое. Она предполагала, по крайней мере, для большинства сверстников, дискретность процесса, последовательную смену учебной деятельности на трудовую, то есть такую ситуацию, когда индивид после получения общего или профессионального образования выходил на рынок труда «окончательно и бесповоротно», получал постоянную и полную занятость, а до этого момента не имел опыта трудовой и профессиональной деятельности. (Исключение составляла немногочисленная часть выпускников основной и полной средней школы, поступавшая в профессиональные учебные заведения не в первый год по окончании школы, а спустя один-два года). Образование в такой модели рассматривалось с точки зрения его «функциональности», мерой которой полагалось последующее трудоустройство; образование выступало ступенью и механизмом, «запускающим и направляющим» успешное трудоустройство и развитие карьеры, и оно использовалось по принципу «образование на всю жизнь».

За последние 15–20 лет сложилась новая модель образовательного поведения и трудовой занятости молодежи в период начала самостоятельной жизни. В современных условиях происходит расширение инвестиций в человеческий капитал и образование (большая доля сверстников стремится получить полное среднее и высшее профессиональное образование, а также вскоре обращается к дополнительному обучению). Это, с одной стороны, отодвигает на более старший возраст получение рабочего места с постоянной и полной занятостью. С другой стороны, все большее распространение получает феномен выхода на рынок труда и обретения первичного трудового опыта, по профессии обучения или по иной, еще во время учебы, гораздо раньше по возрасту, чем это было прежде⁵.

Складывается ситуация, когда после окончания общего образования определенный — и часто достаточно большой — промежуток времени молодости посвящается не только первичному профессиональному образованию, но и дополнительным формам обучения как в структурах формального, так и неформального и информального образования. Этапы обучения и трудовой деятельности теперь стали попеременно сменять друг друга или протекать параллельно. Молодежь, получая образование, не выходит на рынок труда «окончательно и навсегда», а периодически возвращается к образовательной деятельности. Все реже встречается ситуация, когда молодой человек или девушка оканчивает одно (общее или профессиональное) учебное заведение и сразу приступает к работе. Сложился специфический рынок молодежных мест труда, который включает самые разные виды временной, краткосрочной, непостоянной, в режиме неполной занятости, не оформленной трудовыми отношениями работы, которую можно совмещать с учебой. Таким трудом, который перемежается с обращением к формальному, неформальному и информальному образованию, занята все большая часть молодежи на определенном этапе проживания времени молодости. Словом, у нас складывается ситуация, аналогичная той, что более продолжительное время наблюдается в странах, где пролонгирование периода молодости, связанного с попеременным обращением к образованию и труду, характерное для современной культуры, давно стало фиксироваться социологами⁶.

⁵ См.: Константиновский Д. Л., Чердниченко Г. А., Вознесенская Е. Д. Российский студент сегодня: учеба плюс работа. — М.: Изд-во ЦСП, 2002.

⁶ См., напр.: Les jeunes et les autres (Contributions des sciences de l'homme la question des jeunes, coordonnés par François Proust). Paris, 1985; Galland O. Sociologie de la jeunesse. L'entrée dans la vie. Paris.: Armand Colin, 1991.

В современных условиях переход от образования к труду преобразился в длительный процесс взаимосвязанного попеременного или параллельного получения и возобновления учебы и работы, обозначать который целесообразно в терминах образовательная и профессиональная траектории. Важным исходным принципом концепции такого перехода является принцип непрерывности образовательной и профессиональной траекторий. В методологическом плане подобная постановка проблематики исследования выводит на использование парадигмы непрерывного образования, в рамках которой в качестве распространенной операциональной модели анализа выделяется модель «образование в течение жизни»⁷.

Основной теоретической новацией современной парадигмы стало расширение понятия образования, в которое теперь включают все то, что имеет целью «изменить установки и модели поведения людей путем передачи им новых знаний, развития новых умений и навыков...Образование — это компонента в любом виде человеческой деятельности»⁸. Серьезным преимуществом данной предельно расширительной трактовки образования является возможное включение в модель системы непрерывного образования одновременно формального, неформального и информального образования⁹.

Формальное и неформальное образование по большей части осуществляются в рамках действующих в обществе институтов: первое — в рамках образовательных учреждений, второе — в рамках различных курсов и кружков, ассоциаций и союзов, публично объявленных образовательных программ и т. п. (оно может иметь как профессиональную направленность, так и общекультурное значение и не ставить целью аттестацию учащихся). Информальное образование реализуется в крайне изменчивых формах, которые слабо проявляются в публичном пространстве и связаны с большим числом разнообразных процессов поиска и получения информации. Примерами могут служить самообразование, протекающее в самых различных формах (чтение литературы, пользование интернетом,

⁷ См. Телегина Г. В. «Образование в течение жизни»: институализация в европейском контексте и ее оценка.- Непрерывное образование в политическом и экономическом контекстах / Отв. ред. Г. А. Ключарев. М.: ИС РАН, 2008. С. 16–37.

⁸ Воронина Т. П. Философские проблемы образования в информационном обществе. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст-ни д-ра филос. наук. М.: 1995. С. 29.

⁹ См. подробнее: Непрерывное образование и потребность в нем /Отв. ред. Г. А. Ключарев; ИКСИ РАН. — М.: Наука, 2005, 9.

самообучение по учебникам и программам для повышения общего культурного уровня или получения специальных профессиональных знаний) либо предполагаемое в начале любой работы (как и в процессе ее исполнения) обучение и дообучение с учетом потребностей данной профессии и рынка труда. Все эти формы непрерывного образования рассматриваются как частные, конкретные проявления и характеристики образовательных траекторий молодежи. Подобное предельное расширение понятия сферы образования исходит из парадигмы информационного общества, когда любой активный поиск, получение, переработка и использование информации рассматриваются как образовательный процесс. Трактовка образования как взаимодействия формального, неформального и информального процессов, идущих как в рамках системы образования, так и вне её (и, в частности, на рабочем месте) лежит в рамках теории человеческого капитала, сформулированных на рубеже 1950–1960-х годов Т. Шульцем и Г. Беккером¹⁰.

Человеческий капитал

Под человеческим капиталом понимается совокупность воплощенных в человеке экономически ценных ресурсов — знаний, навыков, мотиваций, способностей к восприятию и продуцированию новой информации, — полученных им в процессе образования и практической деятельности¹¹. Он формируется как накопленный результат образовательной деятельности в течение предшествующей жизни и неотчуждаем от его носителя (человека). Рядом исследователей человеческий капитал определяется как образовательный ресурс человека¹², как его образовательный (человеческий) потенциал¹³.

¹⁰ Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: ГУ-ВШЭ, 2003. С. 49–155; Schultz, T. W. The Economic Value of Education. N.Y.: Columbia University Press, 1963; Idem. Investment in Human capital: the Role of Education and of Research. N.Y., 1971; G. S. Becker. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. N. Y.: National Bureau of Economic Research, 1964.

¹¹ Подробно об истории и различных направлениях исследований в ракурсе теории человеческого капитала см.: Добрынин А. И., Дятлов С. А., Цыренова Е. Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. СПб.: Наука, 1999. С. 7–56.

¹² Геворкян Е. Н. Рынок образовательных ресурсов: аспекты модернизации. М.: Маркет ДС, 2005. С. 87–96.

¹³ Марцинкевич В. Инвестиции в человека: экономическая наука и российская экономика (Что скрывается за термином «человеческий капитал») // Мировая экономика и международные отношения. 2005, № 9. С. 32–39.

Теория человеческого капитала основана на экономических расчетах и закономерностях, выявленных эмпирически. Они свидетельствуют, что на протяжении XX века накопление интеллектуальных ресурсов общества опережало темпы накопления физического капитала, а повышение образовательного уровня работников приводило к абсолютному и относительному росту их доходов. Благодаря теории человеческого капитала вложения в человека стали рассматриваться как источник экономического роста, не менее важный, чем «обычные» капиталовложения. Эти идеи оказали серьезное воздействие на экономическую политику государств, на изменение отношения общества к вложениям в человека. В таких вложениях научились видеть инвестиции, обеспечивающие производственный, причем долговременный по своему характеру, эффект. Это обеспечило теоретическое обоснование для ускоренного развития системы образования и подготовки кадров во многих странах мира.

Формирующийся человеком в результате инвестиций и накоплений определенный запас знаний, навыков, способностей, мотиваций целесообразно используется им в процессе труда, содействует росту его производительности и заработка, формирует способности участия в процессе производства. В теории человеческого капитала образование рассматривается не как потребительское, а как инвестиционное благо, поскольку инвестиции в человеческий капитал обеспечивают, как правило, его обладателю получение в дальнейшем более высокого дохода. Индивид «включается» в образование и тем самым откладывает часть потребления на будущее, при этом он тратит накопленный к этому времени человеческий капитал на дальнейшее его наращивание. Индивид экономически заинтересован в этих вложениях, так как, пополнив запас знаний, навыков, умений, он сможет их эффективно применить, увеличив свою производительную способность, что в принципе означает увеличение заработков. Данная теория, как и вся неolibеральная парадигма, в рамках которой эта теория развивается, возлагает всю ответственность за собственные жизненные успехи или неудачи на самого индивида.

Для целей последующего анализа образовательных и профессиональных траекторий рабочей молодежи важно учитывать, что в рамках теории человеческого капитала выделяются два типа образования (обретения знаний и навыков) — общее и специальное. Общий человеческий капитал (общие знания и навыки), производимый системой образования, может быть конвертирован между отраслями, между предприятиями и организациями, между рабочими местами. Специальный человеческий капитал

производится предприятиями (организациями), наделяющими работников специальными навыками и знаниями, которые зачастую не могут использоваться вне определенных рабочих мест.

Аналогичное различие, имеющее экономическую основу, существует между двумя формами обучения: с отрывом от производства (в школе, колледже, вузе) и без отрыва — на рабочем месте. В первом случае все время учебного «труда», вся производительная способность индивида расходуется на накопление человеческого капитала. Во втором случае аккумулярование человеческого капитала осуществляется непосредственно в процессе трудовой деятельности (здесь также может складываться ситуация, когда часть рабочего времени уделяется приобретению знаний и навыков, а часть — собственно производительному труду). При проведении эмпирических исследований количественными показателями объема накопленного человеческого капитала выступают в первом случае — число лет обучения с отрывом от производства в образовательных учреждениях, во втором случае — стаж работы, как количественный индикатор объема обучения на рабочем месте.

Теория человеческого капитала, предполагающая опору на парадигму непрерывного образования, на модель «образования в течение жизни», становится важнейшим методологическим инструментом изучения образовательных и профессиональных траекторий молодежи. С одной стороны, эти траектории являются тесно связанными, поскольку рекурсивно связаны рынок труда и система образования. Образование как процесс приобретения знаний и навыков (понимаемый как непрерывное накопление человеческого капитала) не заканчивается с получением формального диплома учебного заведения, а является неотъемлемой составной частью всей жизненной траектории. В частности, это означает, что между образовательной и профессиональной траекториями нет принципиальных разграничений: по мере развертывания жизненной траектории индивид неоднократно (либо регулярно) пересекает во многом условную границу между областью образования и областью профессиональной деятельности. С другой стороны, будучи тесно связанными, образовательная и профессиональная траектории являются все же разнородными формами перемещения в пространстве социальных позиций. Образовательная траектория может быть определена как получение ее субъектом формальных квалификаций, институционально подтвержденных компетенций, информально приобретенного опыта в виде знаний и навыков. При таком подходе она представлена как движение прежде всего от «уровня» к «уровню»

образования, от диплома к диплому, от квалификации к квалификации, но и как формально не фиксируемое приращение и приумножение знаний и навыков. В то же время профессиональная траектория определяется с точки зрения перехода субъекта от одной позиции на рынке труда к другой, различающихся уровнем оплаты труда, престижностью профессии, социальным статусом профессии и пр. и оцениваемых в ракурсе карьерной успешности/неуспешности.

Таким образом, образовательная траектория может выступать в виде своего рода «инвестиций». Переход от одной стадии получения образования к другой может означать реализацию стратегии приобретения более ценного (в перспективе) образовательного ресурса или стратегии расширения набора квалификаций и навыков. Профессиональная траектория становится социальным полем применения данных ресурсов, а вернее, их конверсии в соответствующие позиции на рынке труда. В этой логике более оплачиваемая, престижная, высокостатусная позиция выступает как мера усилий, вложенных в получение образования.

Признавая, что представленная цепь развития социальных взаимосвязей возможна на практике, нельзя не оговориться, что в целом выстроенную логику связи «образовательная траектория» — «профессиональная траектория» следует понимать прежде всего как теоретическую и достаточно одностороннюю схему, упрощающую и расчленяющую в аналитических целях в качестве «инвестиции» и «отдачи» в реальности взаимосвязанные образовательную и профессиональную траектории. На практике эти траектории очень трудно разграничить, отделить друг от друга, поскольку имеет место взаимосвязанный процесс кумулятивного накопления опыта в виде знаний, навыков, профессиональной и социальной практики. При этом, получение образования, накопление человеческого капитала не могут быть сведены к средству достижения профессиональных позиций, поскольку они самоценны для индивида, для его личного и социального развития. Таким образом, для индивида путь в образовании и путь в профессии одинаково самоценны, а образовательная и профессиональная траектории оказываются рядоположенными как в ценностных ориентациях, так и в социальной практике.

Одновременно следует учитывать, что в ходе анализа образовательных траекторий в операциональном плане мы будем вынуждены прибегать к оценке стартового общего или профессионального образования респондентов с точки зрения его «функциональности», мерой которой полагается последующее трудоустройство, занятие тех или иных соци-

ально-профессиональных позиций, получение того или иного размера вознаграждения за труд. Далее, последующие обращения субъекта в систему образования, которые могут быть инициированы профессиональной деятельностью и носить характер адаптации, развития профессиональных компетенций, повышения квалификации или переквалификации, овладения смежными специальностями, а могут являться реализацией личных стратегий повышения уровня образования и обучения новой профессии, также будут нами в операциональном плане анализироваться в логике функционального рассмотрения. Повторим, что это не более чем неизбежный аналитический прием дедукции. При этом изучение с позиций образовательной и профессиональной траекторий означает, что стартовое (или базовое) общее или профессиональное образование не рассматривается с точки зрения решающей образовательной ступени, направляющей всю последующую профессиональную траекторию рабочей молодежи. Эта функция в равной степени выполняется как стартовым образованием, так и разного рода формами непрерывного образования и дополнительного обучения.

Методические подходы, использованные в реализации проекта

Информационная база исследования: три волны

Информационная база исследования представляет собой композицию данных государственной статистики и лонгитюдного эмпирического исследования. Используются взаимодополняющие методы сбора и анализа данных, сочетание в рамках единой системы анализа результатов применения количественных и качественных методов.

Лонгитюдное исследование было начато в 1998 году опросом старшеклассников средних школ и учащихся выпускных курсов учреждений начального и среднего профессионального образования в Новосибирской области накануне окончания ими учебных заведений, проведенным исследовательским коллективом по «Анкете выпускника». В этой анкете фиксировались привлекательность профессий для юношей и девушек из разных социальных групп, личные планы молодежи, ее представления о своем будущем, о путях достижения жизненных целей. Спустя полгода были получены фактические данные персонально о каждом из респондентов; это позволило располагать объективной информацией о том, что про-

изошло с ними в действительности: куда каждый из них пошел работать, в какое учебное заведение поступил, по какой специальности стал учиться, куда переехал и т. д.

В 2001 году — спустя три года после начала исследования — был проведен поиск этих молодых людей, и они были опрошены по анкете «Начало пути». На основе новой информации было рассмотрено, как продолжали складываться жизненные пути юношей и девушек, как менялись их ценностные ориентации, как оценивали они свои жизненные достижения на тот момент времени.

Третий по счету опрос выпускников средних школ, средних специальных учебных заведений (ССУЗов) и профессиональных училищ (ПУ) Новосибирской области, осуществленный в 2008 году, дополнил сложившийся у коллектива банк эмпирической информации и позволил получить уникальную информацию по многим параметрам, определяющим специфику интеграции разных групп молодежи в общество, динамику их ценностных ориентаций, особенности социального поведения, связанные с накоплением разными группами молодежи человеческого капитала и обуславливающими разную степень вовлеченности этих групп в инновационные процессы изменяющейся России.

Поиск

Для проведения обследования 2008 года необходимо было обратиться к той же молодежи, которая была опрошена в 1998 году и повторно в 2001 году. Соответственно, следовало организовать специальную работу по поиску бывших респондентов.

Для этого было осуществлено обновление информации об адресах респондентов. Предыдущие два обследования — опросы 1998 и 2001 годов — намеренно носили неанонимный характер, то есть анкеты были персонифицированы — подписаны фамилией и именем респондента. Это делалось с согласия респондентов, которым мы объясняли задачи исследования. Руководителю группы поиска в Новосибирской области на основе адресных данных, имевшихся в архиве исследования, были переданы списки опрошенных по конкретным школам, сузам и ПУ, а также, где таковые имелись, адресные данные о респондентах, зафиксированные на момент проведения опросов 1998 и 2001 гг. Группа поиска решала задачу подтверждения адресов или установления изменений в адресных данных многообразными путями: обращалась к архивам в школах (классным журналам

со старыми адресами), в отделы кадров ССУЗов и ПУ, непосредственно по адресу (телефону) респондента, опрашивала соседей или родителей (по старому адресу), найденных одноклассников и однокурсников.

Результативнее всего происходил розыск новых или подтверждение прежних адресов выпускников школ. В сельской местности или малых городах розыски были более успешными благодаря, с одной стороны, пониженной подвижности населения, и с другой, — большой информационной осведомленности и тесноте контактов жителей в малых поселениях. Помощь в осуществлении всех этапов опроса оказывал Департамент образования Новосибирской области, заинтересованный в результатах данного исследования.

На основе обновленных и найденных вновь адресов были составлены списки респондентов из числа ранее опрошенных выпускников средних школ, ССУЗов и ПУ Новосибирской области, которые подлежали третьему опросу в 2008 году.

Проблема сопоставления данных

После третьего по счету — спустя десять лет после первого — опроса выпускников средних школ, техникумов и ПТУ создалась возможность произвести своего рода реконструкцию образовательной и профессиональной траектории каждого опрошенного и проследить десятилетний путь формирования планов, реализации задуманного и самооценки по результатам достигнутого. Для этого было осуществлено поименное совмещение данных всех трех опросов — по «Анкете выпускника» (1998 г.), анкете «Начало пути» (2001 г.) и анкете «Десять лет спустя» (2008 г.).

Необходимость сопоставления данных обследований, проводимых на протяжении десяти лет, диктовала осуществление определенных процедур и решение ряда методических вопросов.

Так, в 2008 г. наряду с блоком вопросов, освещающим проблемы, связанные с накоплением человеческого капитала, в анкету дополнительно включен блок вопросов, которые уже задавались этой когорте молодежи в 1998 и 2001 гг. По этим «сквозным» вопросам осуществлена проверка и корректировка ранее полученных данных персонально по каждому из респондентов. Кодировка данных опроса 2008 г. производилась уже на этой, выверенной, основе. В результате стало возможным уяснение социально значимых индикаторов (статуса, уровней образования, материального положения и пр.). Добавим, что в опросе 2008 года используются те же

шкалы, что и в опросах 1998 и 2001 гг. Все это позволяет надеяться, что создается хорошая основа для получения достоверных данных, проведение сравнительного анализа и выхода на обнаружение устойчивых тенденций.

Большое значение для решения проблем совмещения результатов разных исследований имеет способ записи, хранения и использования банков эмпирических данных. Поименное совмещение баз данных опросов по «Анкете выпускника» (1998), анкете «Начало пути» (2001) и анкете «Десять лет спустя» (2008) было произведено на электронных носителях в программе SPSS. Был сформирован сопоставимый массив данных по результатам всех трех опросов, позволяющий осуществлять совместную математическую и статистическую разработку результатов сразу трех исследований.

Анкета «Десять лет спустя»

Результатом предварительного анализа и разрешения методических вопросов исследования стала разработка анкеты для массового опроса 2008 года респондентов в Новосибирской области.

Блок вопросов, намеченных для сопоставительного анализа, касается прежде всего отношения к образованию, основных жизненных ценностей, определяющих понимание успеха в жизни, престижа профессий, самооценки и удовлетворенности своим положением и т. п. Путем сравнения ответов на аналогичные вопросы по результатам трех обследований стало возможным вполне корректное сопоставление данных и тем самым выход на изучение динамики ценностных ориентаций различных групп опрошенных.

Престиж профессий. Особое место в исследовании ценностных ориентаций принадлежит изучению престижа профессий. Это отдельная, весьма обширная, достаточно разработанная в теоретическом и методологическом плане проблематика¹⁴. Здесь отметим лишь, что с методологической

¹⁴ Шубкин В. Н. Социологические опыты. М.: Мысль, 1970; Шубкин В. Н., Чердниченко Г. А. Молодежь вступает в жизнь (социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства). М.: Мысль, 1985; Константиновский Д. Л. Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М.: Эдиториал УРСС, 1999; Чердниченко Г. А. Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути (Опыт социологического исследования). СПб.: Изд-во РХГИ; Константиновский Д. Л. Неравенство и образование: опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы — начало 2000-х). М.: ЦСП, 2008.

точки зрения изучение динамики престижа профессий представляет значительный исследовательский интерес. Структура занятий, казалось бы, по своей природе не упорядоченная, в представлениях людей имеет иерархический характер. Как следствие — в динамике престижа профессий отражаются (в той или иной степени) многие явления и процессы, происходящие в обществе. На основе данных о динамике престижа профессий создается возможность судить об изменениях в системе ценностей общества и отдельных социальных групп.

В этой связи перед нами стояла методическая задача сопоставления в динамике десяти лет оценок респондентами престижа профессий.

Анкеты 1998 года содержали специальный раздел, где подросткам предлагалось оценить престиж 50 профессий, перечисленных в списке. При отборе профессий для списка возникала трудность «уместить» все наиболее массовые занятия, с которыми могут встретиться выпускники при трудоустройстве и поступлении в учебные заведения. Необходимо было, чтобы список профессий по возможности отражал все сферы народного хозяйства — тяжелую и легкую промышленность, транспорт и связь, сельское хозяйство, сферу услуг, здравоохранение, просвещение, культуру, науку.

За последующий десятилетний период не могло не произойти перемен на рынке труда, в структуре профессиональной занятости населения. Поэтому при организации обследования 2008 года возникла необходимость некоторой корректировки списка профессий в анкете. Так, в анкету для опроса в 2008 году были введены ряд профессий (8), которые еще не были достаточно массовыми и хорошо узнаваемыми молодежью в 1998 году, но стали таковыми к 2008 году. Соответственно, нас волновал вопрос, насколько существенно для достоверности результатов исследования динамики престижа профессий окажется то, что в разные годы списки в анкетах будут не одинаковы?

Изучение проблемы надежности измерений в исследованиях по престижу профессий у молодежи показало, что величина списка, положение профессии в нем, также как и выбор шкалы, не оказывают существенно влияния на оценки профессий. «Существенное влияние на престижные оценки оказали лишь два фактора: оценка первой профессии в списке и инструкция к ответу на вопрос о престиже перечисленных в списке профессий... При исследовании динамики престижа профессий ... корректно сравнение лишь таких данных о престиже профессий, которые получены с помощью анкет, содержащих идентичные инструкции к ответу на вопрос о престиже профессий, названных в списке. При этом различиями в длине

списка, порядке профессий в нем, шкалах оценок профессий можно пренебречь. Желательно, чтобы первая профессия в сравниваемых списках совпадала»¹⁵.

В соответствии с вышеназванными рекомендациями в анкете 2008 г. в вопросе о престиже профессий инструкция, объясняющая, как оценивать престиж указанных в списке профессий, была дословно идентичной анкете 1998 г.; первые три профессии в списке профессий анкеты 2008 года и анкеты 1998 года полностью совпадают; длина списка профессий (50) сохранена в анкете 2008 года такой же, какой она была в анкете 1998 г. (из прежнего списка было исключено 8 профессий и в список 2008 г. добавлено 8 новых профессий, отражающих реалии современного рынка труда). Таким образом, основные условия для обеспечения корректных сопоставлений в ходе изучения динамики престижа профессий при формировании методики нового опроса были выполнены.

Три анкеты или одна? Предварительно планировалось, что анкета 2008 г. должна иметь три различающиеся формы, адаптированные к трем категориям опрашиваемых — выпускникам средних школ, выпускникам ссузов, выпускникам ПУ. Это намерение основывалось на том, что в первом исследовании — в 1998 году — были обследованы три категории выпускников, различающиеся условиями стартового среднего образования, которое они получили перед началом самостоятельного жизненного пути. Им были адресованы три, адаптированные для каждой категории молодежи, «Анкеты выпускника». И результаты разработки материалов первого этапа исследований подтвердили гипотезу о том, что начальный уровень полученного среднего образования стал одним из социальных факторов, существенно дифференцирующим первый выбор юношей и девушек, степень реализации первоначальных образовательных планов, шансы молодежи на продолжение образования и т. п.

Вместе с тем, результатом методологической разработки проблематики образовательных и профессиональных траекторий этих трех групп молодежи стала формулировка гипотезы о том, что спустя десять лет самостоятельной жизни достигнутые статусные позиции, уровень образования и дополнительные компетенции, ценностные ориентации, отношение к образованию, труду и пр. в большей степени определяются накопленным

¹⁵ Черноволенько В. Ф., Осовский В. Л., Паниотто В. И. Престиж профессий и проблемы социально-профессиональной ориентации молодежи (Опыт социологического исследования). Киев: Наукова думка, 1979. С. 112.

человеческим капиталом индивида, нежели стартовыми социальными факторами (в том числе уровнем полученного среднего образования). Разработка основных тематических блоков новой анкеты показала, что все они имеют одинаковую общую причастность ко всем трем категориям опрашиваемых. Из этого следовало, что методический инструмент необходимо было выбрать в виде универсальной для всех трех категорий молодежи анкеты, в которой большое место уделено вопросам накопления человеческого капитала по ходу образовательной и профессиональной траектории респондентов.

Блоки анкеты. Разработанная анкета «Десять лет спустя» содержит 37 вопросов, сгруппированных в 7 разделов.

Первый раздел «Исполнение желаний» дает возможность узнать, насколько опрашиваемые удовлетворены своим нынешним положением; как и в чем (в каких сферах жизни) они достигли желаемого; каковы, по их мнению, пути достижения успеха в жизни; каковы, с их точки зрения, причины жизненных неудач молодежи сегодня; как они оценивают свои жизненные успехи по сравнению с биографиями родителей и как оценивают роль родителей в своем становлении.

Ответы на вопросы второго раздела «Кем Вы стали» дают информацию об основном нынешнем занятии опрошенного и о том, как сам он определяет свой социально-профессиональный статус.

Третий раздел — о нем шла речь выше — посвящен престижу профессий.

Раздел четвертый «О Вашем образовании» составлен так, чтобы получить как можно более полную соответствующую информацию. Наряду с вопросом о достигнутом на сегодня наивысшем уровне образования у респондента выясняется, получал ли он дополнительное образование (помимо учебы в вузе, ссузе, ПУ), если получал, то в какой форме, какие получал дополнительные знания и платил ли за это, и наконец, как полученное дополнительное образование повлияло на положение респондента в сфере труда. Особое место в анкете занимает открытый вопрос «Где Вы учились после школы?». Он предполагает перечисление всех учебных заведений, форм обучения, хронологических периодов учебы, информации об оплате и о факте окончания учебного заведения. Назначение ответов на этот вопрос — дать возможность реконструировать образовательную траекторию респондента (с учетом того, что в базе данных есть контрольная информация из материалов предыдущих исследований).

В разделе 5 «О Вашей работе» респондент в ответах на открытые вопросы сообщает о своей основной профессии и должности, квалификации, разряде. Эта информация, как и при обработке материалов предыдущих обследований, служит основой для кодирования индикатора нынешнего социально-профессионального статуса опрашиваемого. Одновременно собирается информация о дополнительной занятости, о доходах, приносимых ею, о владении актуальными трудовыми компетенциями (навыками работы на компьютере, работы с использованием иностранного языка), о трудностях, испытываемых на рынке труда и пр.

Раздел 6 «О проблемах поиска работы» дает информацию о том, как опрашиваемые находили свою работу, о наличии или отсутствии опыта безработицы и выхода из нее.

Завершается анкета разделом 7 «О Вас и Вашей семье». Респондент сообщает о том, в каком поселении и в каких жилищных условиях он живет, с кем ведет общий бюджет и каково его материальное положение, каково семейное состояние и имеет ли он детей, а также братьев и сестер, каковы размеры его личной библиотеки и пр.

Качественные исследования

На завершающем этапе полевого этапа исследования образовательных и профессиональных траекторий молодежи — после проведения анкетного опроса — количественные методы сбора эмпирической информации были дополнены качественными.

Гайд для проведения глубинных полуструктуризованных интервью с частью респондентов, ответивших на вопросы анкеты «Десять лет спустя», тесно связан с основным содержанием анкеты. Вместе с тем, он составлен таким образом, чтобы обеспечить свободный рассказ интервьюируемого о том, как сложились его образовательный путь и профессиональная, трудовая траектория, и дать представление об их взаимосвязи. Респондента просят рассказать, почему и где он учился (в том числе — в форме дополнительного образования); как это сказывалось на трудоустройстве, на выборе или смене профессии; как сказывалось на поиске или смене места работы; как влияло на профессиональный рост, на повышение квалификации, на должностное продвижение. По ходу свободного рассказа при необходимости задаются уточняющие и направляющие беседу вопросы. Вот примеры таких вопросов. Какова была профессиональная деятельность сразу после окончания учебного заведения и соответствовала ли она по-

лученному образованию? Была ли мотивация к продолжению обучения? К каким формам образования и дополнительного обучения респондент обращался после окончания вуза, ССУЗа, ПУ? Как это влияло на получение работы, смену мест работы, профессии, карьерный рост и т. д.? Испытывает ли респондент потребность в повышении образования, в дополнительном обучении? Какие новые знания, навыки хотел бы он приобрести и где? И т. п.

Кандидатуры для интервью отбирались из общего массива опрошенных в 2008 г. таким образом, чтобы они представляли примеры наиболее типичных образовательных и профессиональных траекторий выпускников средних школ, ссузов и ПУ. Представление об этих наиболее типичных траекториях сформировалось на основе предшествующей статразработки материалов количественного исследования.

Интервью, проведенные во время командировки осенью 2008 г. в Новосибирск двух участников исследовательского коллектива — Е. Д. Вознесенской и Г. А. Чередниченко — записывались на диктофон и в дальнейшем были транскрибированы и использованы в ходе анализа. Обращение к интервьюированию респондентов значительно обогатило материалы исследования.

Экспертная и статистическая информация

Одновременно в Новосибирске собирались статистические материалы по вопросам образования и занятости молодежи Новосибирской области в следующих организациях: Департамент образования Новосибирской области, Департамент труда и занятости Новосибирской области, Новосибирский областной комитет государственной статистики, библиотека Областного комитета государственной статистики, Новосибирская областная научная библиотека.

Кроме того, проводились интервью с экспертами. В Департаменте образования Новосибирской области: с заместителем начальника Управления общего образования, начального и среднего профессионального образования, с начальником Отдела среднего профессионального образования, с начальником Отдела начального профессионального образования. В Департаменте труда и занятости Новосибирской области — с начальником Отдела анализа и мониторинга занятости и рынка труда. В Институте экономики и организации промышленного производства СО

РАН — со специалистом в области социологии образования и труда молодежи Новосибирской области.

Интервью с экспертами и собранные материалы статистики по Новосибирской области позволили обеспечить комплексный характер исследования, сочетать в анализе данные статистики и эмпирических исследований.

Жизненные ценности в сознании учащейся молодежи

А. Э. Гереп

В последние годы в новой постперестроечной России интерес исследователей к изучению ценностей молодежи постоянно возрастает. Интерес этот обусловлен колоссальными трансформациями в жизни общества и системах ценностей разных категорий людей. В последнее время обстановка в стране стабилизируется, молодежь из «поколения *next*» в 1990-х незаметно превратилась в «поколение *now and here*» в 2000-х. Растет новое поколение со своими представлениями о мире и о себе в этом мире. Однако, как и всегда в обществе паника по поводу «конфликта отцов и детей» и «деградации молодежи».

В действительности же отношение взрослых к молодежи в современной России имеет противоречивый характер. С одной стороны, беспорядочное потребление и устойчивое стремление молодых к материальным благам порождает тревогу в стане взрослых. С другой стороны, именно молодежные потребительские аудитории часто составляют подавляющее покупательское большинство. Поэтому зачастую именно взрослые, преследуя свои цели, посредством СМИ инфицируют сознание молодых определенными стереотипами поведения.

Изучая ценности молодых, мы сталкиваемся с неустойчивой и динамичной системой представлений. Необходимо помнить, что часто молодые люди не имеют ресурсов для систематического осмысления значимых сторон своей жизни, а потому неосознанно включают в свою структуру ценностей готовые стереотипы.

В данной статье будут представлены результаты эмпирического исследования ценностей среди школьников и студентов¹. Также будет дана пре-

¹ Исследование было проведено в 2005–2006 гг. Всего было опрошено 218 человек. Выборка строилась по нескольким критериям: школьная — вузовская молодежь (111 и 117 чел.), взято две школы (179-я и 142-я школы, 111 чел.), взято три вуза (55 студентов гуманитарных специальностей — СПбГУКИ, 52 студента технических специальностей — СПб ГЭТУ, СПб ГУИТМО). Были взяты девушки и юноши (130 и 88 чел.). Метод опроса — групповое анкетирование, соответственно опрос проводился классами и группами.

зентация нового «мягкого» метода социологического изучения жизненных ценностей и комплексный подход к оценке их значимости.

I. Подходы к классификации ценностей

Обращаясь к изучению ценностной проблематики, необходимо учитывать, что мы имеем дело поистине с масштабным явлением. Фокусируя свое внимание на изучении отдельных сторон жизни общества, мы, так или иначе, попутно затрагиваем и данную проблематику. Существует великое множество типологий ценностей, и возможность провести исследование, направленное на основательное изучение одновременно всех типов ценностей, представляется маловероятной. Поэтому, как правило, исследователи вынужденно ограничивают свои амбиции, остановившись на одном/нескольких типах ценностных ориентаций.

Мы, в свою очередь, также попробуем здесь очертить и разграничить сферу наших интересов, уточнить предмет нашего исследования. Прежде всего, обратимся к некоторым типологиям ценностей.

Так М. Рокич выделял два типа ценностей: терминальные (ценности-цели) и инструментальные (ценности-средства). Терминальные, в свою очередь, Рокич предлагает подразделять на два класса: персональные ценности (например, душевный покой, иначе можно сказать — «мир с самим собой») и социальные ценности (например, мир во всем мире), а инструментальные — на моральные ценности и личностные качества (*competence values*). При этом предполагается, что человек в принципе обладает неким набором как индивидуальных, так и социальных ценностей.²

В. П. Тугаринов разделял ценности на ценности жизни — здоровье, жизнь, общение и др., и ценности культуры — материальные, духовные и социально-политические.³

Р. Инглехарт, обобщая данные, собранные за последние 20 лет в странах в рамках проекта *World Values Survey* (WVS), выделяет четыре типа ценностных ориентаций: материалистические, постматериалистические, традиционные и светски-рациональные.⁴

² Rokeach M. The nature of human values. New York: Free Press, 1973. P. 7–8.

³ Тугаринов В. П. Избранные философские труды. Л., 1988. С. 276–277.

⁴ Inglehart R. Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006 // West European Politics. 2008. Vol 31, 130–146. P. 139.

Ш. Шварц провел крупное кросскультурное исследование на изучение отношения к ценностям в 20 странах, в результате которого он пришел к выводу, что существует 10 базовых мотивационно-ценностных типов, которые в принципе универсальны для любых культур. К базовым ориентациям Шварц отнес творчество, разнообразие, гедонизм, достижение, власть, защищенность, традиции, приятие, великодушие и универсализм.⁵

В принципе список можно продолжать довольно долго, создавать новые типологии, как, выделяя новые локальные значимые элементы, например, такие как, ориентации в области религии, экологии, образования, гендерных отношений и др., так и, вдохновляясь опытом Инглехарта и Шварца, восходить к глобальным универсальным конструктам.

В рамках же нашего исследования мы обратимся к выявлению общей структуры ценностей изучаемой группы, мы не будем фокусироваться на отдельных «чистых» классах ценностей. Таким образом, мы будем иметь дело с неким «смешанным» типом ценностей. Назовем его условно жизненными ценностями. Под жизненными ценностями мы понимаем макро-ценности, выходящие за рамки ценностей какой-либо конкретной культуры (например — западные ценности и т. д.) и не ограничивающиеся какой-либо одной локальной сферой жизни индивида (к примеру — работой). Выявлять структуру таких ценностей можно с помощью общих вопросов типа «Что для вас представляется самым важным?» или «Что для вас самое главное в жизни?» и др. Предполагая, что человек обычно не имеет обыкновения классифицировать по различным основаниям свои ценности, и затем ориентироваться на такую классификацию в своем поведении, мы считаем важным не навязывать списки значимых сфер и социальных ценностей, а дать человеку самому выявить свои представления. С помощью такого способа мы получаем наиболее обобщенную картину основных значимых сфер жизни человека. Получаемый набор ценностей представляет собой некий «микс» из индивидуальных, социальных, терминальных, инструментальных и других видов ценностей. Хотя преимущественно мы имеем дело все же с индивидуальными жизненными ценностями, такими как семья, работа, здоровье и др. В целом, оперируя совокупностью индивидуальных ценностных представлений, мы также можем с определенным успехом делать выводы о структуре надиндивидуальных групповых и общественных ценностей.

⁵ Burgess, S. M., Schwartz, S. Do values share universal content and structure? A South Africa test // South African Journal of Psychology. 1994, Vol 24 (1).

II. Рефлексивная методика выявления ценностей

Предлагаемая методика, направленная на изучение ценностных ориентаций, опробована несколько раз в разных исследованиях. Поскольку ценностный блок представляется важнейшим при изучении и других личностно-значимых социальных сфер, он включался в опросные методики при изучении сферы образования, здоровья и др. Полная методика данного исследования состоит из основного блока, вопросов на самооценку и «паспортички».

Представим основной блок методики, направленный на выявление значимых для респондента ценностей и их количественную оценку:

- Напишите, пожалуйста, 10 жизненных ценностей, наиболее важных для Вас.
- Оцените каждую ценность по 100-балльной шкале исходя из ее значимости для Вас.
- Попытайтесь охарактеризовать несколькими словами, фразами каждую названную Вами позицию (например, что для вас означают деньги, семья и т. д.).

Т а б л и ц а 1. Формат вопроса на выявление и оценку ценностей

Балл	1–10. Жизненная ценность	11–21. Характеристика ценности, пояснение ее смысла
(всего 10 пустых строк для ответов)		

Использование в методике двойного задания: самостоятельно назвать ценность и пояснить ее личностный смысл и значимость — такой формат мы называем «двойным открытым вопросом», он представляет новый тип открытого вопроса, имеющий самостоятельный исследовательский потенциал.⁶ В методике также используется двойное задание — сформулировать содержательный ответ на открытый вопрос и затем оценить баллами

⁶ 15 типов открытых вопросов описаны в: Саганенко Г. И. Многообразие возможностей социологического изучения сферы образования. Часть 1. Обоснование и технологии социологических исследований, базированных на текстах - СПб.: ГНУ ИОВ РАО, 2004. С. 53–72.

сформулированные позиции — это предметно-оценочный тип открытого вопроса.⁷

Чтобы получить представление о характере материала, приведем пример.

Т а б л и ц а 2. *Пример ответа респондента (Аня, ученица 9-го класса)*

№	Балл	Жизненная ценность	Характеристика ценности, пояснение ее смысла
1	60	Деньги	Сейчас все решают деньги, на деньги можно купить почти все
2	90	Семья	Родным можно сказать все, доверить все и они поймут
3	65	Карьера	Хочется достичь в жизни большего
4	70	Спорт	Если человек спортивный, то он и выглядит хорошо, и чувствует себя хорошо
5	80	Лучшие друзья	Можно довериться ему и повеселиться
6	100	Общение	Больше общения и не остается времени на плохие мысли
7	65	Образование	Много знаешь, большего добьешься
8	60	Стиль, имидж	Красиво выглядишь — хорошо себя чувствуешь
9	100	Здоровье	Если здоров, то все хорошо
10	100	Жизнь	Жизнь дана, чтобы жить и успеть все

Данный формат следовало бы дополнить графой об удовлетворенности респондента реальным состоянием каждой обозначенной им ценностной сферы, (это было понято, к сожалению, уже после проведения опроса), что дало бы массу новых уточнений (удовлетворенность ценностью часто оценивается существенно ниже ее значимости).

III. Результаты исследования на базе рефлексивной методики

Представим результаты нашего эмпирического исследования. Благодаря многомерности разработанной методики нам удалось получить множественный результат, и в качестве основных его составляющих можно

⁷ Там же. С. 63.

назвать следующие три: определена структура ценностей, выявлены варианты их смыслового содержания, проведена оценка значимости индивидуальных и групповых ценностей несколькими способами.

3.1. Групповые ценности — диагностика на массиве респондентов

В этом разделе мы изучаем содержательно-методическую ситуацию не на индивидуальном уровне, а на совокупности опрошенных (чем обычно и занимается социология в исследованиях). В нашем случае самая широкая совокупность — это учащаяся молодежь в 218 человек. Соответственно, будем выявлять, вокруг каких социальных идей фокусируются множество ответов молодежи — сначала на базе анализа первичных ответов, а затем, путем последовательного объединения формулировок и «промежуточных» фокусных точек, составим оптимальный список «конечных» групповых ценностей. В принципе будем изучать специфику «ценностных пакетов» у разных групп учащихся, выделенных по полу, учебному заведению и другим факторам.

Проанализируем первую часть открытого вопроса — о разнообразии индивидуальных ценностей у всей совокупности респондентов.

Примеры ответов респондентов (<> — ответ одного респондента):

<Любовь, семья, школа, мой класс, деньги, веселуха, Россия, друзья, жизнь, мир во всем мире, а еще сама планета земля>; <Здоровье, счастье, деньги, парни, друзья, семья, образование>; <Материальный доход, лицей, полноценная семья>.

На эту первую часть задания от 218 респондентов было получено 1745 ответов с названиями ценностей. В принципе фигурировало свыше 300 разных единичных названий, среди которых «традиционные» ценностные ориентиры (такие как семья, дружба, любовь, учеба, деньги), и единичные, включая потребности физического самовыражения (азарт, экстрим), единичные упоминания отдельных нравственных качеств (честность, совесть, правдивость и др.), притягательность секса и представителей другого пола, вплоть до упоминания привлекательности вредных привычек — наркотики, «веселуха», курение, алкоголь. Последние вряд ли когда-либо в стандартизированных исследованиях попадут в опросные списки и будут выявлены как значимые для отдельных людей или части молодежи.

В результате последующего сопоставления выделено 56 субгрупп, дальнейший анализ содержательной релевантности привел к 18 интегральным ценностным единицам. Вот эти классы ценностей в порядке частоты их упоминания во всей выборке:

Семья — 207, Деньги — 182, Друзья — 176, Любовь — 136, Образование — 120, Здоровье — 110.

Досуг — 82, Работа — 79, Самопознание — 49, Свобода — 45, Жизнь — 41, Духовные ценности — 40, Уважение — 34, Гармония — 31, Родина — 30, Социальное положение — 25, Счастье — 19, Вера — 9.

Надо полагать, что данный перечень родился в напряженном поиске определенной оптимальности и в условиях компромисса. Далее обратимся к презентации внутренней структуры обнаруженных макро-ценностей.

3.2. Смысл и содержание ценностей на индивидуальном уровне

Большое значение для интерпретации данных о ценностных предпочтениях людей имеет выявление содержательного наполнения ценностей у разных людей. Так наиболее популярная, часто вписываемая в ответы категория «семья» — для одних молодых людей представляет родительскую семью, для других — перспективу собственной семьи, для одних крышу над головой, для других — взаимопонимание и поддержку. Для одних «учеба» — это каждодневная обязанность, для других — сфера общения, для третьих — система получения знания. Не изучая эту ситуацию, мы бы получили слабо дифференцированную картину и однородность групп, не соответствующую действительности.

Для конкретизации содержательного наполнения ценностной сферы нами использовались формулировки второй части задания, направленной на уточнение респондентом смысла и значимости названных им ценностей. Обнаружилось, что почти все наши респонденты считают семью значимой ценностью своей жизни, но отводят ей разные места и по-разному определяют ее смысл, роль, значимость (табл. 3).

Данная таблица выполняет две роли — с одной стороны, она показывает логику нахождения/формирования «конечных» (для данного массива) ценностей, а, с другой стороны, — убеждает, что ценности не носят «точечный», «элементарный» моно-характер, а сложены из некоторого количества разных компонент, имеют определенную внутреннюю структуру.

Мы видим, что первое место в выборке получила ценность «семья» — она собрала 252 высказывания (или 14% от общей их суммы), в итоге тема семьи фигурировала у 207 из 218 респондентов, некоторыми отмечалось по несколько аспектов «семейной темы». Оценка ее значимости у 207 человек составила в среднем 90,3 балла.

В текстовых разъяснениях часть респондентов ограничилась подтверждением значимости семьи: «семья — главная ценность в жизни», «самое

Т а б л и ц а 3. Результаты классификации ценностей у 218 респондентов.

№	Частоты	Классы и подклассы ценностей
1	252	Семья
	203	Семья, Семейные отношения, Понимание близких, Благополучие, Семейное счастье, Уют домашнего очага, Благополучие близких, Стабильность и уют, Любовь и гармония внутри семьи.
	22	Род Родители, Брат, Мои сестры, Бабушка и дедушка, Папа, Мама, Близкие и дальние родственники.
	13	Дом, Крыша над головой.
	14	Дети, Мои будущие дети, Продолжение рода, Создание своей семьи
2	142	Любовь
	115	Любовь, Чувства, Любимый человек, Вторая половина;
	27	Личная жизнь, Девушки, Парни, Общение с женским полом, Секс
3	217	Дружба, общение
	123	Друзья
	39	Дружба
	26	Общение, Человеческое общение, Общение с людьми
	29	Доверие, Взаимопонимание, Преданность, Братство, Взаимовыручка,
...	...	...
...	...	(Приведена только часть результатов классификации ответов)

главное в жизни любого человека — это семья». Другие подчеркивали функцию семьи выступать поддержкой и опорой: «У человека всегда должны быть близкие, которые помогали бы в трудные минуты». Часть респондентов, описывая ценность «семья», имела в виду свою будущую семью, своих детей.

Взаимоотношение с родными было представлено в разных вариантах. Для одних важно понимание среди своих родных: «Прежде всего — это самые лучшие друзья, с любой проблемой я обращаюсь к ним». Кто-то отмечал полную дисгармонию в семье: «Пугливая кошка, дед — маразматик, папа, которого нет дома, мама, которая много работает, и я» (Катя, 9-й класс).

В принципе полученная структура акцентов может выступать своего рода справочником при выборе молодежной проблематики для исследований, показывающем также «выпавшие» темы, заслуживающие специального внимания. Например, тут определенно видно, что в сфере лич-

ностной значимости у молодежи отсутствует проблематика экологии, совершенно не представлены коллективистские ценности, идеи служения обществу, попадаются только отдельные упоминания религиозных и нравственных ценностей.

3.3. Комплексный подход к оценке значимости групповых ценностей

Прояснив для себя смысл ценностей на индивидуальном уровне и их смысловое пространство, перейдем к анализу групповых ценностей в сопоставлении с их оценками (табл. 4).

Для выявления значимости ценностей использовалось несколько способов.

(1) Обычный прием — определялась значимость ценности, исходя из частоты называния этой ценности респондентами (столбец 3). Здесь полученные данные о количестве (проценте) людей, назвавших ту или иную ценность, не содержат сведений об иерархии ценностей в привычном понимании этого слова — в этом случае предпочтительнее говорить о степени распространенности конкретных ценностей у изучаемой группы. В дальнейшем эту коллизию мы будем рассматривать в терминах популярные/непопулярные ценности.

(2) Прямые оценки значимости ценностей по 100 балльной шкале. В используемой методике респондентам предлагалось дать абсолютную оценку каждой названной ценности. Таким образом, представленная иерархия была получена, исходя из ранжирования массива автономных оценок ценностей респондентами (столбец 4). При рассмотрении в дальнейшем этой иерархии, будем говорить о более значимых/менее значимых ценностях.

Надо отметить еще одну существенную особенность нашей методики — она показывает, что каждому респонденту требуется разная шкала значимостей: одному 90 баллов — респондент расположил свои ценности на интервале от 10 до 100 баллов, другому 20 баллов (от 80 до 100), третьему 15 баллов (от 65 до 80).

Каждая ценность оценивалась тоже на разных интервалах: так «семья» имеет оценки от 56 до 100, «деньги» — от 20 до 100, «вера» от 80 до 100 баллов.

(3) Еще одна оценка значимости определялась из косвенных данных — исходя из порядка/строки ее написания в ответе (столбец 6). Этот анализ опирался на следующие посылки. Представляется, что респондент начинает чаще всего с сильно актуализованных идей и заканчивает слабо ак-

Т а б л и ц а 4. Структура ценностей в группе и их иерархии

1	2	3	4	5	6	7
Ранг по популярности (по п. 3)	Ценность	% от числа респондентов назвавших ценность	Средний балл	Ранг по баллам (по 4)	Среднее место написания в ответе	Ранг (по 6)
1	Семья	95,0%	90,3	3	2,2	1
2	Деньги	83,5%	72,9	16	4,1	4
3	Друзья	80,7%	85,3	7	3,8	2
4	Любовь	62,4%	84	8	4,0	3
5	Образование	55,0%	77,6	14	4,8	6
6	Здоровье	50,5%	89,9	4	4,6	5
7	Досуг	37,6%	71,8	18	6,5	16
8	Работа	36,2%	78,4	13	5,2	7
9	Самопознание	22,5%	80,1	12	7,0	18
10	Свобода	20,6%	89,3	5	5,8	9
11	Жизнь	18,8%	88,7	6	6,2	13
12	Духовные ценности	18,3%	81,9	11	5,8	10
13	Уважение	15,6%	83,4	9	6,5	15
14	Гармония	14,2%	83	10	6,6	17
15	Родина	13,8%	71,9	17	6,2	14
16	Социальное положение	11,5%	75	15	5,7	8
17	Счастье	8,7%	92	2	6,1	12
18	Вера	4,1%	96,6	1	6,0	11
18 мест	Максимум	100%	100 балл	18 мест	10 мест	18 мест

туализованными. Однако это не исключает того, что на первых строчках респондент может написать как наиболее значимые лично для себя ценности, так и просто наиболее распространенные, популярные в его окружении, стереотипы, элементы публичного дискурса, массовых представлений, вбитых в сознание идей, клише и пр.

Все эти три подхода к оценке значимости ценностей в определенной степени автономны, но принципиально, что они органично дополняют

друг друга, расширяя познавательные рамки о сути ценностных представлений и возможностях их выявления и измерения.

Данные в табл. 4 дают представление об определенных рассогласованиях в оценках значимости, полученной с помощью различных подходов. Более обобщенные показатели согласованности обеспечивают нам коэффициенты ранговой корреляции — для трех пар рангов по результатам трех способов оценки групповых ценностей.

Изучение взаимосвязи трех типов оценок дало следующие результаты. Как выяснилось, популярные ценности не оказались одновременно и весьма значимыми ценностями, скорее наоборот — коэффициент ранговой корреляции по 18 ценностям близок к нулю и составил $r = -0,11$, т. е. имеет даже отрицательное значение.

Значительная позитивная связь прослеживается между популярностью ценности и строкой ее написания, тем, насколько быстро ценность актуализируется в голове респондента: $r = 0,65$ — показатель высокий, тем самым это означает, что на первые строки чаще попадают популярные ценности.

Значительно меньше связь между «очередностью» актуализации ценности (строкой, на которую записывается ценность) и ее значимостью — рангом по балльным оценкам: $r = 0,23$. Респондентам проще в первую очередь предъявлять популярные, социально одобряемые ценности, но на индивидуальном уровне они могут и не быть высоко значимыми.

В целом выявленное рассогласование может быть вызвано двумя причинами. Во-первых, часть популярных ценностей представляет собой не что иное, как умозрительные конструкты, то есть мы можем столкнуться не только с индивидуальными ценностями в привычном их понимании, но и со стереотипами и шаблонами массового сознания. Во-вторых, низкая значимость при высокой распространенности ценностей может говорить о неудовлетворительном их состоянии у части респондентов.

Так, например, ценность «деньги» — по популярности занимает второе после «семьи» место, по порядку написания находится в среднем на четвертом месте, а по приписанным ей баллам — на 16-м месте. Рассогласование по двум типам ранжирования значимости «денег» может быть также связано с особенностями российского менталитета — в нашем обществе часто считается «неприличным» ценить деньги. Возможно, популярность в ответах денег — методический эффект формулировки задания.

Рассогласование оценок популярности и значимости у ценности «работа», как и в случае с «деньгами», можно объяснить слабой вовлеченностью респондентов в эту жизненную сферу. Напомним, что обследуемая группа

наполовину состоит из школьников, для студентов ценность значима, но суммарная ее популярность для выборки получается низкая.

Рассогласование в оценках «образования» может быть обусловлено тем, что, как ни странно, самооценку образования слабо актуализирована в сознании учащихся — образование ими часто рассматривается как ресурс или обязанность, но не как самодостаточная ценность, привлекающая деятельность.

3.4.

Сравнение ценностных структур в социально-демографических группах молодежи

Теперь рассмотрим, какова структура ценностей у разных половозрастных и статусных групп молодых людей. Если говорить о различиях в ценностных представлениях у юношей и девушек, то нам удалось обнаружить несколько таких различий (см. Табл. 5). Как видно из таблицы, юноши оказались намного спортивнее девушек: 22% юношей включили спорт в набор своих ценностей против 5% девушек. Девушки в свою очередь оказались намного религиознее юношей (6% и 2% соответственно). Намного чаще юношей девушки в числе своих значимых ценностей называли детей: 9% против 2%. Зато для девушек, в отличие от юношей, было нехарактерно (8% девушек и 17% юношей) упоминать категорию «социальное положение» и такие входящие в нее компоненты, как «власть», «слава» и др. Меньшее число суждений юношей было включено в категорию «Гармония, природа, мир»: 6% юношей против 20% девушек.

В последние годы в российском обществе образ женщины претерпевает изменения. Расширяется спектр социальных ролей, которые исполняют женщины, изменяется содержание этих ролей. Например, все больше появляется «бизнесвумен» и женщин топ-менеджеров. Однако половая дискриминация во многих сферах жизни актуальна до сих пор. Женщины чаще мужчин становятся объектами насилия, чаще испытывают к себе неуважительное отношение. Возможно, по этой причине девушки, принимавшие участие в нашем опросе, гораздо чаще юношей упоминали значимость «уважения со стороны окружающих». 21% девушек указывают в своих ответах эту ценность, в то время как об уважении вспоминают только 8% юношей.

Как мы можем увидеть из таблицы 6, существует ряд отличий и в содержании «ценностного пакета» учащихся школ и студентов.

Т а б л и ц а 5. Названные ценности (юноши и девушки).

	Девушки (Д)	Юноши (Ю)	Разница Д–Ю	Все
	%	%	%	%
Семья	97	93	4	95
Деньги	86	81	5	84
Друзья, общение	85	75	10	81
Любовь	70	52	18	63
Образование	58	51	7	55
Здоровье (свое, близких)	54	45	9	51
Развлечения, отдых, увлечения	37	39	–2	38
Работа, карьера	41	30	11	36
Самопознание, саморазвитие, личностные качества	26	18	8	23
Свобода	23	17	6	21
Жизнь, оптимизм, уверенность в будущем	21	16	5	19
Духовные ценности	20	16	4	18
Уважение, признание окружающих	21	8	13	16
Гармония, природа, Мир	20	6	14	14
Родина	12	16	–4	14
Социальное положение	8	17	–9	12
Спорт	5	22	–17	12
Счастье	11	7	4	9
Дети	9	2	7	6
Вера, религия	6	2	4	5
Другое	19	9	10	15

Так, например, высказываний о значимости работы и карьеры от школьников было получено в 2 раза меньше, чем от студентов. Такие результаты вполне логично вписываются во временную картину формирования трудовых ценностей молодых людей: действительно, для школьников наиболее актуальна проблема получения образования, а для студентов, тем более студентов старших курсов — идеи трудоустройства и успехов в карьере.

Согласно результатам нашего исследования, студенты — гуманитарии больше студентов — технарей ориентированы на трудовые ценности: 56% студентов гуманитарных ВУЗов против 41% студентов — естественников включили работу и карьеру в список своих ценностей (Табл. 7.)

Т а б л и ц а 6. Названные ценности (школьники и студенты).

	Школьники (Ш)	Студенты(С)	Разница Ш-С	Все
	%	%	%	%
Семья	97	93	4	95
Деньги	89	78	11	84
Друзья, общение	86	76	10	81
Любовь	59	66	-7	63
Здоровье, спорт	55	58	-3	56
Образование	65	45	20	55
Развлечения, отдых, увлечения	41	34	7	38
Работа, карьера	24	49	-25	36
Самопознание, саморазвитие, личностные качества	16	29	-13	23
Социальное положение, удача	26	15	11	21
Свобода	23	19	4	21
Жизнь, оптимизм, уверенность в будущем	20	18	2	19
Духовные ценности	18	19	-1	18
Уважение, признание окружающих	13	19	-6	16
Гармония, природа, Мир	23	6	17	14
Родина	17	10	7	14
Счастье	14	5	9	9
Вера, религия	2	8	-6	5
Другое	16	13	3	15

Для студентов гуманитарных специальностей также более характерным было называть ценности, вошедшие в категорию «Духовные ценности». Это такие ценности, как «духовность», «мудрость», «доброта», «совесть» и др.

Подобные высказывания были получены от 27% гуманитариев и от 10% технарей. Это вовсе не означает, что студенты-гуманитарии добрее и совестливее, нежели «технари». Причина состоит здесь, скорее, в том, что

Т а б л и ц а 7. Названные ценности («студенты-технари» и студенты-гуманитарии).

	Студен- ты-тех- нари (Т)	Студен- ты-гу- манита- рии (Г)	Разни- ца Т-Г	Все
	%	%	%	%
Семья	92	95	-3	95
Деньги	76	80	-4	84
Друзья, общение	86	67	19	81
Любовь	53	78	-25	63
Здоровье, спорт	53	62	-9	56
Образование	39	51	-12	55
Развлечения, отдых, увлечения	35	33	2	38
Работа, карьера	41	56	-15	36
Самопознание, саморазвитие, личност- ные качества	18	40	-22	23
Соцположение, удача	16	15	1	21
Свобода	16	22	-6	21
Жизнь, оптимизм, уверенность в будущем	20	16	4	19
Духовные ценности	10	27	-17	18
Уважение, признание окружающих	10	27	-17	16
Гармония, природа, Мир	2	9	-7	14
Родина	12	9	3	14
Счастье	4	5	-1	9
Вера, религия	2	13	-11	5
Другое	8	18	-10	15

для будущих культурологов, социологов и режиссеров, в отличие от будущих инженеров, эта тема является более отрефлексированной, проработанной, как самостоятельно, так и в процессе обучения.

Та же ситуация наблюдается и с ценностью «самореализация и саморазвитие»: гуманитарии называли ее в два раза чаще студентов технических ВУЗов (40 и 18% соответственно).

Идеи самосовершенствования, самореализации, как и идея духовности, по всей видимости, являются предметом систематических размышлений для студентов-гуманитариев. Вообще от естественников были получены данные самого низкого качества. То есть будущие инженеры хуже всех

Т а б л и ц а 8. Названные ценности (учащиеся школы №142 и учащиеся школы — лицея № 179)

	Школьники 142 shk (Ш)	Лице- исты (Л)	Разни- ца Ш-Л	Все
	%	%	%	%
Семья	90	100	–10	95
Деньги	87	90	–3	84
Друзья, общение	83	86	–3	81
Любовь	53	62	–9	63
Здоровье, спорт	37	62	–25	56
Образование	57	68	–11	55
Развлечения, отдых, увлечения	50	38	12	38
Работа, карьера	3	32	–29	36
Самопознание, саморазвитие, личност- ные качества	10	19	–9	23
Социальное положение, удача	13	31	–18	21
Свобода	20	23	–3	21
Жизнь, оптимизм, уверенность в будущем	17	21	–4	19
Духовные ценности	13	20	–7	18
Уважение, признание окружающих	0	17	–17	16
Гармония, природа, Мир	17	25	–8	14
Родина	7	21	–14	14
Счастье	3	17	–14	9
Вера, религия	0	2	–2	5
Другое	7	20	–13	15

справились с предложенным заданием: вместо 10 ценностей, в среднем они называли 6,6. А так как в техническом ВУЗе студентов не всегда учат хоть как-нибудь осмысливать значимые стороны своей жизни, то из названных 6-ти ценностей большинство оказались теми, «что у всех на слуху».

Как мы видим из таблицы 8, среди всех рассматриваемых групп учащихся, образовательные ценности наиболее сильно актуализированы у учеников специализированной школы с медицинским уклоном № 179 (68% против 57% учащихся школы № 142). Также ученики — лицеисты сильнее своих ровесников из «обычной» средней школы и даже студентов

ориентированы на ценности жизненного успеха, достижения высокого социального положения (31% против 13% школьников школы №142, 16% студентов — естественников и 15% студентов гуманитариев).

Для лицеистов школа — это, прежде всего, место получения образования и хорошая стартовая площадка для поступления в медицинский ВУЗ, а не «место прикольной тусовки». А студенты, уже переступив порог высшего учебного заведения и выполнив, таким образом, свою образовательную «программу — минимум» больше озабочены предстоящим построением карьеры. При этом реже всего ценности образования в свой «ценностный пакет» включали студенты естественники (39% против 51% студентов — гуманитариев).

Школьники же 142-ой школы чаще других называли ценности досуга (50%) и реже всех — трудовые ценности (3%).

Заключение

Изучение ценностей отдельных социальных групп имеет высокую познавательную значимость, особенно важно отслеживать динамику ценностных ориентаций в период социальных трансформаций.

Полученные нами результаты дают обобщенную картину значимых сфер жизни современной учащейся молодежи и могут служить ориентиром при выборе предмета для «молодежных» исследований. Так, удалось выявить значительный «перевес» индивидуальных ценностей, слабо представлены экологические ориентации и демократические, западные ценности, практически отсутствуют религиозные ценности; несмотря на большую включенность исследуемой группы в сферу образования, эта ценность не вошла в число лидирующих.

Нами предложен и описан в данной статье принципиально новый метод, построенный на рефлексивном опросе и специальном формате получения первичной информации от респондентов. Открытые вопросы позволяют определить две принципиальные вещи — (а) выявлять более релевантные индивидуальные ценности и (б) получать статистику и более устойчивые «ценностные пакеты», релевантные социальным группам.

Нами использовалась комплексная методика на оценку значимости ценностей, в итоге были обнаружены определенные рассогласования в оценках, связанные с применением различных подходов. Эти данные говорят в пользу включения в арсенал исследовательских техник комплексных методик оценки значимости для получения более адекватных результатов.

Работающий студент как социальный феномен

А. В. Родионова

Феномен трудовой занятости российских студентов, получивший широкое распространение в середине 90-х годов и зафиксированный в ходе социологических обследований как регионального, так и национального масштаба, представляется одним из аспектов, характеризующих процессы модернизации и трансформации отечественной системы высшего образования.

В реалиях России отметим некоторые особенности современного высшего образования: во-первых, это устойчивый дисбаланс между выпуском специалистов и запросом рынка труда, заключающийся в структурном несоответствии количества работников технического, гуманитарного, естественнонаучного профиля требованиям экономики, во-вторых, несоответствие знаний, полученных в вузе, потребностям работодателей, ориентированных на готовность молодых специалистов к выполнению практических задач. Кроме того, изменяется и отношение студентов к знанию как таковому — наблюдается переориентация интересов от фундаментальных наук к прикладным дисциплинам, а образование является уже не терминальной, а инструментальной ценностью. Соответственно, и диплом об образовании представляет ценность как символ доступа к определенным позициям в трудовой деятельности, а не как эквивалент полученных знаний. Такого рода стремление к получению диплома, по сути, символического кода, является в последние годы одним из наиболее актуальных мотивов обучения в вузе¹, и обозначенная тенденция все более превалирует над имманентной функцией высшего образования по передаче знаний. Принцип «образования для карьеры» становится при-

¹ См., например: Вишневский Ю. Р., Банникова Л. Н., Дидковская Я. В. Исследование проблем профессионального самоопределения студенчества Свердловской области // Университетское управление, 2000, №2 (13). С. 74–80; Виштак О. В. Мотивационные предпочтения абитуриентов и студентов // Социологические исследования, 2003, №2; Малинаускас Р. К. Мотивация студентов разных периодов обучения // Социологические исследования, 2005, №2. С. 134–138; Собкин В. С., Ткаченко О. В. Студент педагогического вуза: жизненные и профессиональные перспективы. М. 2007.

оритетным при построении жизненной стратегии выпускниками вузов. Для старта успешной карьеры наличие сертификата об образовании выступает необходимым, но не достаточным условием, поскольку молодому специалисту требуется еще и опыт работы. Это является одной из причин распространенности трудовой занятости студентов в период учебы в вузе.

Отчасти данное явление объясняется теорией «фильтров-сигналов», разработанной А. Бергом и некоторыми другими². В рамках данной теории образование выступает как средство «фильтрации» индивидов на основании производственных качеств в сфере занятости. Диплом того или иного образовательного учреждения становится своего рода сигналом для работодателей о квалификации претендента на вакансию. Значимыми для работодателей являются также личные качества индивида и опыт работы — сигнальные коды, сравнимые по силе/весу, с символическим кодом официального документа (диплома), а в некоторых случаях имеющие даже большее значение.

Высшее образование в современных условиях в России в большей мере ориентировано на социализацию личности, чем на ее профессионализацию³. Вероятно, этим объясняется стремление некоторых студентов к дополнительной профессионализации, что находит свое выражение в развитии трудовой занятости. Традиционная академическая культура не обеспечивает выпускников вузов необходимыми компетенциями, которые содержатся в базовых требованиях по трудоустройству на большинство вакансий, поэтому приобретаемые студентами в процессе трудовой занятости практические знания, умения и навыки являются необходимым условием соответствию социальным и экономическим требованиям современного общества.

С этим обстоятельством связаны две важнейшие проблемы высшего образования: несоответствие образовательных программ требованиям работодателей, что осложняет формирование необходимых компетенций выпускников для решения практических задач в сфере профессиональной деятельности; несоответствие номенклатуры специальностей потребностям развития экономики и социальной сферы.

Глобализация привела к установлению новых отношений между социальными институтами, при которых рыночные императивы значительно расширили границы своего влияния, включая и сферу образования. В ряде стран взаимоотношения между экономикой и высшим образованием с ка-

² Berg, Ivor. Education and jobs: the great training robbery. N.Y., 1972.

³ Гречко П. Глобализация: образовательные горизонты // Высшее образование в России, №11, 2005. С. 104

ждым годом укрепляются. Для описания взаимосвязи этих двух сфер общественной жизни И. Майбуровым предложен термин «коэволюция»⁴, который трактуется как сбалансированное непротиворечивое экономическое и социальное развитие сферы экономики и сферы высшего образования, а также появление значимого синергетического эффекта от усиления их взаимосвязанности и взаимозависимости. Аспекты их взаимодействия, по определению автора, заключаются:

- в подготовке кадров;
- в появлении новых финансовых взаимоотношений (предпринимательская деятельность вузов, корпоративные программы обучения и т. д.);
- в развитии инновационной деятельности вузов;
- в институциональных изменениях вузов под влиянием экономических детерминант;
- в изменении отношения к информации и ускорению информационных потоков;
- в утверждении конечности экологических ресурсов⁵.

Трудовая занятость студентов с точки зрения коэволюционного подхода, по нашему мнению, является еще одним аспектом взаимодействия экономики и высшего образования.

Представляется целесообразным различать трудовую занятость студентов двух типов: работа в рамках будущей специальности (зачастую рассматривается как практика во время учебы) и работа по другой специальности (которая не имеет отношения к процессу обучения). Представляется справедливым утверждение о том, что трудовая занятость студентов является характерной особенностью современного института высшего образования.

Одним из центральных понятий не только рыночной экономики, но и сферы образования в настоящее время выступает рынок труда. Рынок труда — это специфический вид товарного рынка, содержанием которого является реализация (купля-продажа) товара особого рода — рабочей силы, или способности человека к труду. Под рабочей силой понимают физические и умственные способности к труду, которыми обладает человек и которые он использует при производстве материальных и духовных благ⁶. Студент на рынке труда представляет собой рабочую силу, имеющую ряд

⁴ Майбуров И. Развитие высшей школы и экономики: коэволюционный подход // Высшее образование в России, 2005, №6. С. 79–95.

⁵ Там же.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание. — Т. 29. М. С.295.

отличий от обычного работника вследствие двойственного характера занятости: учебной и трудовой.

Следует признать, что в России уже в середине 1990-х гг. сформировалась новая социальная общность — работающий студент дневного отделения вуза. Проблему совмещения студентами учебы с работой на примере вузов Новосибирска рассматривали Г. В. Баян, В. И. Герчиков, И. В. Холодняк⁷. В Свердловской области данный феномен оказался в фокусе внимания авторов социологического исследования «Студент-99» Ю. Р. Вишневого, Л. Н. Банниковой, Я. В. Дидковской⁸. Изучению разных аспектов совмещения учебы и работы на базе общероссийской выборки был посвящен проект. «Вторичная занятость студентов» Д. Л. Константиновского, Г. А. Чердниченко, Е. Д. Вознесенской⁹. Вопросы трудовой занятости студентов в период учебы в вузе затрагивались также в трудах Ф. Э. Шереги, А. Г. Эфендиева, В. В. Радаева и др.

В октябре 2007 г. Научно-образовательный центр Социологического института РАН организовал проведение исследования по проблемам вовлеченности студентов очной формы обучения в трудовую деятельность на примере вузов Санкт-Петербурга¹⁰. Методика исследования включала опрос студентов очной формы обучения по пропорциональной выборке и полуструктурированные интервью с экспертами, среди которых были представлены как преподаватели, так и администрация вузов (30 интервью). В ходе данного проекта всего было опрошено 836 студентов 2–5 курсов семи вузов Санкт-Петербурга (Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет; Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств; Санкт-Петербургская академия управления и экономики; Институт телевидения, бизнеса и дизайна; Институт внешнеэкономических связей, экономики и политики). Подчеркнем, что опрос проводился среди студентов государственных и негосударственных вузов

⁷ Баян Г. В., Герчиков В. И., Холодняк И. В. Работающие студенты Новосибирска. Новосибирск. 1999.

⁸ Вишневский Ю. Р., Щапко В. Т. Студент 90-х — социокультурная динамика // Социологические исследования, М., 2000, № 5. С. 56–63.

⁹ Константиновский Д. Л., Чердниченко Г. А., Вознесенская Е. Д. Российский студент сегодня: учеба плюс работа. М. 2002.

¹⁰ «Студент на рынке труда: социологический анализ» (науч. руководитель — И. И. Елисеева), научно-исследовательская работа по конкурсу грантов в сфере научной и научно-технической деятельности Санкт-Петербурга, 2007 г., при финансовой поддержке Правительства Санкт-Петербурга.

гуманитарного профиля. В ГОУ учитывался источник возмещения затрат на обучение — со стороны государства (бюджетное отделение) или из других источников (коммерческое отделение).

Отметим, что для Санкт-Петербурга характерно неравномерное распределение студентов по группам специальностей. Наибольшее количество студентов ГОУ в 2006–2007 гг. обучалось по таким группам специальностей, как: экономика и управление (111,4 тыс. чел.), гуманитарные науки (49,9 тыс. чел.), культура и искусство (17,8 тыс. чел.), транспортные средства (15,4 тыс. чел.), образование и педагогика (15,3 тыс. чел.)¹¹. В НОУ также большинство студентов обучалось по группам специальностей «экономика и управление» (22,3 тыс. чел.), «гуманитарные науки» (14,8 тыс. чел.). Следующими по численности обучающихся были группы специальностей «образование и педагогика» (3,3 тыс. чел.) и «культура и искусство» (3,1 тыс. чел.), тогда как по группе специальностей «транспортные средства» обучалось только 0,2 тыс. чел. Соответственно, по указанным четырем группам специальностей («экономика и управление», «гуманитарные науки», «образование и педагогика», «культура и искусство») в ГОУ обучалось более 53%, в НОУ — более 59% всех студентов очной формы обучения в вузах Петербурга¹². Наименьшее количество студентов в 2006–2007 гг. обучалось по группам специальностей: сельское и рыбное хозяйство, технология производственных и потребительских товаров, приборостроение и оптотехника, химическая и биотехнология, автоматика и управление, — доля студентов по каждой из них не превышала 2,5%. Численность студентов по таким востребованным на рынке труда группам специальностей, как: строительство и архитектура, информатика и вычислительная техника, машиностроение и электротехника, — не превышала 3%, а по группам специальностей: техника, радиотехника и связь; транспортные средства; здравоохранение — 4%.¹³ Учитывая количество промышленных предприятий в одном только Петербурге, нетрудно предположить последствия «недопроизводства» специалистов указанного профиля.

Исследование показало, что в трудовую деятельность с разной степенью интенсивности вовлечены около двух третей студентов очной формы обучения, из них 26% — это работающие постоянно и 43,5% — работающие периодически («время от времени»).

¹¹ Образование в Санкт-Петербурге и Ленинградской области (экономический доклад). 2007. СПб. С.20–21.

¹² Там же.

¹³ Там же.

Одной из центральных задач данного исследования было определение степени соответствия трудовой деятельности студентов профилю получаемого образования и специальности изучения в вузе. Из материалов опроса видно, что трудовая деятельность студентов в двух третьих случаев абсолютно не соответствовала профилю получаемого образования либо имела только косвенное отношение к специальности обучения (62%). 8% опрошенных утверждали, что их работа со специальностью обучения не связана, но существует перспектива трудоустройства по специальности после окончания вуза. Только менее трети студентов работали по смежной специальности, в той же профессиональной области либо работали по специальности обучения (30%).

Опрос показал, что занятость студентов по специальности обучения либо смежной специальности, в той же профессиональной области дифференцировалась по курсам обучения и возрастала от второго к пятому курсу почти в 3 раза (с 16% до 49,5%). Отметим, что в начале четвертого курса обучения среди всех работающих только каждый четвертый работал по специальности обучения или по смежной специальности (25,2%). Два человека из пяти, обучающихся на четвертом курсе, работали в сфере, абсолютно не связанной со специальностью обучения (42,5%). На пятом курсе доля трудоустроившихся по специальности обучения либо по смежной специальности, в той же профессиональной области, от всех работающих составляла почти половину опрошенных и едва превышала долю работающих не по профилю обучения в вузе (49,4% и 43,8% соответственно). Поскольку опрос проводился в начале семестра, считаем справедливым предположение о том, что полученная информация в большей мере относится к закончившим третий курс нынешним первокурсникам. Этим обстоятельством объясняется преобладание в 2,4 раза среди работающих пятикурсников тех, кто занят по смежной специальности, и в 1,6 раза трудоустроившихся по специальности обучения по сравнению с работающими студентами четвертого курса.

Подчеркнем, что у половины работающих второкурсников и третьекурсников (период, когда закладываются фундаментальные знания и основы овладения будущей профессией) работа абсолютно не связана со специальностью обучения.

Исследование показало, что наиболее значимыми являлись различия в том, насколько связана работа студентов с будущей профессией, у юношей и девушек. Если доля работающих по специальности обучения у тех и других была примерно одинаковой (14,5% и 13% соответственно), то среди работающих по смежной специальности юношей насчитывалось в 1,9 раза меньше, чем девушек (юноши — 9,2%, девушки — 17,5%). Молодые люди

чаще, чем девушки, работали абсолютно не по специальности (юноши — 46,1%, девушки — 34,5%). Учитывая мотивы трудоустройства в период обучения, можно предположить, что по специальности работали наиболее мотивированные в профессиональном отношении юноши. Трудовая занятость других была связана с решением индивидуальных проблем, находившихся вне сферы получаемого образования (материальный фактор), либо ими были востребованы только статус студента с его латентными функциями обучения в вузе (например, отсрочка службы в армии).

Из материалов исследования видно, что мера соответствия работы и предполагаемой профессии различалась у студентов по группам специальностей обучения в вузе. Для обучающихся по группам специальностей «образование и педагогика» вообще не наблюдалось случаев работы по специальности. Доля тех, чья работа абсолютно не связана со специальностью обучения, у студентов, обучающихся по группе специальностей «образование и педагогика», наибольшая и составляет примерно две трети от числа всех обучающихся по данной специальности (62,2%),

Студенты, обучавшиеся по группам специальностей «образование и педагогика», работали промоутерами, официантами, продавцами-консультантами, секретарями, грузчиками, корреспондентом и журналистом, барменом-кассиром и веб-администратором, курьером и лаборантом. Работавшие в той же профессиональной сфере называли профессии няни и гувернантки, педагога — организатора и мастера-педагога, а также педагога дополнительного образования.

Благополучнее представляется ситуация в сфере занятости обучающихся по группам специальностей «экономика и управление». Доля тех, чья деятельность абсолютно не связана со специальностью обучения, среди работающих составляет примерно четверть (26,6%), но среди обучающихся по этой группе специальностей отмечается наибольшее количество респондентов — каждый третий — работа которых имеет только косвенное отношение к специальности обучения в вузе (32,5%).

Наиболее популярной у студентов, совмещавших учебу и работу, была позиция менеджера, что объяснялось чрезвычайно широкой трактовкой этого понятия работодателем. Студенты были востребованы в должности бухгалтера, продавца, промоутера, официанта, оператора ПК, мерчендайзера, маркетолога. Студенты работали финансовыми консультантами и экономистами, специалистами отделов кадров и аудиторами, специалистами кредитных отделов и специалистами по связям с общественностью.

Свыше половины обучающихся по группе специальностей «гуманитарные науки» работает в сфере, весьма далекой от их профессиональной деятельности (54,5%), но непосредственно по специальности работало более одной пятой опрошенных (22,7%), что вместе с работающими по профилю («по смежной специальности, в той же профессиональной области») составляет почти треть — 31,8%. Почти такие же результаты получены для групп специальностей «экономика и управление» — 31,1% и «культура и искусство» — 29,8%.

Представители группы специальностей «экономика и управление» трудились менеджерами, официантами, продавцами и разнорабочими, специалистами по связям с общественностью, а также репетитором, охранником, барменом, корреспондентом, уборщиком, кассиром-оператором, верстальщиком и администратором гостиницы и т. д.

Все вышеперечисленные позиции были характерны для студентов, обучающихся по группе специальностей «культура и искусство». Наиболее часто респонденты работали продавцами, менеджерами, официантами, бухгалтерами, консультантами, специалистами по работе с персоналом и т. д.

Анализ меры соответствия работы выбранной специальности обучения показал некоторые различия между студентами государственных и негосударственных вузов. Так, доля тех, чья работа абсолютно не связана со специальностью обучения, среди всех работающих была примерно одинаковой — более двух пятых — у студентов коммерческих отделений ГОУ и у студентов НОУ и в 1,4 раза превышала этот показатель у студентов бюджетных отделений ГОУ. Вместе с тем доля работающих в смежной профессиональной области или по специальности обучения для НОУ (32,7%) и для бюджетных отделений ГОУ (34,1%) достигала трети всех опрошенных, тогда как среди обучающихся на коммерческом отделении ГОУ она не превышала одну пятую (19,7%).

Подчеркнем потенциальную заинтересованность студентов в работе именно по специальности. После ответа на вопрос о своих намерениях относительно работы в данном семестре студентам было предложено сделать выбор в прожективной ситуации — поработать в текущем семестре по выбранной для обучения специальности (вопрос «Если Вам представится такая возможность сейчас, будете ли вы работать по специальности?»). Как оказалось, из тех, кто не планировал трудиться в текущем семестре (что составляет 16,6% по всему массиву опрошенных), хотели бы поработать по специальности более двух третей опрошенных (73,3%), тогда как доля тех, кто не испытывал желания работать в текущем семестре даже по

специальности, едва превышала 13%. Среди студентов, предполагавших работать (более трети опрошенных по массиву), хотели бы найти работу по специальности четыре респондента из пяти.

В материалах экспертных интервью была отражена специфика студенческой занятости. Преподаватели чаще придерживались точки зрения, согласно которой работа студентов в большинстве случаев — «это работа низкоквалифицированная, не по профилю, просто чтобы заработать деньги» (из интервью); «по приблизительным подсчетам, где-то 30% работают по специальности, а все остальные работают не по специальности — это торговля, охрана и т. п.» (из интервью). Эксперты полагали, что у студентов «...до третьего курса — это не работа по специальности, там нужны какие-то знания, которых в это время еще очень мало, а вот начиная с четвертого...» (из интервью). Подчеркивалось, что работа студентов зависит от того, «какая цель у кого стоит, если стоит только цель выживания, то студент ночью работает, утром приходит учиться и работает только на каких-то временных работах; но иногда это выживание совпадает с интересом и возможностью реализовать себя в будущей профессии — это идеальный вариант, и в него попадают не все...» (из интервью).

Некоторые из экспертов, совмещавшие преподавательскую работу с административной, отмечали: «Хорошо, когда студент работает по специальности, он получает хорошие практические знания, выводы содержательные делает в дипломной работе» (из интервью). Неоднократно был сделан акцент на углубляющейся дифференциации студенчества и необходимости индивидуального подхода в каждом конкретном случае совмещения работы и учебы. Менеджеры высшей школы были склонны считать, что «...наши студенты, в основном, работают по специальности, поскольку сейчас самая распространенная специальность—менеджер...» (из интервью); «В принципе, многие работают по профилю: для наших студентов это и торговля, и логистика, и там где нужна организаторская работа» (из интервью). Один из экспертов так охарактеризовал вовлеченность студентов в трудовую деятельность: «Работодатель сегодня требует молодого человека, 22 лет, со знанием немецкого языка, со специализацией, с профессиональным опытом и сертификатами... Как это совместить? Поэтому я все это поощряю, главная задача факультета — чтобы выпускники работали по специальности...» (из интервью).

Напомним, что в момент проведения опроса по специальностям обучения работали около одной трети всех обучающихся по группам специальностей «экономика и управление», «гуманитарные науки», «культура и

искусство», и только один человек из пяти обучающихся по группам специальностей «образование и педагогика».

Как видно из текстов интервью, в экспертном сообществе по этому вопросу наблюдаются разногласия, что, с нашей точки зрения, определяется неодинаковыми подходами к целям образования со стороны разных участников образовательного процесса.

С учетом материалов проведенного исследования можно выдвинуть гипотезу о существенно негативном влиянии на качество подготовки молодых специалистов несоответствия характера трудовой деятельности студентов профилю их образования. В пользу этой гипотезы свидетельствуют как оценки ситуации самими студентами, так и преобладающее мнение опрошенных экспертов.

Результаты социологических опросов свидетельствуют, что возможность трудоустройства по специальности, полученной в ходе обучения, вызывает обеспокоенность россиян, включая самих студентов очной формы обучения. Например, согласно материалам опросов ВЦИОМ, почти две трети населения отмечают снижение возможностей в течение последних 15–20 лет для молодых специалистов — выпускников вузов устроиться по специальности и найти высокооплачиваемую работу¹⁴. Как следует из данных опроса «Петербургский студент — 2007», проведенного НИИКСИ СПбГУ¹⁵, примерно две трети опрошенных студентов вузов Санкт-Петербурге уверены в возможности после окончания вуза найти работу по специальности, но каждый третий студент в данной возможности не уверен, лишь немногие затруднились с ответами. Существенной разницы в ответах студентов технических и гуманитарных специальностей авторы исследования не наблюдают.

Из данных Петростата видно, что в 2006 году самостоятельно трудоустроились более половины выпускников очной формы обучения (59%), тогда как 38% получили направления на работу¹⁶.

¹⁴ Опрос ВЦИОМ, 9–10 сентября 2006 г. Всего было опрошено 1600 человек в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России; статистическая погрешность не превышала 3,4%. См. подробнее: База данных ВЦИОМ — <http://www.wciom.ru>.

¹⁵ «Петербургский студент — 2007», опрос проведен в 2007 г. в 13 государственных вузах Санкт-Петербурга технического и гуманитарного профиля. Всего было опрошено 1134 студента, обучавшихся с 2 по 5 курс на дневном отделении. Отчет НИИКСИ СПбГУ представлен на сайте: www.gov.spb.ru/, Обращение к ресурсу 20.10.08

¹⁶ Образование в Санкт-Петербурге и Ленинградской области (экономический доклад). 2007. СПб. С. 25.

Либерализация образовательного процесса, рост количества вузов и появление их многочисленных филиалов, возникновение негосударственного сектора образования привели к значительному увеличению численности студентов по сравнению с советским периодом. Высшее образование оказалось более доступным, но при его массовости на фоне сокращения объема государственного финансирования качество обучения снизилось.

Рынок труда довольно быстро отреагировал на увеличение численности специалистов с высшим образованием все возрастающими требованиями к претендентам на вакансии. Но расхождения в содержании знаний выпускников и в специфике современных предприятий, организаций, компаний принуждают их руководство фактически «доучивать» молодых специалистов за счет организации при условии приема таковых на работу. Соответственно, в реалиях рыночной экономики предпочтение работодателей отдается претендентам с опытом работы.

Современное общество характеризуется многовариантностью направлений социального развития, где для молодежи не существует единственной и определенной перспективы социальной мобильности. В условиях системной и структурной трансформации российского социума и высшей школы изменяются сознание, поведенческие паттерны и ценностные ориентации молодежи.

Сам факт наличия диплома о высшем образовании уже не является гарантией востребованности и успешной профессиональной самореализации, студенты очной формы обучения адаптируют модели жизненно-стилевых стратегий посредством участия в качестве игроков на рынке труда, получения профессионального опыта в сфере занятости и сокращения времени и усилий на обучение в вузе. В связи с указанными тенденциями представляется обоснованным вывод о рационализации жизненных стратегий студенчества.

Характер, особенности современной трудовой занятости студентов являются свидетельством того, что система высшего образования утрачивает контроль над действиями вовлеченных в нее индивидов. Это способствует развитию процесса, который З. Бауман называет дерегулированием и приватизацией процесса становления личности¹⁷.

¹⁷ Бауман З. Индивидуализированное общество. М. 2002.

Гендерные идеалы: новые тенденции во взглядах молодежи¹.

Н. А. Нечаева

Гендерные идеалы — это идеализированные представления о предназначении, поведении и чувствах мужчин и женщин, свойственные данной культуре².

В рамках нашего подхода гендерные идеалы рассматривались в структуре гендерных картин мира. Гендерная картина мира понимается нами как упорядоченная, относительно непротиворечивая и внутренне связанная совокупность существующих в обыденном сознании идеалов, ценностных ориентаций, установок, в которых находит отражение гендерная дифференциация, служащая основой оценки положения женщины и мужчины в семье, обществе, в мире в целом. Стержнем этого единства является гендерная доминанта сознания. Она пронизывает различные уровни гендерной картины мира и содержит в себе какое-либо целостное отношение к социокультурным особенностям сознания и поведения мужчин и женщин. Гендерная доминанта сознания — системообразующая переменная, представляющая собой предельно сжатый смысл, «сгусток» соответствующей картины мира.

Ранее в наших исследованиях были зафиксированы две основные гендерные доминанты сознания — традиционно-патриархатная и современно-эгалитарная. Соответственно им были выявлены гендерные картины мира, две из которых являются относительно непротиворечивыми, полюсными, «чистыми» типами, и одна носит промежуточный, переходный характер. Структура каждой картины мира теоретически и эмпирически была представлена тремя субструктурами:

- 1) гендерными идеалами;
- 2) общими гендерными диспозициями;
- 3) ситуационными гендерными установками³.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 07-06-00271) «Трансформации российской семьи в условиях глобализации: теоретическое и эмпирическое моделирование процессов».

² Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. С. 330, 332, 651.

³ Нечаева Н. А. Патриархатная и феминистская картины мира: анализ структуры массового сознания / Гендерные тетради. Выпуск первый; СПб филиал Ин-

Оказалось, что, являясь субструктурой гендерной картины мира, гендерные идеалы неслучайным образом связаны с другими её элементами — общими гендерными диспозициями и ситуационными установками. Кроме того, сами они обладают определённой структурой, стержнем которой являются традиционно-патриархатная или современно-эгалитарная доминанты сознания. Эта структура гендерных идеалов включает не только те качества мужчин и женщин, которые являются наиболее привлекательными, но и свойства, которые отвергаются, являются неприемлемыми для носителя данного идеала. Это явление названо нами «относительной непротиворечивостью структуры гендерного идеала»⁴.

В 1996 году (N = 1070, выборка репрезентативна по полу и возрасту) большинство петербуржцев (около двух третей) считали наиболее привлекательным для себя традиционно-патриархатный тип идеала женщины. Ими особенно ценилась верная, преданная, скромная и бескорыстная, мягкая, нежная и терпимая женщина, способная многим пожертвовать ради семьи. Одновременно не считались привлекательными стремление к реализации своих способностей и профессионализм; отвергались активность, энергичность, сила, уверенность в себе; не приветствовалось стремление женщины к самостоятельности и финансовой независимости.

Для трети участников опроса наиболее привлекательным был смешанный, переходный тип идеала женщины, представляющий собой гетерогенное соединение как традиционно ценимых в патриархальном обществе женских качеств, так и современно-эгалитарных ориентаций на самореализацию, самостоятельность и успех.

Наконец, лишь 7% опрошенных в качестве идеальных для себя выбрали черты, присущие типу женщины, в основе которого лежат стремление к реализации своих способностей, самостоятельность, независимость, активность, энергичность, уверенность в себе и желание ни в чём не уступать мужчинам (при этом отвергались качества, ценимые носителями традиционно-патриархатного женского идеала).

Что изменилось за прошедшее десятилетие? Трансформировались ли гендерные идеалы? Достаточен ли такой временной отрезок для каких-ли-

ститута социологии РАН. — СПб., 1997. Нечаева Н. А. Идеал женщины в структуре гендерных картин мира / Гендерные тетради. Выпуск второй; СПб филиал Института социологии РАН. — СПб., 1999.

⁴ Нечаева Н. А. Идеал женщины в структуре гендерных картин мира / Гендерные тетради. Выпуск второй; СПб филиал Института социологии РАН. — СПб., 1999. С. 8

бо сдвигов в сознании людей? Большинство авторов разделяет точку зрения, согласно которой идеалы, ценности, установки («привычки сердца») меняются крайне медленно. Однако таких утверждений явно недостаточно, чтобы прояснить суть дела. Необходимо знание того, «что конкретно означает эта «медленность» на языке эмпирических индикаторов»⁵.

Поскольку известно, что к числу основных факторов, обуславливающих подобные трансформации, относятся поколенческие изменения, мы сосредоточили наше внимание на молодёжи. Ниже обсуждаются результаты сопоставления данных двух опросов, проведённых в Санкт-Петербурге в 1999 и в 2007 годах (общий объём репрезентативной по полу и возрасту выборки первого опроса составил 702 респондента; подвыборка молодежи в возрасте до 25 лет с высшим и незаконченным высшим образованием — 110 человек; объём выборки второго опроса студентов вузов аналогичного возраста равнялся 213). В обоих опросах были использованы идентичные методики фиксации гендерных идеалов. (Описанные выше результаты опроса петербуржцев 1996 года являются точкой отсчета, однако детального сопоставления данных мы не проводили вследствие того, что использованный в этом опросе инструментарий не был абсолютно идентичен тому, что применялся в 1999 и 2007 годах.)

При фиксации гендерных идеалов опрашиваемым предлагался набор из 16 черт, из которого следовало выбрать 7 наиболее привлекательных для респондента. Таблица 1 отражает динамику изменений идеала женщины. Представленные данные свидетельствуют, что абсолютными лидерами среди свойств, ценимых в женщине петербургской молодёжью в 1999 году, были мягкость, нежность, терпимость, верность, преданность, душевность, доброта, ум, надёжность и способность пожертвовать многим ради семьи. Среди наименее привлекательных (занимающих последние ранговые места) — качества, связанные с самореализацией. Такие как уверенность в том, что главное в жизни — реализовать свои способности, знания; стремление сделать хорошую карьеру; только один человек из ста ценил в женщине способность пожертвовать многим ради дела, работы. Подчеркнем, что набор этих черт почти не отличается от предпочтений петербуржцев, зафиксированных и в 1996, и в 1999 годах. Это означает, что как для населения в целом, так и для молодёжи доми-

⁵ Магун В. С. Структура и динамика трудовых ценностей российского населения // Россия: трансформирующееся общество. — М.: Изд-во «Канон-пресс-Ц», 2001. С. 430.

Т а б л и ц а 1. *Представления молодежи об идеале женщины. Ответы на вопрос «Какие качества в женщинах Вы особенно цените, считаете их наиболее важными?» (В % к числу опрошенных)¹*

№	Черты идеала	1999 г., N = 110		2007 г., N = 213	
		%	ранг	%	ранг
1	Мягкость, нежность, терпимость	87	1	82	2
2	Верность, преданность	84	2	80	3
3	Душевность, доброта	82	3	80	3
4	Ум	79	4	86	1
5	Надежность	63	5	47	6
6	Способность пожертвовать многим ради семьи	62	6	44	8
7	Скромность	45	7	28	9
8	Сила, уверенность в себе	45	7	56	4
9	Стремление многого достичь в жизни, добиться успеха	31	8	45	7
10	Активность, энергичность	29	9	52	5
11	Тяга к знаниям, высокому профессионализму	27	10	20	10
12	Стремление к самостоятельности и независимости	26	11	20	10
13	Умение достичь материального благополучия	18	12	20	10
14	Уверенность, что главное в жизни — реализовать свои способности, знания	15	13	16	11
15	Стремление сделать хорошую карьеру	6	14	15	12
16	Способность пожертвовать многим ради дела, работы	1	15	3	13

¹ Каждый респондент должен был сделать 7 выборов, поэтому сумма превышает 100%).

нирующими оказались черты женского идеала, присущие традиционно-патриархатному типу.

Теперь обратимся к произошедшим изменениям в идеале женщины и в идеале мужчины. В каждом случае сгруппируем отдельные черты идеалов так, чтобы наглядно продемонстрировать, какие из них стали цениться больше, какие, напротив, становятся менее востребованными и, наконец, выделим те, отношение к которым не изменилось.

Идеал женщины

Практически без изменений⁶ осталось отношение к шести свойствам женского идеала. Обращает на себя внимание, что они находятся на полюсах привлекательности. Так, по-прежнему очень высоко ценятся женские душевность и доброта; верность и преданность; мягкость, нежность, терпимость (их относят к важнейшим чертам гендерного идеала и в 1999, и в 2007 годах 4/5 опрошенных). Стабильно невысокую важность имеют умение достичь материального благополучия (18–20%) и уверенность, что главное в жизни — реализовать свои способности, знания (15–16%). И, наконец, почти никакой ценностью по-прежнему не обладает способность женщины многим жертвовать ради работы (1–3%).

Вместе с тем образованная молодежь значимо больше стала ценить в женщине активность и энергичность — доля тех, кто считает эти черты важными увеличилась на 23% и составила 52%. Более важным стало считаться умение многого достичь в жизни, добиться успеха (увеличилось на 14% и стало 45%), а также сила и уверенность в себе (их привлекательность возросла на 11% и составила 56%).

К этой группе примыкает изменение отношения молодых к ещё двум качествам (приближается к статистической значимости, находясь на «подпороговом» уровне): в женском идеале стали больше цениться стремление сделать хорошую карьеру (увеличилось на 9% и стало 15%) и ум (на 7% и стало 86%). (Учитывая небольшие сдвиги в привлекательности этих свойств, необходимо одновременно помнить об их очень разной абсолютной ценности в глазах молодежи — важность карьеры для женщины занимает предпоследнее 12-е ранговое место в структуре гендерного идеала, а ум — вышел на 1-е).

Существенно меньше в женском идеале стали цениться способность пожертвовать многим ради семьи (сократилась на 18% и составила 44%); скромность (упала на 17% и стала 28%) и надежность (стала меньше на 16% и теперь 47%).

Крайне важной характеристикой идеалов мужчины и женщины является мера согласованности гендерных экспектаций относительно их

⁶ В данной работе статистическая значимость изменений оценивалась с помощью точного критерия Фишера для таблиц частот сопряженности признаков 2×2. Значимыми считались различия, где вероятность ошибки первого рода была менее 5% ($p < 0,05$).

отдельных свойств. В данном случае речь идёт о том, насколько близки, похожи взгляды юношей и девушек на идеальных мужчину и женщину. Ожидания относительно гендерных идеалов, определяя, какие черты, роли, поведение мужчин и женщин являются наиболее привлекательными и востребованными, тем самым выполняют предписывающую функцию. Гендерные экспектации (как и любые другие) имеют две основные стороны — право ожидать определенного ролевого поведения и обязанности вести себя соответственно существующим ожиданиям⁷. Если экспектации мужчин и женщин относительно гендерных идеалов существенно рассогласованы, то есть ожидания одного пола не находят соответствующего отклика в другом, возникают конфликтные ситуации. Чем больше степень этих расхождений, тем конфликты острее. Характер этих конфликтов, конечно, может быть абсолютно различным. В рассматриваемом же контексте важна фиксация наличия (или отсутствия) таких рассогласований и определение их меры.

Вероятно, в истории общества невозможно обнаружить такие периоды, когда степень согласованности гендерных экспектаций являлась бы абсолютной. Вместе с тем можно предположить, что мера рассогласованности не является константной величиной: она уменьшается в стабильные, более или менее спокойные стадии общественного развития и, напротив, возрастает в периоды больших перемен, резких сдвигов.

Сама согласованность/рассогласованность гендерных ожиданий относительно идеалов мужчины и женщины, с нашей точки зрения, может характеризоваться по крайней мере тремя показателями: во-первых, диапазоном рассогласования (количеством характеристик, по которым фиксируются статистически значимые различия в представлениях об одном и том же гендерном идеале с точки зрения мужчин и женщин); во-вторых, глубиной этих различий по отдельным свойствам; в-третьих, содержанием тех свойств, по которым выявлены несовпадения точек зрения, особенно наиболее глубокие. Речь идёт о значении этих черт или их «удельном весе» в структуре той или иной модели гендерного идеала. Например, согласно исследованиям, такими характеристиками для женщин являются «преданность семье», «забота о детях», а для мужчин — «сила, уверенность в себе», «обеспечение семьи». Очевидно, что первые два показателя (диапазон рассогласований и их глубина) являются объективными, поскольку не зависят от мнения исследователя и выражены статистическими величи-

⁷ Психология. Словарь. — М., Политиздат, 1990. С. 457.

Т а б л и ц а 2. Представления юношей и девушек об идеале женщины.
(N = 213, Санкт-Петербург, 2007, %).

№	Черты идеала	девушки	юноши
		N = 124	N = 89
1	Ум	85	89
2	Мягкость, нежность, терпимость	83	89
3	Душевность, доброта	80	79
4	Верность, преданность	73	91
5	Сила, уверенность в себе	63	46
6	Активность, энергичность	58	44
7	Стремление многого достичь в жизни, добиться успеха	56	31
8	Надежность	38	61
9	Способность пожертвовать многим ради семьи	34	57
10	Стремление к самостоятельности и независимости	28	9
11	Тяга к знаниям, высокому профессионализму	23	16
12	Умение достичь материального благополучия	21	19
13	Стремление сделать хорошую карьеру	20	9
14	Уверенность, что главное в жизни — реализовать свои способности, знания	20	11
15	Скромность	17	44
16	Способность пожертвовать многим ради своего дела, работы	0	7

нами. Последний показатель (содержательный аспект рассогласований), конечно, довольно субъективен. Тем не менее, с нашей точки зрения, он является важной составляющей общей картины рассогласования мужских и женских ожиданий относительно гендерных идеалов, поскольку некоторые характеристики являются своеобразными «болевыми точками».

Используя предложенные показатели, рассмотрим, в чем заключаются основные различия во взглядах современных юношей и девушек на идеальную женщину (таблица 2).

Во-первых, следует отметить довольно широкий диапазон рассогласования: только по семи из шестнадцати характеристик идеала женщины студенты и студентки высказали единодушное мнение (нет статистически значимых различий). Совпадающие точки зрения преобладают среди характеристик, занимающих первые ранговые позиции и традиционно ценимых: и юноши, и девушки считают, что идеальная женщина должна быть умной, мягкой, нежной, терпимой, душевной и доброй. Одновременно опрошенные единодушны в невысокой оценке важности для неё тяги

к знаниям, высокого профессионализма, стремления к реализации своих способностей, умения достичь материального благополучия.

Во-вторых, показательно рассогласование гендерных ожиданий. Оно распадается на две группы: первая содержит более привлекательные, с точки зрения девушек, нежели юношей черты идеальной женщины. К ним относятся: сила, уверенность в себе, стремление многого добиться в жизни, достичь успеха, самостоятельность и независимость, стремление сделать хорошую карьеру. Вторая группа — это свойства, которые привлекают студентов в женщине больше, чем студенток: верность, преданность, надёжность, скромность и способность пожертвовать многим как ради семьи.

Что стоит за этими рассогласованиями? За отдельными предпочтениями хорошо просматриваются различные гендерные доминанты сознания — традиционно-патриархатная и современно-эгалитарная. К первой склонны юноши, в целом больше ценящие в женщинах традиционные добродетели. Ко второй — девушки, которых больше влечет эмансипированная женщина с её успехом, самостоятельностью и независимостью.

Идеал мужчины

В 1999 году наиболее ценимыми молодежью качествами идеального мужчины были: сила, уверенность в себе; ум, способность достичь материального благополучия; активность, энергичность и надежность — их предпочитали 2/3 и более опрошенных (подробно см. таблицу 3). Наименее привлекательными чертами были мягкость, нежность, терпимость; способность пожертвовать многим ради дела, работы и скромность — эти качества занимают последние ранговые места, ими идеального мужчину наделяли менее 1/5 респондентов.

Обращает на себя внимание, что чрезвычайно ценимое молодежью умение мужчины достичь материального благополучия (важным его назвали 74%) не подкрепляется такой же привлекательностью в её глазах всего, что связано с профессией, работой, делом жизни. Так, высокий профессионализм мужчины ценит уже существенно меньшая часть опрошенных (45%); еще менее привлекательны стремление сделать хорошую карьеру (36%), уверенность, что главное в жизни — реализовать свои способности и знания (28%); и уж совсем мало тех юношей и девушек, кто уважает в мужчине способность пожертвовать многим ради своего дела, работы (11%) (забегая вперед, укажем, что доля их к 2007 году упадет до 5%).

Т а б л и ц а 3. *Представления молодежи об идеале мужчины. Ответы на вопрос «Какие качества в мужчинах Вы особенно цените, считаете их наиболее важными?». (В% к числу опрошенных)¹*

№	Черты идеала	1999 г., N = 110		2007 г., N = 213	
		%	ранг	%	ранг
1	Сила, уверенность в себе	78	1	84	1
2	Ум	75	2	80	2
3	Умение достичь материального благополучия	74	3	76	3
4	Активность, энергичность	65	4	66	4
5	Надежность	62	5	66	4
6	Верность, преданность	50	6	60	6
7	Стремление к самостоятельности и независимости	47	7	31	10
8	Стремление многого достичь в жизни, добиться успеха	45	8	61	5
9	Тяга к знаниям, высокому профессионализму	45	8	36	8
10	Способность пожертвовать многим ради семьи	39	9	32	9
11	Стремление сделать хорошую карьеру	36	10	38	7
12	Уверенность, что главное в жизни — реализовать свои способности, знания	28	11	11	12
13	Душевность, доброта	21	12	32	9
14	Мягкость, нежность, терпимость	19	13	17	11
15	Способность пожертвовать многим ради дела, работы	11	14	5	13
16	Скромность	5	15	5	14

¹ Каждый респондент должен был сделать 7 выборов, поэтому сумма превышает 100%.

Рассмотрим теперь, какие трансформации претерпел этот идеал мужчины в течение восьми лет.

В структуре мужского идеала представлена группа свойств, отношение к которым оказалось не подверженным каким-либо изменениям за указанный период. Причем одни из них константно обладают очень высокой привлекательностью, другие — средней, третьи — низкой. К первым относятся: сила, уверенность в себе, умение достичь материального благопо-

лучия, ум, активность, энергичность, надежность (постоянно их считают важными 2\3 и более молодых участников опроса); ко вторым принадлежат: стремление сделать хорошую карьеру, мягкость, Идеал мужчины те-ряет черты, связанные с ценностью самореализации, профессионализма, работы. Так, сократилась доля уважающих мужскую уверенность в том, что главное в жизни — реализовать свои способности и знания (с 28% до 11%); менее ценным стало стремление к самостоятельности и независи-мости (с 47% до 31%). Близко к значимому находится уменьшение важно-сти тяги к знаниям и высокому профессионализму (с 45% до 36%); способ-ности пожертвовать многим ради работы (с 11% до 5%).

Насколько же в настоящее время совпадают гендерные ожидания в от-ношении идеала мужчины? Диапазон рассогласований этих ожиданий по-чти таков же, как и по отношению к идеалу женщины, и составляет восемь характеристик из шестнадцати (таблица 4).

Единодушные касается как тех черт, которые большинство считает очень важными для идеального мужчины (сила, уверенность в себе, ум, активность, энергичность), так и менее привлекательными (жертвы ради семьи, стремление к карьере, душевность, доброта, мягкость, стремление к реализации способностей).

По другой половине спектра свойств мнения юношей и девушек рас-ходятся, распадаясь на две группы. Первую составляют качества, которые юноши ценят в мужчине больше, чем девушки: высокий профессиона-лизм, стремление к самостоятельности и независимости, скромность и способность пожертвовать многим ради работы. Вторую образуют черты идеального мужчины более привлекательные для девушек: стремление к успеху, достижение материального благополучия, надёжность, верность и преданность. Наиболее велики различия точек зрения на важность успеш-ности в жизни — 74% девушек приписывают эту черту идеальному мужчи-не и только 44% юношей.

Таким образом, в целом в женском идеале для подавляющего большин-ства молодежи с высоким уровнем образования по-прежнему наиболее привлекательны черты традиционно- патриархатного типа — мягкость, нежность, терпимость, верность, преданность и душевная доброта. Од-новременно наметились и важные сдвиги — для женщины стали больше цениться черты современно-эгалитарного типа, носящие маскулинный ха-рактер: сила, уверенность в себе, активность, энергичность и стремление к успеху при одновременном уменьшении притягательности такого тради-ционно-патриархатного качества, как способность женщины многим по-

Т а б л и ц а 4. Представления юношей и девушек об идеале мужчины.
(N = 213, Санкт-Петербург, 2007, %).

№	Черты идеала	девушки	юноши
		N = 124	N = 89
1	Сила, уверенность в себе	83	85
2	Ум	78	83
3	Активность, энергичность	60	73
4	Умение достичь материального благополучия	82	67
5	Надёжность	73	57
6	Верность, преданность	67	51
7	Тяга к знаниям, высокому профессионализму	30	44
8	Стремление к успеху	74	44
9	Стремление к самостоятельности и независимости	23	42
10	Способность пожертвовать многим ради семьи	28	37
11	Стремление сделать хорошую карьеру	42	33
12	Душевность, доброта	35	29
13	Мягкость, нежность, терпимость	15	20
14	Уверенность, что главное в жизни — реализовать свои способности, знания	10	14
15	Скромность	1	10
16	Способность пожертвовать многим ради дела, работы	2	10

жертвовать ради своей семьи. Носителями этих трансформаций женщины выступают в большей степени, чем мужчины.

Идеальный мужчина, как и раньше, должен быть сильным, уверенным в себе, умеющим достичь материального благополучия, умным, активным, энергичным и надежным. Но, по мнению молодежи, необходимо, чтобы он больше, чем в 1999 году стремился к успеху и достижениям. За мужскую жизненную успешность девушки ратуют значительно в большей степени, чем юноши.

Новую струю в идеал мужчины вносит рост привлекательности традиционно женских патриархатных добродетелей — душевности, доброты, верности и преданности.

Гендерные идеалы, в целом сохраняя прежние позиции, сделали тем не менее небольшие, но значимые шаги навстречу друг другу — к сближению, к возможной потере в будущем той яркой гендерной специфики, которой они обладают в полной мере до сих пор.

«Пытливый ум»: гуманистическое развитие школьников при поддержке ресурсов социологии

Г. И. Саганенко

Резюме. Современное гуманитарное образование строится на определенном академическом материале, включая литературные и исторические коллизии, формальные и логические задания и др. Но оно минимально касается жизни реального человека и жизни реального общества. Человек, проучившись даже два десятка лет в разных системах образования, не получает достаточных ресурсов и инструментов, чтобы осмысливать актуальное общество и свою жизнь в его разнообразных контекстах. Это чревато многообразными издержками и потерями как для личности, так и для общества.

Чтобы начать движение в преодолении такой ситуации, предлагается социально-познавательная программа, включающая многообразные рефлексивные социологические методики и способы изучения и осмысления социальной жизни, которые могут эффективно сопровождать учащегося на жизненном пути. Эти методики будут помогать учащемуся в соответствии с его возрастом вырабатывать собственные базовые представления о значимых социальных сферах, которые составляют его жизнь, жизнь окружающих его людей и жизнь реального общества, осознанно принимать на себя ответственность за свою полноценную, творческую и безопасную жизнь.

Очень важно начинать развивать социальное мышление у человека с раннего возраста, с подростковых классов.

1. Актуальность разработки социально-ориентированной программы

В принципе речь идет о ресурсах системы образования в деле подготовки *личности* инновационного типа/развития.

Характер и особенности нравственных, образовательных, профессиональных, трудовых, инновационных установок подростков, молодежи, взрослых выстраиваются по всему периоду перманентной социализации и

развития каждого человека. Значительная часть успешности этого процесса определяется системой образования, ее адекватностью *вызовам современной эпохи и ожиданиям /устремлениям современной личности*.

К сожалению, обнаруживается значительное рассогласование установок «нормативного» российского образования, его содержательного наполнения, используемых в нем форматов обучения, разрешенных в нем принципов и способов взаимодействия образовательных субъектов, с одной стороны, и устремлениями современного общества и современной личности, с другой стороны.

Существующая в учебниках предметная информация дает лишь слабое информационное насыщение относительно окружающих человека и значимых для него социальных сфер — образования, учебы, знания, самореализации, семьи, взаимодействия со сверстниками, дружбы, любви, здоровья, репродуктивного поведения, успеха и мн. др.

В процессе обучения фактически ни одна значимая социальная сфера не становится предметом систематической рефлексии и осмысления ни ее внутренней структуры, ни ее связей с другими сферами. Используемая в обучении информация является абстрактно-научной, несистемной, нередко архаичной или стремительно устаревающей, обучение не сопровождается способами/механизмами вовлечения свежих коллизий окружающего мира в активный познавательный процесс и др.

Стандартизация, ныне активно внедряемая в систему общего и высшего отечественного образования, еще больше усугубляет ситуацию «архаизации» и отчуждения процесса образования и получаемого в нем знания от значимых коллизий жизни актуального общества и реального человека, тем более с учетом того, что окружающая жизнь перманентно меняется, меняются цели и средства развития, меняется значимость социальных вещей, меняется любой человек.

Применительно к традиционному обучению ситуация в значительной степени такова: учащийся является пассивной фигурой в познавательном процессе, не выступает участником/партнером в поисках знания, в открытии новых способов взаимодействия с социальным миром и миром знаний, не имеет форматов предъявления своих познавательных открытий и оригинальных ресурсов. Классно-урочная система обучения, «индивидуализация» учебы и досуга не обеспечивает раскрытия потенциала каждого учащегося, не использует кумулятивный потенциал группового сообщества.

В настоящее время утеряны былые способы продуктивного взаимодействия, привлекательного контакта между самими детьми, между детьми и

взрослыми. Досуг/учеба/ саморазвитие индивидуализируются. Школа не может предложить эффективные и привлекательные способы коммуникации внутри поколений и между поколениями.

Постоянно воспроизводятся попытки найти образовательную панацею — содержательно-логическую идею/концепцию для кардинальной модернизации российского образования. Все известные на сегодняшней день концепции — алгоритмизации, поэтапного формирования умственной деятельности, развивающего и личностно-ориентированного обучения, компетентностного обучения и др. — оказываются малоэффективны, не дают принципиального приращения в знании и развитии личности.

За интенсивными попытками определиться с терминологией и новизной теоретико-методологических идей, к сожалению, почти не осознается проблема настоятельности изменения содержания учебного материала и характера взаимоотношений в процессе обучения. очередной раз в результате модернизации «нормативное обучение» остается фактически тем же и выдает те же или еще более отчужденные результаты.

Можно обратить внимание также на программы взаимодействия школы и вуза. Их целевая ориентация имеет сугубо инструментальную направленность, эффективность которой определяется по единственному критерию — количеству выпускников школы, поступивших в конкретный вуз или вузы. Прагматика — вещь, конечно, полезная, но недостаточная.

Для определенного преодоления сложившейся и продолжающей усугубляться ситуации возможна социально-познавательная программа, включающая многообразные рефлексивные социологические методики и способы изучения и осмысления социальной жизни, которые могут эффективно сопровождать учащегося на жизненном пути. Такая программа обеспечивает принципиальную возможность в многообразных формах повышать контактность и доверие учащихся друг к другу, создавать заинтересованность в консолидированных отношениях, вовлекать членов семьи в общую деятельность на привлекательных познавательных идеях.

В предлагаемой Программе мы, во-первых, ориентированны на возраст, весьма далекий от вузовских страстей (тем самым не имеем узко прагматических задач), а во-вторых — озабочены принципиально гуманистическими идеями индивидуального развития. Предлагаемая программа в определенной степени будет содействовать осмысленному выбору учащимися жизненных стратегий и конкретной самореализации в процессе обучения и по окончании школы.

2. Обоснование и содержание Программы

Программа ориентируется на два уровня целей:

Цели микро-уровня — освоение конкретными школьниками разнообразной и последовательной информации о социальных подсистемах, окружающих современного ребенка/подростка/молодого/взрослого человека, развитие активности учащихся в социальном познании, в осознании способов взаимных отношений окружающего социального мира, его подсистем и самого учащегося.

Цели макро-уровня — получение нового образовательного продукта для системы образования, включая (а) разработку рефлексивных социологических методик для последовательного охвата значимых для школьника социальных сфер и (б) разработку системной социолого-познавательной гуманистической концепции «Отрывая социальный мир» и поддерживающей ее технологии.

Задачи Программы:

- Формирование оптимального перечня значимых для современного подростка социальных сфер и социальных коллизий с целью их рефлексивного познания. Уточнение с учетом возраста начального тематического списка для освоения в рамках заявляемой Программы.
- Разработка стартовых методик для рефлексивного изучения учащимися каждой конкретной социальной сферы.
- Проведение опросов, анализ полученной информации, организация групповых дискуссий.
- Обучение способу создания компьютерных баз данных по материалам рефлексивного изучения отдельных социальных сфер в рамках комфортной компьютерной программы ВЕГА, работающей с количественными и текстовыми информационными признаками.
- Обучение проектной деятельности. Разработка с детьми групповых социологических проектов, налаживание системы партнерских взаимодействий учащихся на уровне группы, класса, параллели, развитие взаимодействий с ближайшим окружением.
- Оформление концепции, методик, технологии рефлексивной образовательной системы, направленной на гуманистическое развитие школьников, освоение ими социальных пространств.

Отличительные особенности Программы: Существующие способы взаимодействия учащегося и преподавателя с социально-учебной информацией строятся на непроблемном и «завершенном» материале классного урока (в вузе аналог этому — лекции). Сначала преподаватель, затем учащийся должен однозначно изложить идеи конкретного материала и «закрыть» тему, взаимодействие с темой «венчается» оценкой. Высокая оценка тем более создает иллюзию «завершенности» познания. Однако подобное беспроблемное и «окончательное» освоение социально нагруженного материала внушает большие сомнения. Вызывает сомнение оптимальность способа взаимодействия трех «субъектов» — самого материала, преподавателя и учащегося. Следует отметить недостаток самого эмпирического материала.

В предлагаемой Программе будут использоваться разные способы взаимодействия с социальными сферами — среди них рефлексивные опросы, групповые обсуждения, привлечение актуальных фактов из мира повседневности, СМИ, Интернета. Основные социальные актуализации, вербализации и «открытия» будут проводиться самими школьниками.

Совокупность охваченных рефлексией социальных сфер будет постепенно расширяться, становиться последовательной и системной.

В данной Программе будут использоваться привлекательные задания и способы поиска социально-значимой информации, обращение к рефлексии, программам телевидения, материалам СМИ, к членам семьи и окружающим людям, к книгам и учебникам.

Предлагаемая программа доступна для любого учащегося, не ориентирована на продвинутых учащихся, скорее, наоборот — по такой программе нередко «скромные» учащиеся получают импульс развития и успешно продвигаются в образовательном пространстве.

Адресность программы: большинство модулей Программы подходит для учащихся любых (начиная с пятого) классов. Программа для младших классов будет существенно корректироваться и упрощаться. Важно как можно раньше пробудить у подростков интерес к познавательной социальной деятельности, начать развивать способности к рефлексивному познанию и мотивировать на принятие ответственности в разных сферах своей жизни.

В принципе концептуальная основа Программы предполагает настоятельность социологического сопровождения человека на последовательных этапах его жизненного пути. Несомненно, возможности для развития социологического мышления в принципе имеются в разных системах об-

разования — начального, среднего, высшего, общего и специального. В принципе возможно уточнение Программы для учащихся разных образовательных статусов и соответственно разных возрастных этапов.

Формы занятий

- Рефлексивные опросы и обсуждения;
- Изложение и обсуждение теоретического и фактологического материала;
- Выполнение поисковых заданий;
- Домашние семейные разработки — интервью, опросы, заготовки проектов;
- Работа с компьютерной программой ДИСКАНТ/ВЕГА и базами текстовых данных.
- Подготовка проектов и презентация;
- Выполнение письменных и устных заданий.

Ожидаемые результаты:

Касаются нескольких основных категорий людей:

- участников Программы. Ожидается среди охваченных мероприятиями учащихся получение полезных результатов и достижение ими большей определенности в понимании окружающих их социальных сред, в осознании ими своих ценностей, потребностей и возможностей, что обеспечит перемены в социальных ожиданиях и установках у этих людей;
- разного рода общественности в лице преподавателей, учителей, управленцев, разных категорий заинтересованных взрослых и молодежи — получают возможность знакомиться с особенностями проблем и запросов современных подростков и молодежи (за счет материалов рефлексивных опросов, публикации материалов и обсуждения на разных форумах и конференциях);
- социологов, включая студентов и иных пользователей социологии.

Характер получаемых знаний и других результатов:

- Создание развернутых представлений учащихся относительно социальных сфер окружающего общества, индивидуальной погруженности в них отдельного человека и значимости таковых для него. Осознание себя в системе разнообразных социальных связей.
- Повышение у школьников определенности в своих ценностных ориентациях, самостоятельности и ответственности в своем поведении.

- Развитие способности у участников программы понимать себя в разнообразных социальных пространствах, принимать на себя ответственность за свою насыщенную, результативную, творческую и безопасную жизнь.
- Развитие социологического мышления.
- Выработка умения находить понимание и объяснение любой новой общественно и индивидуально значимой социальной ситуации, рассуждать по поводу новых и привычных социально-значимых коллизий, владеть устной и письменной речью.
- Усиление навыков коммуникации: знакомство друг с другом, приобретение познавательного капитала за счет участия во множестве мини-проектов и постоянного формата обсуждений и сравнений, общение с родными в процессе реализации гуманистических заданий.

Разработка методик:

- Разработка и последовательная оптимизация рефлексивных социологических методик.
- Получение комплекса рефлексивных интерактивных методик для работы с подростками/ молодежью для использования в процессе преподавания и обучения социально-значимым дисциплинам.
Получение эмпирического материала:
- Получение разнообразных материалов, характеризующих состояние, ожидания и настроения детей, молодежи, состояние подростковой и молодежной среды. Получение материала для поиска решений на оптимизацию образовательной и развивающей среды.

Распространение идей Программы в обществе (в перспективе):

- Публикация методик,
- Публикация содержательных материалов,
- Публикация Программы,
- Публикация материалов проекта,
- Изменение в обществе представлений о прикладном потенциале социологии в учебном процессе,
- Проведение мастер-класса,
- Проведение семинара/конференции,
- В принципе возможны эффекты от реализации программы для педагогического сообщества, для системы образования Санкт-Петербурга.

3. Содержание образовательной программы

- 1) **Обсуждение перспектив Программы с заинтересованными субъектами.** Взаимно полезное обсуждение перспектив и особенностей данной Программы с детьми, родителями, преподавателями, а также с организаторами и исполнителями Программы. Сбор предложений и пожеланий. Анкетирование: «Координаты/перспективы освоения окружающего социального пространства. Желательность притягательность разных познавательных ракурсов».
- 2) **Прожективная методика «15 ЕСЛИ»:** использование вначале легкой и привлекательной опросной методики — для понимания характера программы, для получения опыта работы с рефлексивной методикой, опыта поиска и формулирования ответов. Проведение рефлексивного опроса, обсуждение спектра ответов.
- 3) **Освоение компьютерной программы ДИСКАНТ/ВЕГА:** получение своего рода «транспортного средства» для передвижения в мире социального познания. Создание базы данных (БД) текстовых исследований (вкл. рефлексивные опросы), хранение, обращение с информационным массивом исследования и анализ материала. Самостоятельный ввод в базу данных собственных ответов. Самостоятельный анализ массивов текстовых ответов.
- 4) **«15 ЕСЛИ — у родных и знакомых».** Опрос близкого окружения, друзей, знакомых по анкете «15 ЕСЛИ». Домашнее задание — получение опыта коммуникации и полевой работы начинающего исследователя. Углубление общения с близким кругом людей. Пополнение собственной Базы Данных.
- 5) **Осмысление координат семейной среды.** Рефлексивный опрос по методике «МОЯ СЕМЬЯ И ШКОЛА». Составление структуры компьютерной базы данных, Ввод ответов в компьютерную базу данных. Индивидуальный анализ отдельных блоков текстовых и количественных данных.
- 6) **ЧТО Я УМЕЮ ДЕЛАТЬ:** спектр физических и прикладных навыков и умений современного подростка, масштаб и качество освоения учащимся.
- 7) **Экстрим, спорт, досуг.** Запросы и потребности современного подростка, физический и активистский потенциал. Развитость сферы желаний и потребностей. «Потребности и обязанности» — лекция Валентины Новиковой для родителей.

- 8) **«Здоровье мое и моих окружающих».** Девиз «Лишнего здоровья не бывает», «Здоровье создается сегодня и сейчас». Проблема здоровья — особо важная коллизия в современной среде российского общества, в условиях влияния на каждого человека менталитета российских граждан, поведения окружающих нас людей. Знакомство с современными фактами качества населения, взаимоотношений индивида со здоровьем.
- 9) **Комфортность и оптимальность школьной среды.** Выяснение значимых составляющих.
- 10) **ДЕБАТЫ: опыт поиска доказательств и публичных выступлений.** Разработка совокупности адекватных возрасту парных контр-тем для проведения дискуссионной сессии (Пример обсуждаемых оппозиций: «ТВ — мешает учебе или ТВ — помощник учебы»; «Физическое развитие или Интеллектуальное развитие — залог самореализации подростка»; «В успешном развитии ребенка главный фактор успеха вклады РОДИТЕЛЯ или активность/задатки РЕБЕНКА»; «В освоении современного мира, в получении образования: МАТЕМАТИКА важнее литературы или ЛИТЕРАТУРА важнее математики» и др.).
- 11) **Самореализация современного подростка:** взаимодолнительность и конкуренция разных стремлений и ресурсов. Рефлексивный опрос, дискуссия.
- 12) **Знакомство с профессиями.** Профессиональная деятельность человека и характеристики его образа жизни. Пример анализа профессий художника, учителя, спортивного тренера... Профессии родителей или иных близких, влияние их профессий на образ жизни.
- 13) **Я и другие.** Привязанность, любовь, дружба, консолидация, толерантность.
- 14) **Сфера образования.** Осознание множества значимостей образовательной среды, ее комфортность и эффективность.
- 15) **Домашние/Семейные задания и разработки.**
- 16) **Другие темы:** (СПИСОК тематических предложений является открытым)

4. Методическое обеспечение Программы

К настоящему времени опробовано большинство методик, планируемых для реализации программы. Часть методик опубликовано¹, часть методик прошла апробацию в курсовых и дипломных работах студентов-социологов СПб ГУКИ, некоторые идеи опробованы в авторских учебных социологических курсах.

Разработчик и руководитель программы профессор Г. И. Саганенко (при активной поддержке студентов) на протяжении нескольких лет развивает принципы гуманистического образования и гуманистической социологии, разрабатывает и внедряет прикладные модули в преподавательскую и исследовательскую деятельность, имеет успешных студентов и аспирантов, подготовленных кандидатов наук, неоднократно выступала на российских и международных форумах.

Предлагаемая развивающая программа имеет все шансы (при определенной поддержке) получить признание в системе общего образования, поскольку обеспечивает новые ресурсы для успешного продвижения детей в познавательном поле, помогает осознанному восприятию детьми собственной жизни, развитию разных сторон их личностного и познавательного потенциала.

5. Познавательные критерии Программы

- а) Программа адекватна для всех учащихся, обеспечивает успешное развитие каждого, его удовлетворенность своими результатами.
- б) Закрепляет системную совокупность социальных представлений, что обеспечивает способность достойно и осмысленно встречать новую социальную сферу, действовать с учетом любого нового социального контекста.
- в) Каждый модуль создает у участников первичную базу для осмысления значимой для него социальной сферы, для осознания себя в этом социальном контексте, для понимания характера и степени собственной

¹ Саганенко Г. И. Многообразие возможностей социологического изучения сферы образования. Книга 1. О «ИОВ РАО». 2004. 140 с.; Саганенко Г. И. (ред.). Многообразие возможностей социологического изучения сферы образования. Книга 2. Прикладные технологии в социологическом изучении сферы образования СПб: ГНУ «ИОВ РАО». 2005. 163 с.

ответственности. Позволит определенным образом самостоятельно и осмысленно двигаться в данном социальном поле.

- г) Используемые познавательные пространства в принципе выстраиваются как бы на нескольких последовательных уровнях — уровень непосредственной личностной значимости, уровень ближайшего окружения, уровень конкретной социальной жизни.
- д) Программа в определенном смысле приучает человека видеть вокруг себя, ценить свое ближайшее окружение. Программа воспитывает у человека внимание к социальному окружению, способность вычленять и идентифицировать значимые детали, давать им собственные вербальные номинации.
- е) Программа направлена на систематическое расширение освоенного социального пространства.
- ж) Программа имеет значительные ресурсы ее применения в разнообразных средах.

НОВЫЕ РЕАЛИИ — ПРОБЛЕМЫ ГОРОДОВ

[к содержанию](#)

Социокультурные аспекты трансформационных процессов монопрофильного города

Е. В. Микляева

В настоящее время в современной России почти каждый второй малый и средний города и каждый четвертый большой город относятся к категории монопрофильных. Воспроизводство общности в таких городах происходит по особым закономерностям, познание которых востребовано субъектами социальной политики. Вместе с тем, как показывает анализ теоретических источников, комплексных исследований процесса трансформации монопрофильного города в зависимости от исторических, культурных, экономических, этнографических и других факторов крайне мало.

Монопрофильный город обладает всеми чертами свойственными городским поселениям, но при этом имеет отличительные особенности, обусловленные феноменом монопрофильности. Монопрофильность определяется как доминирование какой-либо отрасли промышленности или сферы хозяйства в экономической базе города.

Проведенный анализ научной и правовой литературы доказывает, что критерии отнесения предприятия к типу градообразующих, а поселения — к типу монопрофильных однозначно не определены, хотя их особенности отражены в ряде законодательных актов и исследовательских подходов. Основаниями для идентификации градообразующего предприятия и моногорода являются следующие критерии: определенный процент численности работающих на этом предприятии относительно всей численности занятого населения данного населенного пункта; объем продукции, производимой градообразующими предприятиями и, как следствие, объем налоговых поступлений в местный бюджет; численность населения монопрофильного поселения.

Выделенные критерии опираются на социально-экономические показатели, позволяющие определять объекты целевых государственных трансфертов и субсидий, но при этом не отражают социальную сущность монопрофильного города. Поэтому представляется возможным предложить авторское определение моногорода. С социологической точки зре-

ния монопрофильный город может быть определен как особая социальная общность, сформировавшаяся в условиях индустриализации, зависящая от градообразующего предприятия и обладающая пониженным адаптационным ресурсом к меняющейся среде в условиях социально-экономических и политических трансформаций. Особенностью моногорода является тесная связь города и градообразующего предприятия, которое несет не только экономическую, но и социальную нагрузку, в преобладающей мере обеспечивая условия жизнедеятельности в населенном пункте.

Основными признаками моногорода, определяющими его отличительные особенности от остальных типов городских поселений и играющих доминирующую социальную роль (по мнению специалистов Экспертного института² являются:

- 1) наличие в нем одного или нескольких однотипных предприятий, относящихся к одной отрасли или обслуживающих узкий сегмент отраслевого рынка;
- 2) наличие в городе цепочки технологически связанных предприятий, работающих на один конечный рынок;
- 3) однородный профессиональный состав жителей, что существенно снижает возможности альтернатив занятости и создает основу для возникновения как экономических, так и социально-психологических проблем;
- 4) значительная зависимость муниципального бюджета от деятельности градообразующего предприятия;
- 5) значительная удаленность города от других крупных населенных пунктов, что существенно снижает мобильность жителей (при отсутствии развитой инфраструктуры, обеспечивающей связь города с внешним миром).

Большая часть современных монопрофильных городов возникла в советский период, что было связано с отраслевым подходом к размещению предприятий для самообеспечения Советского Союза всеми видами продукции. Моногорода возникали как очаги освоения пространства, а также ресурсов, содержащихся на территории и необходимых для индустриализации и милитаризации страны. Размещение и профиль градообразующих предприятий определялся исходя из потребностей народного хозяйства, но без учета стоимостных категорий (затрат и цен на продукцию, произ-

² Монопрофильные города и градообразующие предприятия: Обзорный доклад. — М.: Экспертный институт, 1999.

водимую в данном месте и при данном производственном оснащении). В тот период существование монопрофильных поселений представлялось достаточно эффективным и минимизировало градостроительные затраты³. Если обратиться к отраслевому распределению монопрофильных поселений, то, по мнению сотрудников Института системного анализа РАН В. Н. Лексина и А. Н. Швецова, на начало 1990-х гг. максимальное количество монопрофильных поселений было сосредоточено в четырех отраслях: лесной промышленности, машиностроительной, пищевой и топливной, что также соответствовало обеспечению процесса индустриализации. Можно сказать, что моногорода являются уникальным порождением отечественной урбанизации, своего родом «ответом на вызов общества» советского периода, они были востребованными и жизнеспособными в условиях индустриальной стадии развития общества.

Кроме того, возникновение моногородов расширило многообразие форм урбанизированной общности, а именно появились такие города как ЗАТО, наукограды, моногорода, выросшие на базе ВПК и другие.

На основе анализа научной литературы можно выделить следующие специфические черты отечественной урбанизации, сформировавшие особенности возникновения и заложившие основу для формирования городской общности монопрофильного города в этот период:

- высокие темпы урбанизации территорий, вызванные индустриализацией страны. Высокие темпы роста городского населения СССР в послевоенный период были вызваны стремлением создать сильную промышленность и военную экономику в мирное время в небогатой стране. Политика индустриализации, сочетающая в себе необходимость социальной мобилизации общества и модернизационного технологического рывка, играла ведущую роль в отечественном урбанизационном процессе и определила его характеристики. Индустриализация требовала концентрации людских и материальных ресурсов в городских поселениях. Новые советские города перестали быть центрами сосредоточения разнообразной городской деятельности и превратились в инструмент для обслуживания централизованно размещаемого производства, места концентрации планомерно перемещаемой рабочей силы, в поселения при предприятиях. Все важнейшие аспекты

³ Пути активизации социально-экономического развития монопрофильных городов России. Серия «Библиотека местного самоуправления». Выпуск 54. М., 2004. — С. 116.

городской жизни сначала определялись на уровне высшего политического руководства, позднее — центральными министерствами и ведомствами;

- «рурализация» городов и маргинализация новых городских жителей связана с тем, что быстрый рост городов способствовал масштабной миграции сельского населения в города. В общем приросте городского населения примерно 70% составили вчерашние сельские жители. Согласно исследованию Ж. Зайончковской, сельская местность в результате миграций только в 1951–1980 гг. отдала городам 37,8 млн человек, и еще 5,2 млн города получили благодаря преобразованию сельских поселений в городские⁴. Это приводит к тому, что развитие городов сопровождается ростом не ассимилированных ими городских жителей и увеличением разрыва между ростом городского населения и его реальным включением в городской образ жизни (по характеру занятости, уровню образования, культуры, разнообразию досуга, уровню обслуживания и т. п.)⁵. Следствием этого является маргинализация мигрантов. Вишневский А. Г. считает, что массовое переселение крестьян в города привело к маргинальности целых поколений, десятков миллионов людей;
- ведущая роль государственного планирования и регулирования в городском развитии. С конца 1920-х гг. определяющую роль в городском развитии играла директивно-плановая экономика. Плановое начало охватило не только производство и отрасли экономики, но и все стороны городской жизни, включая социальные, демографические, культурно-бытовые, градостроительные аспекты, которые рассматривались как средство обеспечения роста производства. Нехватка ресурсов и вытекающее из этого стремление ограничить расходы привело к городской политике, сутью которой была минимизация расходов на человека (включая жилищно-бытовые, культурные и иные социальные условия)⁶. Л. Б. Коган считал, что оправданная задача достижения экономической мощи неоправданно подминала под себя социальную сфе-

⁴ Зайончковская Ж. А. Россия: миграция в разном масштабе времени. М., 1999. С.15–16.

⁵ Пивоваров Ю. Л. Мировая урбанизация и Россия на пороге XXI века // Общественные науки и современность. — 1996. — № 3. — С. 13.

⁶ Сенявский А. С. Российская урбанизация: некоторые историко-методологические проблемы // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. — М., 1999. — С. 160.

- ру. Подобный подход привел к тому, что в средствах достижения экономических и социальных целей человек выступал, скорее, как средство;
- слободизация городов, то есть появление поселков-слобод, имеющих лишь одну внешнюю форму и статус города. Эта черта отечественной урбанизации определяется, на наш взгляд, тремя факторами:
 - а) имеет исторические корни. Еще в XIX веке российским городам были присущи черты сельских поселений, а столица называлась «большой деревней». Причиной такой «рурализации» были сельские поселения, являвшиеся частью города;
 - б) быстрый рост новых городов в период СССР. Город, как носитель урбанизации, характеризуется, прежде всего, концентрацией разнообразия во всех сферах жизнедеятельности, а в конечном итоге — концентрацией культуры, ее высших достижений. Новые города, даже крупные, не успевали вызревать как очаги культуры, в своем основании они не имеют длительных культурных традиций. Большинство новых городов формировались как населенные пункты при предприятиях;
 - в) этому способствовало массовое переселение крестьян в города, т. е. людей, которые приносили с собой сельские нормы. В итоге, еще не сформировавшиеся городские нормы разбавлялись сельскими.
 - неравномерность распределения городов по территории страны (особенно на Севере и Востоке). Согласно исследованию А. А. Дрегалю и В. И. Ульяновского⁷, наибольшее число городов сосредоточено на Европейской части России (центральная и южная часть). Север, Северо-восток и Восток страны малонаселен и плохо освоен.

Вышеназванные особенности в полной мере применимы к монопрофильным поселениям и объясняют ряд их специфических характеристик, начиная от причин возникновения и заканчивая организацией городской общности.

После распада Советского Союза и перехода к рыночной экономике города стали развиваться на основе имманентно присущих им законов развития. В современных рыночных условиях моногорода порождают неоднозначную оценку. В их существовании можно выделить как положительные, так и отрицательные стороны, причем выделение плюсов и минусов связано со сравнительным анализом их функционирования в период плановой и рыночной экономики.

⁷ Дрегалю А. А. Северная провинция: трансформации социальных институтов: монография / А. А. Дрегалю, Ю. Ф. Лукин, В. И. Ульяновский; Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. — Архангельск, 2008. — С. 12–13.

Как представляется к положительным сторонам относятся:

- оптимальное соответствие монопоселений решению государственных задач по освоению ресурсов на всех этапах развития России, а также обеспечение форсированной индустриализации и милитаризации страны в советский период;
- сосредоточение материальных, людских, технологических и иных ресурсов для функционирования и развития градообразующего предприятия;
- развитие и поддержка градообразующими предприятиями социальной инфраструктуры города, предоставление работникам услуг в социальной сфере (хотя в условиях рыночной экономики это обернулось большим минусом для предприятий);
- сосредоточение на своей территории интеллектуальных и технологических ресурсов (особенно это касается наукоградов, ЗАТО, ВПК), создание условий для профессиональной подготовки необходимых кадров (например, создание уникальных комплексов профессиональной подготовки: профессиональное училище — техникум — ВУЗ — градообразующее предприятие);
- если речь идет о ЗАТО и востребованных в настоящее время отраслях (например, газовая, нефтедобывающая промышленность), то в таких городах население имеет высокий уровень жизни.

К отрицательным сторонам можно отнести:

- специализацию города на относительно узком виде хозяйственной деятельности, что существенно затрудняет, а иногда делает невозможным реструктуризацию производства, создание альтернативного сектора экономики в виде разветвленной сети малого и среднего бизнеса;
- если говорить о моногородах, возникших на Севере и Востоке страны, то различные категории мигрантов, направленные для работы на градообразующих предприятиях города, не имели возможности адаптироваться к неблагоприятным климатическим условиям;
- моногорода, создаваемые в советский период, не «вызревали» как культурные центры, а создавались как поселения при градообразующих предприятиях, поэтому более точно их можно определить как слободы. Главные параметры городской среды и качества жизни населения (такие, как наличие рабочих мест, уровень дохода, развитие социальной и коммунальной инфраструктуры, транспортное обслуживание, обеспеченность жильем и т. п.) определялось количеством, размером и отраслевой принадлежностью градообразующего предприятия. Данные города имели плановую застройку, что сказалось на образе города;

- большая зависимость жизнедеятельности города от эффективности работы градообразующего предприятия. Ухудшение ситуации на предприятии делает невозможным обеспечение нормального жизненного уровня населения;
- моногород дает меньшие возможности для получения профессионального образования, выбора и смены работы для жителей, что определяется узкоспециализированной направленностью градообразующей базы и вызывает отток трудоспособного населения.

Отдельно хотелось бы отметить, что отличительной особенностью моногородов является повышенная реактивность городской общности, среды обитания на изменения в деятельности градообразующих предприятий. Например, спад производства и отсутствие «работы» на предприятии отрицательно сказывается на социальном самочувствии и покупательной способности населения, наполняемости местного бюджета и т. п. Наличие заказов и, как следствие, рост материального благосостояния работников градообразующего предприятия сказываются на росте цен, не только на продукты и товары первой необходимости, но и на недвижимость. Что, в свою очередь, вызывает социальную напряженность среди определенных слоев населения.

Переход к рыночной экономики поставил монопрофильные города в ситуацию поиска путей адекватной адаптации к условиям изменяющейся среды. В условиях современных условиях для них характерны в основном те же проблемы, что и для других городов России, однако процесс адаптации усложняется в силу узконаправленности их промышленной базы, инфраструктуры, ограниченности возможностей для выбора средств адаптации в целом.

Изучение основных форм проявления и последствий трансформационных процессов, происходящих на уровне страны, было проведено в условиях конкретного субъекта Российской Федерации — Архангельской области. Архангельская область является уникальным социально-территориальным образованием, богатым природными, национально-культурными ресурсами, содержащим на своей территории стратегические военные и промышленные объекты, обслуживание которых связано с деятельностью (в большей мере) монопрофильных поселений.

Проведенное в сентябре 2008 года социологическое исследование⁸ позволило выявить последствия трансформационных процессов в экономи-

⁸ Объем выборочной совокупности равен 1200 человек. Выборка репрезентативная, квотная по полу и возрасту. Статистическая погрешность не превышает 0,03. Применялся метод анкетного опроса населения моногородов. Опрос

ческой, политической, культурной и социальной сферах монопрофильных городов Архангельской области, имеющих различную специализацию градообразующей базы:

- 1) градообразующей базой г. Северодвинска являются предприятия военно-промышленного комплекса;
- 2) г. Мирный представляет собой закрытое административно-территориальное образование (ЗАТО) — космодром «Плесецк»;
- 3) г. Онега — это малый город с богатым историческим и культурным наследием, с XVIII века сохраняет значение крупного лесоэкспортного порта на Севере, градообразующая база включает предприятия, связанные с лесной и деревообрабатывающей промышленностью, размещенные в существующем поселении в XX веке. По доминирующей в настоящее время промышленной деятельности Онега может быть отнесена к монопрофильному городу;
- 4) города Коржма и Новодвинск относятся к малым городам, основанным в XX веке для обслуживания предприятий, связанных с целлюлозно-бумажной промышленностью.

Результаты статистических данных констатируют, что современная социально-экономическая ситуация в области характеризуется депрессивными тенденциями, снижением темпов промышленного производства, ухудшением экономических и социальных показателей развития региона в целом. Результаты социологического исследования позволяют говорить о том, что в монопрофильных городах Архангельской области социально-экономические проблемы проявляются в более значительном снижении уровня благосостояния населения, по сравнению с другими городами. У жителей преобладает неудовлетворенность собственным доходом. Особенно остро данная проблема проявляется в моногородах, основанных на базе целлюлозно-бумажных комбинатов (г. Новодвинск и г. Коржма). (рисунк 1).

Население негативно относится к деградации института быта, который препятствует удовлетворению витальных потребностей. Среди наиболее актуальных проблем были названы проблемы, связанные с удовлетворением витальных потребностей.

Оценка населением моногородов городских проблем (приведенных в таблице 1.), выявила, что в первую очередь население монопрофильных

респондентов осуществлялся случайным бесповторным образом, с соблюдением всех условий случайного отбора.

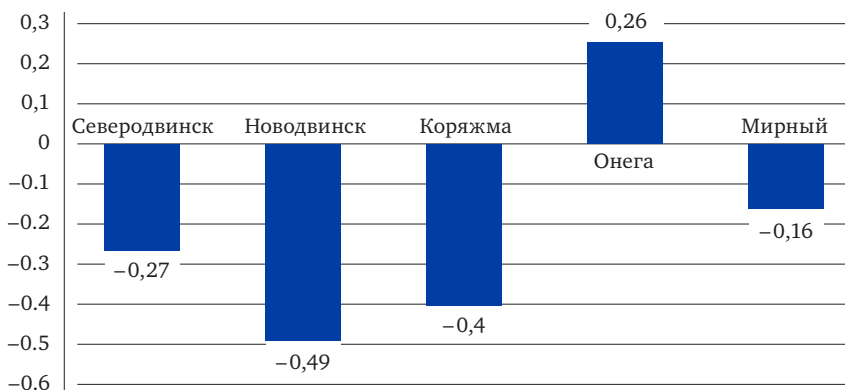

Рис. 1. Субъективная оценка населением монопрофильных городов Архангельской области уровня дохода, $n = 1200$, индекс значимости.

городов беспокоит состояние дорог (на это указали 61,3% опрошенных). Чуть в меньшей степени, чем состояние дорог жителей беспокоит рост тарифов на коммунальные услуги (57,6%), рост цен на продукты питания и товары первой необходимости (54,8%) и обеспеченность жильем (54%). Весьма тревожит жителей монопрофильных городов рост алкоголизма и наркомании (50,2%).

Результаты анализа позволяют утверждать, что существуют проблемы, решением которых различные социально-демографические группы населения удовлетворены практически в одинаковой степени, и проблемы, уровень удовлетворенности которыми варьируется в зависимости от положения человека. К числу первых относятся: экологическая ситуация, организация транспортного обслуживания, демографическая проблема, коррупция и взяточничество, благоустроенность территорий, состояние общественной нравственности. К числу вторых: рост цен на продукты питания и товары первой необходимости, обеспеченность жильем, состояние дорог, неорганизованность досуга детей и подростков.

Результаты исследования выявили отличия в оценке жителями моногородов актуальности городских проблем. В г. Новодвинске наиболее важными, по мнению жителей, являются: проблема алкоголизма и наркомании (65%), рост цен на продукты питания и товары первой необходимости (64%) и экологическая обстановка в городе (63%). В г. Коряжме население в первую очередь тревожит рост цен на продукты питания (62%), экологи-

Т а б л и ц а 1. *Спектр наиболее актуальных городских проблем, по мнению жителей монопрофильных городов, в %, n = 1200*

Наиболее актуальные городские проблемы	%
состояние дорог	61,3
рост тарифов на коммунальные услуги	57,6
рост цен на продукты и товары первой необходимости	54,8
обеспеченность жильем	54,0
рост алкоголизма и наркомании	50,2
неорганизованность досуга детей и подростков	46,8
проблема трудоустройства	41,3
экологическая обстановка в городе	37,5
социальная незащищенность отдельных слоев населения	36,8
состояние общественной нравственности	36,5
рост цен на получение образования	35,0
коррупция, взяточничество чиновников	30,3
расслоение на бедных и богатых	24,7
демографическая проблема	20,3
недостатки в работе городского транспорта	16,2

Примечание: Сумма ответов больше 100%, так как разрешалось выбрать несколько вариантов

ческая обстановка в городе (54%), рост алкоголизма и наркомании (52%). В г. Онега, по субъективной оценке жителей, остро стоит проблема трудоустройства (78,5%), неорганизованность досуга детей и подростков (70,5%), обеспеченность жильем и состояние дорог (по 65,5%). В г. Мирном наиболее актуальными проблемами являются: состояние дорог (65,5%), рост цен на продукты питания и товары первой необходимости (63%). В г. Северодвинске наиболее важными проблемами были названы: состояние дорог (70%), рост тарифов на коммунальные услуги (65,8%), рост цен на продукты и товары первой необходимости и обеспеченность жильем (по 57%).

Доминирование в числе ведущих — проблем, связанных с удовлетворением витальных потребностей и уровня безопасности дорожного движения, позволяет подтвердить вывод о невысоком уровне жизни населения, который отражается не только в статистических показателях, но и в субъективных оценках жителей монопрофильных городов Архангельской области. Но, несмотря на сложности социально-экономической ситуации,

население «свыклось» с социальными проблемами и ищет пути адаптации и выживания в новых условиях. Согласно результатам социологических опросов⁹, в среднем около 50% населения Архангельской области выражает недовольство ухудшением условий жизни, низким уровнем жизни и перспектив на будущее, но время болезненного усиления социального дискомфорта, характерного для конца 90-х гг., прошло.

На основе результатов социологического исследования было выявлено противоречие между культурным богатством области и низким уровнем приобщения населения к имеющимся культурным ресурсам. На удовлетворенность организацией свободного времени населения монопрофильных городов оказывают влияние размер и культурное наследие городов.

Как видно из рисунка 2, наименьшую степень удовлетворенности организацией свободного времени выразило население малых городов: Новодвинска ($I = -0,03$)¹⁰, Коряжмы ($I = 0,19$) и Мирного ($I = -0,28$). Наибольшая удовлетворенность населением организацией свободного времени ($I = 0,44$) выявлена в г. Онега.

В целом, низкая роль института досуга снижает рекреационный потенциал городской среды, что весьма важно в условиях повышения интенсивности труда и социальных отношений.

Осознание населением существующих проблем проявляется в низком уровне доверия к власти, преобладании среди населения моногородов негативной оценки деятельности органов местного самоуправления. Вместе с тем, жители моногородов признают важность властных структур в улучшении своей жизни и возлагают на власть определенные надежды (см. рисунок 3).

Таким образом, выявляется следующая зависимость. Несмотря на низкую оценку деятельности органов власти и малую степень информированности об их деятельности, население монопрофильных городов признает важную роль властных структур в улучшении условий жизни.

⁹ На основе исследования качества жизни и социальной безопасности населения Европейского Севера, проводимые Центром региональных социальных исследований (г. Архангельск) и мониторинг социального самочувствия жителей г. Северодвинска, проводимые кафедрой социологии и философии Филиала СПбГМУ в г. Северодвинске с 2005 по 2007 гг.

¹⁰ Для ряда расчетов использовался индекс значимости (И). Индекс значимости рассчитывается по формуле $I = (A - B) / (A + B + C)$, где А — сумма положительных ответов, В — сумма отрицательных ответов, С — сумма нейтральных ответов. Область величины распределения этого индекса: от + 1 до - 1.

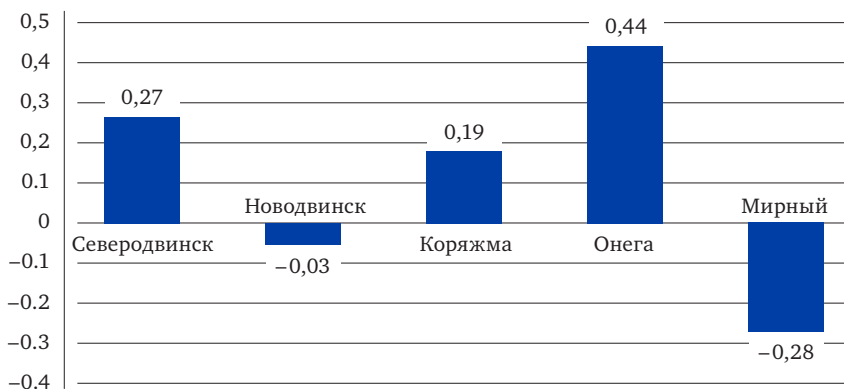

Рис. 2. Уровень удовлетворенности населением монопрофильных городов организаций досуга, индекс значимости, $n = 1200$.

Для комплексной оценки уровня удовлетворенности населения условиями жизни был использован индикатор социального самочувствия. Изучение социального самочувствия представляет комплексную картину адаптации населения монопрофильных городов к трансформационным условиям и, как следствие, успешность реформирования общества. Социальное самочувствие включает ценностно-эмоциональное отношение человека к своему социальному положению и уровню удовлетворения своих потребностей, интересов. Результаты, представленные на рисунке 4 отражают, что наибольшая удовлетворенность жизнью характерна для жителей г. Онеги (ИИСС = 2,16)¹¹, социальное самочувствие населения в этом

¹¹ Для вычисления интегрального индекса социального самочувствия разработана номинальная шкала, содержащая перечень двадцати социальных благ, по каждому из индикаторов (благ) трансформируется в трехбалльную порядковую за счет слияния позиций 2 и 4 (с присвоением каждой кодовой позиции соответствующего балла): первой — по каждому из индикаторов присваивается значение 1 балл, второй — 2 балла, третьей — 3 балла, четвертой — то же значение, что и второй. Значение индекса социального самочувствия может быть представлено в виде шкалы от 1 до 3, где 1 — это нижняя граница шкалы и характеризует отрицательный (негативный) уровень социального самочувствия; 2 — это «условный» ноль и характеризует средний, переходный уровень социального самочувствия; 3 — это верхняя граница, отражающая высокий уровень исследуемого феномена. Значения интегрального индекса выше 2 баллов могут интерпретироваться как положительное социальное самочувствие с той или иной степенью выраженности, а ниже 2 баллов — как отрицательное с различной степенью выраженности (Источник: Головаха В. И., Панина Н. В. Интегральный индекс социального са-

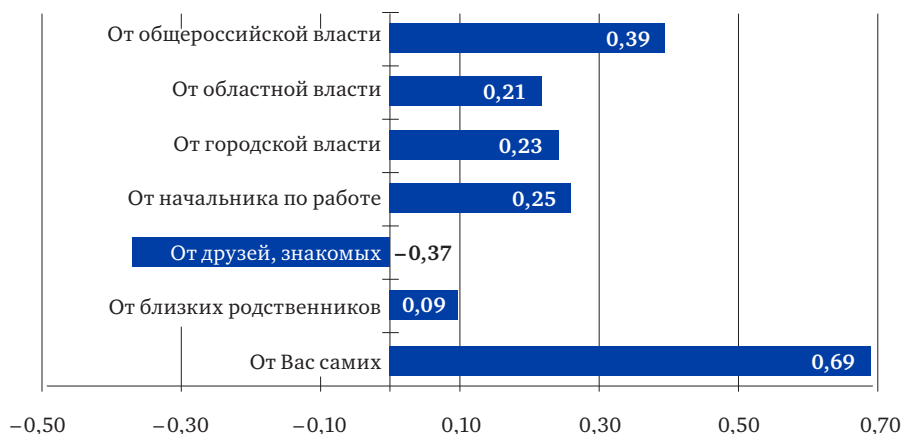

Рис. 3. Оценка населением моногородов улучшения собственной жизни в зависимости от внешних субъектов, индекс значимости, $n = 1200$.

городе характеризуется высоким положительным фоном. Повышенный положительный уровень социального самочувствия населения характерен для жителей г. Коряжма (ИИСС = 2,04) и г. Северодвинска (ИИСС = 2,03). Индекс социального самочувствия в г. Мирном (ИИСС = 2) совпадает с «условным» нулем и может быть определен как средний, переходный между отрицательным и положительным фоном. Для жителей г. Новодвинска (ИИСС = 1,85) свойственна самая низкая удовлетворенность жизнью и социальное самочувствие характеризуется отрицательным фоном.

Анализ значения интегрального индекса социального самочувствия в зависимости от социально-демографических характеристик жителей моногородов позволяет выявить следующие тенденции:

Во-первых, социальное самочувствие у мужчин отличается более высоким фоном, чем у женщин. Данная зависимость носит общий характер и не связана с особенностями моногорода. Во-вторых, люди молодого возраста имеют более высокий уровень социального самочувствия, который снижается с увеличением возраста. Наименьшую удовлетворенность жизнью выражают люди старше 65 лет. В-третьих, комфортное социальное самочувствие характерно, прежде всего, для лиц с неоконченным высшим

мочувствия (ИИСС): Конструирование и применение социологического теста в массовых опросах. — Киев: Институт социологии НАН, 1997).

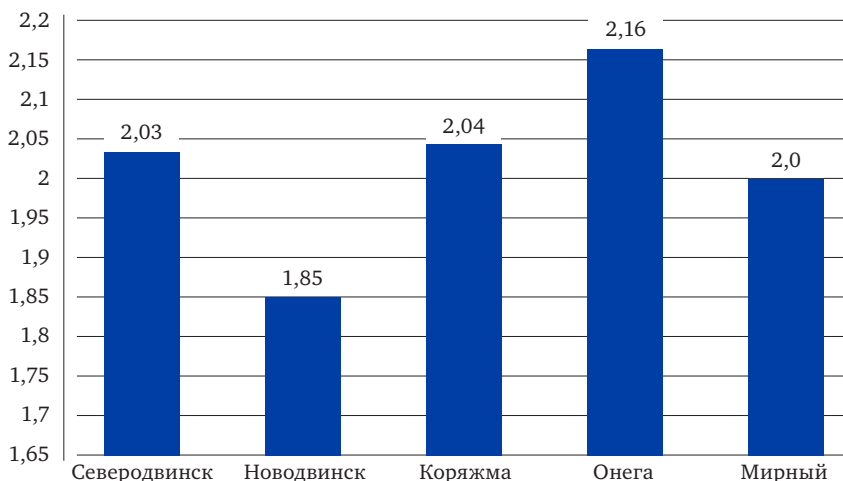

Рис. 4. Интегральный индекс социального самочувствия населения монопрофильных городов Архангельской области.

и высшим образованием. В-четвертых, холостым свойственен более высокий уровень социального самочувствия, чем состоящим в браке; вдовым и разведенным свойственен более низкий уровень социального самочувствия, чем остальным категориям. В-пятых, бездетные имеют более высокий уровень социального самочувствия, чем имеющие детей. В-шестых, существует прямая зависимость между уровнем социального самочувствия и доходом: чем выше доход, тем выше уровень социального самочувствия, и наоборот.

Во всех рассмотренных монопрофильных городах наиболее высокий уровень социального самочувствия свойственен трем социальным группам: студентам, предпринимателям и военным. В наиболее худшем положении находятся безработные и пенсионеры.

Таким образом, проведенный анализ позволяет говорить о том, что на удовлетворенность населения моногородов Архангельской области своей жизнью влияют не только федеральные и областные тенденции, но и такие локальные городские факторы как:

- 1) специализация градообразующей базы, которая задает общий социально-экономический климат города, влияющий на жизнедеятельность города в целом и на социальное самочувствие его жителей;

- 2) размер города (большой — малый), который воздействует на соотношение притязаний жителей и возможностей их удовлетворения;
- 3) традиционность города, которая понимается как наличие у поселения историко-культурного потенциала, устоявшегося уклада жизни, традиций, стабильности, этнической целостности, общинных ценностей, значительного радиуса доверия, что формирует общинный тип социальных отношений между людьми (Ф. Теннис, Г. Зиммель).

Совокупность данных факторов определяют специфику каждого монопрофильного города Архангельской области и их важно учитывать при разработке комплекса мер, направленных на адаптацию моногородов к условиям изменяющейся среды.

Таким образом, проведенный анализ позволяет говорить о том, что рыночные реформы 1990-х гг. привели к существенному снижению качества и уровня жизни населения монопрофильных городов Архангельской области.

Проведенный теоретический и практический анализ трансформационных процессов, происходящих в монопрофильных городах в современных рыночных условиях, позволил разработать концептуальные основы управления адаптацией данного типа городских поселений, которые включают в себя меры:

- приспособление градообразующих предприятий к рыночным условиям за счет структурной перестройки;
- привлечение дополнительных инвестиций в развитие города, как из федеральных и областных источников финансирования, так и за счет инновационного использования ресурсов, расположенных на территории муниципальных образований;
- меры, направленные на решение существующих социальных проблем населения с активным участием всех хозяйствующих субъектов города;
- обеспечение взаимодействия власти, бизнеса и населения для выявления и решения существующих городских проблем.

Данные направления деятельности не исключают друг друга, в идеале они должны реализовываться в комплексе, дополняя существующие в настоящее время федеральные и региональные программы.

Решение проблем монопрофильных городов и их успешной адаптации к современным условиям, связано с преодолением монопрофильности экономики через расширение межрегиональных связей и формирование полипрофильного производства. Для успешной реализации любых проек-

тов в моногородах, необходимо два основных условия. Первое условие — это заинтересованность систем государственного управления в развитии данных поселений. Вторым условием является изменение системы взаимодействия муниципальной власти города и руководства градообразующих предприятий. Данное взаимодействие должно быть направлено не только на решение сегодняшних проблем, но и на решение перспективных задач. Соблюдение данных условий может стать фактором, способствующим не только сохранению монопрофильных поселений, но и их дальнейшему развитию.

Автомобилизация на марше. Куда движется наша автоколонна?

И. И. Травин

Проблематика автомобилизации мною осмысливается лет 40, поскольку в 1960-х годах я три года работал в автопроме как раз в тот период, когда готовился запуск ВАЗа. Я и на нем и в его филиалах довольно много времени провел, так что для меня все эти вещи не чужие. С другой стороны, есть обстоятельства, которые меня побудили к этому. Во-первых, актуализировавшаяся проблема неравенства, которой мы начали заниматься. В процессах автомобилизации — а это множественные, сложные социально-технические явления — можно, условно, выделить три уровня:

- глобальный, — актуальность которого окончательно проявилась после Второй мировой войны — в его рамках сложилась ситуация когда различные общества (страны) в разное время, разными темпами вступали в автомобилизацию, или создавали собственное производство, или получали готовую продукцию от стран производителей;
- региональный — например, в Европе есть ряд стран далеко продвинувшихся в области автомобильного производства (Германия, Франция, Англия, Италия), имеющих собственную развитую индустрию, определенные культурно-технические традиции и в области дизайна, и в сфере эксплуатации. С другой стороны, внутри отдельных стран могут существовать разные уровни насыщенности в различных городах и областях — например, в России Москва, Петербург, некоторые города-миллионники демонстрируют несколько иную картину автомобилизации по сравнению с провинцией;
- наконец, социальные различия, проявляющиеся — в первую очередь — в структуре парка.

Субъективным обстоятельством и явился доклад и статья Б. Г. Тукумцева о субкультуре бедности. Я всегда придерживался твердого убеждения, что структура автомобильного парка — это самый надежный аналог социальной структуры. Но он требует работы по многим показателям. Из всего множества я выбрал два — возраст автомобиля и кое-какие структурные показатели. Ныне уровень автомобилизации в стране определяется тем, что мы имеем 30 миллионов машин в распоряжении всех слоев населения.

И уровень на конец 2008 года составил 224 промилле. Необходимо еще сказать пару слов по поводу бэкграунда. Его демографическая составляющая такова: население страны распределяется приблизительно по 25% в следующих типах поселений — сверхкрупные и крупные, средние, малые города и село. И еще надо себе представлять, как идет автомобилизация в разных регионах и т. д. Что такое 224 промилле — много или мало? И где мы? Мы находимся на уровне Соединенных Штатов 1928 года. Это их уровень тогдашний. Сейчас они имеют около 800 промилле. Но 800 — это что значит? Это значит, что все взрослое население от 14 лет — в этом возрасте выдают права — сидит за рулем и владеет машиной. В Европе этот уровень составляет около 600 промилле. А что касается реального представления, то настоятельно советую социологам читать художественную литературу. Возьмите два в одно время написанных произведения, касающихся реалий одного порядка — это «Три товарища» Ремарка и «Золотой теленок» Ильфа и Петрова. И вот вам две модели. Чем занимаются три товарища? Владеют гаражом, чинят машины, иногда продают, работают на такси, участвуют в гонках, все время ездят. И наши — по пыли южных степей едет «Антилопа гну». Это те же 1920-е годы. Это совершенно реальное сопоставление. Только если брать не по персонажам, а по этим составляющим. Значит, каждая страна проходит свою автомобилизацию в свое время. Считается, что этим порогом становится первый миллион машин. Мы этот порог прошли в начале 1970-х годов, когда запустили ВАЗ и перестроили АЗЛК. Европа проходила конверсионную автомобилизацию после войны, потому что остались свободные конвейеры, которые делали автомобили же, только военные. Остались кадры — рабочие, инженеры, те, кто уцелел и т. д. Ну а США шли своим путем и все время. Есть и более поздние модели — восточная: Япония и ближние к ней страны. Но у нас автомобилизация шла в два потока, в два вала. Первый — это пуск ВАЗа. И с этого момента к 1975 году мы начали выпускать около 2 000 000 вообще все, включая грузовики, автобусы и т. д. И продавать населению 1 350 000 в конце 1970-х годов. Но это дефицита не погасило. Вот у меня эксперт № 1 — присутствующий здесь О. Б. Божков — это человек, который проезжал на всех машинах от горбатого «Запорожца» до иномарок, включая все марки ВАЗа, «Москвичи» и т. д. И вторая волна была уже ни на что совсем не похожа. Вообще надо сказать, что эти запаздывающие модернизации все время нас вводят в совершенно непохожие ситуации. Мы все делаем не так. Вторая волна была — это автомобилизация вторичного рынка. Она началась с 1980-го года до 1990-х. И длится по сию пору и составляет около половины вообще

нынешнего автомобильного парка, и половину потока. Почему Владивосток взбунтовался в 2008 году — потому что это едва ли не основной поток экспорта, причем экспорта серого, теневого, индивидуального, не государственного, который создавал серьезную сферу занятости. Вот эти две волны нам и дали 30 000 000. Наша собственная промышленность на это не была способна. Программа ВАЗа составляла всего 700 000 в лучшие годы. А вот дальше начинаются очень интересные вещи.

Первое: в структуре парка 62% автомобилей в возрастном диапазоне 10–20 лет. Смотрим структуру по маркам. 45% ВАЗ — безусловный лидер. На втором месте «Тойота» — 8%. За каждым процентом 300 000 автомобилей. 8% «Тойоты» — это 2,5 миллиона. Это весьма увесистый кусок, но отрыв-то на порядок между первым и вторым местом. А дальше начинается фантастика. «Волга» 6,7% — она снята с производства в 2009 году. АЗЛК, «Москвич» 10 лет как не существует, «Запорожец» вообще где-то на Украине, но они больше 40 000 и не делали в свое время. И, тем не менее, что такое 2,7% «Запорожцев» — это около 800 000. Это значит на каждый 1 000 000 машин должно приходиться где-то 20 000 «Запорожцев». Кто-нибудь их видел в городе? Нет. Значит возникает вопрос — куда они уехали. Таким образом, если мы проведем суммирование по маркам — ВАЗ, ГАЗ (Волга), Москвич, Запорожец, УАЗ — мы все-равно выйдем на 60% старых машин. И тогда получается — у нас ездят машины несуществующих заводов, давно снятые с производства, непроезжие никем и непонятно как поддерживаемые с точки зрения запасных частей и т. д. Есть в урбанистике такое понятие — «фантомная урбанизация». Это урбанизация Латинской Америки, Азии, Африки — трущобная урбанизация. Рабочих мест нет, инфраструктуры нет, энергию воруют, воды ближе километра нет и т. д. Значит в этом смысле это «фантомная автомобилизация» — несуществующих заводов несуществующие машины еще на ходу. У села своя зона. Я тут прочел текст, который касается Татарии, но я думаю, что так везде. Село покупает в первую очередь грузовики. Нужен аналог лошади. На селе всегда найдется полтонны груза — стройматериалы, сено, дрова и т. д. — который надо перевезти. Что покупают? Старые КАМАЗы. Со свалки. За счет геройских усилий умельцев и ворованных деталей и агрегатов ремонтируют. И мало того, что они ездят. Они еще выполняют одну очень важную общественную функцию — они в Татарии еще два месяца возят урожай. Нанимаются и зарабатывают приличные деньги, кроме того, что работают на своих подворьях. И еще мы потихоньку выходим на довольно своеобразный и странный сюжет, связанный с нашей бедностью, с нашим

неравенством. Москва и Петербург — это приблизительно 17 миллионов, это каждый 8-й житель страны. Но это 5 000 000 автомобилей. Это каждый шестой автомобиль. В Москве и Петербурге показатель автомобилизации выше общероссийского. Но сюда в силу денежных возможностей ввозится, в основном, новая техника. Или же сравнительно свежая по возрасту. А вот где гуляют эти «Запорожцы» и эти «Москвичи» — а вот там, в провинции. Страна-то становится автомобилизированной на самом деле. А феномен бедности сохраняется. В свое время я получил такое своеобразное впечатление, читая роман Кобо Абэ, героем которого был бродяга, нищий, который живет в хижине из картонных коробок. Но у него там цветной телевизор — роман 30-тилетней давности. Вот мы сейчас проходим стадию своеобразной техногенной или технологической бедности. Эта бедность с цветными телевизорами, с мобильными телефонами, это бедность с «фантомными» автомобилями, это компьютеризованная бедность. В области информобеспеченности есть два направления — цифровой разрыв и цифровое неравенство. Цифровой разрыв — это разрыв между пользователями и непользователями Интернета. А цифровое неравенство — это когда внутри компьютерного сообщества люди рознятся по тому, какие машины они эксплуатируют. Кто-то еще на 286-х может работать, наверно, такие есть. А кто-то на очень продвинутых. Вот такая же ситуация у нас имеется и здесь. Да конечно, Москва, Петербург ездят на новых, сверхновых машинах. То есть, кроме автомобилей для богатых, кроме автомобилей для среднего класса, сложилась бедность автомобилизированной. Ржавая, побитая, но она существует. 20 лет машина не ходит нигде — 5 лет это обычный стандартный максимальный срок для обмена. Но нужны еще какие-то дополнительные индикаторы иногда, кроме традиционных — доход, досуг, рекреация, доступность того, доступность сего, стоимость жилья и т. д. А это ничуть не менее внушающий доверия и вполне релевантный показатель вот этого самого неравенства.

В каждой стране есть свой набор брэндов — марок. И эта дифференциация довольно четкая — от дорогих машин для богатых, до массовых моделей. Вообще-то средний класс в годы формирования общества потребления — а это 50-е годы, въезжал в это общество потребления на малолитражках. На «Фольксвагене», «Опеле». Может быть, кто-нибудь помнит как выглядела «Симка» — несколько листов жести склепанных, четыре колеса, дающих ощущение владения машиной. Французы вообще специализировались на малолитражках и т. д. И вот здесь шла такая плавная кривая перехода от малолитражного класса в средний. Средний класс после-

довательно проходил разные стадии общества потребления — «обжорную волну», наелся после военных дефицитов, он прошел бум строительный, когда люди наконец поселились в собственных домах. После это он начал въезжать в более дорогие модели машин с большей литровой мощностью, с большей мощностью двигателя и т. д. Американцы сейчас идут не столько по пути экономии сколько по пути жесткой специализации. Например, есть машины только для поездки в «молл» и больше никуда: большая машина на 6–7 человек, это грузовой отсек на полтонны — шопинговая машина, используемая раз в неделю. И наоборот, роскошная машина на отпуск. Что такое машина для «молла» — для нее нужно иметь отдельный гараж, нужно иметь в 10–15-ти минутах «молл», но для этого надо в своем доме иметь шкаф-холодильник где-то килограмм на 300. И завязывается такая своеобразная потребительская цепь, в которую все включены. И машина здесь играет свою определенную роль, но только эту роль, но только в это время и больше никогда. И опять мы разошлись с миром куда-то. Мир прет на своих новых машинах, а мы ездим на своем и на чужом хламе.

Мнимая и реальная политика жилищного комитета по передаче домов в управление объединениям собственников жилья. (Опыт включенного наблюдения).

А. Н. Снисаренко

ТСЖ в нашем доме создано было в конце 2002 года, а фактически начало работать с 2003 года. Показательность нашего опыта для вновь создаваемых ТСЖ, заключается в том, что структура собственности в нашем доме, состав жильцов по достатку, очень схожи с тем, что наблюдается в домах, где в настоящее время (конец 2005 и начало 2006 гг.) массово создаются ТСЖ. Число частных собственников квартир у нас в доме было в период создания ТСЖ не более 35–37%, иными словами, в государственной собственности находилось 65%–63% всех. В настоящее время около 25% жилых квартир остается в государственной собственности в доме.

Напомним, что в то время ТСЖ обычно создавалось во вновь построенных домах, где практически 100% жилых квартир было в частной собственности. А значительная доля государственных квартир в доме ТСЖ, (собственником которых является г. Санкт-Петербург, а его представительным органом выступает в этой части жилищный комитет), как показал 3-х летний опыт — это большая головная боль, обуза для всех других собственников в доме и самого ТСЖ..

На этапе создания ТСЖ

Жилищный комитет является главным действующим лицом в реформировании городского ЖКХ. При новом руководителе этого ведомства был взят курс на активное создание товариществ собственников жилья в домах. Руководство комитета регулярно выступает в СМИ, с призывами к жильцам-собственникам о создании ТСЖ.. По заказам жилищного комитета изготавливается наглядная агитация и рассылается по районным жилищным службам, где созданы соответствующие группы поддержки

инициаторов от населения. Более того, чиновников районных жилищных агентств поощряют за создание ТСЖ в районах.

На первый взгляд создается впечатление, что руководство жилищного комитета всячески поощряет и поддерживает стремление собственников жилья взять управление домами в свои руки и навести в них порядок. В составе жилищного комитета создано структурное подразделение — отдел по работе с объединениями собственников жилья. Его руководитель проводит лекции и встречи с активистами, желающими создавать ТСЖ в своем доме.

И действительно, действия руководства жилищного комитета даже вступают в противоречие с некоторыми интересами их подведомственных организаций по обслуживанию жилья — жилищно-коммунальных служб (ОАО «ЖКС» — «Жилкомсервисы», а недавно бывших ЖЭС-ами, до того ПРЭО, РЭО и т. п.), от «качества» работы которых большинство жильцов уже устали, а дома пришли в плачевное состояние. Получив статус акционерных обществ, хотя и со 100% государственным капиталом, эти обслуживающие организации заинтересованы, чтобы у них все же оставалось как можно больше домов в обслуживании.

Жильцы-инициаторы создания ТСЖ в конкретных домах чаще всего на руководителей этих «Жилкомсервисов» и возлагают ответственность за то, что они не хотят передавать дома, не желают составлять полноценную дефектную ведомость и пр.

Увы, это далеко не так. ОАО «ЖКС» — «Жилкомсервисы» — полностью государственные организации, и выполняют распоряжения директоров районных жилищных агентств, а те — жилищного комитета. Можно быть уверенным, что отказ «Жилкомсервиса» от составления дефектной ведомости это, или результат плохой управляемости в его организации, когда исполнители (служба главного инженера) просто игнорируют распоряжения, или же сознательная политика всего городского жилищного ведомства. Думаю, что второе предположение ближе к истине. Попробую это доказать.

Жилищный комитет, выступая инициатором создания ТСЖ в жилых домах, агитируя за это и даже оказывая методическую помощь активистам, уже на этом этапе ведет по меньшей мере политику двойных стандартов. Призывать призывает, но как собственник части квартир в доме — государственных квартир, где живут наниматели, никакого финансового участия в период регистрации не принимает. А ведь в подготовительный период имеется немало финансовых расходов! Отказ одного из собственников жилья в доме от участия во всех финансовых расходах и перекладывание их на других собственников в доме должен насторожить остальных.

Почему этот собственник, так рьяно агитирующий всех остальных за создание ТСЖ, пытается поставить себя в особое положение?

Передача технической документации, в том числе и дефектной ведомости по дому — это обязанность передающей стороны. Чисто технически, такую ведомость могут составить в любой организации, имеющей лицензию на строительство и эксплуатацию жилых домов. Мы в свое время приглашали экспертов из общества потребителей. Это могут сделать специалисты управляющих компаний. Вопрос в том, чтобы ее признали и подписали соответствующие службы районного жилищного агентства.

И самое главное, каковы юридические последствия этой ведомости? Это-то меньше всего прописано в документах жилищного комитета о передаче жилых домов в управление ТСЖ. Так, одни многозначительные намеки различных ответственных лиц, что на основании этой ведомости, дом ТСЖ, «как одних из первых и инициативных» включают в адресную программу по капитальному ремонту на 200... год. Что это значит практически? На примере Калининского района можно показать, что из созданных к концу 2005 года более 80 новых ТСЖ в адресную программу включили 6 ТСЖ.. А у всех ТСЖ были свои дефектные ведомости, надежды на государственную помощь...

В общем-то это и понятно. Если бы у городского бюджета в приоритетах была работа по капитальному ремонту жилых домов, по ликвидации многолетних «недоремонтов» по кровле, сантехническому оборудованию и др. жизненно важным системам в домах, то незачем было бы передавать дома в управление жильцам-собственникам. Как любят говорить чиновники жилищных служб, этот ремонт лучше бы сделали они — «профессионалы, а не жильцы-дилетанты». Но средств нет, и дефектная ведомость будет оставаться не более чем моральным обязательством жилищного комитета оказывать помощь этому дому, в котором он оставил за время своего «профессионального» управления столько дефектов. Но, повторюсь, никаких обязательств жилищный комитет на себя не берет по ликвидации этих дефектов, что зафиксированы в ведомости. Да и нет однообразной формы ее, с подписями руководителей ведомств.

На этапе обслуживания дома

Но самое откровенное проявление реальной, а не декларируемой политики жилищного комитета в отношении ТСЖ наступает после того, как ТСЖ пытается наладить хозяйственную деятельность по обслуживанию дома. В обычных городских домах, где создаются ТСЖ, проживает не ме-

нее 20-30% жильцов- нанимателей в государственном жилищном фонде этого дома. Это люди, которые не приватизировали жилье, а зачастую и не собираются это делать в будущем. Собственником таких квартир является г. Санкт-Петербург. А представителем его, как собственника, объявляет себя жилищный комитет (оставим пока без комментариев обоснованность этих претензий).

Согласно жилищного кодекса- этот собственник по своим правам и обязанностям равен со всеми другими собственниками в доме. Он имеет право участвовать в решении всех вопросов управления в созданном ТСЖ, через своего представителя и обязан нести все расходы на обслуживания пропорционально своей доле, вносить средства ежемесячно, в срок до 10 числа следующего месяца и т. д. А что на самом деле происходит?

Как только создано ТСЖ при активном участии жилищного комитета, где представитель голосовал от доли государственных квартир за его создание, этот собственник начинает кокетливо отказываться от членства в ТСЖ. Как это возможно спросите Вы? Собственник, который еще вчера всех других собственников в этом доме агитировал за вступление в ТСЖ, вдруг сам дает «задний ход» и отказывается писать заявление о вступлении в ТСЖ! Причем это официальная политика жилищного комитета, о чем всем, кто создал ТСЖ, заявят в том же отделе по работе с объединениями собственников жилищного комитета!

Иначе говоря, собственник, который «завел» всех частных собственников на создание ТСЖ, привел их в это ТСЖ, сам уходит сторонку! Что же теперь надо, чтобы все частные собственники перед решением о создании ТСЖ брали письменное обязательство с жилищного комитета, что он будет членом ТСЖ и будет нести все его обязанности?

Заметим, что свою необязательность по своевременному финансированию своей доли в расходах по конкретному дому жилищный комитет официально объясняет тем, что он не является членом ТСЖ. А раз так, то с ним надо заключить договор управления, на его условиях. Что за договор и какие условия пытается навязать этот собственник- это предмет отдельной статьи. Только от полной безнаказанности в своем произволе можно придумать такое...

В настоящее время, получается, что после создания в доме ТСЖ жилищному комитету нечего скрывать истинное отношение ко вновь созданному. Недаром те, кто поработал с этим отделом жилищного комитета не на пропагандистских лекциях как создавать ТСЖ, а по реальным проблемам жизни ТСЖ, отдел так и называют — «отдел по борьбе с ТСЖ и ЖСК». Да и

сам руководитель отдела долгое время совмещал работу в отделе с председательством в Ассоциации управляющих компаний, которые предпочитают напрямую, без ТСЖ, брать дома в управление.

Отказ государства, как одного из собственников быть членом ТСЖ, вызван элементарным нежеланием нести бремя расходов по содержанию дома. Возмущает двурушничество этого собственника, который «заманил» всех других собственников дома в эту организацию –ТСЖ- а сам избегает туда, вступать. Считаю, что это и есть демонстрация истинной, а не декларируемой политики жилищного комитета, и всего городского правительства, очевидно, в отношении частных собственников жилья. Мол, теперь они и должны отвечать за состояние своих домов в городе.

Мы наблюдаем со стороны жилищного комитета перекладывание ответственности на плечи частных собственников, проживающих в домах, стремление увильнуть самим от ответственности, как за прошлые недоделки, так и неучастия в расходах по содержанию жилого дома в настоящее время. Придание этой политике квазизаконного вида — это работа отдела «по борьбе с ТСЖ и ЖСК». Опять же конкретный пример.

Выверты для того, чтобы не платить, когда платить надо.

До вступления в действие Жилищного кодекса РФ действовал порядок по которому комитет финансов, через жилищный комитет (КСЖФ) деньги за государственные квартиры в доме ТСЖ (ЖСК, ЖК) возвращал из бюджета. А жильцы- наниматели платили квартплату на расчетный счет ГУП ВЦКП «ЖХ», организации созданной жилищным комитетом. Задержки с оплатой за государственные квартиры каждый год были на 8–10 месяцев!

С 1 марта 2005 года, согласно ст.155 п. 4 Жилищного кодекса РФ «Наниматели жилых помещений по договору социального найма и договору найма жилых помещений государственного или муниципального жилищного фонда в многоквартирном доме, управление которым осуществляется юридическим лицом, независимо от организационно-правовой формы или индивидуальным предпринимателем (далее управляющая организация) вносят плату за содержание и ремонт жилого помещения, а также плату за коммунальные услуги этой управляющей организации. Если размер вносимой нанимателем жилого помещения платы меньше, чем размер платы, установленный договором управления, оставшаяся часть платы вносится наймодателем этого жилого помещения в согласованном с управляющей организацией порядке».

Кажется, все ясно. Наниматели платят непосредственно на расчетный счет ТСЖ, а жилищный комитет, как наймодатель = собственник, оплачи-

вает все расходы, которые несут частные собственники в доме, но которые не оплачивают наниматели (они платят только по государственным тарифам и статьям обязательных расходов).

Летом 2005 года, в период отпусков, жилищный комитет создал и направил ряд документов, которые могут служить примером того, как реально создаются помехи в работе ТСЖ. Этими документами являются:

- 1). Распоряжение ЖК от 22.07.2005 №63-р «Об утверждении примерного договора на управление многоквартирным домом ЖСК, ЖК, ТСЖ, в котором расположены помещения, являющиеся собственностью Санкт-Петербурга и Положения об организации расчетов при выполнении договора на 2005 год», с приложениями.
- 2). Примерный договор на управление многоквартирным домом ЖСК, ЖК, ТСЖ, в котором расположены помещения, являющиеся собственностью СПб.
- 3). Документ неясного статуса (письмо?, указание?) от 27.06.05 №2-1922/05 «О платежах за жилищно-коммунальные услуги нанимателей помещений государственного жилищного фонда СПб, расположенных в домах ЖСК, ЖК, ТСЖ».

Этими документами фактически отменено действие вышеуказанной статьи жилищного кодекса РФ, и наниматели принуждаются платить не на расчетный счет ТСЖ, а расчетный счет совсем другой организации. Финансовые потоки от всех квартир государственного жилищного фонда уходят на расчетный счет подведомственной жилищному комитету организации — унитарному предприятию ВЦКП «ЖХ». И их ТСЖ и ЖСК за 2005 год не увидели до настоящего времени (с августа 2005 года до марта 2006 года). Как может обслуживаться дом, если у него отбирают 30% всех платежей на 6–8 месяцев? Любое ТСЖ будет в предбанкротном состоянии очень быстро, а дом будет медленно разрушаться.

Юридически ситуация выглядит абсурдно — один из собственников — жилищный комитет, как представитель собственника в этом доме — не оплачивает квартплату по 6–8 месяцев. А официально он выступает за создание в каждом доме ТСЖ и активно (с показательными судами) борется с неплательщиками квартплаты в городе. Но, в отношении дома, где управляет ТСЖ, он злостный неплательщик! При этом представители руководства знают о ситуации, признают ее ненормальной, но лишь с усмешкой советуют судиться!

Стоит особо подчеркнуть, что эти ироничные пожелания представителей жилищного комитета сбылись. Имеется решение Верховного суда по данной ситуации. Суд признает право нанимателей оплачивать на расчетный счет

той организации, которая управляет домом. Но, решение жилищного комитета все так же продолжает действовать и по сей день. Теперь ссылаются на то, что судебное право у нас не прецедентное и каждый должен получать решение по своему конкретному случаю. Остается только всем управляющим компаниям и ТСЖ завалить жилищный комитет жалобами через суд.

Мы согласны, что если жилищный комитет желает выступать как собственник, то он и должен оплачивать все взносы ежемесячно, до 10 числа каждого месяца за всех нанимателей, или же действовать по схеме ст. 155 п. 4 ЖК РФ.

А так, в вышеназванных документах жилищный комитет выступает и не как полноценный собственник, оплачивающий за свою собственность из своих средств — своевременно и в полном объеме, и не как наймодатель (по схеме ст. 155 п. 4). Он пытается определить себе роль «хитрого сборщика-курьера», который подражается собирать платежи с нанимателей и возвращать их в ТСЖ. Собирать собирает, а возвращать не возвращает под различными предлогами.

Как уже говорилось выше, существовавший до 1 марта 2005 г. (до введения в действие ЖК РФ) порядок перечисления денежных средств за нанимателей помещений государственного жилого фонда в домах ЖСК (ТСЖ) полностью себя дискредитировал. Квартплата жильцов, проживающих в государственных квартирах, переводилась от ГУЖА на счет ТСЖ с задержкой в 6-9 месяцев (со счетов КСЖФ и ГУЖА). Об этом мы ставили в известность, депутатов ЗАКСа, комиссию по городскому хозяйству, руководство жилищного комитета в 2003, 2004, 2005 годах. Но, ничего не менялось!

Новый жилищный кодекс дал шанс для ТСЖ, ЖСК, любой другой управляющей организации в жилом доме избежать этих перекосов. Но жилищный комитет опять возвращает все на старые рельсы! Он желает сам управлять финансовыми потоками, которые ему не принадлежат.

Эти действия жилищного комитета возмутили все ТСЖ и ЖСК в городе. Против выступила Ассоциация ЖСК, ЖК и ТСЖ. Очевидная противозаконность данных распоряжений вынудили руководство жилищного комитета отменить эти документы. Но, взамен были подписаны аналогичные по содержанию распоряжение 10-р от...

Есть ли реальный выход?

Основываясь на законодательстве можно предложить две схемы взаимоотношений жилищного комитета и ТСЖ:

1. Исходя из ст. 155 п. 4 ЖК предметом договора должны быть не платежи за обслуживание, ремонт и коммунальные услуги (их наниматели оплачивают самостоятельно), а дополнительные платежи, которые оплачивают все иные собственники жилого фонда в доме, кроме жилищного комитета, как наймодателя-собственника государственного жилого фонда в нашем доме- плата за административно-управленческие услуги, на капитальный ремонт и т. п. Базовые платежи по государственным тарифам наниматели оплачивают самостоятельно и непосредственно на расчетный счет ТСЖ. Посредники- сборщики тут не нужны!
2. Если же жилищный комитет желает выступать в этой ситуации только как представитель собственника — города Санкт — Петербурга, то он обязан заключить договор с ТСЖ как полноценный «собственник», со всеми правами и обязанностями. В том числе оплата платежей до 10 числа каждого месяца за всю жилую площадь его помещений. Оплату надлежит производить из своих средств, не привязываясь к поступлениям платежей от нанимателей.

Все взаимоотношения Жилищного комитета с нанимателями, как собственника (наймодателя), в этом случае — это их внутреннее дело (содержание договоров социального найма, регулярность платежей, компенсации и пр.). ТСЖ должно от этого «собственника» получать платежи вовремя и в полном объеме, как это делают другие собственники в доме (физические и юридические лица), не ссылаясь, что арендаторы не вовремя им оплатили за аренду и т. п. отговорки.

Договор с этим собственником должен быть аналогичным, как договора с другими собственниками — юридическими лицами в доме. А что за договор (лицемерно называя его «примерный договор») предлагает заключать жилищный комитет? В нем полная его безответственность, прежде всего по финансовым платежам и наделение себя административными правами по ежеквартальной проверке документации ТСЖ (даже не желая вступать в члены ТСЖ!) и т. п.

Таким образом, жилищный комитет, как на этапе создания ТСЖ (финансовое неучастие в расходах, в непризнании дефектной ведомости документом для обязательств с его стороны по ремонтам в будущем), так и в период деятельности ТСЖ по обслуживанию дома, проводит политику фактического противодействия инициативам собственников, неучастия в расходах, т. е. в создании работоспособных ТСЖ.. Похоже, что ТСЖ для них нужны как структуры на которые можно возложить ответственность, но

не давать им никаких прав и возможностей для действий по наведению порядка в доме. И что, остается тогда — «призвать на княжение профессионалов»- нужные управляющие компании?

Проводя такую политику, этот собственник и дальше будет парализовать финансовые возможности по нормальной работе в ТСЖ. До тех пор, пока такое касалось единичных ТСЖ — это были «отдельные недоработки». Но теперь, это затронуло интересы сотен ТСЖ, которые обслуживают дома, где проживают десятки, если не сотни тысяч горожан. Это уже сознательная политика саботажа нормальной экономической деятельности! Вопрос этот становится не экономическим, а политическим! И должен обсуждаться публично всеми заинтересованными сторонами.

Экологический кодекс РФ

Предпосылки и актуальность создания в контексте современной экологической ситуации

С. А. Герер

Общая экологическая ситуация в Российской Федерации имеет негативную окраску. Отчасти это связано с политической и экономической ситуацией в стране, когда в свете глобальных финансовых проблем экологическое направление не кажется приоритетным. Дело в том, что, хотя броским словосочетанием «экологическая катастрофа» часто оперируют СМИ, среднестатистический житель Российской Федерации имеет о сути данного понятия весьма смутное представление в силу того, что ущерб, нанесённый природе антиэкологическими действиями, может быть отсроченным, неявным (к примеру, чрезмерное загрязнение водных массивов, ухудшение вследствие этого состояния биосферы рек, соответственно, употребление в пищу рыбы из таких водоёмов не сразу отразится на здоровье населения), проблематично высчитать истинное экономическую оценку нанесённого вреда.

Поддерживает экологическую безграмотность населения несовершенство правовых основ государственного регулирования охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. Нормативная правовая база в природоохранной сфере РФ не только не гармонизирована с нормами международного права в этой области, но также имеет межотраслевые противоречия с гражданским, ресурсным, административным и иным законодательством Российской Федерации, к тому же, она не кодифицирована. Существующая законодательная основа по юридическим меркам недостаточно самостоятельна для защиты экологических интересов государства и общества, она хранит нормы, препятствующие развитию адекватных механизмов природопользования и защиты окружающей среды. Между тем, опыт сведения актов экологического законодательства и отдельных норм иных отраслей, относящихся к экологическому праву, имеет широкую мировую практику. Например, в Швеции Экологический кодекс действует с 1999 г., во Франции с 2000г. В 2005г. государства, являющиеся членами СНГ, разработали примерный проект Экологического кодекса. На основании этой модели создавались действующие Экологиче-

ские кодексы Украины и Казахстана. В России подобные попытки предпринимаются на уровне субъектов РФ (в частности, проект Экологического кодекса Ленинградской области). В проекте Экологического кодекса Российской Федерации будут использованы основные положения Экологической доктрины Российской Федерации, принятой в 2002г. и декларирующей следование концепции устойчивого развития.

Резкий всплеск интереса общественности к экологическим проблемам пришелся на середину и конец 1980-х годов. Толчком к нему послужила авария на Чернобыльской АЭС, которую не удалось скрыть. Эпоха гласности вкупе с последствиями трагедии на атомной станции привела к повышенной озабоченности общества экологическими проблемами локального значения, которые они могли непосредственно ощутить на себе. На этом в свою очередь сыграла власть — на выборах 1989 и 1990 гг. (Съезд народных депутатов, местные Советы и Совет народных депутатов России) практически у каждого кандидата в предвыборной программе имелся экологический раздел.¹

Последующее усиление кризисных процессов в России пошатнуло материальное благополучие и жизненную стабильность значительной части населения. В итоге экономические неурядицы, негативно отражающиеся на повседневности граждан, вытеснили представления об отдалённых не конкретизированных перспективах на будущее. Стоит ещё раз упомянуть немаловажную особенность, отвлекающую социум от экологических проблем — неосведомлённость, и, как следствие, неграмотность рядового гражданина в природоохранной области. Сильную обеспокоенность состоянием природной среды, как правило, проявляют люди с высшим образованием (биологической, медицинской, химической, инженерно-технической направленности), а также служащие, представители творческих профессий, не занимающие высоких постов и имеющие низкие доходы. Среди молодежи обычно наиболее заинтересованно относятся к проблемам экологии студенты, чья специализация пересекается с этой областью. Обеспокоенность состоянием природы также проявляют те категории граждан, которые наиболее зависимы от качества среды непосредственного обитания: пожилые люди, беременные женщины, матери с детьми, а также население районов, испытывающее влияние на здоровье от предприятий, расположенных в жилой зоне.² Основная же часть населения не

¹ В. Писарева «Экологическая проблематика в российской политике», Политический мониторинг», N 1, часть 1, 1994, с. 24-32

² Докторов Б. З., Сафронов В. В., Фирсов Б. М. «Уровень осознания экологических проблем: профили общественного мнения». Социологические исследования

выразила заинтересованности проблемами экологии. Людей волнуют насущные вопросы, к примеру, перечисляются пища, дети, здоровье, причём респонденты не соотносят их с природоохранными проблемами. В особую категорию попадают люди, непосредственно занятые на вредных предприятиях и производствах. До 1990 года они нередко сочувствовали местным «зеленым движениям» и выступали за экологизацию производств. Но при возникновении угрозы лишения рабочего места оптимизм относительно экологической безопасности своих предприятий, сменила агрессивность по отношению к экологическим предостережениям. Постоянное рабочее место, дающее определенную стабильность положения, ценится ими гораздо больше не только собственного здоровья, но и здоровья детей. Кроме того, соблюдение работодателями экологических требований может означать для рабочих снижение зарплаток, выплату штрафов, в конечном итоге, угрозу переквалификации.³

С прекращением существования СССР разрушилась и едва налажившаяся функционирование сеть экологических комиссий — ещё один удар по природоохранному делу. Развалились хозяйственные связи между бывшими республиками — и сбился отработанный механизм выпуска природоохранного оборудования, реагентов для очистки сточных вод и отходящих газов, другой продукции, необходимой для охраны окружающей среды. Разделение на самостоятельные государственные единицы, осложнило решение межреспубликанских экологических проблем, вызванных подъемом уровня Каспийского моря, необходимостью охраны вод в приграничных и трансграничных водоемах и переносом загрязнений через атмосферу и др. Усилился конфликтный характер отношений при использовании природных ресурсов (например, по продаже туркменского природного газа Украине, российских энергоресурсов и цветных металлов Прибалтике и т. п.).

В России проблемы охраны окружающей среды отражены в Экологической доктрине РФ, одобренной распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 года № 1225-р. Сохранение и восстановление природных систем определяется Доктриной как одно из приоритетных направлений деятельности государства и общества. Статья 42 Конституции РФ закрепляет право россиян на благоприятную окружающую среду, достоверную

ния, № 12. 1992. С. 51.

³ Яблоков А. Экологическое состояние страны катастрофично// Независимая газета, 13. 1. 94. С. 6

информацию о её состоянии, на возмещение ущерба, причиненного здоровью человека или его имуществу экологическими правонарушениями. Экологические права населения также отражены в федеральных законах «Об охране окружающей среды», «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», «Об экологической экспертизе», «Об информации, информатизации и защите информации», «О радиационной безопасности населения», «Об использовании атомной энергии», «Об уничтожении химического оружия», законах РФ «О недрах», «О государственной тайне», «О защите прав потребителей» в Градостроительном, Водном, Земельном, Лесном кодексах РФ, а также закреплены отдельными положениями в других нормативных правовых актах РФ и её субъектов.

В главе 8 Кодекса РФ об административных правонарушениях предусмотрено усиление ответственности за административные правонарушения в области охраны окружающей природной среды и природопользования. основополагающие права, обеспечивающие благополучие и жизнедеятельность человека, тесно связаны с экологическими правами. Прежде всего, речь идет о праве на жизнь и охрану здоровья. Центральное место в системе экологических прав занимает конституционное право на благоприятную окружающую среду, закрепляющее основы жизнедеятельности человека. Это означает, что качество среды способствует нормальному развитию человека, общества, нации, государства. В современной России это самое масштабно нарушаемое право. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 года №7 — ФЗ закрепляет права граждан России в сфере экологии и является основным экологическим законом, утверждающим право граждан на охрану здоровья от неблагоприятного воздействия окружающей среды, вызванного хозяйственной или иной деятельностью, катастрофами и стихийными бедствиями. Ограничение конституционных прав граждан на участие в формировании государственной политики в сфере экологии и контроле над её осуществлением может, по сути, превратить означенные права в ничто.

Население, проявляющее заинтересованность в адекватной экополитике, формирует политически активное экологическое движение — во многих зарубежных странах «зелёные» партии оказывают значительное влияние на внутреннюю и внешнюю политику государства. нынешние европейские выборы ознаменовались беспрецедентным прорывом «зелёных» партий. Они направят в Страсбург 51 депутата — это 7% всего Европарламента. (Свой показатель по сравнению с предыдущими выборами в 2004 году улучшили только «зелёные» и ультраправые).

Одним из сюрпризов стал успех французских «зелёных». Партия Даниэля Кон Бендита получила 16,2% голосов, став вровень с социалистами.

Для того, чтобы ответить, почему такое масштабное влияние оказывают эко-ориентированные партии на политику, стоит обратиться к истории зеленого движения в Европе. Зеленые партии в Европе начали играть серьезную роль в политике на рубеже 1970–1980-х годов. Традиционно выделяют три основные группы причин этого явления:

Идеологические:

- постепенное уменьшение влияния движения «хиппи», левых идеологий, при продолжающемся неприятии молодежью (именно молодежь в силу бунтарских настроений являлась и является одной из основных частей электората) общегосударственной политики;
- сохранение влияния идей пацифизма, ненасильственного бунтарства — после бунтующих 1960-х и 1970-х и всплеска террористической деятельности, в том числе субъектами которого были и молодежные организации, пацифистские идеи пережили второй пик популярности.

Экологические:

- загрязненность окружающей среды, вызванная более интенсивной, по сравнению с довоенной, индустриализацией европейских стран (особенно остро вопрос стоял в Германии, где в ФРГ жители многих индустриальных центров на себе почувствовали всю опасность загрязнения окружающей среды);
- введение в эксплуатацию на территории Европы атомных электростанций;

Политические:

- потенциальная исполнимость обещаний «зеленых» в отличие от лозунгов крайних «левых», которые были не только трудновыполнимыми, но и ассоциировались с СССР или странами социалистического лагеря ;
- намерение стран НАТО увеличить количество ядерного вооружения, в т.ч. в странах Европы, что не могло оставить население этих стран, в особенности пацифистски настроенную молодежь, равнодушным.

В настоящее время экологически ориентированные политические партии продолжают играть весомую роль на политической арене многих европейских стран. С 2004 года действует также единая Европейская партия зеленых, которая была создана на базе европейской федерации зеленых партий. Безусловно, в Европейской партии зеленых так или иначе представлены все страны Евросоюза, но флагманами являются две страны — Германия и Австрия. Именно в этих странах экологическое движение

пользуется наибольшей, по сравнению с другими странами, популярностью.

Зеленое движение Германии, которое «де факто» является пионером среди стран Европы и с возникновением которого связывают появление Зеленой политической доктрины в целом, возникло на волне протестных левых настроений в ФРГ. Основателем Зеленого движения ФРГ считается руководитель студентов Руди Дучке. Организация им созданная начала деятельность в 1968 году. Зеленые проводили многочисленные акции протеста против политики государства в отношении окружающей среды. Однако все их демонстрации были спокойными, мирного характера. Официально партия («Зеленые» *Grünen*) зарегистрирована через год после смерти Р. Дучке в 1980 году. Среди её основателей — молодая политик Петра Келли (которая, кстати, помогала в организации подобных движений в других странах, в частности — именно она заставила 16 испанских активистов подписать Тенерифский манифест в 1980-х, что положило начало созданию Испанского зеленого движения) и радикальный художник Йозеф Бойс. В конце семидесятых в партию приходит бывший участник студенческих волнений, а много позже респектабельный политик, занимавший должность министра иностранных дел ФРГ, Йошка Фишер. Именно в Зеленом движении Германии были сформированы четыре составляющих политики партии, которые постепенно были приняты почти всеми европейскими партиями Зеленых, а ныне являются признаками почти всех зеленых движений в мире. Эти принципы:

1. Экология
2. Социальная справедливость
3. Низовая демократия (репрезентация интересов всех членов социума, вне зависимости от положения)
4. Ненасилие

В восьмидесятые годы зеленые на различных выборах получают места в немецком парламенте, парламентах федеральных земель, а также в Европарламенте. В 1987 году на национальных выборах зеленые набирают 8,3% голосов. Отчасти это результат Чернобыльской катастрофы, которая заставила весь мир обратить внимание на экологические проблемы.

В 1998 году Зеленые снова проходят в парламент, но не самостоятельно, а в составе «Красно-зеленого альянса» — коалиции с социал-демократами. Подобная политическая ориентация характерна для большинства зеленых партий Европы. К примеру, среди португальцев «зеленые» известны под прозвищем «арбузы» из-за коалиции с коммунистами. В Дании Зеле-

ные тоже активно сотрудничают с левыми движениями и их альянс тоже носит название «Красно-зеленый».

Другой страной-флагманом европейского зеленого движения является Австрия. Зелёные Австрии традиционно пользуются популярностью в стране. Партия была основана в 1986 году и носила название Зелёная альтернатива, что связано с тем, что часть партии отошла от более консервативного Зелёного союза Австрии. Кроме того, существовал и Альтернативный список Австрии. В 1986 году на выборах в парламент партия набирает 4,82% голосов. Отчасти это объясняется тем, что партии удалось предотвратить постройку в Цвентендорфе АЭС. На выборах 1990, 1994, 1995, 1999, 2002, 2006 гг. партия соответственно набирала 4, 8, 7,3, 4,8, 7,4, 9,5 и 11%. На момент образования партии главой была Фреда Майсснер-Блау.

Следует вспомнить о том, что на выборах в местные советы партия также занимает неплохие места. Так, в Вене и Тироле количество голосов, отданных за партию достигает 15%. Подобная популярность как в столице, так и в провинции свидетельствует о том, что для Австрии, которая одним из существенных источников дохода имеет туризм, экологическая проблематика является одной из наиболее актуальных. Кроме того, Австрия занимает лидирующие позиции в Европе по использованию альтернативных источников энергии.

Среди других стран Европы, где зеленые играли или играют значительную роль следует отметить Францию, Ирландию, Португалию и Бельгию.

Во Франции зеленое движение представлено несколькими партиями. Наиболее многочисленная и влиятельная из них — Зелёные (второе название Конфедерация экологов). Партия входит в Европейскую партию зеленых.

Участие экологов в политической жизни Франции началось в 1970-х годах. Активное начало участию экологического движения в политике положило выдвижение кандидатуры эколога Рене Дюмонта в президентских выборах 1974 года. После этого события зеленые под разными названиями стали участвовать во всех муниципальных, парламентских и президентских выборах.

Движение «Зеленые» зародилось в 1984 после слияния «Партии экологов» (ранее «Движение политической экологии») и «Конфедерации экологов». Лидер Зелёных с 1986 года Антуан Вэхтер сформировал политическую линию: «не правые, не левые», от которой партия отказалась в 1994 году на Генеральной ассамблее в Лилле. А. Вэхтер был кандидатом в

президенты на выборах 1988 года, где получил 3,8% голосов. Поразительного результата его партия добилась не на французских, а на европейских выборах — 10,6% голосов. Другими экологическими партиями являются САР 21, Экологическое поколение и Движение независимых экологов, но они не проходили в Национальное собрание и не играют солидной роли в политике.

В Португалии Зеленые тоже являются активными участниками политического процесса. Партия Зелёных Португалии была основана в 1982 году. Изначально она называлась Португальское движение экологов.

Ирландию часто называют зеленым островом. Это неудивительно, тем более, что зеленые в Ирландии, в отличие от британских соседей — вполне состоявшиеся политики. Зелёная партия Ирландии была создана в 1981 году учителем из Дублина Кристофером Феттсом. Изначально носила название экологической партии. В 1983 была переименована в Зелёный альянс, с 1987 носит нынешнее название. Партия проходила в парламент разные годы по мажоритарным округам. В 1994 году партия получила 7,9% голосов. В 2002 — 4%, в 2007 партия прошла в парламент (4,69%) и вместе с Прогрессивными демократами и Республиканской партией (Фианна Фейл).

Очень интересная ситуация с Бельгией. Поскольку страна буквально разделена на франкоязычную и фламандскую части, то и Зеленых партии в стране две — Эколо и Зеленые. Экологической партией франкоязычной части Бельгии является партия Эколо, которая была основана в 1980 году. Партия выступает за «устойчивое развитие» в гармонии с природой и в солидарности с другими людьми и народами. Зеленые Бельгии уделяют особое внимание и социальным вопросам, в частности они выступают за установление более партнерских отношений на предприятиях, сокращение рабочего времени и улучшение условий труда. Значительных успехов партия добилась на выборах в 1999 году, когда набрала 7,4% голосов избирателей. Это было связано с «диоксиновым скандалом» (наличием диоксина в курином мясе, которое продавалось в Бельгии). После этого из-за неудачной политики блокирования партия в 2003 году набрала 3,1% голосов и не прошла в парламент. Исправить ситуацию удалось в 2007 году (5,1% — нижняя палата и 5,82% — верхняя), но партия так и не повторила успех на выборах 1999 года.

Партнером партии Эколо является фламандская партия Зеленых (*Groen!* Также носила название *Agalev*). Основана в 1982 году, но берет начало от общественного движения Агалев Люка Версейлена. Зеленые —

партия фламандских экологов, более или менее аналогичная Эколо. Выступает за гармонию с окружающей средой, развитие жизненной активности в самых различных областях (не только в официальной экономике), сокращение рабочей недели до 30 часов, «иную глобализацию». В 1999 году партия набрала 7% голосов при выборах в парламент. В 2003 году партия набирает 2,6% голосов и не проходит в парламент (избирательный барьер в Бельгии на тот момент составлял — 5%). В 2007 году партия набрала 4% и прошла в верхнюю и нижнюю палаты парламента.

Поскольку Европа сейчас — единое политическое пространство, следует пару слов сказать и о Европейской партии зелёных. ЕПЗ была создана в 2004 году. Объединяет представителей зеленых партий стран ЕС. До 21 февраля 2004 г. существовали объединения партийной организации, такие как Европейская федерация зеленых партий и аналогичные объединения консервативных, социал-демократических и либеральных партий. В программе европейских зелёных особое значение занимают такие темы, как атомная энергетика, защита потребителей и обеспечение равноправия женщин.

Первоначальной целью вновь сформированной партии европейских зелёных была кампания по выборам в Европарламент в июне 2004 г., в ходе которой во всех странах Европы впервые использовались схожие темы и лозунги. Фракция Зеленых и Европейский свободный альянс получили 6,6 % голосов избирателей (42 из 732 мест Европейского парламента).⁴

В целом зелёные в своих политических ориентациях тяготеют к левым. Кроме того, наблюдается следующая тенденция — чем развитей и высокотехнологичней страна, тем большая вероятность того, что зелёные будут идти на выборы вне коалиций и занимать места в парламенте. Речь не идет о странах с традиционно устоявшейся двухпартийной системой. Кроме того, можно отметить и корреляцию между социальной стабильностью, отсутствием напряженности (в том числе и по этническим вопросам) в обществе и поддержкой зелёных партий. Еще одной общей тенденцией является стабильное прохождение зелёных при выборах в Европарламент.

В Российской Федерации зеленые партии пока не имеют такой широкой популярности и не столь влиятельны в политике. Тем не менее, зеленая активность набирает обороты

Об этом говорит хотя бы тот факт, что, за несколько месяцев на фоне противодействия со стороны властей, неблагоприятных общеполитиче-

⁴ Россия в экологическом цейтноте// «Зеленый мир», № 28. 1993. С. 5.

ских условий (спада политической активности, разочарования людей в политических партиях и лидерах, падения доверия к основным политическим институтам) партия Зеленая Россия смогла призвать под свои знамена двадцать тысяч человек. Для сравнения, зеленые в Германии (в условиях работающей демократии) за все 1980-е годы смогли увеличить свою численность с восемнадцати до сорока тысяч. На все нужно время.⁵

Формирующийся кодекс ставит своими задачами:

- создание системного подхода регулирования отношений в области охраны окружающей среды, в том числе соответствующего международным принципам экологической политики;
- комплексное правовое регулирование отношений в области охраны окружающей среды;
- ведение норм прямого действия, способствующих повышению эффективности правового регулирования охраны окружающей среды и природопользования;
- кодификацию законодательства в области охраны окружающей среды;
- введение правовых норм, регулирующих отношения в области охраны окружающей среды, отвечающих современному экономическому развитию Российской Федерации;
- установление единых принципов, позволяющих устранить противоречия в законодательных актах иной отраслевой принадлежности;
- повышение конкурентоспособности российской продукции на мировом рынке.

Закрепляются главные принципы охраны окружающей среды:

- обеспечение всеми мерами государственного регулирования необходимого уровня экологической безопасности Российской Федерации,
- строгое нормирование ассимиляционных возможностей объектов окружающей среды при ведении хозяйственной и иной деятельности,
- разрешение допустимых воздействий на уровне наилучших существующих доступных технологий,
- стимулирование применения природосберегающих технологий и осуществления предпринимательской деятельности, направленной на охрану окружающей среды,
- ответственность товаропроизводителя за утилизацию отходов потребления.

⁵ А. В. Дука «Особенности отечественного политического пространства» // Берегиня, № 8. 2006 г.

Также в рамках Кодекса планируется введение экологических налогов на выпуск и оборот экологически нежелательной продукции, что должно привести к:

- Вытеснению с рынка экологически нежелательной продукции.
- Развитие отечественной производственной базы по выпуску экологически приемлемых товаров и услуг.
- Снижение техногенного воздействия на окружающую среду.

Благодаря планируемой системе введения залоговой стоимости на некоторые виды отходов потребления (упаковочные материалы и тара, аккумуляторные батареи, автомобильные шины и т. п.), законодатель предполагает достичь следующих результатов:

- Снижение ресурсоемкости экономики.
- Снижение издержек ЖКХ на утилизацию отходов.
- Создание за счет внебюджетных средств системы сбора вторичных ресурсов.
- Развитие индустрии по переработке отходов и создание новых рабочих мест.
- Снижение бюджетных затрат на ликвидацию ущерба и социальных издержек от негативных последствий техногенного воздействия на окружающую среду.
- Уменьшение заболеваемости населения и повышение уровня комфортности среды обитания.

Экологические проблемы в российской блогосфере

«Живой Журнал» как публичное пространство для экологического активизма

В. Б. Гольбрайх

Средства массовой информации играют большую роль в успехах или неудачах общественных движений. Как отмечают исследователи, «непрямой канал распространения информации об организациях, общественных движениях, акциях протеста», каковыми являются СМИ, становится все более важным в современном информационном обществе¹. В конце 1980-х годов политика гласности вызвала поток информации об экологических проблемах, в средствах массовой информации развернулись дискуссии об их причинах и возможных средствах решения. Власть не видела в инвентаризации темы, угрожающей режиму и санкционировало открытые дебаты по экологическим проблемам. Появилось массовое экологическое движение. Одной из причин ослабления в дальнейшем экологического движения была враждебная российская политическая среда, в которой действовали экологи. Серьезной проблемой для экологического движения стало ограничение на протяжении последних лет свободы средств массовой информации, и как результат сворачивание обсуждения в них острых экологических проблем и сложность доступа к ним активистов экологических организаций. Государственный контроль над средствами массовой информации (особенно ТВ и крупнейших газет) привел к тому, что в них остается все меньше возможностей для изложения альтернативных точек зрения. Например, мониторинг первого канала за два месяца 2008 года показал, что 93% политических новостей было посвящено освещению деятельности властей, 99% из них были выражены в позитивном или нейтральном тоне². В этих условиях, именно Интернет становится особенно важным для общественных движений, в том числе и экологического. Интернет можно было бы определить,

¹ Kriesi Hanspeter, Koopmans Ruud, Duyvendak Jan Willem, Giugni G. Marco New Social Movement in Western Europe. A Comparative Analysis. London, 2002. P. 185.

² Lonkila, Markku. The Internet and Anti-military Activism in Russia // Europe-Asia Studies, 2008. Vol. 60, № 7. P. 19.

как альтернативное «публичное пространство», в котором могут обсуждаться какие угодно проблемы, излагаться различные точки зрения. Последние годы мы можем наблюдать новое, быстро растущее явление в Интернете — *блогосферу*. Блог — это сайт, основное содержимое которого — регулярно добавляемые записи, изображения, аудио и видео записи, размещаемые в обратном хронологическом порядке. Блоги обычно публичны и предполагают читателей, которые могут вступить в публичную полемику с автором в отзывах (т. н. «комментарии») к блог-записям (постам) или своих блогах. Соответственно, *блоггерами* называют людей, ведущих блог. Блоги — уникальный формат, который создает равные возможности для самовыражения, любому, кто имеет доступ в Интернет. Ведение блога доступно даже новичку — пользователю Интернета. Блоги все более приобретают значение как источники информации. Если во время первой войны в Персидском заливе главным источником новостей стало CNN, потеснив традиционные BBC и NBC, то цунами в Азии в декабре 2004 года, стало сходной вехой для блогов³. Становясь широко популярными каналами коммуникации, блоги формируют новое публичное пространство — *блогосферу* (совокупность всех блогов Сети), в которой люди могут выражать свои мнения и обсуждать их. Блогосфера распространяется с огромной скоростью. Первые блоги в их современной форме появились в конце 1997 — начале 1998 года. Если в 2000 году блогов было тысячи, то в 2005 году их число достигло 9,5 млн человек⁴, а в январе 2008 года, их было уже около 112,8 млн⁵.

Хотя блоги относительно новое явление, появляется все больше исследований этой новой формы коммуникации. Ранние исследования сосредотачивались на категоризации блогов или блоггеров. Другие исследования были посвящены блогам как форме журнализма. Некоторые исследователи анализировали самих блоггеров, динамику различных сообществ блоггеров. Надо сказать, что на первых этапах все исследования были посвящены блогам в США. Позже появились исследования, посвященные

³ Kulikova Svetlana V., Perlmutter David D. Blogging down the dictator? The Kyrgyz Revolution and Samizdat Websites // The International Communication Gazette, 2007, Vol. 69, № 1. P. 5.

⁴ Lee, Jae Kook. «The Blogosphere and the Public Sphere: Exploring Possibility of the Blogosphere as a Public Sphere» // Paper presented at the annual meeting of the International Communication Association, Dresden International Congress Centre, Dresden, Germany, 2006. P. 2.

⁵ Fossato Floriana, Lloyd John, Verkhovsky Alexander. The Web that Failed. How Opposition Politics and Independent Initiatives are Failing on the Internet in Russia. Oxford, 2008. P. 14.

блогосфере в других странах (Великобритании, Германии и т. д.). Русскоязычной блогосфере посвящены пока совсем немного исследований. Можно назвать работы Е. Горного⁶, сборники статей, работу, посвященную использованию оппозиционными российскими политиками Интернета, в том числе блогосферы⁷, статью, посвященную антивоенному активизму в российском Интернете, в том числе в Живом Журнале⁸.

Интернет, и блогосфера как его составная часть, вызвала новые дискуссии вокруг концепции «публичной сферы», сформулированной Ю. Хабермасом. Можно ли назвать Интернет «виртуальным публичным пространством»? С точки зрения одних авторов публичная сфера, описанная Хабермасом, идеальная форма, которой никогда не было и которая невозможна в реальности. Поэтому блогосфера может лишь приближаться к публичной сфере, имея для этого как возможности, так и ограничения⁹. Интернет не может быть публичной сферой, так как он не удовлетворяет основным условиям, чтобы стать ею. Какие это условия? Это:

- 1) включенность (равная возможность для всех граждан доступа в публичную сферу);
- 2) равенство (равенство всех участников публичной сферы);
- 3) рациональная критика в публичной сфере¹⁰;
- 4) независимость от политических и экономических властей.

Интернет можно скорее определить как «виртуальную площадку для дискуссий и политического участия»¹¹ или «публичное пространство»¹². Если

⁶ Gorny, Eugene (Б). Russian LiveJournal. The Impact of Cultural Identity on the Development of a Virtual Community // Henrike Schmidt, Katy Teubener, Natalja Konradova (Eds.): Control + Shift. Public and Private Usages of the Russian Internet. Norderstedt: Books on Demand, 2006.

⁷ Fossato Floriana, Lloyd John, Verkhovsky Alexander. The Web that Failed. How Opposition Politics and Independent Initiatives are Failing on the Internet in Russia. Oxford, 2008.

⁸ Lonkila, Markku. The Internet and Anti-military Activism in Russia // Europe-Asia Studies, 2008, Vol. 60, № 7.

⁹ Lee, J., 2006

¹⁰ Lee, Jae Kook. «The Blogosphere and the Public Sphere: Exploring Possibility of the Blogosphere as a Public Sphere» // Paper presented at the annual meeting of the International Communication Association, Dresden International Congress Centre, Dresden, Germany, 2006.

¹¹ Polat Rabia Karakaya. The Internet and Political Participation. Exploring the Explanatory Links // European Journal of Communication, 2005, Vol. 20, №4. P. 15.

¹² Cammaerts Bart Blogs, Online Forums, Public Spaces and the Extreme Right in North Belgium // Media Technologies and Democracy in an Enlarged Europe / Ed. By Nico Carpentier. Tartu: Tartu University Press, 2007. P. 73.

говорить о функциях блогов, то называют следующие функции: распространение частных мнений; формирование общественного мнения (через обсуждение вопроса, проблемы, интересующего сообщество с другими блоггерами); призыв к акциям и отстаивание определенных вопросов¹³.

Всего по данным ФОМа Интернетом во второй половине 2007 года пользовалось 25% взрослого населения России (23% — в регионах и 57% в Москве). По причинам состояния средств массовой информации в России, о чем говорилось выше, блогосфера рассматривается многими пользователями и наблюдателями как единственно настоящая публичная сфера.

На осень 2007 года русскоязычная блогосфера составляла около 3% от мировой. По данным Яндекса на апрель 2008 года существовало около 3,8 млн блогов на русском языке. В среднем по стране на 1 тысячу пользователей Интернета было 8 блогов, при этом в Москве на 1 тысячу пользователей было 90 блогов, а в Санкт-Петербурге — 84. Всего по данным Яндекса на апрель 2008 года было известно 82 блогхостинга (учитывались только те хостинги, которые содержали не менее 200 блогов). Более 75% всех русскоязычных дневников находилось на 4-х блогхостингах (LiveJournal.com, LiveInternet.ru, Blogs@Mail.ru, Diary.ru). Два крупнейших блогхостинга: LiveJournal.com и LiveInternet.ru. Если говорить о российских блоггерах, то самая многочисленная их возрастная группа от 18 до 24-х лет. Средний блоггер — девушка 22 лет, живущая в Москве. Около 80% русскоязычных блоггеров живет в России. Всего в русскоязычной блогосфере существует более 230 тысяч сообществ. 43% сообществ расположено на LiveInternet, 35% на Blogs@Mail.ru и 16% в LiveJournal. Самая большая доля блоггеров, состоящих в сообществах — Blogs@Mail.ru — почти 60%. Второе место занимает LiveJournal, в его сообществах участвуют 45% его пользователей.

Live Journal был основан в 1999 году. К сегодняшнему дню число его пользователей достигло более 9 700 тысяч. Начиная с 2001 года Live Journal (или в России «Живой Журнал») стал одним из крупнейших дискуссионных центров российского Интернета. Российских пользователей привлекала легкость ведения блогов, его нероссийская юрисдикция. Русскоязычный сегмент Live Journal (LJ) по численности находится на втором месте после англоязычного. Первый пост (или запись) появилась в русском LJ в начале 2000 года. Через четыре года русскоговорящее сообщество LJ

¹³ Vatrappu, R., Robertson, S., & Dissanayake, W. Are Political Weblogs Public Spheres or Partisan Spheres? International Reports on Socio-Informatics, 2008, Vol. 5, № 1. P. 7.

достигло 40 тысяч пользователей, а в феврале 2006 года 235 тысяч¹⁴. По данным отчета исследовательского отдела компании «Суп Фабрик» на 30 ноября 2007 года в русскоязычном сегменте «Живого Журнала» насчитывалось 1245 тысяч индивидуальных блогов и 74 тысяч блогов сообществ. Если не учитывать пользователей с неопределенной географией, то среди всех блоггеров русскоязычного «Живого Журнала» 41% блогов приходится на Москву, 11% на Петербург и 23% на российские регионы. Доля бывших республик СССР — 17%, доля дальнего зарубежья — 8%. «Живой журнал» — нетипичный блогхостинг, среди его пользователей преобладают мужчины. Самые многочисленные пользователи Живого Журнала от 18 до 25 лет, таковых 57%. Ежедневно «Живой Журнал» посещает почти каждый седьмой из русскоязычных блоггеров. Хотя бы раз в неделю Живой Журнал посещает четверть от общего числа блоггеров. Хотя бы одну запись содержит 64% блогов. К активным авторам ЖЖ можно отнести 130 тысячи человек, именно столько блогов обновляется хотя бы раз в неделю. Ежедневно в «Живом журнале» появляется 2,7 млн записей в блогах и сообществах. Среднесуточная посещаемость Живого Журнала 667 тысяч человек¹⁵.

На конец весны 2008 года Живой журнал насчитывал почти 85,5 тысяч сообществ. Довольно часто сообщества создаются в Живом Журнале с целью их использования для привлечения к той или иной острой проблеме, для мобилизации читателей для участия в акциях. Можно привести несколько примеров: сообщество *save_sp_burg*, созданное в связи с закрытием Европейского университета в Санкт-Петербурге, сообщество *svobodu_rezniku*, созданное в связи с арестом лидера петербургского отделения партии «Яблока» М. Резника. Можно привести подобные сообщества, созданные в связи с появлением острых экологических проблем: сообщество *no_baikal_pipe*, созданное в связи с опасностью строительства нефтяного трубопровода вблизи Байкала, сообщество *polympicgames*, появившееся в связи с экологическими проблемами, связанными с проведением в Сочи Олимпийских игр. В целом, пользователи «Живого журнала» имеют тенденцию к де-виртуализации: встречи пользователей «Живого журнала» регулярно проходят

¹⁴ Gorny, Eugene . Russian LiveJournal. The Impact of Cultural Identity on the Development of a Virtual Community // Henrike Schmidt, Katy Teubener, Natalja Konradova (Eds.): Control + Shift. Public and Private Usages of the Russian Internet. Norderstedt: Books on Demand, 2006, p. 73

¹⁵ Живой журнал в цифрах. Отчет отдела исследований компании «Суп» // www.sup.com/stat_autumn07.pdf, 2007.

в Москве и других местах, «Живой журнал» служит организационным инструментом для проведения флэшмобов, в том числе и серьезных¹⁶. Появились общественные организации, которые родились в «Живом Журнале». Так известная в Санкт-Петербурге организация «Живой город» зародилась в результате общения блоггеров в «Живом Журнале».

Экологические сообщества Живого Журнала

Задачей настоящего исследования было понять, как используется пространство блогосферы, на примере Живого Журнала, как экологическими организациями, так и вообще теми, кто обеспокоен экологическими проблемами. Как используется это пространство для обсуждения экологических проблем, информирования о деятельности организаций, мобилизации читателей на участие в акциях.

Проблемы экологии были далеко не самой популярной темой. Обсуждаемой в русскоязычной блогосфере. Даже, если мы обратимся к пользователям «Живого Журнала», которые, по мнению некоторых чаще, чем пользователи других блогхостингов обращаются к общественным и политическим проблемам, мы увидим, что экологию и музыку среди своих интересов указало менее 1,5 тысячи (для сравнения музыку среди своих интересов указало более 116 тысяч человек). В тоже время, «Живой Журнал» на май 2008 года насчитывал более 200 сообществ, имеющих отношение к экологии. Из них большинство было посвящено либо определенным темам (защита животных, Байкала, Сочинского нацпарка, загрязнение мусором окружающей среды и т. д.), либо региональным вопросам (экология Москвы, Кемерово, Минска, Киева и т. д.). Чуть более двух десятков сообществ можно было бы назвать «общеекологическими», в каждом из них обсуждаются самые разнообразные экологические проблемы, от защиты животных до проблемы глобального потепления.

Методика исследования

Для анализа были выбраны два сообщества: *ru_greenpeace* и *ecology_ru*. Эти сообщества были выбраны с одной стороны, так как их можно назвать

¹⁶ Gorny, Eugene. Russian LiveJournal. The Impact of Cultural Identity on the Development of a Virtual Community // Henrike Schmidt, Katy Teubener, Natalja Konradova (Eds.): Control + Shift. Public and Private Usages of the Russian Internet. Norderstedt: Books on Demand, 2006. P. 76.

«общез экологическими», а с другой стороны они не являются блогом какой-либо экологической организации. Для начала предполагалось проанализировать, кто является их участниками, их активность в «Живом Журнале», активность в сообществах. Активность в «Живом журнале» предполагалось проанализировать через такие категории: время, в течение которого блоггер является членом Живого Журнала, количество записей и комментариев блоггера в «Живом Журнале», реакция блог-сообщества на записи блоггера, включенность в «экологическую» сеть «Живого журнала» (количество экологических сообществ, в которых состоит блоггер). Активность в сообществах предполагалось проанализировать через такие категории, как количество записей в сообществе, количество комментариев в сообществе.

Следующий шаг заключался в анализе текстов сообществ. При разработке схемы контент-анализа, была использована и адаптирована схема контент-анализа, использованная для анализа политических дискуссий в виртуальном пространстве Австрии¹⁷.

Для проведения контент-анализа были сформированы следующие категории:

1. Тема послания;
2. Цель записи: сообщения о фактах, выражение мнения автора, объявление о предстоящем событии, призыв к действию, вопрос;
3. Стил ь записи: научный — результаты научных исследований; нейтральный — сообщение о событии, проблеме без явного отношения блоггера; обвинительный — обвинения каких-либо акторов в создании экологических проблем, обеспокоенный — обеспокоенность некоей экологической проблемой без обвинения кого-либо, радостный — выражение радости по поводу разрешения проблемы;
4. В случае, выдвижения обвинения — анализ, кто является объектом обвинения: российская власть, органы власти других государств; бизнес (компании промышленные, торговые и т. д.); люди (граждане); общественные организации;
5. Присутствие конфликта сторон в отношении экологической проблемы;
6. Упоминания деятельности экологических организаций;
7. Присутствие комментариев на запись.

¹⁷ Fuch Christian eParticipation Research: A Case Study on Political Online Debate in Austria // ICTS Center, Research Paper, 2006, № 1.

Источники информации, которыми пользуются авторы постов

На конец мая 2008 года в сообществе *ru_greenpeace* было 172 члена, из них 165 индивидуальных, и 7 членов, которых можно было бы назвать коллективными блоггерами (другие сообщества «Живого Журнала»). Сообщество *ecology_ru* на конец года насчитывало 606 участников, из них 566 индивидуальных. Все проценты, говорящие о портрете члена сообщества даны от числа индивидуальных членов. Был проведен контент-анализ текстов сообщества *ru_greenpeace*.

Блоггеры *ru_greenpeace*. Кто они? Социально-демографический портрет блоггера

Трудности в анализе пользователей Живого Журнала состоит в том, что далеко не все они дают о себе сведения.

Т а б л и ц а 1. Пол участников сообществ (%)

Пол	Участники <i>ru_greenpeace</i>	Участники <i>ecology_ru</i>	Участники «Живого журнала»
м	48	49	53
ж	52	51	47

Пол известен у 90,3% блоггеров *ru_greenpeace* и 82% блоггеров *ecology_ru*. Как видно, в отличие от среднего блоггера «Живого Журнала», большинство участников обоих сообществ женщины.

Т а б л и ц а 2. Возраст участников сообществ (%)

Возраст	Участники <i>ru_greenpeace</i>	Участники <i>ecology_ru</i>	Участники «Живого журнала»
До 18 лет	2	1	9
18–25	55	45	57
26–40	38	47	31
Старше 40 лет	5	7	3

Возраст указали только 63% участников сообщества *ru_greenpeace* и 55% — *ecology_ru*. В среднем возраст члена сообщества *ru_greenpeace* со-

ставлял 26 лет, а *ecology_ru* — 27 лет. Мы видим, что средний возраст блоггера сообществ немного выше, чем в среднем по «Живому Журналу». Если, доля блоггеров старше 25 лет в среднем в «Живом Журнале» составляла почти 34%, то доля таковых среди участников сообщества *ru_greenpeace* составила 43%, а *ecology_ru* и того больше — 54%.

Т а б л и ц а 3. Место жительства участников сообществ (%)

Место жительства	Участники <i>ru_greenpeace</i>	Участники <i>ecology_ru</i>	Участники «Живого журнала»
Москва	55 (60)1*	46 (48)2*	41
Санкт-Петербург	10	12 (13)3*	11
Города России	17	23	23
Бывшие республики СССР	11	11	17
Дальнее Зарубежье	7	8	8

* В скобках указывается % участников сообществ, указавших Москву и Санкт-Петербург, как второй город

Место жительства указали 75% блоггеров *ru_greenpeace* и 67% — *ecology_ru*. Как видно среди участников сообществ больше, чем в среднем среди пользователей «Живого Журнала» жителей Москвы и меньше жителей, бывших республик СССР. Среди жителей других городов России есть жители Саратова, Новосибирска, Твери, Самары, Челябинска и др. Среди жителей бывших республик СССР — жители Киева, Риги, Минска.

Активность блоггеров сообщества в Живом Журнале

Активность в «Живом журнале» измерялось временем, в течение которого блоггер являлся пользователем Живого Журнала, частотой записей и комментариев блоггера в «Живом Журнале», также была проанализирована реакция блог-сообщества на записи блоггера, и его включенность в «экологическую» сеть «Живого журнала».

Как видно довольно большая доля блоггеров обоих сообществ довольно долго были пользователями Живого Журнала. При этом, доля блоггеров, которые более длительное время оставались пользователями «Живого Журнала», была выше в сообществе *ecology_ru*. От 3-х и более лет были

Т а б л и ц а 4. Время участия в «Живом Журнале» (%)

Время	Участники <i>ru_greenpeace</i>	Участники <i>ecology_ru</i>
До года	18	15
1–2 года	29	25
2–3 года	28	20
3–4 года	15	21
4–5 года	9	12
Более 5 лет	1	7

пользователями «Живого Журнала» 25% участников *ru_greenpeace* и 40% участников *ecology_ru*.

Т а б л и ц а 5. Посты участников сообществ (%)

Количество постов	Участники <i>ru_greenpeace</i>	Участники <i>ecology_ru</i>
Реже одного раза в неделю	30	47
Один раз в неделю	5	6
Чаше одного раза в неделю	57	40
Несколько раз в день	8	7

Несмотря на то, что участники обоих сообществ довольно часто пишут посты в «Живом Журнале», участники сообщества *ru_greenpeace* в этом смысле активнее, чем участники второго сообщества. Несколько раз в неделю пишут 65% участников *ru_greenpeace* и лишь 47% *ecology_ru*.

Т а б л и ц а 6. Комментарии участников сообществ (%)

Количество постов	Участники <i>ru_greenpeace</i>	Участники <i>ecology_ru</i>
Реже одного раза в неделю	7	21
Один раз в неделю	2	2
Чаше одного раза в неделю	35	31
Несколько раз в день	56	46

Частота комментариев в Живом Журнале блоггеров сообществ еще чаще. Любопытно, что и здесь участники *ru_greenpeace* активнее участвуют в дискуссиях, чем участники *ecology_ru*. Несколько раз в неделю пишут комментарии 91% участников *ru_greenpeace* и 77% участников *ecology_ru*.

Т а б л и ц а 7. Комментарии на посты участников сообществ (%)

Комментарий / пост	Участники <i>ru_greenpeace</i>	Участники <i>ecology_ru</i>
Нет комментариев или менее одного комментария на пост	13	17
От одного до пяти комментария на пост	53	54
От шести до десяти комментариев на пост	22	20
Более десяти комментариев на пост	12	9

Насколько посты блоггеров — участников сообществ вызывали интерес у пользователей «Живого Журнала»? В этом отношении мы не видим большой разницы между участниками двух сообществ. Посты блоггеров — участников *ru_greenpeace* вызывали чуть больший интерес у пользователей «Живого Журнала». В среднем на один пост блоггера — члена сообщества *ru_greenpeace* приходится 5 комментариев, на один пост, члена сообщества *ecology_ru* приходится 4 комментария, притом, что в среднем на пост «Живого Журнала» приходится 4 комментария.

Участие блоггеров в других экологических сообществах может показать действительный интерес блоггеров сообществ к экологическим проблемам. Можно предположить, большая вовлеченность в экологическую сеть «Живого Журнала» показывает, что блоггеры действительно заинтересованы этими проблемами, в то время как участие всего в одном сообществе может оказаться обычным любопытством блоггера или случайностью.

Т а б л и ц а 8. Участие блоггеров в экологических сообществах «Живого Журнала» (%)

Участие блоггеров в экологических сообществах	Участники <i>ru_greenpeace</i>	Участники <i>ecology_ru</i>
В одном сообществе	36	52
В 2-х сообществах	30	19
В 3-х сообществах	11	12
В 4-х сообществах	8	7
В 5-ти и более сообществах	15	10

Мы видим, что большая часть блоггеров состояла всего в одном, в лучшем случае в двух сообществах. При этом мы видим, что участники *ru_greenpeace* чуть больше вовлечены в экологическую сеть «Живого Журнала».

ла», чем участники *ecology_ru*. Можно было бы предположить, что именно последние могли являться членами экологических организаций или принимать участие в экологических акциях. К сожалению, доказать этот тезис не представляется возможным. Попытка провести опрос, в котором были заданы вопросы о членстве в экологических организациях и участии в экологических акциях протеста, среди членов сообщества оказалась неудачной (было получено очень мало ответов).

Участниками, каких других экологических сообществах были блоггеры?

Т а б л и ц а 9. Основные экологические сообщества, в деятельности которых принимают участие члены сообществ (%)

Сообщество	Участники <i>ru_greenpeace</i>	Участники <i>ecology_ru</i>
<i>gp_russia</i>	28	15
<i>ecology_ru</i>	19	—
<i>save_animals</i>	15	6
<i>save_animals_</i>	10	2
<i>green_ru</i>	9	6
<i>ru_greenpeace</i>	—	8
<i>ar_activists</i>	7	4
<i>vegan_lj</i>	6	3
<i>stopanimaltests</i>	6	2
<i>no_baikal_pipe</i>	5	1
<i>veg_fashion</i>	4	1
<i>eco_vibor</i>	4	3
<i>ru_ecology</i>	3	5
<i>environment</i>	2	4
<i>ru_vegetarian</i>	-	6

Не удивительно, что довольно много блоггеров состояло в таких сообществах, как *gp_russia* и *ecology_ru*, одних из самых крупных экологических сообществ в Живом Журнале. Обращает внимание, что довольно много блоггеров — членов сообщества *ru_greenpeace*, были также членами сообществ, посвященных защите животных. В сообществах, посвященных защите животных, состоит около четверти членов сообщества *ru_greenpeace*. Как будет видно ниже, это отражается и на проблемах, обсуждаемых в самом сообществе *ru_greenpeace*. В то же время, участники *ecology_ru* намного меньше озабочены проблемы защиты животных, если судить об их уча-

стии в подобных сообществах «Живого Журнала». Всего 11% участников *ecology_ru* были участниками, сообществ, посвященных защите животных. Это коррелирует и с интересами, которые указали участники сообществ. Так «защиту животных» среди своих интересов указало 7% участников *ru_greenpeace* и 3% участников *ecology_ru*. А «вегетарианство», которое часто связано с защитой животных, среди своих интересов указало 14% участников *ru_greenpeace* и только 2% участников *ecology_ru*.

Участие членов сообщества в «жизни» сообществ

Участников сообществ можно разделить на активных и пассивных. Первые участвуют в жизни сообществ, т. е. пишут посты, участвуют в дискуссиях. Вторые, в лучшем случае, время от времени читают его. Среди членов сообществ, лишь меньшинство писали в них свои посты, чуть больше трети участников *ru_greenpeace* и чуть меньше трети участников *ecology_ru*. Если говорить об участии членов сообщества в реакции на другие посты сообщества или в дискуссиях по поводу той или иной теме, обсуждаемой в сообществе, то таковых было менее четверти участников *ru_greenpeace* и чуть больше трети участников *ecology_ru*. Большинство членов сообщества можно назвать пассивными.

Однако, чтобы написать пост в какое-либо сообщество Живого Журнала или участвовать в дискуссии, как правило, не обязательно быть участником этого сообщества. И в данном случае при анализе авторов сообществ было обнаружено, что среди них были не только члены сообщества. Почти треть авторов сообщества *ru_greenpeace* и чуть больше 20% авторов сообщества *ecology_ru* не были его участниками. Не членам сообществ принадлежит авторство 14% постов сообщества *ru_greenpeace* и 10% постов сообщества *ecology_ru*. Среди участников дискуссий в сообществах (т. е. авторов комментариев к постам) это видно еще более ярко, 59% авторов комментариев к постам *ru_greenpeace* не были участниками сообщества, они были авторами 53% комментариев. Среди участников дискуссий второго сообщества их было несколько меньше — 49% авторов комментариев не были его участниками, им принадлежит авторство 30% комментариев.

Экологическая проблематика в «Живом Журнале»

В настоящем исследовании предполагалось выяснить, как используется публичное пространство российской блогосферы, в данном случае

«Живого Журнала», для обсуждения различных острых экологических проблем. Какие поднимаются экологические проблемы, как используется пространство для мобилизации читателей на участие в акциях протеста. Можно было бы предположить, что сообщества активно используются экологическими организациями для обсуждения проблем и деятельности организаций, обычно замалчиваемых в мейнстримовских СМИ. К сожалению, на данном этапе был проведен анализ текстов только одного сообщества, а именно *ru_greenpeace*. В дальнейшем предполагается проведение контент-анализа текстов сообщества *ecology_ru* и проведение сравнительного анализа постов двух сообществ.

Были проанализированы посты сообщества *ru_greenpeace* с начала его создания (28.03.2005) по 29.05.2008. За это время было помещено 238 постов. При подготовке контент-анализа было решено не проводить анализ постов, на которых целиком были помещены (скопированы) тексты еженедельного информационного электронного бюллетеня ECoportal.ru и дайджест последних новостей www.greenpeace.ru. В результате, был проведен контент-анализ оставшихся 147 постов сообщества.

Темы записей

Как видно, совершенно неожиданно на первом месте, намного опережая все другие посты, посвященные проблемам защиты и помощи животным. Далеко отстают от них посты, посвященные строительству новых предприятий, общим проблемам экологии, проблеме глобального потепления, деятельности экологических организаций, проблемы мусора. Среди постов, посвященных строительству новых предприятий около 70% посвящены проблемам, связанными с опасностью строительства нефтепровода недалеко от озера Байкал. Казалось бы, одна из острых для экологического сообщества проблема атомной энергетики (вспомним протесты экологических организаций в связи с ввозом в Россию отработанного ядерного топлива) обсуждалась в сообществе очень редко. Так же редко обсуждалась и проблемы, связанные с предстоящим проведением в Сочи Олимпийских игр. Хотя, последнему можно найти объяснение, так как этой проблематике посвящено специально созданное для этого сообщество, «*olympicgames*». Как видно сообщество активно используется защитниками животных. При этом 17% посвящено как защите диких животных (борьба против использования животных пушной промышленностью), так и использования животных для медицинских опытов.

Т а б л и ц а 10. Темы, обсуждаемые в сообществе ru_greenpeace (%)

ТЕМА	Количество постов (%)
Защита животных, помощь животным	29
Общие проблемы: экологические проблемы Земли, экология страны	9
Строительство новых предприятий	9
Глобальное потепление	5
Проблемы мусора (в городе, парках, лесах и т. д.)	5
Деятельность экологических организаций	5
Атомная энергетика	3
Технологические аварии	3
Бытовые отходы	3
Проблема лесов	3
Проблемы зеленых насаждений в городах	3
Олимпиада в Сочи	3
Экологическое образование, воспитание	3
Проблемы энергетики	2
Загрязнение воды, водных водоемов	1
Вредные промышленные производства	1
Проблемы транспорта	1
Проблемы ГМО	1
Вегетарианство	1
Проблемы заповедников, национальных парков	1
Космическая деятельность	1
Альтернативный образ жизни	1
Проблемы радиации	1
Экологически чистые продукты	1
Экотуризм	1
Не имеющие отношения к экологии	1
Другое	8

Цель записи

Как мы видим, публичное пространство сообщества довольно часто используется авторами как для мобилизации читателей для участия в каких-либо действиях (поддержка организаций, помощь в защите скверов, участие в акциях против торговли мехом и т. д.), так и для обращения за помощью (пристроить животных из приютов и т. д.). Призыв к действиям чаще присутствовал в постах, посвященных проблеме зеленых насажде-

Т а б л и ц а 11. Цели авторов постов ru_greenpeace (%)

Цель записи	Количество постов (%)
Сообщения о фактах	21
Выражение мнения	32
Объявление о предстоящем событии	7
Обращение, призыв к действию	30
Вопрос	10

ний в городах, защите лесов, глобальному потеплению, защите животных (помощи животным), строительству новых предприятий. Почти в 45% из них читатели призывались участвовать в каких-либо акциях (митингах, пикетах, подписании писем протеста), в 38% постах был призыв распространять информацию, участвовать в дискуссиях, в 9% присутствовали просьбы о помощи.

Стиль записи

Т а б л и ц а 12. Стиль постов сообщества ru_greenpeace (%)

Стиль записи	Количество постов (%)
Научный	11
Нейтральный	33
Обвинительный	38
Обеспокоенный	17
Радостный	1

Мы видим, что во многих постах, почти в 40% выдвигались обвинения против каких-либо акторов, наносящих вред окружающей среде или представляющих ей опасность. Чаще обвинения выдвигались в постах, посвященных проблемам зеленых насаждений в городах, защите лесов, защите животных, строительству новых предприятий, олимпиаде в Сочи. Чаще всего объектами обвинения становились бизнес (компании: промышленные, торговые т.д.) — 34% и российская власть— 37%. Обвинения против граждан выдвигалось в 12%, а против общественных организаций в 9% постов.

Присутствие конфликта

О том или ином конфликте вокруг экологической проблемы говорилось в 28% постов. Часто конфликты присутствовали в постах, посвящен-

ных защите строительству новых предприятий, защите лесов, проблеме глобального потепления.

Экологические организации как акторы в сообществе

Лишь в 27% постах говорится о деятельности экологических организаций. Всего в постах, так или иначе, говорится о 21 организации. Чаще всего в постах писалось о деятельности Гринписа (11% постов), «Альянса за права животных» (4%), Всемирного фонда дикой природы (2%), общественной организации РФПНиОП «Фонд биологических исследований» (2%). Остальные организации присутствуют в одном и менее проценте постов сообщества. При этом в 3% постов дается негативная оценка экологических организаций.

Комментарии на запись

Мы видим не очень большой отклик со стороны блоггеров Живого Журнала на посты *ru_greenpeace*. В среднем на один пост приходилось меньше одного комментария, притом, что в среднем на пост «Живого Журнала» приходится 4 комментария. Большого всего реакцию у читателей вызвали посты, посвященные вегетарианству, вредным промышленным производствам, атомной энергетике, защите лесов, проблеме зеленых насаждений в городе, деятельности экологических организаций, проблемы мусора. При этом, посты некоторых других экологических сообществ вызывают большую реакцию со стороны блоггеров «Живого Журнала». Так на тексты сообщества *gp_russia* приходится 4 комментария, а на сообщество «*save_animals*» приходится целых 8 комментариев.

Ссылки в постах

Какими источниками пользовались авторы постов? Или какими источниками рекомендовали пользоваться своих читателей? На этот вопрос могут ответить ссылки в их сообщениях. В 57% постах имеется ссылка на те или иные источники информации. Довольно часто авторы используют как источники информации различные блоги — 35% от всех ссылок и экологические сайты и сайты других общественных организаций — 28%. Ссылки на такие источники информации, как сайты СМИ и информационные сайты, а также городские и другие официальные сайты составляют 25%. Лю-

бопытно, что основная доля ссылок как на блоги сообществ «Живого Журнала», так и на экологические сайты, приходится на блоги (55%) и сайты (53%) связанные с защитой животных.

Заключение

В настоящем исследовании предполагалось проанализировать, как и кем используется публичное пространство российской блогосферы, которое можно было бы определить как альтернативное по отношению к традиционным СМИ, для обсуждения различных экологических проблем. Для анализа было взято два экологических сообщества Живого Журнала *ru_greenpeace* и *ecology_ru*. Выяснилось, что средний возраст участников сообществ 26–27 лет, чуть больше из них женщины, большая часть проживает в Москве. Участники сообществ в целом не очень отличаются от среднего блоггера Живого Журнала. В то же время есть некоторые отличия. В сообществах доля женщин несколько больше, чем в среднем в Живом Журнале и участники сообществ, в среднем, несколько старше среднего блоггера Живого Журнала и, особенно, среднего блоггера российской блогосферы, средний возраст которого составляет 22 года. Доля, членов сообществ, живущих в Москве несколько больше, чем в среднем в Живом Журнале. Довольно большая часть участников сообществ были довольно длительное время (от 3 лет и более) пользователями Живого Журнала. При этом немало участников довольно часто писали посты и комментарии. Можно предположить, что участие блоггеров не в одном, а по крайней мере в нескольких экологических сообществах, т. е. большая вовлеченность в экологическую сеть ЖЖ, может показать их действительный интерес к экологическим проблемам. Оказалось, что большинство участников сообществ состояло в 1–2 экологических сообществах. В то время, как не вызывает удивление, что довольно много блоггеров состояло в таких сообществах, как *gp_russia* и *ecology_ru*, которые были одними из самых крупных экологических сообществ в Живом Журнале, обращает на себя внимание, что довольно много участников *ru_greenpeace*, были также членами сообществ, посвященных защите животных. Это отличает их от участников *ecology_ru*. Как видно из анализа постов *ru_greenpeace*, эти интересы блоггеров отразились и на проблемах, обсуждаемых в сообществе, самая большая доля постов была посвящена проблемам защиты животных. Если говорить об участии блоггеров в «жизни» сообществ, то большинство из них можно назвать пассивными, в лучшем случае они читали посты, помещаемые в сообществе, но сами их не

писали и никак на них не реагировали. При этом, при анализе авторов сообществ было обнаружено, что круг авторов и читателей постов сообщества выходит за границы его членов. В написании постов, и особенно в дискуссиях сообществ принимают участие не только их участники. При анализе текстов постов *ru_greenpeace* неожиданным оказалось очень большая доля постов, посвященных защите животных. При этом, низкой оказалась доля постов, посвященных проблемам атомной энергетики, хотя этой проблемой активно занимаются несколько известных экологических организаций.

Нас интересовало, насколько пространство блогосферы используется для мобилизации читателей. Мы видим, что пространство сообществ активно используется блоггерами для мобилизации читателей на участие в тех или иных акциях. В то же время, менее половины из них являлись призывом к участию в различных акциях, несколько меньше — призывы распространять информацию, участвовать в дискуссиях Живого Журнала. Любопытно, что экологические организации появляются в сообществе не так часто, всего лишь в четверти постах. Не вызывает удивления, что на первом месте по упоминанию находится одна из крупнейших экологических организаций России, Гринпис. В то же время вторая по частоте упоминания в сообществе, такая организация как «Альянс за права животных». Сообщество *ru_greenpeace* относительно чаще других используют защитники животных. Мы видим это и по участию многих блоггеров *ru_greenpeace* в различных зоозащитных сообществах ЖЖ, высокой доле постов сообщества, посвященных тем или иным проблемам защиты животных, и по тому, что относительно часто по сравнению с другими организациями в сообществе говорится о такой организации как «Альянс за права животных». При этом другие экологические организации, прежде всего антиядерные на сегодняшний день активно не используют альтернативное публичное пространство «Живого Журнала». За весь период анализа текстов сообщества *ru_greenpeace* (т. е. за три года) в нем ни разу не была упомянута, например такая организация, как «Экозащита», активно выступающая против ввоза отработанного ядерного топлива в Россию. В тоже время, как представляется, именно сообщества в блогосфере могут достичь большего числа людей, еще не знакомых с деятельностью экологической организации, и мобилизовать их на какие-то действия, чем сайты организаций, на которые заходят люди, уже имеющие хотя бы минимальную информацию об организации.

Социальная основа расхождения электоральных предпочтений двух частей Украины на выборах 2004–2007 годов

В. Е. Хмелько

Освещаются результаты анализа связей между региональными результатами голосования на президентских выборах 1994 и 2004 годов, парламентских выборах 2006 и 2007 годов и данными 98 общеукраинских социологических опросов (около 180 тысяч интервью), проведенных Киевским международным институтом социологии в 1994 и 2004–2008 годах относительно социально-экономических, политико-правовых и национально-политических ориентаций избирателей и их этнической самоидентификации. Выявленные тесные статистические связи отличий в электоральных предпочтениях избирателей разных регионов с региональными параметрами их национально-политических ориентаций и, особенно, их двумерной этнической самоидентификации, которая отражает не только моноэтническую, но и биэтническую идентичность.

На президентских выборах 2004 года и парламентских выборах 2006 и 2007 годов чрезвычайно выразительным было территориальное расхождение результатов голосования: электоральные предпочтения жителей двух почти равных частей нашей страны трижды оказались противоположными. В декабре 2004 года в северо-западной части Украины (см. карту на рис. 1.) Виктор Ющенко получил 81% голосов, а Виктор Янукович в 5 раз меньше — около 16%. А в юго-восточной части страны соотношения голосов было обратным: Янукович получил в 4 раза больше голосов, чем Ющенко: 76% против 19.

В марте 2006 года, на выборах в Верховную Раду, в каждой из областей северо-западной части большинство снова проголосовало за «оранжевых» (партии и блоки, которые поддерживали в 2004 году В. Ющенко), а в юго-восточной части — за «бело-синих» (партии и блоки, которые в 2004 году поддерживали В. Януковича): в северо-западной части «оранжевые» в целом получили в 5,4 раза больше голосов, чем «бело-синие»: 65% против 12, а в юго-восточной части «бело-синие» получили в 4,2 раза больше голосов, чем «оранжевые»: около 60% против 14.

Рис. 1. Распределение регионов с большинством голосов за Л. Кравчука и за Л.Кучму в 1994 году и за В.Ющенко и за В. Януковича в 2004 году.

А в сентябре 2007 года, на досрочных выборах в Верховную Раду, в каждой из областей северо-западной части Украины большинство снова проголосовало за «оранжевых» (БЮТ и НУ-НС), а в юго-восточной части — за «бело-синию» Партию регионов. И в северо-западной части страны «оранжевые» получили в 5,1 раза больше голосов, чем «бело-синие»: 69% против 13, а в юго-восточной части, напротив, «бело-синие» — в 3,5 раза больше, чем «оранжевые»: 59% против 17.

И это проблема не только последних трех годов. Впервые подобная поляризация Украины оказалась во втором туре президентских выборов 1994 года. Тогда страна тоже разделилась на две части — преимущественно западную, где в каждой из двенадцати сопредельных областей, включая Киев, большинство голосов во втором туре выборов получил Леонид Кравчук, и восточную, где в каждой из других двенадцати сопредельных областей и в Крыму большинство голосов получил Леонид Кучма. На карте (рис. 1) видно, что в отличие от 2004 года в 1994 году четыре области (Черниговская, Сумская, Полтавская и Кировоградская) по электоральным

предпочтениям своих жителей присоединились к восточным от них, а не к западным областям. Поэтому, если в 2004 году деление на западную и восточную часть означало деление всех избирателей в соотношении 52 к 48%, то в 1994 году, охватывая лишь 43% всех избирателей, западная часть была заметно меньше восточной. И именно восточная часть в 1994 году принесла победу Л. Кучме, который получил там в 2,8 раза больше голосов, чем Кравчук (73% против 26), в то время как в западной части, наоборот, Кравчук получил в 2,9 раза больше голосов, чем Кучма (почти 71% против 24).

И хотя на выборах 1994 года расхождения электоральных предпочтений избирателей двух частей Украины не были такими большими как в последние годы, но уже тогда они вызвали вопрос: чем же так отличается состав жителей двух частей Украины, что их электоральные предпочтения приобретают противоположные соотношения? Чтобы ответить на этот вопрос необходимо было выяснить, с отличиями каких именно характеристик избирателей теснее всего связаны отличия в процентах голосов, которые получили в разных регионах разные кандидаты. При этом важно было выяснить зависимость распределения голосов не только от определенных политических ориентаций избирателей, но и выявить, с какими социально-структурными характеристиками регионов теснее всего связаны отличия в этих ориентациях и электоральных предпочтениях избирателей.

Анализ данных опросов, которые КМИС провел в 1994 году, показал, что в обеих частях Украины значительно отличались лишь национально-политические ориентации — отношение к членству Украины в СНГ, к отношениям между Украиной и Россией и к статусу в Украине русского языка. Особенно впечатляющими были чрезвычайно однозначные показатели связи между процентом голосов, поданных в каждом с 26 регионов (во всех областях, Крыму и Киеве) за определенного кандидата, и процентом избирателей, которые высказывались за объединение Украины и России в одно государство и за предоставление русскому языку статуса государственного или местного официального. Особенно высокими оказались показатели связи между процентом голосов, которые получили в разных областях Кучма и Кравчук, и процентом приверженцев — в тех же областях — объединения Украины и России в одно государство: коэффициенты корреляции между этими показателями составляли, соответственно, +0,93 для Кучмы и –0,92 для Кравчука.

Такие результаты анализа естественно привели к следующему вопросу: с чем же связана разная распространенность желания близких отношений с Россией в разных регионах? Естественно было предположить, что это связано с отличиями национального (в этническом смысле) состава раз-

ных регионов. С другой стороны, определенная связь распределения голосов с отношением к русскому языку давал основания также допускать, что распространенность желания близких отношений с Россией в какой-то мере связана и с отличиями в языковом составе регионов. Расчеты показали, что распространенность в регионах желания близких отношений с Россией более тесно связана как раз не с этническим, а с языковым составом: чем большей была в регионе доля избирателей, которым удобнее было общаться на русском языке, тем большей там была и доля приверженцев объединения Украины с Россией в одно государство. В результате выяснилось, что распределение голосов между Кравчуком и Кучмой в регионах более всего зависело от доли в них, соответственно, украиноязычных и русскоязычных избирателей.

Поскольку регионы значительно меньше отличались по своему этническому составу, чем по языковому, стало очевидным политическое значение лингво-этнической гетерогенности значительной части граждан Украины, а именно — несовпадения их этнической самоидентификации (которая фиксируется ответом на вопрос о национальной принадлежности) и того языка, который в основном используется в общении. В Украине эта гетерогенность чаще всего оказывается в использовании русского языка людьми, которые считают себя украинцами по национальности.

По данным опросов, проведенных Киевским международным институтом социологии (КМИС) в период с 1991 по 1994 год¹, украиноязычных украинцев было тогда около 41%, русскоязычных украинцев — около 33%, русскоязычных русских — около 20%, а доля всех других лингво-этнических групп вместе — около 6%. Дальнейшие опросы, проведенные в период с 1995 по 2007 год, показали, что доля русскоязычных украинцев изменяется мало, колеблясь в пределах нескольких процентов. По данным КМИС 2008 года² лингво-этнический состав взрослого населения Украины включает больше 44% украиноязычных украинцев и около 35% русскоязычных украинцев.

Исторические процессы, которые привели к столь обширной распространенности лингво-этнической гетерогенности в Украине в целом до-

¹ За этот период в 11 опросах, проведенных по выборкам, репрезентативным для населения Украины в возрасте от 18 лет, было опрошено более 22,5 тыс. респондентов.

² Имеются в виду данные 19 опросов, проведенных по выборкам, репрезентативным для населения Украины в возрасте от 18 лет, в которых было опрошено более 38 тыс. респондентов.

статочны известны. Но для выяснения факторов отличий в электоральных предпочтениях важно было определить, что является основой воспроизводства этой гетерогенности теперь: или лишь социокультурные привычки, которые сохраняются преимущественно из-за их практической полезности, или это явление психологически более глубокого уровня мотивации, которая базируется на соответствующих чувствах. Ведь очевидно, что лингво-этническая гетерогенность формировалась не только под давлением политических факторов, но и через личные межэтнические контакты: любовь, браки, рождения в них детей, фактических биэтноров, национальность которых официально определялась и определяется лишь одномерно, преимущественно по национальности отца, а их первичный, базовый язык, как правило, материнский.

Исследование, проведенное КМИС еще в 1995 году показало, что в Украине этническими украинцами из украинских семей, которые являются моноэтническими по меньшей мере в двух поколениях, являются лишь около 58% взрослого населения и лишь около 10% — этническими русскими из моноэтнических по крайней мере в двух поколениях русских семей. В тот же время, около 28% взрослого населения оказалось из этнически гетерогенных семей, в том числе, — около 19% из русско-украинских семей.

Чтобы выяснить, в какой мере русификаторская политика и брачная межэтническая миксация повлияли на этническую структуризацию населения Украины на уровне этнической самоидентификации ее граждан, после выборов 1994 года КМИС стал включать в опросы зондирующий вопрос, благодаря которому респондент, в отличие от опросов во время переписей населения, имеет возможность указать свою принадлежность не только к одному этносу, и таким образом проявить не только моноэтническую, но и биэтническую самоидентификацию. Такие данные, накопленные КМИС в опросах с 1994 года, позволили выяснить, что из-за распространенности русско-украинской этнической гетерогенности этническая структура нашего общества существенно отличается от ее изображения в официальной статистике.

Так, в 2001 году, когда в Украине проходила перепись населения, опросы, проведенные КМИС показали, что среди тех взрослых, которые официально зачисляются по национальности украинцами, каждый пятый считает себя по национальности не только украинцем, но и, в той или иной мере, еще и русским, а среди тех, кто официально зачисляются русскими, каждые двое из пяти считают себя по национальности в той или иной мере также и украинцами. И потому то распределение населения Украины по национальности, которое фиксируется в переписи, фактически не ото-

бражает распределение населения Украины по этнической принадлежности. Собственно этнический состав — тот, что должен фиксироваться по свободной самоидентификации человека, — фиксируется в переписи лишь в первом приближении, поскольку от каждого человека требуется однозначная самоидентификация. Учет же русско-украинской биэтнической самоидентификации в опросах КМИС дал возможность выяснить, что в неоднородном отображении этническую структуру Украины во время переписи составляли приблизительно 60–62% моноэтнических украинцев, 23–25% биэтнических русско-украинцев, 9–10% моноэтнических русских и около 5% людей из других этнических групп.

Моноэтноры — те, кто идентифицирует себя лишь с одной этнической группой и не идентифицирует себя с другими, — это не всегда люди, у которых отец и мать одной национальности. В таких случаях есть основания предполагать, что это люди, для которых особо ценной есть принадлежность именно к определенной этнической группе. В отличие от этого биэтноры — те, кто идентифицирует себя в той или иной степени с двумя этническими группами, — это люди, которые или не придают однозначной этнической принадлежности существенного значения, или для которых существенное значение имеют обе этнические принадлежности (последние идентифицируют себя биэтнически по собственной инициативе, а первые — лишь когда ставится зондирующий вопрос). Дальнейшее накопление соответствующих эмпирических данных позволило провести анализ статистических связей между параметрами этнических и лингвистических структур регионов Украины. Выяснилось, что чем больше в регионе доля биэтноров, тем больше в нем и доля русскоязычных украинцев, и что распространенность в регионах русско-украинской лингво-этнической гетерогенности из всех составляющих этнического состава статистически значимо связана лишь с долей русско-украинских биэтноров и моноэтнических украинцев. Причем наиболее тесная (и притом — положительная) корреляционная связь существует между долей в регионе русскоязычных украинцев и долей русско-украинских биэтноров ($r = 0,74$, при уровне значимости $p < 0,0001$). Связь между долей в регионе русскоязычных украинцев и долей моноэтнических украинцев менее значимая и, естественно, отрицательная ($r = -0,61$, при уровне значимости $p = 0,001$) ³.

³ Рассчитано по данным опросов КМИС в 2008 году, в которых по 19 выборкам, репрезентативным для населения Украины в возрасте от 18 лет, было опрошено более 38 тыс. респондентов.

Это побудило при анализе результатов президентских выборов 2004 года и парламентских выборов 2006 и 2007 годов искать связь процента голосов, поданных за определенного кандидата, партию или блок, с параметрами не только языкового состава регионов (которая была обнаружена по выборам 1994 года), но и с теми параметрами неоднородного этнического состава регионов, в которых отображается удельный вес украинской и русской моноэтничности и русско-украинской биэтничности. Прежде всего логично было проверить: не отличаются ли двумерным этническим составом те две части Украины, которые на выборах 2004, 2006 и 2007 годов отдали предпочтение разным политикам?

Расчеты удельного веса трех указанных этнических групп в каждой с двух частей страны подтвердили это предположение. Так, в северо-западной части страны, где Ющенко получил значительно больше голосов, чем Янукович, а «оранжевые» — чем «бело-синие», моноэтнических украинцев также значительно больше, чем биэтнических русско-украинцев и моноэтнических русских вместе: 89% против 8, из которых 6 — русско-украинцы. А в юго-восточной части, где Ющенко получил значительно меньше голосов, чем Янукович, а «оранжевые» — чем «бело-синие», моноэтнических украинцев среди избирателей также значительно меньше чем русско-украинцев и моноэтнических русских вместе: 36% против 57, из которых 41% — это русско-украинцы (детальнее — в таблице 1.).

Противоположность пропорций двумерного этнического состава двух частей Украины фактически объясняет, почему при сходстве распределений социально-экономических и большинства политических ориентаций жителей обеих частей страны, распределения тех их национально-политических ориентаций, которые базируются на национальных чувствах, фактически являются противоположными. Анализ собранных данных показал, что именно с русско-украинским двумерным этническим составом регионов тесно связаны распределения таких национально-политических ориентаций, как отношение к статусу русского языка в Украине и к отношениям с Россией. С другой стороны, от распространенности в регионах именно этих национально-политических ориентаций больше всего зависело то, как разделились голоса избирателей: на президентских выборах — между В. Ющенко и В.Януковичем, а на парламентских — между «оранжевыми» и «бело-синими».

Так, чем больше в регионе было приверженцев более близких отношений с Россией, тем больше там голосов в 2004 году получил Янукович, а в 2006 и 2007 — «бело-синие» (коэффициенты корреляции, соответственно,

Т а б л и ц а 1. Этнический состав северо-западной и юго-восточной частей Украины в одномерном и двумерном отображениях (%)

	Северо-западная Украина	Юго-восточная Украина
Этнический состав в одномерном отображении а		
Украинцы	91.2	63.2
Русские	6.1	30.3
Другие этнические категории	2.7	6.5
ВСЕГО	100.0	100.0
Этнический состав в двумерном отображении б		
Моноэтнические украинцы	89.1	36.0
Биэтнические русско-украинцы	6.2	40.6
моноэтнические русские	2.2	16.8
Другие этнические категории	2.5	6.6
ВСЕГО	100.0	100.0

а — Рассчитано по данным переписи 2001 года, помещенным на сайте Госкомстата Украины.

б — Сведенные данные 15 опросов, проведенных КМИС методом интервью по выборкам, репрезентативным для взрослого населения Украины (от 18 лет) с декабря 2004 по декабрь 2007 г., в которых опрошено 30 909 респондентов.

0,81, 0,79 и 0,84). А чем больше в регионе было приверженцев более близких отношений не с Россией, а с Западом, тем больше голосов в 2004 году там получил Ющенко, а в 2006 и 2007 — «оранжевые» (коэффициенты корреляции равняют, соответственно, 0,65, 0,77 и 0,66). Подобными и, даже, несколько более сильными оказались связи результатов голосования с относительной численностью в регионе приверженцев предоставления русскому языку статуса второго государственного. Чем большей в регионе была доля таких избирателей, тем большую долю голосов в 2004 году там получил Янукович, а в 2006 и 2007 — Партия регионов (коэффициенты корреляции, соответственно, 0,87, 0,86 и 0,86), и тем меньшую долю голосов в 2004 году там получил Ющенко, а в 2006 и 2007 — «оранжевые» (коэффициенты корреляции, соответственно, –0,87, –0,88 и –0,85).⁴

⁴ Уровень значимости всех коэффициентов корреляции, приведенных здесь и далее, $p < 0,001$.

Однако, наиболее тесные связи распределений голосов в регионах оказались с параметрами этнического состава избирателей, вычисленными с учетом украинских и русских моноэтноров и русско-украинских биэтноров. Так, проценты голосов, полученные Ющенко и Януковичем в «третьем» туре выборов 2004 года в областях страны и в Крыму, теснее всего были связаны с долей моноэтнических украинцев и с суммарной долей биэтнических русско-украинцев и моноэтнических русских в составе избирателей региона. В частности, коэффициент корреляции между процентом голосов, полученным каждым кандидатом в каждом из 26 регионов, и долей моноэтнических украинцев в соответствующем регионе оказался равным $+0,948$ для Ющенко и $-0,95$ для Януковича, а коэффициент корреляции между теми же процентами голосов и суммарной долей русско-украинцев и моноэтнических русских среди избирателей региона — $-0,951$ для Ющенко и $+0,955$ для Януковича. При этом доля голосов, полученных в регионах и Ющенко, и Януковичем, несколько теснее была связана с относительной численностью в регионе русско-украинцев, чем моноэтнических русских: соответствующие коэффициенты корреляции составили $-0,891$ и $-0,738$ для Ющенко, и $0,889$ и $0,749$ для Януковича.

На парламентских выборах 2006 и 2007 годов зависимости доли голосов, полученных в регионах «оранжевыми» и «бело-синими» партиями и блоками, от параметров региональных этнических структур оказались практически такими самими, как у Ющенко и Януковича в 2004 году. Проценты голосов, полученные «оранжевыми» и «бело-синими» в регионах на выборах 2006 и 2007 годов, также больше всего были связаны с долей моноэтнических украинцев и с суммарной долей биэтнических русско-украинцев и моноэтнических русских среди избирателей регионов. Так, коэффициент корреляции между долей моноэтнических украинцев в регионе и процентом голосов, полученных в 2006 и 2007 годах в регионах «оранжевыми» составили, соответственно $+0,905$ и $+0,883$, а «бело-синими» — $-0,950$ и $-0,916$, а коэффициенты корреляции между теми же процентами голосов и суммарной долей биэтнических русско-украинцев и моноэтнических русских среди избирателей регионов составляли для «оранжевых» $-0,909$ и $-0,891$, а для «бело-синих» $+0,957$ и $+0,927$. При этом доля голосов, полученных в регионах и «оранжевыми» и «бело-синими», несколько теснее была связана с относительной численностью в регионе русско-украинцев, чем моноэтнических русских.⁵

⁵ На выборах 2006 года соответствующие коэффициенты корреляции были равны $-0,871$ и $-0,675$ для «оранжевых», и $0,899$ и $0,739$ для «бело-синих», а на

Приведенные результаты конечно же не означают, что распределение голосов в регионах зависело непосредственно и только лишь от параметров моноэтнического и биэтнического состава избирателей. Но проведенный анализ убедительно свидетельствует о том, что во время и президентских выборов 2004 года, и парламентских выборов 2006 и 2007 годов распределение голосов в регионах между «оранжевыми» и «бело-синими» от других факторов зависело намного меньше. Об этом наглядно свидетельствует общая картина распределений рассмотренных параметров в регионах, представленная в таблице 2.

Т а б л и ц а 2. Показатели корреляции доли голосов, отданных в регионе за определенную политическую силу, с параметрами региональных этнических структур второго порядка (по 26 регионам Украины)

Год выборов	Политические силы	Коэффициенты корреляции	
		r	r2
Корреляция с долей моноэтнических украинцев			
2004	В. Ющенко	+ 0,948	0, 899
	В. Янукович	– 0,950	0, 903
2006	«Оранжевые»	+ 0,905	0,819
	«Бело-синие»	– 0,950	0,903
2007	«Оранжевые»	+ 0,883	0,780
	«Бело-синие»	– 0,916	0,839
Корреляция с суммарной долей моноэтнических русских и русско-украинцев			
2004	В. Ющенко	– 0,951	0, 904
	В. Янукович	+ 0,955	0, 912
2006	«Оранжевые»	– 0,916	0,826
	«Бело-синие»	+ 0,945	0,916
2007	«Оранжевые»	– 0,904	0,794
	«Бело-синие»	+ 0,904	0,859

Для всех приведенных в таблице коэффициентов корреляции уровень значимости $p < 0,001$.

Таким образом, проведенный анализ подводит к выводу: когда на выборах конкурируют политические силы с противоположными националь-

выборах 2007 года – 0,836 и – 0,657 для «оранжевых», и 0,927 и 0,682 для «бело-синих».

но-политическими ориентациями, электоральные предпочтения двух частей Украины приобретают противоположные соотношения в основном из-за того, что население этих частей страны имеет противоположное соотношение численности моноэтнических украинцев, с одной стороны, и биэтнических русско-украинцев и моноэтнических русских, с другой. Из-за различий в национальных чувствах большинства представителей этих этнических групп, проявляющихся в противоположности их отношения к русскому языку и к России, политики, которые обещают обеспечить право использовать русский язык в отношениях с властью и дружеские отношения с Россией приобретают большую поддержку в юго-восточной части страны, особенно на ее Востоке. Но такие политики имеют очень незначительную поддержку в северо-западной части Украины, особенно на ее Западе. Здесь, наоборот, больше всего поддерживают тех политиков, которые выступают за более тесные связи с Европейским Союзом, и за сохранение статуса украинского языка как единого государственного языка Украины.

Правда, это не означает, что само отношение к России и русскому языку является основной причиной того, почему избиратели голосовали за Ющенко или Януковича, за «оранжевых» или «бело-синих». Опросы свидетельствуют, что во всех регионах Украины людей больше всего беспокоят социально-экономические, а не национально-политические проблемы. Но, как показало распределение голосов на выборах, то, кому именно люди доверяют решение социальных и экономических проблем, зависит не от отличий в тонкостях социальных и экономических программ разных некоммунистических политических сил. Доверие избирателей к политикам, как свидетельствуют данные опросов, в значительной мере связано с теми национальными чувствами, которые политики демонстрируют перед избирателями. Поэтому есть основания предполагать, что именно национальные чувства моноэтнических украинцев больше склоняют их к доверию тем политикам, которые на украинском языке убеждают, что жизнь улучшится благодаря вступлению Украины в Евросоюз и защите украинского языка и культуры. А национальные чувства русско-украинцев и моноэтнических русских склоняют их к доверию больше тем политикам, которые на русском языке убеждают, что жизнь улучшится, если Украина не будет присоединяться к НАТО, а будет иметь теснее связи с Россией и предоставит русскому языку статус государственного, чтобы все русскоязычные граждане могли ощущать себя равноправными со своими украиноязычными согражданами.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

[к содержанию](#)

Социальное неравенство: ситуация в России и Белоруссии

С. Н. Игнатова

Проект «Социальное неравенство и что оно означает для экономического и демократического развития Европы и ее граждан. Посткоммунистическая Центральная и Восточная Европа в сравнительной перспективе».

Проект осуществляется при поддержке Комиссии Европейских Сообществ и является сравнительным исследованием, проводимым по единой методике и с общим инструментарием в 11 странах Центральной и Восточной Европы. Проект направлен на изучение системных преобразований, анализ характера, причин и последствий социального неравенства как для граждан, так и для стран, входящих в этот регион. В более узком смысле это исследование социальных, экономических и политических последствий социального неравенства.

В ходе реализации проекта было проведено 4 фокус-группы (далее ФГ) с жителями Санкт-Петербурга и Ленинградской области (село Кикерино) и 4 фокус-группы в Белоруссии (Минск и село Новая Ухолода). Участники ФГ (по 12 человек в каждой) рекрутировались методом скрининга с учетом уровня дохода и социально-демографических данных. Группы были сбалансированы по уровню образования и представляли в основном работающих информантов. Допускалось наличие не более одного студента, пенсионера и/или временно безработного в каждой группе. Каждая фокус-группа имела продолжительность примерно 120 минут. Обработка текстов фокус-групп проводилась с использованием системы анализа качественных данных MAXQDA.

Массовый опрос проводился по репрезентативной выборке (2000 чел. в России и 1000 чел. в Белоруссии), которая моделировала генеральную совокупность по численности населения территориальных единиц, по соотношению численности сельского и городского населения и его половозрастной структуре. Выборка России репрезентативна на уровне административно-территориальных округов (7), представленных 33 субъектами Федерации. Общий объем анкеты в виде базы данных — около 290 переменных (около 280 числовых и 10 строчных).

Сценарий ФГ и вопросы анкеты были посвящены представлениям респондентов о социальном неравенстве, его причинах, восприятию его как социальной проблемы в обществе и представлениях о возможных способах ее разрешения. По идентичной методике параллельно проводилось исследование в 12 странах Центральной и Восточной Европы.

1. Является ли неравенство проблемой

Современное состояние российского и белорусского общества характеризуется множественностью социальных проблем, что и нашло отражение в обсуждении данного вопроса. Респонденты сразу же обозначили широкий спектр проблем, в каждой стране было названо более 30 социальных проблем. Однако предположения исследователей, что респонденты спонтанно выделяют социальное неравенство как одну из важнейших социальных проблем общества, не оправдались. В ходе дискуссии в российских фокус-группах была названа такая социальная проблема, как пенсионное обеспечение. При ее обсуждении респонденты были близки к теме социального неравенства, так как указывали, что данная группа (пенсионеры) социально незащищена по сравнению с другими категориями населения и оказывается самой малообеспеченной; а при обсуждении сложности трудоустройства без связей и стажа работы появляется тема неравенства прав. Однако понятие социального неравенства так и не было артикулировано.

Спонтанно, то есть в самом начале обсуждения темы социальных проблем в обществе респонденты и российских, и белорусских фокус-групп стремились обозначить как можно более широкий круг проблем, не выделяя наиболее острые. Таким образом, в начале дискуссии в каждой фокус-группе было названо от 7 до 10 социальных проблем. Тем не менее, и на этом уровне выделились доминирующие социальные проблемы. Для российских ФГ это:

- проблемы, связанные с работой (ее отсутствие, сложности поиска работы, нарушение трудовых прав, в том числе дискриминация при приеме на работу);
- проблемы, связанные с жильем (высокие цены на жилье и проблемы ЖКХ);
- уровень морали в обществе (она была обозначена и в сельских, и в городских группах)
- низкие доходы населения (данная социальная проблема была выделена только в городских группах).

Для белорусских ФГ:

- проблемы, связанные с низкими доходами населения;
- проблемы, связанные с нарушением трудовых прав и дискриминацией при приеме на работу (были обозначены в основном в городе)
- проблемы, связанные с жильем (высокие цены на жилье и сложности ЖКХ, особенно в сельской местности).

2. Представления о социальном неравенстве

Участники как российских, так и белорусских фокус-групп практически не дали четко сформулированных определений социального неравенства. Хотя суть вопроса для них ясна — это различия между людьми, которые присутствуют сейчас или присутствовали в обществе всегда, и понимание этого есть почти у всех респондентов.

Татьяна (ж., 61): Нет одинаковых людей по интеллекту, по развитию.
fg: низкий доход, город, Россия.

Юрий (м., 42): вообще не должны одинаково жить. И никогда не будут. Это естественно должно быть.

fg: средний доход, село, Россия.

Различия имеют под собой разные основания: как данные природой, естественные, «базовые», «по интеллекту, по развитию»; так и привнесенные, созданные в процессе социального развития.

Анатолий (м., 43): Я к этому отношусь так: если в любом коллективе, в любом обществе — социальное неравенство само собой появляется. Начиная с феодального класса. Кто все брал в руки? У кого было воспитание и сила. Хоть финансовая, хоть физическая.

fg: низкий доход, город, Россия

Владимир (м., 19): Как в животном мире идет естественный отбор, так и в нашем социуме есть богатые и бедные. Никуда от этого не денешься. Только надо себя перебороть, переосмыслить, что надо стремиться к лучшему.

fg: средний доход, село, Беларусь.

При этом вроде бы равные изначально люди, становятся неравными в силу различных причин.

Анатолий (м., 47): ...Люди равные, а получается, что черные и белые.

fg: средний доход, село, Россия.

А поскольку различия между людьми определены естественными или социальными условиями, то социальное равенство невозможно, и в обществе всегда будет присутствовать неравенство.

Ксения (ж., 20): ...социальное равенство невозможно ни при каком строе, то есть, в принципе, социальное неравенство является движущей силой человечества. Равенство — только утопия.

fg: средний доход, село, Россия.

Иван (м., 23): Оно всегда было и будет.

fg: средний доход, село, Беларусь.

При этом, наличие социального неравенства в обществе у российских и белорусских респондентов не вызывает неприятия или отторжения. Оно существует как данность и вряд ли эту ситуацию можно изменить, а скорее всего и не нужно менять, так как:

Леонид (м., 23): Очень важно, чем это неравенство подкреплено. Если не произволом, а какими-то объективными факторами, тогда это неравенство вполне оправданно и уместно, без него никак не обойтись.

fg: средний доход, город, Россия.

Татьяна (ж., 36): Я считаю, что социальное неравенство — это нормальное явление. В любом государстве. Не все люди одинаковые, и это нормально.

fg: низкий доход, город, Беларусь.

Однако, для белорусских респондентов равенство прав, равенство перед законом все-таки первично. Доход, различные блага и социальные гарантии, социальное обеспечение не должны распределяться всем одинаково, но граждане должны быть равны в доступе к ним. Даже на прямой вопрос, что такое социальное неравенство, белорусские респонденты ответили, что это «неравенство прав».

Алексей (м., 58): Неравенство имеется в виду как — вот возьмем закон. Как мы должны — равны все перед законом, или не равны должны быть? Должно быть равенство перед законом. Тот, кто имеет право на образование, на работу, на хорошую жизнь — все должны быть равны в этом.

fg: низкий доход, село, Беларусь.

Жанна (ж., 37): Неравенство может быть только, допустим, в работе между начальником и работником в зарплате. Да, человек отучился, и у нас уже неравное положение, это естественно. Тут уже равенства быть не может. Я рабочий, а он с высшим образованием. Отсюда берется и разная зарплата. Но это не говорит о том, что надо вообще

унизить человека и заплатить ему мизер. Тут уже равенства не может быть.

fg: низкий доход, село, Беларусь.

Татьяна (ж., 26): Вот как права ребенка так должны быть и права любого человека. Я человек, ты человек. Мы должны стоять на одном уровне при разговоре, например. Почему ты должен выше себя показывать и считать, что я ничто? Мы такие же люди.

Интересно высказывание одной белорусской респондентки об относительности понятия социального неравенства.

Светлана (ж., 35): У меня такое мнение сложилось, пока я слушала, что нужно смотреть с другой точки зрения (...) То есть все в мире относительно. И то же социальное неравенство — я могу быть несчастной и бедной, или богатой, если я приезжаю в ту же деревню. То есть, если я не могу поменять ситуацию, то я могу поменять отношение. Посмотреть под другим углом — и почувствовать себя счастливой.

fg: низкий доход, город, Беларусь.

В отличие от белорусских российские респонденты чаще размышляли о том, что социальное неравенство встречается в их жизни везде, подробно обсуждая проявления этого неравенства и причины его возникновения. С одной стороны, социальное неравенство само по себе не представляется респондентами как острая социальная проблема, а с другой стороны все проявления социального неравенства являются социальными проблемами, а все социальные проблемы, возникающие в российском обществе, так или иначе связываются с существующим уровнем социального неравенства.

В ходе дискуссии о равенстве и неравенстве в обществе респонденты обозначали, что вовсе не требуют уничтожения социального неравенства, а только смягчения его проявлений, регулирования со стороны государства избыточного неравенства в обществе.

Особняком стоит одна фокус-группа, в которой оказалась участница, обладающая четко структурированным мышлением и грамотно рассуждающая о социально-политических основах жизни общества. Именно она дала идеальное, исчерпывающее понятие социального неравенства, выделив естественное (природное) неравенство, не зависящее от людей, связанное с биологическими особенностями и происхождением человека; и искусственное неравенство, создаваемое самими людьми. Последнее в значительной степени определяется властными, информационными и денежными ресурсами.

Татьяна-2 (ж., 53): Понимаете, мы рождаемся изначально социально не равными. Даже когда вы в утробе матери. Исходя из того, в какой семье вы родитесь, уже будет социальное неравенство.

... Мы все не равны, у нас у всех разные стартовые возможности. И зависит это не только нашего генотипа, мама-папа, но зависит и от фенотипа, от того, что вас окружает. Это всегда было и будет. Это жизнь, к сожалению.

... Другое дело, что вот это социальное неравенство иногда создается искусственно людьми для других людей. А иногда оно создается природой. Когда оно создается природой, тут будь хоть семи пядей во лбу, вы будете все равно на разных стартовых возможностях. Но если человек, облеченный властью, создает неравенство, то он четко знает, что он создает его. Вот это другое дело, это намного страшнее.

... Можно подвести итог: как сказал Путин, либо вы владеете властью и информацией, либо владеете деньгами. Вот вам пожалуйста — социальное неравенство. Либо на денежном уровне, либо на властном уровне. Вот и все. А там это уже может проявиться в любой сфере. Даже дома у вас может быть социальное неравенство между женой и мужем. Жена больше получает, вы меньше. Но все упирается в две базы: власть, информация — и деньги.
fg: средний доход, город, Россия

Большинство участников как российских, так и белорусских фокус-групп высказали мнение, что неравенство в обществе не только неизбежно, но и является определенным стимулом для развития, играет позитивную роль для «личностных достижений», для «создания целей для устремлений», для «прогресса».

Дмитрий (м., 24): (...) Сам механизм неравенства, что не равны люди — это живительный механизм для социума. Он оживляет, дает импульс к развитию науки и технологии. К чему-то стремиться. Все равно здесь в основании лежит какой-то эгоистический импульс. Вот что важно. И пример для других людей. Если я так сделал, значит вы тоже так можете..

fg: средний доход, город, Россия

Светлана (ж., 35): Это уже в первобытном обществе было. Всегда было. Весь прогресс идет на неравенстве. Интересно, что дальше будет.

fg: низкий доход, город, Беларусь

Как в России, так и в Белоруссии некоторые участники ставили ограничения степени возможного неравенства — «до определенной степе-

ни», «если неравенство не вынужденное», «небольшое неравенство — стимул».

Во всех российских и белорусских группах вопрос о возможности равных доходов для всех вызвал однозначно негативную реакцию («не может быть», «никогда не будет» и т. д.). Очень интересным представляется факт, что в двух петербургских группах при обсуждении этой темы были употреблены определения «несправедливо» и «неправильно», то есть не только неравенство доходов может быть несправедливым, но и противоположная идея уравнивания доходов тоже может казаться кому-то несправедливой.

Константин (м., 24): Во-первых, невозможно одинаковый доход иметь. Это как коммунисты обещали перед тем, как прийти к власти, что все будут получать одинаково. Все думали, что будут получать, как богатые, а стали получать, как бедные. Это просто неправильно. И невозможно..

fg: средний доход, город, Россия

3. Проявления социального неравенства в обществе

По мнению респондентов социальное неравенство в современном российском обществе наиболее остро проявляется:

- в неравенстве доходов
- в различиях между городом и деревней
- в различиях между богатыми и бедными

Из более конкретных сфер социальной реальности были названы различия в доступе к системе здравоохранения, к системе образования, в жилищной сфере и в образе жизни.

Белорусские респонденты при объективно значительно более низком уровне социального неравенства в обществе также сильно обеспокоены этой проблемой. Дискуссия о проявлениях социального неравенства в Белоруссии была не менее острой. Как ведущие проявления социального неравенства они также назвали:

- различия между городом и деревней
- различия между богатыми и бедными
- неравенство доходов

Правда у белорусов появились иные оттенки. Их также беспокоит такое неравенство, которое мы назвали «различия в социальном статусе», неравенство в правах и неравенство в доступе к власти.

4. Сравнение с СССР

И в российских, и в белорусских группах большинство высказавшихся по вопросу о размерах социального неравенства по сравнению с тем, что было в СССР, сошлись во мнении, что неравенство (расслоение) с тех пор увеличилось, причем масштабы этого роста выражались эмоциональными эпитетами — «катастрофически», «в два раза», «беспредел». Намного чаще высказывались люди более старшего возраста, (кроме двух петербургских групп, где в дискуссии приняли участие и самые молодые). Иногда на вопрос модератора, обращенный к молодежи, они отвечали, что не могут ответить, так как «не застали советского времени», «не знают, что было 10–15 лет назад».

Татьяна-2 (ж., 53): Нет, если сравнивать с Советским Союзом! Если сравнивать с девяностыми годами, то, конечно, уменьшилось. А если сравнивать с советским временем, то катастрофически увеличилось расслоение!

fg: средний доход, город, Россия

М: Как вы считаете, с момента развала СССР социальное неравенство уменьшилось или увеличилось?

Юрий (м., 45): Возросло в два раза. **Жанна** (ж., 37): Возросло, да.

М: А почему?

Жанна (ж., 37): Много богатых людей появилось.

Юрий (м., 45): И получилось расслоение. Да, появились нищие, средние, богатые и очень богатые. Расслоение общества. Путем обмана появились богатые люди.

fg: низкий доход, село, Беларусь

Однако в каждой из групп находились респонденты, которые идеализировали советское общество — они заявили, что в СССР не было неравенства вообще, все «были одинаковые», «жили ровно» (Россия) или «все были равны» (Белоруссия). Все они принадлежали к старшей возрастной группе: в Белоруссии пенсионеры, а в России — женщины средних лет.

Многие участники полагали, что неравенство было характерно и для СССР, но было более скрытым, завуалированным.

М: Как вы считаете, с момента развала СССР социальное неравенство уменьшилась или увеличилась?

Владимир-1 (м., 65): Оно просто стало явным.

Раиса (ж., 58): Вот именно.

Ирина (ж., 52): Оно и было всегда.

Александр-2 (м., 33): Еще больше стало.

Ирина (ж., 52): Явно стало выражено. Тогда были немножко другие критерии.

Владимир-1 (м., 65): И тогда его не сильно показывали.

fg: средний доход, город, Беларусь

Алексей (м., 27): При Советском Союзе тоже было неравенство, но на это не обращали внимания, потому что все это было скрыто. Мы ничего не знали.

fg: средний доход, село, Беларусь

Наиболее яркими примерами при сравнении с бывшим СССР были наличие бесплатного образования (от дошкольного до высшего) и бесплатное получение жилья в СССР, которые вполне наглядно демонстрировали тезис об увеличении неравенства. Однако участники фокус-групп в обеих странах отметили и некоторые положительные моменты сегодняшней жизни: увеличение возможностей для досуга и отдыха, наличие товаров в магазинах, возможности получения кредитов.

Таким образом, большинство участников ощущает усиление неравенство по сравнению с прошлым, и этому находится множество объяснений, главное из которых состоит в том, что широкое использование общественных фондов потребления в советский период позволяло нивелировать существовавшее и тогда неравенство, предоставлять большинству населения равные права (хотя зачастую номинальные) в области образования, здравоохранения, жилищного обеспечения. Полное разрушение общественных фондов потребления и неразвитость системы социальной защиты населения привело к росту неравенства (реальному или воображаемому) по сравнению с Советским Союзом.

5. Причины социального неравенства

Можно выделить три основных группы причин социального неравенства.

Так, по мнению участников фокус-групп в России, такими причинами являются:

- а) различия в доходах;
- б) действия властей на всех уровнях и проводимая государственная политика (в том числе и такой политический фактор, как перестройка);
- в) имманентно присущие индивиду личностные качества (способности, интеллект, гены, родительская семья и т. д.) Отдельно в российских

группах может быть выделена такая причина, как русский менталитет, который, по мнению некоторых участников, также является причиной социального неравенства.

Участники во время дискуссии часто сами выстраивали такие причинно-следственные цепочки: так, отсутствие доходов ведет за собой недоступность качественного образования, медицинских услуг и жилья, различия в образе жизни, ограничения доступа во властные структуры и т. д.

Государственная политика и действия властей как причины социального неравенства выходят на второе место по частоте упоминаний. Здесь характерен достаточно широкий спектр мнений: в каждой группе кто-то из участников высказывал мнение, что развал Советского Союза и политика перестройки являлись начальным толчком к значительному усилению социального неравенства. Передел собственности в эти годы привел к существенным «ножницам» в доходах населения, разделил все население на немногих, участвовавших в этом переделе и аутсайдеров — большинство жителей страны. Такие явления как коррумпированность власти, существующая система законодательства, развал промышленности, монополизм и целый ряд других экономических последствий действий властей также были названы в ряду причин социального неравенства.

Владение информацией — фактор, который в равной мере может быть отнесен как к причинам социального неравенства, так и к его проявлениям. Очень часто респонденты на вопрос модератора о причинах социального неравенства отвечали просто «власть».

Непосредственно личностные характеристики, такие как интеллект, ум, целеустремленность были названы лишь в городских российских группах, где этот вопрос обсуждался достаточно активно. Кроме этого также в городских группах в качестве причин социального неравенства активно обсуждались вопросы предопределенности, зависимости от происхождения. Иногда участники выстраивали цепочки связей: семья-доход-образование детей, или происхождение-доход-обеспеченность детей жильем. При этом параллельно поднимался вопрос о воспроизводстве бедности, о замкнутом круге, в который попадают дети из менее обеспеченных семей.

Вполне предсказуемо, что в России проживание в провинции, в селе было названо в качестве причины социального неравенства только в сельских фокус-группах, в отличие от Белоруссии, где этот вопрос поднимался как в сельских, так и в городских группах. Как мы видели из предшествующего анализа социальных проблем и проявлений социального неравенства, противопоставление «город-деревня, город — провинция» явилось

третьим «причинообразующим» фактором наряду с доходами и властью. Взаимосвязь с властью здесь была выражена в том, что среди причин назывались политика местной сельской администрации, государственная политика в сельских областях. В ходе обсуждения участники также выстраивали причинно-следственные цепочки: проживание в селе — невозможность получения образования; проживание в селе — отсутствие досуга; проживание в селе — низкие доходы.

Неожиданным при анализе причин социального неравенства, названных респондентами в ходе фокус-групп оказался тот факт, что белорусские участники оказались абсолютно солидарными с российскими участниками ФГ. Несмотря на низкий уровень социального неравенства в обществе и в целом более благополучную картину, подтверждаемую данными статистики, белорусов волнуют те же формы проявления социального неравенства в обществе, что и российских участников.

Главными причинами СН в обществе они также назвали:

- различия в уровне доходов;
- деятельность властных органов (государственная политика, действия местных властей и чиновников всех уровней, в том числе их бездействие, а также доступ к власти, властным органам и их представителям, как ресурс занятия той или иной статусной позиции);
- личные качества человека (целеустремленность, трудолюбие, усердие, желание чего-то добиться, или наоборот лень, пассивность и т. д.);

И причина более характерная для белорусского общества и болезненно в нем воспринимаемая:

- государственная политика на селе и вытекающие отсюда различия между уровнем жизни в городе и в сельской местности. Эта причина равно называлась и в городских, и в сельских фокус-группах.

Как и в российских фокус-группах в белорусских при обсуждении каждая из этих причин тесно увязывалась с другими. Различия в уровне доходов формируются за счет того, что тот или иной индивид имел или имеет доступ к власти или соответствующие личные связи, которые помогают ему достичь лучшего финансового положения; достаточные финансовые возможности позволяют добиться расположения тех, кто стоит ближе к власти или найти необходимые связи, знакомства. А те, кто имеет властный ресурс, могут конвертировать его в материальный достаток или иные привилегии.

Отличительно особенностью белорусского обсуждения, как уже было отмечено выше, стал тот факт, что и в городе и в селе как одну из основных

причин СН в обществе называли государственную политику на селе: недостатки государственной политики, остаточный принцип финансирования села, слабое развитие его инфраструктуры.

Личные качества, а также происхождение и социализацию, личные связи и ментальность как причины социального неравенства называли в основном городские жители. Скорее всего, в городе эти факторы играют существенную роль при продвижении по статусной лестнице. В деревне же они почти не влияют на положение индивида, так как все возможности зависят только от государственного финансирования сельского хозяйства, самого села и его инфраструктуры, и деятельности местных властей. У сельского жителя есть единственная реальная возможность что-то изменить — сменить место жительства, переехав в город.

6. Пути решения проблем социального неравенства

Рассуждения участников фокус-групп о путях решения проблем социального неравенства можно разделить на две части. Первая связана с обсуждением возможностей решения проблем сверху, извне, то есть посредством ряда действий — политических, экономических — правительства и властей на всех уровнях. Вторая часть обсуждения посвящена возможностям преодоления проблем неравенства на уровне самого индивида, личными усилиями.

Вопрос о власти проходит через все фокус-группы и является одним из центральных, «причинообразующих». При обсуждении путей решения проблем неравенства происходило наиболее активное обсуждение правительства и властей. Большинство участников во всех группах открыто и достаточно остро критиковали местную администрацию, правительство и власти в целом. Рассуждения участников тесно связаны с обсуждением причин социального неравенства в обществе, которое проходило перед этим, и там основной причиной как раз было названы действия правительства и властей на всех уровнях. Обсуждение властей как правило было эмоционально окрашено: «только лозунги», «только обещания», «нахлебники», «ни черта не делают», «вызывают неуважение».

Местная власть также подверглась резкой критике, причем в обеих сельских российских группах местные власти упоминались в несколько раз чаще — что вполне объяснимо. В городе взаимоотношение населения с местными властями минимизированы, опосредованы, а в провинции, на селе жители сталкиваются с последствиями действий властей непосредственно, каждый день. Местные власти находятся под пристальным внима-

нием населения, все их действия живо обсуждаются. Судя по всему, политика администрации того района, где проходили сельские фокус-группы уже давно вызывает недовольство населения. Власть обвиняют в бездействии, нежелании решать встающие проблемы. «Врут хорошо», «под себя гребут», «воруют в свой карман» — вот некоторые характеристики, которые дали местной власти участники сельских фокус-групп.

Несмотря на общее снижение патерналистских ожиданий от правительства, на него возлагается ответственность за несовершенное законодательство. Во всех четырех группах был поднят вопрос о существующей налоговой системе — несправедливой плоской шкале налогов вместо прогрессивной. От правительства ждут и ряда экономических мер: изменения минимальных размеров труда, прожиточного минимума, увеличения пособий на детей, пенсий, в целом защиты незащищенных слоев — детей, пенсионеров, инвалидов.

Вместе с тем неоднократно прозвучали мнения о том, что действия власти необходимо контролировать вплоть до уголовной ответственности за неправомерные решения, поставить благосостояние чиновников в зависимость от благосостояния народа.

Возможности преодоления проблем неравенства собственными усилиями достаточно активно рассматривались во всех четырех группах. Участникам было предложено обсудить экономический путь решения проблем (активность на рынке труда, дополнительная занятость и т. д.), политический (личное участие в работе политических партий) и использование социальных связей для решения собственных проблем.

Большинство участников выбрали для себя экономический путь, хотя здесь можно разделить всех участников на «оптимистов» и «пессимистов». «Оптимисты» — люди, которые надеются только на свои силы и верят, что могут добиться своим трудом улучшения условий жизни, преобладали во всех четырех группах.

Однако опять же во всех группах встречались участники, которые не верили в такой путь или считали его неприемлемым именно для себя. Это люди старшего возраста, с проблемами со здоровьем или даже инвалидностью. Лишь в одной группе среди «пессимистов» оказалась молодая женщина 22 лет, которая жаловалась, что без опыта работы трудно устроиться, но которая, тем не менее, собиралась искать работу и преодолевать эти трудности.

Политический путь решения проблем привлек очень мало участников. Чаще всего об участии в партийных структурах респонденты отзывались

резко негативно. («политика — грязное дело», «вера пропала», «боже упаси»). Только двое человек в петербургской группе заявили, что готовы были бы пойти таким путем исключительно из карьерных соображений. Интересно, что из всех четырех групп в партии («Жизнь») состояла только одна женщина в сельской группе, которая также признала бессмысленность своего членства.

И, наконец, такой путь как личные связи, был признан большинством как гипотетически вполне работоспособный: то есть наличие знакомств во властных структурах вполне может помочь решить частные проблемы участников. Правда, как оказалось, никто из респондентов такими связями не обладал.

В целом можно сделать вывод о том, что ответственность за существующие проблемы социального неравенства большинство участников возлагает на государство, правительство, властные структуры, местные власти. Их упрекают в бездействии, нежелании решать проблемы, в коррупции. Негативное отношение к властям характерно для российского менталитета, привычка винить вышестоящих в своих проблемах существует давно. Вместе с тем несколько положительных мнений о президенте Путине также укладываются в исторически сложившуюся схему: президент хочет как лучше, он не информирован о проблемах внизу, ему ставят палки в колеса и мешают.

Однако, несмотря на это, патерналистские ожидания социальной поддержки от властей минимальны, и в такой ситуации населению приходится перестраиваться и возлагать надежды лишь на собственные усилия, но с единственной оговоркой — этот путь не подходит социально уязвимым слоям: пенсионерам, инвалидам, многодетным. При этом, как правило, выбирается активный экономический способ решения вопросов повышения собственного благосостояния: вторая работа, дополнительный заработок, интенсификация труда и т. д. Политические пути решения проблем, как правило, отвергаются, «революционные» лозунги не поддерживаются. Подытожить сказанное может следующая цитата:

Татьяна-2 (ж., 53): (...) Кто-то из мальчиков сказал, что социальное неравенство — это своего рода толчок для каких-то действий. Что это стартовая площадка. Так если мы сами сознаем, что это стартовая площадка, то это логически и выходит, что мы можем в каких-то моментах изменить.

Леонид (м., 23): Скорее откорректировать! Это очень важно. Не изменить, а откорректировать.

Татьяна-2 (ж., 53): Ну, откорректировать, улучшить.

Леонид (м., 23): Оптимизировать.

fg: средний доход, город, Россия

При сравнении российских и белорусских фокус-групп мы отметили, что в отношении деятельности государственных органов белорусские респонденты допускали значительно меньше критики, но представили более конкретную программу мер и мероприятий. С одной стороны, возможно это связано с исконной российской привычкой ругать власти. С другой стороны, белорусские граждане в значительно большей степени ограничены в выборе механизмов изменения своего экономического положения, а потому в тесных рамках своих возможностей они более четко представляют каких конкретных мероприятий со стороны правительства, государственной власти им не хватает для реализации своих целей.

1. Создание в обществе условий, в том числе законодательных, позволяющих простым гражданам зарабатывать больше, в том числе заниматься предпринимательской деятельностью. Как отмечали некоторые респонденты — «не мешать зарабатывать». Здесь следует отметить, что белорусское трудовое законодательство ограничивает работников по времени занятости в части работы по совместительству, на нескольких работах, есть ограничения на величину заработной платы, получаемой на предприятиях и т. д. Сюда же можно отнести законодательные ограничения на развитие малого и среднего предпринимательства.
2. Следующий комплекс мер очень близок к предыдущему, но, тем не менее, мы его выделяем как самостоятельный, поскольку он назывался значительным количеством участников фокус-групп. Это можно назвать разумной налоговой и кредитной политикой. Во-первых, по мнению респондентов, необходимо создать справедливую, не мешающую людям улучшать свое материальное положение, систему налогов.

До 2009 г. в Белоруссии существовала система прогрессивного подоходного налога. Для гражданина выгоднее было работать дополнительно неофициально. Но теневой сектор в стране развит слабо, возможностей для нелегального дополнительного заработка немного. Прогрессивный налог существенно сокращал возможности предприимчивых или просто трудолюбивых людей, которые стремились найти дополнительные заработки.

При этом, когда в ходе дискуссии появилось предложение ужесточить налоговые требования к тем бизнесменам, которые зарабатывают слишком много, сразу же возникло мнение, что тогда и другим «не захочется зарабатывать».

Во-вторых, получить кредит, несмотря на уверения правительства, не просто. Это касается и потребительских кредитов, и кредитов для бизнесменов. Как считают респонденты, кредитная система в значительной степени коррумпирована и открыта и доступна только для тех, кто имеет связи и «доступ к власти».

3. Респонденты выделили как одну из наиболее важных государственных мер, направленных на сокращение социального неравенства в обществе, обеспечение равенства всех перед законом. Для белорусских фокус-групп характерно то, что проблема равенства перед законом прослеживается еще с обсуждения социальных проблем в обществе. Там она проявилась в форме нарушения трудовых прав и дискриминации в трудовой сфере. Это же явление (неравенство перед законом) стало одним из проявлений социального неравенства в белорусском обществе, а также и причиной самого неравенства, по мнению респондентов. По определению участников фокус-групп социальное неравенство и есть неравенство прав.

Для белорусских участников важно, чтобы чиновники и простые граждане были равны, так как на практике те, кто близок к власти имеет гораздо больше возможностей для улучшения своего положения. Это и банальная коррупция (например, откаты при заключении контрактов), и использование доступа к информации и другим ресурсам (взять кредит, быстро оформить бумаги и т. д.). По мнению респондентов, все ограничения касаются именно простых людей. И соблюдать законы все должны одинаково, тогда тот, кто у власти будет равен простому человеку.

Помимо вышеназванных мер, респонденты указывали на необходимость обеспечить достойную жизнь простым людям, дать достойные заработные платы, в том числе поднять зарплату учителям, врачам. И при этом создать равные условия в обществе, чтобы все имели шанс подняться выше. Оно должно поддерживать своих граждан, и тогда они станут инициативными и смогут реализовать предложенные возможности.

Такой взгляд может быть и наивен, но он отражает общее настроение белорусского общества. В целом, по опросам общественного мнения, граждане довольны своим положением, но они чувствуют наличие серьезных ограничений для реализации собственных инициатив, а также понимают, что экономика в значительной степени развивается за счет старых запасов, которые скоро себя исчерпают. Отсюда беспокойство за состояние экономики и требование к правительству, государственному аппарату, предпринимать какие-то шаги для развития экономики, промышленности, науки, повышения их конкурентоспособности.

Однако, только несколько респондентов высказались за либерализацию экономики, так как это создаст условия для развития среднего класса, то есть повышения благосостояния работающего, занятого населения. И хотя это будет сопровождаться сверхобогатением какой-то группы людей, тем не менее, выиграет большинство населения.

Жители села большой упор делали на осуществлении контроля за деятельностью чиновников, особенно на уровне местной власти. Следует отметить, что при обсуждении причин социального неравенства в обществе сельские жители как основные причины назвали именно государственную политику в сельском хозяйстве и деятельность властей, особенно в лице местной администрации.

В ходе обсуждения респонденты предложили осуществлять постоянную ротацию местного аппарата государственной власти, так как именно на местном уровне творится основное беззаконие. Выделяемые государством деньги не доходят до села, и, по мнению респондентов, исчезают в карманах местных чиновников. Аппарат этот слишком велик и его необходимо сокращать. А особо зарвавшихся начальников нужно наказывать по всей строгости закона.

При этом президент оказался практически единственной фигурой государственного аппарата, заинтересованной в сокращении социального неравенства и улучшении жизни простых граждан. Он многое делает для улучшения жизни на селе, выделяет средства, помогает молодежи. Но его распоряжения зачастую не исполняются, или исполняются не полностью. Президент не обладает полной информацией о состоянии дел в стране, эту информацию до него просто не доносят. И чтобы на местном уровне навести порядок, видимо, ему самому надо приехать и во всем разобраться. Без твердой и отеческой воли президента вряд ли что-то изменится. Но хотя многие поддерживают президента и его политику, особенно в сельских группах, в то же время респонденты отмечают, что он действует так, как ему хочется, исходя из собственных интересов.

Что касается собственных усилий, то у белорусов спектр возможностей гораздо уже. Если городские жители видят как основной способ изменения своего положения экономический путь решения проблем: больше зарабатывать, устроиться на вторую или третью работу, возможно даже открыть свое дело. Сельские жители таких возможностей для себя практически не видят. В деревне невозможно найти дополнительный заработок, зарплаты низкие и фиксированные. Поменять работу также затруднительно, так как предложение мест работы очень ограничено: сельское хозяйство, школа,

больница, магазин... Возможно только заниматься личным подсобным хозяйством. Так что для жителей села экономический путь улучшения своего положения гипотетически возможен, но в реальности почти не исполним, и в значительной степени зависит от экономической политики государства.

В политический путь изменения личной ситуации мало кто верит как в городе, так и в деревне. Молодые люди упоминают БРСМ как способ, который государство навязывает своим гражданам. Работающие на государственных предприятиях, а также студенты фактически принудительно загоняются в эту партию. Она провозглашает большие возможности для молодежи. Но в реальности партия слишком идеологизирована и обычных граждан отталкивает тем, что скорее напоминает умерший комсомол, чем реально действующую политическую силу. И лишь один респондент (городская фокус-группа), сторонник либеральной экономики, видит реальные возможности изменения ситуации с социальным неравенством в стране в политическом пути. Через демонстрации, открытое выражение своих идей и стремлений заставить президента провести демократические реформы в обществе. Но остальные респонденты не верят в действенность этого пути решения проблем и не видят заинтересованности белорусского народа в реализации такого способа общения с властью.

При этом, в ходе дискуссии размышления о том, что должно сделать государство, реальные предложения по изменению ситуации сопровождались размышлениями о том, что вряд ли что-то изменится, все останется на уровне разговоров, и ни к чему не приведет, так как государство ничего не будет предпринимать. Скепсис проявляется во всех фокус-группах.

Социальное неравенство и справедливое общество глазами россиян и белорусов

Е. М. Порецкина

В рамках проекта «Социальное неравенство и что оно означает для жителей Восточной и Центральной Европы» в 2006–2007 гг. были проведены восемь фокус-групп (четыре в России и четыре в Белоруссии), по две в крупном городе и сельской местности. В каждой фокус группе участвовало по 12 человек, выборка была выровнена по полу, возрасту и занятости. Среди вопросов, обсуждавшихся во время ФГ, были подняты темы неравенства в «идеальном», справедливом обществе, понятия справедливого дохода, равенства доходов и некоторые другие вопросы, которые в совокупности могут описывать представление респондентов о справедливом обществе.

Прежде чем говорить о справедливом обществе, надо сказать несколько слов о самом понятии «справедливость». В литературе принято разделять понятие дистрибутивной (распределительной) и коммутативной (уравнивающей) справедливости¹. Первая относится к распределению наличных благ между членами общества, вторая направлена на общее благосостояние и сохранение общественного порядка. Абстрактная «справедливость» предполагает отвлечение от конкретных ситуаций и индивидов и наделение фактически отличающихся людей равными правами, что приводит к неравенству результатов использования этих прав. Иной смысл носит понятие «социальная справедливость», которое предполагает относительно равномерное распределение всех или некоторых благ в обществе, а также контроль за таким распределением. В этом смысле «справедливость» и «социальная справедливость» в качестве практических принципов построения общества противоречат друг другу. В отличие от понятия «справедливость» понятие «социальная справедливость» используется для оценки положения ситуации в обществе в целом².

¹ Роулз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.

² См., например, Палкин Ю. Социально-экономическая справедливость в условиях рынка // Экономика Украины. — Киев, 1997. № 10. С. 22–29; Луни-

Как известно, «справедливое общество» — это многомерное понятие, с индивидуальным набором критериев для его определения. Однако, существует целый ряд показателей, являющихся ключевыми³. Среди них принцип равенства всех людей перед законом, уровень жизни, уровень зарплат, пенсий и прочих выплат, доступность социально значимых благ и услуг, социальная помощь конкретным группам населения и т. д. Все эти составляющие справедливого общества были упомянуты в ходе дискуссий в ФГ, причем суждения участников из России и Белоруссии, как правило, были очень сходны (причиной чего явился длительный период общего развития и существования в составе СССР), однако наблюдались и некоторые межстрановые отличия. Так как основной темой ФГ было социальное неравенство, то вполне предсказуемо, что обсуждение понятий справедливого или идеального общества участники строили в терминах равенства/неравенства. В данном докладе мы постараемся реконструировать содержание понятия справедливого общества с точки зрения наших респондентов.

На вопрос о том, должно ли существовать неравенство в идеальном, справедливом обществе, большинство респондентов во всех восьми группах ответили, что неравенство будет существовать всегда, это элемент, присущий любому обществу. Лишь несколько человек пытались представить идеальное общество без неравенства, но и они в своих дальнейших рассуждениях все равно признавали естественным существование того или иного неравенства. В одной из ФГ была даже предпринята попытка создания типологии неравенства, которое было разделено на два вида: естественное, базовое, присущее индивиду изначально и связанное с биологическими особенностями и происхождением человека; и привнесенное, возникшее в процессе социальных отношений, определяемое властными, информационными и денежными ресурсами.

Татьяна-2 (ж., 53): Вот почему мы с Илоной и были не согласны, говорили, что надо выявлять базовые, те, которые мы не можем изменить. Есть причины базовые, которые невозможно изменить. Мы все с вами не равны. Все! Это было, есть и будет.

Леонид (м., 23): Да-да!

на Н. А. Минимальная заработная плата и социальная справедливость // Право и развитие рыночных отношений в России. — Воронеж, 1995.

³ Борисов В. А., Козина И. М. Социальная справедливость и права человека в массовом сознании: (Теория и метод исследования) // Российское сознание: психология, феноменология, культура. — Самара, 1995.

Татьяна-2 (ж., 53): Мы все не равны, да. А остальное — это уже наслаивается..

fg: средний доход, город, Россия

По восприятию социального неравенства можно разделить всех респондентов на две части: первая воспринимала неравенство как естественное явление, присущее любому обществу, придавала ему позитивную или нейтральную окраску («нормальное явление», «всегда было и будет», «это естественно») и видела в неравенстве определенные положительные моменты. Другая часть также была согласна с тем, что неравенство неизбежно, но придавало этому явлению негативную окраску или полагало, что существующий ныне уровень неравенства в их странах слишком высок.

Та часть участников, которая воспринимала неравенство позитивно, говорила о том, что оно является определенным стимулом для развития, играет позитивную роль для «личностных достижений», для «создания целей для устремлений», для «прогресса». Термины, которые использовали участники в обеих странах и во всех группах, в принципе, одинаковы: кроме выражения «стимул для развития» (зачастую заданного модератором), участники употребляли такие выражения, как «движущая сила человечества», «иерархия стремления к лучшему», «импульс к развитию».

М: *А если представить идеальную модель общества с моральной точки зрения, то должно быть неравенство в таком обществе, как вы считаете?*

Лариса (ж., 35): Естественно. Татьяна (ж., 32): Все же люди разные.

Жанна (ж., 37): Оно всегда было, есть и будет. Должно быть и добро, и зло. Иначе ничего не получится. Это должно быть.

fg: низкий доход, село, Белоруссия

Дмитрий (м., 24): (...) Сам механизм неравенства, что не равны люди — это живительный механизм для социума. Он оживляет, дает импульс к развитию науки и технологии. К чему-то стремиться. Все равно здесь в основании лежит какой-то эгоистический импульс. Вот что важно. И пример для других людей. Если я так сделал, значит вы тоже так можете.

fg: средний доход, город, Россия

М: (...) *Как вы считаете, должно ли быть неравенство в обществе?*

Ольга (ж., 28): Должно.

Татьяна (ж., 50): Должно.

Ксения (ж., 20): И оно будет. Двигатель прогресса.

Юрий (м., 42): Вообще не должны одинаково жить. И никогда не будут. Это естественно должно быть. (многие соглашаются)

Иван (м., 42): Должно конечно.(...)

fg: средний доход, село, Россия

Те участники, которые разделяли противоположную точку зрения, полагали, что хоть неравенство и неизбежно, но в современном обществе оно гипертрофировано. Поэтому эти респонденты как России, так и в Белоруссии говорили о необходимости смягчения его проявлений, регулирования со стороны государства избыточного неравенства в обществе («не должно быть такого резкого расслоения на богатых и бедных в обществе», «пропасти не должно быть», неравенство «должно быть, но в меру»).

М: Как вы считаете, может ли быть неравенство полезным? Быть стимулом к развитию общества?

Александр-2 (м., 33): До определенной степени может быть полезным.

Елена (ж., 31): Когда люди поставлены в равные начальные условия, то оно может быть полезным. А если это неравенство вынужденное, человек неспособен с ним справиться, то это только вред.

fg: средний доход, город, Белоруссия

Дина (ж., 65): оно не должно унижать просто, это неравенство. Люди должны знать, что они люди при всем при том.

fg: средний доход, село, Россия

Маргарита (ж., 55): Пропasti не должно быть.

Нина (ж., 30): Да, не должно быть пропасти какой-то, как теперь. Конечно.

Валентина (ж., 48): Я тоже думаю, что такой пропасти не должно быть. И все должны работать.

fg: низкий доход, село, Россия

Вера (ж., 45) Я тоже давно хотела сказать, что если и должно быть социальное неравенство, то не должно быть слишком бедных и слишком богатых.

fg: средний доход, город, Россия

Елена (ж., 31): Наверное, оно неизбежно. Но задача государства — обеспечить достойную жизнь не только активному человеку, который хочет заниматься бизнесом, но и простому человеку, который не имеет этих качеств, но хочет иметь полноценную семью и нормальные условия бытовые. И занимается либо рабочей профессией, либо в сфере образования. Вот это задача общества — любому человеку обеспечить достойную жизнь.

fg: средний доход, город, Белоруссия

Несправедливым кажется для респондентов обеих стран существование значительного разрыва в уровне доходов населения — существует глубокая диспропорция между доходами элиты: политической, финансовой, спортивной и т. д., которые могут быть нечестными, не соответствующими их трудовому вкладу и доходами всех остальных «простых» граждан, которые являются несправедливо низкими, недостойными, непропорциональными вложенному труду: «разница финансовая очень большая»; «нет достойной оплаты труда»; «одни миллионеры, а другие нищие»; «люди имеют разные финансовые возможности»; «дайте нам нормальную зарплату, чтобы можно было как-то существовать».

Отличием российских и белорусских ФГ явилось то, что для белорусских респондентов на первый план вышло равенство прав, равенство перед законом. Доход, различные блага и социальные гарантии, социальное обеспечение не должны распределяться одинаково, но граждане должны быть равны в доступе к ним. Даже на прямой вопрос, что такое социальное неравенство, белорусские респонденты ответили, что это «неравенство прав».

Алексей (м., 58): Неравенство имеется в виду как — вот возьмем закон. Как мы должны — равны все перед законом, или не равны должны быть? Должно быть равенство перед законом. Тот, кто имеет право на образование, на работу, на хорошую жизнь — все должны быть равны в этом.

fg: низкий доход, село, Беларусь

В большей степени такая позиция проявилась в сельских фокус-группах в Белоруссии, скорее всего, именно потому, что сельские жители остро ощущают свое социально неравное положение по отношению к городским жителям. Не случайно неравенство между жителями города и деревни стало одним из лидирующих проявлений социального неравенства в белорусских фокус-группах. Территориальная компактность страны, тесные родственные и дружеские связи дают больше возможностей для сравнения уровня жизни в городе и деревне. Для сельских респондентов социальное неравенство, в первую очередь, — это неравенство прав и неравенство образа жизни сельского и городского жителя, и создается оно, по мнению респондентов, государством.

В российских фокус-группах о неравенстве между городским и сельским населением говорили только участники сельских групп. В городских — может быть, потому что они проводились в Санкт-Петербурге, эти вопросы не поднимались.

В процессе ФГ респондентам было предложено назвать сферы жизни, где невозможно существование социального неравенства, и сферы, где оно возможно и может считаться справедливым. В первом случае участники говорили прежде всего о равной доступности тех или иных социальных благ: услуг здравоохранения, образования (прежде всего высшего), культурного обслуживания, обеспечения жилищных условий и т. д.

Татьяна-1 (ж., 56): Я хочу сказать относительно себя лично. Я пенсионер. Каждые полгода в нашей стране добавляется пенсия. И моя пенсия идет на оплату квартиры. И как только государство мне добавляет 100 рублей, я получаю квитанцию на квартиру на 300 рублей больше. И это регулярно уже второй год. То есть выскочить куда-то, приподняться, пойти выпить на Невском чашку кофе с пирожным я так и не могу.

fg: средний доход, город, Россия

М: *Если говорить о причинах проявления социального различия между городом и деревней, то в чем причина?*

Николай (м., 53): В городе строят жилье, спортплощадки, учебные заведения. А что у нас здесь строят?

М: *Кроме уровня доходов что-то еще является причиной?*

Николай (м., 53): а почему уезжают из деревни в город? У нас здесь никто не остается, у нас здесь просто нечего делать. Благосостояние.

М: *Именно благосостояние, или отсутствие рабочих мест? Что именно?*

Ольга (ж., 37): Отсутствие инфраструктуры.

fg: средний доход, село, Россия

Алексей (м., 58): (...) Так же и медицина. Должны обслужить что город, что деревню. Хороший врач: проходите, присаживайтесь, я вас посмотрю, что у вас болит? Все имеют на это право. Должны быть равные права у всех совершенно.

М: *Но в каких сферах жизни неравенства может быть больше?*

Юрий (м., 45): Неравенство во всех сферах проявляется. Но в каждом регионе по-своему. Вот взять городской регион.

М: *Но вы согласны, что в сфере здравоохранения может быть неравенство?*

Юрий (м., 45): Не должно быть, но оно есть. Но его не должно быть.

Светлана (ж., 49): Я тоже считаю, что не должно быть в медицине. Любой человек может прийти — и ты должен его обслужить одинаково.

fg: низкий доход, село, Белоруссия

Одновременно респонденты признавали справедливыми целый ряд неравенств, связанных, например, с оплатой труда в зависимости от качества труда, востребованности профессии, таланта, уровня квалификации, полученного образования, сферы занятости.

М: А кроме профессии — чем-то еще могут быть обусловлены высокие доходы?

Екатерина (ж., 45): Стаж работы. Образование.

Андрей (м., 41): Стимул должен быть.

Раиса (ж., 45): Квалификация. И образование тоже.

fg: низкий доход, город, Россия

Виктор-2 (м): Это так, но я считаю, что у врачей, особенно хирургов, должна быть зарплата повыше, чем у меня, у простого работника.

М: И вы не будете в этом видеть социальной несправедливости?

Виктор-2 (м): Он же отвечает за нашу жизнь! Я к нему на стол могу попасть!

fg: низкий доход, село, Россия

Жанна (ж., 37): Неравенство может быть только между начальником и работником в зарплате. Да, человек отучился, у нас уже неравное, это естественно. Тут уже равенства быть не может. Я рабочий, а он с высшим образованием. Отсюда берется и разная зарплата. Но это не говорит о том, что надо вообще унижить человека и заплатить ему мизер. Тут уже равенства не может быть.

fg: низкий доход, село, Белоруссия

Анастасия (ж., 24): Еще зависит от трудоемкости и условий работы. Если кто-то хочет зарабатывать больше и поедет в Норильск, то он имеет право зарабатывать больше.

fg: средний доход, город, Белоруссия

При этом когда респонденты говорили о доступности социальных благ, речь, как правило, шла не о социальном неравенстве, а социальной несправедливости. Например, когда человек с низким уровнем доходов не может себе позволить того же, что и человек с высоким уровнем доходов (отдых за границей, содержание машины и т. д.) — это воспринимается как должное. Но когда речь идет о доступе к гарантированным Конституцией бесплатным услугам или ущемлении законных прав человека, речь идет именно о социальном неравенстве и дискриминации.

Во всех российских и белорусских группах вопрос о возможности равных доходов для всех вызвал короткие дискуссии и однозначную негативную реакцию («не может быть», «никогда не будет» и т. д.). Даже те

участники, которые первоначально гипотетически приветствовали такую «уравниловку», начиная рассуждать на эту тему, признавали, что это невозможно.

М: *Но как вы относитесь к тому, если все в обществе будут иметь одинаковые доходы?*

Виктор-2 (м.): *Такого не может быть.*

Игорь (м., 23): *Не было никогда такого.*

Виктор-1 (м., 38): *Я бы относился положительно к этому, но этого ничего не получится.*

Татьяна-1 (ж., 20): *Я бы тоже относилась положительно, но думаю, что этого не получится. Потому что все равно каждый человек индивидуален, он хочет, чтобы у него было лучше, чем у других.*

Татьяна-2 (ж., 47): *Я бы относилась хорошо. Но если человек больше вкладывает, больше думает, больше делает, то он и достоин получать больше. И у нас это разное стало — получать и зарабатывать. Кто-то ничего не делает — и получает. А кто-то работает, а не зарабатывает.*

Галина (ж., 45): *Да.*

fg: *низкий доход, село, Россия*

Очень интересным представляется факт, что в двух петербургских группах при обсуждении темы равенства доходов для всех были употреблены определения «несправедливо» и «неправильно», то есть не только само неравенство доходов может быть несправедливым, но и противоположная идея уравнивания доходов тоже может казаться кому-то несправедливой.

Максим (м., 23): *И получится так, что я работаю больше положенного срока, не восемь, а десять часов, а кто-то сидит дома и получает все равно столько же. Это несправедливо.*

Лариса (ж., 48): *Да, это несправедливо.*

fg: *низкий доход, город, Россия*

Константин (м., 24): *Во-первых, невозможно одинаковый доход иметь. Это как коммунисты обещали перед тем, как прийти к власти, что все будут получать одинаково. Все думали, что будут получать, как богатые, а стали получать, как бедные. Это просто неправильно. И невозможно.*

fg: *средний доход, город, Россия*

Более того, высокие (даже очень высокие) доходы могут считаться справедливыми, если они заработаны честным путем, если «труд идет на благо народа».

М: Но это будет справедливо, если они будут работать для нашего общества и будут богаче?

Елена (ж., 62): Справедливо.

Андрей (м., 41): Если он работает во благо общества и государства и мы от этого лучше становимся, то пусть он живет, отдыхает, имеет дорогую машину.

Иван (м., 23): Но не слишком.

Андрей (м., 41): Нет, он может быть и слишком. Потому что один — дармод, а другой вкалывает. И пусть он зарабатывает. Тут опять надо разделить. Потому что кто-то будет воровать — и почему мы должны его содержать? И прожиточный минимум ему обеспечивать?

fg: низкий доход, город, Россия

Подавляющее большинство респондентов во всех восьми фокус-группах были уверены, что социальное неравенство в настоящее время резко увеличилось по сравнению с существовавшим во времена СССР. Такое сопоставление проходило лейтмотивом по всем дискуссиям, так как почти все проявления социального неравенства оценивались, осознавались респондентами (особенно старшего поколения) сравнительно с существовавшими ранее. Экономическая ситуация в СССР характеризовалась не только декларативной, но и реальной уравнительностью и в распределении доходов, и в распределении социальных благ. Значительная часть денежных средств, направляемых на оплату труда, распределялась через общественные фонды потребления, которые составляли до 25-30% реальных доходов населения, на здравоохранение, образование, культуру, отдых и спорт, то есть, в те сферы, которые в настоящее время в значительной степени стали платными.

М: Как вы считаете, с момента развала СССР социальное неравенство уменьшилась или увеличилась?

Андрей (м., 41): Увеличилось.

Татьяна (ж., 61): Разительно!

М: А почему?

Раиса (ж., 45): Из-за безнаказанности. (...)

М: Но уменьшилось или увеличилось неравенство?

Анастасия (ж., 22): Увеличилось.

Валерий (м., 59): Раньше тоже все это делалось, но втихую. Боялись ответственности и тюрьмы. А сейчас все это можно.

Наталья (ж., 58): Безнаказанность.

fg: низкий доход, город, Россия

ФГ4 М: *Как вы считаете, с момента развала СССР социальная справедливость уменьшилась или увеличилась?*

Все: Увеличилась.

М: А почему?

Галина (ж., 45): Потому что беспредел пошел. На хозяина некому пожаловаться. И в суд не подашь.

Валентина (ж., 48): Вот раньше-то мы все были одинаковые. И одевались одинаково, и в магазин ходили одинаковый все покупали.

А сейчас кто-то гребет, а мы так и остались на своем месте. Вот в чем социальные расхождения.

Виктор-1 (м., 38): Да, а мы и раньше делали эту работу, и сейчас.

fg: низкий доход, село, Россия

В России в 2007 г. ФОМ проводил массовый опрос на аналогичную тему. Результаты этого опроса¹ полностью совпадают с результатами анализа наших фокус-групп. Оценивая современное российское общество сообразно различным критериям, абсолютное большинство респондентов (68%) полагают, что современное общество в целом устроено несправедливо и только 12% опрошенных отметили, что оно устроено справедливо. По мнению 15% опрошенных, справедливое общество — это прежде всего благополучное общество с такими атрибутами, как высокий уровень жизни, высокие зарплаты и пенсии, достойное существование. Немаловажный признак справедливого общества — забота о людях, социальная помощь конкретным группам населения: детям, инвалидам, пенсионерам, малоимущим (6%).

Сравнивая современное российское общество с советским (70–80-х гг.), половина опрошенных — 50% — заявляют, что сегодняшнее общество устроено менее справедливо, чем вчерашнее.

На вопрос «что такое справедливое общество» два наиболее частых варианта ответа были следующими: соблюдение законности и порядка, равноправие всех граждан, равенство всех перед законом, справедливость (17%); высокий уровень жизни, высокие зарплаты, пенсии, пособия, хорошая жизнь людей (15%). Нерешенность социальных проблем (в здравоохранении, образовании, жилищном обеспечении), о котором говорили и наши респонденты, оказался наиболее частым аргументом в пользу того, что современное общество устроено несправедливо.

¹ Опрос населения в 100 населенных пунктах 46 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства 3–4 ноября 2007 г.. 1500 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6%.

Такой вывод респонденты делают прежде всего исходя из сравнений нынешнего уровня социального неравенства с имевшимся в СССР. Несмотря на то, что и в советские время социальное неравенство существовало, хотя и в более завуалированном виде, размеры его за последние годы значительно возросли.

Затрудненный доступ к всевозможным социальным благам, в первую очередь к здравоохранению, высшему образованию, жилищной обеспеченности, которые были бесплатны и формально доступны всем в СССР, формируют у населения представление о социальной несправедливости.

Ответственность за создание, поддержание и даже углубление социального неравенства респонденты возлагают на властные структуры (всех уровней), которые в своей политике официально провозглашают курс на уменьшение проявлений социального неравенства. В связи с этим можно с уверенностью предположить, что если бы нашим респондентам был задан вопрос о справедливости современного общества, подавляющее большинство участников во всех восьми группах признали бы современное общество как российское, так и белорусское обществами социальной несправедливости.

Люди в электронной паутине

Сходство и различие «живых» и виртуальных социальных сетей

И. Е. Штейнберг

И постоянно кликает мышкою,
Чтоб пообщаться с подругой Иришкою
(Из современной «попсы»)

Области распространения социальных сетей поддержки находятся не только в социальном пространстве, состоящем из непосредственных «живых» реальных связей и отношений между людьми, но и в виртуальном киберпространстве информационной сети Интернета. С началом развития «всемирной паутины» сфера человеческих коммуникаций обрела новые возможности. Интернет создал такое популярное сегодня понятие как *social networking*. Это специальные веб-порталы, ориентированные на то, чтобы помочь людям ближе узнать друг друга, установить новые связи и отношения. Возникают своеобразные сетевые сообщества, где их участники имеют возможность без особых формальных ограничений обмениваться мнениями, мыслями, эмоциями и создавать основу для дружественных отношений на базе общности интересов. Таким образом, мы можем говорить о новом предмете исследования социальных наук — социальные явления в Интернете и, в частности, феномен виртуальных социальных сетей.

«Реальна» ли основа виртуальных отношений?

Большинство авторов интернетовских энциклопедий и словарей терминов в своих представлениях о природе появления *social networking* исходят из того, что их основа заимствована из реальной жизни. Основной подход создания таких сетей действительно внешне похож на то, как возникают «живые сети», сформированные на персонифицированных отношениях дружбы и взаимопомощи. Мы, вроде бы, наблюдаем процесс обретения новых друзей с помощью старых или видим простой переход членов «живой сети» на режим общения посредством электронной сети Интернета — *on-line*. Так же, как и в «живых» сетевых сообществах после

знакомства с кем-либо, у субъекта появляется возможность знакомиться с его друзьями. Таким образом, сеть «друзей» может расти в геометрической прогрессии и все дело в масштабе виртуальной сети. Иначе говоря, если первоначальные персоны в списке «друзей» объединились на основе общих интересов, актуальных для многих социальных групп в обществе, то темпы роста самоорганизации виртуальной сети и число ее участников могут многократно обгонять «живые сети».

Через призму *on-line* реальная социальная сеть представляет собой «множество людей, ранее никак не связанных, объединенных персональной коммуникацией. «Главное в социальной сети — взаимное равноправное общение одних лиц с другими». Можно предположить, что «взаимное равноправное общение» как признак реальной сети не случайно выделен сетевыми «сайтостроителями». Потому как, с одной стороны его значение многократно усиливается в виртуальных сетях, а с другой стороны, оно является камнем преткновения для процесса институционализации сети, в чем крайне заинтересованы организаторы Интернета, т. к. «строить сети» и прогнозировать результаты легче из «кирпичиков» устойчивых норм и правил сетевого взаимодействия..

Проблема институционализации социальных сетей в Интернете с т. з. социологии ставит целый ряд интересных методологических вопросов относительно закономерностей формирования и функционирования социальных сетей в обществе. Тезис о том, что основания формирования социальных сетей в Интернете взяты из «реального» пространства социальных коммуникаций в форме сетевых общностей не очевиден, т. к. многие формы отношений и связей в киберпространстве не находят прямых аналогов в «живых» социальных сетях (ЖСС). Для такого сравнения необходимы научно обоснованные представления о механизмах формирования и функционирования «живых» социальных сетей, хотя бы в отношении оснований их возникновения, способов управления, факторов устойчивости организационной структуры, системообразующих норм и правил поведения, традиций, обычаев и ритуалов, которыми регулируется институт социальной сети¹.

¹ В данной статье эти необходимые для сравнения научные представления о «живых сетях» основаны на ряде международных исследовательских проектов, где одним из предметов исследования были закономерности формирования и развития социальных сетей поддержки в городе и селе. Это исследования были проведены в период с 1990–1994 гг. «Изучение социальной структуры российского села», в 1995–1996 гг. «Реальная экономика и политика российского села»

Например, если предположить, что базовые основания для формирования виртуальных социальных сетей общения новых пользователей («интернет-чайников») ничем не отличаются от соответствующих оснований для «живых» сетей, то вслед за виртуальными социальными сетями (ВСС) — «Одноклассники» должны появляться «однополчане», «однокурсники», «сокамерники» и проч., и также, по аналогии с ЖСС следует ожидать, что будущее развитие у таких сетей весьма проблематично в отношении устойчивости и развития коммуникативных связей.

В «Одноклассниках», как и в ЖСС первый шаг к установлению связи с товарищами по учебе обусловлен мотивами ностальгия по молодости, любопытством по поводу «как сложилась жизнь» тех, с кем вместе сидел в классе, желанием похвастаться своими достижениями или, наоборот, найти понимание, сочувствие и даже помощь, оживив старые социальные связи или установив новые.

Но для ЖСС этих оснований оказывается недостаточно. После первого шага к возобновлению контактов с одноклассниками, например, на встрече выпускников школы №-года выпуска обычно второго шага, а это удержание контакта и превращения его в устойчивую связь, как правило, не происходит. Во-первых, часть пришедших на эти встречи уже представляют собой социальные сети по основанию дружбы, совместного дела и т. п. (они вместе пришли на встречу и вместе с нее ушли), во-вторых, вместе с симпатиями оживают и антипатии, в –третьих, если прошло много времени, то новые контакты, требуют дополнительных ресурсов для поддержки, которых может и не быть и т. д.

Но, если виртуальная сеть «одноклассников» показывает большую устойчивость в плане удержания и развития контактов, чем «живая», то это заставляет думать об иной природе ее устройства и латентных функци-

рук. Теодор Шанин, в 1999–2001 гг. «Неформальная экономика сельских и городских домохозяйств: реструктуризация сетей межсемейного обмена» (руководители Теодор Шанин и Вадим Радаев), 2002–2004 гг. «Социальные сети в России» (рук. А. Берелович), 2004–2006 гг. «Социальные сети поддержки в городской этнической общине» (рук. И. Штейнберг). С междисциплинарной методикой исследований и их результатами можно познакомиться в монографии «Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России». Под. ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова, М. РОСПЭН, 2002. — 592 с., в ст. «Постмодернистская этническая община: возможна ли преемственность после разрыва традиций?» (По результатам 2-х летнего социального эксперимента по конструированию социальных сетей поддержки в городской этнической общине) // сб. Пути России /под ред. Т. И. Заславской. — М.: МВШСЭН, 2007. и др.

ях, которые она осуществляет. Например, это может быть удовлетворение дефицита общения «со своими», т. е. не новыми, а старыми друзьями и знакомыми из привычного круга общения, для которых время для встречи найти не легко. Тогда этот сайт представляет собой «место встречи» в киберпространстве и развитие пойдет в сторону обустройства этого места. Тогда поводом укрепления связи является не общее прошлое, а общее настоящее и общее будущее, что доказывается присутствием на этих сайтах общающихся между собой субъектов, работающих в одном офисе, которые объективно могут встречаться «off-line».

Институционализация «контента тусовки»

В таком случае, можно предположить, что институционализироваться в такой ВСС будут в основном сообщества с определенной специализацией по общности интересов (искусство, спорт и проч.) Если виртуальное место встречи будет удобным, то сюда могут перекочевать «одинокое сердца» с потребностью найти друга или подругу. Здесь мы видим, что это общение «с доставкой на дом» отличается от «живого» общения с помощью телефона или почтового отправления именно особым местом для установления контактов, которое «не дом», «не работа», даже не безликий «пункт переговоров», а то, что называется — «сайт». Присутствие в таком «месте для встреч» имеет свои достоинства и недостатки, обсуждение которых не цель данной статьи, достаточно зафиксировать его основные отличия от общения в ЖСС.

Здравый смысл подсказывает, что главное отличие состоит в том, что участники ЖСС предпочитают контакты лицом к лицу и обмен сугубо материальными признаками принадлежности к «своему кругу», а участники ВСС в этом особенно не нуждаются. Однако это не столь очевидно, если учесть, что существуют «амфибии», способные одинаково эффективно общаться «со своими» в обоих форматах. В ВСС достаточно примеров, демонстрирующих потребность участников сетей в различных комбинациях живого и виртуального общения.

Пограничная линия между этими формами общения более очевидна в рутинных практиках проявления участниками ВСС особой культуры «контента», т. е. способности оперативно создавать и рассылать свой текст и обсуждать тексты других участников сетевой коммуникации, а также бесперебойно заниматься пересылкой циркулирующих по сети посланий.

Другая особенность этой культуры состоит в сетевом конструировании своей виртуальной идентичности и возможности создания для этого «вир-

туального я» благоприятной жизненной среды, безопасного пространства, где можно реализовать свои отнюдь не виртуальные потребности. Т. е. в обыденной жизни такого виртуального «одноклассника» не все складывается так, как мечталось, а здесь предоставляется уникальная возможность прожить «иную жизнь», создать себя заново и принять участие в конструировании жизненного коммуникационного пространства для «нового себя». Тогда ведущая тема контента сайта, в котором он «живет», должна содержать что-то, связанное с его нереализованной потребностью, а участник не является полным анонимом, но в обыденной жизни имеет другую роль и статус.

Это принципиальное отличие от живых сетей, где подобные вещи можно проделать только «на отдыхе» или в купе поезда. Например, во время пребывания в турпоездке, среди незнакомых членов временного сообщества можно на этот срок придумать для себя другой образ и биографию и все принимают эту игру, т. к. «скоро все закончится» и «больше не встретимся». Возможно, здесь мы видим один из способов выхода современного человека из жестких рамок рационального мира. Это попытка самому «распрячься из оглобей» рутинной организации своей жизни и управлять ею по своему усмотрению или реализовать комплекс внутренних протестов против различных институтов, предписывающих индивиду определенные роли и правила поведения. Эти протесты не всегда осознаются, но могут обозначаться словами «тоска», депрессия, «хроническая усталость» от работы и вообще «от жизни».

В отличие от ЖСС, где контакты лицом к лицу предполагают предъявление своей индивидуальности в различных ее проявлениях, участник онлайн может предстать только теми чертами своей личности, которые он сам сочтет уместными. Таким образом, мы видим только часть личности, причем сильно мифологизированную, а значит типизированную под некий шаблон позитивного или вызывающего образа принятого в этом обществе.

Возможность «конструировать» свой образ в реальной сети ограничена фактом «встречи», где другие участники будут делать о нем уже свои выводы, на основе своего опыта и своего способа восприятия и понимания, причем тех его параметров, которые будут выделять в участнике сети сами. Здесь «идеальный тип», представляющий микс из стереотипов, нормативных представлений, ценностей, мифов, традиций, принятый за основу конструирования своей идентичности, корректируется не только представлениями о том, «что я думаю о себе, чем я похож и чем отличаюсь

от других», но и реакцией на «объективную» рефлексию других участников ЖСС.

Такая логика приводит к парадоксальному выводу, что участие в этом «единстве непохожих» ВСС может привести к утрате индивидуальных отличительных особенностей, а демонстрация своей уникальности и индивидуальности требует не меньших усилий, чем в ЖСС. Иными словами, мы должны наблюдать размножение в ВСС «друзей»- клонов», по типу «женихов-клонов» в объявлениях брачных агентств или, когда «портфолио» кандидатов на должность в офисе, все как один, больше напоминают именно штатное объявление брачного агентства.

Другим неоднозначным для общества последствием развития виртуальных социальных сетей — это безопасность анонима или институциональный нонконформизм. Можно высказывать суждения, которые в реальном обществе не поддерживаются общественным мнением или преследуются законом. Можно без реального риска социальной изоляции быть нестандартным, «странным» и т. п., т. к. вероятность встретиться с «оппонентами» не велика. Здесь может быть реализована потребность многих субъектов сетевого взаимодействия в острых ощущениях, (когда собственная жизнь монотонна и бедна межличностным общением), в желании обрести и открыто высказать собственное мнение, быть «настоящим», то есть таким, каким субъект считает себя «на самом деле».

Кто и что удерживает структуру социальной сети?

Другой вопрос институционализации социальной сети — это установление норм и правил сетевого общения, поддержание необходимого уровня координации действий в сети и механизма контролирующего их выполнение. Как в ЖСС, так и в ВСС этот вопрос не имеет однозначного алгоритма решения, но попытка его игнорировать или решить «не сетевым» способом ведет к распаду и трансформации сети.

Например, как и в «живых» сетях, в случае значительного увеличения числа участников сетевого взаимодействия, виртуальная сеть выдвигает «освобожденного» координатора, так как у добровольных координаторов уже не хватает ни сил, ни времени для поддержки целостности и нормального функционирования сообщества. Таким образом, появляются координаторы над координаторами, что закладывает основу не только для появления иерархии в сети, но главное, появление субъектов, цели которых не связаны с целями и интересами ее участников. Цель такого «суперкоорди-

натора» — сохранить целостность системы, для чего он вынужден навязывать другим членам сети действия, которые они добровольно не соглашались выполнять, т. к. часто не видят в этих действиях предмета общего интереса.

Так, в общественных организациях, решивших создать свою сеть для объединения ресурсов, появляется «ответственный» координатор за выполнение принятых участниками сети решений, за поддержание коммуникации, за контроль над общим сетевым ресурсом, если он образовался. Чаще всего эту роль выполняет представитель организации, которая является инициатором создания сети и делает наибольший вклад (материальный, информационный, кадровый) в это дело. Несмотря на добровольное делегирование этих функций и понимание необходимости «суперкоординатора» для поддержания жизнеспособности сети, некоторые участники сетевого взаимодействия воспринимают его как «начальника», особенно, если они зависят от предоставления ресурсов этой организации. Невыполнение решений ведет к конфликтам, конфликты вызывают необходимость ужесточения дисциплины договоренностей, определенности ролей участников, границ их ответственности и обязательств, появляются санкции. Структура сетевой организации становится нестабильной и она либо трансформируется в штатную организацию с вывеской «сеть», либо в аморфное образование, периодически объединяющиеся в форму «тусовки» при появлении ресурсов для «демонстрации сетевого партнерства».

Процесс институционализации отношений внутри «реальной» социальной сети может идти по другому сценарию, если участники сети научаются «сетевому мышлению», т. е. сознательно отказываются от идеи «быть над другими». Но, как тогда возможно нормальное функционирование общества?

«Анархия — мать виртуального порядка»?

В истории сетевого управления особое место занимает подход идеологов анархизма к решению проблем управления своими организационными структурами — анархическими союзами, которые имеют много общего с современными представлениями о социальных сетях. Один из выдающихся деятелей анархического движения П. Кропоткин определял анархические организации, как «союзы, постоянно видоизменяющиеся, носящие в самих себе элементы своей продолжительности и принимаю-

щие в каждый данный момент те формы, которые лучше всего соответствуют разнообразным стремлениям всех»².

Иными словами, предлагается организационная структура, которая постоянно меняет свои формы в зависимости от цели объединения и состава участников. Тогда усилия по сохранению организационной структуры сети и ее целостности длительное время «вообще» теряют свой смысл. Речь идет только о конкретных проектах, совместных акциях и т. п., т. е. сетевое сообщество как институт представляет собой организацию — «трансформер», стремящийся каждый раз привести в соответствие свою организационную форму с целями и задачами объединения.

В этом случае, институционализируется не организационное построение, которое представляет собой изначально временную конструкцию (как строительные леса вокруг каркаса здания), а нормы и правила взаимодействия, если угодно, сетевая этика. Например, доверие, взаимопомощь, добровольность в обязательствах, толерантность и самоорганизация, которые выражаются в конкретных способах проявления в виде действий, неформальных норм и правил поведения.

Надо отметить, что современные неоанархисты обрели в социальных сетях Интернета второе дыхание для своего течения. В. Преображенский (семинар «Этика капитализма») считает, что «фундаментальная ценность сетевой организации в том, что она создает материальную основу для нового типа культуры... добавляет одну исключительно важную вещь — этический императив важности ежедневного саморазрушения. Иными словами, если каждый день, приходя на работу, ты не думаешь, что я должен в себе и своей работе изменить, чтобы быть более эффективным, то это значит, что ты затормаживаешься»³

На практике мы видим, что наиболее устойчивые во времени сетевые сообщества — это сети «заточенные» под определенный проект. После его реализации участники могут образовать новую сеть «со своими» (участниками прежнего проекта) под новую задачу, с другой конфигурацией и другими координаторами. Но они сохраняют и переносят в другую сетевую структуру институт сетевых связей и отношений в виде кредита доверия друг другу, нормы, правила, традиции взаимоподдержки, навыки взаимозависимого поведения «по горизонтали» и проч.

² Азаров В. Перспективы анархо-капитализма. // «Набат» № 12, март 2004 г. Сайт «Гражданская история» <http://www.granik.net/>.

³ www.e-xecutive.ru.

Более общее представление об устойчивости ЖСС будет зависеть от того, насколько сетевые связи и отношения отвечают определенным потребностям данной сети. Например, если смыслом существования сети является демонстрация единства социальных групп в понимании определенной проблемы и способов ее разрешения, то фактором устойчивости будет постоянное число представителей этих групп и тенденция к росту их численности, регулярность контактов между ними.

Какие потребности формируют «живую сеть» социальной поддержки

Для исследования потребностей в ЖСС мы решили пойти методом «от обратного», т. е. найти социальную группу, где социальные связи с окружением объективно и субъективно оказались разорванными и спросить представителей этой группы, чего же они лишились в социальных связях, что хотели бы возобновить. Этой группой оказались потребители инъекционных наркотиков. Как известно, потребление наркотиков рано или поздно нарушает привычные социальные связи индивида. Родственники, друзья и знакомые после безуспешных попыток помочь больному преодолеть зависимость от психоактивных веществ меняют к нему отношение и не редко разрывают связи. В большинстве случаев больные наркоманией болезненно переживают разрушение своей сети социальной поддержки.⁴

В ходе консультирования «наркозависимых» психолог, как правило, задает вопросы о «кругах общения», характере взаимоотношения с родными и знакомыми и другие «сетевые» вопросы. Здесь представлены результаты анализа ответов больных наркоманией (зависимых от опиатов и стоящих на учете в городском наркодиспансере) на два из этих вопроса:

- 1) вопрос о «негативных последствиях потребления наркотиков на «связь с миром»;
- 2) вопрос о том, «в каких связях и отношениях с «обществом» у них есть сейчас особенная потребность, что нужно восстановить в первую очередь».

С учетом того, что объект исследования представляет собой «крайний случай», мы при анализе ответов не учитывали специфические потребности, связанные с потреблением наркотиков, а только те, что носят общий характер сетевой помощи и поддержки. В результате были выделены 6 об-

⁴ Первичными данными для исследования послужили записи 211 консультаций психолога по химическим зависимостям НКО «Социум» (г. Энгельс Саратовской области), которые осуществлялись в рамках программы «Снижения вреда» (проект Снижение темпов роста распространения ВИЧ/СПИДа среди потребителей инъекционных наркотиков» при поддержке фонда PSI) в 2004–2007 гг.

щих потребностей в социальных отношениях, которые могут обеспечить социальные сети поддержки родственников, друзей, знакомых:

- Сохранение и укрепление родственных связей как императив жизненных ценностей.
- Материальная и моральная помощь, поддержка в сложных жизненных ситуациях (социальная страховка «в случае чего»).
- Потребность в принадлежности к определенной социальной группе, «кругу друзей», семейному клану и проч.
- Подтверждение своего статуса «нормального человека» прежде всего среди знакомых и родственников, признание ими своих достижений и собственной самооценки.
- Потребность в объединении ресурсов с членами «своего круга» для решения жизненно важных проблем, когда «в одиночку не справиться».
- Потребность ощущать заботу о себе и самому заботиться о ком-то, воспитывать, учить на своем опыте («что я теперь могу передать своим детям, кроме того, что не надо колоться»)

Попытки войти в социальные сети родственников, друзей, товарищей по работе, отдыху и проч., т. е. тех сообществ, которые удовлетворяли бы эти потребности, сталкиваются с феноменом существованием границ «живой» сети, которые также можно рассматривать как фактор ее устойчивости.

Достаточно сложно понять, какая существует норма, по которой участники сети определяют, кто может в нее входить, а кто не может. Функционирование такой нормы Ф. Барт обозначил как «приписывание», т. е. действие особого механизма идентификации, которые обеспечивают устойчивость границ социальной сети. Он считал, что для идентификации члена сети важны социально релевантные факторы, а не внешние различия. Внешность и поведение могут различаться, но если некто себя считает членом сети и хочет, чтобы другие его считали таковым, то его внешность и поведение будет интерпретироваться как сетевое⁵.

Но в данном случае, демонстрация желания быть со всеми, признавать на словах ценности дружбы и взаимопомощи является не достаточным основанием. Полное прекращение потребления наркотиков и дачи пустых обещаний «начать новую жизнь», возврат долгов и т. п. является необхо-

⁵ Барт Ф. Этнические группы и социальные границы. // Социальная организация культурных различий. Сб. статей/под ред. Ф. Барта; пер.с англ. М: Новое издательство. 2006. С. 4–49.

димым условием для включения больного наркоманией снова в сетевые отношения. Те, близкие друзья и родственники, которые не разрывают отношений и стараются помочь из соображений долга, привязанности, вины и т. д., тем не менее, чаще всего осознанно изолируют больного наркоманией от контактов со своими сетями из-за страха общественной стигматизации ярлыками типа: «мать наркомана», «его друзья торчки» и прочих социальных санкций.

В ВСС такие границы тоже должны быть, хотя именно декларация разделения ценностей и интересов участников сети и собственное желание оставаться в сетевых отношениях может быть решающими, а шансов попасть под пресс гонений и изоляции вероятно меньше.

Семейные сети — особый случай социальной сети

Иного рода ЖСС — это межсемейные сети взаимообменов. Здесь «проектом» можно назвать сохранение и развитие самой семьи или семейного клана, объединенных традиционными институтами кровного родства, брака и родительства. Называть семейную общность сетевой структурой можно только с многочисленными оговорками, т. к. отношение между родственниками регулируются неформальными предписаниями, которые имеют корни в особенностях культуры и религии, к которой принадлежат семьи. Внутри семейного клана вполне возможна иерархическая структура организации и там глава семьи — это не то же самое, что и «координатор сети». Хотя, следует отметить, что нередко современные семьи демонстрируют конфликты, имеющие истоки как раз в сопротивлении иерархической структуре в межсемейных отношениях. Например, это конфликты молодых и родительских семей по поводу вмешательства родителей в принятие решений семьи «детей» на основании, «что те старше и опытней», «родителей надо слушать» и проч.

В «живых» социальных сетях поддержки, основанных на межсемейных обменах ресурсами даже с учетом традиции права старшинства, появление иерархии подчинения воспринимается участниками сетевых взаимодействий достаточно болезненно, т. к. сеть изначально — это «плоская» структура организации людей в сообщество. Особенно отчетливо это видно в смешанных семейно-дружеских сетях, которые привлекаются к реализации проектов общественных организаций, в качестве активистов или волонтеров. В такой ситуации институциональные нормы социаль-

ной сети поддержки предписывают наблюдение за тем, «чтобы никто не оказался под тобой, но, что важнее, над тобой, т. к. это признак типичной организации, на работе у меня так. Там же никто не говорит, что мы сеть, хотя много отделов, много народа. А здесь, какая это сеть, если мне могут приказать, что-то делать, только потому, что они важнее для сети, чем я или у них есть ресурсы, которые нам нужны? Тогда, к чему разговоры о партнерстве, равенстве? Да, мы дружим много лет, да даже в родстве, но это не повод». (интервью с руководителем некоммерческой общественной организации. (Ж. 35 лет, Саратов, 2006 г.)

Для сохранения организационной структуры ЖСС на основе родства и дружеских отношений сетевой «суперкоординатор» пытается взять под свой контроль главный рычаг власти в сети — общий неделимый сетевой капитал, распределяемый по членам сети через сложную систему неэквивалентных обменов, которая исторически сложилась естественным образом. Например, это общее помещение, с инвентарь, оборудование, приобретенные вкладчину, транспорт, касса взаимопомощи и проч.

Даже, находящийся формально в личной собственности семьи автомобиль, не так давно в 1970–1980-е года, повсеместно рассматривался членами семейно-дружеской сети как общий транспортный ресурс для поездок на дачу, отдыха, перевозок «людей и вещей». Особенно, если родственники и друзья участвовали в его приобретении (давали в долг или помогали с покупкой). Автомобиль выступал как системообразующий элемент сетевых коммуникаций и определенным образом организовывал вокруг себя пространство социальной сети. В конце 1990-х роль личного автомобиля как общего сетевого ресурса стала утрачивать свое значение в связи с большей возможностью других семей, входящих в сеть поддержки, приобрести свою машину.

Сетевой социальный капитал как основа создания сети

Что является объектом сетевого капитала в киберсетях социальной поддержки? Его формы столь же многообразны как и формы социального капитала. Например, это база данных пользователей сети, банк анкет. Это, как указывалось выше, само виртуальное место встречи, как на сайте Одноклассники, где привлекает не только ностальгия по школьным годам, общее прошлое, но и возможное общее настоящее и даже будущее. Виртуальная площадка, которая открыта для всех желающих расширения своего

коммуникационного пространства на основе общности биографии и интересов.

Однако для институционализации отношений в социальной сети этого недостаточно, нужна объединяющая всех тема, идея, проект, в рамках которого возможно накопление сетевого социального капитала⁶ в виде специфической информации и главное знаний о предмете общего интереса, будь то рок – музыка, ипотека или экзотические растения в виде систематизированной переработанной информации, пригодной для решения практических задач, т. е. то, что можно назвать знанием. На этой основе создается сообщество с определенными признаками института: разделение ролей (появляются авторитеты в данной теме, эксперты, профи), формируются правила общения (как задавать вопросы, как отвечать, как реагировать на конфликтные ситуации, как обращаться), возникают внутренние формы санкций для нарушителей общепринятых норм и традиции и проч. Иными словами, происходит рутинизация поведенческих практик, что в социологии, вслед за Бергманом и Лукманом, принято считать институционализацией.

В «живых» социальных сетях попытка одного из субъектов сети узурпировать контроль над их сетевым капиталом обычно заканчивается трансформацией сети в организацию, где вместо координации появляется субординация и иерархическая структура с наемными менеджерами по управлению «сетью», которой уже нет, т. к. она распалась на малые группы, связанные друг с другом в основном через «вертикаль власти».

В виртуальных сетях это сделать сложнее, т. к. поставить под контроль само сетевое общение, пустить его через управленческую вертикаль технически сделать сложно. Так как основной маркер виртуального сообщества — это персональные горизонтальные коммуникации по принципу «из уст в уста», где личная связь имеет особое значение, т. к. важно не только, «что» сообщают, но и «кто» и «зачем» это делает. Особый интерес с точки зрения изучения механизма институционализации социальных сетей являются, так называемые пиринговые сети. Однако, проникновение в социальные сети коммерческих структур даже с невинными баннерами своих услуг, заставляет их координаторов по другому рассматривать цели создания сети, что закладывает основу конфликта интересов между организаторами и пользователями сети.

⁶ Например, Дж. Коулман считал социальный капитал организующим ресурсом социальной сети. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. №3. С. 124–129.

«Пиринговые группы» и «пиринговые сети»

Из различных научно-технических определений пиринговых сетей (*peer-to-peer*, или сокращенно *p2p*) можно выделить, что *p2p* — это распределенные сети, где каждый узел может одновременно выступать как в роли клиента (получателя информации), так и в роли сервера (поставщика данных). С технической точки зрения *p2p* — это класс программных приложений, позволяющих совместно использовать распределенные ресурсы (дисковое пространство, вычислительные способности персональных компьютеров, хранящийся на них объем информации, пропускную способность каналов связи и т. д.).

Если мы условно оставим в стороне техническую составляющую пиринговых сетей и попытаемся выделить их социальный смысл, так сказать, в человеческом измерении, то в социологии можно найти аналог этих отношений, который называется *peer groups*. Это понятие связано с именем последователя Т. Парсонса Ш. Эйзенштадта (1956), который пытался описать общности, живущие внутри парсоновских «структурных разрывов» индустриального общества⁷. Эти группы формируются в нормативном пространстве между семьей и обществом, ценности и нормы, которых их по разным причинам не удовлетворяют.

Молодые люди, из которых в основном состоят эти группы, находятся на этапе своего жизненного пути, когда они уже начинают отрываться от семьи, но еще не приняты обществом. Семья ограничивает их родительской опекой, авторитарной системой принятия решений, основанной на эмоциональных связях и традиционных обязательствах между родителями и детьми. Общество, наоборот, отталкивает их своим экономическим рационализмом, основанным на морали рентабельности и производительности, жесткой иерархической системой ролей и статусов, бездушных формальных законов, прав, договоров и контрактов.

«Группы равных» пытаются создать свое пространство отношений, где главными ценностями являются доверие, дружба, верность, добровольные взаимные обязательства и искренний интерес к друг другу и общему делу. Это альтернативный путь социализации молодых людей и их интеграции в

⁷ Eisenstadt S. N. From Generation to Generation, Age Groups and Social Structure. Glencoe, Free Press. 1956.

общество, которые стремятся одновременно «быть как все» и «быть как не все», «принадлежать» к значимой группе и быть независимой от нее.

Представим гипотетически, что виртуальные пиринговые сети — это технически оснащенные пиринговые группы, которые обрели себе новую форму объединения и существования в киберпространстве. Возможно, что само киберпространство формирует свой собственный тип отношений и соответственно, свой нормативный тип личности, но это не должно повлиять на сущность и смысл самих связей и отношений «равных».

Сравним с этой точки зрения «живые социальные сети» (ЖСС) и виртуальные пиринговые сети (*p2p*). Сразу обращает на себя внимание, что построение сетей *p2p*, на первый взгляд, тесно связано с «реальными» отношениями между людьми и их представлениями о социальных правилах и нормах этих отношений. Например, в *p2p* выделяют «истинные пиринговые сети», где осуществляется принцип равенства между участников сети. Это достигается децентрализацией *p2p*-системы, которая состоит из равноправных узлов, каждый из которых одновременно взаимодействует только с частью других узлов. Это позволяет клиентам сети обмениваться информацией без центрального сервера, чьи функции распределяются поровну между всеми участниками сети. Это обусловлено техническими возможностями передачи и обработки информации, которые ограничивают поддержание связи «каждый с каждым».

В качестве примера принципа действия децентрализованных сетей можно привести схему поиска в *p2p* музыкальных произведений, который приводит А. Долин в своей монографии по экономике символического обмена⁸. С четырьмя друзьями — Арсением, Кириллом, Денисом и Зоей, благодаря общим интересам, знакомится пятый человек — Юра. «Юра знакомится лишь с Арсением, спрашивая об интересующей его песне. Арсений не обнаруживает ее на своем компьютере и передает запрос своим знакомым — Кириллу и Денису. Те поступают точно так же. Так запрос попадает к Зое, у которой необходимый файл есть, и она напрямую связывается с Юрой, чтобы передать ему информацию».

В этом примере мы видим воплощение принципа устойчивости «живых» сетей: каждый участник сети поддерживает «знакомство» с необходимым для поддержания сети числом ее участников. Даже если кто-то «выпадает» из сети связь не нарушится, т. к. есть варианты обходных сетевых

⁸ Долин А. Экономика символического обмена. М. ИНФРА-М, 2006. С. 506–525.

маршрутов. Этот же принцип достаточно эффективно работает в сетях социальной поддержки межсемейного обмена, когда семье нужно решить задачу, например, трудоустройства или лечения одного из членов семьи.

Так в интервью с матерью молодого человека, употребляющего наркотики, она описала сложный маршрут, который пролегал через связи между 7 участниками сетевого взаимодействия, с которыми она находилась в дружеских и родственных отношениях. После того, как ей ничем не смог помочь ее близкий родственник и четверо ее друзей и знакомых, она обратилась к своей подруге, та к их общей знакомой на работе, та, в свою очередь, к своему мужу, тот к своему знакомому, с которым вместе посещали спортивный клуб, знакомый дал нужный адрес специалиста, к которому она и пришла на прием со своим сыном. В результате этого «информационного поиска» ее сын получил качественную наркологическую помощь⁹.

В этом примере разница в достижении результата поиска — это затраченное время. То, что в пиринговой сети может быть получено в течении часа, в «живой сети» уйдут дни. В нашем примере у респондента на поиски необходимых контактов ушло 2 недели, но принцип связи был тот же, что и *p2p*.

Вопрос остается лишь в том, есть ли разница «в обработке запроса»? В *p2p* есть определенный алгоритм, согласно которому участник сети должен обязательно передать запрос всем остальным ее членам. Это в частности является причиной «информационных эпидемий» в сетях, когда участник лихорадочно принимает и передает дальше ненужную с его точки зрения информацию. В результате чего, в так называемых ЖЖ (живых журналах) по сети циркулирует множество бессмысленной информации, которая вызывает свирепую ярость у большинства авторов ЖЖ.

Но ведь эта ситуация может быть оборотной стороной преимуществ компьютерных технологий. Это может быть ценой за жизнеспособность децентрализованных информационных сетей. М. Кастельс считал, что раз у информационных сетей нет центра, то они действуют на бинарной логике: включение/исключение. Все, что входит в сеть полезно и необходимо для ее существования, что не входит, не существует с точки зрения сети, и может быть проигнорировано или элиминировано.

⁹ Интервью с участницей проекта «Код доступа». Снижение роста темпов распространения ВИЧ/ИППП среди групп высокого риска, осуществлен при поддержке фонда PSI, 2006 г. (рук. И. Штейнберг)

Значит любой участник, который представляет собой некий сетевой узел должен безоценочно, практически автоматом передавать дальше полученную информацию.

Гипотеза здесь может состоять в том, что эта способность к распределению информации является для участника и всей сети критерием его значимости. В этом смысле главные узлы — это не центральные командные узлы (как в реальном обществе индустриального типа), а узлы переключения.

Например, скачал смешной анекдот и сообщил об этом другому участнику сети с пометкой смешной. Если у другого «узла» выбор? В поле сетевой логики практически нет. Дурацкий анекдот становится сетевым капиталом и для его исключения нужна «сетевая санкция», хотя не понятно как она возникает. Особенно отчетливо этот «психосетевой» механизм виден в посланиях типа «передай другому и будет тебе счастье». Несмотря на неверие большинства участников пересылки в эти обещания, такие тексты продолжают циркулировать по сетям с завидным постоянством.

Какой-то механизм фильтрации информации должен бы возникнуть, т. к. отдельный «узел» тут беспомощен, риск «вылететь» из сети велик — надо «перекачивать» дальше. Вот и возникает у участников сети недоуменное возмущение бессмысленностью происходящего. В реальной сети это может быть механизмом распространения слухов, болезненной паранойи пропустить, что-то важное, быть не в курсе. Есть роли «сетевых паучков», функция которых перераспределять информацию по сети, вроде переключателя инета, они и действуют именно как участники ЖЖ. Но, т. к. реальная сеть (РС) формируется вокруг определенного проекта и живет пока этот проект существует, то на пути эпидемии встают «санитарные кордоны» из числа координаторов проекта, которые фильтруют информацию по критериям полезности конкретному проекту.

Значимость узлов ВСС определяется не сколько своей распределительной способностью, но и наличием у него специфического ресурса, годного для осуществления проекта и способностью его отдать/обменять на пользу всем участникам сети. Таким образом, в пиринговых сетях есть свои преимущества и недостатки, которые также можно сравнить с ЖСС.

В своем анализе децентрализованных файлообменных сетях любителей музыки А. Долин выделил некоторые их преимущества перед централизованными сетями с «главным сервером», которые также являются достоинством и ЖСС. Например, это то, что децентрализованную сеть отдельный ее участник не может «приватизировать» и не может «отключить».

чить». В централизованной электронной системе достаточно выключить головной сервер, чтобы остановилась вся сеть, а в реальной организации достаточно убрать «заводоуправление», что парализовать на время ее работу. В децентрализованных социальных сетях никакое отключение отдельных «узлов» или «центров координации» не приведет к полной остановке деятельности сети.

В ЖСС наиболее ярким примером является многолетняя борьба с международным терроризмом. Сетевая структура таких крайне экстремистских движений как «Хизбалла» является ключевым фактором их «неуничтожимости», несмотря на регулярные потери в своем руководстве в результате боевых действий или спец.оперций подразделений США и Израиля, если верить СМИ.

К общим недостаткам в виртуальных и реальных социальных сетях можно отнести проблему «запредельных размеров сети», которая снижает ее эффективность из-за затруднений обработки большого объема информации.

Если внимательно посмотреть на пути преодоления недостатков *p2p*, то мы обнаружим, что они сходятся с представлениями о способах повышения эффективности «живых» сетей:

- Стремление соединить преимущества централизованных и децентрализованных сетей.
- В «живых сетях» (ЖС) это временные координационные центры, которые могут принимать форму «совета сети», где решения принимаются представителями партнерских организаций, это может быть избранный координатор сети или исполнительный директор.
- Пиринговые сети предлагают гибридные файлообменные системы, такие как Kazaa (www.kazaa.com)
- Повышение устойчивости горизонтальных связей между людьми.
- В «живых сетях» (ЖС) это достигается совместными взаимовыгодными и интересными для каждого участника проектами, предполагающими определенную частоту контактов. В пиринговых сетях усиливают мощность «железа», скорость и устойчивость каналов связи.

Обучение «сетевой компетенции»

ЖСС стремятся обучить своих участников «сетевому мышлению» через наращивания социальных практик сетевого взаимодействия для эффективного поиска и поддержки необходимых контактов, передачи информации, помощи и поддержки, а также защиты сети от проникновения «де-

структивных элементов», несущих конфликты или занимающих позицию «халзящика», больного «трамвайным синдромом» (едут все – платит один).

В *p2p* озабочены технической грамотностью участника сети для настройки клиентских ПО, системы защиты компьютера для быстрого поиска нужного контента и защиты от вирусов и хакеров. Кстати, «трамвайный синдром» тоже является проблемой ВСС. Долин называет это паразитическим скачиванием контента информации, без предоставления своих файлов в общий обменный фонд. Он приводит в пример сеть Gnutella, где около 70% пользователей вообще не добавляют файлов в обменный фонд, а около 50% всех ресурсов предоставлены одним процентом абонентов¹⁰.

Обеспечение условий для создания коллективного сетевого ресурса

ЖС прилагают усилия для объединения распределенных ресурсов сети и создания «коллективного неделимого сетевого ресурса». Нередко, бывает так, что у большинства членов сети из необходимых для осуществления проекта ресурсов есть только дублированная часть необходимых средств (транспорт, орг. техника, некоторые финансовые возможности, кадры). В случае, если один из участников сети обладает уникальным ресурсом (помещение, специалист или основное финансирование проекта), то сетевой проект начинает зависеть от его «настроения». Если «настроение» меняется, то кооперация распределенных ресурсов теряет смысл и весь проект находится под угрозой срыва.

В *p2p* это называется «недокачанные файлы», когда кто-то из участников публикует в сети уникальный файл, а затем в силу каких-то причин снимает доступ. Долин отмечает, что хотя «к этому моменту у кого-то уже может иметься полная копия, но на практике бывает, что у сотни пользователей оказывается примерно по одной десятой информации, и они не могут скооперироваться для объединения данных»¹¹.

Обеспечение прозрачности порядка и справедливости в доступе к ресурсам в ЖС

В зависимости от положения участника в сети (например, член совета сети) у него есть возможность путем прямого или скрытого лоббирования

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

своих интересов иметь преимущества в доступе к сетевым ресурсам для себя или своей организации.

В *p2p* это «достоверность рейтинга клиента». Сведения, по которым вычисляется полезность пользователя для пиринговой сети, хранятся в его машине. Путем манипуляций можно обеспечить себе первые места в очередях на закачку.

Необходимость разумного ограничения участников сети

Открытость ЖС приводит к тому, что возникает запредельная масса участников, которая девальвирует ценности сетевого взаимодействия, т. к. невозможно поддерживать качественные контакты с множеством значимых и незначимых субъектов сети. Неизбежно возникают конфликты, непонимание и обиды на невнимание друг к другу, появляются обособленные коалиции закрытого типа и т. п.

В *p2p* также обнаруживаются случаи некорректной работы с огромным количеством пользователей и фантастическим объемом трафика.

Выход из там и тут видится в создании сетей, представляющих собой защищенное пространство для коммуникаций. Пиринговые сети возлагают надежду на сети для групповой работы (*p2p Groupware*). Среди них специалисты выделяют *Groove Network* — сеть, предоставляющая защищенное пространство для коммуникаций и *OpenCola* технология поиска информации и обмена ссылками на наиболее интересные источники.

ЖСС предлагают форматы сетей в виде Конвенций и Партнерств, которые представляют собой объединения полузакрытого типа, где вступление ограничено необходимостью рекомендаций, подтверждением наличия нужного для сети ресурса, выполнением внутренних правил и норм, которые могут носить формальный или неформальный характер. Например, ВССВ, имеющая формальный устав, критерии и процедуры приема в члены сети или Конвенция независимых социологических центров, где единственными «фильтрами» является согласие с Декларацией этой сети и рекомендации других участников.

Выводы

Анализ сравнения ЖС и ВС по двум параметрам: основания для формирования и способ поддержания организационной структуры сети показал, что общие принципы формирования ЖС и ВС по основанию и координа-

ции орг.структуры имеют сходство в целях, но различаются не только в технических средствах, но и во внутренней логике действий, определяемых ИТ. Это позволяет говорить, о формировании особой культуры сетевых коммуникаций в Интернете.

Основой институализации ЖСС и ВСС является устойчивость их структур в смысле стабильности социальной системы в выполнении своих функций и способность к интеграции участников сети. Иными словами институализация сети предполагает, что исследователь может наблюдать относительно устойчивые и повторяющиеся формы деятельности и типы поведения людей. Индикаторами такой устойчивости могут быть время существования сети в постоянном составе ее участников, отсутствие резких отклонений от определенной численности ее членов, сохранение определенного объема ресурсов сети, поддержание необходимого уровня интенсивности взаимообменов и коммуникаций и т. п. Другими индикаторами может служить постоянство ее организационной структуры и ее функций. Однако это не главные критерии. Сеть может быть устойчива даже в случае нестабильности состава ее членов и объема транзакций, если это является ее способом существования длительное время и не влияет на выполнение своих основных функций. Например, в зависимости от «проекта» число участников сетевого взаимодействия может значительно увеличиться или уменьшиться от проекта к проекту, но форма и содержание сетевых связей и отношений остается неизменным. Организационная структура остается «плоской», «сетевая этика» в виде норм и правил взаимоотношений, добровольности и самоорганизации также сохраняется в прежнем виде.

Обнаруженное сходство ЖСС и ВСС наиболее отчетливо проявляется в принципах повышения эффективности их деятельности. Эти принципы безусловно исходят из естественной гуманитарной природы существования «живой» социальной сети, несмотря на специфические «технические» способы их решения в информационных сетях. Это стремление соединить преимущества централизованных и децентрализованных сетей, повышение устойчивости горизонтальных связей между людьми — участниками сети, обучение «сетевой компетенции» и «сетевой этике», необходимость разумного ограничения участников сети и обеспечение прозрачности порядка и справедливости в доступе к общим сетевым ресурсам.

Библиотечные барьеры

Н. В. Дадали

Как показывают данные опросов, проводимых в России несколько лет подряд Левада-центром лишь 18% россиян постоянно читают книги. Еще 37% открывают их время от времени, а 44% признаются, что читают очень редко или вообще никогда.

Исследование, проведенное в Петербурге в 2008 году ЦГПБ им. Маяковского совместно со СНИЦ называлось «Книжные магазины и библиотеки; предпочтения и мотивы выбора». Интервью у 803 покупателей 4-х книжных магазинов (3 магазина системы «Буквоед» и Дом Книги на Невском пр., д. 28) было взято в течение 2 месяцев — март-апрель. Дополнительно были взяты интервью у 17 читателей ЦГПБ им. Маяковского.

Главные задачи исследования — определить состав покупателей книжных магазинов и их включенность в библиотечный мир, выявить различия между покупательским и библиотечным спросом, провести сравнительный анализ основных характеристик всего населения Петербурга и той его части, что посещает книжные магазины и библиотеки.

Данные исследования показали, что покупатели книжных магазинов более молоды, образованы и материально обеспечены по сравнению с населением города в целом (71% покупателей имеют высшее или незаконченное высшее образование — примерно на 20–25% больше, чем людей с таким уровнем образования среди всего взрослого населения Петербурга). Среди покупателей более чем в два с лишним раза студентов и в два с лишним раза меньше рабочих и пенсионеров. Существенно разнится уровень средних душевых доходов — у покупателей он составляет 16 512 руб., среди населения в целом, по данным опроса СНИЦ в мае 2008 г., — 9 218 руб. Кроме того, среди покупателей существенно больше, чем среди всего взрослого населения, доля людей, пользующихся Интернетом.

Среди обследованных покупателей 38% пользуются библиотеками, это заметно больше, чем доля пользователей библиотек среди взрослого населения в целом (по данным исследования «Чтение в жизни петербуржцев», проведенного в апреле 2007 г., записаны в библиотеки были только 26% опрошенных). Среди респондентов, неудовлетворенных библиотечным обслуживанием, основное недовольство вызывают недостаточное количество книг и особенно новых книг в фондах и невозможность взять

книгу на дом. Респонденты, не пользующиеся услугами библиотек, в качестве причин неудовлетворенности чаще всего называли наличие большой домашней библиотеки и отсутствие времени для посещения библиотеки. Напомним, что среди покупателей книг в книжных магазинах в данном исследовании не пользовались услугами библиотек 72%. Таковы данные последних социологических опросов.

Что же происходит в реальной жизни библиотек? Наблюдения и интервью с читателями библиотек показывает, что библиотеки пустеют. Читатели или пользователи чаще уходят из них, чем приходят, уходят и не возвращаются. Библиотекари в тревоге — библиотеки за ненадобностью могут закрыть. Общие объяснения этому: демографическая яма; компьютеры, Интернет; досуг заполнен чем-то другим; вообще во всем мире стали читать меньше. Действительно — меньше — это подтверждают все исследователи чтения в разных странах. Но если выйти из библиотеки и оглянуться вокруг — в метро, троллейбусах, электричках читают и, несмотря на вечную спешку, люди забегают в книжные магазины, останавливаются у книжных развалов, бывают на постоянно действующей книжной ярмарке. И книжных магазинов не стало меньше. Один из наиболее популярных — Дом Книги на Невском пр, д. 28. В любое время дня и ночи и при любой погоде там полно людей — он работает до 12 ч. ночи. Сеть «Буквоед» насчитывает 22 магазина — они разбросаны по всему городу. Те, что в центре, работают круглосуточно. Ночью в «Буквоеде» на Лиговском, 10 работает кафе, приходят те, кто днем работает, и только ночью может позволить себе почитать. Не всякую книгу такой читатель может купить. Но может ее прочесть. Опрос в книжных магазинах показал — ими пользуются сейчас чаще всего как читальными залами. Кто-то изучает архитектуру, кто-то читает детективы по ночам, кто-то штудирует экономику, а чаще всего тут знакомятся с миром книг. Там происходит так много интересных событий в этих магазинах — встречи с писателями, презентация книг, обучение тайскому массажу, концерты, театральные постановки и т. д. Туда можно позвонить, узнать о новинках, заказать себе книгу в удобном для тебя филиале — никто тебя не осудит, если ты ее не купишь, а просто помотришь и отложишь. «Буквоед» за короткое время стал необходимейшим звеном в городе, и в определенной степени он заменяет библиотеки. Этот процесс продолжается.

А что происходит в библиотеках? Библиотека, как известно организм развивающийся. Они развиваются — осваивают новые библиотечные технологии, пишут инструкции, проводят совещания, увеличивают количество управленческого персонала. Принимают участие в престижных гром-

ких проектах («Модернизация общественных библиотек», например, что оттягивает от повседневной работы определенную часть сотрудников) и открывают Центры чтения, Мастерские чтения и т. п. (как будто бы сами библиотеки не являются центрами чтения и мастерскими чтения!) Но проблемы имеющиеся у читателей библиотек остаются в том же объеме — читатель по-прежнему отправляясь в библиотеку не знает, имеется ли нужная ему в данный момент книга в библиотеке, а если даже имеется, стоит ли она на полке или уже выдана кому-то другому и успеет ли он добраться до библиотеки до ее закрытия — ведь она работает с 11 до 20 или же с 12 до 19 (летом) — а это самое «пробочное время». Читатель, как правило, человек работающий или учащийся, а скорее и то, и другое, время ему дорого, и еще никто не проводил исследования, сколько времени читатель тратит в библиотеке впустую — на преодоление *библиотечных барьеров*. Их множество, часть из них на поверхности — очереди в пункт записи, в гардероб, за книгой, режим работы библиотеки неудобен — это время работы или учебы, упомянутая выше неизвестность — получу, не получу то, что надо; нет камеры хранения — рюкзак, велосипед на улице не бросишь; в библиотеке негде поесть; там негде поговорить (разве, что на лестнице), если там назначаешь встречу и т. п. Какие-то проблемы рассасываются иногда сами собой, ну например, читателей стало меньше — очереди уменьшились. Но, читатель, намаявшийся в прежние годы в очередях еще этого не знает. И даже побывав в библиотеке без очередей, не уверен, будет ли также в следующее посещение.

Но значительное количество барьеров в библиотеке существует в скрытой форме — один из главных заключается в состоянии каталогов и в состоянии фондов. Каталоги не соответствуют фонду. Читатель это обнаруживает случайно — после долгих поисков в каталогах и картотеках, заказав книгу и в случае отказа, пытаясь выяснить все же есть эта книга или нет, (ведь она указана в каталоге!), как же так, где она? А она утеряна, ее не вернул должник, она списана, она в «застановке», она вообще неизвестно где, может быть ее никогда и не было! А каталог давно не проверяли.

Фонд тоже давно не проверяли. Большие проблемы со списыванием устаревшей литературы, а она составляет значительную часть фонда. Оформление списанной литературы обставлено такими бюрократическими сложностями, что на преодоление их уходит масса времени и сил сотрудников библиотеки.

Интервью с читателями в ЦГПБ им. Маяковского в ходе исследования выявило весь диапазон мотивов неудовлетворенности читателей: «Ну неужели

даже в период белых ночей библиотека не может работать хотя бы до 10 часов вечера?». «Почему на сайте библиотеки нет каталога, и не узнать, есть ли книга на полке?» «Всего 10 электронных справок в день выдает библиотека и начинает прием запросов с 6 утра — туда только Владивосток успевает со своими заявками, а мне удалось только однажды!», «Среди литературы по экономике, комплектуемой в Маяковке, очень много средненькой и мало высокопрофессиональной». «Почему в отделе искусствознания закрыт доступ к полкам? Не пора ли его открыть? А какой ужасный там каталог!»

Основной контингент читателей ЦГПБ — студенты младших курсов. Повзрослев, они уходят. Общее сокращение количества читателей привело к некоторому увеличению числа читателей старшего возраста — у них нет средств на покупку книг, подписку периодики и возможность воспользоваться библиотекой при отсутствии очередей их устраивает. Но в целом число читателей сокращается существенно и быстро. Библиотекой не то, чтобы хотят пользоваться — ею вынуждены пользоваться. И когда эта принудительность исчезает — прекращают. В библиотеках сохранилось очень многое от прежней советской эпохи — именно это и создает барьеры для сегодняшнего читателя. Прежде всего, Устав и Правила пользования библиотекой. Написанные казенным канцелярским языком, обращенные не к человеку лично, а к безликой массе читателей, скорее запрещающие, чем разрешающие, они отталкивают, вызывают насмешку и внутренний протест.

Система записи — множество бумаг — формуляров, росписей, записей — терпение читателя порой лопается. Срок выдачи книг и журналов неприемлем: для некоторых читателей. Студентам учебное пособие необходимо на семестр, а не на один месяц, старшим школьникам «Войну и мир» также не одолеть за месяц и т. п.

Режим работы библиотеки еще один барьер, и чуть ли не самый серьезный — она работает в те же часы что все учреждения и вузы. Невозможно добраться — это часы пик. Пробки не позволяют даже владельцам личных автомашин во-время приехать в библиотеку, да так чтобы можно было бы еще и посмотреть каталог или подобрать себе что-то на полках.

В дополнение к общим тенденциям — широкого распространения Интернета и быстро укореняющейся привычки пользоваться электронной библиотекой, развивающейся сети книжных магазинов, которые быстро и гибко приспосабливаются и к спросу и к особенностям жизни населения, все эти барьеры работают на сворачивание интереса к библиотекам.

Библиотечные работники никак не могут забыть те времена, когда библиотека была главным, а порой и единственным источником получения

книжных новинок — выстраивались очереди за каждой мало-мальски интересной книгой, книги зачитывали до дыр. Эта установка сейчас не сбывается — ситуация изменилась. И библиотеки стремительно пустеют. Но — это у нас. А как у них?

Шведы относятся к своим библиотекам как к общественным гостиницам, подчеркивая необходимость комфорта и практичной функциональности. В кибербиблиотеке Laspalatsi в Хельсинки говорят о том, как связать бедную информационную зону с богатой информационной зоной или сместить информационный водораздел и т. п. (Марк Пахтер Чарльз Лэндри Культура на перепутье). В большинстве цивилизованных стран давно разработаны и осуществляются общенациональные программы поддержки чтения. Они тщательно прописаны и включают все категории населения. У нас пока только начинают разрабатывать такую программу.

Что сейчас вызывает интерес к библиотеке, за чем приходят в библиотеку сегодня?

Прежде всего, познакомиться с новинками и понять, нужна ли эта книга мне, стоит ли ее купить. Затем за той литературой, которая необходима в данной ситуации (для работы или учебы). Отработал эту книгу и сдал — завтра понадобится уже другая. И, наконец, за книгами, вышедшими давно и исчезнувшими с прилавков магазинов

Пользуются библиотеками по-прежнему в основном две категории населения — учащиеся и бедные слои, не имеющие средств на покупку книг. Правда к ним добавилась новая группа — мигранты — та интеллигентная часть мигрантов (это довольно значительная доля населения в городе сейчас!), которая приехала сюда работать и устраивать свою судьбу из маленьких, средних и больших городов русской провинции. Это очень активные молодые люди, имеющие высшее образование и нуждающиеся в услугах библиотеки еще и потому, что чаще всего они живут в съемном жилье, где свою библиотеку не завести, а читать они еще не отучились. Дома у них (у родителей, где-то в Перми, Казани, Рязани, Новосибирске, Ижевске и т. д.) домашние библиотеки есть, но они далеко и стремительно устаревают. К сожалению, библиотеки эту категорию населения не обслуживают — правила библиотек требуют постоянной регистрации, а у них регистрация временная, им предлагается только читальный зал. Непреодолимый барьер.

Еще одним серьезным барьером является отсутствие службы комплектования в библиотеках. Жалобы читателей на то, что новая литература по экономике философии, математике, психологии и т. п. носит очень

«средний характер» (конкретные примеры из исследований последних лет в ЦГПБ им. Маяковского). Комплектованием в библиотеках занимается один человек — зав. отделом комплектования. При всей его эрудиции, опыте, налаженных связях справиться в одиночку с потоком новой литературы в стремительно усложняющемся мире невозможно.

Ко всему этому необходимо добавить и недостатки библиотечного образования. Неумение и нежелание воспринимать обслуживание читателя, как форму интеллектуальной, интересной, увлекательной деятельности, умение вести диалог с читателем на его уровне, внимательно вникать в его вопросы, находить быстро и профессионально ответы — делать это легко с личной заинтересованностью, приветливо с улыбкой и пониманием, дорожить временем читателя, подсказать ему самый успешный алгоритм поиска книги в своей библиотеке — этому ни в институте, ни в техникуме не учат. Очевидно не догадываются о насущной необходимости этих деталей в образовании библиотекаря. Очень часто вернувшись из зарубежной поездки, мы сравниваем формы обслуживания там и тут, и сетуем на то, что грубость, нежелание вникнуть в просьбы потребителя, халтурное отношение к своей работе по-прежнему отличают нашу страну.

В библиотеках это тоже очень заметно. С чем это связано — понятно. Тут и низкая зарплата, а, следовательно, постоянная озабоченность материальными проблемами, и низкий уровень образования. У старшего поколения оно получено давно, во времена иных идеологических установок и никакие курсы повышения квалификации ликвидировать этот разрыв не в состоянии. Низкий уровень культуры (в том числе и культуры чтения) у молодых библиотекарей — опросы и наблюдения за реальным чтением библиотечных сотрудников убеждают в этом. У пожилых сотрудниц наступает период профессиональной усталости, да и язык, на котором говорит молодой читатель, очень сильно отличается от их языка. Часто библиотекари озабочены внедрением новых форм отчетности, внедрением новых библиотечных технологий, привлечением читателей ко всевозможным мероприятиям, кружкам и клубам, возникающим в библиотеках. За всей этой бурной деятельностью библиотекари не замечают, как стремительно тает поток читателей. Проработав 12 лет в Центральной Городской библиотеке В. В. Маяковского я ежегодно в определенный день и час (в конце сентября) подсчитывала число читателей, находящихся одновременно в залах русского абонемента — такой моментальный фотоснимок. Если в 1996 — 1999 г.г там насчитывалось несколько сотен человек. то осенью 2008 года в такой же сентябрьский день я насчитала 18 человек. В неко-

торых отделах — отдел искусствознания на Невском пр. д. 20, например, провести опрос читателей не удалось в течение года — 1–2 читателя в течение дня летом, 3–5 человек в день в зимние месяцы. Это не означает, что библиотеки надо закрывать, скорее всего, необходимо менять их концепцию, организацию и формы деятельности. Вариант новой модели библиотеки предложила директор библиотеки ВГБИЛ Гениева Е. Ю. (Екатерина Гениева. Библиотека как центр межкультурной коммуникации), но что-то нигде не видно, чтобы эта модель появилась.

И в заключение очень характерная картинка. В октябре 2008 года проходила конференция «Форум культурных программ». Проводил ее Институт Культурных программ Петербурга. В числе документов, предложенных участникам (представлены были все самые достойные культурные учреждения города) — карта города под названием «Культурное пространство Санкт-Петербурга». Не обнаружив на ней библиотек (никаких, даже Российской Национальной Библиотеки, но при этом представлено все остальное — музеи, театры, цирки, галереи, исторические памятники), я задала вопрос директору института культурных программ г-ну Зонину А. В. о причине отсутствия библиотек на такой, в общем, очень нужной для всех карте. С присущей ему вежливостью и обходительностью господин Зонин ответил «А Вы, что сами не знаете дорогу в публичку?» Дискуссия на эту тему отпала сама собой.

В 1970–1980 гг. москвичи приезжали на месяц и более в Ленинград, чтобы поработать над диссертацией в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, настолько притягательна была эта библиотека. Прошли эти времена.

Новые «знающие»: личность, мировоззрение, функции.

Н. Е. Мазалова

В этнографии термин «знающие» применяется к группе ритуальных специалистов, владеющих «тайным» (сакральным) знанием. К ним относятся колдуны, знахари, пастухи и др. В статье мы остановимся только на деятельности тех «знающих», основная специализация которых — лечение болезней, условно их называют знахари. Определение «новые» мы употребляем для того, чтобы выделить некоторые отличия современных носителей «тайного» знания, которые они приобрели в последние два десятилетия, одновременно со многими новыми реалиями нашей жизни. В наши дни ритуальные специалисты — новые «знающие» в некоторых местностях оказываются единственными, в их мировоззрение и магических практиках сочетаются традиционные и новые элементы. До недавнего времени эти новые ритуальные специалисты оставались вне поля зрения этнографов, которые, как правило, занимаются изучением традиционной культуры. В последние годы начинаются разыскания в области магических практик новых «знающих»,¹ однако многие аспекты изучения этих ритуальных специалистов остаются неизученными, среди них — личность, мировоззрение и общественные функции. В то время как народная медицина на современном этапе своего функционирования трансформируется, включая в себя как традиционные, так и новые методы воздействия на человека, необходимо искать новые методы для описания этих практик и их носителей.

Многие современные «знающие» обладают сходным набором определенных личностных качеств. К ним относятся следующие психологические характеристики: властность, настойчивость, организованность, уверенность в себе, инициативность; умственность; умственные: интеллект, глубина профессиональных («тайных») знаний, интуиция, проницательность, деловые: в частности, способность к принуждению. Эти качества нередко отличают хорошего руководителя, представителя властных структур. Не-

¹ Харитонов В. И. Заговорно-заклинательное искусство восточных славян: проблемы традиционных интерпретаций и возможности современных исследований. М., 1999. Ч. 1, 2; Ермакова Е. Е. Сибирская заговорная традиция (конец XX — начало XXI в.) Тюмень, 2005. Т. 1, 2.

редко «знающими» становились для того, чтобы приобрести власть над окружающими.² Так, в советское время в колдовстве нередко обвиняли председателей колхоза, бригадира. В конце 80-х гг. прошлого века в одной из деревень на Пинеге я записала рассказы о бывшем председателе колхоза, которого считали колдуном (нам показали его: и в 70 лет это был властный, жесткий эффектный старик). Сексуальным домогательствам с его стороны подвергались многие колхозницы. Показывали и одну из жертв, посмевавшую отвергнуть его, после чего, как считают односельчане, он наслал на нее порчу: у женщины отсохла рука.

Абсолютное большинство «знающих» в деревнях и маленьких городах — женщины. Несмотря на демократические процессы, происходящие в современном российском обществе по-прежнему статус женщины в социуме ниже, чем мужчины. Некоторые женщины, овладев «тайным» знанием, повышают свой статус. «Знающими» нередко становятся одинокие женщины. И в традиционном социуме «знающими» становились люди, по разным причинам не реализовавшие себя в других сферах жизни — одинокие, перенесшие серьезные заболевания и т. д. Понятия рода, семьи в традиционных представлениях русских сопряжены с темой плодородия, производящей жизненной силы. В связи с этим незамужние/неженатые как личности, уклонившиеся от репродуктивной деятельности, в иерархии традиционных ценностей русских находились неизмеримо ниже состоявших в законном браке. Они стремятся занять активную социальную позицию, позволяющую приобрести достаточно высокий статус в определенной социальной группе. Для одинокого человека один из способов повысить статус — стать «знающим» и удовлетворять потребности социума в контактах с потусторонним миром: осуществление этих контактов — основная социальная функция «знающих».

Осуществление контактов с представителями потустороннего мира возможно в особом психофизиологическом состоянии сознания (в современной науке — состоянии измененного сознания, трансе), в которое могут входить люди с особым складом психики. На протяжении долгого времени в науке, прежде всего в исследованиях по шаманизму ведутся споры по поводу того, является ли ритуальный специалист нормальной личностью (М. Элиаде, В. Тернер, Широкогоров и др.).

² Щепанская Т. Б. Сила (коммуникативные и репродуктивные аспекты мужской магии) // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре. М., 2001.

Как показывают проводимые нами полевые исследования, новые «знающие» — психически нормальные люди, но многие из них перенесли тяжелые заболевания, находились между жизнью и смертью, а некоторые — испытали состояние клинической смерти. После этого они почувствовали, что наделены магическими способностями и начали отправлять магические практики.

Следует отметить, что и в русской традиции ритуальные специалисты — «знающие» также обладают способностью входить в такие состояния. Используются для этого особые средства и приемы. Как свидетельствуют наши полевые исследования, традиционные колдуны нередко контактировали со своими помощниками — чертями в состоянии сильного алкогольного опьянения, а до этого — голодали. Один из способов ввести себя и пациента в подобные состояния — чтение заговоров или новых «молитв» (в действительности, это модифицированные заговоры), которые используют современные «знающие». Для восточнославянской заговорно-заклинательной практики характерна аффективно-медитативная техника, которая включает и гипнотическое воздействие.³ Самим способом произнесения заговорных текстов: заговоры произносятся в особом ритме, шепотом или произносятся с придыханием, психологически настраивая пациента на внутреннее спокойствие, гипнотизируя его, «знающие» погружают себя и пациента в измененное состояние сознания, которое близко к первой стадии гипнотического угнетения — лёгкой сонливости, сомнолентности. Интересно отметить, что произносимые шепотом в особом ритме, близком к ритму исполнения колыбельных, заговоры действуют даже на младенцев.

Лечебные практики «знающих» основаны на магических и христианских представлениях. В отечественной науке магические практики обычно изучались как языческая составляющая в двоеверии. Вместе с тем, едва ли справедливо понимать под язычеством весь комплекс магических представлений. Магия является не только частью языческих ритуалов, монотеистические религии также включают магические элементы. Вероятно, это одна из причин, по которой магические и христианские элементы так органично соединились в единую систему — «народное православие». В последние десятилетия исследователи обратились к изучению народного православия как единого целого (Н. И. Толстой,

³ Харитонов В. И. Указ. соч.

Т. А. Берштам, Смилянская и др.).⁴ На наш взгляд, продуктивным является не изучение в отдельности христианских и магических элементов, а изучение разных форм сочетания магического и христианского компонентов в народной религиозности.

В разные периоды истории России соотношение этих форм было различным. Так, в XVIII–XIX вв. в системе народного православия чрезвычайно сильным был христианский элемент. Возможно, парадоксальной покажется мысль о том, что в советское время чрезвычайно усилились магические представления. Это, вероятно, связано с запретом деятельности церкви, которая рассматривалась как враг государства. Магические представления рассматривались как суеверия, менее опасные, чем христианские. Если священники подвергались репрессиям, то «знающим» чаще только угрожали и если даже и арестовывали, то ненадолго. Таким образом, в советское время мы занимались практически только изучением народной религии, в том значении, которое ей придается в западной науке — «фольк релиджн». Разумеется, христианские элементы в народном сознании подспудно присутствовали. Как отмечает Л. Н. Денисова, большинство русских селян, прежде всего женщин, и в годы советской власти оставались приверженцами традиционного православия.⁵ Представляется, что — это пока предварительные заключение — многие функции, которые в деревенском социуме выполняли священники, в советское время перешли к «знающим». Отметим, что в 30–40 гг. XX в. в русских деревнях зачастую «знающие» выполняли обряд крещения. Магические элементы были значительно более сильными, или точнее — более доступны для изучения. За последние двадцать лет — период перестройки — произошли значительные изменения в мировоззрении и религиозности «знающих», методах их лечения, а также их восприятию в социуме. Частично это определяется тем, что в связи с усилением роли церкви вновь усиливаются христианские элементы в народном православии.

Мировоззрение современных «знающих» включает традиционные элементы, христианские, а также новые, почерпнутые из современных

⁴ Покровский Н. Н. Документ XVIII в. об отношении Синода к народным календарным обрядам // Советская этнография. 1981. № 5; Смилянская Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003; Толстой Н. И. Язычество древних славян // Очерки истории культуры славян. М., 1996.

⁵ Денисова Л. Н. Судьба русской крестьянки в XX в.: брак, семья, быт. М., 2007. С. 332.

научных концепций наук о природе Вселенной и человека, среди которых — теории торсионных полей и физического вакуума. Кроме того, в мировоззрении некоторых «знающих» также наличествуют представления, восходящие к иноэтническим религиозно-философским системам, прежде всего — восточным (представления о прошлых рождениях, ауре и др.) С этим связаны и изменения в практиках лечения. Наряду с традиционными способами лечения (заговорами, фитотерапией, мануальной терапией) появляются новые. В. И. Харитоновна отмечает такие новые методы воздействия на человеческий организм, получающие все большее распространение среди практикующих нетрадиционное лечение, как биоэнергетическое воздействие, эниосуггестия, гипноз, оккультизм и др.⁶

Источниками получения сведений по народной медицине служат книги, средства массовой информации — телевидение, радио, газеты, журналы, а также другие ресурсы — пересказ прочитанного или увиденного другими людьми, «придумала», курсы биоэнергетики и др., или обучение у людей, прошедших обучение в подобных заведениях.

Сами современные «знающие» выделяют веру, религиозность как основу своих личностных качеств. Религиозность является доминантой личности нового «знающего». В последние годы в России появились «знающие», которые «лечат святыми». Они являются посредниками между больными и христианскими святыми, и их основная функция заключается в передаче силы или энергии святых. Так, современная экстрасенс заявляет: «Я только прошу Господа Бога и читаю молитвы. И считаю, что это не я исцеляю».⁷ В подтверждение она приводит «молитву» (в действительности, — новый заговор, который представляет модификацию традиционных): «Не я лечу, не я заговариваю, а Божья Матушка! Она лечит-заговаривает, Господа Бога на помощь призывает с ангелами, Архангелами, небесными силами».⁸ По убеждению современных «знающих, они не используют магические практики, а традиционные заговоры считают колдовством.

Как правило, сами «знающие» крещенные. Если пришедший лечиться человек некрещеный, то некоторые знахарки его не принимают, отправляя в церковь на таинство крещения.

По народным представлениям, которые бытуют и в наши дни, одно из главных отличий знахаря от колдунов заключало в том, что они лечи-

⁶ Харитоновна В. И. Указ. соч.

⁷ Харитоновна В. И. Указ. соч. Ч.2. С. 535

⁸ Там же.

ли именем Бога, молитвой, тогда как колдуна считают человеком, связанным с нечистой силой, отрекшимся от церкви и Бога, обращающимся за помощью к Сатане, отправляющим магические практики с помощью чертей. Вместе с тем, основное значение в ритуально-магических практиках знахарей приписывалось действию «слов» — заговоров и магических практик. Так, на Русском Севере знахарей называют по их основной функции — лечению «словами» (заговорами): шепчет, шептунья (шептарь), плюет слова (лечит заговорами) и др.

У современных «знающих» святые выступают в качестве помощников. Как ни парадоксально, — и это противоречит установкам самих «знающих», функции святых сопоставимы с функциями помощников колдунов — чертей. «Знающие» обращаются за помощью к святым, Иисусу Христу, Богородице и при диагностике заболевания, и при лечении. В современную народномедицинскую традицию вошли мотивы Нового завета (Христос исцеляет больных и воскрешает мертвых), а также апокрифов, в которых святые также занимаются целительской практикой; например, в апокрифических сказаниях о житии Николае чудотворце наличествуют мотивы исцеления им больных. Однако в христианской и апокрифической традиции Иисус Христос и святые действуют по собственной воле и отнюдь не являются чьими-либо помощниками.⁹ Таким образом, христианские и народные представления о целительских функциях Иисуса Христа и святых претерпели трансформацию в мировоззрении новых «знающих».

Современные «знающие» залогом успеха лечения считают веру (свою и пациента) в лечение заговорами и магическими средствами: «Если веришь, то и пристаёт» (будет успешным лечение с помощью слов — заговоров), «Верить надо, тогда и помогает», «Надо верить, то и помогает, лекарство пьешь — тоже веришь»».¹⁰ На наш взгляд, здесь мы сталкиваемся с переосмыслением, заповеди Христа, который говорит больному или его родственникам, что спасет их только в том случае, если они верят в Бога. В Новом завете Христос успех проводимого им лечения объяснял верой пациента в Бога: Так, например, в Евангелии от Луки Христос исцеляет 10 прокаженных и одному из них, который вернулся поблагодарить его, Иисус говорит: «не десять ли очистились? Где же девять? Как они не воз-

⁹ Народные русские легенды А. Н.Афанасьева Новосибирск, 1990. № 3, 4.

¹⁰ Полевые материалы автора (далее — ПМА). Архангельская обл.. Шенкурский р-н. 1987.

вратились воздать славу Богу, кроме сего иноплеменника». И сказал ему: встань и иди; вера твоя спасла тебя». (Лк. 17: 11–19).

Некоторые «знающие» делают акцент в определении успеха их лечения на вере в Бога — своей и пациента, как и в христианских представлениях: «...если лечить, надо твердо верить в Бога. Если когда наговариваешь молитвы, надо отдавать себя полностью больному, душу и сердце. Вот так, только тогда будет помощь больному от бабушки»¹¹ Они отказываются лечить некрещеных больных, ссылаясь на то, что их лечение не поможет.

С одной из новых «знающих» — Галиной Александровной Смирновой (75 лет) я познакомилась в г. Нерехта Костромской обл. Это старинный город с населением несколько десятков человек, в советское время там был льнокомбинат, макаронная фабрика и оборонное предприятие. Сейчас все предприятия закрыты, часть населения ездит на работу в Ярославль, зимой занимают очередь на автобус с половины пятого утра. Следует отметить, что в Костромской обл. в настоящее время чрезвычайно активна церковь: возрождаются монастыри, восстанавливаются церкви. Высок авторитет церкви; например, при одном из монастырей создана гимназия, в которой обучаются беспризорные дети. Здесь очень много воцерковленных людей, принадлежащим к разным слоям общества. Именно к таким воцерковленным относится Галина Александровна. Она много молится, читает книги из библиотеки при монастыре. Галина Александровна — достаточно образованный человек, в прошлом — учительница со среднеспециальным образованием.

Галина Александровна относится к числу «посвященных», она получила свои магические способности — «дар» от Бога и святого Николая чудотворца; здесь мы имеем дело вид получения магического знания с помощью «одаривания от Бога», по словам целительницы, «Дар дал Бог»: дар — сложное понятие, оно обозначает дарование, способности, талант; кроме того, по христианскому учению, дар — способность к благодетанию, ниспосланная свыше, данная от Бога, а также свойство быть щедрым, великодушным. У Галины Александровны были видения: «Видела я святых. Первым я видела Николая Угодника. Ночью ... на потолке вижу овал, а в овале — мужчину, волосы растрепаны, а лицо доброе. Мне объяснили, что он выбрал меня (лечить — *Н. М.*)»¹² Впоследствии она увидела на иконе сходный образ. Для православной иконописной традиция характерен спе-

¹¹ Ермакова Е. Е. Указ. соч. Ч. 2. С.81.

¹² ПМА. Костромская обл., г. Нерехта. 2005.

цифический «портретный» облик Николая — высокий лоб, заботливый облик «пастыря».

По мнению целительницы, Бог наделил ее «даром» потому, что и ее родители, и она сама старались делать добро, вели праведную жизнь, не грешили, например, Галина Александровна не делала аборт.

Магические способности она получила после того как сама тяжело болела и лечилась у целительницы, которая лечит святыми. По словам знающей, вначале у нее открылось внутреннее зрение: она могла видеть с закрытыми глазами.

Святые помогают «знающей» при диагностике больного (по ее словам, «Иногда святой дает на подсознание»), чаще больной орган определяется с помощью металлической рамки или маятника — части металлической телевизионной антенны, который в случае порчи вращается на 180° против часовой стрелки. После лечения — маятник вращается — по часовой стрелке. Этот способ диагностики основан на представлениях биоэнергетики.

В процессе лечения целительнице также помогают святые, она мысленно обращается к ним за помощью: «Я прошу поработать, а святые делают»; «Пациенты сидят, с ними святые работают»¹³. На мой вопрос — какой именно святой помогает при определенных болезнях, Галина Александровна затруднилась ответить. По некоторому размышлению она предложила, вероятно, собственную классификацию, основанную на христианских представлениях: «Детми до 10–12 лет управляет Божья мать, она детей направляет, людей до 25–30 лет — Иисус Христос, после 30-ти лет — Николай Угодник»¹⁴. Здесь мы сталкиваемся с формированием новых элементов индивидуального мировоззрения.

После проведения диагностики «знающая» читает молитвы «Отче наш», «Да воскреснет Бог» (уже говорилось о чтении молитв как способе введения себя и больного в особое состояние сознания), а в это время больные сидят, с протянутыми руками ладонями вверх. Затем «знающая» просто беседует с пациентом, расспрашивает его о жизни. При мне пациентами целительницы были несколько местных пенсионеров, 35-летняя учительница старших классов местной школы, 54-летний инженер (отставной военный) из г. Ярославль и др. Мне рассказывали, что иногда у Галины Александровны одновременно на сеансе лечения присутствовало более 30 человек.

¹³ Там же.

¹⁴ ПМА. Костромская обл., г. Нерехта. 2005.

В некоторых случаях, например, при лечении порчи «знающая» прибегает к бесконтактному массажу. Бесконтактный массаж (биоэнергетическое воздействие), который она практикует, связан не только с новыми знаниями, полученными в результате обучения у экстрасенса, закончившего курсы биоэнергетики, чтения специальной литературы и т. п., но и с внутренними ощущениями ее самое, появляющимися внезапно, после травмы, которую она получила.

Во время сеанса лечения «знающая» испытывает болезненные ощущения: «То позвоночник болит, то в сон клонит, то руки тяжелеют». Ощущения тяжести и сонливость свидетельствует о том, что болезнь переходит на нее. После проведения сеанса она иногда чувствует себя больной и обессилившей; по ее словам: «Когда снимаю отрицательную энергию, вся мокрая, и в глазах темно». Считает, что когда работает руками (бесконтактный массаж), «боль частично берется руками, нужно смыть или стряхнуть».¹⁵ По представлениям современных «знающих», на них переходит отрицательная болезнь пациента. Следует отметить, что подобные представления связаны и с практикой традиционных «знающих» — во время проведения лечебного обряда болезнь переходит вначале на знахаря, а затем он уже должен изгнать ее во внешний мир.

После того, как Галина Александровна начинает лечить, ее начинает пугать нечистая сила: «приставать нечистая сила».

Г. А. Смирнова также отваживается на экзорцизм — изгнание бесов, хотя и признает, что «не имеет на это права». Она обладает способностями входить в особые состояния сознания и в это время контактировать с бесами. Так, Галина Александровна пыталась изгнать бесов из больной женщины, в которую вселился бес. Женщина поселилась у «знающей». Галина Александровна вела с бесом длительные разговоры, бес — в ее изложении — существо грубое, скандальное и злобное; так, он пытался спровоцировать больную убежать не одетой на мороз: «Пойдем отсюда. Сюда сегодня самый главный (Сатана — Н. М.) прилетает»¹⁶. Правда, ей не удалось с ним справиться до конца, и она отправила больную на долечивание в монастырь Оптину Пустынь к священнику. Больная поправилась но, как она считает, не до конца, постоянно посещает целительницу: боится возвращения болезни. Женщина эта — очень нервная, впечатлительная, с проблемами в семейной жизни, у нее сильно пил муж. Сло-

¹⁵ ПМА. Костромская обл., г. Нерехта. 2005

¹⁶ Там же.

жилося впечатление, что она находится в полной зависимости у Галины Александровны.

Г. А. Смирнова считает, что получила благословление священника из Оптиной Пустыни, который прислал ей поздравление с пасхой в ответ на ее письмо, где она рассказывала о своей целительской практике. Проблема взаимоотношения знахарей и церкви в работах, посвященных народной медицине, остается неосвещенной. Как известно, официальная православная церковь не признает лечения знахарскими методами, считая их сатанинскими.

Следует отметить, что в наши дни «одержимость бесами» — распространенное психическое заболевание, ими страдают, например, некоторые юноши, которые воевали в Чечне. В традиционном социуме знахари занимались лечением других, по народным представлениям, менее опасных болезней, изгнать беса может только священник, причем очень немногим позволено отправлять экзорцизм. Эта практика бытует и в наши дни.

Появление ритуальных специалистов, «лечащих святыми», привело к тому, что традиционных «знающих», которые лечат заговорами, обвиняют в колдовстве. Так, знахарку в Нерехте, которая долгие годы лечила испуг, грыжу, кожные заболевания, объявили колдуньей. Очевидцы рассказывают, что ее дом временами ходит ходуном — «набит нечистой силой». Магические церкви, например, в 2005 г. я была в отдаленном районе Карелии — 160 км от г. Надвоицы, в п. Валдай в местах, которые описывал М. Пришвин. Там и в настоящее время продолжают функционировать знахарки, в их мировоззрении и практиках преобладают традиционные магические элементы. Правда, и там уже прибегают к услугам экстрасенсов; например, одно из предприятий отправляло целый автобус с местными пьяницами на лечение от алкоголизма к экстрасенсу в поселок, расположенный за 300 км.

Отправление магических практик — серьезный источник доходов Г. А. Смирновой — пенсионерки и инвалида. В 2006 г. она брала за сеанс 50 р. Следует отметить, что это несколько не соотносится с традиционной практикой лечения. За проведение лечебных обрядов знахарю необходимо заплатить: «Не заплатишь, не пристанет (не будет эффективным лечение. — Н. М.). Однако платят продуктами натурального хозяйства, едой и т. п., но не деньгами, и не определенную таксу, а кто сколько может. Бескорыстное лечение и отказ брать за лечение — поздняя практика, основанная на христианских представлениях о том, что Иисус лечил бесплатно.

Такие «знающие», как Г. А. выполняют еще одну важную функцию — контроль за соблюдением норм поведения социума. По традиционным

представлениям, причиной болезни, в частности, порчи, может явиться и нарушение норм поведения в частности, норм поведения в семье, по отношению к старшим, к «знающим». Галина Александровна анализирует с пациентом житейские ситуации, указывает, какие ошибки он совершил, и в случае надобности с помощью магических практик разрешает ситуацию.

Галина Александровна — очень деятельный, властный, доброжелательный человек; например, сотрудники Краеведческого музея г. Нерехта осыпали ее похвалами и характеризовали как очень доброго человека, который помогает многим людям, никому не отказывает. Пациенты обращаются к ней с самыми разными житейскими проблемами, например, Галина Александровна помогает решать семейные неурядицы, иногда выступает наперсницей в сердечных делах, в роли свахи. Ее функции заключаются не только в лечении, по словам целительницы, «я не только лечу, я советую». В городе она известна очень многим жителям и пользуется у них авторитетом и уважением.

Несколько лет я наблюдаю за тем как формируется ритуальный специалист в пос.Луговое Выборгского района Ленинградской области Вера Александровна Воронина (1938 г. р.). Она относится к числу «приобщенных» — людям, не обладающим даром, но отправляющим магические практики и развивающим свои экстрасенсорные способности на основе соответствующей литературы.¹⁷ Вера Александровна усваивает знания из различных книг по целительской практике, биоэнергетике, нумерологии, восточным техникам и пр. Она была младшей в семье, в детстве мать обучила ее проведению некоторых обрядов; так, например, на Егория она совершала магический обход дома и скотины, чтобы обеспечить благополучие и здоровье своих домочадцев и животных, также от матери она усвоила приговор на мытье детей, которым пользовалась, чтобы сохранить здоровье собственных детей.

У Веры Александровны — среднетехническое образование, она долгие годы работала на Выборгском судостроительном заводе, на вредном производстве, тяжело заболело (энфизема легких), многие из ее коллег умерли, не дожив до пенсии. Вера Александровна ушла на пенсию в 49 лет, когда врачи оставили ей несколько месяцев жизни, уехала из города в деревню, занялась там огородом, разводила кур и коз. Она поправилась, но через несколько лет у нее обнаруживают онкологическое заболевание. В Выборге очень мало специалистов-онкологов, чтобы попасть к ним на

¹⁷ Харитонов В. И. Указ. соч.

Фотография 1.

прием, нужно ждать долгие месяцы. Вера Александровна обратилась за помощью к петербургскому экстрасенсу, который «лечит святыми»: «ему святые показывают все органы». Как уверяет В. А. Воронина, томографическое обследование показало, что она полностью излечилась. После лечения у экстрасенса она сама обратилась к изучению специальной литературы и через некоторое время начала отправлять магические практики.

В начале сеанса Вера Александровна определяет возможность излечения пациента с помощью книг по нумерологии. (Фотография 1.) Отметим, что использование оккультных приемов достаточно редкий случай в практике современных целителей. Она определяет сущностные черты человека с помощью расчетов, основанных на числе и годе его рождения. Так, например, дата ее рождения — 28.10.1938. По ее расчетам, у нее три двойки — это свидетельствует о наличии у нее «энергетики», экстрасенсорных способностей белого мага, кроме того, в книгах уточняется, что человек с такой датой рождения наиболее успешно лечит травмы. Это на примерах подтвердила и сама «знающая»

В том случае, если «знающая» берется за излечение «несоответствующих ее сущности» пациентов, лечение не будет успешным. В. А. Воронина привела следующий пример: к ней на лечение родители привезли двух наркоманов. Она провела математические расчеты их даты рождения и выяснила, что один из них обладает способностями черного мага, и он значительно «сильнее» ее. Его родители уговорили ее взяться за лечение. Вскоре после начала проведения сеанса он уснул, наклонившись в ее сторону. Вера Александровна во время проведения сеанса почувствовала себя очень плохо: наркоман — вампир, забрал ее энергию. Разумеется, лечение не привело к излечению, а свою неудачу «знающая» определила особенностями личности больного.

Просчитав дату рождения сына другого больного с рожистым воспалением, она определила, что он обладает экстрасенсорными способностями и может вылечить отца сам. Вера Александровна дала ему переписать заговор на рожу из книги сибирской целительницы Степановой, которой сама она не пользуется. Через три дня сын пациента позвонил ей и сообщил о том, что он заговором вылечил отца: больной, который до этого с трудом передвигался, «побежал» в лес за грибами. Таким образом, «знающая» моделирует нужное ей поведение пациентов и их родственников и конструирует свой статус «знающей».

В. А. Воронина пытается магическими способами влиять на выбор пациентов: она придумала собственную молитву, в которой обращается к Богу с просьбой присылать ей пациентов, которых она может вылечить и которые бы ей не навредили: «Господи, я не могу отказать, но приводи людей, кому я могу помочь. и не во вред себе».¹⁸

После диагностики В. А. Воронина проводит сеанс лечения. (Фотография 2). Основной прием «знающей» — биоэнергетическое воздействие. По ее словам, «она не лечит, а корректирует биоэнергетическое поле», а это приводит к излечению. Некоторые из ее пациентов уверяют, что чувствуют, как из ее рук исходит энергия, а также — свет, кто-то видит прямые лучи, кто-то — рассеянные. Так, она подержала руки над раной на ноге внука, и она затянулась. Лечение биотоками «знающая» сочетает с рациональными приемами: массажем, обмазыванием голубой глиной и др.

Вера Александровна постоянно читает новую литературу по эзотерике, меняет методы лечения и определения сущности человека; так, в последнее время она активно использует даосский гороскоп, изучает книгу: «Свя-

¹⁸ ПМА. Ленинградская обл.. Выборгский р-н. 2009.

Фотография 2.

тые, в каких случаях они помогают». Сама Вера Александровна сожалеет о том, что не закончила курсов экстрасенсов и сетует на то, что в ее становлении как «знающей» помешала семья.

В жизни она занимает активную политику, всегда старалась влиять на поведение близких, стремилась занять руководящие посты, например, в дачном поселке — пост председателя дачного кооператива, правда, неудачно, вероятно, поэтому она выбрала другой вид деятельности, позволяющий ей делать людей зависимыми от нее.

Проведение магических практик способствует тому, что о В. А. Ворониной создается множество мифологических рассказов — быличек. Например, в одном из них Вера Александровна наделяется провидческими способностями: нам рассказал один из ее пациентов, как после лечения у нее он привез своего друга на лечение; «знающая», не видя больного (он сидел в машине) с порога дома выразила сомнение, сможет ли вылечить этого человека, поскольку он некрещеный. Рассказчик выяснил, что так в действи-

тельности и было. Сама Вера Александровна охотно рассказывает о случаях излечения, что, несомненно, способствует упрочению ее статуса. Распространяемые ею и вылечившимися у нее пациентами рассказы об успешных эпизодах ее практики способствуют созданию образа «знающей».

С каждым годом за помощью к В. А. Воронини обращается все больше людей. К числу ее пациентов относятся соседи по поселку и из близлежащих деревень, рабочие Выборгского судостроительного завода, один из ее пациентов — офицер, зам начальника ближайшей погранзаставы. Вера Александровна просчитала его сущность, и выяснила, что он сам может себе помочь, поскольку наделен экстрасенсорными способностями.

Статус «знающей» постепенно упрочивается, молодящуюся даму начинают называть «бабой (бабкой) Верой» и говорить, что она много знает, то есть она переходит в разряд знающих.

Вместе с тем, в ближайшем социуме происходит создание нарративов о том, что Вера — колдунья: «Вера может испортить». Как многих обладателей «тайного» знания, ее начинают подозревать в колдовстве. Соседи ее побаиваются, и стараются избегать с ней отношений, а тем более — конфликтов. На примере современных «знающих» прослеживается, как эзотерическое, сакральное знание функционирует (преломляется, искажается) в пределах конкретного социума.

В современном социуме нередко происходит идеализации образов умерших «знающих». Так, в д. Великое Выборгского р-на Ленинградской обл. мы столкнулись с конструированием образа святой Левшиной Ольги Ивановны (переселенки из Усть-Кубенского района Вологодской обл.). О. И. Левшина — «знающая», слепая прорицательница. (Фотография 3). Изложение биографии и магических практик Левшиной ее родственниками напоминают биографии святых, например, Матроны Московской.

О. И. Левшина умерла в 1957 г. в возрасте 82 лет. Она родилась в зажиточной семье, ее отец содержал лавку, торговал холстом. Девочка была грамотна, и после смерти матери она помогала отцу в лавке. Семья была религиозной, девочка много времени проводила в церкви, пела в церковном хоре.

В версии, сообщенной одной из ее внучек, Ольге Ивановне было немногим больше 30 лет, когда в ее дом зашел старик-странник с седой бородой. Он оставил женщине медный крест (распятие) и расшитое покрывало и скрылся, как будто растаял. Впоследствии увидев на иконе Николая-чудотворца, она поняла, что это был именно он.¹ Как уже говорилось, виде-

¹ ПМА. Ленинградская обл.. Выборгский р-н. 2008.

Фотография 3.

ния святых являются предзнаменованием того, что человек обладает целительскими способностями (ср.: описанные видения Г. А. Смирновой). После посещения странника Ольга Ивановна ощутила в себе магическую силу и начала отправлять магические практики.

В более реалистичном варианте изложения этого же факта биографии О. Левшиновой, записанного от другой внучки, к молодой Ольге подошел странник из Иерусалима: «Оля-радость, я тебе подарок привез» и вручил ей покрывало, вышитое изображениями ангелов и надписью «Святый Боже, святой крепкий, помилуй нас»). Подаренным крестом она лечила («она крестом наставляла на больное место»), а в покрывале ее похоронили.²

Последние 30 лет это была слепая провидица, ясновидящая; слепой она стала в результате несчастного случая: напоролась на вилы. На новое место жительства она переехала, когда ослепла, тем не менее, к ней приходили узнавать о потерявшихся животных и она точно назвала место

² Там же.

их нахождения. Она предсказывала будущее членов своей семьи. Например, она была недовольна тем, что у ее единственной дочери родилось четверо детей. Когда зять спрашивал, почему она его не любит, она отвечала, что он «наплодит детей и оставит их сиротами», он действительно умер, не дожив до 40 лет. Больше всего она баловала и просила беречь среднюю внучку Ольгу, и когда другие внуки упрекали ее в этом, она отвечала, что она «недолговечная», и, действительно, эта внучка умерла в 37 лет. Мы столкнулись в фактом, который нам не удалось обнаружить нигде в этнографической литературе: она обладала даром определять, девственна ли девушка, взяв ее за руку; так, она всегда сразу же после приезда брала за руку старшую внучку, которая училась в городе и жила в общежитии, и только после этого удовлетворенно здоровалась и хвалила ее: «Хорошая девочка».

О. И. Левшина предсказывала с помощью Евангелия: она клала на голову человека Евангелие и просила назвать «параграф», затем цитировала этот раздел наизусть и толковала его значение.

По рассказам ее родственников, Ольга Ивановна предсказывала и будущее политических деятелей. Так, в 1952 г. к ней приезжал корреспондент одной из московских газеты и записывал ее воспоминания о каком-то съезде партии, на котором она присутствовала в качестве народного представителя, «массовки» (каком — внуки затруднились сообщить), он забрал фотографию, на которой она была изображена неподалеку от Н. К. Крупской. Она очень испугала корреспондента, заявив ему, что «Сталин вскоре умрет, а Берию накажут».³ Изложение этих фактов ее биографии напоминает деяния Матроны Московской и Ванги. Ольга Ивановна чрезвычайно интересовалась политикой, и корреспондент добился, чтобы ей поставили бесплатное радио.

О. И. Левшина умела лечить детские, кожные заболевания и др. Внучка помнит, как она вылечила ушибленную руку, водя ею по солнцу и читая Воскресную молитву. К ней приходило много народу. Так, например, она вылечила от фурункулов директора местной школы — коммуниста, атеиста. Внучка рассказала, что, сидя на печи, наблюдала за процедурой лечения, которая сводилась к следующему: бабушка Прасковья читала «воскресную молитву»: «Да воскреснет Бог, да расточатся враги его...» и поила и умывала больного святой водой, т. е. водой, в которую был опущен крест. Вместе с тем, соседи уверяют, что она лечила заговорами.

³ ПМА. Ленинградская обл. Выборгский р-н. 2007.

Внучки-комсомолки стеснялись практики бабушки и спрашивали ее, не колдунья ли она. Ольга Ивановна свои знания определяла как данное Богом: «Нет, я у Бога прошу». Практику матери осуждала и дочь — бригадир: «колдуньей будут называть». Ольга Ивановна твердо настаивала на своем: «Я никому ничего плохого не сделала, я только через Бога».

Ее бытовое поведение основано на христианских заветах: «Бога признать, не воровать, делать добро людям». В соответствии с этими принципами она воспитывала свою дочь и внуков. В голодные послевоенные годы ее дочь была бригадиром, вдовой с четырьмя детьми, но она никогда не украла ни одного зернышка, и когда в воровстве уличили женщин из ее бригады, она по-христиански оценила их проступок: «Это голод вас заставил».

За отправлением магических практик Ольга Ивановна никогда не брала денег, а только принимала подарки детям — чай, пряники, конфеты. Бабушка отказывалась брать плату деньгами: «Если я возьму деньги, то Господь мне не поможет».

Человек она была достаточно властный, активный, пока не ослепла, любила руководить, хотя бы школьниками на уборе колосков. Ольга Ивановна считала возможным вмешиваться в жизнь близких: так, она настоятельно советовала одной из внучек выйти замуж за поклонника, который ей не нравился, и оставить того, кого она любила: «Он больной». Всю жизнь внука чувствовала себя несчастной.

По словам информаторов, Левшина только «на хорошее знала». В качестве примера приводят случаи, лечила детей, могла приворожить ушедшего мужа и т. п. Соседи, которые были детьми в последний период ее жизни, характеризуют ее как доброго, гостеприимного человека. Семейная жизнь ее была благополучной, они очень дружно жили с мужем, и она пережила его всего лишь на год. По воспоминаниям односельчан, она — грамотный, разумный, здоровый человек.

Одна из ее внучек — жена местного бизнесмена, в прошлом — заместителя директора одного из институтов РАН. В рассказах о ней, записанных от одной из ее внучек и мужа этой внучки, мы столкнулись с конструированием образа святой. Они с мужем создают миф о том, что бабушка — святая, в последние годы жизни ничего не ела и только молилась, как святые, предсказала собственную смерть — на Пасху: «Я умру в блаженстве, меня не тревожьте». Умерла она на второй день Пасхи, легко, и по словам близких, от нее исходило благоухание, как от святых.

Фотография 4.

Следует отметить, что наши дни многие экстрасенсы сравнивают себя с святыми. Так, например, В. И. Харитонова опубликовала интервью с современной экстрасенсом, которая на вопрос «почему ей подчиняется нечистая сила?» ответила: «Я вот спрашиваю у больных: кто я? как они меня видят? И они говорят: святая! вся в крестах, вся в иконах... Моя внучка вся в иконах родилась, моя дочь вся в иконах... Нас прямо святыми называют»⁴

Для сравнения версия смерти О. И. Левшиной в изложении соседей: «она была ворожея» и определила время своей смерти, она «много знала».

На могиле «знающей» несколько лет назад ее родственник-бизнесмен установил огромный крест с постоянно горящей лампадой. (Фотография 4). Бизнесмен считает, что в какой-то мере он является преемником «святой».

Муж внучки создает образ святой «бабушки Оли» для упрочения собственного статуса. Вместе с тем, в традиционном сознании он сам — колдун.

⁴ Харитонова В. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 535.

Фотография 5.

Мне рассказывали, как он сглазил нескольких детей. В народных представлениях, власть и богатство связаны с колдовством. Болезнь его близких (внук — идиот) рассматривают как кару за прегрешения. Он чрезвычайно непопулярен в своей деревне, поскольку в его магазинах торгуют просроченными продуктами, до Выборга — 40 км. Деревня бедная, она была отделением крупного совхоза, сейчас там безработица, часть молодежь ездит на работу в Выборг или на таможню на финской границе, среднее и старшее поколение спивается. Поддеревни работает на этого бизнесмена. Человек сложный, в прошлом увлекался буддистскими практиками. Он владелец нескольких магазинов и староста новой церкви в пос. Кондратьево Выборгского р-на Ленинградской обл., по словам его жены, построенной на их деньги и пожертвования финской лютеранской церкви. (Фотография 5). Мне показалось, что будь другой староста в церкви, она привлекла бы больше паствы. Его попытки создать образ святой «бабушки» едва ли увенчаются успехом, потому что в представлениях людей, которые ее помнят, О. И. Левшина — традиционная знахарка, ворожея, прорицательница.

Следует отметить, что значительная часть населения маленьких городов и деревень на протяжении своей жизни обращались за помощью к «знающим» случаям нервных и психических заболеваний, некоторых хирургических (например, грыжи, вывихов и пр.) и др.

Как в сельской местности, так и в маленьких городах существует негласное «перераспределение» лечебных функций между медициной официальной (врачами, фельдшерами) и традиционной (знахарями). С одной стороны, врачи рекомендуют своим пациентам обратиться к народной медицине, в основном, для лечения грыжи и нервных расстройств. С другой стороны, в некоторых случаях «знающие» отправляют больных на лечение к врачам.

Услуги психиатрии в России развиты плохо. В представлении жителей деревни и маленьких городов она ассоциируется либо с лечением закоренелых преступников, либо с неизлечимым помешательством, когда больного человека до конца дней помещают в психиатрическую лечебницу. Считается, что это — конченные люди. Поэтому так востребованы услуги новых «знающих» в случае психических заболеваний. Как сказал детский врач-психиатр, прослушав мои записи заговоров, «если бы мамы моих пациентов произносили эти заговоры и пели детям колыбельные, у меня бы не осталось пациентов».

Деятельность «знающих» направлена на излечение болезней, сохранение здоровья, что, в свою очередь, по классификации А. Маслоу, ведет к удовлетворению потребностей членов социума в безопасности и защищенности, которые в свою очередь, способствуют удовлетворению их физиологических потребностей. Сами «знающие» с помощью отправления магических практик удовлетворяют физиологические потребности (плата за отправление магических практик — главный источник их доходов), социальные потребности и потребности в уважении (приобретение достаточно высокого социального статуса).

Социальные функции современных «знающих» заключаются в том, что их деятельность направлена на помощь членам социума в социальной адаптации в условиях динамически изменяющейся социальной среды, в том числе — отрицательных; в переломные моменты истории людям необходимы дополнительные знания и такими знаниями являются знания ритуальных специалистов.

Религиозное сознание и повседневные практики верующих студентов¹

Г. В. Еремичева

В статье представлены первые результаты опроса студенческой аудитории нескольких петербургских Вузов. В анализ включено 100 первых анкет собранных в нескольких ВУЗах СПб и на нескольких факультетах ГУ. То, что это достаточно однородная группа, в основном, гуманитарии, почти одного возраста от 18–22 лет позволяет предположить, что выявленные тенденции вполне реальны, но насколько будет проверено в последующем этапе опроса в группах студентов естественных и технических факультетов. А также соотнесено с результатами других исследователей.

Известно, что социальная нестабильность и напряженность в современном обществе сопровождается усилением религиозности и существенными изменениями в его менталитете. Так, в начале 90-х наряду с ростом интереса к православию, наблюдалось активное увлечение разных групп населения религиозными течениями нетрадиционных для России религий. Такие как кришнаизм, различные направления индийских верований, многочисленные виды протестантских движений и др. По мнению исследователей этих процессов, в настоящее время наметилась явная стабилизация интереса к православию населения страны в целом, а религиозная идентичность стала более значимой в иерархии разных культурных самоидентификаций. Каковы же особенности современной религиозности как массового явления, характеризующегося вариативностью альтернативных сценариев, множественностью социальных, культурных и религиозных практик я и попыталась описать при анализе эмпирического материала.

Оговорюсь сразу, что в нашу задачу не входило выяснение того, насколько глубоки убеждения студентов в отношении веры, их знания сущности доктринальных положений православия (сущность Троицы, прихода ИХ) и принятие их. Для нас важнее было выяснить механизм связи

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Трансформации религиозного сознания постсоветского верующего в городской и сельской среде (украинский и российский контекст)». Грант РГНФ-НАН Украины. 2008-2009 гг. №08-03-91307а

верующих студентов с православием, как с группой, к которой он отнесен уже фактом рождения и традициями культуры или это вполне осознанный религиозный выбор, сопровождающийся особой религиозной дисциплиной в следовании православному учению, исполнению обрядов и т. п.

Первое, что очевидно и совпадает с результатами других исследований, это преимущественная самоидентификация респондентов как православных. Абсолютное большинство студентов назвали себя верующими и считают себя православными. (63,3%) Даже те, кто еще не определился, так же указали на то, что православие им ближе других вероисповеданий. Наиболее важным фактором в религиозном выборе для них оказалось влияние окружающей среды и друзей (70%), много меньше семьи и родителей (20%). И это несмотря на то, что почти у всех из этой группы, верующими были оба родителя или один из них (чаще всего мать). Значительно меньше молодых людей осуществляли религиозный поиск самостоятельно, некоторых подтолкнула «трудная жизненная ситуация». Неслучайным, на наш взгляд, оказалось и то, что абсолютное большинство верующих были крещены в детстве и дальше своих взглядов не меняли. Этот факт заслуживает внимания, поскольку, учитывая возраст респондентов, они были крещены где-то в начале 90-х. Чуть меньше трети ответивших начали интересоваться религией в студенческие годы. (24%) А носителями религиозных традиций в семье, безусловно, были представители старшего поколения и реже родители.

Среди тех, кто уверенно считает себя верующими, заметна доля тех, кто не считает необходимым посещать церковь или храм, выполнять повседневные религиозные практики, которые предписывает православие. Те же, кто это делает, на наш взгляд, не являются достаточно активными. Например, половина верующих посещают церковь только несколько раз в год (50%). Значительно меньше посещают ее несколько раз в месяц (22%). А если и бывают в церкви, то чаще всего в религиозные праздники, «по настроению» или «заходят, когда бывают рядом». Совсем немногие несколько раз в году исповедуются или слушают проповеди. Поэтому вполне естественно, почему так велика доля ответивших верующих не включенных в религиозную жизнь никакой церкви. Они не являются членами общины, не посещают религиозных занятий, которые регулярно проводятся сейчас во всех церквях города, не выполняют никаких религиозных обязанностей и при этом считают, что не ощущают во всем этом никакой необходимости.

На вопрос: Что же для Вас является важным при посещении церкви? Абсолютное большинство отмечает: прежде всего, атмосферу духовности,

желание помолиться и поставить свечи. «Обретение благодати» и церковная живопись в равной степени значимы в момент посещения. Церковное пение и обряды отмечены реже, но тоже значимы. В этой связи возникает сомнение в правильности восприятия верующими студентами религиозного понятия «Обретение благодати», поскольку, вполне возможно, оно связывается ими скорее с эстетическими ощущениями, а не религиозными. Конечно, этот тезис следует проверить.

Самыми распространенными и желательными предписаниями в религиозной жизни оказались церковные праздники (32%), чтение молитв (34%), соблюдение постов. Радует тот факт, что более половины верующих хотят соотносить свое поведение в повседневной жизни с религиозно-нравственными нормами (30%). Требуется уточнения и тот факт, что, с одной стороны, некоторые верующие считают нужным иметь дома религиозную литературу, а, с другой, число тех, для кого важно изучать канонические тексты Библии заметно меньше. Совсем не привлекательными для молодежи оказались паломнические и миссионерские поездки. Хотя известно, что во многих церквях религиозный туризм развит достаточно хорошо и маршруты таких поездок очень разнообразны. Интересно, что сходные распределения были получены по аналогичному набору выполняемых предписаний, но только для членов семьи.

Несмотря на то, что группа тех, кто не считает необходимым выполнять какие-либо предписания церковной жизни среди верующих студентов в целом достаточно велика, также значительна и доля тех, для кого соблюдение религиозных обрядов при рождении ребенка и похоронах близких обязательны. Меньше тех, кто готов венчаться при бракосочетании. Вероисповедание избранника или избранницы для абсолютного большинства респондентов не имеет значения, хотя все же лучше, если он или она православные.

Учитывая, что за последние годы позиции ПРЦ в нашем обществе заметно усилились, а участие религиозных лидеров в политике и светской жизни приобрели явно публичный характер, нам было интересно отношение студентов к этому процессу. И хотя в целом, большинство верующих студентов ответило, что это им не интересно или они относятся нейтрально, все же сделать определенные выводы вполне возможно. Так, половина ответивших студентов считает, что введение религиозных дисциплин в школах и вузах является, по их мнению, вмешательством в светскую жизнь общества, примерно также расценивается и участие как священнослужителей в правительственных мероприятиях, так и высокопоставленных чи-

новников в богослужениях. Как вмешательство воспринимается и активизация религиозных деятелей в общественно-политической жизни страны или коммерческая деятельность церкви. С другой стороны, активно была поддержана деятельность религиозных лидеров по сближению представителей различных вероисповеданий. Как полезная воспринимается благотворительная и миссионерская деятельность церкви. Неожиданным оказалось позитивная оценка трансляций по ТВ церковных праздников и церемоний, а также включение в жизнь церкви светских мероприятий для молодежи — культурные программы, религиозный туризм, изучение иностранных языков.

Респондентам предлагалось также выбрать то и или иное суждение, которое в наибольшей степени отражает их отношение к религии в целом. Большинство верующих студентов поддержало высказывание о том, что «религия — это часть мировой культуры, которая оказывает на локальные культуры позитивное, взаимообогащающее влияние, обеспечивает сближение и сотрудничество культурно-религиозных общностей».

Также поддержана была идея о том, что «религия объединяет людей в государстве, позволяет ощущать себя одной национальности с моим народом, позволяет самоопределиваться, восстановить свои корни и традиции».

Абсолютно неприемлемым оказалось высказывание о том, что «религиозная жизнь требует выполнения обязательных религиозных обрядов, посещения религиозных учреждений, постоянного общения с религиозными наставниками».

Отрицательно было воспринята идея о том, что религия разделяет людей препятствует объединению приверженцев разных конфессий, провоцирует конфликты в многонациональных обществах».

Неоднозначно, а точнее почти в равных долях поддержавших и отказавшихся, было воспринято высказывание о том, что «Религиозная жизнь человека — это глубоко интимный процесс, который не требует посещения религиозных учреждений, меня вполне устраивает личное общение с Богом (Всевышним и т. п.) в тех формах, которые я для себя выбираю».

В заключении: Несмотря на то, что представленные результаты — это только самый предварительный анализ, тем не менее, как мне кажется, удалось не только показать, но и в определенной мере проинтерпретировать ситуацию достаточно высокой значимости православной самоидентификации при достаточно низкой религиозности верующих студентов, как это было принято понимать. (знание догматов учения, глубокая вера, прилежное выполнение церковных предписаний)

Удалось выявить следующие тенденции, которые, безусловно, будут проверены:

1. Религиозная идентификация тесно связана с культурными традициями и этническим самосознанием. Во многих случаях религиозный выбор обусловлен рождением в православной среде, традициями в образе жизни, национальной идентичностью.
2. Религиозное сознание современных верующих и, прежде всего, представителей молодого поколения фрагментарно и эклектично. Принятие догматов религиозного учения и религиозных предписаний как показатели, характеризующие «настоящего верующего» теряют свою значимость, а значение религиозных праздников и публичных мероприятий возрастает.
3. Очевиден процесс «обмирщения» религиозной жизни, который проявляется в том, что человек сам пытается конструировать свою религиозность, подбирать удобные для него формы ее проявления.
4. Вполне актуальной представляется дискуссия, которая сейчас ведется в литературе об уточнении самого понятия верующий, главным признаком которого становится вера в принадлежность к конфессии, а не доктринальные положения. (Мчедалов, Казьмина, Возьмитель, Токарев, Дж. Ганн) др.) чрез идентификацию к личной вере.
4. Молодежь по отношению к роли религии в общественной жизни начинает актуализировать собственные позиции. И это не безоговорочное приятие расхожих клише, но и критическое восприятие некоторых аспектов деятельности церкви и ее взаимодействия с государством. Формирование понимания необходимости взаимного сосуществования различных конфессий.

В дальнейшем предполагается проанализировать процесс роста функциональности религии в различных ее выражениях и своеобразие секуляризации индивидуального и общественного сознания в повседневной жизни молодых людей.

Трансформация сферы занятости: глобальные и локальные аспекты

Е. П. Евдокимова

Трансформацию сферы занятости можно считать одним из важнейших направлений социальных изменений в современном мире, ключевым механизмом формирования и воспроизводства социального неравенства. Именно в сфере занятости разворачиваются процессы, связывающие макроизменения общества и микроизменения индивидуальных практик, через практики занятости во многом глобальные тенденции воздействуют на повседневную жизнь людей. С другой стороны, поведение конкретных людей в сфере занятости — как значимая часть их индивидуального экономического поведения, суммируясь, приводит к формированию новой социально-профессиональной структуры общества.¹

В своей статье я пытаюсь представить некоторую структуру механизма изменений в сфере занятости и их взаимодействия с макропроцессами в контексте глобализации/локализации.² Трудовая деятельность как деятельность индивида всегда протекает в конкретном пространстве/времени. В то же время, процессы глобализации, компьютеризации, виртуализации ослабляют, с одной стороны, зависимость выполняемой работы от конкретного местоположения индивида, а с другой — привязанность мест приложения труда к месту жительства. Все более распространенными становятся различные формы дистантного трудового взаимодействия, трудовой миграции. В то же время, включенность или исключенность из этого процесса создает новое основание социального неравенства.

Трансформация сферы занятости происходит под воздействием самых различных факторов, среди которых можно выделить такие группы, как:

¹ Подробнее этот подход изложен в: Пиирайнен Т., Турунцев Е. Макросоциальная трансформация в России // Повседневность середины 90-х годов глазами петербуржцев. (Под ред. И.Травина, Ю.Симпура). Санкт-Петербург, «Европейский Дом», 1999. С. 11–26; Piirainen, T. Towards a New Social Order in Russia. Transforming Structures and Everyday Life. Dartmouth, 1997.

² О влиянии процесса глобализации на индивидуальное пространство подробнее см.: Евдокимова Е. Глобальное и локальное в жизненном пространстве индивида // Социология вчера, сегодня, завтра. Материалы Социологических чтений Памяти Валерия Борисовича Голофаства, Санкт-Петербург, 2007. С. 54–63.

- технологические;
- экономические;
- политические;
- культурные.

Изменения в самых различных областях общественной деятельности, требуют своего кадрового обеспечения — будь то развитие техники, торговли, рекламы, банковской сферы, политического плюрализма или культурного взаимодействия — все эти изменения предъявляют спрос на работников с определенными навыками. Фактически все проходящие в обществе изменения создают те или иные рабочие места — и таким образом преобразуют сферу занятости. В то же время, каждая группа факторов оказывает свое специфическое воздействие на эту сферу.

Под влиянием технологических изменений происходит, прежде всего, изменение содержания труда, появляются новые профессии, меняются формы и способы осуществления профессиональной деятельности. Технологический прогресс приводит к появлению новых видов товаров, новых способов производства, новых форм организации труда. Самый яркий пример: появление новых средств, обеспечивающих мобильность (развитие транспорта, в том числе индивидуального, систем мобильной связи, миниатюризация компьютерной техники) существенно изменило организацию труда, как в различных производственных сферах, так и в сфере услуг. Появление так называемых «мобильных офисов» существенно расширило как возможности индивидуализации выпускаемой продукции и оказываемых услуг, так и спектр вариантов организации соответствующих видов деятельности. Можно сказать, что технологические изменения поддерживают технологическую и организационную гибкость современного производства, и развитие в этом направлении продолжается.

Экономические факторы определяют привлекательность тех или иных рабочих мест, профессий, видов занятости. Дефицит кадров в одной области и их переизбыток в другой запускают механизмы профессиональной мобильности, в свою очередь, обеспечивающие интенсивное развитие тех или иных сфер деятельности. Ярким проявлением такого действия экономических факторов является увеличение численности занятых и престижа занятости в сфере услуг (в особенности — бизнес-услуг), за счет занятости в промышленности и сельском хозяйстве, где снижается численность работающих и падает престиж.

Кроме того, множественность форм собственности и видов занятости приводит к тому, что сходные виды работ оцениваются совершенно по-

разному, в зависимости от конкретного места работы. В результате работники одной профессии оказываются в совершенно разных доходных и потребительских группах — происходит размывание экономического статуса таких профессиональных групп (наиболее очевидно это для работников сферы социальных услуг, оказываемых как на платной, так и на бесплатной основе — педагогов и медиков).

Наконец, экономические факторы воздействуют на ресурсы, выносимые на рынок труда — прежде всего, человеческий капитал. Приобретение и воспроизводство необходимых знаний, умений, навыков требует все больших затрат — материальных и экономических, а динамика развития тех или иных отраслей экономики во многом определяет эффективность конкретных затрат.

Политические факторы связаны с положением работников в обществе, свободой перемещения рабочей силы, закрытостью/открытостью тех или иных рынков труда. При этом механизмы действия политических факторов — разнообразны. Прежде всего, само существование рынка труда своей необходимой предпосылкой имеет свободу работника от внеэкономического принуждения к труду. В то же время, сфера занятости является ареной активной государственной политики — трудовое законодательство, поддерживающее определенный баланс интересов работников и работодателей, государственное лицензирование и регулирование различных видов деятельности, непосредственные меры по созданию рабочих мест и содействие ищущим работу — все это важные направления деятельности современного государства.

Кроме того, важное влияние на сферу занятости оказывает политика в области образования (как общего, так и профессионального), а также демографическая и миграционная политика — все это оказывает существенное влияние на специфическое положение на локальных рынках труда. Направленность вмешательства государства в сферу занятости и смежные сферы напрямую зависят от политэкономических приоритетов доминирующих политических субъектов. В свою очередь, созданная такими действиями политико-экономическая ситуация в значительной мере определяет набор доступных вариантов трудового поведения. Можно сказать, что политический плюрализм вносит свой вклад в гибкость и подвижность сферы занятости.

Политические, экономические, технологические изменения формируют не только новые поведенческие практики, но также и изменения норм соответствующего поведения. Изменившиеся нормы, в свою очередь, ста-

новятся стимулами или барьерами, влияющими на набор доступных вариантов поведения. Кроме того, мультикультурализм как феномен современной жизни также требует гибкости и совместимости этих норм, в том числе, относящихся к трудовой сфере.

Культурные факторы ярко проявляются в наличии языковых барьеров — актуализирующихся в условиях интенсивного создания глобального рынка труда. Барьеры и коллизии в столкновении культурных норм и стереотипов (которые отражаются в языке и зачастую создают «трудности перевода») менее очевидны, но оказывают на сферу занятости не меньшее влияние.

В результате комплексного действия всех этих факторов сфера занятости в настоящее время меняется в сторону большей пестроты, гибкости, неоднородности, неопределенности.³ Эти изменения проявляются в различных параметрах.

Прежде всего, размывается само содержание профессии как устойчивого набора используемых знаний и навыков. Ускорение темпов обновления этих знаний и навыков, требуемых для выполнения определенных профессиональных функций, приводит к большей подвижности этой характеристики — в результате профессия перестает быть относительно стабильной характеристикой индивида. Смена профессиональной принадлежности в течение активной трудовой жизни становится все более распространенным явлением. Соответственно, профессия — в традиционном понимании — теряет свою ценность и значимость в качестве группообразующего фактора, социальные группы, образованные по профессиональному признаку, становятся все менее устойчивыми, все более условными.

Еще более динамичным оказывается профессиональное поле в целом, где различные профессии повышают или теряют свою роль, свою общественную значимость, свой престиж — в соответствии с динамичным положением на рынке труда. В результате даже стабильный профессиональный статус может сопровождаться достаточно разнообразными изменениями экономического и — более широко — социального статуса индивида. Это также способствует большей подвижности и неопределенности социально-профессиональной структуры общества.

Наконец, сфера занятости становится ареной сочетания разнообразных гибких форм организации — различных форм занятости, различных

³ Подробнее об изменениях в обществе, которое он называет информационном, и сфере занятости, как его важнейшей части: Кастелс, 2000.

режимов труда, приспособленных к конкретной производственной ситуации, направленных на решение конкретных, сиюминутных и временных задач. Перерывы в занятости, временная занятость, множественная занятость — все это делает профессиональный статус индивида еще более условным и неопределенным, а социально-профессиональную структуру в целом — еще более размытой.

Такая гибкость, подвижность, аморфность, неопределенность делают профессию значительно менее удобным инструментом анализа социальной структуры общества, чем это было ранее. Тем не менее, это не отменяет значимости профессиональной деятельности в конструировании социальной реальности — такая деятельность остается важнейшим сегментом повседневной жизни и ключевым механизмом взаимодействия макро- и микро- уровней социума. Соответственно сохраняется важность анализа этой деятельности для понимания социальной реальности. Однако такой анализ становится значительно более сложным, требующим учета новых факторов, выработки новых исследовательских подходов.

Неравенство, основанное на профессиональной принадлежности, также меняет свою форму. Сфера занятости — это главная арена действия механизма социального включения-исключения. Специфика действия этого механизма в сфере занятости в новых условиях подробно рассматривается У. Бек⁴. Исключенность из трудовой сферы приводит к резкому сокращению всех ресурсов ведения социально и индивидуально приемлемого образа жизни, снижению потребительских стандартов, ослаблению и распаду многих социальных связей. В результате происходит резкое сужение социального пространства — в том числе, в проекции на пространство физическое, «исключенные» живут в сжавшемся мире. В несколько более слабой и медленной форме аналогичные процессы запускаются, когда человек, сохраняя свой формальный профессиональный статус, оказывается в зоне застоя и стагнации — в результате изменения структуры профессионального поля.

Аморфность показателей профессиональной деятельности проявляется в существовании множества «пограничных» статусов занятости — временной занятости, неполной занятости, формальной занятости, кратковременной безработицы и т. п. Причем, например, кратковременная безработица может быть нормальным переходным состоянием (между

⁴ Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., «Прогресс-Традиция», 2000.

двумя проектами) представителей высокостатусных групп — и, соответственно, не быть показателем исключенности. С другой стороны, критерий этой «кратковременности» не является заданным, всегда остается риск затягивания времени ожидания, перехода безработицы в долговременную и запуска механизма социального исключения.

В условиях размывания и ослабления структурных параметров социальная проблема исключенности переводится на индивидуальный уровень (подробно о механизме этого перевода писал также У. Бек⁵). На этом уровне под вопросом оказывается адекватность тех ресурсов, которыми обладает индивид, для поддержания или восстановления своего социального статуса. Иными словами (в терминах Бурдье и его последователей⁶) речь идет о «ликвидности» его человеческих капиталов. Пользуясь этими терминами, можно говорить о следующих процессах, характерных для нынешнего этапа развития сферы занятости:

1. Профессиональный капитал быстро обесценивается, требуя постоянного обновления и корректировки. В результате, с одной стороны, требуются постоянно возрастающие затраты — материальные и временные — на его поддержание. С другой — уменьшаются барьеры (в том числе мотивационные) к профессиональной мобильности, процессы мобильности интенсифицируются, социально-профессиональная структура становится более размытой и подвижной.

Восстановление и сохранение профессионального капитала требует постоянных усилий по повышению квалификации. Причем существовавшая ранее система повышения квалификации во многом функционировала за счет совмещения в одном лице государства и работодателя. При разделении этих ролей государство устранилось от выполнения этой функции. Частные же работодатели оказались неготовыми к такого рода долгосрочным инвестициям, особенно в российской экономической ситуации, когда краткосрочные инвестиции приносили огромные прибыли, а перспективы были неясными. В результате издержки поддержания профессионального уровня (сохранения профессионального капитала) ложатся во многих случаях на самого работника. Невозможность или неготовность людей нести эти издержки (тратить на это усилия, время, а зачастую и деньги) запускает один из механизмов исключения.

⁵ Бек, У. Что такое глобализация. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

⁶ Бурдье, П. Формы капитала // Экономическая социология, 2002, Т.3, № 5. С. 60–74. www.ecsoc.msses.ru.

2. В структуре профессионального капитала повышается роль т. н. функциональной грамотности (универсальных знаний и навыков, необходимых для эффективной работы в любой сфере), причем ее содержание постоянно меняется. В настоящее время в ее состав входят навыки работы на компьютере, знание иностранных языков, навыки автовождения, коммуникационные навыки. Обладание этим набором навыков повышает конкурентоспособность людей практически во всех видах деятельности, отсутствие же каких-то из этих навыков — существенно сокращает диапазон возможностей использования «основной части» профессионального капитала.

Повышение роли универсальных навыков запускает механизм исключения другого рода. Недостаток универсальных навыков может до поры до времени не сказываться на выполнении рутинной профессиональной деятельности. Но он, безусловно, является препятствием для профессиональной мобильности в направлении более «продвинутых» рабочих мест — в своей ли профессии, или в смежной. В то же время, постоянное изменение социально-профессиональной структуры приводит к тому, что рабочие места, не предъявляющие требований к этим навыкам, оттесняются на периферию социально-профессионального поля, так что занимающие эти места люди попадают в ситуацию нисходящей социальной мобильности, практически ничего не меняя в своей жизни.

3. Растет значимость социального капитала в сравнении с культурным и символическим. Все более важным фактором трудоустройства оказывается включенность в различные социальные сети — в первую очередь, профессиональные, но наряду с ними — также дружеские, родственные, территориальные и т. п. Гибкая организация производства предоставляет благоприятные возможности тем работникам, кто может «оказаться в нужное время в нужном месте» — именно этого качества лишены исключенные из социальных сетей. Таким образом, объем и форма социального капитала оказывается важнейшим звеном, замыкающим (или, напротив, разрывающим) круг воспроизводства бедности и исключенности.

Возвращаясь к контексту глобализации/локализации, можно выделить следующие группы локальных ограничений, действующих в сфере занятости:

- ограничения, связанные с предметом труда;
- ограничения, связанные с условиями труда (наличие или отсутствие производственной инфраструктуры);
- наличие или отсутствие необходимой профессиональной среды.

Рассмотрим действие этих ограничений более подробно.

На ограничивающем действии предмета труда, практически, основана экономическая география, по крайней мере, та ее часть, которая касается размещения средств производства. В одних случаях, производство размещается вблизи источников сырья, в других — вблизи источников энергии, в третьих — привязывается к транспортным потокам, в четвертых — к трудовым ресурсам соответствующей квалификации, в пятых — к потребителям.

Развитие производственных и транспортных технологий расширяет возможности выбора мест размещения того или иного производства, снимает ряд локальных ограничений. Так, например, развитие технологий хранения, переработки и транспортировки сельскохозяйственной продукции сильно ослабляет зависимость кулинарии от мест произрастания тех или иных культур. Упрощение и жесткая алгоритмизация производства массовой продукции позволяет вывозить эти производства в страны и регионы с менее квалифицированной, но более дешевой рабочей силой. Развитие связи позволяет расширять возможности дистантного обучения или консультационных услуг. Развитие транспорта и телекоммуникаций позволяет расширить границы аудитории уникальных событий, соучаствующей в них в режиме реального времени, или даже в интерактивном режиме. Все это увеличивает гибкость территориальной организации производства и, соответственно, сферы занятости. Некоторые виды деятельности, связанные с созданием и использованием знаков, символов, образов — в значительной степени перемещаются в виртуальное пространство, так что участвующие в них субъекты свободны в своих перемещениях и могут выполнять свою работу, независимо от своей локализации в реальном физическом пространстве.

Правда, еще Кастелс предостерегал от преувеличения масштабов и темпов развития свободы и гибкости производства. Он отмечал, что все-таки эти процессы затрагивают сравнительно небольшую часть работников, а подавляющее большинство продолжает работать в достаточно жестких индустриальных структурах. Здесь можно отметить, что предмет труда накладывает не только относительные, но и абсолютные ограничения «виртуализации» производства. К таким, например, можно отнести привязку большинства видов услуг к потребителям. С другой стороны, добывающие предприятия зависят от расположения источников сырья, а исследовательские экспедиции — от локализации объекта исследования.

Таким образом, можно сказать, что предмет и содержание труда задают ограничения на его локализацию, иногда смягчаемые или даже полно-

стью устранимые за счет технического прогресса, иногда же — принципиально неустраняемые. Предмет труда становится фактором, задающим разделение видов труда по критерию включенности в глобальные или локальные рынки. Причем это не значит, что выход на «глобальный рынок труда» доступен только для представителей «виртуализированных» профессий. Например, относительно высокая территориальная мобильность наблюдается среди работников сферы услуг, гостиничного и ресторанного бизнеса. Однако в последних случаях включение в глобальный рынок связано с временным или постоянным переездом — и зависит от экономических факторов (например, состояния рынка жилья в новом месте работы), политических (миграционное законодательство принимающей страны) и культурных (наличие/отсутствие языковых и культурных барьеров).

Инфраструктура как рукотворный объект поддается изменениям и улучшению. Но для труда, протекающего в определенном пространстве/времени имеет значение актуальное состояние инфраструктуры «здесь и сейчас». Энергоснабжение, транспортные и коммуникационные сети — все это может стать узким местом при размещении того или иного производства — и создании соответствующих рабочих мест.

Необходимо также отметить, что поскольку производственная и непроизводственная деятельность переплетается, то и инфраструктура тут подразумевается не только производственная, но и бытовая. Причем тут тоже происходят различные технологические и экономические изменения.

Это создает неравенство между жителями территориальных единиц с разным уровнем развития инфраструктуры. При этом в качестве этих единиц выступают даже не поселения, а более мелкие территориальные анклавов с локальной инфраструктурой. Например, для создания «мобильного офиса» критическим оказывается энергоснабжение и доступ в интернет. Причем бурное развитие беспроводных технологий связи переносит акцент с технологических ограничений на экономические.

Влияние профессиональной среды изучено слабо. Она играет ключевую роль не только в распространении знаний, передаче навыков, но также в формировании групповых норм и ценностей, передаче и воспроизводстве профессиональной культуры. В этом смысле воспроизводство профессиональной среды оказывается важным компонентом сохранения и кристаллизации социально-профессиональной структуры.

Профессиональная среда может играть роль стимулятора в обновлении профессионального капитала, а также питательной средой для формирования профессиональных социальных сетей. На этом, во многом основана

эффективность целевых образовательных программ, предлагаемых, например, безработным, или другим социальным группам, нуждающимся в адаптации.

Профессиональная среда тесно связана с деятельностью профессиональной сети. В то же время, используемые разные метафоры отражают разницу природы этих феноменов. Среда, в отличие от сети, предполагает пространственную локализацию и заполняет собой все пространство, не оставляя пустот. С этим связана и трудность переноса профессиональной среды в виртуальное пространство. Тем не менее, именно усилия по созданию профессиональных сетей могут способствовать формированию продуктивной профессиональной среды.

Подводя итоги, можно сказать, что сфера занятости в современном обществе постоянно изменяется под воздействием самых различных факторов: технологических, экономических, политических, культурных. В результате изменяется структура профессий, содержание профессиональной деятельности, формы занятости. Общей тенденцией в настоящее время можно считать увеличение гибкости содержания труда и форм занятости. Изменение профессиональной сферы выступает одним из ключевых механизмов включения/исключения, поскольку одни социально-профессиональные группы выходят на глобальные рынки труда, другие находятся в большей зависимости от ситуации на локальных рынках.

От колхозов к крестьянско-фермерским хозяйствам: малый бизнес на селе

С. Н. Игнатова

В настоящем докладе представлены некоторые результаты шестилетнего проекта «Руководители среднего и низшего уровней государственно-го и экономического управления в условиях кардинальных экономических и политических реформ», который осуществляется в Социологическом институте РАН (Петербург) исследовательской группой под руководством О. Б. Божкова¹. В течение последних четырех лет бы проведено сплошное интервьюирование глав сельских поселений и руководителей сельскохозяйственных предприятий разной формы собственности в семи районах Тверской, Новгородской, Вологодской и Ленинградской области. Эти территории традиционно относятся к зоне Нечерноземья, зоне рискованного земледелия. База данных включает более 150 глубинных интервью, которые состояли из двух взаимосвязанных блоков — биографического и экспертного. Первый блок ориентирован на изучение жизненного пути руководителя, его укорененности в сельском образе жизни; во втором респондент рассматривался в силу занимаемой должности как эксперт по исследуемым проблемам, а следовательно мог оценить прошлое и будущее как своего хозяйства, так и российского сельского хозяйства в целом.

В самом начале аграрных реформ (начало 1990-х годов) сформировалось устойчивое мнение, что смена форм собственности в сельском хозяйстве приведет если не к процветанию сельского хозяйства в России, то, по крайней мере, создаст условия для его возрождения и развития. На месте старых колхозов и совхозов будут появляться фермерские хозяйства разных типов и размеров, что и создаст рынок сельскохозяйственной продукции, а следовательно, накормит наконец-таки страну. Поэтому так кучно принимались законы и постановления, способствовавшие прекращению правового существования колхозов и совхозов. Однако и сейчас, уже спустя почти 15 лет, колхозы живут и здравствуют по всей России, и видимо,

¹ Проекты были поддержаны РГНФ: гранты № 04-03-00376 и № 07-03-00571

это нельзя объяснить просто косностью, отсталостью мышления сельских жителей. Термин «колхоз», возможно, имеет негативную эмоциональную окраску, связанную с советским прошлым российского сельского хозяйства, но проблема вовсе не в названии. Поэтому многие «колхозники» на общих собраниях своих предприятий общим решением сохраняют в названиях уже не существующую формулировку «колхоз». Они понимают, что с юридической точки зрения это бессмысленный шаг, который имеет исключительно символическое значение.

Выделение в 90-е годы сельскохозяйственных паев работников колхозов привело формально к замене коллективной формы собственности акционерной. Сначала сельскохозяйственные предприятия стали называться АОЗТ, ООО, затем ТОО, СПК и т. д. Подчас названия сменяли друг друга с быстротой молнии. Это стало помимо всего прочего эффективной формой ухода от долгов и неуплаченных налогов, санкционированной государственными органами управления в лице районных и областных Управлений сельского хозяйства.

Перерегистрация предприятий давала возможность не брать в новое предприятие недееспособные, но остающиеся на балансе основные фонды (здания и сооружения — коровники, свинарники и т. д., — пришедшие в негодность из-за резкого снижения поголовья скота в годы реформ) и необрабатываемые земли. Снижение поголовья скота, уменьшение численности занятых в сельском хозяйстве приводили к тому, что сельскохозяйственные предприятия концентрировали свои ресурсы в наиболее выгодных местах — в крупных, еще крепких деревнях; на тех фермах, где здания и сооружения, техника лучше сохранились; в селах, являющихся центрами сельских поселений; или там где живут еще сохранившиеся квалифицированные работники, даже если это далеко от района или центра сельского поселения. На баланс следующего предприятия переходило только действующее оборудование, сохранившийся скот и обрабатываемая земля.

Не стоит удивляться такой форме ухода от налогов и долгов со стороны сельскохозяйственных предприятий, и обвинять их в нарушении законодательства. Во-первых, это широко распространенная практика в наших современных рыночных условиях, и изобрели ее вовсе не руководители сельхозпредприятий, а предприниматели вовсе с сельским хозяйством не связанные. Во-вторых, зачастую такую форму деятельности им подсказывали вышестоящие инстанции, а налоговые органы закрывали на это глаза, так как в любом случае уплаченных полностью налогов и выплаченных

долгов они бы не увидели, а перерегистрированное предприятие начинало платить хотя бы текущие выплаты, пока опять не погрязало в долгах.

Реформы в сельском хозяйстве показали, что лишенные в течение долгих десятилетий прав собственности и выбора крестьяне не в состоянии в одночасье стать эффективными собственниками и еще более эффективными работниками. В той или иной мере российские крестьяне, начиная с 20-х годов, работали не на себя, а на государство. Многие исследователи называют процессы, происходящие в годы советской власти раскрестьяниванием или пролетаризацией крестьянства, так как крестьяне превратились в рабочих, получающих заработную плату и мало связанных с реальными производственными процессами на земле. Но и в результате реформ российские крестьяне собственности так и не получили. Лишь немногие отважились стать фермерами. И на это есть масса причин экономического и социального характера. До последнего времени в стране отсутствовала эффективная система кредитования сельскохозяйственных производителей, уровень технической оснащенности сельского хозяйства был крайне низок, отсутствовала техника доступная мелкому и среднему производителю. Сельскохозяйственные производители оказались перед непривычным для них выбором — самим решать свою судьбу, как, что и каким образом производить и как реализовывать продукцию. Однако, российские крестьяне уже восемь десятилетий ничего не производили и не продавали самостоятельно. Им всегда говорили, что производить и забирали произведенное.

В условиях абсолютного отсутствия каких-либо правовых барьеров для промышленного производителя, городского торговца всегда есть огромный соблазн купить у крестьянина как можно дешевле то, что он произвел, а продать у себя в городе как можно дороже. На практике сельскохозяйственная продукция с большим трудом может прокормить своего производителя. При этом современное производство на селе достаточно затратная вещь — при отсутствии стабильной, долгосрочной прибыли вряд ли возможно поддерживать достойный технический уровень сельскохозяйственного производства. Законодательная же база первых лет российских реформ мало поддерживала бизнес на селе, а тем более такие его малые формы как фермерство.

Поэтому огромная масса фермеров, появившихся в начале 1990-х годов, так почти ничего и не смогла произвести. Реально функционирующих фермерских хозяйств в сотни раз меньше, чем зарегистрированных. Но отнюдь не все и захотели стать фермерами, многие так и не выделили

свои паи, оставив их в коллективном хозяйстве. Так было проще, привычнее и надежнее. При этом большинство собственников-пайщиков практически не ощущают себя собственниками своего колхоза, ТОО, АОЗТ и т. д. Низкая прибыльность сельского хозяйства не создает для них, как акционеров никакой заинтересованности в эффективном управлении предприятием. Зачастую земельный пай является фикцией, существующей только на бумаге — слишком велики препоны для его реального оформления. Бюрократическая процедура спущена на уровень регионов и областей, где царит полный беспредел. Если сам земельный пай по закону оформляется бесплатно, то многочисленные справки и документы, необходимые для его оформления стоят денег и не малых. К тому же оформить его можно только в областном центре, что создает дополнительные сложности для сельских жителей. На 2007–2008 годы в разных областях Нечерноземья стоимость оформления земельного пая доходила до 30 000 рублей при средней заработной плате в сельском хозяйстве не более 4000–5000 рублей.

Сельские жители испытывают те же трудности, что и жители страны и реализуют наиболее приемлемую стратегию выживания — выжить наименее затратным способом. Многие ли горожане могут похвастаться высокооплачиваемой, очень интересной, отвечающим их внутренним потребностям работой. Они работают там, где могут найти работу. И совсем не хотят идти в профессии, которые потеряли свой престиж и экономически мало выгодны, но очень нужны экономике страны — рабочие всех специальностей, низкооплачиваемые служащие и т. п. На селе действуют те же экономические законы — выгоднее собирать грибы и ягоды, работать на лесозаготовительных и лесоперерабатывающих предприятиях, просто воровать лес, чем за нищенскую зарплату от зари до зари трудиться в бывшем колхозе или совхозе. Престиж работы в сельском хозяйстве давно упал, и все кто могли постепенно, еще с 1950-х годов, перебрались в города искать лучшей жизни. Квалифицированных специалистов на село в годы советской власти заманивали разными способами — от обязательного распределения до предоставления различных благ. Именно поэтому полученную в ходе реформ собственность крестьяне так и не смогли осмыслить как собственность. Работающие на сельскохозяйственных предприятиях крестьяне по-прежнему ощущают себя наемными работниками, по крайней мере, они так себя ведут. Широко распространенное пьянство, нарушения трудовой и технологической дисциплины, низкая производительность труда — вот неполный перечень характеристик современного

работника на селе. В основном хозяйства держатся за счет тех, кто привык работать добросовестно.

Должность руководителя с/х предприятия выборная. Ныне действующие руководители — и по их же собственному признанию, и по оценке руководителей районов и рядовых жителей — это последний шанс для хозяйств. На селе не осталось людей (не просто специалистов), способных управлять такими предприятиями. Нынешних «председателей» односельчане долго уговаривали занять вакантное место, и многие согласились именно потому, что в противном случае хозяйство бы развалилось, так как управлять им некому. Функциональные обязанности руководителей этого уровня совершенно конкретны, но без развитой правовой базы их деятельность во многих случаях оказывается инновационной, требующей постоянной инициативы и определенного риска.

В своей работе «председатели» опираются в большей степени не на собственное знание законов, а на опыт и личные связи. Более информированные руководители часто действуют индивидуально, стараясь не обсуждать с работниками проблемы, которые возникают у хозяйств. Они вольно или невольно рассматривают хозяйства, как свои собственные, так как среди работников-акционеров нет заинтересованности как в управлении хозяйством, так и в продуктивном труде. В этих условиях благосостояние сельскохозяйственных предприятий (формально еще остающихся в коллективной, долевой собственности) в основном зависит от личных качеств их руководителей, их умения адаптироваться к постоянно изменяющимся условиям хозяйствования.

Руководителей предприятий на селе можно разделить на две большие группы:

1. люди, оказавшиеся на этой должности по воле случая — больше некого было выбирать. Это колхозники (водители, трактористы, механизаторы, доярки и т. д.), учителя и другие служащие с высшим образованием, не являющиеся специалистами в сельском хозяйстве и не имеющие предпринимательской жилки. Им очень тяжело справиться с требованиями рынка в силу недостатка знаний и навыков предпринимательства, связей и т. д. Руководимые ими предприятия еле сводят концы с концами, находятся в очень плачевном положении и работают только на выживание.
2. представители сельской элиты — бывшие председатели, сельские специалисты, обладающие склонностью к предпринимательской деятельности, районные и областные управленцы, бывшие профсоюз-

ные и партийные лидеры. В их хозяйствах ситуация, в основном, менее трагичная. Такие руководители пользуются поддержкой районных Управлений сельского хозяйства, на паях содержат обрабатывающие предприятия, у них еще сохранились связи, которые помогают сбывать продукцию, получать кредиты и технику.

Так как система паев практически бездействует на селе — земельный пай выделить тяжело, а имущественный уже давно перестал существовать в силу высокой степени износа техники и строений, — то можно утверждать, что колхозники практически лишились своей новообретенной собственности. Они еще остаются членами хозяйств и сособственниками погибающих предприятий. Но в реальности получить эту собственность никогда не смогут. Весь потенциал сельскохозяйственных предприятий зачастую сосредоточен именно в руках руководителей, а работники, по сути, являются лишь наемными работниками. И хотя руководитель — должность выборная, но все тяготы по организации производства, сбыта продукции ложатся исключительно на его плечи. А работники остаются субъектами, которых необходимо контролировать, заставлять работать, вовлекать в производственный процесс, уговаривать работать честно, не воровать, не пьянствовать и т. д. Такая ситуация более походит на взаимоотношения хозяина со своими работниками, чем на взаимоотношения сособственников предприятия.

Если учесть возрастную структуру жителей села и экономическое состояние сельского хозяйства, то на сегодняшний момент это единственные работники, которыми может располагать сельскохозяйственное предприятие. В таких условиях любые недостатки работников — пьянство, воровство, нарушения дисциплины и проч. — прощаются руководителем. Руководитель берет как бы шефство над ними — надо вовремя найти замену пьяному трактористу, лично проконтролировать все работы, иначе они будут производиться медленно и с технологическими нарушениями и т. д. Иногда руководителю самому приходится идти на дойку, садиться на комбайн или трактор и т. д. В таких условиях он становится единственно заинтересованным лицом в успешном функционировании предприятия.

В результате проведенного исследования мы выяснили, что не все руководители смирились с таким положением вещей. Наиболее предприимчивые из них произвели смену форм собственности и вместо колхозов и ТОО через процедуру банкротства образовали КФХ (крестьянско-фермерское хозяйство) или ЧП (частный предприниматель). Действуют такие

предприятия более эффективно, так как бывший руководитель, став собственником, имеет больше возможностей.

Самое интересное оказалось то, каким образом смогло произойти это преобразование. Процедуры банкротства проходили и другие сельскохозяйственные предприятия, их немного, но в каждом районе есть предприятия, которые закрылись. В данном случае процедура банкротства проводилась именно с целью изменения формы собственности предприятия и передачи его другому собственнику. Инициировались и санкционировались такие банкротства областным и районным начальством — таким образом создавались образцово-показательные предприятия, которым зачастую давались дополнительные ресурсы и возможности. Если в районе находился предприимчивый руководитель, то его старались уговорить на такую процедуру или он сам, пользуясь былыми связями, старался перевести предприятие в свою собственность. При этом значительная часть земельной собственности обанкротившегося предприятия, а также имущество (здания, строения, скот) и техника переходили в собственность вновь созданного КФХ или ЧП. А вот работники набирались заново.

Не секрет, что местные жители относились к таким преобразованиям резко негативно — вне зависимости от того, что данные сельскохозяйственные предприятия являются на текущий момент самыми успешными в обследованных районах Нечерноземья. Бывшие пайщики понимают, что в результате они лишись и той призрачной собственности, которая у них была. То есть, земельные наделы, им принадлежащие, никуда не исчезли, они часто так и числятся за предприятием-банкротом, а все остальное имущество и рабочие места перешли в собственность бывшего председателя. Лишь малая часть работников стала работать у новых собственников — условия труда здесь более жесткие: за пьянство бывают штрафы, могут выгнать с работы, да и работников требуется гораздо меньше. Хотя проблемы с трудовыми ресурсами предприятия испытывают почти те же, но способов решения у них чуть больше, вплоть до привлечения труда мигрантов и временных переселенцев.

Все руководители КФХ и ЧП — бывшая сельская элита — председатели с многолетним стажем работы в прибыльных хозяйствах, управленцы различных уровней или высококвалифицированные успешные специалисты. Действуют они самостоятельно, как товарные производители, на свой страх и риск. Однако, именно их предприятия занимают нишу малого бизнеса на селе, и имеют более выгодные законодательные и экономические

условия для хозяйствования в плане кредитования и налогообложения по сравнению с бывшими колхозами, ныне ТОО, ЗАО и проч.

Но, тогда получается, что создать эффективное сельскохозяйственное предприятие на селе возможно лишь при поддержке районного и областного начальства. Однако даже там, где изменений в юридическом статусе не произошло, и сохранилась коллективная форма собственности, руководитель единолично управляет хозяйством; зачастую муж и жена занимают ключевые посты в управлении хозяйством, или выполняют те функции, которые позволяют контролировать ситуацию в хозяйстве. Коллективная форма собственности в таком случае является данью уважения к собственному пошлому, и проявлением нежелания ломать сложившиеся на селе традиции, что могло бы нанести моральный вред односельчанам. На должности руководителей выбирают тех, кто еще может ответственно работать, и поддерживать жизнь хозяйства. Это 90-е годы отличались частой сменой руководителей предприятий, безудержным воровством и безответственностью руководителей перед колхозниками. Сейчас же ситуация меняется, и на селе понимают, что действенный руководитель залог здорового хозяйства и более-менее стабильной жизни. Таким образом, часто семьи приходят к фактическому управлению хозяйством и рассматривают его уже как свое, личное. Однако, имея советскую закалку не могут признать тот факт, что являются владельцами этих предприятий, в них еще жива коллективная риторика и большая доля ответственности за односельчан, за работников. Более молодые руководители, лишенные советского энтузиазма впрямую заявляют свои претензии на бывшие колхозы и совхозы, и строят свои планы исходя из приватизации таких предприятий. Они не уверены, что в нынешних условиях их производства смогут успешно развиваться, но пока сельхозпредприятия не бросают и пытаются реализоваться как сельские предприниматели.

Уже много лет российское правительство ищет эффективных менеджеров для села. Однако, видимо надо просто посмотреть вглубь самого села — районное и областное начальство давно нашло таких менеджеров и в собственных интересах создает им благоприятные условия для развития производства. Осталось только изменить систему закупочных цен, развивать эффективное кредитование, создать условия для производства или закупок мелкой техники, создать законодательную базу для реализации продукции и конкурентоспособности ее с импортной продукцией и следить за коррупцией в области закупок. Других менеджеров на селе скорее всего не будет. А если произойдут изменения в социальной сфере села,

то нынешние руководители хотели бы передать свое дело младшему поколению. Вполне возможно, что следует легализовать процедуру изменения форм собственности в сельском хозяйстве, чтобы то, что является по сути частным стало таковым на деле. А существующие СПК, ТОО, колхозы и т. п. сельские предприятия должны получить законодательно равные с фермерами льготы, дотации и возможности для получения кредитов. Только тогда они смогут развиваться в более стабильные хозяйства. При этом следует учитывать, что практически все существующие в Нечерноземной зоне правопреемники колхозов и совхозов по формальным критериям оказываются малым бизнесом на селе. Для малого бизнеса численность работников в сельском хозяйстве не должна превышать 60 человек — большинство из сельскохозяйственных предприятий Нечерноземья полностью соответствуют этому критерию. А денежный годовой оборот в них далек от установленного предела в 60 млн рублей. При этом малые предприятия пользуются системой упрощенного налогообложения, что так необходимо сельскому товаропроизводителю. Как показала экономическая практика последних десятилетий существование крупных предприятий экономически выгодно около городов и в Черноземной полосе, а в Нечерноземье эффективно существование именно малых форм хозяйствования в силу особенностей его природно-климатических условий.

Поколения современных сельских руководителей и их отношение к религии

(По материалам интервью)¹

Ч. Э. Сымонович

Исследование, часть материалов которого использована здесь, описано С. Н. Игнатовой². Моим вкладом было включение в программу вопросов об отношении к религии респондента и его семьи, а также о взаимоотношениях администрации с Церковью, о её роли на селе. Вопросы не праздные в стране возрождаемой религиозности, ненайденной новой идеологии, тем более, что они были обращены к жителям деревни, которую в советское время считали хранительницей традиций, в частности — религиозных. Опрашивали не рядовых жителей деревни, но — руководителей. Мне удалось изучить всего около 40 текстов интервью, что предполагает не подсчёты, а углубление в содержание. Вопросы об отношении к религии и церкви были малой частью программы исследования. Цель его — описание социальных портретов современных руководителей сельских администраций (глав поселений) и сельскохозяйственных предприятий.

Стоит напомнить поэтому о ходе и результатах социально-экономических изменений в отечественной деревне при жизни и на памяти людей, у которых брали интервью. Старший из них родился в 1935 году /интервью № 43/. Значит, речь идёт в самом раннем интервью о советской деревне, начиная со второй половины 1950-х годов.

1954–1958 годы — время быстрого, большей частью — экстенсивного (Щелина), роста аграрного производства. Снижение налогов и повы-

¹ Продолжение обработки материалов исследования, поддержанного РГНФ (грант 07-03-00571а). Руководитель — О. Б. Божков. Первую мою статью этого цикла («Социологическое интервью как источник для изучения истории Советской деревни») см. в кн. Социология вчера, сегодня, завтра. Социологические чтения памяти В. Б. Голофаства. СПб: Бильбо, 2008. С. 255–264.

² См. Игнатова С. Н. Церковь и местная власть на селе: проблемы взаимодействия. В кн. Социология вчера, сегодня, завтра. Вторые социологические чтения... СПб: Бильбо, 2008. С. 175–183.

шение закупочных цен существенно повысило доходы сельского населения, в том числе — от личных хозяйств. Как известно, результаты 7-летки 1959–1965 гг. были гораздо хуже. И не только из-за кукурузомании и наступления на личные хозяйства. Попытались вновь сэкономить на государственных вложениях в сельское хозяйство. Результат — фуражный и продовольственный кризис начала 1960-х. Пришлось вновь исправлять «линию партии», и к концу правления Н. С. Хрущёва была намечена обширная программа интенсификации сельского хозяйства.

Её осуществление, с уточнением контрольных цифр на каждую пятилетку, пришлось на всё следующее 20-летие, с середины 1960-х до середины 1980-х годов, когда советская социалистическая система, колхозно-совхозный строй проходили окончательное испытание на жизнеспособность. Причём — в относительно благоприятных условиях, при постоянном росте капиталовложений, списании долгов, дотационном росте закупочных цен на продукцию колхозов и совхозов, смягчении методов управления отраслью. Учитывая отставание социального развития, особенно в Нечернозёмной зоне РСФСР, с середины 1970-х осуществлялась мощная программа преобразования региона. Однако, начиная с 9-й пятилетки, отдача от финансирования сельхозпроизводства уменьшалась. Отчасти — из-за стихийного перераспределения средств в неаграрные секторы, из-за противоречивых интересов сельского хозяйства и обслуживающих его и перерабатывающих отраслей, но ещё в большей мере — из-за опоздания с решением социальных проблем деревни.

Изучение в 1970-х — 1980-х годах текущей истории Советской деревни было бы малопродуктивно без привлечения материалов и идей сельской социологии, вскрывавшей социальные причины малой эффективности аграрной политики КПСС. В частности, демографы и социологи описали нарастающую миграцию из деревни в город как следствие противоречия между быстро росшими социальными нуждами, ожиданиями сельских жителей (прежде всего — молодёжи) и — относительно всё же медленными темпами социального развития. Не ради походов в театры и филармонии уезжали парни и девушки, и уж конечно, не ради посещения служб в городских соборах. На первом плане была неудовлетворённость малым выбором мест работы, стремление учиться, уйти от жёсткого деревенского социального контроля за поведением, расширить круги общения, улучшить бытовые условия, хлебнуть массовой городской «культуры».

И это несмотря на то, что в 1960-е — 1980-е годы советская деревня преображалась. Публикации обществоведов-аграрников были переполнены подсчётами миллионов квадратных метров вводимого на селе жилья,

тысяч реконструированных очагов культуры, приёмных пунктов комбинатов бытового обслуживания... Всё это было возможно, конечно, не в каждой деревне, а лишь в перспективных населённых пунктах. Ликвидация малых деревень, с одной стороны, была необходима ради укрепления социальной инфраструктуры сохраняемых сёл. С другой, — она же подхлестывала миграцию, выкорчёвывая семьи из старых гнёзд. Волна миграции стала ниже только к середине 1980-х годов.

А в годы перестроечного, затем реформационного кризиса наметился даже слабенький ток возвращенцев из города в село, и даже горожан-переселенцев, поверивших в возможность завести фермерское хозяйство. (Это в России-то!) Вскоре и эти надежды не оправдались.

За последние 20 лет (самоликвидации социализма, затем — капиталистической «Реформации») деревня из совхозно-колхозной превратилась в многоукладную мозаику форм производства, главными из которых стали: мелкие и мельчайшие личные хозяйства, съёжившиеся раз в 10–15 сельхозкооперативы, столь же слабые частные хозяйства, и наконец — «крупхозы» в плодородных регионах, где иногда удаётся сводить баланс без убытков. Здесь крупные хозяйства — важнейшие узлы сельского расселения и хозяйствования не только для себя, но и для личных подворий всей округи. Последние окончательно хиреют без поддержки со стороны крупного хозяйства, без возможности так или иначе пользоваться его ресурсами.

О 1970–1980-х годах большинство респондентов вспоминают как о невозвратном времени щедрых инвестиций и постоянного внимания руководства к хозяйствам, к труженикам.

При чём здесь религия и церковь? При том, что эта «отрасль» духовного бытия, не в пример сельскому хозяйству, в последние 20 лет росла и крепла благодаря свободе от политических, в частности — административных, ограничений, а также — тому, что часть населения, в том числе сельского, увидела, почувствовала в религии, на какой-то момент, надежду на очищение от лжи советских времён, на утешение в юдоли горестей, в которую превратилась окончательно разрушенная теперь российская деревня.

Какие же концепции социологии религии пригодны для истолкования ответов респондентов?

Религия и Церковь — социальные явления, доступные социологическому наблюдению. «Центральная тема социологии религии — взаимодействие религии и общества. ...Религия как предмет социологического анализа есть совокупность структур, процессов, связанных с функциони-

рованием общества на разных уровнях, система регуляторов социальных связей, образцов поведения...»³

В каком обществе?

Тип общества в нашей стране в начале XXI в., по классификации Парсонса, — «современное», с рыночной экономикой, светским правом, элементами бюрократии и представительной демократии. Его руководители пытаются также сохранять и некоторые социальные функции Советского государства. В этом, всё ещё переходном по всем характеристикам (прежде всего — по составу населения в основном советского происхождения), обществе в последние 20 лет сильно распространено причисление людей себя к верующим, в том числе — к воцерковлённым.

Но в этом обществе, отчасти постиндустриальном, отчасти — индустриальном (с оговорками по поводу «возвратной» дикости), Бог не стал для большинства называющих себя христианами символом Любви; он остаётся Высшей силой. Функции Церкви, предельно суженные в советское время, расширяются. И это видно из некоторых интервью. Например, объединение сельским священником вокруг храма детей и подростков, занятия с ними, в том числе — развивающие физически. Или — помощь церкви в устройстве престарелых верующих в интернаты. Однако сеть приходов в вымирающей Северо-Западной деревне столь редка и слаба материально, что существенную социальную роль Церковь здесь играть не может.

Глобализация, в которую РФ втягивается, есть смертельный враг религиозного фундаментализма. Нужно признание равноправной роли политики и религии как залога спасения от бездуховности, обезличения, не говоря уже об обезбожении.

Вопросов о религии было всего два в огромных, примерно полуторачасовых, интервью, так что развёрнутых ответов нечего было и ждать. Называю только те функции религии, которые проявились в какой-то степени в интервью:

Объяснение необъяснимого — эта тема затронута в ответе одного из респондентов о его избавлении от гибели в катастрофе;

Создание органической солидарности группы, слоя; вселение в них чувства защищённости от бед... (нарушение этой функции ведёт к *аномии*) — да, если иметь в виду воцерковлённых или стремящихся к этому

³ Гараджа В. И. Социология религии: Учебн. пособие... М.: Аспект Пресс, 1996. С. 9, 7.

состоянию, участвующих в возрождении приходов. Но о влиянии церкви на духовно-нравственную атмосферу в целом нет и не может быть речи.

Регулирование поведения верующих и неверующих?

Функция прослеживается слабо, скорее угадывается. Большинство говорит о вере неуверенно. Возможно, и стили поведения у каждого разные, в зависимости от того состояния, социальной роли, в которых человек находится в данную минуту.

Для церкви одинаково важно и объединяющее обрядовое поведение, и — следование божьим заповедям в миру. Для наших респондентов вопросы эти не связаны. В каждом интервью говорится о социальных язвах — массовом воровстве и пьянстве, о ранних добрачных связях, о безработице и о безделии людей молодых и средних лет... Но никто не связывает это с отсутствием религиозности. Церковь для подавляющего большинства жителей — не светоч благодати и не мерило совести, а учреждение духовной культуры...

Национальнорелигиозное (намеренно пишу слитно — Ч. С.) самоопределение, здесь — причисление себя к православным как русского, хотя бы и «не особо» верующего. Это — есть. Крещение, — подчёркивается большинством, — естественное дело для данной национальной среды, особенно в условиях религиозной свободы.

Крещение, начало исповедывания грехов суть религиозные инициации, помогающие и возрастному самоопределению. Но в интервью таинства эти упоминаются лишь как массовый бытовой религиозный обряд.

Смягчение, компенсация болей и бед как заслуженных наказаний, как испытаний твёрдости в вере, а также — как способ отвлечения от злобы дня в мир горний. Это выявилось. Не менее четверти респондентов признали, что обращаются к божеству, к церкви, «когда тяжело, когда прижмёт».

Что касается мировоззренческой функции религии, то она прослеживается слабо, непостоянно, как и следовало ожидать в современном сверх-материалистичном обществе, да ещё в его самой неблагополучной сельской подсистеме. Не «последних дней мира», приближения царства Антихриста ожидают респонденты, а конца сельского мира, в очередной раз брошенного властью и Городом на произвол судьбы.

Итак, в текстах интервью выявлены далеко не все основные функции религии. Допускаю, что не столько из-за бездуховности сельской жизни, сколько из-за ограниченности числа вопросов об этом.

О какой религии идёт речь? — Только о православии. Православное христианство — религия *исторического* (по Р. Белла) типа, для коей свойствен-

но: представление о трансцендентном; единобожие; поиск спасения души; этнический, расовый универсализм; независимая от государства церковная организация в масштабах всего общества и потому — с иерархичным строением.⁴

Какого уровня церковные структуры упоминаются в ответах? — Для села естественно — только первого, приходского, уровня, причем церкви есть далеко не в каждом селе. В ряде случаев службы идут по праздникам в приспособленных помещениях, например — в ДК.

Таковы общие соображения по поводу ответов и выявления в них весьма скромной роли религии и церкви в деревне. Тут в целом верен вывод С. Н. Игнатовой.⁵

Пытаюсь далее, во-первых, сконструировать некую модель, схему череды поколений людей в нашей стране в XX в. с их особенностями духовного формирования на разных этапах истории, и, во-вторых, проверить эту модель конкретным материалом интервью.

Во все времена одной из главных обязанностей верующего была и остаётся передача веры и воцерковлённости своим детям. Но чтобы передать нечто, надо это иметь.

Что определяет отношение сельских руководителей к религии и — их оценки роли церкви. Предполагаемый набор факторов тут невелик, ибо исследуемая совокупность достаточно однородна в социальном плане. Руководители хозяйств — это, в основном, мужчины со средним сельскохозяйственным образованием, бывшие среднего звена специалисты, реже — механизаторы. Руководители сельских администраций — как правило, женщины со средним специальным образованием (бухгалтеры, медики, учителя, работники культуры), имеющие опыт работы в сельсоветах и назначенные (избранные) руководить всей жизнью деревни, округи. Наверно, не меньше респондентов — в возрасте от 40 до 55–60 лет. Почти все опрошенные — местные, насчитывающие 2–4 поколения предков, живших в данном селе, хозяйстве или в ближней округе. И почти все — никогда не собирались уезжать из деревни! Даже если родители «подталкивали»... То есть, это люди, для которых малая их родина — не мала. Их связь с ней — кровная, проходит через ум и сердце. Этим во многом объясняется боль души их за беды современной деревни, которую недоистребил развитой социализм, но уже почти придушил новый

⁴ См. Гараджа В. И. Указ. соч.. С. 114–115.

⁵ Игнатова С. Н. Указ. соч. С. 179.

«порядок»...Все респонденты, за малым исключением, живут в браке, имеют двух детей, одного — самостоятельного, другого — заканчивающего школу... Причём нередко традиция приверженности к сельской жизни передана детям! А религиозности?

Поколения — это и внутрисемейные генерации, и возрастные когорты в обществе, классе, слое и т. д. Исходя из этого, выстраиваю перечень отечественных поколений людей XX в. В данном случае — как носителей и передатчиков отношения к религии и церкви.

Ввожу два счёта поколений.

Первый — историко-демографический, когда длина поколения — укрупнённой возрастной когорты равна в среднем 27 годам, то есть возрасту, когда у большинства людей уже наверняка есть дети. Такой счёт здесь нужен, чтобы вкратце обнять целый век, от вхождения в жизнь дедов и бабушек всех респондентов. Первым счётом пользуюсь, чтобы очертить особенности этапов истории религии и религиозности в СССР.

Второй счёт — историко-социологический. Здесь длина поколения — лет 10. Ибо ясно, что формирование, социализация подраставшего поколения шла в 1930-е годы не так, как в 1940-е, 1950-е и т. д. Второй счёт нужен, чтобы показать, как в каждой из 10-летних возрастных когорт респондентов складывались отношения к религии и церкви, начиная с детства и до времени опроса.

Передача религиозных взглядов, убеждений идёт по-разному, конечно, в обществах, связываемых государственным религиозным культом, в антирелигиозных и в светских государствах. Наша страна прошла в XX в. все эти стадии. Периодизация межпоколенческой передачи отношения к религии совпадает ли с периодизацией истории религии, или — истории государства? Вероятно, должна совпадать, ибо религиозная подсистема — часть общества. В условиях российского самодержавия, затем — советского тоталитаризма, самостоятельность религиозной подсистемы была невозможна. Внешние условия духовного формирования поколений советских людей определялись политикой Коммунистической партии и Советского Правительства по отношению к культуре, идеологии, церкви. Важными вехами истории отношений между Церковью и Советским государством, как известно, были:

Декрет СНК РСФСР от 23 янв. 1918 г. открыл более чем 20-летнюю полосу войны на уничтожение Церкви, прежде всего — её служителей и приверженцев дореволюционной формации. Разрушение сельской церкви усилилось в год «великого перелома», т. к. власти считали духовенство идейными подкулачниками.

Далее — 1941–1943 годы, поворот власти к фактическому признанию Церкви временным союзником в борьбе против гитлеризма и в послевоенной попытке повлиять на позиции мирового православия. Поколенческий подход был, кстати, не чужд в конце этого этапа председателю Совета по делам религий. Полковник Г. Г. Карпов считал полезным приход к священнослужению молодого состава, который родился и обжился в новых, советских условиях.⁶

К концу 1950-х годов нарастает новая волна гонений на религию и церковь «в условиях развёрнутого строительства коммунизма». Причём поход против церкви оказался успешнее, чем против религии. Ибо «оттепель» пробудила надежды хотя бы на «тайную свободу».

Время Брежнева и его недолговечных преемников можно охарактеризовать как застойное и в сфере борьбы против церкви. Кризис доверия к власти был тоже вялотекущим и не всеобщим. Приблизительно к середине этого этапа, в 1970-е гг. обозначился приход к руководству церквами нового поколения священнослужителей, не испытывавших репрессий, но закалённых моральным и организационным преследованием со стороны властей, и по необходимости — приспособившихся к ним. Наступила «эпоха детей» тех, кто был расстрелян, замучен в лагерях, сослан.⁷

Исторический поворот власти к терпимости по отношению к религиозным организациям совершился лишь в 1988 г., под конец советского периода. Начался переход к современному этапу государственно-церковных отношений. Содержанием его было сначала полное исключение воздействия власти на церковные дела, затем — после 1997 года — постепенное формирование, в Центре и на местах, средней линии государственно-церковных отношений, то есть предоставление полной свободы веры в богов, с одной стороны, и — оберегание общественных и государственных интересов от крайних, опасных проявлений религиозности. Среди пришедших в церковную иерархию во время перестройки и после неё было немало 40-летних, то есть людей, родившихся уже после Войны. Помнится, к середине 2000-х гг. мы узнали, что Президент Российской Федерации привержен православию, воцерковлён. Это ещё больше укрепило положение РПЦ в обществе, прибавило церкви авторитета в глазах местных властей.

Итак, в XX столетии Россия (СССР) жила в условиях свободы вероисповедания лишь с весны 1917-го до весны 1918 года и последнее 10-летие

⁶ См. Свобода совести в России... С. 564.

⁷ Шипков А. Указ. соч.. С. 214; Одинцов М. И. Русская Православная церковь в XX в. М.: ЦИНО, 2002. С. 27–28.

века. Весьма ограниченное примиренчество Советской системы в отношении церкви длилось ещё лет 10, приблизительно с 1943 по 1953 г. Т. е. менее четверти века можно назвать временем сколько-нибудь благоприятным для воспроизводства религиозности. Плюс лет 12, от апрельского царского указа 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» до 1917 г., с сохранением, однако, государственного покровительства по отношению к православию. Итого — треть века... Немало? Да, если бы между тремя десятилетними этапами свободы или относительной терпимости к религии не лежали гораздо более длительные периоды прямых репрессий или морально-политического подавления по отношению к верующим и Церквям. В этих условиях вырастали целые поколения. Понимаю, что одной длительностью оперировать нельзя. Ведь за год-два репрессий уничтожалось то и те, которых не вернуть потом долго или никогда. А потому неверно, затушёвывая этапы репрессий и гонений в советский период, говорить о том, что в XX в. главным направлением изменений в отношениях между государством и церковью была демократизация, либерализация.⁸ Ведь в отличие от фашистского государственного безумия, наше продолжалось не 12 лет, а 74 года! Т. е. история Советского государства развернулась на протяжении большой человеческой жизни, а по историко-демографическому счёту — почти трёх поколений. Как шла передача между ними отношения к религии и церкви?

Пытаюсь, на основании сказанного выше, предположить то или иное отношение наших сограждан в середине 2000-х гг. к религии и Церкви как результат четырёх факторов (см. таблицу 1.).

Поясняю: за время духовного формирования принят возраст от 7 до 17 лет; знак (?) ставлю применительно к 10-летиям, когда сталкивались разные официальные отношения к религии. Его же использую в последнем столбце как предположение о нейтральной позиции представителей когорты по отношению к религии.

Общая тенденция нечётко, но видна — более положительное, вероятно, отношение к религии респондентов под воздействием не только семейного воспитания, но и отношения к религии в обществе, а также — в связи с о свойственной пожилому возрасту попытке осмыслить итоги жизни и покаяться, в душе или перед мыслимым Высшим.

Перехожу к распределению респондентов 2005–2007 гг. на категории по отношению к религии и церкви. Два вопроса о религии и церкви соот-

⁸ Одинцов М. И. Указ. соч.. С. 173.

Т а б л и ц а 1. *Возрастные когорты населения в 2006 г. и гипотетические факторы формирования отношения людей к религии*

№ ко-гор-ты	Воз-растной интер-вал, лет	Годы духовного формирования ко-горт и знак отношения в обществе к религии (+, ?, -)			Влияние возраста респон-дента на отно-шение к религии (+ или -)	Итоговое пред-положение о положительном, нейтральном или отрицатель-ном отношении респондентов к религии
		Бабушек респонден-тов	Родителей респондентов	Самих респон-дентов		
1	21–30	(1933–1943) = (?)	(1960-е) = (-)	(1987–1997) = (+)	(-)	(-)
2	31–40	(1923–1933) = (-)	(1950-е) = (-)	(1977–1987) = (-)	(-)	(-)
3	41–50	(1913–1923) = (+)	(1940-е) = (+)	(1967–1977) = (-)	(?)	(?, +)
4	51–60	(1903–1913) = (+)	(1930-е) = (-)	(1957–1967) = (-)	(+)	(?)
5	61–70	(1893–1903) = (+)	(1920-е) = (-)	(1947–1957) = (?, +)	(+)	(+)

ветствовали тематике двух частей интервью. В биографическую часть был включён вопрос:

«Интересуется ли он (респондент) или члены семьи вопросами религии; отношение к религии». Размещение вопроса в шестом, предпоследнем блоке вопросника «Досуг» оказалось, увы, оправданным тем, что большинство респондентов, по определению С.Н.Игнатовой, — «размытые верующие».

В экспертной части интервью с главами сельских администраций вопрос «(Каковы) Взаимоотношения (администрации) с церковью на селе? Её (церкви) роль на селе» стоял между второй и третьей третью вопросника в блоке вопросов о социально-демографических процессах и о социальной структуре населения, об отношениях между людьми разных групп и слоёв. Поэтому респонденты не пускались в рассуждения о возможных

благих перемен в сознании, мировоззрении уверовавших, но иногда говорили о житейской социальной пользе от появления священника — например, если к нему потянулись дети и подростки.

Сам вопрос по сути был труднее. Здесь надо было не просто говорить о личном отношении к общественному явлению, но — дать оценку в небольшой степени от имени сельского общества. Трудно было ожидать подробный ответ на этот вопрос от респондента, уже ответившего, что религией он не интересуется («Мы де не так воспитаны были...»). И напротив — вряд ли приятно было верующему респонденту признавать, что религия и церковь не играет никакой роли в жизни окружающих...

С другой стороны, то, что вопросы об отношении к религии и церкви шли в окружении более насущных для большинства вопросов о выживании сельского хозяйства и деревни, думаю, обуславливало более откровенные ответы. Ибо человек не поджимался внутренне, не пыжился, не каялся вдруг и взахлёб, как бывает при опросах специально о религиозности, о роли Церкви.

Нацеленность статьи на выявление отношения к религии сельских руководителей нескольких поколений требует рассмотрения по возрастным когортам. Но в каждой из них оказались люди, по-разному относящиеся к религии и сельской церкви, к жизни приходов. Для экономии места группирую материал не по возрастным когортам, а по отношению людей к религии.

«Нулевая» группа. Из 37-ми текстов интервью и резюме в десяти нет упоминания о религии и церкви (№№ 2, 5, 7, 13, 16, 18, 23, 24, 28, 41). Группа большая и сложная: женщина-фермер, старше 60 лет, по первому образованию — руководитель коллективов самодеятельности, по стажу — заводской кадровик; ГСА⁹ — бывший учитель математики; глава крестьянского хозяйства, начинавшая испытателем приборов на заводе...

Все они так или иначе вновь оказались в деревне, в основном — по своей приверженности к родным местам.

И то, что нет в их текстах упоминаний о религии — возможно, случайность, процедурный сбой. А жаль! Интересно бы спросить, жертвует ли на церковь 39-летний новый барин-бизнесмен (№ 5), руководитель сельхозкооператива, имеющий неназываемые доходы? Им в «нулевой» группе представлена когорта лиц от 31 до 40 лет. Родился он в год 50-летия Октября, школьную социализацию прошёл в самые застойные годы (1974–1984), работать начал инженером-механиком в разгар перестройки. Долго возглавлял сельскую администрацию, и теперь — хозяйствует... Для меня крайне

⁹ Здесь и далее — Глава сельской администрации.

важны, уже отвлекаясь от религиозной тематики, слова этого человека о том, что многие деловые вопросы ему легче решать, ибо вокруг много руководителей его поколения! А значит — стиля, методов, деловой этики и т. д.

Нет упоминаний о религии и в текстах, наговоренных шестью женщинами и одним мужчиной в возрасте от 41 до 50 лет. Мужское интервью (№ 28) 44-летнего председателя колхоза — одно из немногих оптимистичных. Но не благодаря тому, что «уныние — большой грех перед Богом», а вследствие жизненного правила: жить и уметь зарабатывать сегодня, не сожалея об упущенном вчера. Для историка поколений драгоценны слова этого респондента: Мы, сын и я, оба хотим, чтобы он здесь продолжил моё дело. Более обыденны безнадёжно-жалобные интервью с женщинами — администраторами и руководительницами хозяйств. Есть лишь одно нейтральное упоминание о красивой церкви (№ 24).

Нужна ли религия как явление 64-летнему мощному руководителю СПК, который с гордостью говорит, что всё принял от предков (а веру в бога?), трудится с 9 лет, сначала — на лошадках, стал сельским инженером, в тяжелейших новых условиях поднял разрушенное хозяйство, но перспектив для деревни в целом не видит (№ 23)? Очевидно, нет.

«Группа» минусовая, то есть — отказавшихся от религии.

В ней один председатель СПК, 40-летний, потомственный (сын 30-тысячника 1950-х гг.), достаточно преуспевающий, не без теневых доходов. Духовное формирование его когорты пришлось на неблагоприятные, по вышеприведённому моему рассуждению, для передачи религиозности 1973–1983 гг. Однако, видимо, на какой-то момент он к церкви приблизился. Отвело его то, что он хотел там отдыхать душой, как раньше, а теперь и там только деньги... Не потому ли, что у него просят постоянно на нужды прихода, и может быть — не одного (интервью № 20)?

«Группа» под самоназванием «Не верую (в бога), но верю»: в то, что чудесно спасло от гибели; в себя; в нескольких человек вокруг...

Это — 43-летний (примерное время духовного формирования — 1970-е гг.) руководитель хозяйства, из механиков, настоящий мужик, с массивным крестом на груди, тоскующий по настоящему, сталинскому порядку, воспитывающий провинившихся не только словом, но и «своею собственной рукой»...

«Группа» неверующих, но признающих, что людям «надо бы что-то такое» — 1 женщина, руководитель СПК, 45 лет (время духовного формиро-

вания — 1968-78 гг.). Место, где она поминает умерших родных — не церковь, а кладбище (№ 30).

Группа «без интереса к религии» — 6 человек, в основном — из когорты 41–50-летних. Есть и два человека, 51 года и 57 лет, — руководители, соответственно, округа и колхоза.

Согласно моей умозрительной табличной модели, водораздел внутри группы должен быть. Ведь старшие формировались в архибезбожные 1960-е годы. Младшие — в относительно спокойные 1970-е. Но незаинтересованность в религии (и в разговоре о ней) — сходная. Цитирую представителя группы 41–50-летних, бывшего механизатора, а ныне — арендатора останков местного совхоза: Религией не интересуемся, но и не уходим. Крестились все. В церковь не ходим, не введено у нас (№ 27). Для другой представительницы этой группы, главы сельской администрации (далее — ГСА), межпоколенческой передачи религиозности тоже не было. Хотя дед её, как будто из «бывших», дворянин из Петрограда: Мама религиозная. ... Религия /в жизни села/ роли не играет. Но о. Сергей старается — восстановил церковь... Пасха — наш семейный праздник, когда съезжаются родные (№ 32).

Респонденты из старшей когорты в данной группе прямо говорят о значении советского воспитания. Первый (ГСА): Нас не так воспитали. Но если человек хочет, пусть верит. Особо верующих /в округе/ немного. Смысл жизни — не бог, конечно, а дети. Их у него трое. (№ 4).

Второй, председатель одного из немногих развивающихся колхозов, — тоже крещённый, и тоже свободно обходится без религии. Это ещё более понятно, т. к. побывал на должностях районного масштаба, наверняка был членом (или даже членом бюро) РК КПСС. Помнит, однако, что церковь закрыли в 1958 г., когда ему было 9 лет.

**«Группа» без интереса к религии, но с пониманием того,
что религия — это значит делать добро —
всего 1 человек, но — какой!?**

70-летний матёрый, потомственный (к вопросу о поколениях!) председатель колхоза с почти полувековым стажем! О религии: Не интересуюсь, не признаю, понимаю по-своему. Церковь отдал, но не хожу. Сделай добро человеку — вот моя церковь. Хоть на машине его подвезти... (№ 43). Дай Бог побольше таких «неинтересующихся» религией. (Модель моя опять подводит. Ведь формировался-то сей «зубр» примерно с середины 1940-х до середины 1950-х гг., когда прижим религии был ослаблен...)

**«Группа» не интересующихся религией,
но соблюдающих минимально обряд — 1 человек.**

Женщина, 30 лет, бывший учитель, ГСА. Как все — крещёная, но: Не приучили с детства (школьное детство пришлось ещё на доперестроечные годы, но ей было 12–13 лет, когда в обществе начался поворот лицом к Церкви. Видимо, и даже очевидно, что этот поворот совершался в деревне не так явно и — позже, чем в восприимчивом Городе!). Пока живёт — как учит муж — одним днём (что, кстати, вполне по евангельской заповеди). (№ 36) Роль церкви?—Растёт (это — первая оценка такого рода! — Ч. С.), судя по тому, сколько людей в праздник на кладбище. Бабушки ездят в соседнюю церковь. Но трудно с транспортом...

«Группа» неверующих, но интересующихся религией, точнее — внешней стороной церковной жизни — 1 человек, 60-летняя ГСА, бывший клубный работник, парторг... Время социализации, с 7 до 17 летнего возраста, опять-таки самое богоборческое, 1953–1963, «Великое 10-летие», как называли его угоджавшие Н.С. Хрущёву. У неё нет оснований верить в веру односельчан. Старушки прибрали было, под её водительством, старинную церковь, бывшую в советское время складом удобрений, но так и не собрали деньги на восстановление (№ 59). Да и откуда у них деньги?

И, наконец, группа в полном смысле слова, —

«Не сильно религиозные, но и не очень атеисты»

«Не сильно религиозные, но и не очень атеисты», как сказал о себе респондент (№ 62). Их — 12. Религиоведы называют их колеблющимися между верой и неверием. Распределяю по возрастам:

А) Из когорты до 30 лет:

ГСА, 27 лет от роду (т. е. время социализации — 1986-96 годы, вполне благоприятное для усвоения веры в бога. Где? В городе! Там одна за другой открывались церкви. Но не в деревне, конечно.) Из семьи рядовых колхозников с неполным средним образованием, вероятно — неверующих, какими было большинство советских людей второго (по демографическому счёту) поколения. Шагнула из этой семьи, после 8-ми лет работы в казначействе, в главы сельской администрации, учится в вузе. О религии говорит осторожно: всё хорошо в меру... я как бы крещёный человек, есть крестик...

Что за этим? Стремление на всякий случай не отречься, но — и не брать на себя непосильный груз праведности? Это — самая понятная позиция для современного человека у нас и в «цивилизованном» = обезбоженном мире.

О роли церкви говорит так же осторожно: Сколько верующих — не знаю, об этом же не рассказывают... Можно же (теперь) верить... По последней фразе видно, что кое-что о советском времени помнит или слышала от старших.

Б) Из когорты 31–40-летних, верующих, по их признанию, в душе, или — когда прижмёт; их время становления — «предкризисные», по терминологии М.С. Горбачёва, 1977-87 годы (№№ 15,22,26):

37-летний глава КФХ (крестьянско-фермерского хозяйства), видимо, крещён «ради детей». «У нас если родители некрещёные, детей не крестят». Вот вам и преемственность наоборот. Даже совсем наоборот, т. к. респондент не знает, были ли крещены его родители (№ 62).

В) Из когорты 41–51-летних, самой многочисленной, базовой для всего исследования:

Большинство респондентов и респонденток отвечают, как сговорившись: Детей крестили; посты не соблюдаем; в церкви бываем, когда появляется тяга (варианты: мы все как бы христиане; бывает — помолюсь, но молитв не знаю, завидую знающим...) (№ 1, 4, 10, 11, 20-б, 25, 46). Но если дело только в этом, то церковь божия становится лишь Домом психологической разгрузки? Или всё сложнее? Думаю — последнее. Каждому, за исключением верующих-профессионалов, приходилось испытывать затруднение, пытаясь рассказать о своём отношении к религии, а тем более — отвечая на вопрос: Вы верите в Бога?

Ещё одна из распространённых причин сохранения, и даже укрепления, в душе идеи Бога — это, конечно, страх наказания свыше... (№ 11). Но не каждый готов в этом признаться чужому человеку, тем более — с магнитофоном! (И это — серьёзная, нерешённая процедурная проблема!)

Куда проще спрашиваемым было отвечать о наличии-отсутствии и о роли церкви. В инт. № 25 проскользнуло признание участия администрации в восстановлении церковного здания. Формально это неправомерно, ибо церковь отделена от государства. А по сути: храмы-то разрушала советская власть. И восстанавливать должна правопреемница.

46-летняя ГСА (№ 46) — одна из отметивших роль церкви, настраивающей людей на хорошее. Хвалит батюшку, сократившего службу с двух с половиной до полутора часов. Сама в религию «не ударяется», а просто про себя: «храни!»...

Нечастое упоминание о том, что в деревне есть группа сильно верующих, содержится в одном из самых содержательных, оптимистичных, любовных по отношению к малой родине, интервью (№ 20-б). Его дала

опытная ГСА — работает в местных органах власти больше 20 лет, после немногих лет учительства. И дело культуры в целом живёт и процветает. Деревни нашей название — от имени Св. Иоанна Богослова... Церковь реставрируется... У деревни есть свой гимн, свой поэт, свой альманах (!), вокальная группа...

Почти ровесница предыдущей респондентки, из местных партийных деятелей, отмечает, что к молодому священнику потянулись дети, и это хорошо (№ 22).

Последняя, главная для религиоведа и богослова группа респондентов, не только называющих себя верующими, но — делающих при этом минимум оговорок, тепло говорящих о религии.

Трое из них подчёркивают семейные корни своей религиозности. Высокая степень действенности их веры в Бога — помощь в возрождении приходов, церковных зданий, в строительстве часовен. В группе всего 8 человек, т. е. 1/5 из около 40 рассмотренных интервью.

Соотношение представителей возрастных когорт, уже знакомое нам: от 41 до 50 лет — 5 человек, от 51 до 60 лет — трое.

Более подробно в этой группе говорят о религиозной преемственности или её отсутствии.

— Откуда вера? От деда и бабушки, — говорит одна из руководительниц муниципального образования из возрастной когорты 40–45-летних, — хоть мы и были комсомольцы. Её дети тоже ходят в храм, и это — редкое свидетельство передачи религиозного поведения следующему поколению (№ 28). В другом интервью респондентка, близкая по возрасту, говорит: Муж не верит; сын в церковь не ходит... (№ 57).

Начало самого пространного рассказа о наследовании религиозности и о роли сельского настоятеля церкви (№ 19) было приведено в статье С. Н. Игнатовой.¹⁰ Это — из беседы с ГСА, 50-летней, в прошлом учительницей истории. Всё интервью её — на одном дыхании. На таких женщинах держится во многом деревня, семья, страна. Невероятное трудолюбие, готовность к трудностям, теплота к миру людей, а не только к ближним — это не столько от христианства, наверно. Напротив, характер этой женщины привёл её к христианскому Богу.

Не меньшего внимания заслуживает и фраза о другой, неродственной передаче приобщения к Церкви в интервью с 45-летним специалистом администрации (№ 23, 2006 г.): В деревне дьячок ходил, крестил, прича-

¹⁰ Игнатова С. Н. Указ. соч.. С. 181.

стил нас с братом. Дело-то, видимо, было, судя по возрасту респондента, в первой половине 1960-х гг., когда «бродячих попов» ловили и судили за незаконную деятельность! Так вот: дело сейчас не в том, Бога для или ради куска хлеба ходил по деревням сей «дьячок». И даже не в том, имел ли сан священника. Объективно он осуществлял связь утасоющей, измордованной Русской Православной церкви с её будущим. Но это уже не социология, а история и «лирика».

В той же группе — усталая от жизни 56-летняя ГСА, которая верует в Господа нашего Иисуса Христа, /и это — первое упоминание Имени Бога на все прочитанные мной тексты!/, но в церкви бывает редко, ничего божественного не читает. Только ходит в Троицу на кладбище, где у неё нет никого...В церкви односельчан мало...(№ 40) /О модели поколенческой своей я уже не вспоминаю. Ведь цитировал я выше слова 56-летней. А родилась она — в 1950-м. Значит, годы духовного формирования — это 1957–1967-й, когда церкви закрывали. А вера всё же передалась.../

Интервью с двумя другими представительницами когорты «старше 50-ти лет» достаточно характерны. 53-летняя бывшая зав. клубом, а ныне ГСА, — инициатор строительства часовни (№ 2). 57-летняя зам. главы поселения говорит (№ 5) о соединении в новых условиях веры в коммунистические идеалы с гуманистическими идеалами Русской Православной Церкви.

Итак, отношение к религии и Церкви сельских администраторов и хозяйственников — не главное в их характеристике как сельских руководителей. Можно быть достойным и полезным на своём месте и без веры в бога и в высшие силы.

Отношение всех респондентов к религии как общественному явлению положительное или нейтральное. Они готовы помочь Церкви, особенно, если есть из чего и если видят существенную помощь Церкви как культурной и духовно-нравственной силы, не замыкающейся в церковной ограде, а объединяющей людей вокруг добрых дел, прежде всего — вокруг воспитания детей и молодёжи, ибо за этими — будущее. Такой силой церковь пока не стала — ни в селе, ни даже в городе, где она сильнее, богаче. И вряд ли станет, пока сохраняется нынешнее, инерционно-пустоватое, состояние умов и душ людей «в этой стране».

Для данной, случайно выбранной, подборки (около 40 интервью из 150) поколенческий подход оказался непродуктивен. Даже такая крепкая,

казалось бы, гипотеза, согласно которой важными факторами передачи религиозности являются условия духовного формирования детей и юношества самих респондентов, их родителей и бабушек — не всегда подтверждается. Возможно — из-за скудности материала, или — от невладения моего математическими методами обработки /многофакторным анализом/. О ее, модели, правильности говорят лишь отдельные упоминания и один связный рассказ. Важнейшего, точно направленного, как вижу теперь, вопроса в интервью не было: («Сказывается ли отношение к религии и воцерковлённость Ваших односельчан на их внецерковной жизни — производственной, социально-культурной, семейной?»).

В оправдание расхождений между табличкой моих гипотез и действительным отношением респондентов к религии могу сказать, что в таблице была попытка учесть действие прежде всего внешней обстановки, политики партии и государства по отношению к религии и церквям. Внутренняя жизнь человека куда сложнее и сокровеннее. Учесть вероисповедные или атеистические, или безрелигиозные позиции, взгляды в сельских семьях данного региона, его сельской местности — вряд ли было возможно, глядя на карту родины из башни историка-теоретика.

Введение в программу бесед вопросов о том, есть ли у верующего цель нравственного совершенствования, об оценке функций религии в деревне, о направлении изменений количества и влияния приходов на жизнь деревни — могло бы помочь более всестороннему освещению темы, которой посвящена данная статья.

Поэтому выводы возможны только на основании интервью. И только об относительно крупных возрастных когортах.

Человек второго советского поколения, (уроженец 1940-х гг.), чьи родители были ровесниками Революции и Гражданской войны, в раннем детстве, бывало, воспитываемый бабушкой или (и) матерью в религиозности, чаще всего в молодости отрывался от неё, чтобы быть как все. Унаследованное религиозное чувство могло дремать в нём, или совсем замирать, или быть едва заметным фоном воспоминаний о детстве, о самых дорогих людях. И лет через 30, когда и возраст подошёл задуматься о душе, о смысле прожитого, и обстановка, кстати, изменилась, это чувство стало возвращаться. Человек увидел, почувствовал в православии — сам, и с помощью СМИ — душевное, культурное, реже — социальное благо.

Люди базовой для всего исследования когорты родились, в среднем, на рубеже 1950–1960-х гг. Т. е. — в семьях родителей, родившихся, в среднем, в первой половине 1930-х. Последние вряд ли были крещены, но поворот,

возврат к религии в годы Войны могли заметить. И всё же дать религиозное воспитание ни они, ни слабая церковь не могли. Поэтому духовная потерянности бывших советских людей — ровесников оттепели — вполне понятна, тем более — в вымирающей деревне.

Те же, кто родился около 1970 г. и вышел из советской эпохи в 20-летнем возрасте, особенно если они не имели рядом тепло и явно верующих дедушек и бабушек, тем более — родителей, окончательно самоопределились в переходные 1990-е годы. Многие из них не пошли слепо за волной нововеров в православный храм, которого в деревне просто не было.

О мелких «группах», из 1–2 человек, не говорю. Здесь всё определялось случайными особенностями биографии, психологическим настроем.

Центр тяжести нравственно-просветительской работы, пастырской заботы РПЦ должен быть перенесён из относительно благополучного Города — в сельскую местность, которая гибнет не только как место хозяйствования, но и духовно. От села к селу должны идти с проповедью и просветительской беседой тысячи насельников и насельниц восстановленных монастырей. Ибо сил деревенских священников не хватает.

Сельским руководителям, ещё держащим свой фронт против организованного капитализмом оскудения села, необходима всемерная поддержка, прежде всего — со стороны государства. Но не только. Необходима новая волна деревенской прозы, публицистики, непрерывные кампании в СМИ. Город должен знать, в каком положении Деревня, и быть готовым помочь ей людьми и материальными средствами. Если нынешняя власть, в отличие от Советской, не может это организовать — тем хуже для власти, но и для народа, соблазнившегося призраком свободы, как оказалось — преждевременной и самоубийственной.

К практическим рекомендациям: далеко не все сельские руководители могут поддержать разговор на данную тему. Даже — небезразличные к религии. Считаю необходимым включать освещение самых простых религиозных вопросов в программы районных курсов повышения квалификации для данной категории управленцев.

Р. С. Но не исключено, что вопросы о религии и церкви не были важными, ударными, не только для респондентов, но и для студентов-социологов, бравших интервью. Мы же не спрашивали их об их отношении к религии и церкви. Могли ли они поддерживать разговор на эти темы, заметить «хвостик» возможного ответа и вытащить за него сам ответ?

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИИ

[к содержанию](#)

Демографические теории: социологические корни и эпистемологические подходы

Ю. А. Француз

Демография — междисциплинарная наука, многие из теорий, объясняющих популяционное поведение, были инкорпорированы из разных областей знаний: экономики, культурологи, антропологии, но, пожалуй, более всего — из социологии. Задача данного доклада — отследить социологические (и в более широком смысле — социальные) корни демографических теорий, а также очертить эпистемологические подходы к анализу построения и возможной интеграции этих теорий.

Прежде всего, рассмотрим вкратце основные существующие демографические теории. Существуют две главные работы по теории народонаселения¹. Хотя классификации теорий, приведенные в обеих работах, не полностью совпадают, все же можно говорить о следующих основных «представителях» теоретического поля демографии:

- теория демографического перехода,
- теория «потоков благосостояния»,
- микроэкономическая теория,
- культурологическая теория,
- институциональная теория,
- антропологические теории.

Рассмотрим основные положения каждой из названных теорий, их корни в системе социальных дисциплин, а также эпистемологические подходы к их построению. Теория демографического перехода (ТДП), — пожалуй, самая древняя (если не считать учение Т. Мальтуса, но последнее — скорее мировоззрение с элементами прогностики, чем теория в классическом смысле этого слова).

Основной объект, подлежащий объяснению в этой теории — исторический феномен снижения смертности и рождаемости в Европе XVIII–XX ве-

¹ S. GreenHalgh. Anthrophological Approaches to Fertility/ Worktly Papers? 1994.
D. van de Kaa. Anchord Narratives. «Population Stiles», 1995.

ков. Следует отметить, что ТДП объединяет под своим названием несколько различных объяснительных моделей. С определенными оговорками можно выделить, на мой взгляд, две основные модели в рамках данной теории:

- 1) индивидуалистически ориентированную;
- 2) структурно-функциональную.

Первая модель заимствует известную теоретическую ориентацию социологической науки, называемую методологическим индивидуализмом. Несмотря на сходное звучание, последний имеет мало общего по смыслу с обычно употребляемым в обиходе понятием «индивидуализм», ассоциируемым с эгоцентризмом. «Методологический индивидуализм» — это традиция и ориентация в социологических общепризнанных моделях, согласно которой общественные феномены могут исследоваться (и объясняться) на основе изучения индивида как единицы наблюдения. Например, такие макроуровневые феномены, как увеличение разводимости или консюмеризм объясняются в данной традиции изменениями в индивидуальном сознании и сменой ориентации (пусть даже и происходящей под влиянием социально-экономических факторов).

В полном соответствии с этой традицией первая ветвь ТДП — «индивидуалистически ориентированная» связывает последовавшее за снижением смертности в результате прогресса в борьбе с эпидемиологическими заболеваниями с уменьшением рождаемости в связи с изменением установок индивидов. Один из наиболее популярных критериев теоретических объяснений таких изменений в контексте данной темы — концепция «запасных детей». Суть её в том, что одним из главных мотивов иметь большое количество (5–7) детей до так называемого эпидемиологического перехода было стремление к определенному числу детей, необходимому для работы в семейном хозяйстве. При высокой детской смертности для обеспечения доживания этого необходимого числа детей до трудоспособного возраста необходимо было иметь «запас», т. е. «дополнительных» детей, с большой вероятностью не доживущих до этого возраста.

Одна из основных линий критики этого подхода — та же, что и ко всей ориентации «методологического индивидуализма». А именно — предполагаемая неспособность объяснить макро-социетальные феномены простой суммой изменений личностных установок и решений. С точки зрения критиков «методологического индивидуализма» такое макро-структурное явление, как последовавшее за снижением смертности массовое сокращение рождаемости не сводимо лишь к сумме индивидуальных изменений репродуктивных установок.

В свете этой критики представляет интерес анализ второй — структурно-функциональной ветви ТДП. Последняя получила наиболее завершённое развитие в работах А. Г. Вишневского (1976). Основываясь на трудах классиков теории демографического перехода (А. Ландри, Д. Нотекстейн), а также теории систем (Людвиг фон Берталанфи), А. Г. Вишневский предложил законченную концепцию структурно-функциональной ветви ТДП². В основу её положено представление о демографических процессах как о подсистеме общества и, в то же время — как об относительно автономной системе. В качестве первой — они (процессы) стремятся к адаптации к меняющимся внешним условиям (или изменению в других подсистемах общества), в качестве второй — к состоянию равновесия (гомеостазису). С точки зрения такого системно-структурного подхода, уменьшение смертности в результате успешной борьбы с эпидемиями (т. н. эпидемиологического перехода) при сохраняющейся высокой рождаемости приводило к нарушению демографического равновесия: появлялась угроза перенаселения. Соответственно, были включены «приводные ремни» системы, стремящейся к равновесному состоянию и рождаемость снизилась.

Что же это за «приводные ремни»? Ответ на вопрос отсылает нас к логике старейшей социологической теории — функционализму, также интегрировавшей положения теории систем.

Согласно теории функционализма, получившей развитие в трудах Э. Дюркгейма и Т. Парсонса, у систем существуют механизмы, с помощью которых их цели (или по выражению Т. Парсонса, «реквизиты») могут быть осуществлены. Основной «приводной ремень» в этом механизме — это нормы и ценности. Их изменение, по мнению функционалистов, это — не просто отражение реакций индивидов на изменяющиеся условия (как считают сторонники «методологического индивидуализма»), а способ осуществления «системных целей». В области демографии подобную логику можно проиллюстрировать следующим примером. В обществе распространяется терпимое отношение к незаконнорожденным и их матерям. С точки зрения функционализма — это «приводной ремень» демографической системы, старающейся избежать депопуляции и включающей механизм повышения рождаемости. Сходным образом вторая ветвь ТДП объясняет снижение рождаемости изменившимися нормами, причиной чего

² А. Г. Вишневский. Демографическая революция. М.: «Финансы и статистика», 1976.

явилось стремление «демографической системы» сохранить равновесие, избегав перенаселения вследствие резко снизившейся смертности.

Критика этой ветви ТДП созвучна направленной на её социологическо-го «прародителя». Её основные пункты таковы.

- 1) нелегитимная телеология — приписывание системе целеполагания и, тем самым подведение любого социального изменения под «служение» этим целям задним числом.
- 2) трудность (а то и невозможность) эмпирической верификации, в т. ч. из-за проблемы с операционализацией (например, концепта «равновесие демографической системы»).

ТДП, помимо чисто социологического, имеет еще один корень — из более общего теоретического багажа социальных наук в целом. Прежде всего, это — теория модернизации, объясняющая закономерности исторического развития и прогресса. Согласно мнению С. Гринхалгх (1994), ТДП разделяет следующие основные положения теории модернизации:

- прогрессивность развития (действительно, А. Г. Вишневский связывает «демографический переход» с современным «городским» сознанием и образом жизни);
- стадийность (обычно выделяют 3 или 4 основные этапа «демографического перехода»);
- однонаправленность изменений (раз начавшись, «демографический переход» будет завершён, «возвратных» изменений не будет);
- универсальность («демографический переход» — закономерность для всех стран и исторических периодов)³.

Теория модернизации в её приложении к демографическим изысканиям подвергается критике за недоучет национальных и исторических особенностей. В частности, М. Клупт (2007) достаточно убедительно показал, что специфика институтов различных стран обуславливает дивергенцию демографического развития, в том числе, и в периоды демографического перехода. По его мнению, влияния специфики национальных институтов сильнее, чем воздействие общих закономерностей⁴.

Следующие две группы теорий — потока благосостояния и микроэкономическая — разделяют основные положения традиции «рационального выбора». Основные положения данной теории — в акцентировании детализированного расчета возможных выгод и потерь (затрат) при принятии

³ S. GreenHalgh. Anthrophological Approaches to Fertility/ Worktly Papers? 1994.

⁴ М. А. Клупт. Демография регионов Земли. 2007.

индивидом какого-либо решения. В первой из перечисленных теорий этой группы речь идет о рациональном мотиве рождения большого числа детей при ведении натурального хозяйства в традиционных обществах — из-за пользы, приносимой используемым в таких «семенных» хозяйствах «рабочих рук» с молодых ногтей. А также — из-за помощи, оказываемой подростками детьми родителям в старости. В современных же обществах, согласно этой теории, меняется направление «потока благосостояния» — оно длительное время идет от родителей к детям (в виде затрат времени и сил на воспитание, оплаты образования, помощи в воспитании внуков и т. д.), а в старости заботу о престарелых родителях берет на себя государство, спонсируя дома для престарелых.

Микроэкономическая теория рождаемости, разработанная Г. Беккером, распространяет «рациональный выбор» на демографические решения, принимаемые на протяжении последних десятилетий в развитых странах. Под затратами и выгодами понимаются не только материальные компоненты, но также время, энергия, издержки и удовлетворение. Особое место в микроэкономической теории рождаемости занимает «модель эластичности», согласно которой достигается компромисс между количеством и потенциальным желаемым качеством детей при принятии демографического решения.

Критика демографических теорий, использующих модель «рационального выбора», созвучна той, которая адресована непосредственно этой модели:

- трудность эмпирической верификации таких понятий как затраты энергии или моральное удовлетворение;
- нечувствительность к культурным и институциональным особенностям (например, традиции много или малодетности, длительность проживания с родителями до момента «выпархивания из гнезда» и т. д.).

Эти пробелы попытались восполнить культурологические и институциональные теории. Они выделили «культурные» составляющие и специфические институты, оказывающие наиболее сильное воздействие на демографические решения. Пионер культурологической теории С. Уоткинс использовала модель диффузии, а адепты применения институционального подхода в демографии опирались на разработки классика институционализма Д. Норта. Хотя обе теории высветили важные независимые переменные, воздействующие на принятие демографических решений, а также в значительной степени проанализировали механизмы этого воздействия, они не смогли реализовать прогностическую функцию — предсказать, в

какой степени и направлении будут идти демографические процессы при соответствующих культурных и институциональных изменениях.

Антропологические подходы к демографическому поведению можно лишь с натяжкой назвать теориями, ибо они не отвечают такому, например, позитивистскому критерию, как способность быть опровергнутыми.

Как видно из приведенного анализа, демографические теории импортировали большое количество положений, методологических ориентаций и эпистемологических подходов из других областей знания, в значительной степени — из социальных наук, прежде всего, — из социологии. Учет критики этих положений в социологических корнях этих теорий будет способствовать их совершенствованию и, возможно, частичной интеграции (в тех точках пересечения, где они не противоречат, а дополняют друг друга).

Ценность прародительства для российских семей

И. И. Елисеева

Человечество представляет собой некий круговорот, в котором сегодняшние дети завтра становятся родителями, а родители — прародителями. Ценность прародительства определяется интенсивностью и содержанием взаимодействий с семьей сына или дочери в системе родственных отношений. Именно признание ценности, значимости контактов прямых родственников разных поколений привело нас в свое время к выводу о существовании, кроме многопоколенных семей, неких сетевых структур, так называемых семейных групп, в основе которых лежит стремление к общению, эмоциональной поддержке и взаимопомощи¹.

Сосуществование, «перехлест» поколений вызывает особые социальные отношения, которые в случае кровного родства оказывают влияние на воспроизводство населения. В нашей стране в связи с активным вмешательством государства в личную жизнь граждан, влияние старшего поколения (прародителей) было далеко не так очевидно, как этого можно было ожидать в свете традиций многопоколенной российской семьи (добавим, крестьянской семьи — ведь 82% населения, согласно переписи 1897 г., было сельским.) Многочисленные потери населения ударили и по родственным связям: низкая продолжительность жизни, вынужденное ослабление родственных связей в результате массовых репрессий и высылки, потерь в войнах, отправки «по распределению» и т. д. Можно сказать, что ценность прародительства проявилась и стала исследоваться в России только в сравнительно благополучный период 1960-х — 1980-х годов. В тот период основная масса молодых семей в городах жила с родительской семьей, что было обусловлено отсутствием экономических условий для создания собственного жилья. Жилищная проблема существенно деформировала родственные отношения в городах. Прежде всего, создавалась иллюзия восприятия многопоколенной семьи как устойчивого стереотипа. Например, можно встретить данные о том, что примерно 44%

¹ Ружье В. Л., Елисеева И. И., Кадибур Т. С. Структура и функции семейных групп. М.: Финансы и статистика, 1983.

молодых брачных пар намерены проживать с родителями жены (мужа)². Это заключение, относящееся к началу 1970-х годов, несет на себе печать отсутствия рынка жилья в советские годы — невозможности приобрести жилье или взять его в аренду, а не тяги к сохранению патриархальности. Проживание молодой семьи с родителями создавало специфическую психологическую атмосферу, одним из вариантов которой было «спутывание» функциональных ролей, когда молодые родители воспринимались своими детьми как старшие брат и сестра, в то время как бабушка и дедушка обладали родительской властью.

В исследованиях, проведенных в советское время, многопоколенные связи восполняли дефицит институтов, представляющих те или иные социальные услуги, в первую очередь, по присмотру и воспитанию детей, уходу за престарелыми. Переход к рыночной экономике делает актуальной задачу выявления ценности прародительства в новых условиях: при отсутствии дефицита продуктов питания и непродовольственных товаров, а также новой демографической ситуации — завершении процесса нуклеаризации семей, сохранении низкой рождаемости. Учреждение «материнского капитала» в 2007 г., конечно, способствовало ее повышению, но все равно уровень рождаемости ниже того, что был даже в период перестройки (таблица 1).

Т а б л и ц а 1. *Динамика общего коэффициента рождаемости (в промилле)*

	1990	1995	2000	2005	2006	2007
Общий коэффициент рождаемости	12.7	8.7	8.2	9.9	10.1	10.8
Санкт-Петербург	10.9	7.0	6.8	8.6	8.8	9.5

Составлено по: gks.ru; Естественное движение населения Санкт-Петербурга в 2008 г. СПб.: Петростат, 2009.

При единстве тенденций Санкт-Петербурга и России в целом, наш город отличается особенно низкой рождаемостью: в 1993 г. общий коэффициент рождаемости составлял всего лишь 6,6 промилле. В этих условиях многие детские дошкольные учреждения были перепрофилированы. Как отмечают Т. М. Малева и О. В. Синявская, в настоящее время 32–43% женщин (в зависимости от образования) пользуются регулярно институциональными услугами по уходу за детьми, но нередко недоступность даже

² Голофаст В. Социология семьи. — СПб.: Алетейя, 2006. С. 50.

детских садов³. Так что эта область межпоколенного взаимодействия и взаимопомощи остается актуальной⁴.

Взаимоотношения поколений несомненно изменяются под влиянием информатизации общества, возникновения новых стереотипов поведения, развития рынка жилья, социальной стратификации. Все отмеченные моменты требуют глубокого всестороннего изучения. К уже указанным тенденциям, возникшим в постперестроечный период, может быть отнесено повышение возраста трудовой деятельности. Обследования советского периода показывали, что 2/3 женщин старшего поколения не работают. Неразвитость социальной сферы стимулировала выход на пенсию: по данным В. Д. Шапиро, 51% женщин и 18% мужчин пенсионного возраста мотивировали прекращение работы необходимостью занятия домашними делами и воспитанием внуков. 49% женщин и 29% мужчин считали, что после выхода на пенсию они стали приносить семье больше пользы⁵.

В период перестройки, да и в постперестроечный период пенсионер нередко оказывался залогом благополучия семьи: заработную плату могли задержать, а то и вообще не выплатить или «выплатить» производимой продукцией, а выплату пенсий практически не задерживали, причем, регулярно индексировали. Но все равно размер пенсии остается в среднем по стране очень низким, немного превышающим прожиточный минимум. В силу этого пенсионеры склонны подрабатывать, особенно женщины⁶. Появляются большие финансовые возможности, но сокращается время общения с детьми/внуками.

Сам факт возникновения прародительства может быть отражен на линии жизни, на которой отмечены произошедшие демографические события и интервалы времени, отделяющие одно событие от другого. Рождение ребенка и его взросление (создание собственной семьи, когда дети сами становятся родителями) может быть представлено в виде прямой, параллельной линии жизни родителей. Система линий жизни с пометками демографических событий, перехода в иное семейно-брачное состояние представляет собой весьма эффективный инструментарий, который открывает возможность анализа линий жизни мужчин, женщин, рожденных

³ Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып. 1/ Под ред. Т. М. Малевой, О. В. Сиявской. — М.: НИСП, 2007. С. 65.

⁴ Указ. соч.. С. 373.

⁵ Шапиро В. Д. Человек на пенсии. М.: 1980. — С. 48, 53.

⁶ Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып. 1 / Под ред. Т. М. Малевой, О. В. Сиявской. — М.: НИСП, 2007. С. 65.

в определенном месте и времени, в определенных условиях, выявления особенности периода их совместной жизни.

Отношения поколений во многом детерминируются принадлежностью к той или иной общественной группе. По этому поводу экономист и статистик Р. М. Орженцкий писал: «От рождения каждый человек попадает в ту или другую общественную группу, и этим определяется все его поведение: как он будет одеваться, в какой квартире жить, сколько раз в день есть и что именно: какие профессии или занятия он может выбрать, сколько денег будет зарабатывать; мы знаем, сколько шансов за то, чтобы он женился в определенном возрасте или умер холостяком, и какова вероятность, что женившись, он выберет себе жену определенного возраста, из того или другого класса. Если такому индивиду удастся подняться по общественной лестнице, или придется опуститься ниже, то мы наперед знаем, что именно это должны сделать определенное число людей; но и в том и в другом случае поведение индивида снова определяется формами соответствующей группы»⁷. Социальная закреплённость вызывает эффект эксклюзии. «Происхождение остается определяющим фактором неравных социальных возможностей», — отмечает У. Бек⁸. По данным Г. Штайнкампа, «...Большинство детей, родители которых 30 лет назад относились к нижней трети иерархии доходов, власти, образования и престижа, также остаются там. Таким образом, неравенство в распределении ресурсов среди поколения родителей обуславливает неравенство в доступе к ним в поколении детей»⁹. Социальная стратификация в определенной мере отражается на взаимосвязях между поколениями.

Ценность прародительства может рассматриваться, по крайней мере, с трех позиций:

- с позиции детей (внуков);
- с позиций родителей (детей);
- с позиций прародителей.

Руководствуясь народной мудростью, которая гласит: «Самое страшное — это безвнучатая старость», попытаемся разобраться в ценности пра-

⁷ Орженцкий Р. М. К теории фонда // Юридические Записки. № 1(3). — Ярославль, 1909.

⁸ Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Wege in eine andere Moderne. Frankfurt — am Main, 1986, S. 141).

⁹ Штайнкамп Г. Социальная структура и личность: проблемы дифференциации и интеграции макро-, мезо- и микроуровней социального анализа // Проблемы теоретической социологии. Вып. 2. — СПб.: СПбГУ, 1996. — С. 168.

родительства для самих прародителей. На наш взгляд, она складывается из ряда компонент. Прежде всего, часто общаясь с внуками, прародители вынуждены изменять свое поведение, стремясь активизировать его. «Потребляя» энергию молодости, они заряжаются ею, что способствует повышению продолжительности жизни.

Второй аспект связан с относительностью времени: для детей ход времени почти не ощутим. Во-первых, потому, что до определенного возраста у ребенка отсутствует представление о конечности жизни, что делает жизнь действительно бесконечной. Во-вторых, для детей характерна ограниченная событийность жизни, концентрация на повседневном в локальных условиях. Этот аспект детства превосходно выразил В. Голофаст. «Кроме того, есть, по крайней мере одна категория населения, для которой повседневность составляет весь круг жизни — в его пределах осуществляется открытие мира и его освоение, испытание себя и преодоление других. В этом круге укоренены все их мечты и страдания. Эта категория — дети. И, как известно, мир детства не существует без своего мифического дополнения — сказки. ... Другие категории, центрированные на повседневности, подростки, пожилые люди, инвалиды и больные — все те, кто еще не имеет или теряет свои социальные возможности»¹⁰. Общеизвестно, что у пожилых людей ход времени ускорен. Независимо от занятия, пола, места жительства «завтра» стремительно сменяется «вчера», иногда время перепутывается, но в любом случае пожилые люди всегда видят конец любого процесса, явления, тогда как молодые обычно со-существуют с ним/в нем, не задумываясь о его продолжительности.

Постоянное общение с внуком (внучкой), погружение в атмосферу детства делает течение жизни прародителей более спокойным, размеренным и вместе с тем разнообразным, а значит, опять-таки, удлиняющим жизнь.

Ценность прародительства можно рассматривать и с позиций адаптации пожилых людей к изменяющейся реальности. Сейчас даже дети дошкольного возраста лучше разбираются в функциях мобильного телефона, видеоплеера и другой бытовой и коммуникативной техники и ее возможностях. Нередко в общении с техническими устройствами внуки принимают инициативу на себя, помогая бабушкам и дедушкам в их освоении. Это обстоятельство полностью согласуется со следующим замечанием В. Голо-

¹⁰ Голофаст В. Повседневность в социокультурных изменениях (размышления читателя автобиографий и биографических интервью // Голофаст Валерий. Социология семьи. Статьи разных лет. — СПб, Алетея, 2006. С. 380.

фаства: «в повседневности человек все чаще вынужден сталкиваться с непривычными комбинациями культурно разнородных, несовместимых и несоизмеримых явлений»¹¹. У В. Голофаства возникающая многослойность повседневной жизни — следствие мультикультуральности, перемешивания народов — носителей особых культурных норм. Но примерно то же можно сказать и в отношении разных поколений, их взаимном проникновении и обмене представлений о культурных нормах. Сосуществование поколений всегда таит в себе проблемы, извечный конфликт «отцов — детей», и нередко прародители рассматривают внуков либо как посредников в «наведении мостов» в общении с детьми, либо как орудие мести (возмездия) за невнимание родителей к прародителям.

Высказанные общие положения проецируются на определенный тип отношений «прародители — родители — дети», в которых звену «родители» принадлежит решающая роль: родители имеют непосредственное отношение к прародителям и детям и, кроме того, выполняют функцию посредника, корректируя отношения «прародители — дети», создавая образ прародителя(-лей) в сознании детей.

Центром семейной группы или многопоколенной семьи чаще всего (по крайней мере, в России) оказываются младшие дети — детоцентризм или детократия). Возраст ребенка определяет частоту контактов старших родственников с младшими. Эта зависимость была доказана в наших исследованиях¹². Но может царить и гетерократия, когда все взаимоотношения определяются старшим поколением (что характерно для стран Востока и ряда районов России).

Все сказанное относится, прежде всего, к периоду, когда внуки находятся в дошкольном возрасте, когда в родственные отношения еще не вмешиваются отношения дружбы, любви, масса коммуникаций самого разнообразного свойства. К этому добавим такое важное условие ценности прародительства, как состояние здоровья старшего поколения. Здоровье, соответствующее возрастной норме, позволяет ощутить отмеченную выше благотворность прародительства.

Драматургия родственных связей наслаивается на определенные условия жизни прародителей: удаленность/близость проживания с семьей с детьми; возможности/невозможности материальной (финансовой) помощи семье детей; наличие/отсутствие вовлеченности в трудовую дея-

¹¹ Голофаств В. Указ. соч. С. 344.

¹² Ружже В. Л., Елисеева И. И., Кадибур Т. С. Указ. соч. — С. 53, 63.

тельность. При проживании прямых родственников на одной территории (в одном городе, поселке, селе) последний фактор детерминирует многое в их взаимосвязях. Можно утверждать, что прародители не есть какое-то автономное однородное общество. Попытаться выявить их структуру можно, задавая целевую установку типологии прародителей. Соответственно, появляются основания для выделения типов (кластеров) количественного и качественного описания и выявления распространенности каждого типа при переносе на поле эмпирического исследования.

Очевидно, типология прародительства включает:

- «традиционную» многопоколенную семью, с общим бюджетом, где старшее поколение участвует во внутрисемейном разделении труда: покупает продукты, готовит еду, провождает и встречает внуков и т. д., независимо от того, работают прародители или нет;
- живущие вместе, но с отдельным бюджетом. В этом случае возможны варианты:
 - а) участие во всех делах молодой семьи;
 - б) участие в уходе и присмотр за внуками по просьбе молодой семьи в оговоренное время;
 - в) неучастие в делах молодой семьи;
- живущие отдельно, но близко (в получасовой доступности). В этом случае возникают те же три варианта вовлеченности/невовлеченности в дела молодой семьи (а, б, в);
- живущие в одном населенном пункте, но далеко (больше одного часа на дорогу). В этом случае возможны два варианта (б, в);
- живущие в разных поселениях (доля таких семей составляет примерно 30%, по данным В. Голофаства и нашим исследованиям)¹³.

Исследование межпоколенных связей нуждается в получении актуальных эмпирических данных стратифицированных по территориальному признаку, по социальным группам, возрасту представителей как старшего, так и младшего поколений. Время и деньги как два важных ресурса общения и его направленности также должны быть включены в основания типологии. В России вследствие колоссальной разницы в продолжительности жизни мужчин и женщин (более 10 лет), женщина — прародительница нередко остается одна, и в этом случае она имеет больше шансов на постоянное общение с детьми-внуками, но значимые отличия появляют-

¹³ Голофаств Валерий. Семья в крупном городе. С. 55; Ружже В. Л., Елисеева И. И., Кадибур Т. С. Указ. соч. С. 25.

ся лишь при условии, что и семья сына/дочери тоже является неполной. Этот вывод подтверждается как нашими, так и другими исследованиями¹⁴. В. Голофаст писал по этому поводу: «Видимо, единственное важное исключение — это присоединение к неполной семье пожилой одинокой матери-бабушки, что может служить примером объединения двух ослабленных единений родства, из которых каждая сторона заинтересована в объединении»¹⁵.

В выпуске ежегодника «Общественное мнение — 2008», подготовленного Аналитическим Центром Юрия Левады (Левада-Центр), приведены ответы на вопрос: «За что Вы прежде всего благодарны своим родителям?» Из 18 предложенных вариантов ответов главные позиции занимают следующие семь вариантов:

Т а б л и ц а 2. За что Вы прежде всего благодарны своим родителям?*

Вариант ответа	1989	1999	2008
Саму жизнь	51	57	35
Жизненный пример	38	29	31
Душевную поддержку	34	28	18
Воспитание, культуру	27	28	22
Черты характера	23	18	14
Материальную помощь	19	20	13
Профессию, образование	12	16	13

Источник: *Общественное мнение — 2008. Ежегодник. М.: Левада-Центр, 2008. С. 105.*

Несмотря на трансформацию системы социальных отношений, появление новых средств коммуникации, новой бытовой техники, трансляция опыта старшего поколения сохраняет важное значение может быть не столько через передачу навыков, сколько через жизненные примеры, воспитание, передачу черт характера. Важны рассказы о собственной жизни, как в плане предостережения (первая проба алкоголя, ощущения, последствия), так и в плане социализации: отношение к собственной матери; рассказ о детстве — играх, кружках, любимых учителях, любимых фильмах; о выборе профессии. Материальная помощь тоже важна, но она, как мы видим, занимает далеко не первое место.

¹⁴ См., например, Васильева Э. К. *Семья и ее функции*. М.: Статистика, 1975.

¹⁵ Голофаст. Указ. соч. С. 60.

Процессы социального и демографического развития не могут рассматриваться в жестких хронологических рамках. Структура населения имеет динамичный характер, ей свойственно сосуществование и непрерывное изменение соотношения различных категорий. Как известно, население считается старым, если доля населения в возрасте 65 лет и старше составляет 10% и более. Согласно прогнозным оценкам государственной статистики РФ, в нашей стране доля этой возрастной группы в общей численности населения на начало 2010 г. составит 12,9%, к началу 2031 г. она возрастет до 19,3%, т. е. даже при сравнительно низкой продолжительности жизни за счет низкой рождаемости население России можно назвать старым. Еще более ярко выражена тенденция постарения населения в больших городах. Так, в Москве доля лиц в возрасте 65 лет и старше в 2010 г. составит 14,1%, а в 2031 г. она возрастет до 23,7%, т. е. почти четверть жителей столицы России будут составлять пожилые люди. В структуре населения Санкт-Петербурга характер динамики тот же: в 2010 г. доля лиц в возрасте 65 лет и старше составит 14,1%, а к началу 2031 г. — 20,5%¹⁶. Полагаем, что различия в оценках для Москвы и Санкт-Петербурга можно отнести к ошибкам прогноза, поскольку в течение многих десятилетий население Санкт-Петербурга было старше населения Москвы.

Переход демографической ситуации в новое качество происходит с накоплением новых форм, в том числе изменяющегося характера внутрисемейных и межсемейных отношений, их наслоением на старые.

Крупные сложные семьи как историческая фаза формирования семейных групп в крупных городах почти себя исчерпали. Та же тенденция имеет место и в поселениях других типов. Всего примерно 80% семей имеет родственников старшего поколения. В условиях малодетности разветвленность семейных групп снижается, а это значит, все большую концентрацию их функций на интересах личности каждого и каждой семьи, составляющей семейную группу. Всегда во все времена родители любят детей больше, чем те их. Это находит отражение в неэквивалентности участия семьи прародителей в делах молодой семьи и, наоборот, участия семьи сына или дочери в делах семьи (или одиночки) старшего поколения. Как показали наши исследования, только когда прародители достигают возраста 70 лет и старше, можно ожидать переориентацию межпоколенных

¹⁶ Рассчитано по стат. сборнику «Предположительная численность населения Санкт-Петербурга и Ленинградской области до 2030 года». С. 6, 22.

контактов на нужды «стариков». Это закон жизни, суть которого выражена в словах Ф. И. Тютчева:

*«Когда дряхлеющие силы нам начинают изменять,
И мы должны как старожилы пришельцам новым место дать
Тогда спаси нас, добрый гений, от малодушной укоризны,
От клеветы, от озлоблений на изменяющую жизнь,
От чувства затаенной злости на обновляющийся мир,
Где новые садятся гости на уготовленный им пир.*

Замещение поколений населения Санкт-Петербурга¹

Н. Е. Чистякова

При изучении современных проблем рождаемости основное внимание уделяется колебаниям чисел родившихся и эффективности мер государственной демографической политики, принятых за последние годы. Вместе с тем, колебания в уровне рождаемости последних десятилетий не могут быть объяснены только при помощи общей динамики отдельных показателей рождаемости.

За последние годы наблюдалось существенное смещение рождений в более поздние возрастные группы матерей. Изменения в календаре рождений произошло под действием двух факторов: фундаментальных изменений в репродуктивном поведении, а также как результат откладывания рождений детей из-за внешних причин — социальной и материальной нестабильности во время перестройки, дефолта, экономического кризиса и т. д.

После принятия Закона об актах гражданского состояния в 1996 году была ликвидирована запись о порядковом номере рождения в акте о рождении. Поэтому статистические данные об очередности рождения по России в целом за последние десять лет отсутствуют. Часть субъектов Российской Федерации, в том числе и Санкт-Петербург, продолжали собирать эти сведения. Информация об очередности родившихся в Санкт-Петербурге ценна с двух позиций. Во-первых, демографическое поведение в Санкт-Петербурге всегда было типичным для крупнейшего индустриального города-порта, с высоким уровнем образования и занятости населения. Поэтому определенные формы репродуктивного, брачного и самосохранительного поведения возникали здесь раньше, чем в других регионах и городах страны.

Во-вторых, в Санкт-Петербурге систематический сбор статистических сведений о населении был налажен раньше, чем в стране в целом. Отсутствие данных за отдельные периоды связано, как правило, с перерывами

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского Фонда Фундаментальных исследований, проект № 08-06-00135

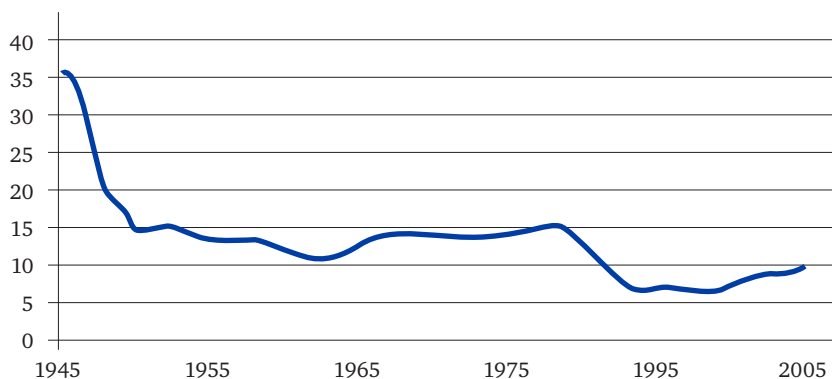

Рис. 1. Коэффициенты рождаемости в Санкт-Петербурге в 1945–2007 гг (на 1000 человек населения)

Источники: Санкт-Петербург. 1703-2003. Юбилейный стат.сб. Вып. 2. — СПб.: Судостроение, 2003. — С. 58–64. Основные показатели демографических процессов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в 2007 году. Стат.сб. СПб, Петро-стат, 2008, С. 25.

в учете по распоряжению центральных властей. Информация об очередности рождения в Санкт-Петербурге имеется за длительный период, и не собиралась за последние десятилетия только в 1999–2000 гг.

В четырнадцатом ежегодном демографическом докладе «Население России 2006» С. В. Захаровым впервые представлен анализ очередности рождений за 1980–2006 гг.² Публикация этих сведений дает нам возможность сравнить материалы о рождаемости в Санкт-Петербурге с общероссийскими данными. Хотя они, как было сказано выше, за последнее десятилетие не охватывают население всей страны. По оценке С. В. Захарова в 2006 году распределение рожденных по возрасту составили всего 66,6% всех рождений России³.

Траектория изменения наиболее грубого показателя — коэффициента рождаемости — отражает колебания рождаемости в Санкт-Петербурге (рис. 1). Они аналогичны тому, что происходило в стране в целом с той лишь разницей, что уровень коэффициентов рождаемости в Ленинграде-Санкт-Петербурге всегда был традиционно ниже, чем в России. На рис. 1

² Население России 2006. Четырнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А. Г. Вишневский — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.

³ Там же. С. 106.

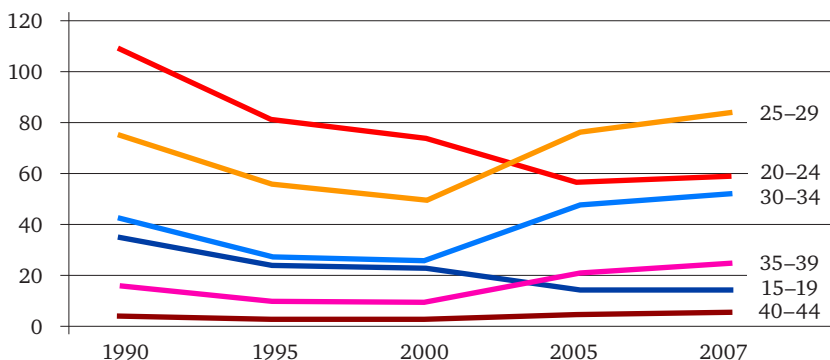

Рис. 2. Возрастные коэффициенты рождаемости в Санкт-Петербурге (на 1000 женщин соответствующего возраста)

видно, что повышение рождаемости наблюдалось в Санкт-Петербурге в послевоенный период, затем в конце 1960-х гг (родились дети у родившихся после войны), потом во второй половине 1980-х гг (действие принятых мер государственной демографической политики) и в начале XXI века (рождения, отложенные в период социально-экономической нестабильности). В настоящее время уровень рождаемости в Санкт-Петербурге такой же, как в относительно спокойный период конца 1960-х гг.

С начала века до настоящего времени на уровень рождаемости в России значительно влияла благоприятная возрастная структура женского населения, поскольку увеличивалась численность женщин в активном детородном возрасте до 30 лет. Одновременно происходили изменения в структуре рождаемости по отдельным возрастным группам матерей.

В Санкт-Петербурге в начале 2000-х годов уровень рождаемости в молодых группах женщин в возрасте до 25 лет уменьшался. На рисунке 2 видно, что число родившихся на 1000 женщин в возрасте 15–19 и 20–24 лет уменьшается, а во всех других возрастных группах — увеличивается. То есть показатели в возрастных группах женщин старше 25 лет росли.

Средний возраст матери при рождении детей в Санкт-Петербурге увеличился с 2002 по 2007 гг на 1,05 года. Наибольшее увеличение среднего возраста было у матерей, родивших четвертого ребенка (1,13 года). Увеличение среднего возраста матери при рождении первых, вторых и третьих детей колебалась от 0,75 до 0,84 года. За рассматриваемый период почти не изменился средний возраст родивших пятого и последующих детей.

Т а б л и ц а 1. *Средний возраст матери при рождении детей каждой очередности в Санкт-Петербурге в 2002–2007 гг.*

Год	Все рождения	В том числе по очередности				
		Первые	Вторые	Третьи	Четвертые	Пятые и следующие
2002	26,75	24,99	29,62	32,19	33,04	35,15
2003	26,84	24,98	29,83	32,26	33,23	34,65
2004	27,14	25,23	30,05	32,69	33,61	35,18
2005	27,36	25,53	30,25	32,77	33,05	34,86
2006	27,53	25,66	30,35	32,64	33,08	34,66
2007	27,80	25,78	30,46	32,94	34,17	35,24

Интересно сравнить средний возраст матери при рождении детей в России и в Санкт-Петербурге (таблица 2). В 2002–2006 гг он был неизменно выше в Санкт-Петербурге. Причем, разница в показателях страны и города нарастала (за исключением 2003 года). Женщины, родившие детей в 2006 году, в Санкт-Петербурге были старше россиянок на 0,89 года.

Т а б л и ц а 2. *Средний возраст матери при рождении детей в России и Санкт-Петербурге в 2002–2006 гг.*

Год	Россия ¹	Санкт-Петербург ²
2002	26,12	26,75
2003	26,27	26,84
2004	26,41	27,14
2005	26,56	27,36
2006	26,64	27,53

¹ Основные показатели демографических процессов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Статистические сборники. — СПб.: Петростат, 2000–2008.

² Санкт-Петербург. 1703–2003. Юбилейный стат.сб. / Под общей ред. И. И. Елисеевой и Е. И. Грибовой. — Вып. 2. — СПб.: Судостроение, 2003.

Эти различия прослеживаются и по отдельным очередностям рождений. Средний возраст матери при рождении первого ребенка в России с 2002 по 2006 год увеличился на 0,46 года, а в Санкт-Петербурге на 0,67 года. То есть сдвиг в старшую возрастную группу у первородящих матерей в Санкт-Петербурге произошел в большей степени, чем в России в целом. При этом разница в среднем возрасте матерей страны и города

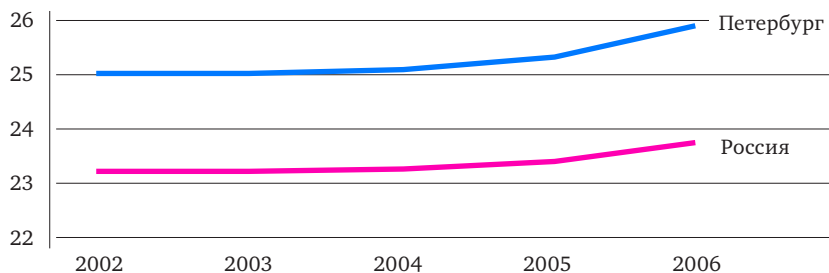

Рис. 3. Средний возраст матери при рождении первого ребенка в России и Санкт-Петербурге в 2002–2006 гг

была более года, и она увеличилась (рис. 3). Средний возраст женщин, родивших первого ребенка в Санкт-Петербурге, приближается к 26 годам. В 2007 году он составил 25,78 лет.

Такие же значительные различия в среднем возрасте наблюдаются и для последующих очередностей рождения. Средний возраст матери при рождении второго ребенка с 2002 по 2006 год увеличился в России на 0,67 года, а в Санкт-Петербурге на 0,73 года. Так же, как при рождении первенцев, средний возраст матери при рождении второго ребенка в Санкт-Петербурге выше, чем общероссийский уровень и этот разрыв увеличивается (рис. 4). В 2004 году петербурженки, родившие второго ребенка, перешагнули 30-летний рубеж. В 2007 году их средний возраст составлял 30,46 лет. В то же время в России средний возраст родивших второго ребенка превысил 29 лет только в 2006 году.

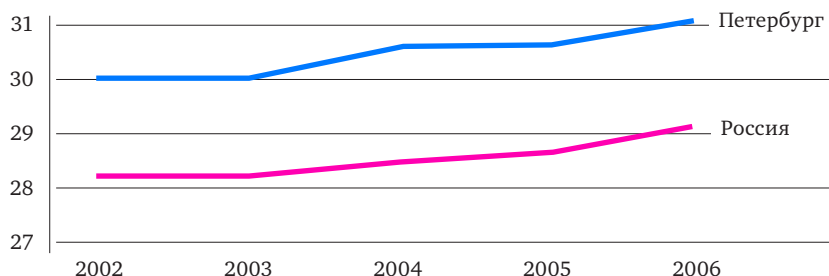

Рис. 4. Средний возраст матери при рождении второго ребенка в России и Санкт-Петербурге в 2002–2006 гг.

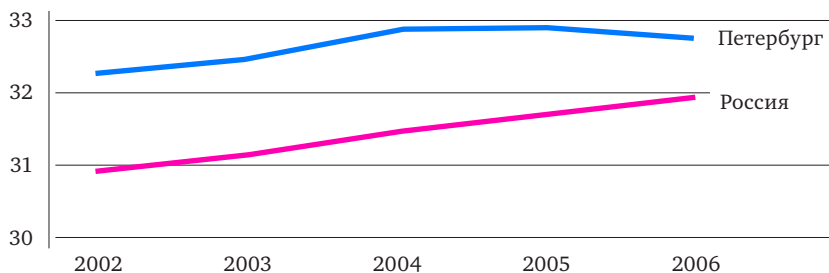

Рис. 5. Средний возраст матери при рождении третьего ребенка в России и Санкт-Петербурге в 2002–2006 гг.

Средний возраст матерей Санкт-Петербурга при рождении третьего ребенка подошел к границе 33 года и в 2007 году составлял 32,94 года. Общероссийский показатель в 2002–2006 гг неизменно рос, в то время как в Санкт-Петербурге он несколько снизился (рис. 5). Поэтому увеличение среднего возраста матери при рождении третьего ребенка в стране и в городе в 2002–2006 гг. совпали и составили 0,45 года.

Рождение четвертого ребенка в Санкт-Петербурге — нечастое явление. Доля четвертых детей в общем количестве рожденных в 2006–2007 гг. составляла около 1%. Поэтому показатель среднего возраста женщин при рождении четвертого ребенка в большей мере зависит от случайных колебаний чисел родившихся. Средний возраст матери при рождении четвертого ребенка в России неизменно рос в 2002–2004 гг. (рис. 6). В Санкт-Петербурге в эти годы он также увеличивался, затем снизился и снова повысился в 2007 году до 34,17 года. При этом средний возраст матери имел максимальное увеличение (1,13 года) по сравнению с другими очередностями рождения. В 2002 году разница между средним возрастом матери при рождении четвертого ребенка в России и Санкт-Петербурге была 0,29 года, а в 2006 году показатели среднего возраста матери в этой очередности почти совпали (33,13 года — Россия и 33,087 г. — Санкт-Петербург).

Таким образом, в Санкт-Петербурге подавляющее число детей рождается у матерей в возрасте до 30 лет, хотя их доля среди родившихся неизменно снижается — с 73,65% в 2001 году до 66% в 2007 г. (таблица 3).

Более тщательный анализ показателей, свободных от действия возрастной структуры, указывает на неизменно возрастающую роль более поздних современных очередностей рождений по сравнению с прошлыми периодами. Одним из центральных объектов демографической политики

Т а б л и ц а 3. Родившиеся в Санкт-Петербурге по возрасту матери в 2001–2007 гг (в%).

Возраст матери	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
До 29 лет	73,6	72,5	72,1	70,3	68,8	67,8	66,0
30 лет и старше	24,4	27,5	27,9	29,7	30,9	32,2	34,0

Рассчитано по данным текущей статистики Петростата.

становится 30-летняя женщина, принимающая решение о рождении второго и третьего ребенка. Массовое появление на свет детей именно этих очередностей способно в некоторой степени нейтрализовать воздействие на численность и структуру населения Санкт-Петербурга таких демографических процессов, как высокая смертность и активное старение населения — увеличение доли пожилых и старых в возрастной структуре.

Трансформации межпоколенческих взаимодействий в семье¹

О. Н. Бурмыкина

Трансформации института семьи общепризнанны. Перемены, произошедшие с семьей в прошлом столетии, продолжаются и ныне: наблюдается многообразие семейных типов и конфигураций, меняются матримониальные и прокреационные установки и поведение, институциональные аспекты брака становятся менее значимыми, проявляется вариативность представлений в сфере родительства и т. д. В этом ряду стоят и межпоколенческие взаимодействия в семье: они также трансформируются, но своего значения не утрачивают. В основе механизмов этих трансформаций лежат изменения как характера семейных отношений и их интенсивности, так и функций внутрисемейного взаимодействия, их иерархической направленности и структуры. Можно полагать, что на трансформациях межпоколенческих семейных взаимодействий напрямую сказываются базовые изменения, затрагивающие семью. Эти базовые изменения семьи больше всего выражены в западных индустриальных странах. Они глобальны, в значительной степени непреодолимы и в основном позитивны. В первую очередь, речь идет о том, что «семья сегодня в западных странах (и все более и более в других странах во всем мире) больше не является, прежде всего, экономической единицей. Скорее это — отношения, базирующиеся в основном на коммуникации и, особенно — на эмоциональной коммуникации»². Очевидно, что и межпоколенческие взаимодействия в семье в большей мере начинают основываться на эмоциональной коммуникации, нежели на экономическом обмене, хотя значимость последнего остается достаточно высокой.

Оценки трансформации межпоколенческих взаимодействий, как и трансформации семьи, неоднозначны и порой прямо противоположны. Одни исследователи говорят «о существовании поколенческого разрыва

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект №07-06-00271). «Трансформация российской семьи в условиях глобализации: теоретическое и экспериментальное моделирование процессов.

² Giddens A. Global Futures at a Time of Transition: 2001-2002 Director's Lectures.

между сознанием молодых людей и их родителей»³. По мнению других, «на фоне усиливающегося отхода от традиционных правил и норм во многих областях жизнедеятельности, межпоколенческие отношения в России остаются интенсивными и близкими»⁴. На наш взгляд, говорить о разрыве поколений, маркируя его лишь несколькими индикаторами («родители, по мнению молодых людей, не понимают их и не знают, как живет сегодня молодежь», «молодые люди собираются воспитывать своих детей не так, как воспитывали их родители») нет оснований. По-видимому, речь идет скорее о традиционном конфликте «отцов и детей», но этот конфликт существовал всегда (родители и дети проживают разные жизни, они всегда другие). Поскольку место семьи и детей в структуре жизненных ценностей остается высоким, можно полагать, что и межпоколенческие взаимодействия в семье не утрачивают своего значения.

Изучение межпоколенческих взаимодействий в семье основывается на данных эмпирического исследования студентов петербургских вузов и колледжей, проведенного в 2007 и 2008 годах (общая выборка составила 432 человека). Были опрошены 212 студентов старших курсов четырех петербургских вузов (Санкт-Петербургский университет экономики и финансов, Санкт-Петербургская инженерно-экономическая академия, Институт внешнеэкономических связей, экономики и права, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена) и 220 студентов четырех петербургских колледжей и техникумов (Санкт-Петербургский медико-технический колледж, Санкт-Петербургский технический колледж, Санкт-Петербургский полицейский колледж и Энергетический техникум). Опрос проводился по месту учебы респондентов в виде персонального анкетирования по специально разработанной анкете, включающей более 200 признаков. Мужчины в выборке составили 42%), женщины — 58%. Средний возраст студентов вузов — 19,8 лет (возрастной диапазон от 18 до 23 лет), студентов техникумов — 18,2 года (возрастной диапазон от 16 лет до 21 года). Не все студенты — коренные петербуржцы: 40% студентов вузов и 36% студентов колледжей — приез-

³ Даффлон Д. Молодежь России: портрет поколения на переломе. // Вестник общественного мнения. М.: № 5 (97) сентябрь–октябрь 2008. С. 20.

⁴ Синявская О. В., Гладникова Е. В. «Взрослые дети и их родители: интенсивность контактов между поколениями» // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования. Сборник аналитических статей выпуск 1. Под научной редакцией Т. М. Малевой и О. В. Синявской. М., НИСП. 2007. С. 540

жие. Большая часть респондентов (88% студентов вузов и 87% студентов колледжей) еще не создали своей собственной семьи, 11% состояли в гражданском браке. Рассматривались отношения двух поколений: взрослые дети и родители.

Задачи исследования заключались в том, чтобы:

1. определить характер и интенсивность семейного взаимодействия студентов вузов и колледжей с их родителями;
2. выявить содержание, функции и иерархию семейного и межпоколенческого взаимодействия в семьях студентов.

Результаты

Характер и интенсивность семейного взаимодействия

Характер и интенсивность семейного взаимодействия измерялись на основе ответов на вопросы о частоте встреч и общения по телефону, электронной почте с родителями, которые проживают отдельно от респондентов. Ответы давались по трехбалльной шкале от «не реже одного раза в неделю» до «не реже одного раза в год».

Основная исследовательская гипотеза относительно характера и интенсивности семейного взаимодействия с матерью и отцом, которые живут отдельно от респондента, состояла в том, что это взаимодействие будет носить скорее опосредованный характер, но отличаться высокой интенсивностью. Преобладание опосредованных контактов (общения по телефону, электронной почте), по-видимому, обуславливается затрудненностью частых встреч с родителями, поскольку респонденты — студенты — учатся в другом городе. Высокая интенсивность взаимодействия может объясняться сохраняющейся в студенческом возрасте высокой степенью близости отношений между недавно отделившимися детьми (с высокой долей вероятности еще не создавших своих собственных семей) и их родителями.

Анализ данных демонстрирует превалирование опосредованных контактов над непосредственными. Общение по телефону и электронной почте с родителями очень интенсивно, тогда как личные встречи с ними скорее редки, чем часты. Так, с матерью встречается не реже раза в неделю более четверти студентов вузов и колледжей (25,9% и 28,5%), а разговаривают с ней по телефону с той же частотой почти все (97,4% и 93,6%). Частота регулярных (раз в неделю) встреч с отцами выше у студентов техникумов, по сравнению со студентами вузов (32% и 12%), тогда как частота

общения — выше у последних: 66,2% и 62,5%. Безусловно, главным собеседником респондентов является мать. Иногородние студентки по сравнению со студентами чаще встречаются и общаются со своими родителями. Таким образом, теснота связей достигается не за счет более частых встреч, а за счет высокой интенсивности общения. Высокая интенсивность общения также свидетельствует о важности родственных отношений для молодого поколения, поскольку оно согласно тратить свое время, деньги и психологические ресурсы для их поддержания.

Т а б л и ц а 1. *Интенсивность и характер общения с матерью и отцом, которые проживают отдельно от респондента.*

	Ро- ди- тели	Частота встреч				Частота общения			
		N (чел.)	раз в нед. (%)	раз в мес. (%)	раз в год(%)	N (чел.)	раз в нед. (%)	раз в мес. (%)	раз в год(%)
Студенты вузов	мать	77	25,9	20,8	53,3	75	97,4	1,3	1,3
	отец	75	12,0	29,4	58,6	74	66,2	18,9	14,9
Студенты колледжей	мать	70	28,5	20,0	51,5	63	93,6	4,8	1,6
	отец	59	32,0	24,0	44,0	56	62,5	32,1	5,4

Семейные и межпоколенческие взаимодействия

Семейные и межпоколенческие взаимодействия оценивались на основе ответов на вопросы о том, какую помощь и поддержку со стороны матери и отца респонденты получают и какую оказывают сами независимо от того, проживают ли они вместе или нет. Помощь и поддержка включала следующие виды: денежная помощь (в дар и в долг), вещевая и продуктовая помощь, информация и связи, услуги и труд, эмоциональная поддержка в обычной и в трудной ситуациях.

Взаимоотношения с родителями остаются одним из самых важных контактов взрослого человека. Предполагалось, что доминирующий тип отношений между родителями и взрослыми детьми — взаимность или реципрокность. Для разных поколений в семье справедлива модель «общающихся сосудов». Основная тенденция всех семейных и межпоколенческих взаимодействий — стремление к симметричности и эквивалентности. Однако в силу того, что разные поколения в семье находятся на разных стадиях жизненного цикла, эквивалентность взаимодействий будет носить скорее символический характер. Иерархия функциональной направленности отношений разных поколений в семье будет различаться.

Т а б л и ц а 2. Оценки оказываемой и получаемой помощи матерями студентов вузов и колледжей и их корреляционный анализ.

Виды помощи	Мать студента вуза			Мать студента колледжа		
	оказывает % (N)	получает % (N)	Pearson' (r)	оказывает % (N)	получает % (N)	Pearson' (r)
Деньги в дар	85.0 (181)	35.7 (76)	.121	80.0 (176)	49.1 (108)	.150*
деньги в долг	20.2 (43)	15.0 (32)	.410**	18.2 (40)	17.3 (40)	.377**
продукты	78.9 (168)	31.9 (68)	.280**	78.2 (172)	31.4 (69)	.175**
вещи	77.9 (166)	28.6 (61)	.187*	77.3 (170)	31.4 (69)	.133*
информация, связи	70.4 (150)	70.0 (149)	.383**	64.5 (142)	67.3 (148)	.475**
услуги и труд	74.2 (158)	82.2 (175)	.370**	71.8 (158)	76.8 (169)	.302**
эмоц. поддержка в обычной ситуации	80.8 (172)	82.6 (176)	.405**	70.9 (156)	76.8 (169)	.360**
эмоц. поддержка в труд. ситуации	88.3 (188)	82.2 (175)	.554**	78.6 (173)	76.8 (169)	.607**

* здесь и далее статистически значимые коэффициенты $^*(p \leq 0,05)$

** здесь и далее статистически значимые коэффициенты $(p \leq 0,001)$

Как показывает анализ оценок оказываемой и получаемой помощи матерями и отцами и их корреляционных зависимостей (Таблицы 2.1 и 1.2), все виды взаимодействий практикуются в повседневной жизни семей петербургских студентов вузов и колледжей, независимо от того, проживают ли они вместе или нет со своими родителями. Наименее распространенной практикой является одалживание денег. Остальные практики более распространены. Как правило, они являются симметричными, о чем говорят и высокие, статистически значимые коэффициенты корреляции. Исключением является только один вид взаимодействий: дарение денег матерью не связано с ответным шагом со стороны респондента — студента

Т а б л и ц а 2.2. Оценки оказываемой и получаемой помощи отцами студентов вузов и колледжей и их корреляционный анализ.

Виды помощи	Отец студента вуза			Отец студента колледжа		
	оказывает % (N)	получает % (N)	Pearson' (r)	оказывает % (N)	получает % (N)	Pearson' (r)
Деньги в дар	73.3 (157)	15.1 (33)	.167*	57.3 (126)	25.5 (56)	.357**
Деньги в долг	11.7 (25)	8.0 (17)	.377**	6.4 (14)	10.9 (24)	.387**
Продукты	54.0 (115)	18.8 (40)	.249**	45.9 (101)	21.8 (48)	.387**
Вещи	46.9 (100)	14.1 (30)	.295**	46.4 (102)	15.9 (35)	.293**
Информация, связи	63.8 (136)	70.0 (149)	.447**	48.2 (142)	43.6 (96)	.564**
Услуги и труд	39.9 (85)	54.5 (115)	.572**	36.8 (81)	47.7 (105)	.554**
Эмоц. поддержка в обычной ситуации	45.1 (96)	54.0 (115)	.666**	33.2 (73)	43.6 (96)	.606**
Эмоц. поддержка в труд. ситуации	62.4 (133)	62.4 (133)	.720**	42.7 (94)	45.4 (100)	.743**

* статистически значимые коэффициенты *($p \leq 0.05$), ** ($p \leq 0.001$)

вуза. Наблюдается неэквивалентность материальных обменов, что вполне понятно и объяснимо. Поскольку студенты еще учатся и, вероятно, не в полной мере зарабатывают на жизнь, они вряд ли могут оказывать адекватную материальную поддержку своим родителям. Неэквивалентность материальных обменов компенсируется со стороны респондентов инструментальными. Так, соотношение оказываемых и получаемых матерями и отцами услуг и труда составляет соответственно 74,2% против 82,2% (студенты вузов) и 71,6% против 76,8% (студенты колледжей); 39,9% против 54,5% (студенты вузов) и 36,8% против 47,7% (студенты колледжей). Эквивалентность скорее характерна для информационных и эмоциональных взаимодействий. Например, объем различного рода информации, получаемой студентом от матери и оказываемой им в ответ, одинаков или

практически равноценен: 70,4% и 70,0% (студенты вуза) и 64,5% и 67,3% (студенты колледжа). Одинаковую эмоциональную поддержку в трудных ситуациях (потери близких, проблемы со здоровьем) оказывают и получают в ответ студенты вузов от своих отцов 62,4% и 62,4%. В такой же ситуации большую эмоциональную поддержку всем студентам оказывают их матери. Когда речь заходит об эмоциональной поддержке в обычной ситуации (трудный день, плохое настроение), то здесь, несомненно, перевес на стороне студентов. Они больше затрачивают душевных сил, чтобы поддержать своих родителей.

Наиболее интенсивные взаимодействия участников опроса по всем направлениям оказались с их матерями. Именно матери, по сравнению с отцами, оказывают самую большую помощь и поддержку респондентам и большую же помощь и поддержку получают в ответ. Студентки, по сравнению со студентами получают больше помощи от обоих родителей и большую же помощь оказывают им.

Иерархия функциональной направленности отношений, с одной стороны — студентов вузов и колледжей, с другой — матерей и отцов неодинакова. Действия студентов (младшего поколения) по отношению к своим родителям (старшему поколению) эмоционально и инструментально направлены. Наряду с психологической поддержкой и простым сопереживанием, молодые люди оказывают реальные услуги и помощь в быту обоим родителям. Обмен информацией и связями в большей степени характерен для взаимоотношений студентов со своими отцами, нежели с матерями. В действиях же старшего поколения по отношению к младшему к эмоциональной направленности добавляется информационная и материальная, в первую очередь — безвозмездная денежная помощь, во вторую — помощь продуктами и вещами (главным образом, со стороны родителей студентов колледжей). Мать оказывает эмоциональную поддержку и в обыденных, и в критических случаях, тогда как со стороны отца помощь можно ожидать лишь в кризисных моментах. Во взаимоотношениях матерей со своими детьми доминирует скорее эмоциональное начало (сначала эмоциональная поддержка, затем денежная помощь). Для взаимоотношений отцов характерен скорее рациональный подход: денежная помощь, информация и связи.

Таким образом, основной функциональной доминантой взаимоотношений студентов с их матерями является их эмоциональная направленность. Основные функциональные доминанты отношений студентов со своими отцами — информационная и инструментальная, тогда как отно-

шения отцов со своими детьми детерминированы в первую очередь материальной направленностью.

Выводы

- Исследование показало, что на фоне отхода от традиционных правил и норм во многих областях жизни отношения между разными поколениями в семье, между родителями и детьми остаются интенсивными и близкими, эмоционально окрашенными, что свидетельствует о важности и значимости поддержания родственных связей для всех поколений. Даже если молодое поколение покидает родительский дом — уезжает ли учиться в другой город, создает ли свою семью или вступает в неформальный партнерский союз — общение и взаимодействие между родителями и взрослыми детьми не прерывается.
- Изучение характера и интенсивности взаимодействия иногородних студентов вузов и колледжей со своими родителями показало превалирование опосредованных контактов над непосредственными.
- Общение по телефону с родителями очень интенсивно, тогда как личные встречи с ними скорее редки, чем часты.
- Встречи и общение с матерью более часты и интенсивны, чем с отцом.
- Студентки чаще встречаются и больше общаются со своими родителями, чем студенты.
- Главным во взаимоотношениях поколений является не только и не столько передача разнообразных ресурсов, а их коллективное использование в индивидуальных и семейных целях.
- Все виды помощи и поддержки (денежная помощь, вещевая и продуктовая помощь, информация и связи, услуги и труд, эмоциональная поддержка в разных ситуациях) практикуются в повседневной жизни семей петербургских студентов вузов и колледжей, независимо от того, проживают ли они вместе или нет со своими родителями.
- Наименее распространенной практикой явилось одалживание денег.
- Как правило, все практики являются симметричными, за исключением одной: дарение денег матерью не связано с ответным шагом со стороны студента вуза.
- Наблюдается неэквивалентность материальных обменов разных поколений членов семей: материальные трансферты направлены от старшего поколения к младшему. Родители помогают материально детям

больше. Женщины находятся в более выгодном положении: дочери получают помощь чаще сыновей, а матери чаще отцов.⁵

- Неэквивалентность материальных обменов компенсируется со стороны молодого поколения инструментальными.
- Эквивалентность же скорее характерна для нематериальных взаимодействий: информационных и эмоциональных.
- Для взаимоотношений младшего поколения с матерями характерно доминирование эмоциональной направленности, с отцами — информационной и инструментальной. Отношения отцов со своими детьми детерминированы в первую очередь материальной направленностью.
- Женщины более, чем мужчины включены в поддержание родственных связей: они чаще встречаются, больше общаются, больше помогают и поддерживают и больше получают в ответ.
- Наиболее интенсивные взаимодействия участников опроса по всем направлениям оказались с их матерями.
- Матери, по сравнению с отцами, оказывают самую большую помощь и поддержку респондентам и большую же помощь и поддержку получают в ответ.
- Студентки, по сравнению со студентами получают больше помощи от обоих родителей и большую же помощь оказывают им.
- Интенсивность взаимодействия со своими матерями студентов вузов и колледжей одинакова, тогда как интенсивность взаимодействия с отцами выше у студентов вузов.

⁵ Отметим, что к аналогичному выводу пришли исследователи, изучавшие взаимоотношения взрослых детей, имеющих собственные семьи, со своими родителями Гладникова (См. Гладникова Е. В. Межпоколенные трансферты: направление, участники и факторы, их определяющие. // журнал «SPERO», №7, осень–зима 2007. С. 132).

О социальной обусловленности уровня межпоколенческого альтруизма¹

А. В. Загребина

Межпоколенческий альтруизм, под которым мы будем понимать ситуацию, когда «родители (дети) заботятся не только о своем благополучии, но и благополучии своих детей (родителей)»², является мотивом для осуществления добровольных внутрисемейных межпоколенческих трансфертов, то есть материальной помощи со стороны представителей одного поколения родственникам представителям другого поколения. Предполагается, что при высоком уровне межпоколенческого альтруизма интенсивность добровольных межпоколенческих трансфертов высокая, при низком уровне — низкая.

Исследования межпоколенческого альтруизма имеют важное прикладное значение, так как интенсивность добровольных межпоколенческих трансфертов необходимо учитывать при планировании социально-экономической политики, в частности, пенсионной реформы³. Для социальной науки исследования межпоколенческого альтруизма представляют интерес, так как дают возможность присоединить его к ряду других институтов, эволюция которых и скрывается под понятием модернизации.

Данные российских и зарубежных исследований, которые мы проанализировали в работе⁴, свидетельствуют том, что в более модернизированных обществах, таких, например, как США, Западная Европа, уровень

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Долгосрочные последствия пенсионной реформы: неравенство и экономический рост», проект № 08-02-00411а.

² Котликофф Л., Бернс С. Пенсионная система перед бурей: то, что нужно знать каждому о финансовом будущем своей страны. М., 2005. С. 153.

³ Борисов К. Ю., Сурков А. В. Модель перекрывающихся поколений с двусторонним альтруизмом // Экономико-математические исследования: математические модели и информационные технологии. VI. СПб., 2007. Сурков А. В. Пенсионная реформа и межпоколенческий альтруизм в моделях экономической динамики // Финансы и бизнес. 2009. (в печати).

⁴ Загребина А. В., Сурков А. В. Социологические аспекты исследования межпоколенческого альтруизма. (отправлено в журнал Социологические исследования).

межпоколенческого альтруизма ниже, чем в менее модернизированных странах, примером которых является Россия. Указанный тезис подтверждается как сопоставлением данных об интенсивности добровольных межпоколенческих трансфертов в обществах с разной степенью модернизированности, так и исследованием динамики межпоколенческих трансфертов при модернизации отдельно взятого общества. При этом предполагается, что существует взаимосвязь между уровнем межпоколенческого альтруизма и интенсивностью добровольных межпоколенческих трансфертов. Границы применимости этого предположения также обсуждаются в работе⁵.

Целью настоящей работы является анализ взаимосвязи между изменениями уровня межпоколенческого альтруизма и изменениями характеристик других социальных институтов и процессов. В данной работе изменение уровня межпоколенческого альтруизма будет описано как часть более глобального процесса модернизации общества. При этом изменение уровня межпоколенческого альтруизма будет связано с эволюцией других социальных институтов и социальных процессов, и, таким образом, межпоколенческий альтруизм будет поставлен в один ряд с другими общественными институтами, меняющимися в ходе модернизации.

Приступая к анализу социальной обусловленности межпоколенческого альтруизма, отметим, что одним из признаков современного модернизированного общества является распад первичных социальных связей (таких как родственные, соседские) и вытеснение их вторичными связями (официальными, обезличенными). Индивиды все больше отдаляются от своих первичных групп. А ведь именно для первичных групп характерны отношения солидарности и альтруизма⁶.

Растущее разделение труда способствует все большей специализации и увеличению количества социальных ролей, которые приходится исполнять каждому индивиду, что приводит к увеличению отпущенной каждому индивиду свободы, то есть автономии, инициативы, ответственности. Индивиды становятся менее зависимыми от своих первичных групп и в психологическом, и в экономическом отношениях.

Интенсивность добровольных внутрисемейных межпоколенческих трансфертов свидетельствует о развитости неформальных социальных отношений, которые могут быть определены как первичные отношения. Первичные (альтруистичные) отношения обусловлены первичными соци-

⁵ Там же.

⁶ Boudon R. La logique du social. Hachette, 1979.

альными связями — родственными, соседскими. Развитость таких связей подразумевает недостаточность вторичных связей. Подобная ситуация свойственна для традиционного, немодернизированного общества. Именно для традиционного общества характерна также практика поддержки «слабого звена» силами всей социальной сети⁷. Отношения, не предусматривающие экономическую взаимопомощь между поколениями в рамках одной семьи или рода, неприемлемы в традиционном обществе. В обществе, где сильны родственные, соседские связи каждый до конца жизни вынужден в той или иной степени оставаться в рамках своей семьи или своей общины. В традиционных патриархальных обществах каждый человек неизбежно включен в систему родственно-соседско-дружеских отношений⁸.

В ходе модернизации общества изменяется институт семьи: расширенная семья, включающая в себя три и более поколений, заменяется нуклеарной семьей, состоящей из двух поколений — родителей и их детей. В расширенной семье два или более поколения взрослых членов семьи имеют общий бюджет. В таких семьях может проявляться крайняя форма межпоколенческого альтруизма — ситуация, в которой индивиды ценят благополучие своих родителей или детей в той же мере, что и свое. В этом случае⁹, уровень потребления индивидов в рамках семьи не должен зависеть от различий в их доходах, так как доход перераспределяется от членов семьи с более высоким доходом к членам семьи с меньшим доходом. В случае неабсолютного межпоколенческого альтруизма полного выравнивания потребления, конечно, может и не происходить. Между родственниками, проживающими в составе нескольких нуклеарных семей, добровольные межпоколенческие трансферты осуществляются значительно реже или могут вовсе отсутствовать.

Расширенная семья характерна для традиционного общества, в то время как модернизированному обществу свойственны нуклеарные семьи.

Действительно, Котликофф, и Бернс¹⁰ отмечают значительное снижение количества расширенных семей в США за последние 50 лет, сопро-

⁷ Барсукова С. Ю. Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара // Мир России. 2003. № 2. С. 81–122.

⁸ Загребина А. В. Межпоколенческий альтруизм и общие закономерности процесса модернизации общества // Ученые записки СПбГИПСР. 2008. Т. 10. Вып. 2. С. 148–153.

⁹ Kotlikoff L. J. Intergenerational transfers and savings // The Journal of Economic Perspectives. 1988. V. 2 № 2. P. 41–58.

¹⁰ Котликофф Л., Бернс С. Пенсионная система перед бурей: то, что нужно знать каждому о финансовом будущем своей страны. М., 2005. С. 152–153.

вождающееся уменьшением межпоколенческих трансфертов в виде наследства и помощи родителям. Котликофф сообщает, что в 1950-е гг. по данным переписей населения почти все старики жили с детьми, в то время как сегодня таких менее 10%.

Большинство россиян также проживают в составе нуклеарных семей — 82% всех российских семей можно отнести к нуклеарному простому типу¹¹. Однако, количество расширенных семей в России значительно выше, чем в США: по одним источникам¹², оно составляет 17% от всех семей, а согласно другим¹³ — около 25%. Сафарова и др.¹⁴ сообщает, что 22,1% домохозяйств в Санкт-Петербурге состоят из трех поколений.

В СССР в 1985 г. среди всех семей с брачными парами 22,8% проживали вместе с родителями или другими родственниками одного из супругов [13]. Те же авторы сообщают, что в США в том же году 1,5% супружеских пар не имели собственного домохозяйства и проживали с другой семьей. В США практически все супружеские пары, в том числе молодые, проживают отдельно. В отличие от США, в СССР (и России) преобладание нуклеарных семей сложилось за счет пар с большим брачным стажем, которые прожили с родителями несколько лет и отделились, или у которых родителей нет в живых¹⁵.

Уменьшению зависимости индивида от семьи способствует также система социальной защиты¹⁶. Принадлежность к семье теперь не является необходимым условием для выживания¹⁷. В развитых обществах государство позволяет индивиду все меньше зависеть от традиционных групп¹⁸. Благосостояние индивидов является предметом социально-экономической политики государства в большей степени, чем предметом забот родственников.

¹¹ Свадьбина Т. В. Семья и российское общество в поисках обновления. Нижний Новгород, 2000.

¹² Елисеева И. И., ред. Социальная статистика: учебник. М., 2003.

¹³ Карцева Л. В. Семья в трансформирующемся обществе: учебное пособие. Казань, 2003.

¹⁴ Сафарова Г. Л., Клецин А. А., Чистякова Н. Е. Семья в Санкт-Петербурге. Демографические, социологические, социально-психологические аспекты. СПб., 2002.

¹⁵ Синельников А. Б., Децнер Д. Ф. Отношения между поколениями в российских и американских семьях // Семья на пороге третьего тысячелетия / Антонов А. И., Мацковский М. С., Мэддок Дж. У., Хоган Дж., ред. М., 1995. С. 108–128.

¹⁶ Paugam S. Le lien social. Presses Univ. de France, 2008. С. 67.

¹⁷ Paugam S. Le lien social. Presses Univ. de France, 2008.

¹⁸ Элиас Н. Общество индивидов. М., 2001.

Модернизация общества сопровождается ростом социальной мобильности, как вертикальной, так и горизонтальной. Многие молодые трудоспособные люди уезжают из сельской местности в города, из маленьких городов в большие и т. д. с целью обучения в ВУЗах или иных учебных заведениях, поиска работы. Это приводит к тому, что зачастую родители работающих детей живут в других городах, что, по-видимому, затрудняет добровольные внутрисемейные межпоколенческие трансферты, а также приводит к ослаблению семейных связей. Например, рост территориальной мобильности сельской молодежи России на протяжении всего XX века привел к распаду традиционных многопоколенных крестьянских хозяйств, а также к изменению или утрате межпоколенных связей¹⁹.

Сильверстайн и Бенгтсон²⁰ сообщают, что в США тенденцией настоящего времени является раздельное проживание родителей и их взрослых детей. В американском обществе горизонтальная мобильность более интенсивна, чем в России²¹, то есть взрослые дети чаще переезжают из дома родителей в собственный дом. В России это затруднено в связи с жилищной проблемой²². Это обстоятельство способствует увеличению количества расширенных семей, члены которых проживают совместно поневоле. В таких семьях межпоколенческие трансферты могут оказаться более интенсивными, чем в случае раздельного проживания разных поколений.

Современный российский исследователь европейской модернизации Д. Травин, ссылаясь также на мнение западных исследователей, замечает, что, человек, принадлежащий к традиционному обществу, видит мир неподвижным и не различает развития, ему не свойственно мышление, предрациональное к созиданию. Человек в традиционном обществе принимает свою принадлежность к определенной общине, религии, сословию как не-

¹⁹ Иванова Е. И. Межпоколенные трансферты и их роль в решении социальных проблем пожилых людей в сельской местности // The Fifth International Conference on «Public Sector Transition». СПб., 2002.

²⁰ Silverstein M., Bengtson V.L. Intergenerational solidarity and the structure of adult child-parent relationships in American families // American Journal of Sociology. 1997. V. 103. № 2. P. 429–460.

²¹ Синельников А. Б., Децнер Д. Ф. Отношения между поколениями в российских и американских семьях // Семья на пороге третьего тысячелетия / Антонов А. И., Мацковский М. С., Мэддок Дж. У., Хоган Дж., ред. М., 1995. С. 108–128. Золотухина М. В. Мир американской семьи. М., 1999.

²² См. Синельников А. Б., Децнер Д. Ф. Отношения между поколениями в российских и американских семьях // Семья на пороге третьего тысячелетия / Антонов А. И., Мацковский М. С., Мэддок Дж. У., Хоган Дж., ред. М., 1995. С. 108–128.

что неизменное. Сознание представителя традиционного общества отторгает мобильность. Лишившись традиционного окружения, он чувствует себя беспомощным и пытается с помощью агрессии найти новые опоры для своего существования. Человек модернизированного общества, напротив, не видит свою жизнь без развития, склонен к созиданию, прежде всего, себя и своей жизни. У человека в модернизированном обществе всегда есть какие-то цели, материальные или духовные, которые он стремится достичь. Таким образом, традиционное общество и модернизированное общество характеризуются различной мотивацией деятельности²³.

В больших городах, которые могут быть представлены как модели более модернизированного, по сравнению с деревней, общества, индивиды, реализуя свои цели в области карьеры, материального благосостояния, профессионального мастерства, все более отдаляются друг от друга и от своих первичных групп. Профессиональная специализация становится все более узкой. В таких обществах велик уровень социальной мобильности, в основном восходящей: люди меняют свой социальный статус на более высокий, получая образование, делая карьеру, выгодно вступая в брак.

В модернизированном обществе социальная мобильность становится образом жизни, а не просто отклонением от традиций. Современные исследователи модернизации считают, что только достаточно мобильное общество может быть модернизированным в экономическом и политическом смыслах²⁴.

В городском обществе интенсивнее, чем в деревне, происходит межпоколенная мобильность, когда дети достигают более высоких или более низких социальных статусов, чем их родители. В обществах, где сильны первичные связи, семья является главным оплотом — и психологическим, и материальным — межпоколенная вертикальная мобильность затруднена или вообще является невозможной. Дети наследуют вместе с имуществом занятия и социальный статус свои отцов. Соответственно, у индивидов в обществе патриархальном, традиционном большинство статусов являются предписанными, или социально-демографическими. Они указывают на принадлежность к полу, нации, расе, возрастной группе, а те статусы, которые показывают принадлежность к профессиональной социальной общности, часто совпадают с таким же статусом их предков.

²³ Травин Д. Маргания О. Европейская модернизация. Philosophy. 2004, М., СПб.: М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: Terra Fantastica.

²⁴ Там же.

В модернизированном обществе индивиды вынуждены бороться за различные социальные блага, с том числе и за статус, престиж. В таком обществе конкуренция жестче, так как каждый вынужден прилагать усилия даже для подтверждения своей принадлежности к статусу своих родителей, то есть получать соответствующее образование, опыт работы и т. д. Благодаря возможности совершать социальную мобильность, индивиды в индустриальном обществе могут претендовать на социальные статусы, которых никогда не было у их предков²⁵.

Социальная мобильность, таким образом, является важной характеристикой модернизированного общества, чертой, отличающей его от традиционного общества. В традиционном обществе человек подчиняется безличным силам, таким как обычай, традиция или судьбе. Он стремится только к тому, чтобы его действия не выходили за пределы установленного порядка. В обществе модернизированном, в обществе пост-модерна, индивидом движет личный интерес, его личные потребности и нужды, посредством которых он и участвует в функционировании системы²⁶. А. Турен, один из теоретиков западноевропейской модели постиндустриального общества, отмечает, что современный мир все более ориентируется на субъекта, для которого основным критерием блага является его собственный контроль над его действиями и его жизненной ситуацией. Этот контроль позволяет ему воспринимать свое поведение как составляющую его персональной истории жизни, а себя позиционировать как действующее лицо, актер²⁷.

Традиционное общество является закрытым, так как социальная мобильность в нем отсутствует или является незначительной. Это приводит к удержанию индивидов в рамках семьи, рода и, соответственно, к участию в экономической жизни и деятельности этой семьи. Современное общество имеет другую, более сложную структуру, то есть предоставляет своим индивидам более богатый выбор социальных, или достигаемых, статусов. Модернизированное общество является открытым, так как в нем имеет место вертикальная социальная мобильность, и индивиды имеют возможность или даже вынуждены, из-за возрастающей конкуренции, приобретать социальные статусы в процессе своей деятельности. Это приводит их

²⁵ Загребина А. В. Межпоколенческий альтруизм и общие закономерности процесса модернизации общества // Ученые записки СПбГИПСР. 2008. Т. 10. Вып. 2. С. 148–153.

²⁶ Touraine A. Critique de la modernité. Fayard, 1992. С. 224, 239

²⁷ Ibid. С. 242.

к потере связей, в том числе и экономических, с семьей своих родителей, и, соответственно к уменьшению межпоколенческих трансфертов в обществе в целом, к утрате отношений, которые характеризуются как межпоколенческий альтруизм.

Межстрановое сопоставление позволяет заключить, что в обществах, где велика интенсивность добровольных межпоколенческих трансфертов, преобладает неформальный социальный контроль, основными элементами которого выступают спонтанные реакции окружающих. В более модернизированных обществах социальные отношения более формализованы, в том числе и отношения между поколениями: добровольные межпоколенческие трансферты заменены принудительными. Например, в XIX–XX вв., при переходе от традиционного общества к индустриальному получила распространение распределительная пенсионная система, которая является формальным эквивалентом добровольных трансфертов от детей к родителям.

Таким образом, модернизация общества сопровождается формализацией социального контроля, что связано с ослаблением неформального контроля за поведением индивида со стороны общины. Можно предположить, что неформальный контроль в традиционном обществе способствовал поддержанию отношений межпоколенческого альтруизма, принуждая индивидов заботиться о своих нуждающихся в экономической помощи родственниках.

Итак, в настоящей работе была проанализирована связь между уровнем межпоколенческого альтруизма и типом социальных связей и отношений, типом семьи, социальной мобильностью, социальным контролем, показана социальная обусловленность межпоколенческого альтруизма. Межпоколенческий альтруизм представлен как один из институтов, меняющихся в ходе модернизации общества.

Социология прав человека

М. П. Белоусова

Осенью 2007 года в Россию приехал вице-президент Всемирной ассоциации социологов, экс-президент Американской Социологической Ассоциации Майкл Буравой. Его выступления оказались заметным явлением российской социологической жизни и вызвали дискуссии о публичной социологии и активистской роли социолога. Когда Буравой в 2004 году покидал свой пост президента Американской Социологической Ассоциации его выступление вызвало столь же бурные дискуссии. Обратим внимание, что статья, в которой Буравой изложил эти идеи, называется «Публичная социология прав человека»¹. И в центре ее не просто объяснение социальных обязанностей социологов и их роли в демонстрации притеснения и эксплуатации, в центре ее призыв пересмотреть смысл работы социолога, посмотреть на общество сквозь призму прав человека. Буравой пишет: «Рост числа катастроф, будь то геноцид, гражданская война, военная оккупация, ураганы, глобальное потепление или землетрясения, требует появления публичной социологии прав человека, основанной на профессиональной социологии, которая не делила бы на части и не лишала бы контекста причин людских страданий»².

Почти вся дисциплина социологии существенно связана с проблемами прав человека, и при этом социологи составляют меньшинство среди исследователей прав человека по сравнению с представителями других дисциплин. Существует огромный неудовлетворенный запрос различных социальных сил на результаты социологических исследований прав человека, но в самой дисциплине социологии права человека не признаны как предмет анализа. В следствие чего не развивается социологическая концептуализация прав человека и страдает качество проводимых исследований. Используемые исследовательские методики страдают либо от попыток вложить юридические концепции, понятия и термины в социологический инструментарий, либо от смешивания нормативного, правозащитного и проблемноориентированного дискурса.

¹ Buravoy M. A Public Sociology for Human Rights // Public Sociologies Reader. Edited by Judith Blau and Keri Iyall-Smith, Rowman & Littlefield, 2006, pp. 1–21.

² Буравой М. Публичная социология прав человека // Журнал социологии и социальной антропологии, Том X, 2007, №4. С. 30–31.

Я вижу разнообразные причины скептицизма в отношении возможности изучения прав человека социологией и приведу аргументы, которые, может, не уничтожают этот скептицизм, но показывают его уязвимость. Первая причина скептицизма связана со стремлением сохранить «научную объективность» и уклониться от тем, которые оказались под влиянием ценностей. Но то, что моральный порядок законно принадлежит к сфере социологического исследования уже доказано социологами. Моральное вплетено в социальную жизнь и интерпретация эмпирического включает набор моральных стандартов. Более того, если бы мы пытались закрывать глаза на темы связанные с ценностями, а также с субъективностью ученого, нам пришлось бы отказаться от исследований гендера, сексуальности, наций и пр. — всего того что уже стало классикой социальных исследований.

Вторая причина скептицизма кроется в предубежденности (или невежестве?) части социологов в том, что права человека — предмет исследования других дисциплин — права, политологии, международных отношений... Высокий уровень образования не спасает ученых от отнесения прав человека исключительно к сфере компетенции юриспруденции, а обыденная вовлеченность в поле средств массовой информации заставляет считать, что права человека — это просто предмет политических манипуляций, который должен находиться в фокусе внимания политологов.

В-третьих, скептицизм нам подарили философы, которые ведут нескончаемый философский поиск источника прав человека — это бог или природа или разум? Различные социальные теории, опираясь на собственные теоретические основы, расценивают «права человека» как утопию, конструкцию, верование. И эта философская и теоретическая неопределенность препятствовала развитию академических исследований в этой области. Начиная от Иммануила Канта и Джон Локка в философии доминирует концепция Естественного права — что права человека существуют вне времени и места, универсально действительны для всех людей, и могут быть поняты и предписаны всем человечеством. Традиция Естественного права имеет разногласия с основной социологической аксиомой о культурных основаниях социального.

Права человека не были центральным понятием в работах классиков социологии, однако и не были исключены из исследований. Дюргейм как политический либерал был обеспокоен правами человека и в его работах находятся рассуждения об их соотношении с индивидуализмом. Социологически он рассматривал права как репрезентацию «коллективной совести», как важные модели для формирования социальной солидарности, или

просто как «социальные факты», которые служат новыми нормативными основаниями для общественного строя и индивидуальной идентичности. Дюргейм был хорошо знаком с традициями Французской Революции, которая сконструировала права человека (а точнее на тот момент как *rights of man*) как светский эквивалент священного в современности — как основание для построения индивидуальной идентичности вместо традиционной религии. Некоторое время и *Durkheim* и другие французские теоретики (*Claude Henri de Rouvroy, Comte de Saint Simon and Auguste Comte*) считали новые светские представления о правах человека частью «новых религий человечества».

Опыт Французской революции дал толчок для одной из традиций социологического анализа прав человека. Французская Декларация Прав Человека и Гражданина (1789) определенно связывала вопрос о правах человека со статусом гражданства. Декларация определяла какие именно права должны получить «человек и гражданин», но один из самых важных вопросов состоял в том кто может приобрести статус гражданина и как следствие обладать правами и свободами, определенными в Декларации. В этом смысле права были привилегиями, которые были привязаны к статусу гражданства. Действительно, Bryan Turner в своей статье *Outline of a Theory of Human Rights*³ отметил, что, в большой степени, социология прав человека была частью социологии гражданства. Французская Революция стимулировала множество групп — потомков рабов африканского происхождения, женщин, евреев и пр. к мобилизации, чтобы требовать статуса гражданства, который позволит им получить привилегию в виде пользования правами человека. Социологическая важность французской Революции состоит в том, что она установила общие основания и для осуществления прав и для исключения из этого удовольствия, ее анализ позволяет обозначить некоторые важные аналитические тезисы: во-первых, права являются определенным видом привилегии, которым могут обладать люди; во-вторых, не каждый человек имеет возможность обладать такими правами на основании того, что является членом обозначенной группы; и, в-третьих, что права человека не являются результатом процесса создания социальных представлений, названных правом, но являются процессом внесения претензий к правам человека группами, лишенными гражданских прав, по мере создания таких культурных представлений.

³ Bryan Turner, *Outline of a Theory of Human Rights, Sociology*, 27(3), (1993): 489–512.

Мобилизуясь в социальные движения, женщины, представители национальных, этнических сообществ, сексуальных меньшинств требуют расширения их прав или расширения возможностей для реализации своих прав.

В ценностно-нейтральной социологии Вебера права человека не заняли особого места, тем не менее исследователи его творчества утверждают, что он признавал права человека. В традициях веберовской социологии права человека могут быть представлены как субъективно значащие формы независимой этической рациональности, лежащие в основе социальных действий. Том Cushman считает, что взгляд на права человека через призму теории Вебера мог бы уберечь от подчас чрезмерно романтического утопизма современных движений за права человека, и более пессимистично оценить возможности прав человека во все более и более рационализирующемся мире, в котором множество независимых рациональностей конкурируют между собой⁴.

Для Маркса обсуждение прав человека действительно было очень важным элементом его теорий. Он критиковал и отвергал идею прав человека как способ идеологической легитимации буржуазного капиталистического общества. Маркс полагал, что идеи прав человека были идеями правящего класса. Он рассматривал классические либеральные идеи индивидуальных прав, особенно права на собственность, как часть идеологии, которая узаконила привилегированное положение буржуазных классов. По его мнению «революции прав человека» были просто косметическими революциями, в которых новые идеи служили для легитимации прихода нового правящего класса к власти. Это отличает Маркса от многих либеральных теоретиков, которые рассматривают индивидуальные права как центральную движущую силу для политической и личной эмансипации.

Зиммель определяет понятие «отрицательная свобода» как отсутствие структурных препятствий к деятельности человека. «Положительная свобода» по его определению предусматривает введение социально-структурных мер, чтобы обеспечить основные потребности человека и защитить представителей уязвимых групп, предоставив им возможности реализовывать свои потребности в полном объеме, так же как и остальным людям. Эти идеи Зиммеля абсолютно симметричны понятиям отрицательных и положительных прав, которые являются центральными в истории прав

⁴ Cushman Tom Rights, human // Cambridge dictionary of sociology. Edited by Bryan S. Turner. P. 517–523.

человека и входят в их современную юридическую концепцию. Отрицательные права предполагают невмешательство органов власти в некоторые сферы деятельности человека для того, чтобы дать ему в полной мере пользоваться свободой. Положительные права предписывают государству создать условия и обеспечить возможности для реализации потребностей людей, защитить их от угроз природного или социального характера.

Научная дискуссия о правах человека очень сильно сконцентрирована вокруг вопроса об универсализме и релятивизме. С точки зрения универсализма, права человека — ценности, нормы, и этика, которые существуют вне зависимости от времени и места. С точки зрения релятивизма, права человека — продукт специфических культур и случайных исторических сил. Релятивистская концепция близка и социологам и антропологам. Но в середине двадцатого столетия именно антропологи оказались вовлечены в спор об универсализме и релятивизме, что существенным образом сказалось и на социологической перспективе прав человека.

В 1947 г. Организация Объединенных Наций обратилась в Американскую Антропологическую Ассоциацию с просьбой прокомментировать Всеобщую Декларацию Прав человека. В ответ антропологи предоставили свой ответ, документ — *Statement of Human Rights*⁵. В нем антропологи отклонили понятие универсальных прав человека. Они подчеркнули, что различные народы имеют различные концепции прав человека, они критиковали универсальные международные нормы за западный этноцентризм, за недоверие к национальному суверенитету. Они бросили вызов Западным идеям «прогресса» и связанным с этим понятием «развития». Антропологи поддерживали коллективные права и права коренного населения и сопротивлялись универсальным формулировкам, созданным в рамках индивидуальных прав. В *Statement of Human Rights* антропологи защищали принципы понимания и уважения каждой культуры самой по себе. Но заявление антропологов привело к ответным вопросам общественности: получается, что любая созданная культурная система является охраняемой антропологами ценностью, даже если она не гуманна? Значит ли это, что антропологи готовы призвать к уважению нацистской культурной системы и её проявлениями в виде геноцида и других преступлений перед человечеством? Нужно сказать, что в конце 40-х антропологи вызвали сильное общественное возмущение за эти идеи, слишком свежи были воспоминания о нацизме.

⁵ Документы Комитета по правам человека Американской Антропологической Ассоциации см.: <http://www.aaanet.org/committees/cfhr/docs.htm>.

Это привело к нескольким последствиям. Во-первых, «Statement of Human Rights» стал декларацией тех антропологов, которые выступали против участия в дебатах о правах человека, потому что видели в этом политически ориентированную активность, несовместимую с научной объективностью. Они держались «от греха подальше». Во-вторых, в то же время идеи «Statement of Human Rights» о приверженности антропологов культуре локальных сообществ послужили развитию активности антропологов в сфере прав человека. Это нашло свое выражение в прикладной или ориентированной на действие антропологии, направленной на улучшение экономических условий или политических переговоров в интересах локальных сообществ. Ellen Messer⁶ считает очевидным, что антропологи внесли свой вклад в международный дискурс о правах человека, который теперь включает коллективные права и права коренного населения и более специфические детали содержания социальных, экономических и культурных прав.

Этот конфликт между правами человека и антропологами имел непредсказуемый результат — было создано основание для хорошо развитой современной антропологии прав человека, которая существенно опережает социологию в теоретических и эмпирических исследованиях прав человека. Современные антропологические подходы давно перешагнули через дебаты об универсализме и релятивизме, они сосредотачиваются на изучении того как всеобщие концепции прав человека взаимодействуют с местными культурами, и как этот процесс развивается в контексте других процессов глобализации, рождая новые гибридные культурные результаты.

Когда Всеобщая декларация прав человека⁷ вступила в силу, доминирующей парадигмой американской социологии был функционализм. Ценности, этика, нормы, и законы рассматривались в перспективе их функциональности или дисфункциональности для обслуживания общественного строя или производства социального протеста. В этой перспективе можно было бы утверждать, что определенные права человека не соответствуют функциональным потребностям некоторых локальных сообществ и как пришедшие извне нарушают общественное равновесие. Но от социологов никакой реакции на Всеобщую декларацию прав человека не последовало.

В 1960-х, начала проявляться идея групповых прав как критика классических концепций прав человека, и эта идея была привлекательна для со-

⁶ Messer, Ellen (1993). Anthropology and Human Rights. Annual Review of Anthropology. 1993. Vol. 22. P. 221–249.

⁷ Всеобщая декларация прав человека — <http://www.un.org/russian/document/declarat/declhr.htm>.

циологов, озабоченных исследованиями о структурных подчинениях групп, классов, и культурных меньшинств. Защитники групповых прав утверждали, что традиционные концепции прав человека, особенно основанные на Естественном праве, описывали индивидуальные права. В таких документах как Всеобщая декларация прав человека права предназначены для абстрактных, идеализированных индивидуумов, которые существуют вне специфики места, времени и группы. Сторонники индивидуального права игнорируют центральный социологический факт, что люди существуют в качестве членов культур и групп, для которых существуют фундаментальные различия в возможностях индивидуумов требовать реализации и защиты своих прав. В повседневном мире люди взаимодействуют не столько и не только как индивидуумы, взаимодействие обусловлено принадлежностью к группам, классам, или другим объединяющим категориям.

В последнее время в американском социологическом сообществе прослеживаются действия, направленные на институционализацию темы «социология и права человека». Изданы книги, претендующие на обобщение имеющегося опыта, утверждающие право темы на самостоятельное существование, обосновывающие социологические подходы к исследованию прав человека: *Studying Human Rights. Edited by Todd Landmann* (New York: Routledge, 2006); *Rights: Sociological Perspectives Edited by Lydia Morris* (Routledge, 2006); *Judith Blau and Alberto Moncada, Human Rights: Beyond the Liberal Vision* (Rowman & Littlefield, 2005), *Gideon Sjoberg, Elizabeth Gill, and Norma William. A Sociology of Human Rights* (Social Problems 48, no. 1 (February 2001); *Public Sociologies Reader* (Edited by Judith Blau and Keri Iyall-Smith, Rowman & Littlefield, 2006). Авторы ищут исторические аргументы в поддержку темы «социология прав человека» в идеях классиков социологии, таких как Питирим Сорокин, Элвин Голднер, Юрген Хабермас, Пьер Бурдьё и пр. Активная роль в институциональном оформлении социологии прав человека принадлежит организации *Sociology Without Borders*. Именно эта профессиональная организация играет центральную роль в процессе утверждения тематической группы *Human Rights and Global Justice* в рамках Международной социологической ассоциации и Секции по правам человека в Американской Социологической Ассоциации.

17 августа 2005 года Американской социологической Ассоциацией было сделано своё заявление о правах человека — *American Sociological Association Statement on Human Rights*. Документ приурочен к столетию организации. Основной смысл Заявления состоит в описании существующих нарушений прав человека социологов и других ученых, как-то нарушения

академических свобод, свободы слова, свободы собраний и ассоциаций и пр. вплоть до опасностей и угроз со стороны правительств и силовых структур, недовольных проводимыми исследованиями. В заявлении приводятся слова социолога *Craig Calhoun*⁸: «Работа социологов особенно напряжена, потому что она касается непосредственно вопросов политической власти, экономики, культурной идентичности и социального обеспечения. Социология в настоящее время пересекается с общественными дебатами, и слишком часто правительства реагируют, пытаясь подавить работу ученых, которые поднимают неудобные вопросы или представляют данные, которые подрывают доминирование власти». По этому поводу спустя два года *Daniel Spar*⁹ в статье *The Sociology of Human Rights*, пишет о том, что концентрация усилий социологов на тематике прав человека в исследованиях и преподавании будет способствовать усилению социологов и социологического сообщества в защите их собственных прав.

В августе 2007 г. в Нью-Йорке состоялась конференция «Социология и права человека». Дискуссия этой конференции показала, что проблемным являются не подходы и методы, которые уже устоялись в науке и лишь требуют в каждом случае деликатного применения. Актуальной задачей является определение отличительной предметной области социологических исследований прав человека внутри дисциплины. Американская социология прав человека больше сконцентрирована на изучении того как эти права человека существуют и функционируют вне пределов США, в этом признается Том Кушман. Он пишет: «Один из более интересных вопросов в области прав человека — то, почему нарушения прав человека считают чем-то, что случается вне границ Соединенных Штатов, тогда как нарушения прав человека в пределах Соединенных Штатов не ясно сформулированы на фоне более общей дискуссии о правах человека»¹⁰.

Предметное поле прав человека в социологии

Социология как дисциплина постоянно имеет дела с проблемами прав человека, хоть и не так часто использует это словосочетание как понятие. В первую очередь это проблемы социального неравенства, дифференциро-

⁸ Craig Calhoun — President of the Social Science Research Council and former member of the ASA Council.

⁹ Daniel Spar — ASA Governance Department.

¹⁰ Cushman Tom Rights, human // Cambridge dictionary of sociology. Edited by Bryan S. Turner. P. 517–523.

ванного распределения ресурсов, дискриминации по признаку расы или этнической принадлежности, гендера и сексуальной ориентации, изучение социальных движений и пр. За прошлое десятилетие социологи еще в большей степени отказались от своих требований к моральному нейтралитету. Исследования и учебные курсы о расе, гендере, феминизме, сексуальности, бедности, и неравенстве сегодня являются банальной повседневностью социологических факультетов и институтов.

Кроме того, список прав человека (который мы находим в Конституции, Декларации прав человека, конвенциях и пр.) регулирует нормы в социальной, экономической, политической сферах, находящиеся под пристальным взглядом социальных ученых: здравоохранение, занятость, жилье, информация, образование, экология и пр. и пр.

Предметное поле социологических исследований прав человека — это не только то, что непосредственно связано с этим понятием. К исследованиям о правах человека могут быть отнесены те социологические исследования, которые касаются понятий равенства, свободы, справедливости, человеческого достоинства и т. п. То есть ценностей, которые легли в основу концепции прав человека. И подобные исследования, теоретические и эмпирические, может, не использовали или не используют термина «права человека», но, тем не менее, имеют прямое отношение к теме. Признано, что права человека представляют собой индивидуальные и коллективные стремления к человеческой свободе. В результате везде, где речь идет о правах человека, мы слышим о свободе, но также и о власти, принуждении, ограничении, или тирании. Исторически, культурные представления о правах человека диалектически связаны с репрессивными социальными структурами, и являются центральными в процессах человеческой эмансипации и свободы.

К предметному полю социологических исследований прав человека относится вся деятельность (и ее последствия), которая развернулась в связи с созданием международных и национальных стандартов прав человека. XX век нам запомнится, в том числе, и тем, что международным сообществом была создана целая система для того, чтобы «каждый человек мог пользоваться своими правами». Что представляет собой эта система? Это международные институты, такие как ООН или Совет Европы, национальные институты, такие как омбудсмены, институт правозащитных негосударственных организаций, а также нормативные документы — декларации, конвенции и пр.

Тематика современных социальных исследований прав человека многообразна. Исследования институтов — государственных и негосудар-

ственных акторов, которые имеют влияние на индивидуальное и коллективное пользование правами человека — находится под влиянием политологии. Одним из самых авторитетных авторов в этой тематике является *Todd Landmann*. Его работа *Protecting Human Rights: A Comparative Study*¹¹ посвящена описанию разных глобальных сравнительных исследований активности международных организаций и НГО в сфере прав человека. В работе *Studying Human Rights*¹² автор претендует на построение социологических оснований изучения прав человека и в связи с этим высказывает довольно интересные идеи.

В перспективе социального конструктивизма права человека могут быть приняты за культурные представления, которые спроектированы, воплощены и усвоены социальными акторами в различной степени, в разных географических точках, в разные исторические моменты и периоды. Такое понимание прав человека может обеспечить устойчивую опору для социологии прав человека, но также дистанцирует ее от доминирующего нормативного понимания прав человека, распространенного за пределами социологии. Есть разница между тем, чтобы исследовать права человека как социальные факты и интерпретировать эти исследования как исследования социального или исследовать права человека как нормы и отклонения от норм.

Одна из попыток построить новую теоретическую программу для социологии прав человека была выдвинута Брайеном Тернером в его работе *Vulnerability and Human Rights* (2006)¹³. Автор утверждает, что все люди уязвимы и существуют в неустойчивом положении относительно социального и природного мира. Эта уязвимость — есть культурное универсальное, наша общая уязвимость делает нас зависимыми и взаимозависимыми и социологическая теория прав человека должна сосредоточиться на анализе уязвимости и различных стратегиях с помощью которых общества могут снизить уязвимость. Тернер утверждает, что взаимное признание и симпатия, основанные на общем понимании человеческой уязвимости, являются фундаментальным предварительным условием для жизнеспособного либерального демократического порядка.

¹¹ *Protecting Human Rights: A Comparative Study*. Edited by Todd Landmann. Georgetown University Press, 2004.

¹² *Studying Human Rights*. Edited by Todd Landmann. New York: Routledge, 2006.

¹³ Bryan S. Turner, *Vulnerability and Human Rights* (University Park, Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 2006), pp. 156.

Майкл Буравой пишет¹⁴, что глобализирующийся мир меняет общественную структуру, связи и порядки. Люди, разделенные расстояниями, связаны способами, ранее невообразимыми, такая связанность мира и человечества влечет за собой этику ответственности и сотрудничества. Социальные исследователи обладают специальными исследовательскими инструментами для того, чтобы анализировать сообщества, отношения, и социальные формы. Наравне с уместностью анализа социальной солидарности, организованных общественных действий, политических движений и новых педагогик для структуры социологии уместно и изучение прав человека. В истории социологии есть немало примеров, когда социологи, анализируя общественную жизнь выявляли угрозы до того как это стало очевидным управленцам, политикам и общественности. Арена прав человека — достойна внимания социологов как точка, отражающая наиболее острые социальные процессы. Буравой считает, что следующие темы имеют особое публичное значение: расовая дискриминация в учебе и труде, эффективная организация труда, равенство женщин и мужчин, сексуальные домогательства на работе, оздоровление экологии городов, совершенствование школьных программ. Наиболее важной на ближайшее время он считает тему массовых проявлений социальной несправедливости в отношении мигрантов в экономически развитых странах¹⁵.

На протяжении последних 60-ти лет осуществляется грандиозный эксперимент по превращению философской идеи прав человека в реальность. Нормативные акты о правах человека и деятельность таких институтов как ООН, Совет Европы, Европейский Суд и пр. — это попытка создать новые правила, которых должны придерживаться государства, чиновники и люди. Это попытка изменить социальную реальность. Идеи этих новых правил создаются людьми и никто в точности не может предсказать заранее — как конкретно эти новые правила приживутся в локальных условиях: как они будут интерпретированы государством и его представителями на местах; как они будут применены и проконтролированы международными организациями; какие напряжения и противодействия они вызовут в местной культуре. И самое главное — каков будет эффект от применения этих новых правил — может быть это будет лишь эхо от замыслов? Именно в этой области лежат задачи социальных исследователей — изучение прав

¹⁴ Buravoy M. A Public Sociology for Human Rights // Public Sociologies Reader. Edited by Judith Blau and Keri Iyall-Smith, Rowman & Littlefield, 2006. P. 1–21.

¹⁵ Романовский Н.В. О современном этапе развития социологии // Социологические исследования, N1, 2007. С. 22–31.

человека в социальной реальности, объяснение и понимание наблюдаемого социологического феномена. Социальные ученые применяют теории и специальные методы для того, чтобы объяснить и понять изменчивое продвижение и защиту прав человека через разнообразные политические, социальные, культурные контексты. Основная цель ученых состоит в том, чтобы объяснить и понять почему и как существуют социальные феномены прав человека именно в таком виде, а не в том, чтобы показать какими должны быть права человека и их защита¹⁶. Права человека перестали быть «идеями» — они уже стали социальной реальностью: это институты, нормативная база, разнообразные практики, официальный и публичный дискурс. Соответственно, эта социальная реальность может и должна быть описана и объяснена через социологические исследования.

¹⁶ Studying Human Rights. Edited by Todd Landmann. New York: Routledge, 2006. Р. 6

Повысились ли миграционная привлекательность России?

Анализ взаимодействия сотрудников милиции и ФМС с мигрантами после изменений миграционного законодательства в 2007 году

Б. Гладарев

Исследование, проведенное автором в 2006–2008 годах, было нацелено на изучение практик взаимодействия этнических трудовых мигрантов с отечественными силовыми структурами.¹ Этот проект по срокам совпал с серьезными изменениями в миграционной политике РФ, которые имели место в 2007 году.²

В данной статье мы опишем, как выглядит современная миграционная политика российских властей из перспективы ее объектов, то есть мигрантов. Наша цель показать, какие практики характерны для взаимодействия милицейской бюрократии с приезжающими в Россию трудовыми мигрантами из стран СНГ, прежде всего из республик Средней Азии и Кавказа. Также мы хотели бы хотя бы отчасти продемонстрировать, как изменения миграционного законодательства отразилось на микро-уровне практического взаимодействия мигрантов с сотрудниками милиции и ФМС.

Изменения миграционного законодательства в 2007 году

Политика российских властей в области миграции и занятости иностранных граждан и лиц без гражданства отличается запутанностью и

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Милиционеры и этнические меньшинства: практики взаимодействия в Казани и Санкт-Петербурге», поддержанного фондом Дж. и К. МакАртуров (грант № 06-86959-000-GSS). Более подробно о целях, задачах и собранных эмпирических материалах проекта см. в статье Гладарев, 2009.

² Эти изменения зафиксированы в Федеральном законе № 109 «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ» от 18 июля 2006, а также в Федеральном законе № 110 «О внесении дополнений и изменений в Федеральный Закон «О правовом положении иностранных граждан в РФ»» от 18 июля 2006.

непоследовательностью.³ В 2007 году в России вступил в действие пакет законодательных инициатив, призванных, по словам В. Путина «повысить миграционную привлекательность России».⁴ Закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ»⁵ утверждает, что миграционный учет теперь имеет уведомительный характер. Для постановки на учет гражданам стран СНГ достаточно подать заявление, в котором должны быть указаны стандартные персональные данные: фамилия, имя и отчество, дата и место рождения, пол и т. п. Раз в год иностранец обязан сообщать сведения о себе и о месте своего пребывания в органы миграционной службы. Сроки временного пребывания иностранцев составляют 180 дней вместо 90 дней по старому законодательству. С работодателей снимается обязанность оформлять в органах власти специальное разрешение на привлечение иностранной рабочей силы, то есть упростилась процедура приема иностранных работников и для работодателя. Если раньше компании необходимо было самостоятельно получать разрешение на привлечение каждого отдельного работника, то теперь достаточно просто уведомить ФМС о приеме на работу иностранного гражданина. *«Старая процедура была сильно забюрократизирована, да еще и стоила денег: за каждого иностранного работника компании обязаны были платить государству госпошину в 3 тысячи рублей, при этом ждать оформления документов приходилось по два-три месяца, — теперь этого нет» (52 года, эксперт правозащитной организации «Гражданский контроль»).*

Сотрудники ФМС полны оптимизма и говорят о скором преодолении большинства социальных и правовых проблем связанных с нелегальной миграцией. «Бумажная волокита, порожденная предыдущим законодательством, во многом провоцировала мигрантов и работодателей на нарушение миграционного закона, — отмечает начальник управления ФМС по Москве Ф. Карповец. — Теперь работа значительно упрощена, и мы считаем, что это

³ Подробнее о изгибах и противоречиях в российской миграционной политике см. в лекции С. Ганнушкиной, размещенной на портале «Полит.ру» (см.: Ганнушкина С. Хотели, как лучше... Новации в положении иностранных граждан в Российской Федерации. См.: <http://www.polit.ru/author/2007/01/23/migranty.html>), а также в работах: Белохвостова, 2007; Эксплуатация трудовых... 2009.

⁴ Вступительное слово Владимира Путина на заседании Совета по реализации приоритетных проектов и демографической политике. — 2006. 5 окт. См.: http://www.kremlin.ru/appears/2006/10/05/1910_type63374type63378type82634_112066.shtml.

⁵ Федеральный закон № 109 «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ» от 18 июля 2006.

существенно повлияет на ситуацию с нелегальной миграцией».⁶ «Новое законодательство позволило увеличить прозрачность миграционных потоков более чем в 1,5 раза. Это не мало», — сказал в ноябре 2007 года директор ФМС РФ Ромодановский. По его словам, рост числа трудовых мигрантов, которые работают в России на законных основаниях, подтверждает правильность изменений в миграционном законодательстве: «Радует, что мигранты с очевидностью проявили свое желание не прятаться в подполье. К нам едут нормальные люди, они хотят легализоваться. Законодатель не ошибся, сделав работника центральной фигурой процесса легализации»,⁷ — отметил глава ФМС. Далее мы рассмотрим, позволяют ли зафиксированные нами практики взаимодействия сотрудников ФМС с мигрантами, разделить оптимизм, проявляемый руководителями ФМС.

Получение регистрации по адресу временного проживания

Согласно измененному в 2007 году законодательству, для того чтобы легально оформить свое пребывание на территории РФ трудовому мигранту из безвизовых стран СНГ необходимо в течение трех дней получить регистрацию, фиксирующую адрес, по которому он будет проживать. Данная регистрация действительна в течение трех месяцев. Потом он должен сдать документы на разрешение на работу. И уже после его получения трудовой мигрант может оформить регистрацию на срок до одного года: *«Через год он обязан покинуть территорию РФ. Соответственно, он должен сдать свои документы в ОВИР, выехать, снова въехать и, соответственно, заново оформить разрешение на работу. По закону иностранный гражданин, который приехал с целью работать и проработал год, обязан выехать за пределы РФ» (33 года, адвокат, специализирующийся на защите прав этнических меньшинств, СПб).*

И эксперты, и трудовые мигранты говорили в интервью, что нововведения в миграционное законодательство, которые вступили в силу с января 2007 года, во многом упростили процедуру получения регистрации:

⁶ Вступили в силу изменения в российском миграционном законодательстве/ Совет при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. — 2007. 17 янв.

⁷ Ромодановский: В России на миграционный учет встали более 6 млн мигрантов // ИА Росбалт. — 2007. 8 нояб. См. в: <http://www.rosbalt.ru/2007/11/07/428877.html>.

«Процедура формально значительно упростилась. В значительной степени уменьшился пакет необходимых документов.» (34 года, юрист, директор юридической консультации, СПб), или: «Чего сравнивать? Сейчас все, конечно, попроще стало с временной регистрацией» (54 года, этнический армянин, частный предприниматель, СПб).

Однако новые правила содержат некоторые процессуальные упущения, которые затрудняют получение временной регистрации для мигрантов. На один и тот же момент указывали как эксперты, так и сами мигранты. Приедем две цитаты из интервью. Директор одной из юридических консультаций Петербурга, отметил, что: «Сложности, которые могут возникнуть с регистрацией заключаются в том, что если буквально толковать закон, то иностранный гражданин должен зарегистрироваться в течение трех дней с момента пересечения границы. От момента пересечения границы до момента прибытия в тот субъект федерации, куда гражданин направляется, может пройти двое и более суток. Соответственно, у гражданина остается вариант: либо в последние сутки бежать на почту и как можно быстрее регистрировать себя, либо попадать под штрафные санкции, и тогда уведомительная регистрация не возможна. Нужно идти в органы ФМС и там лично сдавать документы» (34 года, юрист, СПб).

Об этой же проблеме при получении регистрации говорил в интервью узбекский гастарбайтер, работающий на стройках Петербурга: «Есть очень много пробелов, как бы, когда говорить, что в течение 3-х дней надо зарегистрироваться, но в то же время, те люди, которые здесь находились длительное время без регистрации, у них проблемы. Потому что как человек может, если он находится здесь 2–3 месяца — его уже на учет не поставят. Ему уже нужно заезжать и выезжать, а заезжать и выезжать — это извините...» (37 лет, этнический узбек, строитель). В унисон ему высказывались и другие трудовые мигранты. Например, разнорабочий из Таджикистана: «Это большая проблема, когда не можешь все документы сделать (вовремя). На регистрацию три дня только» (28 лет, СПб), или продавщица зелени, работающая на одном из рынков Петербурга: «Очень тяжело регистрацию за три дня организовать, если уже связей в России нет» (25 лет, этническая азербайджанка, СПб).

На проблему ограничения сроков регистрации тремя днями указывали в своем недавнем докладе и эксперты из *Human Rights Watch*: «Несмотря на последние изменения и упрощение процедур, определенные проблемы с постановкой на миграционный учет сохраняются» (Эксплуатация трудовых... 2009: 18). В интервью сотрудникам *Human Rights Watch* трудовые

мигранты, профильные эксперты и представители властей стран происхождения мигрантов отмечали, что зачастую трудовым мигрантам приходится прилагать значительные усилия, чтобы соблюсти требование закона о постановке на учет в течение трех рабочих дней. У многих прибывающих по безвизовому режиму нет ни заранее известного места работы, ни места жительства, и для большинства трех дней оказывается недостаточно, чтобы решить эти вопросы, если только они не приезжают по предварительной договоренности.

По мнению некоторых экспертов, принявших участие в нашем исследовании, несмотря на ощутимые упрощения процедуры, проблема оформления регистрации по-прежнему остается одной из самых сложных для трудовых мигрантов: *«С адресами для регистрации у людей возникают проблемы, в основном, какого характера? Мало кто из жителей Санкт-Петербурга готов, если это не его близкие родственники, либо близкие друзья, зарегистрировать у себя иностранного гражданина. Потому что в случае каких-либо правовых ошибок, гражданин России, который является приглашающей стороной, он вместе с зарегистрированным у него иностранным гражданином несет административную ответственность» (34 года, юрист, СПб).*

Согласно закону «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ» 2007 года процедура регистрации иностранных граждан носит не разрешительный, а уведомительный характер. В новом законе слово «регистрация» заменено на «миграционный учет». Более того, если по старым правилам зарегистрироваться можно было только в жилом помещении, то теперь уведомление о постановке на учет реально получить по любому адресу, будь то стройка, рынок или офис, где собирается работать иностранный гражданин. Но и компании, привлекающие к работе иностранных граждан часто стремятся избегать их регистрации на свои юридические адреса: *«Не каждая компания захочет регистрировать иностранного работника на свой адрес. <...> Потому что бояться даже не ответственности, бояться отсутствия контроля над этими иностранными гражданами. Потому что, если говорить о соблюдении всех норм, трудоустраивающая иностранного работника компания должна контролировать как минимум то, что этот человек в конце срока своего пребывания отдаст свои документы, то есть уведомительный регистрационный талон, компании как приглашающей стороне. Она должна выслать эти документы в ОВИР, то есть ФМС. Потому что по законодательству, когда выходит срок пребывания, человек должен по идее покидать страну, а его документы должны быть обратно предъявлены в контролирующие*

органы, то есть ФМС. Но для компаний контролировать, когда их бывший работник покинет страну, достаточно сложно. Он может быть сегодня на работе, завтра обидеться, что ему платят не достойную зарплату и не выйти работу, послезавтра передумать уехать и так далее» (33 года, директор строительной компании, СПб).

Таким образом, приезжая в Россию иностранные работники из безвизовых стран СНГ сталкиваются с проблемой нахождения адреса для регистрации своего временного пребывания. Затруднения, которые возникают у трудовых мигрантов при оформлении временной регистрации, отмечены многими социологами, изучающими российские миграционные процессы⁸.

Описывая условия жизни строительных рабочих из Таджикистана, самарские социологи отмечали: «Только половина опрошенных мигрантов-строителей проживали в относительно благоприятных условиях (на съемных квартирах, у знакомых, в рабочих общежитиях). Остальные были вынуждены жить без регистрации в помещениях мало приспособленных для этих целей, зачастую не отвечающих элементарным санитарным нормам. Около 30% строителей-мигрантов размещались в строительных вагончиках, еще 20% жили прямо на строительных площадках в подсобных помещениях, в строящихся зданиях и пр. В среднем, в одном помещении проживали одновременно 8 человек. Около одной пятой работников-таджиков ютились по 15–25 человек (максимальное указанное при опросе число живущих в одном помещении — 38 человек)» (Козина, Карелина и Металина, 2005: 49–50). Кузнецов и Мукомель, характеризуя сложившуюся практику получения регистрации, пишут: «Легализация статуса связана с определенными транзакционными издержками... для получения регистрации пребывания/проживания» (Кузнецов, Мукомель, 2007).

На трудности при оформлении регистрации указывали и сами мигранты: «Сначала долго не могли найти квартиру, ну адрес для регистрации. Жили у знакомых, тоже из Узбекистана. Потом мы с сестрой, сняли комнату в коммуналке, да. Но очень сложно было найти подходящее жилье» (38 лет, этническая узбечка, продавщица, СПб). Иногда трудовые мигранты долго живут без регистрации прямо на своих рабочих местах: «Меня в аэропорту встретили знакомые на машине. Отвезли в область на стройку сразу. Там в вагончике я первые полгода жил. Потом мне наш бригадир регистрацию оформил» (37 лет, этнический узбек, строитель, СПб).

⁸ См. например, Кириллова, 2004: 47; Этнически избирательный подход... 2006: 47–48; Шурупова, 2006: 88 и др.

Важно отметить, что многие граждане стран Средней Азии и Кавказа прибегают при регистрации на территории РФ к помощи посредников.⁹ Большинство из приезжих плохо разбираются в российском миграционном законодательстве, поэтому предпочитают лично не иметь дело с милицейской бюрократией: *«Нет, сам я в миграционную службу не ходил. Там знакомые ходили. Я все документы и фотографии отдал, а сам не ходил. Они за меня ходили. Они уже знают, как и чего там оформлять, много раз себе документы делали» (20 лет, этнический узбек, продавец, СПб)*. Этот молодой продавец из Узбекистана в первый раз приехал на заработки в Россию, поэтому попросил своих знакомых, уже опытных в бюрократических процедурах (*«Они уже знают, как и чего там оформлять, много раз себе документы делали»*), оформить ему документы. Интересно, что в этом случае это пришлось делать трижды. Сначала сотрудница ФМС перепутала в документах его дату рождения, пока ему заново оформляли регистрацию, кончились три месяца, в течение которых он мог оформить разрешение на работу, а значит продлить временную регистрацию до года. Ему пришлось выехать в Белоруссию, и только вернувшись, он, наконец, оформил временную регистрацию.

Через посредников регистрировался и 43-х летний автомеханик, приехавший из Узбекистана: *«У меня нет право на работу. Его еще надо получить. Но есть регистрация. Мне дядя Улумбека помог оформить. На Черной речке есть общежитие от “Третьего Парка” (одно из крупнейших автотранспортных предприятий СПб), он меня там зарегистрировал». Водитель маршрутного такси из того же автопредприятия получал регистрацию от работодателя: “Регистрация? Это “Третий Парк”, они сами все делали. Там документы задаешь в “головной”, где управление, пошлину платишь и регистрацию получаешь» (38 лет, этнический узбек, водитель маршрутного такси)*.

Характеризуя практику оформления регистрации через посредников, один наших из экспертов отметил, что нанимающие на работу иностранных граждан компании часто прибегают к помощи посреднических юридических фирм: *«Сейчас большинству реально работающих компаний проще*

⁹ На это же указывают специалисты из *Human Rights Watch*, представившие в феврале 2009 года доклад об эксплуатации трудовых мигрантов в российском строительном бизнесе: *«Желающие устроиться на работу в России нередко прибегают к услугам посредников, в роли которых выступают государственные и частные агентства по трудоустройству и частные вербовщики (родственники, представители национальных диаспор и др.) как в России, так и в стране происхождения. Имеются случаи, когда посредники «делают» мигрантам фальшивую регистрацию и разрешение на работу» (Эксплуатация трудовых... 2009: 3).*

обращаться в какие-то юридические посреднические службы, которые и решают для них вопросы с регистрацией трудовой силы». Эти посреднические конторы регистрируют трудовых мигрантов на адреса специально созданных фирм-однодневок, «которым все равно наложат на нее штраф, или не наложат в случае нарушения гражданином иностранного государства режима пребывания на территории РФ». По словам эксперта, большинство посреднических контор оформляют регистрации мигрантам на «липовые адреса» и коррупционным образом связаны к ФМС: *«Как правило, эти липовые адреса предоставляются посредниками, связанными непосредственно с чиновниками Федеральной миграционной службы, которые владеют необходимыми контактами, которые владеют определенными адресами, и являются, по сути, посредниками при организации подобного рода регистраций» (34 года, юрист, директор юридической консультации, СПб).*

На распространенность практики оформления регистрации через посредников, указывают и некоторые публикации в СМИ. Например, журналистка из «Санкт-Петербургских ведомостей» с возмущением отмечает, что «во многих СМИ, на уличных стендах можно ежедневно увидеть объявления: «Регистрация в Петербурге за один день», «Гражданство в РФ для всех». И так называемые правовые бюро, которые этим занимаются, даже не прячутся по углам».¹⁰

УФМС по Петербургу и Ленинградской области пытается демонстрировать борьбу с «посредниками». Например, с января 2009 года на всех эскалаторах петербургского метрополитена среди звуковой рекламы можно услышать обращение ФМС, в котором приезжим советуют «опасаться подделок» и агитируют не обращаться при оформлении документов к помощи посредников, потому что «только Федеральная миграционная служба имеет право оформлять соответствующие документы». Но большинство приезжающих в Россию на заработки граждан Азербайджана, Армении или Узбекистана при оформлении регистрации для временного пребывания все равно пользуются услугами посредников, хотя при этом рискуют получить «липовую регистрацию». Почему это происходит, мы рассмотрим несколько позже, когда обратимся к анализу типичных бюрократических барьеров, которые ждут трудового мигранта при попытке легализовать свой статус через структуры ФМС. А теперь обратимся к анализу процедуры оформления разрешения на работу.

¹⁰ Елисеева М. Два фронта работы УФМС // Санкт-Петербургские ведомости. — 2006. 13 июля.

Оформление разрешения на работу иностранными гражданами

Согласно изменениям миграционного законодательства 2007 года для получения разрешения на работу гражданами стран, с которыми Россия заключила договор о безвизовом режиме, достаточно обратиться в ФМС, имея при себе всего четыре документа: заявление о желании получить разрешение на работу, паспорт, миграционную карту и квитанцию об уплате госпошлины. Разрешение обязаны оформить в течение 10 рабочих дней, при этом чиновники ФМС не имеют права отказать человеку в получении этого разрешения, если он не нарушал законодательства, то есть не фигурирует ни в каких административных протоколах, или уголовных делах. Как указывают наши эксперты, на практике ФМС может затянуть с выдачей разрешения на работу и до 60 дней (*33 года, адвокат, СПб*), но обычно получение его не составляет проблемы.

Разрешение на работу представляет собой пластиковую карту с фотографией, указанием должности и сроком, на которые эта карта выдается.¹¹ Разрешение действительно только в пределах того региона, на территории которого оно выдано. В случае переезда мигранта в другой регион нужно получать новое разрешение. Эксперты, принявшие участие в нашем исследовании указывали, что «в связи с введением с 1 января 2007 года новых требований, процедура оформления разрешения на работу требует относительно не большого пакета документов. До 2007 года компания являлась той структурой, которая оформляла документы тем гражданам, которые прибывали к ней для работы. Сейчас эти функции возложены на самого прибывающего гражданина. То есть он может оформить разрешение на работу без участия компании, к которой он приехал. И потом в течение месяца обязан устроиться соответственно в любую компанию, где он собирается работать» (*34 года, юрист, СПб*).

Интервью с трудовыми мигрантами из стран Средней Азии и Кавказа подтверждают, что теперь процедура получения разрешения на работу значительно упростилась: «Все упростилось очень сильно с разрешением на

¹¹ Все сведения о потенциальном работнике УФМС кодирует, после чего выдает ему пластиковую карту со штрихкодом. По этому коду на въезде или на выезде из страны (а также в отделах УФМС) можно легко установить, чем и легально ли занимался тот или иной мигрант (См.: Воробьева С., Полетаев Е. Мигрируйте на здоровье // Невское время. — 2007. 23 марта).

работу. Дают на год и, пожалуйста, живи-работай» (23 года, этнический азербайджанец, продавец, СПб).

Сравнительный анализ историй о прохождении трудовыми мигрантами бюрократических процедур по легализации своего пребывания на территории РФ указывает, что оформление разрешения на работу — теперь одна из самых неproblemатичных задач.¹² Важно также отметить, что упрощение в процедуре подачи документов для получения разрешения на работу упростило жизнь, прежде всего для иностранных граждан. А для компаний-работодателей изменения в законодательстве обернулось увеличением сумм штрафов, и ответственности за нанимаемых на работу трудовых мигрантов. По действующему с 1 января 2007 года законодательству, введены более жесткие нормы административного наказания за нарушение процедуры оформления документов для компаний-работодателей, привлекающих иностранную рабочую силу.¹³

Несмотря на признание облегчения процедуры по получению разрешения на работу, некоторые из наших информантов, указывали на сложности, связанные с получением медицинских справок, обязательных для получения разрешения на работу сроком более 90 дней: *«Я честно скажу, я купил медицинскую справку на фирме... некогда было мне по врачам бегать» (28 лет, этнический таджик, разнорабочий, СПб), или: «Сначала я пытался получить все необходимые медсправки, сдать анализы и вообще, но посидел несколько дней в очередях и решил, что проще мне купить эти бумажки, чем по-настоящему сделать» (20 лет, этнический таджик, электрик, СПб).*

¹² О том же говорили и правозащитники, например С. Ганушкина, в своей лекции о «Новациях в положении иностранных граждан в Российской Федерации» несколько раз подчеркнула, что «поправки к Закону «О правовом положении иностранных граждан» сильно упростили и получение разрешения на трудовую деятельность» (См. Ганушкина С. Хотели, как лучше... Новации в положении иностранных граждан в Российской Федерации/ Лекция на Полит.ру. — 2007. 8 апр. См.: <http://www.polit.ru/author/2007/01/23/migranty.html>).

¹³ «До введения нового миграционного законодательства штраф на работодателя за использование любого количества нелегальных работников составлял 8 тыс. руб., а в 2007 году после вступления в силу нового закона за каждого нелегального работника предприниматель должен был выплачивать около 90 тыс. руб. штрафа», — сообщил директор ФМС Ромодановский. В 2007 году к административной ответственности за использование нелегальной рабочей силы в России было привлечено более 160 тыс. работодателей, на которых было наложено 4,5 млрд руб. штрафов (См.: Николаева Д. Мигранты становятся доходной базой бюджета // Коммерсант. — 2008. 24 янв.).

О распространенности подобного подхода к прохождению обязательно-го медицинского освидетельствования среди трудовых мигрантов, говорили также привлеченные эксперты: *«При оформлении разрешения на работу у многих иностранных граждан возникают проблемы с медицинскими документами. Как правило, они оформляются за деньги и, соответственно, не имеют никакого отношения к реальному состоянию здоровья их владельца. По моим наблюдениям порядка 80% оформленных медицинских справок, оформляется без присутствия гражданина, которому эта справка оформляется. ФМС имеет право проверить медицинские справки в течение месяца после выдачи, но обычно они этим себя не затрудняют» (34 года, юрист, СПб).*

Также на сложность получения медицинских документов указывалось в докладе *Human Rights Watch*: «Если разрешение на работу выдается на срок свыше 90 дней, то в течение 30 дней с момента его получения трудовой мигрант должен представить справки об отсутствии у него таких заболеваний, как ВИЧ, туберкулез и других инфекционных заболеваний. Как правило, такие справки выдаются в строго определенных медучреждениях города или области, что отнимет много времени и сил, поэтому медицинское обследование часто игнорируется трудовыми мигрантами» (Эксплуатация трудовых... 2009: 20). Связь между формальностью медицинского освидетельствования трудовых мигрантов и существованием фирм-посредников, предоставляющих за 500–1000 рублей необходимые справки упоминается также в некоторых материалах СМИ.¹⁴

Неконтролируемое положение со здоровьем нелегальных, или полулегальных мигрантов из стран СНГ стало беспокоить представителей российских властей в начале 2008 года.¹⁵ В течение 2008 года было озвучено несколько

¹⁴ Например, в статье А. Каменского о положении трудовых мигрантов в России, мы находим описание такой фирмы-посредника: «В офисе ООО «Здоровье» на Тверской теснота и давка. «Здоровье» никого не лечит, зато выдает медсправки для работы. В очереди чуть ли не все народы бывшего СССР. И никто не понимает, что делать. Тут-то и помогают «старшие» — люди с опытом жизни в России, которые знают, куда идти, где подписать, что сказать. Следуя советам старших молодые мигранты приобретают необходимые справки» (Каменский А. Неленивые и любопытные // *Smartmoney*. Аналитический еженедельник. — 2008. 10 марта).

¹⁵ В частности, в январе 2008 года на страницах «Российской газеты» появилось интервью с академиком РАМН Г. Онищенко. Его диагноз был, как обычно, однозначен: «Погоня за дешевой рабочей силой оборачивается опасными болезнями, — заявил главный санитарный врач страны. — За одиннадцать месяцев прошлого года медики освидетельствовали 600 тысяч безвизовых мигрантов. Итого: выявлено 1615 ВИЧ-инфицированных, 3058 больных туберкулезом, 7989 тех, кто страдает инфекционными заболеваниями, передающимися по-

законодательных инициатив, направленных на усиление санитарного контроля за мигрантами,¹⁶ однако пока (конец 2008) они не получили никакого законодательного оформления.

Завершая описание специфики получения трудовыми мигрантами разрешений на работу нужно отметить, что, несмотря на упрощение этой бюрократической процедуры, есть некоторые законодательные ограничения, которые воспринимаются трудовыми мигрантами как проблемы. Например, требование выезда за пределы РФ по окончании годового срока пребывания: *«Вот я не понимаю, почему мне нельзя продлить разрешение на работу через год? Зачем это правило, что я выехать из России должен? Почему на месте не оформить?» (45 лет, этнический армянин, строитель, СПб)*. Ограничение разрешения на работу сроком на год заставляет трудовых мигрантов использовать практику челночных выездов-въездов. Для экономии денег на дорогу большинство предпочитает не летать домой в Узбекистан, или Азербайджан, а выезжать на поезде или автобусах в ближайшее российское зарубежье — Украину: *«Они приезжают, оформляют документы на работу на год. Год работают, потом выезжают в Украину. Потом опять приезжают, оформляют на год, по истечении срока, опять выезжают. Вот так туда сюда каждый год должны ездить» (45 лет, журналист, СПб)*. Чтобы избежать временных и финансовых затрат на обязательный ежегодный выезд-въезд, некоторые трудовые мигранты оформляют разрешение на временное проживание на территории РФ, которое дает право на три года безвыездного нахождения в России.

Оформление разрешения на временное проживание в РФ

Некоторое упрощение процедуры получения разрешения на временное проживание отмечали в своем отчете специалисты правозащитной организации «Гражданское содействие», специализирующейся на помощи мигрантам. В отчете, посвященном положению мигрантов в России в 2007 году, они указывали, что недавно принятые законы упрощают административные процедуры, связанные с получением разрешения на временное проживание. Несколько сократился пакет необходимых документов. Отмена справки о доходах также является прогрессивным шагом. Раньше,

ловым путем». См. в: Медстраховка для мигранта // Российская газета. — 2008 года. 30 янв.

¹⁶ См., например: Леонова К. Полис мигранта. Депутаты предлагают застраховать всех гастарбайтеров // Газета. — 2009. 16 дек.

при подаче документов, граждане должны были предоставить выписку из банковского счета, удостоверяющую определенную платежеспособность. Теперь же им предоставляется год на то, чтобы иметь возможность встать на налоговый учет (Мигранты России... 2007: 21).

Однако, материалы, собранные в ходе нашего исследования, дают основание считать процедуру оформления разрешения на временное проживание одной из самых бюрократически сложных для трудовых мигрантов из бывших советских республик. В частности, чтобы получить право на трехлетнее проживание на территории РФ иностранный гражданин должен найти российских граждан, которые согласны предоставить адрес для подачи документов для оформления разрешения документов на временное проживание, предоставить все правоустанавливающие документы на этот адрес: свидетельство о регистрации, договор на приобретение этой недвижимости, либо ордер на квартиру, в зависимости от того какая квартира — приватизированная или нет. Также он должен предоставить регистрационные документы по «Форме 7» и «Форме 9». Затем, по получении разрешения на временное проживание, иностранный гражданин должен предоставить в ФМС либо нотариальное согласие владельцев жилья на предоставление жилой площади сроком на три года, либо согласие жильцов, удостоверенное в жилконторе по «Форме 4». Этот пакет документов передается в ФМС, где регистрируется, после чего, если все оформлено правильно, иностранному гражданину из безвизовых стран СНГ дают разрешение на временное проживание на территории РФ на трехлетний срок.

Привлеченные к исследованию эксперты-юристы солидаризовались во мнении, что без юридической поддержки и сопровождения получить разрешение на временное проживание для иностранного гражданина также сложно, как и оформить российское гражданство. Уже неоднократно цитированный нами директор юридической консультации говорил по этому поводу следующее: *«Самостоятельно подать документы на оформление разрешение на временное проживание можно, но возникает ряд проблем, причем независимо от того, что требуемый пакет документов по новому законодательству несколько уменьшился. У чиновников ФМС вне зависимости от требований административного регламента по приему иностранных граждан для оформления соответствующих документов в большинстве случаев возникают требования о предоставлении большего количества документов, либо возникают требования по заполнению анкет и заявлений... по иной форме, часто даже отличающейся от той формы, которая*

висит при входе в офисах ФМС. И, что самое интересное, эти требования меняются не то что каждый день, но бывает так, что сегодня ты приходишь, тебе инспектор перечеркивает всю анкету и говорит, что тебе еще нужно принести такие-то и такие-то документы. Завтра ты приносишь требуемые документы, ты приносишь анкету, где ты внес требуемые изменения, но тот же самый инспектор может сказать, что его не устраивают эти документы, они абсолютно не нужны, а нужны другие, а анкету нужно опять исправить. Причем он это сделает совершенно спокойно вне зависимости от того, что вчера говорил другое. Такая вот практика. Это очень коррупционная тематика» (34 года, юрист, СПб).

Как мы видим из этого нарратива, процедура оформления разрешения на временное проживание требует большого количества документов, список которых может произвольно меняться инспекторами ФМС, что вызвано их коррупционными интенциями. Возможно, поэтому проинтервьюированные нами мигранты не хотели распространяться том, что предпринимали в процессе оформления разрешений на временное проживание:

«Интервьюер: Вы сказали, что получали как-то разрешение на временное проживание?

Информант: Да, в 2007 году.

Интервьюер: А как это было?

Информант: Сложно... сложно. Я сам сначала пытался, но с бумажками этими не очень понял. Ну, один знакомый мне помог там... За деньги мне оформили» (45 лет, этнический армянин, строитель, СПб).

Несколько проще получить разрешение на временное проживание тем иностранным гражданам, которые имеют близких родственников среди граждан РФ (супруг/а, родители или дети), либо если они родились в РСФСР, или РФ (после 1992 года). На них распространяется упрощенная процедура, по которой требуется меньше документов, и быстрее предоставляется ответ из ФМС. Что касается граждан из бывших советских республик, не имеющих льготных оснований на получение разрешения на временное проживание, для них данная процедура связана с большими временными и финансовыми издержками. По словам привлеченных экспертов на каждый субъект Федерации предоставляется ограниченное количество возможных разрешений на временное проживание. Эта ежегодно выделяется квота ограничивает количество таких разрешений для иностранных граждан, не имеющих льготных оснований для его получения: «Если я не ошибаюсь, на 2008 год на Санкт-Петербург было выделено порядка 2,5 тысяч мест. Всего» (33 года, адвокат, СПб).

Таким образом, мы видим, что изменения миграционного законодательства, предпринятые для «повышения миграционной привлекательности России», имеют противоречивый и непоследовательный характер, что создает серьезные проблемы для мигрантов из СНГ, желающих легализовать свой статус.

Получение гражданства РФ

Многие хорошо интегрировавшиеся в российском обществе трудовые мигранты со временем принимают решение об эмиграции, для чего предпринимают действия по оформлению российского гражданства. Процедура получения российского гражданства для граждан из стран СНГ также бюрократически сложна, как и получение разрешения на временное проживание. Этот процесс занимает много времени, он требует серьезных юридических знаний, а также больших финансовых вложений: *«На настоящий момент (конец 2007 года) помощь в подаче документов на получение гражданства оценивается от 30 до 50 тысяч рублей» (34 года, юрист, СПб).*

Согласно информации полученной от экспертов-юристов, для получения российского паспорта мигранту из СНГ нужно представить большой пакет документов, написать множество заявлений и заполнить большое количество разнообразных анкет: *«Как и с разрешением на временное проживание, оформление гражданства — очень сильно забюрократизированная процедура. Человек без специальной подготовки просто будет футболиться от сотрудника к сотруднику, то за одной бумажкой, то за другой» (33 года, адвокат, СПб),* или: *«Российский закон “О гражданстве” такой же жесткий, как в западных странах. Он в принципе неплохой и предусматривает широко распространенную в других странах систему поэтапного получения гражданства. Если вы живете в стране определенное время, то затем можете ходатайствовать о получении гражданства. Этот подготовительный период занимает у нас пять лет, а это очень большой срок. Сейчас, правда, введен облегченный порядок для выходцев из СНГ. Но здесь опять возникают проблемы, о которых мы уже говорили. Если человек не зарегистрирован по месту жительства, то он не может подавать на гражданство. А с регистрацией у многих мигрантов по-прежнему большие проблемы» (52 года, эксперт правозащитной организации «Гражданский контроль»).*

Те из трудовых мигрантов, кто выбрал для себя эмиграцию, как правило, прибегают к услугам посредников, что часто стоит не дешево, но уменьшает временные и эмоциональные издержки при прохождении бюрократических барьеров. Один из наших информантов, недавно получивший российский

паспорт, подчеркивал необходимость юридического сопровождения для успешного прохождения процедуры натурализации: *«Я поднапрягся и около полугода назад оформил гражданство, хоть и стоило это мне денег и нервов. Сначала сам бегал по ОВИРа́м, в очередях стоял, бумаги бесконечные заполнял. Потом отец, чтобы я от учебы не отрывался, заплатил людям, которые решают эти вопросы... Через три месяца я получил паспорт» (24 года, этнический азербайджанец, предприниматель, СПб).*

Также как при получении разрешение на временное проживание, при оформлении гражданства существует возможности для упрощения процедуры. В законе предусмотрено множество лазеек для желающих натурализоваться быстро. Например, упрощенная процедура предусмотрена для тех, кто когда-либо жил, учился или служил в армии в нынешних границах России. Журналист газеты «Невское время» описывает некоторые действующие сегодня схемы «по упрощению» получения гражданства: *«Во многих воинских частях готовы за 1000 рублей предоставить справку, будто данный гражданин служил здесь в 1988 году. Не поедет же питерская паспортистка под Тулу проверять данный факт. Аналогично и с наличием проживающих в России близких родственников: оформление облегчающих натурализацию справок поставлено на поток».*¹⁷ В том, что этот «поток» реально существует, убеждает многочисленные высказывания наших информантов, которые говорили о желании получить российский паспорт: *«Ну, бог даст, если гражданство взять, то я думаю, нормально можно жить здесь» (37 лет, этнический узбек, строитель, СПб), или: «Жена тоже работу нашла, уговаривает меня насовсем остаться» (45 лет, этнический армянин, строитель, СПб).*

Материалы проведенного исследования позволяют говорить о том, что для многих трудовых мигрантов из стран Средней Азии и Кавказа оформление гражданства РФ становится популярной адаптационной стратегией, упрощающей их интеграцию в российское общество.. Однако процедура его получения по-прежнему остается весьма финансово- и время-затратной.

Выше были кратко описаны четыре основные бюрократические процедуры, в которые вовлечены трудовые мигранты, прибывающие в Россию. Анализируя изменения миграционного законодательства последних лет, мы продемонстрировали его плюсы и минусы из перспективы трудовых мигрантов. Если кратко резюмировать их оценки, можно сделать три предварительных заключения:

¹⁷ Терентьев Д. Аборигены рынка // Невское время. — 2007. 6 апр.

- изменения в миграционном законодательстве 2007 года упростили процедуру приобретения легального статуса трудовыми мигрантами из безвизовых стран СНГ;
- при этом упрощения затронули лишь часть бюрократических процедур, касающихся получения разрешения на работу, а также временной регистрации;
- процесс оформления разрешений на временное проживание, а также процедура получения российского гражданства по-прежнему остаются бюрократически запутанным, а значит взяточемкими, что вынуждает мигрантов обращаться за помощью к консультантам-посредникам.

Ниже мы рассмотрим примеры из практики работы ФМС, которые позволяют нам в глубже понять механизм милицейской бюрократии, выявить его латентные цели, а также причины существования в работе ФМС разнообразных бюрократических барьеров.

Практика работы ФМС и типичные бюрократические барьеры

Начиная описание бюрократических барьеров, преодолеваемых трудовыми мигрантами в ходе процедур по легализации своего статуса пребывания на территории РФ, необходимо описать наиболее типичные сложности, которые при этом у них возникают.

Наши эмпирические данные указывают на наличие четырех основных препятствий, с которыми сталкиваются этнические трудовые мигранты при взаимодействии с бюрократическими подразделениями российской милиции, в частности, с ФМС. В собранных в ходе проекта интервью с этническими гастарбайтерами из стран СНГ, упоминались четыре основных бюрократических барьера возникающих при оформлении документов у приехавших на заработки в Петербург граждан стран Средней Азии и Кавказа. Ниже мы коротко охарактеризуем каждый из этих бюрократических барьеров.

Очереди при оформлении документов

И мигранты, и независимые эксперты указывали на очереди, как обязательную характеристику, организации работы отделов ФМС: *«Остались старые проблемы... Точно также трудовым мигрантам нужно занимать с ночи очередь для подачи документов в отделы ФМС» (34 года, юрист, СПб)*. Более того, проблему очередей признают и на уровне руководства мигра-

ционного ведомства. В частности в 2006 году в интервью «Санкт-Петербургским ведомостям» полковник милиции Ю. Буряк, руководивший тогда УФМС по Петербургу и Ленинградской области, выразился следующим образом: «Если очередь есть, значит, она кому-то выгодна. Очередь — это проблема, и находятся предприимчивые люди, которые из нее пытаются извлечь коммерческую выгоду. Мы выяснили, что у территориальных отделов... регулярно появлялись личности, которые составляли фиктивную очередь, записывая в некий журнал по 50 фамилий. А потом начинали этой мифической очередью торговать, предлагая: «Хотите пройти впереди этих пятидесяти? Тогда платите». Мы все эти книги ликвидировали и приказали своим сотрудникам принимать граждан только в порядке живой очереди».¹⁸ Однако результаты нашего исследования позволяют утверждать, что проблема с «выгодными очередями» в ФМС по-прежнему не решена.

Дело в том, что на момент исследования (2006–2008 года) в Петербурге работало всего три отдела ФМС, которые выдавали разрешения на работу. По словам тех трудовых мигрантов, кто имел личный опыт в оформлении этого разрешения, очередь в отделы ФМС часто растягивается на квартал.¹⁹ Люди вынуждены прибегать к забытым с советских времен практикам «перекличек», когда выбранный очередью «ответственный» перечисляет фамилии стоящих в очереди граждан: *«Перекличка раз в два часа. Ответственный человек ходит со списком и вызывает. Нужно откликаться, когда тебя вызывают, иначе очередь потеряешь» (32 года, этнический таджик, водитель маршрутного такси, СПб).*

Наличие очередей является одним из самых очевидных и неприятных для трудовых мигрантов барьеров при взаимодействии с ФМС. Речь идет, прежде всего, о значительных тратах временного ресурса. Немаловажны и психологические издержки — люди чувствуют раздражение, беспомощность, зависимость, унижение: *«Стоять часами, особенно, когда зимой — холодно. Просто как собак на улице держат» (45 лет, этнический армянин,*

¹⁸ Цит. по: Елисеева М. Два фронта работы УФМС // Санкт-Петербургские ведомости. — 2006. 13 июля.

¹⁹ Свидетельства существования очередей мы также находим и в петербургских СМИ: «Чтобы встать на трудовой учет, у многочисленных мигрантов из бывших советских республик одна возможность: прийти на улицу Зодчего Росси и сутками стоять в очереди на узкой лестнице, пока дойдет твоя очередь подавать документы. Занимать место приходится с утра и выстаивались чудовищные очереди — нередко из офиса на улице Зодчего Росси через площадь Ломоносова на одноименную улицу, и дальше за Садовую, к каналу Грибоедова...» (См.: Воробьева С., Полетаев Е. Мигрируйте на здоровье // Невское время. — 2007. 23 марта).

строитель, СПб), или: «На улице 40 человек, идет дождь. А они запускают по пять человек. Я прошел внутрь — там вообще никого, стульчики стоят. Потому что все на улице. Такое вот отношение к людям» (19 лет, этнический грек, строитель, СПб).

Важно отметить, что многие наши информанты из этнических мигрантов осознают существующую ситуацию как выгодную сотрудникам служб и специально ими поддерживаемую: «Ему (инспектору ФМС) все равно, стоит очередь пять часов, или десять часов. Хотя я думаю, что на самом деле не все равно. Очередь должна стоять десять часов. Поддержание дефицита должно быть. Я думаю, что искусственно очередь растягивается, чтобы мы посредникам платили. Ну, а они, естественно, инспекторам отстегивали за ускорение» (38 лет, этническая узбечка, продавщица, СПб).

Сложность и запутанность документации

Вторым серьезным препятствием для этнических мигрантов при оформлении документов в структурах ФМС становится сама форма заполнения необходимых бумаг, обычно отличающаяся запутанностью, которая усугубляется отсутствием доступных для понимания инструкций по заполнению. В интервью часто встречаются рассказы, где люди, приехавшие в Россию на заработки, жалуются на непонимание принципа, который позволяет заполнить правильно необходимые документы: «Узнаешь, какие нужны будут бланки для заполнения. Тебе говорят, где их взять. Ты идешь туда и берешь, потом опять приходишь и заполняешь вместе с инспектором карандашиком, чтобы потом уже не было ошибки. И потом, когда ты все берешь документы, приходишь, тебе говорят, чего ты не собрал. В это время у тебя что-то просрочилось, и непонятно все опять. В итоге, ты десятый раз к ним приходишь и уже все приносишь. Очень долго получается» (25 лет, этническая азербайджанка, продавщица, СПб).

Трудовые мигранты из стран СНГ испытывают серьезные сложности, пытаясь разобраться в многочисленных анкетах и формах, которые необходимо заполнить для легализации своего пребывания в России. Для многих из них, особенно представляющих молодое постсоветское поколение, проблемы начинаются от банального незнания правил русского правописания.²⁰

²⁰ «В настоящее время у типичного мигранта нет даже среднего образования, и до начала социальных катаклизмов, связанных с распадом СССР, большинство

Эксперты, комментировали сложность и запутанность для этнических мигрантов документации требуемой ФМС следующим образом: *«Они должны обучиться непростым правилам, как правильно заполнять документы, потому что в ФМС никто ничего объяснять им не будет. А в случае какой-то ошибки документы просто возвращаются в связи с ошибочным заполнением. Точно также как и раньше, они должны нормально говорить на русском языке, чтобы понимать, что от них требуют и опять таки правильно заполнять документы» (34 года, юрист, СПб).*

Наши информанты из этнических меньшинств жаловались в интервью, что сотрудники ФМС не хотят оказывать им помощь при оформлении документов: *«Я прибывал сам заполнить нужные бумаги, но меня просто послали: “По-русски научись писать, потом приходи”. Нет никого, кто бы спокойно объяснил, где неправильно» (20 лет, этнический таджик, электрик, СПб).*

Собранные нами данные говорят о том, что далеко не все гастарбайтеры, приезжающие на заработки в Россию, способны разобраться в документах, требуемых для оформления ФМС. Многие из подобных документов имеют сложную для понимания форму. Кроме того, нередки случаи, когда милицйские бюрократы произвольно изменяют правила их заполнения, что создает для многих гастарбайтеров труднопреодолимые барьеры на пути оформления легального статуса пребывания на территории РФ.²¹

Недостаточность информации, сложности с ее получением и волокита

Собственно, плохое, недостаточное информирование иностранных граждан о порядке и правилах прохождения административных процедур представляет один из наиболее проблемных бюрократических барьеров. Многие этнические мигранты в интервью говорили, что дефицит информации о законодательных нормах и процессуальных правилах, регулиру-

из них успели закончить только начальную школу. Это люди без профессии и зачастую без знания русского языка», — рассказала журналистам директор по науке Центра миграционных исследований Ж. Зайончковская (См.: Фрумкин К., Лоссан А. Привал странников // Компания. Деловой еженедельник. — 2008. 2 июня).

²¹ Как замечают в этой связи Перепелкин и Стельмах: «Неудивительно, что «услуга» по ускорению легального процесса оформления необходимых разрешений на работу в России на черном рынке стоит примерно 100 долларов». (См.: Перепелкин Л. С., Стельмах В. Г. Нелегитимная иммиграция и неофициальная занятость в Российской Федерации: зло, благо или неизбежность? // Демоскоп-Weekly. — 2007. 19 марта).

ющих правила получения временной регистрации, или же разрешения на работу создают для них серьезные проблемы: *«Когда приходишь, никто тебе ничего не скажет. Ты стараешься на месте разобраться, хватаешь кого-то в коридоре и начинаешь дергать. Тебе в грубой форме говорят, чтобы обращался через окошко, а там стоит эта очередь... И на стендах ничего не понятно...» (20 лет, этнический таджик, электрик, СПб).* С похожей проблемой сталкивались трудовые мигранты при оформлении разрешения на временное проживание: *«Я сама так и не смогла оформить разрешение на временное проживание. Я русский хорошо знаю, высшее образование у меня. Но недостаточно было информации, потому, что человек, который принимал — «Гав-гав, гав-гав!» Она вообще слушать не хотела меня» (38 лет, этническая узбечка, продавщица, СПб).*

По мнению некоторых информантов, эта ситуация не случайна, она выгодна работникам бюрократических служб, поскольку используется ими, с одной стороны, как способ упрощения собственной работы, а с другой стороны, как метод получения дополнительных коррупционных доходов. Для недобросовестных сотрудников ФМС это один из самых простых способов управлять поведением посетителей, создавая ситуацию, когда те предложат подарок или взятку: *«Унижаешься, то в один кабинет, то в другой кабинет. Там толпой стоят, на нервах все. <...> Потом понимаешь, что проще най-ти кого-то, кто занесет деньги куда нужно. Понимаешь, что все так специально устроено» (25 лет, этническая азербайджанка, продавщица, СПб).*

Негативное отношение сотрудников ФМС к иноэтничным посетителям

Крайне важным аспектом взаимодействия этнических мигрантов и бюрократических структур МВД является негативное отношение, проявляемое в поведении некоторых сотрудников учреждений ФМС по отношению к «этническим просителям». Собранные в ходе исследования эмпирические данные говорят о том, что хамство и грубость стали «общим местом», а иногда даже «фирменным стилем» в работе сотрудников ФМС: *«Я прохожу с документами к окошку. Жду. На меня ноль внимания. Меня нет. Она чай с товарками пошла пить. Я терпеливо так молча жду. Потом вернулась, и как рывкнет: “Чего это вы мне тут за херню суете? Где у вас штамп о пересечении границы?” Я опешила даже от такого обращения.» (38 лет, этническая узбечка, продавщица, СПб), или: «Когда заходишь к ним, они смотрят таким взглядом, как будто готовы всех съесть-разо-*

рвать, и потом еще грубят, мол, вот, вы уже приходили, мы вам объясняли, а вы не понимаете» (45 лет, этнический армянин, строитель, СПб).

Особенно большие трудности при получении документов в ФМС возникают у молодых мигрантов из стран Средней Азии или Кавказских республик, которые выросли после распада СССР и плохо владеют русским языком. По словам одного из наших экспертов: *«Молодые ребята просто не могут правильно заполнить необходимые документы. Как правило, никакой помощи в этом от сотрудников ФМС они не получают, на них просто орут и посылают куда подальше» (33 года, адвокат, СПб).*

Свидетельства дискриминации по этническому признаку в работе ФМС мы также находим в статьях некоторых социальных исследователей. Например, О. Белохвостова рассматривая производство и потребление символов «инакости» в России, писала, что: «Дискриминация идет не по принципу: гражданин — не гражданин, а по понятному только принимающему решению критерию «наш» — «не наш». Это приводит к формированию группы так называемых «кавказцев» — граждан РФ, находящихся за рамками закона. Некоторым иностранцам «славянской внешности» получить заветную регистрацию может оказаться гораздо проще» (Белохвостова, 2007: 162).

Возможно, что возникновение барьеров, которые приходится преодолевать этническому мигранту при взаимодействии с ФМС МВД, вызвано ситуацией неравноправия или неравенства статусов в ситуации обращения в эти службы. Все формальные правила и законы, должностные инструкции, регулирующие взаимоотношения работников этих служб и граждан, обращающихся к ним, исходят из полного равенства прав этих субъектов. Но, как видно из приведенных примеров, реальный социальный порядок в учреждениях ФМС ставит участников этого взаимодействия в заведомо неравные позиции. Милицейский бюрократ из ФМС, вне зависимости от его должности и компетенции, оказывается в положении господства, а иностранный гражданин в ситуации зависимости и подчинения. При этом происходит характерное для бюрократических структур отделение функции господства-подчинения от других ролей. Посетитель не виноват ни в чем перед данным сотрудником, но их взаимодействие разыгрываются так, как если бы эта персональная вина имела место.

Анализируя собранные в ходе исследования эмпирические данные, мы можем говорить о том, что описанные выше бюрократические барьеры, которые встают перед этническими трудовыми мигрантами при легализации ими своего статуса, вызваны двумя основными причинами.

Во-первых, несмотря на упрощение миграционного законодательства в 2007 году, практика оформления документов для легального пребывания в России трудовых мигрантов из стран СНГ по-прежнему имеет множество процессуальных недоработок, провоцирующих коррупционные интенции у сотрудников правоохранительных органов. Во-вторых, сложившиеся в отечественных бюрократических структурах традиции асимметрии властных отношений, провоцирует сотрудников ФМС на коррупционные ожидания в отношении «этнических просителей». Как это выразил один из экспертов: *«Сотрудники ФМС, либо милиции творчески относятся к законодательству, а значит, могут усмотреть нарушение даже не в самих документах, а в процедуре оформления документов. Иначе говоря, они всегда придумают, что у гастарбайтера с документами не так, то есть найдут, за что он должен им деньги» (34 года, юрист, СПб).*

Ограничения на право торговли и квоты на привлечение иностранной силы

Описав основные бюрократические процедуры, в которые вовлекаются этнические мигранты из безвизовых стран СНГ в ходе оформления документов для пребывания на территории РФ, мы хотели бы отдельно остановиться на двух законодательных нормах, которые, на наш взгляд, ограничивают достижения российских властей в политике либерализации миграционного законодательства.

Дело в том, что упрощения в миграционном законодательстве, введенные посредством 109 и 110 Федеральных законов,²² подверглось последующей коррекции, значительно сократившей его позитивный эффект. В частности, в начале 2007 года были приняты «изменения к изменениям» закона об иностранцах, которые восстановили квоты на выдачу разрешений на работу.²³ «В некотором смысле, — считает председатель правозащитной организации «Гражданское содействие» С. Ганнушкина, — эти измене-

²² Федеральный закон № 109 «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ» от 18 июля 2006 и Федеральный закон № 110 «О внесении дополнений и изменений в Федеральный Закон «О правовом положении иностранных граждан в РФ»» от 18 июля 2006.

²³ Постановление Правительства Российской Федерации № 682 «Об утверждении на 2007 г. квоты на выдачу разрешений на работу иностранным гражданам, прибывшим в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы» от 15 ноября 2006 года.

ния по квотам перечеркнули достижения своего закона-предшественника и даже ухудшили исходный Закон «О правовом положении иностранных граждан» 2002 года».²⁴ Также в противоречие с курсом на либерализацию миграционного законодательства вступает постановление Правительства РФ № 683, которое запретило иностранным гражданам осуществлять розничную торговлю алкогольными напитками, включая пиво, и фармацевтическими товарами.²⁵ Рассмотрим социально-правовые последствия этих двух законодательных актов более подробно.

Социальные следствия введения ограничений на право торговли

После массовых «антикавказских» погромов, произошедших в городе Кондопога 30–31 августа 2006 года российское медиа-пространство захлестнула очередная волна ксенофобской пропаганды (см. подробнее в: Язык вражды... 2007). Тема регулирования миграционной политики особенно обострилась в преддверии парламентских (2007) и президентских выборов (2008) выборов, что потребовало от политических властей демонстрации каких-то эффективных шагов по упорядочиванию миграции. Похоже, что принятие закона, ограничивающего право гастарбайтеров из СНГ на розничную торговлю, было попыткой показать ксенофобски настроенным россиянам, что государство борется с «беспределом» приезжих торговцев. В частности, выступая на заседании Совета по реализации приоритетных проектов и демографической политике, 5 октября 2006 года В. В. Путин сказал: «Важно, чтобы у нас было достаточно продуктов собственного производства <...> Посредники действуют под стать настоящим рэкетирам, по сути, принуждая селян сдавать свою продукцию за бесценок. То, что порой происходит на торговых рынках, и вовсе можно назвать одним словом: беспредел. <...> Главными на рынках являются полукриминальные группировки. Все это вызывает справедливое негодование граждан».²⁶ А через месяц с неболь-

²⁴ Ганнушкина С. Хотели, как лучше... Новации в положении иностранных граждан в Российской Федерации/ Лекция на Полит.ру. — 2007. 8 апр. См.: <http://www.polit.ru/author/2007/01/23/migranty.html>.

²⁵ Постановление Правительства РФ № 683 «Об установлении на 2007 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в сфере розничной торговли на территории Российской Федерации» от 15 ноября 2006 года.

²⁶ Вступительное слово Владимира Путина на заседании Совета по реализации приоритетных проектов и демографической политике. — 2006. 5 окт.

шим было принято постановление правительства, которое определило «допустимую долю иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими на территории Российской Федерации деятельность в сфере розничной торговли».²⁷ Согласно этому постановлению, на первом этапе, с 15 января по 1 апреля 2007 года, количество иностранных граждан на рынках и предприятиях розничной торговли должно быть сокращено до 40% от общей численности работников, а с 1 апреля 2007 года там вообще не должно остаться ни одного работающего иностранца.²⁸ Заявленные цели нововведений - навести порядок на рынках, защитить российских товаропроизводителей от наплыва демпингующих нелегалов.

Собранные нами свидетельства этнических трудовых мигрантов, работающих на рынках Петербурга, дают основание говорить, что эта законодательная инициатива повлекла за собой целую серию различного рода «профилактических мероприятий», реализуемых силами милиции совместно сотрудниками ФМС, которые трудно охарактеризовать иначе, как дискриминацию по этническому признаку.

Приведем только две цитаты из интервью с информантами, связанными с рыночной торговлей. Первая принадлежит арендатору нескольких торговых рядов: *«Одни проблемы с этим законом о рынках. За месяц двенадцать проверок, после каждой восемь–десять человек выкидывают. За что? Всегда найдут за что. То санитарная книжка старого образца, то регистрация не нравится, то морда» (24 лет, этнический азербайджанец,*

См.: http://www.kremlin.ru/appears/2006/10/05/1910_type63374type63378type82634_112066.shtml.

²⁷ Постановление Правительства Российской Федерации № 682 «Об утверждении на 2007 г. квоты на выдачу разрешений на работу иностранным гражданам, прибывшим в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы» от 15 ноября 2006 года.

²⁸ Чиновники федеральных и региональных уровней с энтузиазмом принялись воплощать новую государственную инициативу. Например, вице-премьер правительства Карелии В. Собинский, который возглавил республиканскую рабочую группу по изучению положения дел и проведению проверок на рынках, так формулировал цели и задачи своей работы: «В новом году все рынки заработают по новым правилам — или не будут работать вовсе. Эту задачу, поставленную президентом, мы выполним, не оглядываясь ни на чьи амбиции. Если на рынке не присутствует государство, государственный порядок, то его подчиняют своим законам разные кланы и группировки. Сегодня мы имеем и силу, и волю, чтобы показать: государство на рынке есть! И шутить с этим никому не советую» — В.Собинский (Цит. по: Измайлова Ю. Лебедь, рак и щука в овощных рядах // Курьер Карелии (Петрозаводск). — 2006. — 29 дек.).

СПб). Вторая — продащице зелени, которая рассказала о методах по достижению «допустимой доли иностранных работников» в сфере розничной торговли: «*Был у нас рейд несколько месяцев назад. На рынок они зашли с разных входов, чтобы никто не убежал, наверное. Были без формы много, ну, и милиционеры в форме. Наши, кто без регистрации, без разрешения на работу, попрятались под прилавки, кто в кафе. Ну, поймали, конечно, всех. Погрузили в автобус, в милицию повезли. Там всем выписали предупреждение, что в следующий раз оштрафуют, а потом вышлют*» (42 года, этническая азербайджанка, СПб).

Данные анализа прессы указывают, что милицейские «зачистки» рынков от нелегальных мигрантов особенно участились весной 2007 года, когда согласно Постановлению Правительства № 683 на рынках российских городов не должно было остаться не одного продавца-иностранца. Пресса живо следила за практикой изменения законодательства — апрельские публикации 2007 года полны материалов о «нововведениях в миграционной политике». Например, журналист газеты «Время новостей» отмечал, что: «Обещание главы Федеральной миграционной службы К. Ромодановского проверить едва ли не каждую торговую точку на рынках страны на наличие гастарбайтеров-нелегалов, похоже, начинает претворяться в жизнь. Во всяком случае, в Москве уже скоро не останется ни одного рынка, на который после 1 апреля не нагрянули бы представители ФМС».²⁹ Корреспондентка петербургского журнала «Город» дает подробное описание практики «зачистки» рынков от этнических продавцов: «На неделе миграционная служба совместно с сотрудниками милиции устроила рейд по рынкам в Невском районе. Всех обнаруженных работников-неграждан забрали в милицию — набралось почти два автобуса азербайджанцев и узбеков. Но в изолятор отправлять никого не стали, так как работодатели — арендаторы торговых мест сразу же привезли в милицию нужный комплект документов: разрешение на въезд, разрешение на работу».³⁰ Другой пример практики введения нового законодательства на рынках мы находим в репортаже журналистки «Вечернего Петербурга»: «Наблюдала сцену: вместе со мной на рынок зашел молодой человек с казенной папкой. Потом узнала, что сотрудник

²⁹ Мельников К. Грузная дюжина // Время новостей. — 2007. 6 апр.

³⁰ Астафьева Н. Отмстить неразумным базарцам // Город (журнал). — 2007. 9 апр.

ФМС. Как только он вошел, продавцы из рыбного, едва завидев папку, брызнули от весов в сторону и стали изображать уборщиков...»³¹

Можно обобщить представленные выше примеры осуществления Постановления Правительства № 683, напрашивающимся выводом о том, что данная мера по регулированию миграционной политики противоречит курсу на либерализацию миграционного законодательства, заложенному 109 и 110 Федеральными законами, более того ограничение для иностранных граждан на право торговли имеет очевидные негативные следствия для широких слоев российского населения. В частности, эксперт российского бюро Международной организации по миграции в России Г. Витьковская считает, что: «Последствия нововведений в области ограничения прав на рыночную торговлю для иностранных граждан будут негативны: повышение цен на товар, отток мигрантов из страны». ³² О спровоцированном ограничением на право торговли росте цен пишут журналисты, ³³ на него указывают данные массовых опросов. ³⁴ В некоторых «аналитических материалах» СМИ появились предположения, что инициатива удаления мигрантов с рынков выгодна крупным торговым сетям. Например, «Московские новости», приводят оценку заместителя директора Центра трудовых исследований ГУВШЭ. Капельюшников: «От ограничения на право розничной торговли выигрывают большие сетевые магазины. Их конкурент в виде неорганизованной рыночной торговли резко съезится. Сильнее всего от этого пострадают бедные слои населения, которые будут вынуждены покупать продукты в больших торговых сетях по ценам на 20–25% выше». ³⁵

³¹ Дело в том, что ограничительные квоты касаются только профессии продавца, но не распространяются на профессии грузчиков или уборщиков. Поэтому многие из этнических гастарбайтеров, занятых в рыночной торговле мимикрировали в «грузчиков», или «уборщиц» (См.: Бабкина А. Под ноль // Вечерний Петербург. — 2007. 2 апр.).

³² См.: Ермак С. Коваленко А. Мигранты без базара // Эксперт. Урал. — 2007. 29 янв.

³³ «В результате предпринятых мер на очищенных от этнических мигрантов патристических рынках цены взлетели, качество торговли упало, а количество покупателей резко покатилося вниз» (Жуховицкий Л. Свои и чужие // Наша газета (Кемерово). — 2006. 8 сент.).

³⁴ Согласно результатам опроса, проведенного сотрудниками Левада-центра в январе 2007 года, большинство россиян (59%) считают, что «меры по ограничению на торговлю иностранцев на российских рынках приведут к росту цен» (Левинсон, 2007).

³⁵ См.: Бутузова Л. Жертв и разрушений нет? «Дружба народов» обходила базару дешевле, чем зачистка торговых рядов // Московские новости. — 2006.

Все эти социальные следствия непродуманной миграционной политики, создают дополнительные стимулы для роста социальной напряженности, с одной стороны понуждая широкие массы мигрантов-торговцев к выезду из России, или переходу на нелегальный статус, а с другой — усиливая монопольное влияние крупных торговых сетей, и как следствие, приводя к росту цен на продукты и недовольству населения, которое вопреки ожиданиям реформаторов не бросилось занимать рабочие места у рыночных прилавков.³⁶

Социальные следствия введения квот на привлечения иностранной рабочей силы

Другим крупным нововведением миграционного законодательства 2007 года стало распространение системы квот на работников, прибывающих в страну по безвизовому режиму. В 2003–2006 годах квотировались только работники, приезжающие по визе. В соответствии с новым законодательством правительство также определяет квоты по конкретным отраслям, регионам и странам происхождения трудовых мигрантов.³⁷

Квоты стали мощным, но, как показывают материалы нашего исследования, не всегда эффективным механизмом по регулированию трудовой миграции. Один из экспертов, непосредственно занимающийся проблемами легализации в Петербурге приезжих из стран СНГ выразился весьма лаконично: *«Квотирование, произведенное в 2008 году, превратило большинство трудовых мигрантов в нелегалов» (34 года, юрист, СПб).*

Дело в том, что на первый (2007) год действия нового законодательства правительством была определена щедрая квота в 6 млн разрешений на работу для лиц, прибывающих по безвизовому режиму. На 2008 год право определения квот было передано регионам, общая потребность по России

24 нояб.

³⁶ Еще до введения квот и ограничений эксперты подсчитали, что 800 тысяч россиян готовы заняться рыночной торговлей, как только исчезнет конкуренция со стороны иммигрантов. Квоты ввели — и тут же в рыночной торговле во многих регионах рынки наполовину опустели. Конкуренция исчезла, но готовых приступить к делу и занять пустующие рабочие места россиян пока не видно (См.: Бабакина А. Под ноль // Вечерний Петербург. — 2007. 2 апр.).

³⁷ Постановление Правительства Российской Федерации № 682 «Об утверждении на 2007 г. квоты на выдачу разрешений на работу иностранным гражданам, прибывшим в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы» от 15 ноября 2006 года.

устанавливается как сумма заявок субъектов федерации. При таком порядке общая федеральная квота на 2008 год сократилась более чем втрое — до примерно 1,8 млн человек, в том числе 1,1 млн — для работников, прибывающих по безвизовому режиму (с 30% резервом).³⁸ Во многих регионах, включая Москву, эти объемы были выбраны уже в течение первых нескольких месяцев.³⁹ В итоге было утверждено увеличение квоты на 2008 год в объеме 3,38 млн человек, в том числе 2,24 млн — для трудовых мигрантов, въезжающих по безвизовому режиму.⁴⁰ «Результатом статистических игр а квоты, — отмечает эксперт некоммерческого фонда «Наследие Евразии», — стала ситуация, когда в пик сезона тысячи и тысячи приезжих, которых ждали рабочие места (вакантные, не занятые российскими гражданами), были вынуждены работать незаконно (при этом легально находясь на территории страны), а работодатели — идти на незаконный наем, платя «отступные» (большие, но все-таки меньше возможного штрафа). В выигрыше оказался только поднявший голову сектор теневых услуг».⁴¹

То есть, проблема получения трудовыми мигрантами разрешений на работу на территории РФ в 2008 году была связана с резким ограничением количества этих разрешений, вызванных сокращением квоты в три раза. По словам директора петербургской юридической консультации, которая в том числе занимается и вопросами легализации статуса иностранных граждан, количество разрешений на работу, а также список специальностей, которые востребованы для занятия иностранными гражданами, для каждого региона утверждается специальным распоряжением Министерства здравоохранения и социального развития. Такая квота должна регулировать распределение иностранных трудовых ресурсов по профессиональным группам, но на практике она создает серьезные проблемы, как для компаний, нанимающих иностранных граждан, так и для самих трудовых

³⁸ Постановление Правительства РФ № 982 «Об утверждении на 2008 год квоты на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу» от 29 декабря 2007 года.

³⁹ Уже 16 мая 2008 года ФМС предупреждала о скором исчерпании квот в 9 регионах, в Москве вся квота к этому времени была уже выбрана.

⁴⁰ Постановление Правительства Российской Федерации № 737 «О внесении изменений в некоторые постановления Правительства Российской Федерации по вопросам определения потребности в привлечении иностранных работников и утверждения квот на осуществление иностранными гражданами трудовой деятельности в Российской Федерации» от 3 октября 2008 года.

⁴¹ Выхованец О. Притяжение и отталкивание: как разрешить противоречия в миграционной политике // Независимая газета. — 2008. 28 окт.

мигрантов: «Совсем недавно у нас возникли достаточно серьезные проблемы с оформлением разрешения на работу. Не могу сейчас точно сказать, но примерно на Санкт-Петербург в 2008 году было выдано 300 тысяч разрешений на работу. Это так называемая квота. В Ленобласти квота закончилась примерно в июле 2008-го, то есть банально кончились допустимые законно разрешения на работу. В Петербурге квота была исчерпана к августу 2008-го. И только 3 октября президент подписал представленный ему Минздравсоцразвитием указ о выделении дополнительных мест, то есть на увеличение квоты. То есть с августа по октябрь ФМС официально не выдавала разрешений на работу. Квоты кончились, но гастарбайтеры все равно получали разрешения на работу, так сказать на неформальной основе, за деньги <...> Конечно, это негативно воспринимается и работодателями, и приехавшими на работу иностранными гражданами».

По мнению эксперта, механизм квотирования разрешений на работу, с одной стороны — просто плохо отрегулированный законодательный инструмент («Мне, честно говоря, не очень ясно как они в министерстве рассчитывают эту квоту, но случай 2008-го года показывает, что рассчитывают плохо»), а, с другой стороны, квотирование используется милицейской бюрократией как инструмент извлечения коррупционных доходов. По мнению председателя исполкома Форума переселенческих организаций Л. Графовой, ограничения в использовании труда иностранцев в той или иной мере способствует незаконной трудовой миграции: «С одной стороны с января 2007 года для иностранных работников, въехавших на территорию Российской Федерации в порядке, не требующем получения визы, введен упрощенный порядок легализации и трудоустройства, с другой — установлены квоты. Таким образом, далеко не все прибывшие в безвизовом порядке трудовые мигранты могут легально получить работу и попадают в теневой сектор экономики».⁴²

Проблемы, связанные с ограничением квот затронули не только гастарбайтеров, серьезные сложности возникли и у нанимателей иностранной рабочей силы: *«Расскажу буквально вчерашний случай. Это нарушение со стороны компании в чистом виде. То есть человеку было выдано разрешение на работу по должности “подсобный рабочий”, а компания оформила его в трудовом договоре как “грузчика”. С человеческой точки зрения, это примерно одинаковые специальности. Но в официальном списке рабочих специальностей, который*

⁴² См. в: Литвинова Н. (2008). Миграция: ждем перемен // Кадровое дело, № 11.

перечисляет все возможные специальности, начиная от гениального директора, кончая грузчиком, или подсобным рабочим, вот в официальном списке “грузчик” и “подсобный рабочий” обозначены разными кодами, значит, являются разными специальностями. Не имела право компания оформлять подсобного рабочего по договору как “грузчика”. Не зависимо от того, что у них в штатном расписании есть только грузчики и нету подсобных рабочих, они были обязаны изменить штатное расписание, чтобы оно соответствовало специальности, которое прописано в разрешении на работу принятого ими в штат иностранного гражданина» (34 года, юрист, СПб).

Таким образом, можно говорить, что избыточно ограничительная политика при выдачи разрешений на работу иностранным гражданам приводит к исчерпанию квот задолго до окончания года, что осложняет планирование и для работодателей, и для мигрантов, делая последних более уязвимыми из-за невозможности получить документы для легальной работы.

Как видно из представленного описания социально-правовых следствий введения квотирования на привлечение иностранной рабочей силы, а также ограничения на право розничной торговли для граждан СНГ приводит к ситуациям, когда масса трудовых мигрантов снова вынужденно оказывается в положении нелегалов. Для того, чтобы понять почему это происходит, необходимо разобраться в том, кому это выгодно.

Кому выгодны нелегальные мигранты?

Информанты и эксперты, принявшие участие в исследовании, солидарно считают, что запутанность и противоречивость правового регулирования порядка миграции в РФ делают понимание и выполнение соответствующих правил крайне затруднительным для этнических мигрантов и, по сути, стимулируют их нелегальное или полунелегальное пребывание на территории России. По данным на февраль 2009 года, озвученных заместителем директора Федеральной миграционной службы РФ А. Кузнецовым, в России находится около 4 млн нелегальных мигрантов,⁴³ но некоторые эксперты считают, что число «нелегалов» может быть значительно больше.⁴⁴

⁴³ ФМС: В РФ около 4 млн гастарбайтеров-нелегалов, трудящихся у физлиц // электронное издание Газета.СПб. — 2009.17 февр. См. в: <http://www.gazeta.spb.ru/122834-0/>.

⁴⁴ Например, летом 2008 года член Комитета Государственной Думы по безопасности В. Бобырев называл цифры от 7 до 12 млн трудовых мигрантов, нахо-

Собранные нами в ходе исследования свидетельства представителей этнических меньшинств, дополненные экспертными оценками и качественным контент-анализом материалов СМИ, позволяет нам выделить три социально-профессиональных группы, которые выиграли от правительственных инициатив по регулированию миграционных потоков, выраженных в ограничениях на право торговли и политике квот. Постараемся кратко описать каждую из этих групп, раскрыв, получаемые ими преференции.

1. Посредники, связанные с ФМС

Можно с большой долей уверенности говорить, что ограничения и недоработки миграционного законодательства выгодны прежде всего профессиональной группе сотрудников МВД, которые призваны воплощать государственную миграционную политику, то есть служащим Федеральной миграционной службы.

В интервью трудовые мигранты из СНГ говорили о том, что, несмотря на упрощение правил по легализации, им все равно им приходится сталкиваться с определенными трудностями при получении разрешений на работу, или при регистрации. Бюрократические барьеры из очередей и запутанной документации толкают многих мигрантов к обращению в посреднические фирмы, которые в изобилии расплодились вокруг ФМС, и часто работают с ней в связке. Схема такой работы примерно описана в интервью с полковником ОБЭП: *«Гастарбайтер приезжает, пытается оформиться официально, тыкается туда-сюда, везде очереди, везде бардак, потому что квоты урезали, или бланков не завезли, или еще какая-то мутовень вроде этого... Тут он соображает, или земляки советуют, что надо платить за ускорение. Он обращается к посредникам, там работают люди с прямыми выходами на УФМС, поэтому ему по-быстрому все оформляют» (52 года, полковник, СПб).*

Многие из привлеченных к исследованию экспертов прямо указывали на заинтересованность ФМС в росте числа нелегальных мигрантов. С одной стороны, этот рост позволяет руководству ФМС выбивать у Правительства дополнительное финансирование и расширение штата, а, с другой стороны, большое количество нелегалов создает для сотрудников ФМС коррупционную нишу, где «услуги по легализации» статуса оказываются на платной основе.

В частности, один из экспертов — директор юридической консультации много раз лично сталкивался с действиями посредников из ФМС, которые

дящихся в России нелегально (См.: Фрумкин К., Лоссан А. Привал странников // Компания. Деловой еженедельник. — 2008. 2 июня).

пользовались ситуацией с ограничением квот, усугубленной описанными выше бюрократическими барьерами в их службе. Приведем обширную цитату из интервью, которая достаточно полно описывает причины заинтересованности сотрудников ФМС в увеличении числа нелегальных мигрантов: «Сегодня можно увидеть большое количество рекламы с предложениями помощи в оформлении регистрации и разрешений на работу. Эту рекламу дают большое количество компаний, которые располагаются вокруг городских вокзалов и занимаются, в большинстве своем, оформлением фальшивых документов. Они работают на потоке и, в основном, с гражданами из Средней Азии и Кавказа. Они работают с крупными компаниями, начиная со строительных фирм, заканчивая жилищно-коммунальными службами. Они абсолютно не отслеживают текучку, то есть, каким образом приезжают, или уезжают эти граждане. Они не смотрят как — правильно-неправильно оформлена регистрация. Просто берут деньги и выдают... скажем так не всегда легальные документы. Эти фирмы-посредники непосредственно связаны с правоохранительными структурами, с ФМС, в первую очередь, а также с законодательными структурами и даже с судебными. Причем как в Петербурге, так и в Москве. Я знаю это точно, потому что в свое время пытался законными методами бороться с подобными компаниями. Были даже публикации в прессе, были составлены официальные запросы, как в Прокуратуру, как и в Законодательное собрание Петербурга и Государственную Думу РФ. Были направлены заявления от большого количества граждан в различные правоохранительные структуры, начиная с местного УБОПа, заканчивая ФСБ РФ. Реально эти действия ни к чему не привели постольку поскольку ежедневный оборот данных компаний исчисляется... может исчисляться десятками тысяч долларов. И если можно так сказать «крышей» этих компаний является само государство. То есть те лица, которые должны осуществлять над этой деятельностью контроль и надзор, те самые лица, к которым были направлены заявления» (34 года, юрист, СПб).

Комментируя политику квот на разрешения на работу, эксперт общероссийской организации малого и среднего предпринимательства «ОПОРА России» В. Максимов, сказал: «Уже сейчас вовсю работает рынок «черных» документов. И это понятно: когда в не самом законопослушном государстве вводится очередная ограничительная мера, то еще пышнее расцветает коррупция».⁴⁵ Ту же тенденцию отметил директор Института

⁴⁵ Мошкин М. Ждите отказа. Россия вдвое урезает квоты на гастарбайтеров // Время новостей. — 2007. 19 дек.

демографии РАН А. Вишневский: «Если квоты будут дефицитными, то, безусловно, повысится и «взяткоемкость» чиновников — как ведающих распределением вакансий для иностранцев, так и контролирующих миграционный процесс».⁴⁶

Свидетельства справедливости высказанных экспертами оценок коррупционной составляющей в работе ФМС мы находим в некоторых публикациях СМИ. Например, Д. Терентьев из «Невского времени», комментируя введение ограничений на право торговли для иностранных граждан, пишет, что следствием подобных нововведений в миграционной политике станет рост доходов фирм-посредников, которые занимаются оформлением документов на получение гражданства: «В Питере этот рынок поделили два десятка вполне легальных контор, через которые ежегодно проходит 10–12 млн долларов»,⁴⁷ — пишет журналист. При этом руководители ФМС постоянно убеждают общественность в своей непримиримой борьбе с фирмами-посредниками: «Мы объявили войну фирмам-посредникам и ведем работу по дискредитации их деятельности, заниматься которой они не имеют никакого права, потому что здесь полная монополия у государства. И мы, государственная служба, посредников в этом деле не потерпим»⁴⁸. Заявлял директор петербургского ФМС полковник милиции Ю. Буряк в 2006 году.

В 2008 году отвечая на вопрос журналистов журнала «Профиль», почему российские города оклеены объявлениями, предоставляющими нелегальные услуги по устройству на работу иностранцев, выдаче миграционных карт, директор ФМС РФ К. Ромодановский признал, что «пока мы не смогли создать условия, когда можно было бы свободно и без очередей получить как разрешение на работу, так и загранпаспорт. Во многом это инерция прошлых лет, когда процедуры были еще сложными для выполнения. Пока не хватает площадей, но мы стараемся, чтобы не было лиц, спекулирующих на незнании людей, вынужденных жить не по закону, а по понятиям мафии».⁴⁹

Собранные нами эмпирические данные демонстрируют, что «жить не по закону, а по понятиям мафии» стремятся не гастарбайтеры, и далеко не

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Терентьев Д. Аборигены рынка // Невское время. — 2007. 6 апр.

⁴⁸ Цит. по: Елисеева М. Два фронта работы УФМС // Санкт-Петербургские ведомости. — 2006. 13 июля.

⁴⁹ Емельяненко В. Константин Ромодановский: «Иностранцы строят пол-России, а мы гордимся ее преображением» // Профиль (журнал). — 2008. 4 февр.

все нанимающие их российские компании, а, прежде всего, нечистые на руку сотрудники Федеральной миграционной службы:

«Интервьюер: Проверки документов у этнических меньшинств — это борьба с нелегальными мигрантами?

Информант: Нее... не слишком борьба. Может быть какая-то маленькая часть и борется, потому что сейчас очень много делают фальшивых регистраций... я сам слышал, я сам видел и по телевизору показывали... Как бы все равно они же должны не нас ловить, а... ловить тех, кто делает эти регистрации фальшивые. Ловить, закрывать эти ихние конторы, которые понаотрылись везде, где попало. Но они ловят нас. Они с нас выбивают себе деньги!» (20 лет, этнический узбек, продавец, СПб).

«Вынужденными донорами» ФМС являются не только гастарбайтеры. Изменения в законодательстве накладывают огромные штрафы на компании, привлекающие к работе нелегальных мигрантов. В 2006 году за наем нелегальных мигрантов работодатели заплатили штрафов на сумму в 5,5 млрд рублей, в 2007 — 4,5 млрд рублей.⁵⁰

Один из наших информантов — директор юридической консультации, рассказывал о практике штрафования работодателей: «Участились случаи обращений именно не самих трудовых мигрантов, а нанимающих их организаций. Они консультируются по вопросам о том, как правильно оформить прием на работу для иностранных граждан, в течение каких сроков, какие формы заявлений и так далее. Для компаний-работодателей изменение в законодательстве обернулось увеличением сумм штрафов. Штрафы до 800 тысяч рублей. Это достаточно большая статья дохода в бюджет. Штрафы варьируются в зависимости от нарушений, от степени их тяжести. Однако, крупные компании изыскивают возможности договориться с фэмэсниками не доводя дело до суда» (34 года, юрист, СПб).

Как правило, штрафы платят только средние и небольшие фирмы. По мнению экспертов, крупный бизнес откупается от ФМС.⁵¹ В этой связи,

⁵⁰ Николаева Д. Мигранты становятся доходной базой бюджета // Коммерсант. — 2008. 24 янв.

⁵¹ Характеризуя систему штрафов, известный эксперт в области миграционной политики, правозащитница Л. Графова сказала: «Штрафуют, банкротят небольшие фирмы. Но чтобы загрести крупного хищника да опозорить его по ТВ... Я такого случая не помню. Зато знаю, что у правозащитников, собравших неопровержимые доказательства, не принимают иски. Ну, откупаются же они, крупные, и потому ничего не боятся» (См.: Графова Л. Надо легализовать мигрантов! // Новая газета. 2008. — 13 нояб.).

любопытно, что с весны 2008 года, ФМС начала налагать штрафы и на частных лиц, которые нанимают нелегальных мигрантов. Согласно материалу, опубликованному на страницах «Независимой газеты» весной 2008 года руководители московского УФМС предупредили граждан об «ответственности за использование труда нелегальных мигрантов», а затем начали штрафовать. Был создан специальный отдел миграционного контроля, который работает по заявлениям граждан или соответствующих служб. В итоге, сотни граждан были привлечены к административной ответственности за наем гастарбайтеров-нелегалов, которые без договоров ремонтировали москвичам квартиры, строили дачи, сидели с детьми и т. п. Как пояснила «Независимой газете» пресс-секретарь УФМС по Москве З. Филимонова, размер штрафа для простых граждан составляет от 2 тыс. до 5 тыс. руб., причем взимается он в расчете на каждого нелегала, обнаруженного у заказчика-нарушителя.⁵²

Резюмируя, описанные выше практики работы сотрудников ФМС, можно сказать, что усиление контроля за миграционными потоками сопровождается увеличением коррупционных доходов контролеров из ФМС, и делает их заинтересованными в существовании нелегальной миграции. Можно говорить о возникновении особого рода полулегальной «индустрии» теневой поддержки нелегитимной миграции. Такая коммерциализация кадров ФМС привела к острейшим дефектам в работе первичных организаций системы органов исполнительной власти надзирающих за миграцией. Фактически речь идет о перерождении ФМС из службы по оказанию помощи иностранным гражданам в структуру, занимающуюся собственной коммерческой деятельностью, зарабатывающую на приезжих. То есть сотрудники ФМС воспринимают трудовых мигрантов как источник дополнительных доходов.⁵³

⁵² См.: Куликов С. В Москве открывается сезон охоты на ремонтников-нелегалов // Независимая газета. — 2008. 17 апр.

⁵³ В уже упомянутом интервью «Санкт-Петербургским ведомостям» полковник Буряк, объясняя распространенность в городе фальшивых регистраций, сделал характерную оговорку: «А вот вы знаете, какая зарплата у паспортистки? 1400 рублей в месяц! И это в то время, когда только проездной стоит 750 рублей, а надо еще за жилье платить, на что-то жить. Мы федеральная структура, и наша зарплата определяется тарифной сеткой, которая принимается правительством Российской Федерации. Нам даже город не может доплачивать из своего бюджета. Это тоже нельзя забывать, когда говорят о фальшивых регистрациях» (Цит. по: Елисеева М. Два фронта работы УФМС // Санкт-Петербургские ведомости. — 2006. 13 июля).

2. Недобросовестные работодатели

Второй группой, выигравшей от непоследовательной миграционной политики российских властей, лишаящих миллионы гастарбайтеров возможности получить легальный статус пребывания в стране, стали недобросовестные работодатели. Об этом свидетельствуют данные, представленные в обширном докладе *Human Rights Watch* (Эксплуатация трудовых... 2009), а также материалы некоторых исследований миграции (см., например: Мигранты в России... 2007).

Некоторые подтверждения заинтересованности компаний, привлекающих на работу иностранцев в сохранении нелегального статуса нанимаемых, мы находим и в собранных нами интервью. Например, один из экспертов сказал, что *«Несмотря на увеличение штрафов за использование нелегальных мигрантов многие крупные компании в строительном и торговом секторах по-прежнему активно нанимают нелегалов. Я сталкивался с несколькими примерами, когда крупные известные фирмы, не будем их называть, но поверьте мне на слово... Так вот, известные в городе фирмы, работающие в том числе и с госзаказами, им дешевле заплатить ФМС за нелегалов, чем платить нормальные зарплаты русским рабочим» (33 года, директор строительной компании, СПб).*

Нанимая нелегальных мигрантов, недобросовестные работодатели в несколько раз сокращают расходы на зарплату, потому что нелегалам можно платить меньше, можно не соблюдать Трудовой кодекс, не платить за них единый социальный налог, не обеспечивать их минимальными социальными гарантиями. А иногда можно просто вызвать милицию, которая за часть невыплаченной гастарбайтерам зарплаты заберет всех приезжих «до выяснения».⁵⁴

Широкую известность получила история, когда крупная строительная компания каждые два месяца набирала новых рабочих-среднеазиатов, а затем с помощью подкупленной милиции, не выплатив заработка, депортировала их на родину.⁵⁵ Об охране труда в таких условиях можно даже не говорить: *«Строительные компании часто привлекают к работе мигран-*

⁵⁴ Например. С. Ганушкина в одном из интервью рассказала о существовании подобных «приемов сокращения издержек» среди недобросовестных работодателей: «Сейчас вот разбираем еще одну нехорошую историю. Парни три месяца трудились на отделке коттеджа в Рузском районе. А когда дело подошло к концу, хозяин просто вызвал милицию. Наряд приехал и забрал строителей за отсутствие документов» (См.: Гранина Н. Армия гастарбайтеров может стать армией разбойников // Известия. — 2008. 31 окт.).

⁵⁵ Фрумкин К., Лоссан А. Привал странников // Компания. Деловой еженедельник. — 2008. 2 июня

тов, потому что их труд относительно дешев и они неприспособлены к быту. Часто случается так, что эти люди живут-существуют на рабочем месте: в подвалах или первых этажах строящихся домов, в условиях полной антисанитарии. Мигрантов попросту можно выжимать как лимон 2–4 месяца, а потом, практически ничего не заплатив, выставить за ворота. Рабочий день может составлять 10–12 часов, а заработная плата 20–25 тысяч рублей» (52 года, эксперт правозащитной организации «Гражданский контроль»).

Поскольку отношения мигранта и работодателя чаще всего основаны на устной договоренности, то отстаивать свои права они не в состоянии, что поощряет недобросовестных работодателей. Ведь при найме на основе устной договоренности трудовые отношения не подлежат регулированию законом, что создает условия для высокого уровня эксплуатации мигрантов, а также игнорирования работодателями целого комплекса трудовых прав. С одной стороны, повышение по новому законодательству штрафных санкций отпугивало многих от найма нелегалов, но, с другой — эти санкции затронули в основном небольшие компании, крупный бизнес по-прежнему пользуется трудом гастарбайтеров без документов.

Более того, зафиксированы примеры, когда нелегалов нанимают местные власти. В частности, в Москве, по данным А. Терехова, предприятия ЖКХ активно нанимают нелегалов: «Комунальщики легко договариваются с милицией, а приезжие соглашаются жить в непригодных помещениях и трудиться без социальных гарантий. Нанимающие компании экономят прежде всего на налоговых и социальных отчислениях. Кроме того, мигранты живут в подвалах и выселенных домах, тогда как официальные работники ДЕЗов и РЭУ вправе рассчитывать на предоставление им служебных квартир. В коммунальных организациях, говорит анонимный источник в ФМС, нередко создаются фиктивные платежные ведомости, согласно которым в штате работают только граждане России, а фактически — приезжие из СНГ. При этом гастарбайтеры получают значительно меньше денег, чем указано в ведомости. Разницу руководители ДЕЗов и РЭУ кладут себе в карман. Рентабельность «в черную» нанятой рабсилы доходит до 300–400%, считает источник. Милиция и УФМС закрывают глаза на подобную практику, потому что глава управы либо объяснит начальнику милиции, что улицу мести некому, и поэтому не надо задерживать нелегальных мигрантов, либо поделится с ним своими доходами от нелегалов».⁵⁶ Существование подобных практик признавал в одном из сво-

⁵⁶ Терехов А. Импортный пролетариат // Мой район (Москва). — 2007. 22 июня.

их интервью сам директор российской ФМС: «Городские власти больших городов нанимают дворников из Средней Азии, поселяют их в подвалы или другие нежилые помещения. Вот в январе делали рейд-проверку. Как поступают муниципальные власти? Ставку дают родственнику главы ДЕЗ, он получает годовую зарплату, а работу за копейки выполняют дворники из Средней Азии — Узбекистана и Киргизии».⁵⁷

Таким образом, можно говорить, что помимо коррупционеров из ФМС от присутствия на российском рынке труда нелегальных мигрантов выигрывают крупные компании (в том числе и государственные), которые пользуются беззащитным положением гастарбайтеров, и имеют достаточно ресурсов, чтобы договориться с контролирующими органами.

3. Сотрудники милиции

Наконец, третьей социально-профессиональной группой, которая заинтересована в сохранении в стране большого количества нелегальных мигрантов, являются российские милиционеры. Выходцы из Средней Азии и Кавказских республик, стали регулярной статьёй доходов для сотрудников российской милиции.

Наше исследование началось в 2006 году, сбор эмпирического материала был закончен к началу 2008 года, таким образом, мы смогли зафиксировать, какие изменения произошли в практиках правоприменения рядовых милиционеров в отношении трудовых мигрантов из безвизовых стран СНГ. Ниже мы кратко опишем ситуации взаимодействия между милиционерами и этническими мигрантами до и после изменений законодательства 2007 года, а сравнение этих ситуаций позволит нам ответить на вопрос, как законодательные изменения влияют на существующие практики взаимодействия. Для сравнения возьмем наиболее частотную ситуацию взаимодействия — практику милицейской проверки документов у этнических мигрантов.

Ситуация взаимодействия милиционеров и этнических мигрантов до 2007 года

Анализ интервью с сотрудниками милиции и представителями этнических меньшинств дает нам возможность ясно представить себе основную модель социального взаимодействия между этническими мигрантами и милиционерами до изменений миграционного законодательства в 2007 году.

⁵⁷ Емельяненко В. Константи́н Ромодановский: «Иностранцы строят пол-Росси́и, а мы гордимся ее преображением» // Профиль (журнал). — 2008. 4 февр.

Она определялась тремя основными вводными: во-первых, по разным подсчетам от 40 до 80%⁵⁸ трудовых мигрантов находились на территории России нелегально, во-вторых, мигранты не использовали правовых методов для защиты от произвола сотрудников ФМС, работодателей, или милиционеров МОБ, а в-третьих — сами милиционеры воспринимали мигрантов как источник дополнительных заработков: *«Приезжие — это был просто способ дополнительного заработка» (43 года, старший сержант, СПб).*

Этнические мигранты, обладающие опытом многолетних миграций, описывали ситуацию взаимодействия с милиционерами исключительно в экономических категориях: «поборы», «дань», «возможность денег насобирать». Наши информанты, приехавшие в Петербург из стран СНГ, были солидарны при определении мотивов этнически избирательной дискриминации со стороны милиционеров: *«Отношение, знаете какое... вот у ментов, которые на улице? Их отношение простое: чисто хапнуть денег и все» (45 лет, этнический армянин, строитель, СПб),* или: *«Милиционеры живут с нас. Собирают деньги, как дань с неграмотных таджиков... Просто зарабатывают так. Эти поборы, как дань у них» (32 лет, этнический таджик, водитель маршрутного такси, СПб).*

Подтверждения существования «меркантильной» схемы взаимодействия, определяющей взаимоотношения милиционеров (сборщиков «дани») и этнических мигрантов («данников») до 2007 года, мы находим в некоторых социологических исследованиях того периода. Например, результаты исследования проблем адаптации экономических мигрантов из Азербайджана в Петербурге, проведенного сотрудниками ЦНСИ в конце 1990-х годов, демонстрируют, что «Этнические мигранты выбирают жизненные стратегии избегания всякого контакта с государством, в том числе — регистрацию и помощь в ФМС. Каждое формальное столкновение с государственной машиной оказывается для мигрантов дорогим и хлопотным. Отлаженная система взяток позволяет по обоюдному согласию с милиционерами «на месте» решать проблемы, связанные с нарушением паспортного режима. Причем даже наличие регистрации зачастую не может спасти мигранта — «кавказца» от незаконного террора со стороны представителей органов МВД» (Бредникова, Паченков, 1999). В 2004 году в интервью журналу «Отечественные записки» Ж. Зайончковская подчеркивала, что «по-прежнему, остро стоит проблема соблюдения законов работниками системы внутренних дел, которые систематически нарушают

⁵⁸ См.: Козина, Карелина и Металина 2005: 47, или: Нуралиев, 2005: 71.

права мигрантов».⁵⁹ В 2005 году 87% этнических мигрантов, опрошенных самарскими социологами, указали на то, что сталкивались со случаями поборов и вымогательства со стороны правоохранительных органов, 40% опрошенных испытывали подобное со стороны представителей административных структур» (Козина, Карелина и Металина 2005: 50). В статье Н. Зотовой, исследовавшей трудовую миграцию из Таджикистана в Москве и Самаре в 2006 году, мы также находим подтверждения распространенности милицейских поборов, которым подвергаются гастарбайтеры, фенотипически отличающиеся от «славянского большинства».⁶⁰

Важно отметить, что до изменения миграционного законодательства в 2007 году сами мигранты смотрели на проблему регистрации и поборов милиции достаточно просто, воспринимая ситуацию как данность. Они отдавали деньги милиционерам даже при наличии легальной временной регистрации, считая это неизбежной платой за право жить и работать на территории РФ.

Ситуация взаимодействия милиционеров и этнических мигрантов после 2007 года

Теперь приведем несколько свидетельств, описывающих типичные ситуации взаимодействия «стражей порядка» с этническими гастарбайтерами, которые имели место после принятия новых миграционных законов в 2007 году. Сначала приведем высказывания информантов, приехавших на заработки в Петербург. Первая цитата взята из интервью с молодым бизнесменом азербайджанского происхождения, который занят розничной торговлей:

«С одной стороны, сейчас вообще можно через почту зарегистрироваться. Сейчас с этим легко. Все упростилось очень сильно. С разрешением на работу дают на год и, пожалуйста, живи-работай. Но, при этом, милиция все равно на улицах останавливает. То есть, на самом деле, на улице ничего не поменялось для выходцев из Азербайджана. Все тоже: человек

⁵⁹ См.: Миграция вышла из тени. Интервью с Жанной Зайончковской // Отечественные записки, №4, 2004.

⁶⁰ «Хорошо известно, что «охота» на мигрантов является неплохим источником заработка для сотрудников правоохранительных органов. Местные отделения милиции имеют собственные «сферы влияния», собирая дань с рынков и иных мест. К домам в новых микрорайонах, где ведется отделка квартир, часто подъезжают машины сотрудников отделений милиции. Они ходят по подъездам и этажам, выискивая бригады «нелегалов» (Зотова, 2006).

торопиться на работу, при мне это было, вот начинает он (милиционер) смотреть регистрацию: “Она у тебя фальшивая. Где ты сделал ее?”» (24 года, этнический азербайджанец, предприниматель, СПб).

Другой информант, работающий на стройках Петербурга, высказался еще более определенно: «Новые правила коснулись только оформления документов, а вот проверки на улице остались как раньше. Уже было несколько случаев у меня, когда приходилось откупаться от ментов, которым по барабану, что у меня все документы нормальные. Они все равно придумают повод, как денег выцыганить» (43 года, этнический узбек, строитель, СПб).

Согласно сравнительному анализу собранных нами историй о случаях послереформенного взаимодействия между сотрудниками МОБ и этническими мигрантами, получается что ситуация не сильно изменилась по сравнению с предыдущей. Изменения в миграционном законодательстве 2007 года позволили значительной части трудовых мигрантов легализовать свой статус пребывания на территории РФ, получив соответствующие документы. Однако наличие этих документов никак не гарантировало гастарбайтеров из СНГ от поборов со стороны сотрудников милиции: «Они все равно придумают повод, как денег выцыганить».

На отсутствие серьезных изменений в своих практиках в работе с этническими мигрантами указывали в интервью сами милиционеры: «Да ничего особо не изменилось (после изменения миграционного законодательства в 2007 году). Единственное, что... приезжие стали увереннее себя чувствовать, вести себя наглее стали. Но всегда можно придумать, как поприжать зарвавшегося гастарбайтера, поэтому принципиально, можно сказать, ничего не поменялось. Также платят они, также откупаются» (36 лет, капитан, СПб).

32-летний сержант ППС объяснил технологию уличных поборов: «Изменение мигрантского законодательства ничего не поменяло. Ведь, статьи-то остались за нелегальное пребывание. Конечно, им полегче стало... уведомительная система и все такое. Но сейчас фальшивок много появилось. Печать поставили на почте, а были ли там документы или нет никто не знает, поэтому всегда есть необходимость проверить». Другой информант из службы участковых, без записи на диктофон рассказывал, как во время последнего (весна 2007) приступа борьбы с нелегальной миграцией, который по инициативе районного начальства проводится раз-два в год, он в течение трех месяцев выявил и арестовал «25 чурбанов за нарушение правил регистрации». Когда дело дошло до суда за каждого РОВД

выплатило по 2 тыс. рублей поощрения. Таким образом, участковый заработал 50 тыс. рублей.

То есть, вопреки либерализации государственной миграционной политики практики милицйских поборов никуда не исчезли. Привлеченные к исследованию эксперты также не нашли серьезных изменений в стилистике работы милиции общественной безопасности: *«Ситуация здесь такая, что вне зависимости от того легальные документы или поддельные, процедура вымогательства денег со стороны сотрудников милиции распространена очень широко. Потому что, во-первых, многие сотрудники милиции просто не знают чем отличаются настоящие документы от поддельных, а, во-вторых, они часто действуют просто на основании приказа своего непосредственного начальства, которое говорит, что в пластовой карте с разрешением на работу должна быть буква такая-то, такая-то, а эта буква в коде защиты была уже упразднена месяц назад» (34 года, юрист, СПб).*

Эксперт, специализирующийся на журналистских расследованиях, касающихся схем и методов работы российских силовых структур, рассказал о способах вымогательства, которые используют сотрудники МОБ по отношению к этническим мигрантам: *«Сотрудники милиции должны проверять соответствие документов... то есть они должны проверять их на предмет их легальности. Они имеют право и даже обязанность посылать в ФМС запросы, но ответы на эти запросы могут не придти, либо ответы из ФМС приходят без надлежащего оформления. Соответственно задержанному предоставляется выбор: либо ты сидишь в «обезьяннике» и ждешь пока придет официальный ответ, подтверждающий легальность твоего нахождения, либо... Причем тут интересный момент: официальный ответ может придти только по письменному заявлению, а письменное заявление идет даже не сутки. По закону такого гражданина не могут содержать более 48 часов, но на практике может быть значительно больше. Поэтому обычному гражданину Азербайджана проще заплатить деньги, либо это сделает его работодатель, чтобы его выпустили из отделения милиции».* (45 лет, журналист, СПб).

Адвокат, занимающийся защитой прав этнических меньшинств, солидарен с мнением предыдущих экспертов: *«Могу со всей определенностью сказать, что мой опыт указывает на то, что поборы никуда не делись, несмотря на изменения в законодательстве, касающемся безвизовой трудовой миграции из стран СНГ. Ни упрощение процедуры, ни полная легальность статуса не дает 100% гарантии того, что сотрудники милиции не*

найдут повода, чтобы потребовать с трудового мигранта денег. Я хочу уточнить, что в основном это относится к рядовым сотрудникам милиции, потому что начальство, как правило, понимает, что если человек законно находится на территории РФ, и официальные запросы в ФМС подтверждают легальность его пребывания здесь, то можно получить неприятности, в случаях, когда человек обращается к помощи тех же адвокатов» (33 года, адвокат, СПб).

Дополнительные подтверждения высказанных экспертных оценок, мы находим в докладе сотрудников *Human Rights Watch*, опубликованном в начале 2009 года: «Распространенным явлением остаются насилие и дискриминация со стороны милиции и других правоохранительных органов. <...> Опрошенные нами трудовые мигранты рассказывали, как подвергались вымогательству во время проверки документов на улице, физическому насилию и принуждению к труду в отделениях милиции или у знакомых милиционеров»⁶¹.

Свидетельства о сохранении практики милицейских поборов с этнических меньшинств после изменения миграционного законодательства 2007 года, мы также находим в СМИ. Например, в репортаже о жизни трудовых мигрантов из Таджикистана в Москве, журналистка «Новой газеты» З. Ерошок пишет: «Даже если у таджика есть регистрация, для милиции это ничего не значит. Посмотрят на заветную бумажку и разорвут. И заберут тут же таджика в милицию, и держать будут его там часов пять, и бить, и издеваться. Если у таджика есть с собой деньги или кто-то за него даст выкуп — отпускают».⁶² А корреспондент «Независимой газеты», комментируя введения ограничений на право торговли, прямо отмечает, что «не одна местная администрация и не одно подразделение милиции должны быть благодарны властям за подобные ограничения».⁶³

Собранные в ходе проекта эмпирические данные, дополненные анализом материалов СМИ, позволяют нам с большой долей уверенности говорить о том, что либерализация миграционного законодательства пока не возымела позитивно-правовых последствий на уровне практик повседневного взаимодействия милиционеров и мигрантов. По-прежнему, трудовые мигранты сталкиваются с произволом милиции, обычным в отношении выходцев из определенных стран, в особенности Кавказа и Центральной

⁶¹ Эксплуатация трудовых... 2009: 1, 14.

⁶² Ерошок З. Таджики в Москве /// Новая газета. — 2007. 12 июля.

⁶³ Складов С. О вреде и пользе иностранцев // Независимая газета. — 2007. 2 апр.

Азии, а также представителей российских этнических меньшинств. Представители этнических меньшинств, среди которых нередко оказываются и трудовые мигранты, регулярно подвергаются бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. Проверки документов по месту работы, проживания или просто на улице нередко используются в качестве предлога для вымогательства. *Human Rights Watch* в своем докладе документировали целый ряд случаев, когда сотрудники милиции вымогали у трудовых мигрантов деньги, избивали их и издевались над ними⁶⁴. Иногда это происходит во время проверокстроек или квартир, чаще всего — при избирательных проверках якобы на предмет наличия документов и регистрации. С такой дискриминационной практикой сталкиваются не только трудовые, но вообще любые мигранты или российские граждане неславянской внешности, особенно в Москве и Санкт-Петербурге. Эти проверки почти никогда не способствуют выявлению преступлений, но часто служат предлогом для вымогания у проверяемого некоторой суммы денег.

Очевидно, что российские власти не принимают достаточных мер по борьбе с дискриминацией гастарбайтеров из стран СНГ и не обеспечивают пострадавшим доступные и эффективные каналы правовой защиты. Каждый раз, когда люди, приехавшие в Россию на заработки, вступают во взаимодействие с правоохранительными органами, они снова и снова возвращаются в дискомфортную ситуацию. Поэтому нет ничего удивительного, что любой из них старается при малейшей возможности такого взаимодействия избежать. Так характерный для МВД административный и не только садизм оборачивается для милиционеров и сотрудников ФМС дополнительной выгодой, а дискомфорт представителей этнических меньшинств становится дополнительным инструментом, втягивающим их в практики «фоновой коррупции».

С одной стороны, либерализация миграционного законодательства облегчила многим трудовым мигрантам решение вопросов легализации их пребывания и работы в России. Но с другой стороны, еще не всем оформление дается легко из-за сохраняющихся юридических и процедурных препятствий, таких как трехдневный срок постановки на миграционный учет, длительные задержки с выдачей разрешения на работу, быстрое исчерпание квот и другие бюрократические препоны. Иногда трудовой мигрант не может пройти оформление из-за недостаточного понимания или знания его порядка или из-за нехватки средств.

⁶⁴ Эксплуатация трудовых... 2009: 65–66.

Получается, что курс на «повышение миграционной привлекательности» России, зафиксированный в изменениях миграционного законодательства 2007 года, натолкнулся на многочисленные препятствия при воплощении в жизнь на уровне практик непосредственных исполнителей (рядовых сотрудников ФМС и милиции). Мы наблюдаем разрыв между процедурой, прописанной в законодательстве, и реальной практикой ее применения. Проведенный нами анализ фиксирует сохранение неблагоприятного «миграционного климата», который, несмотря на либерализацию миграционного законодательства, оставляет большинство трудовых мигрантов за рамками правового поля в положении потенциальных жертв коррупционеров из силовых ведомств.

Авторы сборника

Участники 3-х социологических чтений памяти Валерия Борисовича Голофаства (1941–2004)

АБРУКОВ Виктор Сергеевич — Д.ф.-м.н., профессор, зав. кафедрой теплофизики. Чувашский государственный университет. Чебоксары. *Сфера научных интересов:* Математические методы анализа данных.

АЛЕКСЕЕВ Андрей Николаевич — К.ф.н., социолог независимый исследователь. Санкт-Петербург. *Сфера научных интересов:* Методология социального познания, качественные методы.

БОЖКОВ Олег Борисович — С.н.с., руководитель группы. Социологический институт (СИ) РАН. *Сфера научных интересов:* Социально-культурные изменения, история социологии, методология и методика исследований, биографические методы.

БОЯРСКИЙ Кирилл Кириллович — к.т.н., с.н.с. СПб Экономико-математический институт РАН. *Сфера научных интересов:* Математические методы анализа данных.

БЕЛОУСОВА Мария Павловна — к.с.н., с.н.с. Социологический институт (СИ) РАН. *Сфера научных интересов:* Социология права.

БУРМЫКИНА Ольга Николаевна — К.с.н., с.н.с. Социологический институт (СИ) РАН. *Сфера научных интересов:* Проблемы семьи, молодежь, Гендерные проблемы

ГЕГЕР Алексей Эдуардович — Аспирант СИ РАН. *Сфера научных интересов:* Молодежь, ценности.

ГЕГЕР Светлана Александровна — М.н.с. Социологический институт (СИ) РАН. *Сфера научных интересов:* Экология, экологические движения.

ГОЛЬБРАЙХ Владимир Бениаминович — М.н.с. Социологический институт (СИ) РАН. *Сфера научных интересов:* Экология, экологические движения.

ГОТЛИБ Анна Семеновна — Д.с.н., профессор. Самарский государственный университет. *Сфера научных интересов:* Качественные методы.

ДАДАЛИ Наталья Васильевна — Социолог, независимый исследователь, СПб, независимый исследователь. *Сфера научных интересов:* культура, библиотека, чтение, досуг.

ДЕМИНА Наталия Валентиновна — Магистр социологии, обозреватель раздела «Наука» на «Полит.ру», член редсовета газеты «Троицкий вариант», Москва. *Сфера научных интересов:* Этнос науки, биографические методы, политики,

ДИВИСЕНКО Константин Сергеевич — М.н.с. сектора группы социально-культурных изменений и биографического фонда Социологического института (СИ)

РАН. *Сфера научных интересов*: Ценности и ценностные ориентации, биографические методы.

ДОКТОРОВ Борис Зусманович — Д.ф.н., независимый исследователь — социолог, США. *Сфера научных интересов*: История российской и американской социологии, биографические методы, общественное мнение.

ЕВДОКИМОВА Елена Петровна — Н.с. СИ РАН. *Сфера научных интересов*: Образ жизни, повседневность, социальное неравенство.

ЕЛИСЕЕВА Ирина Ильинична — Чл.-корр РАН, д.э.н., профессор, директор Социологического института (СИ) РАН. *Сфера научных интересов*: Проблемы семьи, детство, прародительство, демография

ЕРЕМИЧЕВА Галина Васильевна — К.ф.н., зав. сектором Социологического института (СИ) РАН. *Сфера научных интересов*: Социальная структура, социология религии, повседневность, неравенство.

ЗАГРЕБИНА Анна Валерьевна — К.с.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

ИГНАТОВА Светлана Николаевна — Н.с. СИ РАН. *Сфера научных интересов*: Повседневность, социальное неравенство, социология села. Качественные методы.

КАНЕВСКИЙ Евгений Александрович — К.т.н., в.н.с. СПб Экономико-математический институт РАН. *Сфера научных интересов*: Математические методы анализа данных.

КАРЛОВИЧ Елена Валерьевна — студентка 5 курса физико-математического факультета, Чувашский государственный университет, Чебоксары.

КОЗЛОВА Лариса Алексеевна — К.с.н., зав. сектором социологии знания, Институт Социологии РАН, Москва. *Сфера научных интересов*: Социология знания, история российской социологии.

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович — Д.с.н., руководитель Центра социологии образования, науки и культуры. Институт социологии РАН. *Сфера научных интересов*: Молодежь, проблемы образования.

КОРНЕВ Николай Ростиславович — К.б.н., с.н.с. Социологический институт (СИ) РАН. *Сфера научных интересов*: жилищные проблемы, социальное неравенство, социальная картография.

МАЗАЛОВА Наталья Евгеньевна — К.и.н., с.н.с. Музей антропологии и этнографии РАН. *Сфера научных интересов*: Этнография.

МАКСИМОВ Борис Иванович — К.ф.н., в.н.с., Социологический институт (СИ) РАН. *Сфера научных интересов*: Социология труда, инновационные процессы.

МИКЛЯЕВА Евгения Валерьевна — ст. преподаватель кафедры философии и социологии, филиал СПбГМУ в г. Северодвинске — «Севмашвуз», Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Архангельск. *Сфера научных интересов*: монопрофильные города, социальное самочувствие, урбанизация.

МИЩЕНКО Александр Сергеевич — Ст.н.с., Социологический институт (СИ) РАН.
Сфера научных интересов: Социология науки, процессы инноватики.

НЕЧАЕВА Наталья Александровна — Н.с. Социологический институт (СИ) РАН.
Сфера научных интересов: Семья, молодежь, ценностные ориентации.

ОБЕРЕМКО Олег Алексеевич — К.с.н., с.н.с., доцент каф. социальной психологии и социологии управления, директор Независимого аналитического центра «Социум», Института социологии РАН, Москва. Кубанский госуниверситет, Краснодар. *Сфера научных интересов:* Социология знания, методология и методика исследований.

ОЗЕРОВА Ольга Владимировна — м.н.с. сектора социологии здоровья, Социологического института (СИ) РАН. *Сфера научных интересов:* Социальные проблемы здоровья.

ПОЛЯКОВА Валентина — аспирант кафедры анализа социальных институтов, факультет социологии. Государственный Университет — Высшая школа экономики.

ПОРЕЦКИНА Евгения Моисеевна — Н.с. СИ РАН. *Сфера научных интересов:* Повседневность, социальное неравенство.

ПРОТАСЕНКО Татьяна Захаровна — С.н.с. группы социально-культурных изменений и биографического фонда. Социологический институт (СИ) РАН. *Сфера научных интересов:* Динамика благосостояния, кризисные ситуации, биографии, мониторинг благосостояния.

РАПОПОРТ Сергей Самуилович — Н.с. Институт философии и социологии Литовской академии наук, Вильнюс. *Сфера научных интересов:* Интеллигенция, социальная структура.

РОДИОНОВА Алла Викторовна — Н.с. Руководитель Научно-образовательного центра Социологического института РАН. *Сфера научных интересов:* Студенчество, занятость.

САГАНЕНКО Галина Иосифовна — Д.с.н., в.н.с. Социологического института (СИ) РАН. *Сфера научных интересов:* Методология и методика исследований, проблемы социологического образования.

СНИСАРЕНКО Анатолий Николаевич — К.с.н., Академия государственного управления. *Сфера научных интересов:* Жилищно-коммунальная сфера, качественные методы, социология города.

ТИТАЕВ Кирилл — К.с.н., Европейский Университет в СПб. *Сфера научных интересов:* Социология знания, методология исследований, теоретическая социология.

ТРАВИН Игорь Иванович — К.ф.н., ведущий научный сотрудник СИ РАН. *Сфера научных интересов:* Городской образ жизни, повседневность, техногенные факторы социального развития.

ТУКУМЦЕВ Будимир Гвидонович — К.ф.н., в.н.с. Социологического института (СИ) РАН. *Сфера научных интересов:* Социология труда, инновационные процессы.

ФРАНЦУЗ Юрий Александрович — Демограф, независимый исследователь, СПб — США. *Сфера научных интересов:* Проблемы демографии.

ХМЕЛЬКО Валерий Евгеньевич — Д.с.н., профессор. Зав. кафедрой социологии Национального университета «Киево-Могилянская академия», Киев. *Сфера научных интересов:* Социология политики, электоральное поведение.

ЦВЕТАЕВА Нина Николаевна — Н.с. группы социально-культурных изменений и биографического фонда Социологического института (СИ) РАН. *Сфера научных интересов:* Качественные методы, социально-культурные изменения, повседневность.

ЧЕРЕДНИЧЕНКО Г. А. — К.с.н., Институт социологии РАН, Москва. *Сфера научных интересов:* Молодежь, образование.

ЧИСТЯКОВА Наталия Евгеньевна — К.э.н., доцент, с.н.с. Института Проблем Региональной Экономики (ИПРЭ) РАН. *Сфера научных интересов:* Демографические проблемы Ленинграда-Санкт-Петербурга. Проблемы миграции населения. Демографические прогнозы.

ШТЕЙНБЕРГ Илья Ефимович — К.ф.н., директор СарРОО «Социум», Москва. *Сфера научных интересов:* Методология и методика качественных методов исследования, социальные сети поддержки, социология села, социология латентных групп.

ЩЕПАНЬСКАЯ Татьяна Борисовна — К.и.н., доцент, в.н.с. МАЭ РАН (Музей антропологии и этнографии), СПб. *Сфера научных интересов:* Этнография русских, автоэтнография, визуальная антропология, гендерная антропология, антропология власти, молодежные субкультуры.

ЩЕЛКИН Александр Георгиевич — Д.ф.н., в.н.с. Социологического института (СИ) РАН). *Сфера научных интересов:* История социологии, методология исследований, теоретическая социология.

Сборник подготовлен
[О. Б. Божковым, Б. О. Божковым.](#)

Социология вчера, сегодня, завтра. Новые ракурсы.
III Социологические чтения памяти
Валерия Борисовича Голофа

Электронное издание

Дизайн и верстка: **ВЕНИАМИН НАИНСКИЙ**

Директор издательства: **БОРИС БОЖКОВ**

Издательство «ЭЙДОС»
www.eidos-books.ru
Гуманитарная научная литература.
Электронные издания

[к содержанию](#)